

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН

С. М. Фалькович

ПОЛЬСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭМИГРАЦИЯ

В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ЖИЗНИ ЕВРОПЫ 30-60-Х ГОДОВ XIX ВЕКА

Нестор-История
Москва • Санкт-Петербург
2017

УДК 94
ББК 63.3(0)52
Ф194

Ответственный редактор

доктор исторических наук *Б. В. Носов*

Рецензенты:

кандидат исторических наук *Ю. А. Борисёнок*

кандидат исторических наук *Н. М. Филатова*

Редакторы-корректоры:

Л. А. Авакова

кандидат исторических наук *О. С. Каштанова*

Фалькович С. М.

Ф194 Польская политическая эмиграция в общественно-политической жизни Европы 30–60-х годов XIX века. — М. ; СПб. : Нестор-История, 2017. — 320 с.

ISBN 978-5-4469-1186-8

В монографии впервые в российской историографии дан всесторонний анализ польской эмиграции — яркого феномена и важного фактора общественной жизни Европы 1830–1860-х годов. В книге прослежено идейное и организационное становление польской политической эмиграции и ее эволюция на разных этапах европейской истории середины XIX в. Проанализированы программные установки эмигрантских организаций в области стратегии и тактики польского и европейского освободительного движения. Показана происходившая на этой основе идейная и политическая борьба внутри польской эмиграции. Представлено деятельное участие польских эмигрантов в общественных и революционных движениях в Польше и в Европе, их отношение к важнейшим событиям в истории европейских народов. В книге отражена роль польской политической эмиграции в подготовке восстания 1863 г. в Королевстве Польском и рассмотрена связанная с восстанием проблема русско-польского революционного союза.

УДК 94

ББК 63.3(0)52

ISBN 978-5-4469-1186-8

© С. М. Фалькович, 2017

© Издательство «Нестор-История», 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
<i>Глава I.</i> Идеино-политическое и организационное становление польской эмиграции (1830-е — первая половина 1840-х годов).....	15
1. Первые годы жизни поляков-эмигрантов на чужбине, их идейное и организационное размежевание в начале 1830-х годов: консервативная партия Адама Чарторьского, Польский национальный комитет и Польское демократическое общество	15
2. Польская демократическая эмиграция в общеевропейских планах революционного движения. Попытки создания в Польше очагов повстанческой борьбы	35
3. Польская демократическая эмиграция во Франции, Швейцарии, Бельгии и Англии. «Молодая Польша» и Союз детей Люда Польского	49
4. Борьба за объединение польской политической эмиграции. Конфедерация польского народа. Централизация Польского демократического общества и Великий манифест ПДО 1836 г.	61
5. Идеи утопического социализма в польской эмиграции и создание громад Люда Польского (вторая половина 1830-х годов)	70
6. Попытки объединения польской политической эмиграции в конце 1830 — начале 1840-х годов. Борьба демократов против династических претензий Чарторьских	82
<i>Глава II.</i> Польская политическая эмиграция и революционные события в Европе (40-е годы XIX века).....	106
1. Рост революционных настроений в Европе и повстанческие планы Польского демократического общества. Польская эмиграция и Краковское восстание 1846 г.	106
2. Участие польских демократических эмигрантов в революционных событиях 1848–1849 годов в Польше и в Европе. Вопрос о революционном сотрудничестве со славянством и с русским народом.....	119
3. Отель Ламбер и «Весна народов»	136
<i>Глава III.</i> Польская политическая эмиграция в 50-е — начале 60-х годов XIX в.....	141
1. Польская эмиграция об уроках революции 1848–1849 годов и ее позиция во время Крымской войны	141
2. Развитие в польской эмиграции теорий социального радикализма на рубеже 1850–1860-х годов. «Збур Братний» Ф. Завадзкого и «Люд польский. Революционная громада „Лондон”»	151

3. Польское демократическое общество: постановка социальных и национальных задач; отношение к русско-польскому революционному союзу. «Умеренное» Польское коло и позиция Л. Мерославского	163
4. Консервативная польская эмиграция и ее антиреволюционная программа разрешения «польского вопроса»	187
<i>Глава IV. Общественный подъем в Королевстве Польском в начале 1860-х годов.</i>	
Манифестационное движение и польская политическая эмиграция	198
1. Манифестации в Королевстве Польском и Огель Ламбер: попытки партии Чарторыхских подчинить эмиграцию своему руководству	198
2. Централизация Польского демократического общества и «умеренные» демократы в борьбе за объединение польской политической эмиграции. Споры вокруг вопроса о русско-польском революционном союзе	205
3. Л. Мерославский и парижское Общество польской молодежи. Польская военная школа в Италии	222
<i>Глава V. Польская политическая эмиграция накануне восстания 1863–1864 гг.</i> в Королевстве Польском	243
1. Участие демократической польской эмиграции в подготовке восстания и проблема русско-польского революционного союза	243
2. Подготовка восстания и польская аристократическая эмиграция, ее деятельность на Востоке и отношения с «Колоколом»	249
3. Интриги и раскольническая деятельность Л. Мерославского в канун восстания	259
Заклучение	275
Примечания	281
Указатель имен	305

ВВЕДЕНИЕ

Поражение восстания 1830–1831 гг. в Королевстве Польском* стало тяжелым ударом для польского народа: разрушились надежды на возрождение своего национального государства. Встал вопрос о причинах поражения, о его виновниках, о тех ошибках, которые были допущены, о том, как избежать их в будущем. Без этого анализа нельзя было строить новые планы борьбы за свободу родины. Провести такой анализ, организовать широкое обсуждение важных проблем и актуальных задач на землях разделенной Польши, попавших под власть трех государств, было невозможно. Нужно было пространство, свободное от давления властей, от цензуры и ограничений, от угрозы репрессий, и таким пространством стала для поляков заграница.

Еще в разгар восстания в европейских странах развернулась широкая кампания в поддержку борьбы польского народа. В переписке министра иностранных дел России К. В. Нессельроде с российским послом во Франции К. О. Поццо ди Борго летом и осенью 1831 г. обсуждалось создание в Париже комитета под председательством Лафайета для сбора средств на формирование польского легиона в помощь восстанию. Подчеркивалось, что такой легион, «получивший название, которое будет напоминать как о его происхождении, так и о его химерических планах, провозглашенных Наполеоном при создании подобного корпуса, стал бы ядром, вокруг которого могли бы в будущем объединяться все недовольные, дезертиры и перебежчики из Польши». Указывалось и на опасность возбуждения французской общественности: «Газеты безудержно твердят о своем сочувствии восстанию и анархии», «стараются придать самой широкой гласности подстрекательские воззвания поляков». И действительно, французские газеты публиковали статьи, проникнутые восхищением и энтузиазмом, писали о роли Польши в освобождении Европы, в пропаганде идей свободы и прогресса, видели в восстании поляков триумф принципов Французской революции¹.

---

* Королевство Польское было создано на Венском конгрессе 1815 г. из части земель бывшей Речи Посполитой как конституционное образование в составе Российской империи, где оно официально именовалось Царством Польским.

Подобные выступления прессы отмечались и в Бельгии, где борьба поляков якобы получила даже «горячее сочувствие» властей и самого короля. Распространявшаяся европейской прессой волна сочувствия докатилась и до океанских просторов США. Российский поверенный в делах в Вашингтоне К. Ф. Остен-Сакен 11 (23) мая 1831 г. доносил министру о «ощутимом воздействии» восстания «на умы» многих представителей американской общественности и администрации. «Общественное мнение, — писал он, — было в целом на стороне польских повстанцев», а в печати развернулась «активная кампания» в их поддержку. 27 августа (8 сентября) 1831 г. дипломат сообщал, что в Нью-Йорке «несколько лиц — ремесленники, галантерейщики, адвокаты etc.» объявили через газеты о созыве «публичного собрания» «с целью изыскать способ для передачи пожертвований польским повстанцам, а также побудить других жителей Соединенных штатов проявить сочувствие делу инсургентов более активным образом». Собрание постановило создать общество с участием «самых видных лиц города». Оно призвало американцев оказать помощь деньгами, которые намеревались переслать Лафайету. Опубликованная в прессе статья о митинге, состоявшемся 17 августа, называлась «Святое дело». В ней подчеркивалась обязанность свободных людей «должным образом выразить сочувствие и обеспечить поддержку населения Нью-Йорка доблестному народу Польши», тем, кто «борется против угнетения, за свои национальные права». Остен-Сакен опасался, что примеру Нью-Йорка последуют другие города, и «поветрие организации польских обществ охватит все Соединенные штаты». Его опасения были не напрасны: уже в октябре 1831 г. вербовку добровольцев в помощь польскому восстанию проводили не только в Нью-Йорке, но и в Филадельфии².

Царское правительство было весьма озабочено столь широким международным резонансом событий в Королевстве Польском и возможными последствиями появления значительного числа польских эмигрантов в Европе и Америке. 20 октября 1831 г. вышел царский манифест, объявлявший об амнистии участникам восстания, и в январе 1832 г. в Польшу вернулись около 1550 офицеров, воспользовавшихся «царской милостью». Но о ней нужно было просить, так как «всемилоостивейшее» «совершенное прощение» предоставлялось не всем: из «блага общей амнистии» исключались «возбудители и совершители» революционной борьбы, члены варшавского Временного революционного правительства, депутаты сейма, главные военачальники, «зачинщики, особо отличившиеся преступной смелостью», а также офицеры повстанческих формирований, перешедших на территорию Австрийской империи и Пруссии и интернированных тамошними властями³. В этой связи Нессельроде еще во время восстания предписывал российскому посланнику в Берлине Д. М. Алопеусу позаботиться о том, чтобы прусская администрация следила за поляками, искавшими убежища или пытавшимися перебраться в другие страны, обратив специальное внимание на «особо преступные элементы». Нельзя, подчеркивалось в письме министра, чтобы «из ложной гуманности им была предоставлена возможность в других местах тешить свою злобу и вынашивать планы мести и подрывной деятельности»; нужно, чтобы «главные

вдохновители польской революции оказались не в состоянии возобновить свои преступные происки ни в Польше, ни в других странах»⁴.

Выполняя настоятельные просьбы России, ее союзники Австрия и Пруссия старались не допустить эмиграции поляков, оказавшихся на их территории. Прежде всего, речь шла о солдатах и унтер-офицерах, подлежащих амнистии, которых, согласно донесению российского генерального консула в Данциге, «злонамеренные» офицеры агитировали против возвращения на родину, пугая репрессиями. Они, писал консул, «приложили все усилия к тому, чтобы привлечь на свою сторону как можно большее число войск и побудить их эмигрировать вместе с ними во Францию». Это было связано с планами генерала Юзефа Бема собрать 10–15 тысяч человек в целях формирования легионов для продолжения борьбы. Как сообщалось в письме Нессельроде российскому поверенному в делах в Берлине Ф. П. Мальтицу 7 (19) декабря 1831 г., «в результате подстрекательств ген. Бема число солдат, готовых последовать за ним во Францию, возросло до 8 тысяч». Министр подчеркивал, что за границей эти солдаты «могут составить ядро польского легиона», а это было бы опасно не только для России, но и для Пруссии. Такое мнение вполне разделял Мальтиц, серьезно опасавшийся «прибытия целой толпы озлобленных неудачами мятежников, являющихся в глазах революционеров всех стран мучениками за дело, которое они осмеливаются называть делом свободы»⁵.

Это мнение подтверждалось тем, что в прусском и австрийском государствах «сочувствие польскому делу» проявлялось, как писал российский посол в Вене Д. П. Татищев, «почти повсюду». 21 августа (2 сентября) 1831 г. он сообщал о «волнениях в среде венгерского дворянства», мечтавшего о национальной независимости⁶. В чешских же и словацких землях, входивших в состав империи Габсбургов, общественность горячо интересовалась польскими событиями. В Брно юрист Ф. Зах занимался организацией помощи польским беженцам. Борьбе польского народа симпатизировали так называемые чешские будители, в частности, П. Й. Шафарик, Ф. Л. Челаковский, а также представители «поколения 20-летних», стремившиеся оказать действенную помощь полякам. За это выступал печатный орган чешской интеллигенции журнал «Сechoslav», а некоторые молодые люди направлялись в Польшу сражаться, как, например, студент Э. Мюллер из города Моравска-Тржебова. Но наиболее широко кампания помощи развернулась после поражения восстания. Поэт К. Маха, видевший в борьбе поляков «знамение времени», возглавил комитет, помогавший участникам восстания, нелегально проезжавшим через Прагу и ее пригороды. Сеть тайных центров помощи проходила и в других городах Чехии и Моравии (Ческа-Тржебова, Литомысль, Куклены, Теплиц). Маха и его единомышленники К. Сабина, Ф. Браунер, Э. Мюллер, Ф. Зах, Я. С. Томичек, Ф. Ц. Кампелик и другие переправляли поляков за границу, снабдив их деньгами, одеждой, продовольствием. Часть нелегальных эмигрантов переправлялась через словацкие области Венгрии, другая часть официально направлялась под конвоем в Германию. Они шли из Тешина в Пруссию через Моравску-Оставу и Опаву, либо через Оломоуц, Градец Кралове, Румбург в Саксонию, а также направлялись в Баварию через Южную Чехию. Такими путями проследовала значительная

часть тех 20 тысяч польских солдат и офицеров из корпусов Дверницкого, Раморино, Каминьского, Ружицкого и других генералов повстанческой армии, которые были интернированы на австрийской территории. На польских землях во владениях Пруссии и Австрии их встречал восторженный прием в городах, через которые они проходили. Сочувствие общественного мнения в славянской части Австрийской империи проявлялось как в конкретной помощи, так и выражалось в широком распространении польских песен, приобретших большую популярность. Поляки, в свою очередь, были тронуты теплым отношением славянских братьев, о чем, в частности, свидетельствовала памятная надпись, сделанная польскими эмигрантами на скале в городе Зноймо 3 марта 1832 г.⁷

Горячий прием, как утверждали сами эмигранты, ожидал их и на пути следования через немецкие земли. 27 октября (8 ноября) 1831 г. российский посланник в Дрездене А. А. Шрёдер сообщал, что город «кишит польскими офицерами из корпусов Гелгуда, Рыбинского и других, перешедших на прусскую территорию, которые, пройдя карантин, выезжают сюда». Он подчеркивал, что среди них есть «лица, игравшие более или менее заметную роль» в восстании. В следующем сообщении 13 (25) ноября он вновь писал о прибытии в Дрезден «множества офицеров из армии польских мятежников», причем отмечал, что 40 человек из них задержались в городе вопреки строгим мерам, которые местные власти были обязаны к ним применить. Однако, как указывал российский дипломат, «принятие по отношению к ним строгих мер [...] поставило бы под вопрос сохранение спокойствия в столице», так как «они оказывают большое влияние на общественные настроения [...] устанавливают отношения с адвокатами, начальниками городской стражи, мелкими буржуа, стараются расположить их к себе и поделиться опытом»⁸.

Усилия польских эмигрантов оказались не напрасны. Хотя кое-где, как например, в Бранденбурге, имели место случаи враждебности жителей по отношению к полякам, но в целом в германских землях польское восстание было встречено с большим сочувствием. Это нашло выражение, в частности, в общественном отклике на случаи препятствования прусских властей выезду польских эмигрантов на Запад. Так, когда в 1832 г. власти города Фишау голодом и репрессиями заставили интернированных повстанцев вернуться в пределы Российской империи, Г. Гейне заклеил этот акт насильственного давления, заявив: «Кровь кипит в моих жилах, когда думаю о том, как подло, двулично и трусливо отнеслись пруссаки к этим благороднейшим сынам недоли». Немецкий поэт возмущался и реакцией «либерального» министра иностранных дел Франции О. Ф. Себастиани, который в ответ на интерpellацию демократической оппозиции по поводу царских репрессий в Польше провозгласил: «В Варшаве царит порядок!», «бесстыдно — по выражению Гейне — бросив с трибуны Франции издевательство в лицо народам»⁹.

Гейне выражал мнение широкой немецкой демократической общественности, и это подтверждается сочувствием, оказанным польским эмигрантам на всем пути их следования в Баварии и Саксонии. Один из повстанцев, шедших через немецкие земли, вспоминал: «Наш проход через Баварию, Вюртемберг и Баденское княжество в 1832 г. был поистине триумфальным». Так, вступление

поляков в Саксонию проходило под звон колоколов, под артиллерийский салют и звуки оркестров, игравших «Еще Польша не погибла». Под эту музыку толпы жителей Лейпцига восторженно встречали польских эмигрантов, несли их на своих плечах. «Польша еще не погибла и не погибнет, пока живы немцы» — таков был лозунг дня. Германская пресса писала о «походе свободы», о «польских рыцарях свободы». Как в чешских и словацких, так и в немецких землях создавались Союзы друзей Польши, занимавшиеся организацией марша эмигрантов¹⁰. В Дрездене, который являлся первым пунктом прохода эмигрантов через Саксонию, возник организованный Клаудиной Потоцкой польско-саксонский комитет, затем комитет помощи полякам был создан в Лейпциге под руководством книготорговца Фридриха Брокгауза, а за ним появились комитеты в Виттенбурге, Цвикау, Байрете и др. Они оплачивали почтовую отpravку поляков от города к городу: эмигранты получали путевой лист по линии следования Лейпциг — Гофф — Штутгарт — Страсбург, гарантировавший офицерам оплату дилижансов, квартир и питания. Пешим солдатам также предоставлялись жилье и еда. Предусматривались и средства на непредвиденные и срочные расходы. Когда через газету «Die Allgemeine Zeitung» («Всеобщая газета») (1832 г. № 22) генерал Ю. Бем обратился к немецким комитетам с просьбой о помощи рядовым и унтер-офицерам, уже к 22 февраля 1832 г. было собрано и послано в Лейпциг 600 талеров. Посылали также обувь и одежду — носки, чулки, рубахи, брюки, пиджаки, куртки, пальто, жилеты, шарфы и пр. Особые путевые листы полагались выдающимся участникам восстания — «героям». Это отражало общую восторженную атмосферу. А. И. Герцен писал о том, что в Баварии, Вюртемберге и Бадене жители предлагали полякам еду и ночлег, отдавали им последние деньги. В. Дараш также вспоминал, как в Баварии предоставляли деньги и коней, как в помощь эмигрантам устраивали благотворительные балы и спектакли, в частности, в театре Аугсбурга была поставлена пьеса «Костюшко». Всюду раздавались крики «Еще Польша не погибла!», звучали польские песни¹¹. Со своей стороны поляки поддерживали революционные планы объединения Германии, включая их в общий план борьбы народов за свободу. И. Лелевель в декабре 1831 г., выражая благодарность председателю польско-немецкого комитета в Нюрнберге, подчеркивал, что эта борьба неминуемо станет «всеобщим делом всего человечества». Констатируя, что польская эмиграция стала важным глашатаем свободы, он выражал уверенность в приближении момента, когда на первый план такой пропаганды выступит «железо и кровь, и поляки в этом будущем опередят других». О значении фактора эмиграции, о том, что благодаря ей постановка польского вопроса способствовала организации немецкой общественности, пробуждению национальной жизни Германии, писал в мемуарах В. Ф. Шокальский¹². «Вредное» влияние польской эмиграции и распространение в связи с ней «вредной» пропаганды с тревогой отмечал и российский посланник А. А. Шрёдер: сообщая, что «все сочувствуют участи» поляков и «в их защиту» распространяются брошюры, он делал вывод об «опасности» «контактов между этими молодчиками и жителями главных саксонских городов»¹³.

Подобный вывод учитывал общую беспокойную обстановку в Европе, взбужденной революциями во Франции и Бельгии. В польских же повстанцах энтузиазм европейской общественности вызывал гордость и осознание собственной роли. Как вспоминал впоследствии Виктор Гельтман, «тогда-то мы в первый раз почувствовали, чем являемся, за какое великое, всеобщее дело боремся, за чем пошли в чужую сторону [...]. И мы понимали, что наша миссия — руководить народами в их борьбе против порабощения». Подъем революционных настроений в Европе поддерживал надежду поляков на продолжение борьбы за дело свободы, и они рассчитывали к ней подготовиться в союзе с революционными народами и при их поддержке. Преодолевая трудности и препятствия, чинимые властями союзных с Россией государств, они массово эмигрировали на Запад: всего за 1830-е годы в эмиграции оказалось более 10 тысяч поляков, но постоянно находились за границей 8–9 тысяч человек. Большая часть эмигрантов выехала во Францию — страну, где революционные симпатии к польскому восстанию выражались особенно ярко: уже весной 1832 г. там было около 4 тысяч польских эмигрантов, а затем сконцентрировалось 6–7 тысяч человек¹⁴.

Польские эмигранты оказались также в Бельгии, Швейцарии, в германских государствах, Англии, Италии, Испании, в Дунайских княжествах, Турции, Алжире и даже в США. Социальный состав эмиграции был пестрым: три четверти ее составляла шляхта, большей частью средняя и мелкая, остальные являлись выходцами из крестьянского и мещанского сословий. Эта неоднородность влияла на мировоззрение и политические позиции разных эмигрантских групп, обуславливала идейно-политическую борьбу между ними при осмыслении причин гибели восстания и определении направления движения к цели национального возрождения. Такая борьба шла уже в самой Польше во время восстания, но за границей она развернулась в полной мере, и результатом ее стала консолидация основных идеологических течений и их организационное оформление, формулирование новых задач, направлений и форм национально-освободительного движения. Именно поэтому польская эмиграция, сложившаяся в 1830-е годы и действовавшая вплоть до нового восстания в Королевстве Польском в 1863–1864 гг., получила название «Великой». Это была оценка не только ее численности, но и масштабов ее деятельности, того вклада, который она внесла в разработку идейно-политической программы борьбы польского народа за независимость, ее непосредственной роли в этой борьбе и в революционной борьбе других народов. Эпитет «Великая» отражал и еще одну важную черту, характеризовавшую эмиграцию 1830–1850 гг.: за границей в этот период сосредоточилось много выдающихся представителей польской культуры, здесь были созданы шедевры польской поэзии, музыки, изобразительного искусства.

Не случайно феномен эмиграции, учитывая его значение в жизни польского народа, привлекал к себе внимание историков, прежде всего, в самой Польше. Одним из родоначальников этого направления исследований можно считать Л. Гадона, выступившего с фундаментальной монографией об эмиграции. На протяжении полувека различные проблемы истории эмиграции рассматривали польские

ученые В. Пшиборовский, А. Вротновский, А. Сливиньский, С. Тарновский, Г. Лисицкий, С. Шпотаньский, Б. Лимановский, А. Соколовский, а также А. Гиллер, А. Гуттри, К. Борковский и многие другие авторы, непосредственные участники событий. Некоторые их труды выходили и после образования Польской республики в 1918 г. Кроме того, в межвоенный период зазвучали новые голоса: появились серьезные исследования М. Хандельсмана, А. Левака, А. Шеленговского, Г. Верещицкого, В. Рудзкой, Х. Темкиновой, А. Войтковского, К. Моравского, С. Лукасика, А. Лесьневского, Х. Лучакувны и др. Тема эмиграции разрабатывалась и после создания Народной Польши как в самой стране, так и в эмиграции. В большей или меньшей степени она нашла продолжение в научном творчестве С. Кеневича, В. Лукашевича, Б. Бачко, З. Млынарского, М. Кукеля, М. Тыровица, К. Гроневского, В.Т. Вислоцкого, В. Кнаповской, М. Круля, И. Кобердовой, В. Сливовской, М. Жиховского, Г. Батовского, М. Серейского, А. Слиша, С. Вильской, Е. Зрады, Э. Галича, Е. Ковальского, С. Калембки, Е. Борейши, Е. Скворнека, Ц. Бобиньской, Р. Верфеля и многих других. Одновременно осуществлялось переиздание старых работ, связанных с темой эмиграции, публиковались источники, печатались в переводе книги иностранных авторов, как например, монография английского историка П. Брока. Проблематика польской политической эмиграции как важного явления общественной жизни Польши и Европы в XIX веке присутствует в польской историографии и в последнее тридцатилетие: ее разработку продолжили В. Сливовская, Е. Зрада, А. Новак и др. Как и прежде, в Польше осуществляется публикация работ иностранных авторов (из Германии, Чехии, Болгарии, Сербии, Румынии), исследующих круг вопросов, связанных с темой эмиграции и ее контактов с общественностью других народов.

Что касается российской и советской исторической науки, тема польской политической эмиграции интересовала ее гораздо меньше. Сразу после восстания 1863–1864 гг. в Королевстве Польском о польской эмиграции написал В. Ф. Ратч, а ближе к концу XIX века вышел ряд исследований Н. В. Берга, опубликованных также и на польском языке. Появились работы А. Подвысоцкого, М. П. Устимовича, Н. И. Павлицева, П. Д. Брянцева, С. Д. Гескета, косвенно затрагивавшие тему эмиграции. В 1906 г. А. В. Белецкий осуществил публикацию документов, относящихся к событиям восстания и связанной с ним проблематике польского национального движения, а несколько позже, в 1913 г., были опубликованы хранившиеся в Вильно «Архивные материалы Муравьевского музея», также проливающие свет на эту проблему. В советский период историей национальной борьбы польского народа и ее связей с российским революционным движением 1830–1860-х гг. занимался ряд историков, но непосредственно тему польской эмиграции разрабатывали немногие, в частности, Б. С. Попков. Большинство ученых — С. Н. Драницын, М. В. Нечкина, И. М. Белявская, А. Ф. Смирнов, В. Г. Ревуненков, И. С. Нарский, Ю. М. Стеклов, В. Тренин, Б. П. Козьмин, М. В. Миско, Ю. И. Штакельберг, Г. Г. Фруменков, Г. И. Марахов, Д. Б. Кацнельсон, А. И. Бортников, Е. Л. Рудницкая, Н. М. Пашаева, В. И. Неупокоев и другие — лишь в той или иной мере касались темы эмиграции в связи с изучением

вопроса о российско-польском революционном сотрудничестве. Проблеме русско-польских революционных связей была посвящена и работа созданного в Институте славяноведения АН СССР большого научного коллектива, который под руководством И. С. Миллера подготовил ряд коллективных трудов и публикаций документов по этой теме. Члены коллектива В. А. Дьяков, Н. П. Митина, Т. Ф. Федосова, О. П. Морозова, Л. А. Обушенкова, К. П. Гогина, З. Я. Тальвирская, Н. Н. Вавиrowsкая, С. М. Фалькович, Г. В. Макарова, Т. Г. Снытко, В. М. Зайцев, П. Н. Ольшанский, А. М. Орехов в отдельных работах затрагивали вопросы, связанные с темой польской эмиграции, но специально обращались к ней только сам И. С. Миллер в одной из статей и автор данной книги, опубликовавшая статьи и монографию, посвященную деятельности польской эмиграции накануне восстания 1863–1864 гг. Продолжением разработки ею этой темы в конце XX — начале XXI вв. стали статьи и главы в коллективных трудах по истории национальных движений и межнациональных контактов в Центральной Европе, в частности, в период революций 1848–1849 гг., а также по истории польско-российских отношений в первой трети XIX века. В эти же годы появились книги Ю. А. Борисенка и Г. А. Малютина, развивающие тему связей между польской эмиграцией и представителями российского революционного движения, а недавно, в 2016 г., вышел в свет коллективный труд «Меж двух восстаний. Королевство Польское и Россия в 30-50-е годы XIX века», который, наряду с написанной С. М. Фалькович главой, посвященной общему обзору истории польской эмиграции в этот период, включает в себя также главу, написанную О. С. Каштановой, где вопрос о польской эмиграции рассмотрен в контексте международных отношений.

Из этого краткого обзора видно, что тема польской политической эмиграции XIX в. в русской и советской историографии оказалась недостаточно исследованной, она не была освещена в полном объеме как с точки зрения проблематики, так и хронологии. Между тем исследование этого феномена в целом имеет не только методологическое значение, но и весьма важно для изучения истории России середины XIX в. Исходя из этих соображений, автор настоящей монографии поставила задачу представить российскому читателю наиболее полную картину деятельности польской «Великой» эмиграции с момента ее зарождения после поражения восстания 1830–1831 гг. в Королевстве Польском до начала нового восстания польского народа в 1863 г., проанализировать ее идейную, политическую и организационную эволюцию в этот период.

Опорой для такого анализа стал материал упомянутых выше польских и российских исследований, что нашло отражение в научном аппарате данной монографии, а кроме того, большой комплекс использованных при ее написании разнообразных источников. Прежде всего, это публицистика — программные и полемические выступления деятелей эмиграции в рассматриваемый период и в последующие годы. Среди авторов таких выступлений можно назвать известные имена польских эмигрантов — Л. Мерославского, Адама и Владислава Чарторьских, М. Мохнацкого, И. Лелевеля, В. Мицкевича, В. Мазуркевича, Ю. Клячко, Ф. Завадзкого, Г. Каменьского, Я. К. Подолецкого, Я. Н. Яновского,

В. Гельтмана, Т. Тышкевича, Б. Ф. Трентовского, Ф. Моравского и многих других, а также иностранцев, в частности, русских революционных эмигрантов М. А. Бакунина и А. И. Герцена, итальянского революционера Д. Мадзини, французского журналиста Ф. Кольсона. Важную часть использованных источников составляют документы мемуарного характера, написанные как вскоре после восстания 1863–1864 гг., так и в конце XIX века. Это воспоминания все тех же Л. Меро-славского, В. Чарторыского, В. Мицкевича, а также Ф. Бреаньского, Ф. Равиты-Гавроньского, З. Милковского, Ф. Сокульского, Г. Реутта, Я. Стеллы-Савицкого, Р. Рогиньского, В. Даниловского, А. Гиллера, А. Гуттри, Б. Шварце, Ю. К. Яновского, Ю. У. Немцевича, Я. Н. Немоёвского, А. Подвысоцкого, Я. Гейштора, К. Борковского и др. К этому комплексу документов примыкает массив опубликованных с конца XIX века до настоящего времени сочинений и писем польских и российских деятелей той эпохи — И. Лелевеля, К. Либельта, Г. Каменьского, А. Товяньского, А. Э. Козьяна, З. Красиньского, А. И. Герцена, М. А. Бакунина, В. И. Кельсиева, а также опубликованные следственные показания О. Авейде, В. Даниловского, З. Янчевского и К. Маевского. К числу важнейших опубликованных источников принадлежат официальные документы политических партий польской эмиграции — манифесты, воззвания, заявления, протесты и т. п. Значительная их часть печаталась в эмигрантской прессе, которая сама по себе является ценнейшим источником. В данной монографии широко использованы материалы польских эмигрантских изданий «Północ» («Север»), «Postęp» («Прогресс»), «Sprawy emigracji» («Проблемы эмиграции»), «Polacy na tułactwie», («Поляки на чужбине»), «Orzeł biały» («Белый орел»), «Dziennik narodowy» («Национальная ежедневная газета»), «Trzeci Maj» («Третье мая»), «Przegląd» («Обозрение»), «Dziennik Stanisławowski», («Станиславовская ежедневная газета»), «La Pologne» («Польша»), «Prawda», «Wiadomości Polskie» («Польские известия»), «Demokrata Polski» («Польский демократ»), «Przegląd rzeczy polskich» («Обзор польских дел»), «Ważność» («Бдительность»), «Głos wolny» («Свободный голос»), «Wytrwałość» («Стойкость»), «Głos z Paryża i Genui» («Голос из Парижа и Генуи»), «Głos», а также материалы европейской прессы.

Для написания монографии были привлечены также архивные источники. Важная и интересная информация содержится в материале ряда фондов Государственного архива Российской Федерации: это агентурные донесения о деятельности польской эмиграции, перлюстрированные письма эмигрантов. Об их связях с европейским революционным движением и планах совместной борьбы, а также о позиции европейских правительств, связанной с польской эмиграцией, дают представление документы Архива внешней политики России. В Отделе рукописей Российской национальной библиотеки, а также в фондах Российской государственной библиотеки хранятся материалы, относящиеся к истории восстания 1863–1864 гг. в Королевстве Польском и проливающие свет на роль эмиграции в подготовке и проведении восстания. Важные сведения о жизни и деятельности польской политической эмиграции, прежде всего ее консервативного крыла, содержат архивные документы Библиотеки Чарторыских в Кракове.

Богатое содержание охарактеризованных выше архивных и опубликованных материалов дает возможность представить разносторонний анализ такого феномена, как польская политическая эмиграция 30–60-х годов XIX в., нарисовать ее полнокровный портрет, проследить развитие в ее среде различных течений социальной и политической мысли, формирование партий на этой основе и происходившую между ними идейно-политическую борьбу. Источники позволяют показать действия эмигрантских организаций, направленные на проведение патриотической агитации и создание очагов революционной конспирации в Польше, в том числе их участие в революционных событиях 1840-х годов на польских землях и роль в подготовке Январского восстания 1863–1864 гг. в Королевстве Польском. Выявленный материал составляет также основу для освещения международного аспекта темы польской эмиграции середины XIX в. — для показа ее участия в революционной борьбе, происходившей в это время в разных странах Европы, и анализа соотношения в ее программе национальных и интернациональных задач.

Попытка дать концентрированный образ польской политической эмиграции была сделана автором настоящей монографии в упомянутом выше коллективном труде «Меж двух восстаний. Королевство Польское и Россия в 30–50-е годы XIX в.». Но ограниченные рамки главы коллективного труда, посвященной теме эмиграции, не позволяли представить ее в полном объеме. Более ранняя монография автора «Идейно-политическая борьба в польском освободительном движении 50–60-х годов XIX века» (М., 1966) освещала комплекс проблем польской политической эмиграции на определенном временном отрезке, предшествовавшем восстанию 1863 г., в других работах — коллективных монографиях и статьях — рассматривались отдельные стороны этого комплекса. Поэтому сформулированная выше задача создания полноценного образа польской политической эмиграции, подробного рассмотрения всех сторон ее деятельности и определения ее роли на важном этапе борьбы польского народа остается актуальной. Ее решению посвящены пять глав настоящей монографии. Структура книги, с одной стороны, обусловлена необходимостью хронологически последовательного представления деятельности польских эмигрантов в контексте развития событий в Польше и Европе, а с другой, дает возможность охарактеризовать отдельные течения и группы эмиграции, проанализировать их идеологические и политические программы, показать их деятельность. Завершением исследования являются заключительные выводы о значении феномена польской политической эмиграции середины XIX в. и его месте в истории Польши, России и Европы.

Автор выражает искреннюю признательность руководству Института славяноведения РАН и всем тем, кто содействовал публикации этой книги. Особая благодарность кандидату исторических наук Ольге Сергеевне Каштановой, чьи ценные советы оказали большую помощь в деле подготовки текста книги к печати. Сердечно благодарю также исследователя истории России и Польши XIX в. Галину Васильевну Макарову за постоянное внимание к моей работе, помощь и поддержку.

ГЛАВА I

**ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ
И ОРГАНИЗАЦИОННОЕ СТАНОВЛЕНИЕ
ПОЛЬСКОЙ ЭМИГРАЦИИ
(1830-е — первая половина 1840-х годов)**

1. Первые годы жизни поляков-эмигрантов на чужбине, их идейное и организационное размежевание в начале 1830-х годов: консервативная партия Адама Чарторьского, Польский национальный комитет и Польское демократическое общество

Польские эмигранты, оказавшиеся за границей, на первых порах чувствовали себя неуверенно и потому стремились держаться вместе. Те, кто жил в одной местности, старались сообща защищать земляческие интересы и для этого большей частью объединялись в общины — гмины, которые устанавливали связи с различными комитетами и организациями. Гмины существовали во многих городах Европы и, прежде всего, в городах Франции — в Нанси, Страсбурге, Бордо, По, Дижоне, Кольмаре, а также в Льеже, Брюсселе, Мюнхене, Базеле, Люцерне, Лондоне (Вестминстере), в Михайленах и других местностях. В Париже они были почти в каждом квартале.

Жизнь на чужбине вне привычной социальной и культурной среды для большей части эмигрантов была нелегкой как в материальном, так и морально-психологическом отношении. Вначале французское правительство выплачивало им скудное пособие, позже еще более скромную материальную поддержку начали оказывать английские и бельгийские власти. Некоторая помощь шла и от общественных благотворительных организаций, например, от Литературного общества друзей Польши в Англии, а также от собственных эмигрантских благотворительных сборов. Усилия частной благотворительности координировал Центральный польский комитет, созданный французами в 1831 г., в его состав входили также и поляки. Эмигранты старались выжить, зарабатывая себе на хлеб собственным трудом, они брались за любую работу: среди них были как врачи, юристы, переводчики, наборщики, так и печатники, плотники, штукатуры, каменщики и пр. О том, что они не чуждались «черной» работы, свидетельствовал Д. Мадзини: он писал матери из Лондона, что бывшие польские офицеры дробят камни на английских дорогах, работают на прокладке железнодорожных путей, но умирают с голоду¹⁵.

Определенная часть эмигрантов имела возможность получать средства от своих владений в Польше. Это были крупные помещики, представители аристократии, объединившиеся в эмиграции вокруг консервативной группировки Чарторьских, которая часто именуется в историографии «партией». На князя

Адама Чарторьского как на «начальника» (руководителя) восстания не распространялась царская амнистия, но он, бежав еще до падения Варшавы из занятого царскими войсками Королевства Польского, укрылся в польских владениях Австрии. Он все еще рассчитывал урегулировать отношения с Петербургом при посредничестве западной дипломатии. Еще из Кельце и Кракова он разослал депеши для польских дипломатических агентов в странах Европы, надеясь на интервенцию западных держав в связи с нарушением международных прав Польши, закрепленных соглашениями Венского конгресса 1815 г. Из Лейпцига он писал в Париж К. Князевичу и Л. Плятеру, а также Ю. У. Немцевичу в Лондон, указывая, что в сложившейся ситуации можно только «воспользоваться доброй волей дворов в полной мере придерживаться венского трактата». «Пусть не думают, — подчеркивал он, — что польское дело кончилось, оно жило и будет жить», и в этой связи князь хотел выяснить возможность формирования польских легионов за границей. В качестве непосредственного участника Венского конгресса Чарторьский намеревался свидетельствовать о нарушении прав Польши, зафиксированных в венских соглашениях. При этом он утверждал, что польское восстание не стало нарушением этих соглашений, так как Польша не являлась стороной, их подписавшей; нарушили же их Россия, Австрия и Пруссия, подписавшие венский трактат. В материалах, подготовленных для западных держав — участниц Венского конгресса, Чарторьский подчеркивал: «Победа не признает прав, которые бы противоречили справедливости и международным трактатам». Российское правительство твердило, писал он, будто восстание организовала лишь часть населения Королевства Польского, так почему же оно обрушило кару на всю страну? А если на революцию поднялся весь народ, то его права нельзя оспаривать. «Польша встала на бой, — заявлял князь, — так как не соблюдалась конституция». Указывая на тот факт, что европейские державы вступились за Грецию и Бельгию, он подчеркивал, что права Польши исторически более обоснованы. Из всего этого делался вывод: вмешательство в дело Польши в интересах Европы. «Либеральная и европейская политика правительств, желающих основать всеобщий мир на свободе и справедливости, — писал Чарторьский, — не должна бросать этого дела и отдавать его сторонникам анархии, которые жадно захватывают в свои руки польский вопрос, чтобы использовать его для собственной выгоды, которые радуются жестокости русских и еще больше были бы рады равнодушию европейских держав [...]. Поистине трудно сохранить промежуточную позицию между деспотизмом и анархией и бороться с деспотизмом и анархией одновременно. Эти два врага счастья Европы тем более опасны, что победа одного подготавливает будущую победу другого»¹⁶.

Эту позицию Чарторьского по его поручению представлял в Лондоне Немцевич, а вскоре и сам князь отправился туда через Францию, где встречался с Плятером и Князевичем. Еще в октябре 1831 г. он направил письмо Меттерниху, пытаясь добиться сохранения конституционного статуса Королевства Польского. Он вновь заверял, что польский вопрос «жив [...] и будет жить, так как те же самые чувства, те же причины живут в сердцах несмотря на поражения [...]».

В каждом положении, — подчеркивал он, — мы достойны памяти и поддержки [...], будущее нескончаемо, и никогда не исчезнет надежда для народа, пока он не перестанет быть народом». Находясь в Париже, князь уверял министра Себастиани, что если Запад «кинет» Польшу, то это «раньше или позже станет источником громаднейших несчастий для Европы». В Лондоне он также предупреждал правительственную верхушку, что «если позволить России разрастаться без меры, от этого пострадают все государства», и старался добиться принятия экономических санкций в отношении Российской империи. Чарторыйский непосредственно пытался воздействовать на британское руководство, представив ему памятные записки «Цель и основания вмешательства в пользу Польши» и «О Венском конгрессе». Князь утверждал, что в Вене поляки не добились полной справедливости, так как конституцию и все провозглашенные там права они имели уже раньше в Речи Посполитой. Он подчеркивал, что Венский трактат нарушили все три разделившие Польшу державы, и резко критиковал Органический статут, которым Николай I заменил Конституцию Королевства Польского. Чарторыйский добивался, чтобы западные державы, прежде всего Англия, потребовали от России восстановить статус Польского государства, провозглашенный на Венском конгрессе, и выступили его гарантами. «Не требуется ни войны, ни расходов, ни хлопот для министерства, — писал он, — а нужны только слова» в поддержку Польши. Попытки осуществить дипломатическую интервенцию он продолжил и после переезда в Париж в августе 1832 г. Министр иностранных дел Франции герцог де Брольи, которому Чарторыйский подавал меморандумы, заверял его в симпатии к полякам, однако последствий эти заверения не имели, и сам князь Адам признавался в письме к В. Замойскому: «Мне уже очень тяжело быть всегдашним просителем и стучаться туда, откуда не отворяют». Тем не менее, он считал, что отступать нельзя, и постоянно старался реализовать все возможности, чтобы добиться помощи для дела Польши от правительств Франции и Англии. Так, когда в мае 1833 г. Россия поддержала Турцию в конфликте с Египтом, князь Адам, надеясь на реакцию европейских держав, обратился к Пальмерстону, но получил отказ. Князь стремился также привлечь к теме Польши внимание европейского общественного мнения, использовать голос западной прессы. Находясь в Англии, он установил связи с общественностью, с филантропическими организациями, способными оказать помощь бедствующим польским эмигрантам, наладил контакт с органами печати, публиковавшими материалы в поддержку Польши. После его отъезда из Лондона все связи перешли в руки В. Замойского, а затем Ю. У. Немцевича и И. Собаньского. Подобную работу соратники князя вели и во Франции. Впоследствии парижская резиденция Чарторыйских Отель Ламбер, приобретенная в 1843 г., дала имя всему консервативному течению польской эмиграции и стала штабом аристократической партии, центром, который выступал посредником в отношениях поляков с правительственными организациями, занимался вопросами материальной помощи эмигрантам и облегчения доступа польской молодежи во французские учебные заведения. В Париже под председательством А. Чарторыйского возникло Историческое общество,

объединявшее от 180 до 260 членов. Позже при нем была создана библиотека в несколько тысяч томов. Наряду с Историческим обществом действовали и другие польские организации. В конце 1831 — 1832 гг. появились Общество Литвы и Руси (то есть украинских земель), Общество друзей прогресса, Научное общество польских эмигрантов и Общество научной помощи; в 1836 г. возникло Польское политехническое общество, а в 1841 — Промышленное общество. В 1834 г. княгиня Чарторыская основала Общество благотворительности польских дам, а десять лет спустя в Отеле Ламбер открылась школа для польских девиц, где дочерей эмигрантов обучали, готовя преимущественно к работе в качестве гувернанток. Тогда же был заложен Дом святого Казимежа для опеки над стариками и сиротами¹⁷.

Под эгидой Чарторыских действовало и находившееся в Лондоне Литературное общество друзей Польши, покровительствовал которому английский поэт Томас Кэмпбелл. Оно было создано в феврале 1832 г. стараниями Немцевича и немецкого адвоката А. Баха с целью сбора и распространения информации о Польше. Среди членов Общества (до 1848 г. их насчитывалось 100–200 чел.) были влиятельные англичане, а во главе стоял Т. Бомонт, обеспечивавший финансовую помощь. Подобные общества появились также в других центрах Англии — в Гулле, Глазго, Бирмингеме, Эдинбурге, Лидсе. Они имели свою прессу — «The Hull Polish Record» («Польские дела в Гулле»), «The Polish Exile» («Польский эмигрант»). В августе — декабре 1832 г. под редакцией Баха выходил и печатный орган Литературного общества друзей Польши — «Polonia or Monthly Reports of Polish affairs» («Полония или ежемесячные сообщения о польских делах»), где печатались материалы пропагандистского характера: статьи, написанные преимущественно сторонниками консервативного лагеря (Ю. У. Немцевичем, В. Замойским, В. Красиньским, Л. Воловским, Л. Плятером, М. Губе и др.), были направлены против нарушений Венского трактата, в защиту автономии Королевства Польского и статуса Кракова как «вольного города». Те же консервативные пропагандисты выступали на страницах неформального органа Литературного общества — организованного на средства Бомонта квартальника «The British and Foreign Review» («Обзор британских и заграничных дел»). Материалы печати, так же как и вся собранная информация, служили основой для выступлений и запросов депутатов британского парламента, для публичных дискуссий, которые организовывало Общество. И все это осуществлялось в тесном контакте с партией Чарторыского, которая делала ставку на поддержку европейских держав в отстаивании постановлений Венского конгресса, прежде всего учитывая обстановку революционного подъема в Европе в первой половине 1830-х годов и происходившие международные конфликты. В частности, внимание консерваторов привлек бельгийско-голландский конфликт, в котором польские эмигранты приняли активное участие: в 1832 г. в бельгийской армии служили 32 польских офицера, в том числе сторонники Чарторыского полковники Игнаций Крушевский и Феликс Прушиньский, подполковник Владислав Замойский, участвовавший в осаде Антверпена.

Князь Адам, считавший, что польский и бельгийский вопросы — «это одно и то же дело», в 1831–1834 гг. поддерживал постоянную связь с высшими чинами в бельгийском правительстве, в частности, с министром иностранных дел Бельгии графом Феликсом де Мероде¹⁸.

Что касается политики в отношении эмиграции, то аристократическая партия, опиравшаяся на латифундии Чарторыхских в австрийской части Польши и их капиталы во Франции и Италии, стремилась осуществлять некий патронат над всеми эмигрантами, и, действительно, многие из них, пользуясь ее поддержкой, признавали верховенство Чарторыхских и даже рассматривали князя Адама как вождя нации, а некоторые и как будущего короля независимой Польши. Хотя Чарторыхские не выдвигали на первый план свои династические интересы, связанные с польским престолом, они не скрывали, что видят будущую Польшу в форме конституционной монархии, и не случайно в резиденции Чарторыхских, по свидетельству современников, ощущалась атмосфера «почти монаршей важности»; ее салон производил впечатление «королевской резиденции», а высокое положение князя Адама подчеркивал факт брака его сына Владислава с дочерью испанской королевы Марии-Христины Марией Ампаро. Но в основе монархических взглядов Чарторыхских лежало не столько личное стремление к королевской власти, сколько боязнь демократических тенденций в польском освободительном движении и в эмигрантской среде, а также уверенность в том, что форма конституционной монархии, опирающейся на имущественный ценз, является наилучшей гарантией сохранения привилегий господствующего класса от натиска «серой» массы. Консерваторы осознавали необходимость социальной реформы, но отодвигали решение этой проблемы до времени возрождения независимого Польского государства, провозглашая принцип: «сперва быть, а потом как быть». Вокруг такой программы, тесно связанной также с лозунгом католической Польши, они хотели объединить эмиграцию. Поскольку французские власти, опасаясь скопления революционно настроенных эмигрантов, старались разместить их в разных центрах Франции, деятели аристократической эмиграции занимались организацией там местных польских групп¹⁹.

Однако они встречали сопротивление сторонников течения, выступавшего оппонентом политики Чарторыхского во время восстания. Это крыло польской эмиграции также стремилось помочь бывшим повстанцам и организовать их. Инициативу проявили «калишане» — умеренные шляхетские либералы: 6 ноября 1831 г. в Париже на собрании 26 эмигрантов был создан Временный комитет эмиграции под руководством Б. Немоёвского, в него вошли также Т. Моравский, К. Тымовский, Ф. Воловский и И. Лелевель. Но поскольку Немоёвский заявил Лафайету, что «поляки, ищущие убежища во Франции, не преследуют никаких политических целей» и даже не намерены отмечать приближавшуюся годовщину восстания 29 ноября 1830 г., такая позиция возмутила так называемых варшавских клубистов во главе с М. Мохнацким и Р. Солтыком, которые представляли «левое» течение в бывшем Патриотическом обществе. В обращении «К землякам, находящимся в Париже» Мохнаций высмеял «калишских

мужей», которые «прибыли в Париж из несчастной Польши в крепком здравии и силе мужского возраста». Позже на страницах эмигрантской прессы он подчеркнул: «Мы являемся солдатами независимости нашей страны». Мохнацкий и его сторонники добились создания новой организации: 8 декабря 1831 г. на собрании 87 парижских эмигрантов Немоёвский подвергся острой критике со стороны М. Мохнацкого, А. Гуровского, Я. Чиньского, Т. Кремповецкого и других; Временный комитет распустили и выбрали новую власть. В созданный 15 декабря 1831 г. Польский национальный комитет (ПНК) были избраны В. Зверковский, Л. Ходзько, Р. Солтык (его вскоре заменил Э. Рыщевский), Т. Кремповецкий, А. Гуровский, А. Пшецишевский, А. Глушневич, К. Крайтсир. Секретарем Комитета стал В. Петкевич, кассиром — К. Э. Водзиньский. Председателем ПНК был избран Иоахим Лелевель, которого Мохнацкий, сам не прошедший в члены Комитета, назвал «размножителем и патроном революционных убеждений»²⁰.

Лелевелисты, представлявшие среднюю шляхту демократическо-республиканского толка и прогрессивную часть шляхетской и мещанской интеллигенции, исповедовали идеи шляхетской революционности и стремились повести массы на политическую революцию в союзе с другими народами под лозунгом «За нашу и вашу свободу!». Союз с народами они противопоставляли соглашению с правительствами западных держав. Лелевель видел цель в создании нового Польского государства, опирающегося на преобразованную социально-экономическую структуру: капиталистическая перестройка шляхетского и крестьянского хозяйства должна была свершиться путем парламентских реформ, без аграрной революции, с сохранением социальной и политической роли шляхты. Непосредственной задачей Польского национального комитета объявлялось наблюдение «за национальными интересами и судьбой изгнанных с родины поляков». Для достижения национальных целей Комитет намечал путь вооруженной борьбы, поэтому в воззвании к польским воинам 25 декабря 1831 г. он заявил об отказе бывших повстанцев от царской амнистии. Обращаясь к участникам восстания, авторы воззвания разъясняли им причины его гибели: вина возлагалась на повстанческое руководство, которое «вместо убежденности в собственных силах, вместо уверенности после стольких побед либо рассчитывало на чужое посредничество, либо хотело, вопреки воле народа, помирить вас с врагом». Утверждалась неизбежность новой борьбы и победы, ибо «нет родины там, где нет свободы», и «солнце не светит рабу». Воззвание должно было внушить эмигрантам оптимизм: подчеркивалось, что для них «всюду звучит [...] голос почитания и восхищения, всюду перед поляками гостеприимно открываются двери, ибо их эмигрантство благородно». «И в этой эмиграции мы выстоим, — утверждали авторы воззвания, — пусть это станет последним испытанием нашего мужества. Народ истребить нельзя, и мы не погибли! Не погибли наш язык, обычаи, религия; не погибла память о нашем величии, о польской власти над теми, кто ныне угнетает нашу родину». «И для нас еще засветит звезда свободы, — говорилось в заключение. — Недалеко возвращение мстительной судьбы». За поддержкой в борьбе против власти монархов лелевелисты обратились к народам. Резкий

протест ПНК прозвучал против попыток партии консерваторов формировать из эмигрантов легионы на службе западных держав для защиты их династических и колониальных интересов в Португалии, Алжире, на Мадагаскаре. Подобные попытки предпринимали А. Чарторыский, Л. Плятер, генералы К. Князевич и Ю. Бем. Последний выступил с отповедью Польскому национальному комитету от имени военных, которые, по его словам, не желали общаться с теми, кто не сражался, а лишь привык фланировать по варшавским и парижским улицам и использует героизм народа и славу его оружия в личных интересах. Бем считал Комитет самозванным, так как он не был избран всем эмигрантским сообществом, и обвинял его руководителей в «якобинстве», которое вредит отношениям эмиграции с французскими властями. В результате между сторонниками Бема и Лелевеля вспыхивали ссоры, происходили дуэли²¹.

Французское правительство на самом деле тревожило «якобинство» лелевелистов, поскольку они были связаны с французскими масонами и карбонариями. Ян Непомуцен Яновский, Михал Ходзько, Каспер и Северин Дзевицкие, Людвик Круликовский, Михал Воллович, Артур Завиша, Рох Рупневский, Винцентый Матушевич, Константый Густович являлись членами масонской ложи Неделимой Троицы, которой руководил Ф. Буонарроти, а С. Ворцелль, Я. Чиньский, Ш. Пулаский, Р. Вещицкий, Т. Кремповецкий даже исполняли в ней важные функции. Лелевель поддерживал контакт с масонами через французов Сен-Жюльена и Лафайета, немцев Шумахера и Вольфрума, поляка Л. Ходзько. Большой популярностью пользовалось у польских эмигрантов находившееся под руководством масонского Верховного всеобщего шатра Общество бесплатного обучения народа, преобразованное в Свободное общество народного воспитания. Также через Ходзько, являвшегося членом упомянутого выше Франко-польского комитета, созданного для помощи полякам, осуществлялась связь его руководителя Лафайета с Польским национальным комитетом. Французы и поляки вращались в кругу общих проблем, в атмосфере дискуссионных встреч и собраний. В начале 1830-х годов польские эмигранты надеялись на быстрый рост революционных движений в Европе, рассчитывали на радикальную французскую оппозицию и, прежде всего, на ее конспиративную часть — карбонариев как на союзников, а те видели в поляках сильные военные кадры революции. Перед Западом раскрывался и сам облик польского народа: «Эмиграция, — писал А. Мицкевич в 1833 г. в журнале «*Pielgrzym Polski*» («Польский пилигрим»), — это огромное посольство, поставленное перед лицом народов Европы». Польских эмигрантов окружал героический ореол, и особое уважение французской общественности вызывала фигура Лелевеля, который заявлял о несгибаемой воле поляков бороться за свободу и независимость: «Каждая нация в своем существовании, — утверждал он в речи 29 ноября 1832 г., — развивает собственный характер, свои идеи и свои средства действия [...] нации не умирают». Такие высказывания воспринимались как выражение духа самого польского народа, и не случайно Сент-Бёв отмечал: «Польша кажется нам столь же философичной, разумной, ученой, какой ее столь почтенно представляет Лелевель». Эту близость

польскому духу, обусловленную историософскими взглядами и романтическим мессианизмом Лелевеля, отмечали впоследствии и его брюссельские друзья, называвшие его «польским Диогеном». В Париже Комитет Лелевеля стал центром демократическо-республиканской пропаганды, он направлял адреса и манифесты парламентам Франции, Англии, а также обращался к американскому народу, к итальянцам, венграм, немцам, евреям с призывом к союзу с поляками, которым в этом союзе предназначалась роль «оплота свободы». Во всех воззваниях ПНК к народам звучала главная мысль: «Слава и благоденствие народов, свобода и независимость людов соединяются ныне в общем интересе»*. Утверждалось, что народы убедились в необходимости восстановления Польского государства, и это стало целью «святого союза людов». В этот союз ПНК включал также русский народ и в декабре 1832 г. направил обращение к нему. Лелевель выступал на ежегодно проходивших в Париже, Бурже, а затем и в Брюсселе торжественных собраниях, посвященных памяти декабристов, где присутствовали не только поляки, но «вся семья эмигрантов из разных стран торжественно отдавала честь великой памяти мучеников свободы». Говоря о декабристах на собрании в январе 1834 г., Лелевель противопоставил «московскому деспотизму» роднящий русских и поляков славянский дух. Он восхищался русскими революционерами, высоко ценил русскую литературу, в частности, поэзию Пушкина²².

Стремясь мобилизовать эмигрантские массы, взять под свое руководство все эмигрантское сообщество (Огул), Польский национальный комитет занялся организацией эмиграции на местах: создавались местные огулы, выбиравшие советы (рады) для решения общих дел. Французские власти их строго контролировали, стараясь ограничить передвижение поляков по стране. Отстаивая интересы эмигрантов, ПНК выступал с протестами против нарушения их прав, сокращения материальных выплат. Протесты Комитета поддерживала французская оппозиция во главе с Лафайетом, и это приводило к скандалам в Национальном собрании Франции. Испытывая трудности в связи со строгими мерами французских властей, демократическая эмиграция в то же время была вынуждена в борьбе за влияние в среде эмигрантов противостоять активным действиям партии Чарторыхских, которая инспирировала нападки консервативных военных на Польский национальный комитет. Но были и серьезные внутренние проблемы, проистекавшие из неоднородности социального состава эмиграции, шедшей за ПНК. Кремповецкий и Гуровский, возглавлявшие радикальное крыло в Комитете, выступали за более определенное формулирование социально-политического облика будущей Польши, и в результате в середине февраля 1832 г. была сделана попытка создать более радикальную организацию: возникло Общество друзей прогресса под руководством Я. Чиньского, куда вошли также Т. Кремповецкий, Я. Н. Яновский, А. Глушневич. Критикуя идеи и политику Лелевеля

---

* В терминологии польских революционеров XIX в. слово «народ» (naród) означало «народ-нация», а слово «люди» (lud) употреблялось для обозначения демократических слоев «народа» и в первую очередь — крестьянства.

во время дискуссий, происходивших в отеле «Таран», ставшем местом постоянных встреч парижских эмигрантов, радикальные оппоненты обвиняли его в политических пристрастиях, в принятии единоличных решений. Правда, не все постоянные посетители этого политического клуба их поддерживали, звучали даже предложения об их исключении, поскольку своим радикализмом они не только компрометировали Комитет перед властями, но и отпугивали часть эмигрантов. Однако предложение капитана Скавроньского об исключении Кремповецкого и Гуровского не прошло на собрании Огула, так как на их защиту выступили не только Чиньский, Плужаньский, Мейзнер, но и сам Лелевель, который ценил радикалов за активность. Он подчеркивал, что ПНК — «это треснувший горшок, который, тем не менее, заслуживает быть слепленным и оплетенным, потому что его ненавидят враги нашего дела». И все же раскол состоялся. Созданная в «Таране» депутация оппозиционеров подала рапорт с характеристикой деятельности Комитета, а затем изложила свои претензии на собрании 3 марта 1832 г.: Комитет упрекали за нерешительность, считали его недостойным представлять «святое национальное дело» во внешних сношениях. Достойными же оппозиция считала тех, кто не только ставил цель независимости Польши, но стремился также бороться за права народа — крестьян, которые увеличат и укрепят ряды борцов за европейский прогресс. Требовали признать лозунги уравнивания крестьян и наделения их землей в собственность, а во внешней политике наладить тесные связи и заключить соглашение с немецкими, венгерскими, итальянскими революционерами, прогрессивными партиями Англии и США, а также с российскими евреями, Персией и Турцией, которым угрожает царизм. Кроме того, критики призывали ПНК более решительно защищать права эмигрантов перед французским правительством, и если французская парламентская оппозиция их в этом не поддержит, нужно обличить ее в глазах прогрессивной общественности²³.

Хотя собрание Огула согласилось с требованиями радикалов, Лелевель отказывался выполнять это постановление, доказывая, что оно спровоцирует власти и вызовет репрессии. В результате оно было отменено, но оппозиция продолжила борьбу. От ее имени Плужаньский на собрании 16 марта 1832 г. представил соображения о помехах делу демократии и объявил о роспуске Комитета и Огула в связи с отсутствием у ПНК социально-политической программы, а также доверия к его членам в среде как консерваторов, так и демократов. Поскольку большинство с этим не согласилось, Т. Кремповецкий и А. Гуровский вышли из состава ПНК, а Плужаньский, Яновский и А. К. Пулаский — из Огула. 17 марта 1832 г. эта пятерка провозгласила создание Польского демократического общества (ПДО), к ним присоединились еще 17 радикалов из «Тарана», в том числе Зенон и Александр Свентославские, Рох Рупневский, Адам Пищатовский, Леонард Реттель, Кароль Крайтсир и другие. Большинство инициаторов создания ПДО являлись в прошлом лидерами варшавского Патриотического общества, а по социальному составу эта организация была одной из наиболее сплоченных: три четверти ее членов принадлежали к мелкой шляхте и одну четверть составляла радикальная интеллигенция, происходившая из мелкого мещанства

и крестьян. В этой среде, тесно связанной с карбонарской «левицей» из Верховного всеобщего шатра, ощущалось влияние идей Бабёфа и Буонарроти — лозунгов утопического аграрного коммунизма, социальной и политической революции в опоре на трудящихся и на народы, борющиеся с деспотизмом. Все это нашло отражение в Акте создания ПДО. Основным автором этого Манифеста был Т. Кремповецкий, непосредственно связанный с Буонарроти. Активное участие в его написании принимали также Я. Н. Яновский и В. Гельтман. В Манифесте говорилось о том, что Польша погибла по вине «эгоистов» — шляхты, не желавшей «превратить национальное польское дело в дело крестьянского люда». В «мелком крестьянине и ремесленнике» авторы Манифеста видели демократический идеал и стремились сделать Польшу страной миллионов свободных граждан. Провозглашался лозунг: «Все для Люда и через Люд!». В качестве конкретной задачи и необходимого условия борьбы за Польшу выдвигались идеи ликвидации сословий, отмены барщины, но социальная революция должна была свершиться «без убийств и поджогов». Шляхте предлагалось в собственных интересах отдать народу то, что у него отнято. Я. Н. Яновский подчеркивал, что при демократическом строе привилегии невозможны, так как основное условие демократии — равенство гражданских и политических прав; свобода должна быть у каждого, нужно «распространять принципы свободы» и «конспирировать против абсолютизма» для завоевания свободы родины.

Основатели Польского демократического общества заявляли, что «будут стараться объединить интересы Польши с интересами человечества», которое не должно быть разделено: нужно сплотиться под знаменем общей свободы и общего добра, ибо «один только народ Европы не сможет сохранить обретенную свободу, если будет окружен грозными соседями, деспотизмом и темнотой». Олицетворением «грозных соседей, деспотизма и темноты» для авторов Манифеста являлся царизм. Видя единственную «возможность потрясти восточное варварство» в том, чтобы «сблизить народы, посеять семена свободы и равенства в общественной жизни на тех просторах, куда до сих пор деспотизм выводил толпы для уничтожения свободы», они подчеркивали, что ее утверждение в Польше поколебало бы устои деспотизма и «грозило бы вырвать скипетр, удерживаемый в его руках лишь темнотой и рабством». «Польский народ, — говорилось в документе, — народ вольный и свободный, но народ целостный, сумеет и русских воодушевить стремлением к общественной жизни, ибо единственное призвание Польши и единственная ее обязанность перед человечеством — нести в глубины Востока подлинное просвещение и понятие о правах человека». Исходя из этого принципа, существование Польши объявлялось «потребностью цивилизации, счастья и мира в Европе». «Польша, — заявляли авторы Манифеста, — есть и будет ее форпостом, защитой, но не только для того, чтобы отражать натиск варварства в кровавых боях, а для того, чтобы ослабить его силы путем благотворного распространения общественного равенства, свободного и равного пользования вольной жизнью, [...] чтобы вырвать рабов из тьмы, обращая их в людей, постепенно отнимать оружие, которым деспотизм до сих пор еще угрожает

человечеству». В Манифесте подчеркивалось, что отвечать своему призванию сможет лишь «свободная и независимая Польша», а ее будущее «зависит от будущего других европейских народов, и их обязанностью является поднять ее, обеспечить ее существование. Но выполнения ими этой обязанности можно требовать, когда Польша включится [...] в общий прогресс, когда и в ней будут развиты законы человечества в самом широком их значении, когда ее цели, ее стремления будут согласоваться со стремлениями и целями передового европейского просвещения, то есть когда она будет стремиться обеспечить в обществе счастье подавляющего большинства ее жителей». «Трудящимся, — писал Гуровский, — будет принадлежать мир. Работник не будет [...] пролетарием, подвергающимся тирании, как ныне, но будет жрецом новой жизни [...]. Пролетариям принадлежит мир и будущее. Они сосредоточат под своей производственной властью все источники существования. Такова сегодня тенденция европейских масс». Из этих демократических постулатов вытекала социалистическая идея «обобществления земли и ее плодов», но она отражала взгляды лишь «левых» элементов в ПДО, большинство же стояло на позиции социального компромисса, которая сопровождалась антишляхетской риторикой²⁴. В «Кратком политическом катехизисе», изданном в 1834 г., говорилось, что шляхта «сформировалась в варварских веках во вред человечности, обсыпала общественное тело, как нарывы тело Лазаря». Разъяснялось, что «плоха не вся шляхта, но зло лежит в ее основе, в самой шляхетской системе», и потому шляхетская Речь Посполитая была «отвратительной». Выступая против шляхетских привилегий, Польское демократическое общество требовало уравнивать крестьян в правах и наделить их землей в собственность. «Освобождение люда от зависимости, передача ему в собственность отнятой у него земли» — этот лозунг, провозглашенный в Манифесте, должен был стать первым призывом к бою. Он содержался и в воззвании ПДО «К гражданам солдатам!» от 12 сентября 1832 г., где говорилось: «Земля, которую обрабатывают крестьяне, принадлежит им на правах собственности. Освободившись от барщины, [...] они не будут бедны. Им полагается просвещение [...], полагается участие в установлении законов». Польское демократическое общество боролось также за права солдат: в июле 1832 г. оно выступило с проектом выборов центральной власти для решения дел эмиграции путем всеобщего голосования, в котором участвовали бы на равных солдаты и унтер-офицеры²⁵.

Социальные лозунги сближали Польское демократическое общество с карбонаризмом, который во Франции 1830-х годов приходил на смену революционному масонству. Заимствовался опыт итальянских карбонариев, масонские ложи превращались в карбонарские венты*, в тех и других активно участвовали польские эмигранты демократического и республиканского толка — как члены ПДО, так и лелевелисты. Создавались и польские ложи, в том числе в провинции:

---

* Венты — структурные подразделения конспиративной организации карбонариев. Венты делились на три уровня: низшие, средние и высшие. К последним принадлежали руководители организации.

например, Ложа Святого Яна под титулом Орла и Погони в Авиньоне, объединившая 60 человек, Ложа «Выдержка — Надежда» в Безансоне, где Л. Оборский осуществлял руководство над 150 демократами, Ложа польских детей Хирама в Ле Пюи и др.; позже эти ложи стали польскими шатрами. Всего в масонских ложах находилось около 400 поляков и столько же было первоначально в карбонарском движении, основными очагами которого в 1831–1832 гг. являлись Безансон, где преобладали лелевелисты, и Париж — центр сторонников ПДО. Число польских карбонариев росло: так, в Безансоне весной 1832 г. сосредоточилось более 900 поляков — бывших военных, руководство над ними осуществлял Кароль Штольцман, главным же авторитетом являлся полковник Людвик Оборский. Активную роль играли также Ф. Гордашевский, Ф. Новосельский и полковник Д. Антонини, выступавший посредником в связях с итальянцами. В 1833 г. польские национальные шатры действовали также в Авиньоне, Дижоне, Страсбурге, Метце, Пуатье, Туре, Шатору и Монпелье.

Имея в виду укрепление польско-французских связей, Кремповецкий поддерживал происходившую в это время во Франции реорганизацию карбонарского движения на основе принципа большей централизации руководства общеевропейским карбонаризмом. Он стал главой отдельного Национального польского шатра, созданного в Париже в начале 1833 г. В работе участвовали также Ю. Выслоух, Э. Корабевич, А. К. Пулаский и А. Гуровский. Сложилась внутренняя организация польского карбонаризма — деление на участки (территории) и капитулы (районы); существовали три степени посвящения, карбонарии давали клятву о соблюдении тайны и повиновении и обязывались осуществлять сбор оружия и амуниции. Наряду с польскими, существовали и польско-французские шатры, сотрудничество польских и французских либералов и демократов становилось все более тесным и разветвленным. Польский национальный комитет Лелевеля контактировал с правым крылом французских карбонариев, но в условиях подъема революционных настроений во Франции в 1832 г. завязал отношения с организацией «Друзья народа», руководители которой Распайль и Кавеньяк создали специальный комитет по иностранным делам, занимавшийся исключительно делом Польши. Членами организации стали Лелевель, Зверковский, Петкевич, Водзицкий и Чиньский, а от ПДО в ее работе принимали участие Гуровский и Кремповецкий. Характерно, что поляки даже заимствовали у «Друзей народа» организационную форму — деление на секции. И демократы из ПДО, и лелевелисты на заседаниях «Друзей народа» обсуждали вопросы создания единого фронта борьбы в связи с планом революционных выступлений, которые подготавливала эта организация. Поляки пользовались поддержкой французской радикальной прессы, публиковали свои материалы в газете «La Tribune». В фонд французской печати в секциях ПДО собирали взносы, которые шли на покрытие штрафов цензуры. Кремповецкий имел также связь с Обществом поддержки свободы печати, охватывавшим ряд европейских стран²⁶.

Таким образом, в вопросе укрепления союза с демократическими и революционными силами Европы Польский национальный комитет и Польское

демократическое общество выступали заодно. Их противниками и соперниками были представители консервативного и праволиберального крыла эмиграции, по-иному видевшие ее задачи и взаимоотношения с народами Европы. Так, осенью 1832 г. по инициативе М. Мохнацкого и Я. Уминьского была образована Парижская рада, выступившая с воззванием, направленным против ПНК. 29 августа 1832 г. в Безансоне представители эмигрантских секций ряда французских городов подписали акт основания Национального комитета польской эмиграции, а затем дело создания Комитета взяли в свои руки делегаты польских военных частей под руководством генерала Юзефа Дверницкого. В его воззвании говорилось: «Кровь наша целиком и исключительно принадлежит родине»: Европа и так в долгу у поляков, чтобы требовать новыми заслугами покупать ее братство и дружбу. Авторы воззвания заявляли: «Готовые к каждому бою против деспотизма, угнетающего Европу, ибо в такой борьбе мы будем видеть и будущее освобождение Польши, мы не станем наниматься на чужую службу, не будем участвовать ни в какой борьбе, если она не будет вестись за дело европейской свободы и в интересах нашей родины»²⁷. Против таких «пулсрудковцев» (сторонников полумер), как и против партии консерваторов, Польский национальный комитет и Польское демократическое общество боролись вместе. Тем не менее, идейно-политические противоречия, различия программ и тактики двух демократических организаций продолжали существовать и находили яркие проявления. Примером может служить реакция на заявление Адама Чарторьского, который обвинил Николая I в нарушении Венского трактата, требовал восстановления Королевства Польского, возвращения его конституции. Князь призывал царизм освободить заключенных, вернуть эмигрантам все их «фортуны и почести». С подобными призывами Немцевич выступил в Бирмингеме, но центральным моментом акции консерваторов стала осуществленная В. Замойским и С. Малаховским подготовка материалов для интерpellации, которую огласил в английском парламенте депутат Фергюссон. Он поддержал требования поляков, и в благодарность за его неоднократные выступления стараниями аристократической эмиграции в его честь была выбита медаль. Эти действия партии Чарторьских вызвали возмущение большинства эмигрантов, которые помнили о былой близости князя Адама к царской власти и видели в нем «магнитную стрелку, которая всегда поворачивается на север в сторону Петербурга». Они обвиняли его в измене и также обратились к европейской общественности. 29 мая 1832 г. Польский национальный комитет направил английской Палате общин адрес, который подписали 1622 польских эмигранта. В нем содержались обвинения против всех трех государств, разделивших Речь Посполитую, выдвигались требования восстановления Польши в прежних границах и звучал призыв к помощи народов. Польское демократическое общество разделяло эту позицию левеллистов, но его собственный «Протест против трактатов, разрывавших Польшу с 1772 по 1815 годы», появившийся еще 8 мая 1832 г. и послуживший толчком для появления адреса ПНК, был более сильным и резким документом, так как направлялся не кабинетам, а непосредственно народам. В обращении ПДО

говорилось, что Венский трактат, явившийся продолжением «насилия» над Польшей, «новым разделом», был заложен политикой Наполеона, который стал «силой и основой» европейского абсолютизма, «своим деспотизмом [...] задержал на несколько десятилетий прогресс человечества и, вводя в Европе новое деление, возвращая старые условия общественного порядка, подготовил союз деспотов, названный Священным». Подчеркивая, что Венский трактат 1815 г. был «убийственным для Европы», авторы обращения к европейским народам именно от их заинтересованности ожидали «возрождения Польши, которая, хотя и подвинутая к Востоку, всегда объединялась с просвещенным Западом, всегда вставала на его защиту». Восстание же 1830–1831 гг., заявляли они, родилось из духа независимости польского народа. «Мы имели право восстать, — говорилось в документе, — и сегодня имеем право требовать от Европы возвращения нам давних границ [...]. Мы взываем к справедливости, к интересу народов! Они ощущают потребность более крепкого сплочения между собой, укрепления своих сил, расширения господства свободы»²⁸.

Текст этого обращения был использован депутатом Д. О'Коннеллом во время выступления в британском парламенте, однако опубликовала его лишь газета «The Morning Herald» («Утренний вестник»), поддерживавшая польских «левых»; остальные английские газеты отказались от публикации под давлением Литературного общества друзей Польши, находившегося в сфере влияния Чарторыхских. Не был оглашен в британском парламенте и адрес Польского национального комитета, но Лелевель использовал факт многочисленных подписей под адресом как доказательство массовой поддержки своей позиции в эмиграции. В действительности же в апреле 1832 г. в составе организации находилось лишь 608 членов; положение ПНК ослаблял конфликт, существовавший между двумя крупнейшими секциями — авиньонской и безансонской, которые спорили о будущей власти и пытались выработать ее устав. Это усиливало стремление большинства эмигрантов покончить с разладом внутри эмигрантского сообщества путем создания центральной власти. Проект Польского демократического общества, предусматривавший организацию выборов центральной власти всеобщим голосованием, не получил поддержки, но в начале 1832 г. делались попытки ее создать, созвав бывших послов (депутатов) и сенаторов сейма Королевства Польского. Это была инициатива Романа Солтыка, ее поддержали А. Островский, Я. Ледуховский, В. Зверковский, А. Еловицкий, С. Ворцель, А. Глушневич, И. Лелевель, Ф. Воловский, Ю. Дверницкий, А. Мицкевич. Однако не все политические течения одобряли план воссоздания сейма, да и задачи его воспринимали по-разному. Так, например, А. Мицкевич хотел придать ему характер законодательного собрания народов Европы. Он считал, что ни один европейский парламент не выражает воли народа, и требовал, чтобы сейм заявил, что будет представлять волю народов, чтобы он провозгласил «принципы, которые должны служить основой свободы народов», и считал бы правительства своими врагами. ПДО вообще не признавало сейм представительством народа, видя в нем лишь представителей интересов

шляхты. Обращаясь к недавнему опыту восстания 1830 г., демократы ставили в упрек сейму то, что он «искал единственного спасения для дела Родины только в правительственных кабинетах и в гарантиях Венских соглашений», нарушение этих соглашений назвал причиной восстания и «провозгласил конституционную монархию, чтобы не испугать европейских королей». В воззвании Польского демократического общества в январе 1833 г. утверждалось, что сейм 1830–1831 гг. «выкопал могилу польскому восстанию», и имена его членов должны быть отданы на суд истории. Миссию польской эмиграции, заявляли авторы воззвания, «не могла выполнять аристократия, воплощающая мысль о гибели, отягощенная проклятием Польши; ее не могла выполнять и шляхта — испорченный, изжитый, бессильный элемент; ее не мог исполнить немощный сейм, [...] являющийся лишь верным представителем шляхты», которая как класс «самым явным образом доказала, что не способна встать во главе общества и вырвать его из пропасти несчастий». Поэтому, подчеркивали руководители ПДО, «Польша восстанет не через шляхту, а через люд, ибо только через него может возродиться». Отсюда вытекала задача завоевать доверие крестьянства, поднять его на борьбу: «Когда люд будет наш, — говорилось в документах Польского демократического общества, — Польша будет наша»; «только при искреннем, братском, а не двусмысленном, как до сих пор, отношении к люду мы можем надеяться на счастливый исход наших национальных усилий». Что касается левелелистов, они поддержали идею созыва сейма, так как рассчитывали получить в нем большинство, но необходим был кворум в 33 человека, а Р. Солтык собрал в Париже в январе 1832 г. лишь 19 человек. Тогда Лелевель предпринял попытку вызвать бывших парламентариев из провинции. Рассчитывали также на приезд подкрепления из Дрездена, Брюсселя, Лондона и даже из Галиции, но когда в начале 1833 г. собрали кворум, сторонники Чарторьских ушли, сорвав все планы. Так же, как маршалок Владислав Островский и Бонавентура Немоёвский, они были противниками созыва сейма, так как опасались, что выборы его депутатов могут не понравиться французским властям и к тому же способны революционизировать массы. Однако стремление эмиграции к объединению и централизации власти осталось. Попытки наладить работу сейма продолжались до 1835 г. Одновременно обсуждались и иные проекты организации власти в эмиграции, за некоторыми из них, более осторожными, стояли консерваторы. Наряду с предложением создать Центральную раду из представителей эмигрантских секций или выбрать Делегацию существовал даже проект образования специальной дипломатической Рады генералов во главе с Князевичем для установления баланса в отношениях с французским правительством, недовольным связями польских радикалов с европейским революционным движением²⁹.

Мохнацкий в письме к Лелевелю иронично характеризовал эти разнородные проекты как поиски «клея, чтобы слепить польские головы в единое партийное целое». Одной из таких попыток «склеивания» и явилось создание Комитета Дверницкого, популярного в офицерских кругах. С мая 1832 г. он проводил

заседания, где обсуждались форма и устав будущей власти, направление ее деятельности. 18 сентября в Бурже делегаты от различных эмигрантских групп избрали Национальный комитет польской эмиграции из 15 человек (Антоний Островский, Юлиан Серавский, генерал Людвик Пац, Иоахим Лелевель, Валентый Зверковский, Ян Ледуховский, Михал Губе, Станислав Ворцелль, Эзехиель Станевич, Александер Еловицкий, Тадеуш Моравский, генерал Ян Уминьский, Францишек Воловский, Анджей Плихта) во главе с Юзефом Дверницким. Комитет провозгласил своей целью «блюсти интересы» эмигрантов, в том числе заниматься административными и политическими проблемами эмиграции. Он объединял разнородные элементы — от радикалов до «пулсрудковцев» и сторонников Чарторыхских. Не было единодушия и в той части парижских приверженцев Дверницкого, которая под предводительством Мохнацкого и Уминьского выделилась в особую группу с собственной радой под названием «Вобан». Так, Мохнацкий стоял на позиции освобождения Польши собственными силами: «Народ наш, — заявлял он, — который не перестал еще быть нацией, в каком бы состоянии он ни находился, только сам себя может спасти». Уминьский же рассчитывал на помощь революционной Европы, он писал: «Вся наша надежда покоится на революционных народах [...]. Мы являемся союзниками революционных сил»³⁰.

Польский национальный комитет считал выборы Комитета Дверницкого недемократичными и отказывался его признавать, хотя Лелевель и был избран его членом. Кроме того, лелевелистов и демократов из ПДО возмутил тот факт, что на конференции в Бурже была объявлена благодарность А. Чарторыхскому за дипломатическую работу. Это не было случайностью: Дверницкий был близок к консерваторам, и создание его Комитета преследовало цель, в том числе, оттянуть от Польского демократического общества часть членов. В знак протеста Лелевель, Зверковский и ряд других лелевелистов вышли из Комитета Дверницкого и, отказавшись распустить Польский национальный комитет, продолжили борьбу с «пулсрудковцами». В этом их поддержали члены ПДО, прежде всего их активная часть, заседавшая в «Таране» под руководством Кремповецкого, который особенно яростно обличал «военную клику» — основу влияния Дверницкого. В воззвании Парижского (Центрального) комплета ПДО утверждался принцип равенства среди военных, говорилось о том, что в огулах и радах не должно быть засилья власти высших офицеров. Относительно решений, которые принимались на заседаниях, организованных Дверницким, Польское демократическое общество заявляло, что не намерено подчиняться резолюциям, противоречащим его собственным программным принципам, и будет сотрудничать с другими эмигрантскими течениями и организациями лишь в вопросах материальной помощи. ПДО вело против Комитета Дверницкого кампанию в провинции, организуя там так называемые конференции и обсуждения; дискуссии касались, в частности, идей французских энциклопедистов и Сен-Симона, а также были связаны с лекциями бабувиста Лапоннере о Великой Французской революции, которые пользовались у поляков большим успехом. Левое крыло ПДО пыталось усилить

революционное звучание программы Общества. В его Манифесте подчеркивалось, что дело Польши является делом цивилизации и, следовательно, международной солидарности, но чтобы завоевать помощь других народов, Польша должна достойно выполнять роль связного между Западом и Востоком, сея там семена «свободы и равенства», ее долг — стать «огненным костром славящины», неся на Восток «свет цивилизации». Эти мысли получили развитие на страницах печатного органа Польского демократического общества, выходявшего в 1834 г. под редакцией секретаря Парижской секции ПДО Петра Генрика Невенгловского. Акцентировать задачи польского народа стремились и члены комиссии, разработавшей дополнения к уставу Общества, — Кремповецкий, Завиша, Плужаньский. Они выступили с требованием подчеркнуть революционные цели борьбы и в соответствии с ними сформулировать программу в крестьянском вопросе: провозглашалось право собственности крестьян на землю, на просвещение, на участие в политической жизни и выработке законов — таких, «что подходят крестьянам», которые не должны «позволять панам и дальше их угнетать». Правда, эти идеи вызвали раскол в Парижском комплете: Пулаский выступил против Плужаньского, и на собрании парижской секции ПДО тот был исключен, что привело к волнениям демократов в Париже и провинции (в Бурже, Авиньоне и др.). Позже и сам Пулаский вышел из Общества, а в 1834 г. его ряды покинул и Гуровский. Уход представителей радикального направления был связан с переменами в ПДО и размыванием его социального состава, так как шла организационная работа по созданию новых секций Общества (в Люнеле, Салене и др.). К началу 1833 г. Польское демократическое общество оставалось не столь многочисленным, в него входил 101 человек, и ставилась задача роста, вскоре успешно осуществленная: летом 1833 г. в ПДО уже насчитывалось 326 эмигрантов, в октябре 1834 г. — 793 члена в 83 секциях, затем число членов достигло 1000 и в марте 1835 г. составляло 1200 человек. Но пока руководство Общества было заинтересовано в союзе с Комитетом Лелевеля, чтобы эффективно бороться с партией консерваторов и сторонниками Дверницкого, в частности, с радой «Вобан», которая активно выступала против ПНК и ПДО. Борьба сопровождалась громкими скандалами — публичными ссорами, драками, поединками³¹.

Самый громкий скандал был связан с выступлением Т. Кремповецкого 29 ноября 1832 г. на торжестве в память восстания 1830–1831 гг., организованном в аббатстве Сен-Жермен де Пре Национальным комитетом польской эмиграции совместно с Франко-польским комитетом. В зале, украшенном флагами Франции, Польши и США, присутствовал Лафайет в мундире гренадера варшавской национальной гвардии. Вели торжественное собрание граф де Ластейри (от Франко-польского комитета), Дверницкий и воевода А. Островский. Пулаский и Чиньский выступили с речами на польском языке, а после них Кремповецкий произнес по-французски речь, вызвавшую большой резонанс в эмиграции и среди европейской общественности. Он указал, что здравый смысл подсказывал шляхетскому руководству восстания 1830 г. необходимость «провозгласить права человека и гражданина», выдвинуть лозунг борьбы «во имя свободы

и равенства», сделать крестьян собственниками земли, и тогда бы народная война принесла победу. В гибели восстания Кремповецкий обвинил шляхту, он проклинал «тех, кто, злоупотребив доверием народа, захватил в свои руки, предательские и слабые, верховную власть и национальное правительство». «Бремя их постыдного поведения, — заявил он, — не должно лечь на нацию в целом; пусть они сами переваривают свой позор». Обрисовав ужасное положение крестьянства, Кремповецкий подчеркнул, что «любовь к свободе еще теплится в этих массах, среди которых безнаказанно орудуют бич пана и царская секира». Он возложил вину и на католическое духовенство, которое в X веке «принесло в Польшу принципы рабства и закон крепостничества». Напомнив о борьбе украинского крестьянства времен Хмельницкого, Наливайко и Гонты, о недавней Колиивщинне и кровавом выступлении крестьян в Умани, Кремповецкий восславил крестьянский бунт как выражение исторической справедливости и выдвинул лозунг сочетания политической и аграрной революции. Характерно, что в том же выступлении он вспомнил о русских революционерах, назвав имя Рылеева — «одного из первых мучеников свободы в России». Кремповецкий подчеркнул, что не считает врагами простых русских людей: в солдатах, подавивших польское восстание, он видел таких же, как и поляки, жертв царского деспотизма³².

То, что именно Кремповецкий выступил с подобной речью, было не случайным. Он выделялся радикализмом, и Лелевель доверил ему работу по переводу польских брошюр на европейские языки для Научного общества, а также поручил заняться «историей последней революции». Проведенный Кремповецким анализ и лег в основу того, что он сказал через два года после революционного взрыва. Впоследствии, на похоронах Кремповецкого в 1847 г., об этом очень убедительно напомнил Ворцель: «Прошло два года с 29 ноября 1830 г. Революция, перенесенная на чужую землю, разбиралась в элементах своей стихии, прослеживала причины своего падения, в тишине пересчитывала своих верных сыновей и врагов, но не огласила приговора, словно пораженная страшной картиной. Все ее боли вновь возникли в день торжественной печальной годовщины, все они отозвались в любящем сердце ее сына, и он стал ее выражением, издал стон перед своими и чужими, заклеил чело погубителей отчизны, которые завывли от бешенства и с того времени неустанно лили потоки желчи, но не стерли пятна со своего чела. По нему узнала их эмиграция, узнала их Родина»³³.

Речь Кремповецкого, которую С. Островский назвал «трагической частью праздника», знаменовала шаг к революционному демократизму, она поставила под сомнение традиционный взгляд на роль шляхты в истории Польши, развеяла миф о национальном единстве и солидарности, показав остроту классового антагонизма. Поэтому реакция на нее была бурной. Наиболее яркими противниками Кремповецкого, «завывшими от бешенства», выступили сторонники аристократии и «пулсрудковцы». 5 декабря 1832 г. вышло воззвание комитета Дверницкого, осуждавшее выступление Кремповецкого. А. Островский организовал бывших послов сейма, и вместе с консерваторами они подготовили ораторов для публичных выступлений протеста. По инициативе Плятера от имени сейма

и эмигрантской общественности было составлено письмо председателю Франкопольского комитета Лафайету, которое подписали 22 члена сейма Королевства Польского и 60 эмигрантов. Ряд бывших парламентариев (Лелевель, Глушневич, Пшецишевский, Карвовский, Замбжицкий, Пац) отказались подписывать письмо, зато среди подписавших оказались почти все генералы во главе с Г. Дембинским, а также С. Ворцель, А. Мицкевич, Ю. Словацкий, Б. Залеский и другие эмигранты, принадлежавшие к демократическому течению. В письме опровергалась данная Кремповецким характеристика шляхты и ее отношения к крестьянству. «В Королевстве, — утверждали авторы письма, — не было рабства с 1815 г. Зато есть рабство, которое поддерживает московское правительство*, привлекая к суду помещиков, намеревающихся освободить своих крестьян, препятствуя начальному образованию, используя все средства, какие только имеет в своем распоряжении самоуправная власть». В письме подчеркивалось, что революция 1830 г. «была национальной во всех отношениях, [...] целью являлось сбросить чуждое ярмо, московское господство, и ее поддерживали все классы общества. Духовенство, шляхта, мещанство и крестьянство соперничали друг с другом в активном стремлении приложить усилия к великому делу освобождения Польши». Авторы письма просили Лафайета воспрепятствовать распространению текста речи Кремповецкого, чтобы она не оказала давления на французское общественное мнение, а эмигранты в Салене даже пошли дальше, предложив ввести цензуру на все речи и публикации поляков за границей. Поскольку Лафайет заявил, что не вправе вмешиваться в чужие дела и судить об истории другого народа, речь Кремповецкого в сокращении поместила газета «La Tribune», а Общество друзей народа дало деньги на издание полного текста с примечанием автора³⁴.

Таким образом, содержание речи стало известно широкой польской, французской и европейской общественности, вызвав отклик как во французской провинции, так и за пределами Франции. Немцевич, находившийся в Англии, возмущался Кремповецким, Лелевелем, Чиньским и всеми теми, кто срамил шляхту, оскорблял армию: «И такие-то головы хотят быть представителями, хотят решать судьбу польской нации. Самая помойка бешеных поджигателей собралась в Париже [...], чего же можно от них ждать?». Воззвание Комитета Дверницкого содержало предостережение эмигрантам: «не доверять маскирующимся врагам», и проявление недоверия вылилось в резолюцию симпатизирующего Дверницкому и Чарторыским авиньонского отделения Огула, которое 350 голосами против 154 постановило исключить Кремповецкого из эмигрантского Огула как «недостойного имени поляка». Те, кто голосовал против резолюции, получили наименование «анархистов-разрушителей», они выделились в особую группу и были переведены французской полицией в Бержерак, что, несомненно, было связано со сложившейся обстановкой конфронтации. Она проявлялась в росте числа поединков в среде эмиграции. Например, капитан Воронич, секретарь авиньонской

---

* В лексике польских эмигрантов термином «московское правительство» обозначались высшие власти Российской империи.

рады, особенно яро выступавший против Кремповецкого, получил пять вызовов на дуэль. Это, в частности, свидетельствовало о том, что не вся польская эмиграция разделяла позицию авторов письма к Лафайету. Так, еще до публикации речи Кремповецкого при обсуждении ее в Объединении Литвы и Руси едва не произошел раскол. Члены Объединения, принадлежавшие к лагерю Чарторыхских, требовали поддержать протест против речи, лелевелисты советовали воздержаться. Ц. Плятер, председатель Объединения, считал, что если речь окажется опубликованной, нужно будет дать свой комментарий и критику, но лишь в той части, которая касается литовских и украинских земель. По предложению Домейко создали специальную комиссию (в составе Домейко, Ворцелля, Мицкевича, а также Лелевеля и Шемёта в качестве их заместителей), но и она, хоть и взялась за сбор материала, не смогла принять решения. Мицкевич заявил, что трудно оценить речь без знакомства с ее текстом, Ворцелль и Янушкевич предлагали ждать публикации, по мнению же Волловича, выступать будет вовсе не нужно, если окажется, что в речи Кремповецкого содержится правда. Против осуждения Кремповецкого выступали многие провинциальные огулы и гмины (в Тулузе, Ангулеме, Пуатье и др.), считая «оскорблением человечности и справедливости» нападки на человека, «хорошо послужившего родине», а его противников называя «фракционерными и клеветниками»³⁵.

Голоса в защиту Кремповецкого продолжали звучать. Консерваторы же стремились опровергнуть обвинения, направленные Кремповецким против шляхты: Чарторыхский в речи 3 мая 1834 г. заявил, что «шляхта никогда не была врагом цивилизации и полезных реформ и не оказывала противодействия прогрессу в интересах касты», а напротив, «всегда подавала пример бескорыстной преданности родине», «использовала свой высокий ранг в стране, чтобы проявить инициативу во всех улучшениях, искренне предложить благо и последовательно его осуществить». Сторонники Чарторыхских и Дверницкого выступали в печати: генерал Г. Дембиньский опровергал Кремповецкого в листовке «Несколько слов о последних событиях в Польше», а Т. Моравский в брошюре «Несколько слов о положении крестьян в Польше», где утверждал, что «единственной причиной неволи всех классов обитателей польских провинций, как шляхты, так и крестьян, является царский деспотизм». На это Кремповецкий ответил публикацией в «La Tribune» статьи «О польской аристократии и положении крестьян в Польше». Он показал, что ни одна из польских конституций не предоставляла крестьянам политических прав, права и собственность имела только шляхта; что же касается Конституции Королевства Польского, то она была написана в «аристократическом духе» и предусматривала огромные различия в сфере собственности, закрепляя тяготы и обременения крестьян, произвол и насилие. Кремповецкий разоблачил эгоизм политики аристократии в восстании. Он противопоставил и связал два термина — «инсurreкция» и «революция» и, обращаясь к аристократии, заявил: «Чтобы ваша инсurreкция удалась, окажитесь хоть раз в жизни в состоянии революции». «Если революция не усилится новыми институтами, если не улучшится социально-экономическое положение масс,

вы падете», — предупреждал Кремповецкий шляхту. Он подчеркивал: «Все революции, которые осуществляла польская шляхта, служили только тому, что отдавали нас под еще более ненавистное ярмо. Так пообещаем теперь, что поднимем революцию вместе с крестьянством и добьемся того, что отчизна воскреснет. Не будем делать из крестьян шляхтичей, но будем сами благородны, как они»³⁶.

2. Польская демократическая эмиграция в общеевропейских планах революционного движения. Попытки создания в Польше очагов повстанческой борьбы

Борьбу против аристократии и шляхты как тех, кто погубил восстание, Кремповецкий продолжал, уже не являясь членом Польского демократического общества. Поскольку он неоднократно требовал от руководства ПДО публикации своей речи на польском языке и активно его критиковал, на собрании Центральной секции 16 января 1832 г. его исключили из Общества по предложению Я. Н. Яновского и А. Завиши. Однако Кремповецкий оставался среди эмигрантов и своих единомышленников в Европе признанным главой польской карбонарской ветви, активно интересовался европейским революционным движением, поддерживал с ним связь и участвовал в разработке общих планов революционной борьбы. Они обсуждались весной 1832 г. в Обществе друзей народа при участии А. Гуровского от ПДО, а также И. Лелевеля и его сторонников. 27 мая 1832 г. в Париже под патронатом Лафайета был устроен международный банкет, чтобы укрепить «святой союз народов против лиги королей». Наряду с французскими демократами, присутствовали революционно настроенные эмигранты из Италии, Германии, Испании. Польшу представляли демократы из ПНК и ПДО. Собравшиеся считали лето 1832 г. наиболее подходящим временем для создания общего фронта в целях начала революции в европейских странах. Им представлялось, что первым станет выступление Германии, «с него начнется общее освобождение». Обсуждался вопрос о необходимости формирования Временного общенемецкого правительства либо Национальной конвенции для руководства революционным движением. Разделявшие эту позицию поляки опубликовали воззвание «К немецким народам!». Польский национальный комитет заявил о готовности поляков сражаться «за дело народов» и поддержать борьбу Бадена против притеснений свободы печати. И. Лелевель, Л. Ходзько, Э. Янушкевич и С. Ворцелль подписали договор о сотрудничестве с одной из немецких либеральных газет. В послании ПНК немецким либералам 2 марта 1832 г. говорилось: «Счастье нашей любимой Родины и польского народа будет обеспечено не раньше, чем когда другие народы увидят свое существование вполне обеспеченным, а свою свободу полной и целостной». Конкретизируя это заявление, его авторы писали: «Возрождение Польши наступит через свободную и демократическую Германию». Польские эмигранты приняли активное участие в манифестации, которая в мае 1832 г. состоялась в Кастенбурге под Гамбахом. Манифестация собрала 25 000 человек из разных немецких земель. Она

проходила под немецкими и польскими знаменами, звучал голос немцев: «Без свободы Польши нет свободной Германии [...]. Без свободной Польши нет счастья для всех других народов». Немецкие ораторы заявляли: «Ваше дело было нашим, было всеобщим делом, а ваше поражение — наше общее несчастье. [...] Пусть ваш орел взлетит над нами и путь нам укажет». Среди ораторов от Польского демократического общества был Т. Кремповецкий, от лелевелистов — Я. Чиньский. Оба выступали в польских национальных мундирах, и Чиньский от имени ПНК выразил немцам благодарность и пожелал «политического единства, которое должно осуществиться путем соединения в одно целое братских племен одного народа». Но чтобы добиться политического единства Германии, говорилось в приветствии, «нужно обратиться к принципу всемогущества люда, который должен стать основой всякой политической реформы». Такой принцип поляки видели в Конституции 3 мая, принятой в 1791 г. на так называемом Четырехлетнем сейме (1788–1792), и подчеркивали: его завоевание и намерение «распространить блага политической эмансипации на все классы населения есть и всегда будет главной целью наших усилий в качестве условия независимости». Выступивший с речью Ф. Гжимала заявил: «Мы отдаем наше святое дело, дело всеобщей свободы, в руки угнетенных народов [...]. Да здравствует подлинная свобода, опирающаяся на суверенность народов!». Выступление Б. Затварницкого перекликалось с речью делегата от Дюренхайма Фитца, который напомнил о том, что поляки спасли Европу от царской тирании, так же, как 150 лет назад спасли ее от турецкого завоевания. Он призвал собирать во всех немецких государствах тех, кто готов отдать имущество и жизнь за свободу Польши. Затварницкий также говорил о Яне Собеском, спасшем от турок Германию и весь христианский мир, о том, что восстание 1830–1831 гг. спасло Европу от царя: «Польша, идя за своим священным призванием, выступила на кровавую борьбу и пожертвовала собой ради Европы». Польский оратор утверждал: «Никогда не было двух народов, более достойных друг друга, чем народы немецкий и польский; никогда два народа не заключали между собой более прекрасного и прочного союза, чем теперь заключают немцы и поляки». «Клянусь вам, — заявил Затварницкий, — что мы, поляки, готовы пролить собственную кровь в защиту немецкого знамени»³⁷.

Пафос этих выступлений отражал общую атмосферу предчувствия скорого взрыва революционной борьбы в Европе. «Приближается важная эпоха [...]. — отмечал В. Дараш, — Деспотизм уже слишком долго распространял свое влияние, приходит час его гибели, все народы должны взяться за оружие [...], нужно и нам исполнить святую обязанность [...], добываясь свободы нашей отчизны, свободы народов». Так же считал и Лелевель, писавший 14 марта 1832 г. немецкому журналисту Г. А. Вирту: «Со дня на день растут возможности сближения всех народов в едином союзе людов, а тем самым и шансы на возрождение вольной Польши». Эту мысль разделял и А. Мицкевич, который заявлял: «Где только в Европе имеют место угнетение свободы и борьба за нее, там идет борьба за Родину, и все должны сражаться в этой борьбе». Во время Гамбахской

манифестации был выдвинут лозунг демократического объединения и сотрудничества с французской демократией, а вскоре польским эмигрантам представился случай принять участие в революционных событиях, происшедших во Франции. 5 июня 1832 г. в Париже состоялись похороны генерала Ламарка, который был неизменным другом Польши и польского дела. Поляки во главе с генералом Серравским участвовали в торжественной церемонии похорон: было поднято знамя Польши, за ним шли Иоахим Лелевель и Одиллон Барро, толпа их приветствовала, генерал Ян Уминьский произнес слова прощания. Революционеры сочли этот момент благоприятным для выступления, в Париже началось восстание, были сооружены баррикады, произошли стычки с войсками. Ряд радикально настроенных польских эмигрантов присоединились к восставшим, один из них был ранен, четверо попали в плен. Поляки сражались в национальных мундирах, и французы кричали им: «Да здравствует Польша!». Власти же, подавив Июньское восстание, усилили полицейский надзор за эмигрантами, временно был закрыт «Таран». Ужесточение репрессий против революционных течений во Франции привело также к запрету Общества друзей народа. Карбонарии, в том числе и польские, перешли в находившееся под руководством Кавеньяка общество «Права человека и гражданина», которое тайно готовило новое революционное выступление. Революционные планы охватывали Францию, Германию, Италию и Польшу, расчет был также на рабочее движение в Англии и на швейцарских демократов. Первым очагом революции должна стать Германия, и чтобы не дать России его подавить, предполагалось устроить диверсию в Королевстве Польском. Во главе намеченного к высылке в Польшу вооруженного отряда Лелевель видел Ю. Заливского, популярного среди молодежи. Его противопоставляли Ю. Бему и в 1832 г. как герою вручили от имени эмиграции золотую саблю, включили в состав Польского национального комитета. С представителем немецких карбонариев Вольфрумом договорились о помощи в переброске польских эмиссаров через германские земли, этим делом занимались лелевелисты Я. Чиньский в Метце, Ф. Новосельский в Страсбурге, Я. Шилинг во Франкфурте на Майне, Нейман в Бадене и Баварии. Наладили также переброску пропагандистской литературы через Силезию и Краков — в Королевство Польское, через Галицию — в пределы России на Правобережную Украину и через прусские владения — в Литву. В Кракове помогал Людвик Зелиньский, организатор тайных антиавстрийских кружков, но главная ставка делалась на основанную в 1831–1832 гг. в Галиции тайную повстанческую организацию. Ее создатели Леон Залеский, Станислав Ворцель, Болеслав Гуровский, Юзефат Болеслав Островский находились в эмиграции, а руководство на месте осуществлял эмиссар Лелевеля Валериан Петкевич, занимавшийся подготовкой оружия и вербовкой добровольцев. Предусматривалось создание малых отрядов для действия в польских землях под властью России на всем пространстве вплоть до Днепра. Проведение диверсий должно было сочетаться с агитацией за всеобщее восстание. Основными положениями его программы являлись возрождение Польши «от моря до моря», установление народовластия, передача крестьянам

земли в собственность, провозглашение лозунгов свободы и гражданского равенства. Предполагалось обращаться к крестьянам при посредстве помещиков. В экспедиции должны были участвовать эмигранты, которых собирал в Познани эмиссар Лелевеля майор Антоний Краковский. Дополнительную поддержку были призваны оказать также Поморье и Восточная Пруссия³⁸.

Лелевель рассматривал намеченную экспедицию Заливского как начало борьбы за восстановление Польши в границах 1772 г. По существу это было попыткой придать карбонаризму национальный польский характер и одновременно означало раскол международного карбонаризма, потому что верховное карбонарское руководство не одобряло планов лелевелистов. Оно учло опыт французской неудачи и считало, что Германия еще не готова к революционному выступлению. Но Лелевель и его сторонники надеялись, что провозглашение в Польше лозунгов гражданской свободы и равенства, ликвидации барщины и передачи земли в собственность крестьян поднимет последних на борьбу. К тому же они рассчитывали, что Россия вмешается в дела Османской Турции в связи с мятежом Али-паши в Египте, а активность Петербурга на Балканах придется не по вкусу Австрии и Пруссии, которые в результате займут позицию нейтралитета по отношению к диверсии польских повстанческих отрядов в Королевстве Польском. В связи с подготовкой экспедиции Лелевель издал ряд воззваний, в том числе «К израэлитскому народу!» и «К братьям русским!». К русским Польский национальный комитет обратился по полномочию депутации демократических эмигрантов. Возглавивший ее А. К. Пулаский, подчеркнув, что в России «язык свободы стал понятен многим», потребовал направить воззвание к российским либералам, чтобы войти «с благородными русскими» «в политические отношения». «Воззвание к русским» было подготовлено Лелевелем при содействии А. Мицкевича и переведено подписавшим его Л. Ходзько. В нем звучал призыв, чтя традиции декабристов, крепить союз во имя свержения царизма и создания вольной славянской федерации. «Начните с себя, — говорилось в тексте воззвания, — вознесите алтарь свободы вместо слишком долго чтимого болвана и призовите к общему делу братские народы, ибо все одинаково этого жаждут». Обращения к народам с призывом к революционному сотрудничеству вызвали дипломатический демарш России, и в результате Польский национальный комитет был распущен французским правительством, Лелевель оказался высланным из Парижа. Тогда подготовкой экспедиции занялась тайная организация «Месть народа» под руководством Заливского. В ее исполнительный комитет, осуществлявший связь с Польшей, вошли Лелевель, Зверковский, Ворцелль, Глушневич, Ходзько и Островский. Законодательный комитет организации, имевший, по существу, тот же состав, разрабатывал основы конституции будущей Польши в границах между Черным и Балтийским морями, Одрой, Дунаем и Днепром; за образец была взята конституция США, в числе демократических прав провозглашались неограниченная свобода печати, вероисповедания, право на обучение. В подписанном Заливским и Ворцеллем протоколе организационного собрания «Мести народа» от 28 декабря 1832 г. говорилось

о предоставлении всем политических прав, признании самостоятельности крестьян и передаче им земли в собственность, провозглашалось «всевластие народа — все по воле люда и для его добра». В проекте конституции прослеживалось влияние идей Лелевеля о федеративной славянской республике: «Федеративная конституция с одними и теми же гражданскими и уголовными законами, — утверждали авторы проекта, — свяжет все провинции освобожденной Польши», и каждая из них, соблюдая унию, будет обладать в то же время «всемогуществом, правом организовать свои местные отношения так, чтобы конституции отдельных государственных образований не нарушали федеративной конституции, общих гражданского и уголовного прав»³⁹.

Агитация и вербовка эмигрантов в экспедицию проходили открыто, о них знали и французская полиция, и посольство России. В Авиньоне вербовкой занимался член ПДО Леон Залеский, в Безансоне лелевелисты Людвик Оборский и майор Свенцицкий. Шла речь о «сильных контактах» с Германией, которая начнет революцию одновременно с выступлением поляков; намекали также, что это станет для Англии и Франции предлогом, чтобы поставить польский вопрос на международной арене. Расчет был и на союз с оппозицией в России, на то, что там, как и в Польше, «все подготовлено к революции». Организаторы экспедиции верили, что русские, «нынешние рабы», «могут стать апостолами свободы», если поляки во имя христианской морали подадут им «братскую руку», и заявляли: «Мы боремся не с русскими, а с тиранами России». Примечательно, что они возлагали надежды и на российских помещиков, считая, что «русское дворянство, самое презренное на земле, [...] может родить в себе чувство достоинства», если поляки обратятся к нему «во имя европейской цивилизации и национальной славы». На страницах газеты «Рóінос» («Север»), тесно связанной с Я. Чиньским и Ш. Конарским, звучало убеждение: «В городах мы найдем умных и умеющих чувствовать свободу ремесленников, а если казаки Стенька Разин и Пугачев сумели перетянуть на свою сторону рабов, башкир, калмыков, почему мы этого не добьемся, если на бой позовет нас не эгоизм, не глупая гордость шляхты, не чувство католической исключительности, а любовь к свободе, любовь к человечеству». Отправляясь в экспедицию, ее члены имели с собой оттиски этих статей газеты, а также послания к русским Чиньского и экземпляры лелевелевского «Воззвания к русским» для распространения, в первую очередь, среди русских солдат, и было дано указание по-братски относиться к пленным и дезертирам из русской армии. Что касается самой военной операции, то планировалось, что она будет проходить в 22 округах: из них к Королевству Польскому относились 8 (в каждом из воеводств), к Литве — 4, к Белоруссии — 2, к Инфлянтам — 2; выделялись также Волынский, Подольский, Киевский и Смоленский округа. Сам перечень округов свидетельствовал о нереалистичности составлявшихся планов, поскольку, за исключением планов, касавшихся Королевства Польского, они основывались не на реальном административном и территориально-хозяйственном разграничении, а на историческом разделении воеводских дворянских корпораций прежней шляхетской Речи Посполитой.

Повстанческий план предусматривал, что каждый из намеченных округов будет разделен на подокруга и обводы, их руководители, завербованные из числа добровольцев, нередко не имевших военной выучки, были обязаны приносить присягу, и только они имели право знать представителей «Мести народа». До сборных пунктов, находившихся в австрийских и прусских владениях, добровольцы должны были самостоятельно добираться через Швейцарию, Вюртемберг, Баварию, Саксонию в Краковскую республику, Галицию, Познанщину, Восточную Пруссию. На переломе 1831–1832 г. в переброске партизан помогали агенты Лелевеля в Дрездене В. Петкевич и капитан Микуловский, а также карбонарии-иностранцы. Присяга, которую приносили добровольцы на основе 13 пунктов Устава, была похожа на карбонарскую. Устав включал принципы всеобщего равенства независимо от происхождения и вероисповедания, утверждались и моральные устои, определялись также военная иерархия и тактика борьбы.

План Заливского предполагал вторжение в Королевство Польское из Галиции. В начале 1833 г. он и граф Винцентый Тышкевич создали там опорный пункт с центром в Тарнове и отделами в Тарнополе, Чорткове, Злочове и Львово. Это был тайный Союз, куда входили представители разных социальных слоев — помещики, купцы, ремесленники, крестьяне. Главной квартирой эмигрантов стало имение Лешки под Львовом, принадлежавшее Эугенюшу и Текле Улятовским. Помощь оказывали и некоторые другие помещики (Теофиль и Гуго Висьнёвские, Онуфрий Городыньский, Генрик Янко), в том числе аристократы (Казимеж Дзедушицкий, Марцин Замоийский, Ежи Тышкевич), а также поэт Северин Гоциньский, ксёндз Поплавский, каменщики Рок и Хмелевский, слесарь Чеховский и др. Каждые пять членов Союза составляли роты под командой ротных, которые подчинялись начальникам округов, их задачей было готовить людей и оружие. Подготовка не была достаточно надежной, но Заливский решился выступить уже 19 марта 1833 г. Он рассчитывал довести отряд до Люблина, но в течение двух недель был вынужден маневрировать и скрываться, а затем отступил обратно в Галицию, решив разработать новый план. Не удалось и вылазки партизанских отрядов Артура Завиши, Каспера Дзевицкого, Геколда и Шпека, Бялковского, Лубеньского, Сперчиньского и Дуньского, действовавших в Плоцке, а также проникшего в Гродзеньск отряда под руководством Волловича. 70 эмигрантов, прибывших из Франции, не смогли связаться с Заливским, действовали на свой страх и риск и так же неудачно: их разогнали казаки, 26 человек погибли, многие оказались в плену. Впоследствии пленные партизаны крестьянского происхождения были биты кнутом и посланы на каторгу, шляхтичей Эдварда Шпека, Стефана Геколда, Сильвестра Ченцкого, Юзефа Домбковского расстреляли, Адам Пищатовский, Артур Завиша и Михал Воллович оказались на виселице⁴⁰.

Неудача преследовала и тех польских эмигрантов, которые должны были по сигналу из Франкфурта-на-Майне непосредственно присоединиться к общенародной немецкой революции и возглавить отряды повстанцев. Контакт с немцами поляки установили еще тогда, когда шли через Баварию, Баден

и Вюртемберг, а затем он получил развитие уже за границей. Более близкие связи с немецкими революционерами имела эмигрантская секция в Безансоне и соседних округах. Немецкие конспираторы просили прислать в Германию польских офицеров в национальных мундирах, уверяя, что это вызовет революционный подъем, когда в начале апреля 1833 г. они выступят одновременно с Заливским. Но когда поручик Станислав Пониньский, по заданию карбонарского руководства посланный во Франкфурт-на-Майне для проверки степени готовности к восстанию, посетив Штутгарт и Людвигсбург, не сумел там ни с кем связаться, он пришел к заключению о нереальности намеченного плана. Тем не менее, Лелевель прислушался к просьбе приехавшего из Германии Францишека Гордашевского поддержать немцев морально и в финансовом отношении. Несмотря на то, что Кремповецкий от имени Польского национального шатра запретил отправку партизан в Германию, Штольцман, руководитель безансонского центра, где находились преимущественно польские офицеры, «чье сердце и совесть» звали к борьбе вместе с немецкими революционерами, направил во Франкфурт майора Юзефа Михаловского, капитанов Шульца и Юзефа Новосельского для военного командования восстанием. Но «немецкая революция», вылившаяся в выступление студентов во Франкфурте 3 апреля 1833 г., потерпела поражение, просуществовав один день. Новосельский вместе со студентами безуспешно пытались освободить из тюрем политзаключенных. Также безуспешны были их попытки, раздавая оружие, призвать к борьбе городское население, крестьяне же из округов не могли войти в город. Михаловский возглавил отряд из 18 студентов и рабочих, и они сумели захватить здание полиции, но уже вскоре им пришлось отбиваться от атакующих войск. Поляки были арестованы, им удалось бежать, переодевшись и подкупив стражу. Однако основной безансонский отряд под командованием Л. Оборского, состоявший из 422 офицеров-карбонариев, а также солдаты и унтер-офицеры, переведенные французскими властями в Бержерак, не знали о падении Франкфуртского восстания и пересекли французско-швейцарскую границу. За ними последовали около сотни поляков-эмигрантов из французских центров Дижона, Салена, Люксембурга, которых вели Леон Яблоньский, Фаустын Бреаньский и др. Поскольку французское правительство закрыло границу, вернуться они уже не смогли и оказались в Швейцарии в бедственном положении. В связи с этим эмигрантское руководство в Париже направило протест французским парламентариям и обратилось за помощью к парламенту Швейцарии. Либерально настроенная администрация Берна пошла навстречу полякам, разместила их в деревнях кантона и дала им содержание. В одной из деревень польские эмигранты создали военную организацию: Легион, или Святой отряд, представлял собой солдатскую коммуну из двух батальонов и восьми рот, где царила полная выборность и равенство солдат и офицеров. Комендант («солдат-начальник») Оборский, начальник штаба Штольцман, командиры батальонов полковники Антонини и Пашкович, квартирмейстер полковник Ян Лелевель, а также Гордашевский, Новосельский, Стефаньский составляли Хозяйственный совет (раду), переизбиравшийся каждые три месяца и занимавшийся

управлением, представительством и политикой; ему подчинялись ротные советы. Все члены Совета были лелевелистами, так же, как и его секретарь Константин Залеский и кассир Эмерик Станевич. Касса являлась общей, средства собирали польско-швейцарские комитеты в селах и городах, для помощи Легиону оппозиционная французская пресса объявила подписку, взносы поступали, главным образом, от масонов и карбонариев. В Англии сбором средств занимался специальный комитет помощи, куда входили и тори, и виги, и радикалы; деньги поступали также из Бельгии и Германии, от иностранных эмигрантов во Франции. Всего в пользу Легиона до конца 1833 г. было собрано 45 480 франков, но при этом швейцарские карбонарии отказали ему в помощи, считая нарушителем указаний высшего руководства карбонарской организации, из ее состава члены Легиона были исключены. Лишь в результате переговоров, которые в Париже и Лионе вел К. Залеский, удалось добиться примирения: «легионеры» стали частью швейцарского карбонарского шатра и получили право на материальную помощь карбонарской организации⁴¹.

Среди тех, кто осуждал «самодеятельность» безансонцев, было и руководство Польского демократического общества, что же касалось лелевелистов из «Мести народа», то они рассчитывали, что Легион можно будет задействовать в новой экспедиции Заливского, которую тот наметил на 1 февраля 1834 г. Заливский издал воззвание, направленное против дипломатических планов и расчетов Чарторьского: обращаясь к жителям Галиции, он заявил о намерении в борьбе «за свободу, гражданство и земельную собственность» освободить Польшу силами самого польского народа. Выступление предполагали направить только против России, в отношении Австрии и Пруссии сохранялись лояльность и нейтралитет. Такую позицию Заливский занимал с самого начала, он не поддерживал провозглашенного Лелевелем лозунга борьбы против трех угнетателей польского народа в сочетании с революцией в других европейских странах, а также не одобрял воззвания Лелевеля «К братьям русским!», хотя и рассчитывал на поддержку российских военных конспираторов. В подготовку экспедиции Заливского дополнительные трудности вносил тот факт, что его распоряжения отличались от карбонарских инструкций, которые лелевелисты направляли своим агентам в Польшу. Еще в конце 1832 г. направленный из Безансона в Галицию Ежи Булгарин основал там карбонарский союз, объявивший целью проведение всеобщей революции и установление республиканского строя. Членами его стали Юзеф Залеский, Игнаций Кульчинский, Кароль Качковский, ксёндз Кулиговский, граф Доминик Рей. Позже, в марте 1833 г., эмиссары Лелевеля Кароль Борковский, Михал Ходзько, Генрик Дмоховский, Францишек Бобиньский, Леон Залеский, Станислав Мацевич в Древянах, имени графа М. Замойского, обсуждали планы создания карбонарской организации в трех частях Польши, разрабатывали принципы будущего Союза польских угольщиков. Кремповецкий вместе с Буонарроти хотели объединить польскую конспирацию с европейским карбонаризмом, и эту задачу Борковский и Ходзько пытались осуществить при составлении устава Союза друзей народа, отражавшего «демократические

принципы и стремления». Были созданы два вспомогательных союза — мужской и женский, их функция заключалась в сборе денег и подготовке оружия, а кроме того, они были призваны «ширить чувство любви к родине». Как подчеркивалось в уставе организации, который представлял собой упрощенный вариант устава французских карбонариев, ее принципы основывались на естественном праве человека, что обеспечивало ее силу. Эти принципы В. Мигурский, в декабре 1832 г. вступивший в масонскую ложу, впоследствии изложил в показаниях Следственной комиссии: все члены Союза друзей народа должны были считаться братьями, равными между собой, и помогать друг другу, а всех правящих клеймить как тиранов и деспотов, бороться с ними, чтобы их уничтожить; каждый член Союза клялся слепо верить руководству организации и подчиняться его приказам, хранить тайну, соблюдая осторожность, а в безвыходной ситуации прибегать к самоубийству; члены Союза узнавали друг друга по особым знакам и по приветствию «Смерть тиранам!»⁴².

Неудачное выступление Заливского способствовало тому, что руководство галицийской организацией перешло к карбонариям. А после того как 19 августа 1833 г. Заливский был арестован австрийскими властями, Борковский и Ходзько, готовясь поддержать планировавшуюся венгерскую революцию, активизировали работу вместе с венгерскими карбонариями. В ноябре 1833 г. в имении К. Дзедушицкого Жепнёве собрался съезд карбонариев из трех частей Польши, видимо, тогда и произошло зарождение будущего Содружества Люда Польского. В числе участников съезда были Винцентый Мигурский, Францишек Бобиньский, Леон Залеский, Михал Ходзько, Генрик Дмоховский, Игнаций Кульчиньский, Станислав Мацевич, Юзеф Гляйних, Наполеон Новицкий, Северин Гощиньский, граф Казимеж Дзедушицкий, Михал Остророг и Анджей Творницкий. Залеский поддерживал работу эмигрантов в Познани — Гротовского, представителя авиньонских карбонариев, и Леона Зенковича от безансонской группы. На Волини действовали Дмоховский и Кульчиньский, в Галиции и Кракове — Бобиньский, Дзедушицкий, Гощиньский, Новицкий. Последний создал ложу во Львове, ее члены активно агитировали среди чиновников, представителей интеллигенции, мелкого мещанства, низшего духовенства. В Кракове этим занимались Ежи Булгарин и доктор Кароль Качковский. Наряду с обсуждением деталей практического сотрудничества с венграми, рассматривался план создания карбонарских центров в австрийской армии. Было решено обратиться с призывом к борьбе против венского правительства, выдвинув либеральную социальную программу улучшения положения крестьян и батраков. Текст воззвания обсуждался на следующем съезде в Жепнёве 24 ноября 1833 г., но оно не было издано: конспираторам пришлось разъехаться, так как австрийские власти ужесточили полицейский надзор. Залеский, Ходзько, Новицкий отправились в Краков, а затем в Познань, Дмоховский в Чорткове следил за революционной подготовкой на украинских землях, туда же в качестве эмиссара был направлен Конарский, а Мигурский, Дуцкий, Лоневский и Скорытовский занялись такой же работой на Подолии при помощи местного шляхтича Стажиньского. Связь

с Королевством Польским поддерживали через посланного в Варшаву Г. Эренберга. Был также установлен контакт с демократической конспирацией в Чехии и Словакии. В. Мигурский, направленный в Черновцы для создания там карбонарского центра, должен был распространить подобную пропаганду и на соседнюю Молдавию, однако ему удалось добраться лишь до Каменец-Подольского⁴³.

Весной 1834 г. в Галиции прошли массовые аресты, испугавшие шляхту, ряд лиц арестовали на основании показаний Заливского, хотя свою причастность к карбонарской организации и связь с французскими революционерами он скрыл. По решению суда Заливский был заключен в крепость Куфштейн сроком на 20 лет, по 15 лет заключения получили Винцентый Жабоклицкий, Кароль Борковский, Леопольд Бялковский; на разные сроки осудили Адольфа Ролинского (10 лет), Константия Слотвиньского (8 лет), Александра Комарницкого (6 лет), Генрика Дмоховского (5 лет), Фердинанда Белявского (3 года). В обстановке репрессий о планах революционного выступления приходилось на время забыть. От имени комитета «Мести народа» Петкевич передал в Галицию указание умерить социальный радикализм и переключиться на продолжительную исключительно национальную пропагандистскую деятельность. Между тем попытки революционных выступлений в Европе и участие в них поляков нашли отклик в жизни польских эмигрантов во Франции и отразились на их положении. В ряде французских центров состоялись торжественные траурные церемонии в честь погибших партизан Заливского. Так, уже 3 июля 1834 г. в Париже на торжественном заседании карбонарско-масонской Ложи Неделимой Троицы международное сообщество почтило память члена ложи Каспера Дзевицкого; присутствовали и произносили речи Кавеньяк, Лакомб и другие французы, от немцев выступал Вольфрум, от поляков Ворцелль, Пулаский, Кремповецкий. В речах «братьев-каменщиков» выражалась уверенность, что дело свободы победит. Подобные речи звучали и на траурных церемониях, состоявшихся в Шатору и Леруа, но всех ораторов французские власти арестовали как карбонариев, а крупные карбонарские группы разбросали по 200 адресам. Ворцелль и Пулаский попали в тюрьму Сен-Пелажи и 14 июля 1834 г. обратились оттуда с воззванием к эмиграции. В нем говорилось, что правительство Луи-Филиппа преследует поляков по наводке Священного союза, цель которого «подавить революционные порывы, свидетельствующие о связи нашего дела с делом народов, единственных истинных наших союзников». Авторы воззвания утверждали, что «дело Польши в высшей степени революционное», и потому так ненавидят его Священный союз и другие реакционные силы. «Польша, — писали они, — это краеугольный камень будущего здания братского союза народов, ибо является объединением и тождеством наших стремлений, нашего призвания и наших интересов с интересами, призванием и стремлениями республиканцев всех стран»⁴⁴.

Французское правительство, действительно испытывавшее давление со стороны Священного союза, и само также стремилось избавиться от революционного польского элемента. Еще в первые месяцы 1833 г. 300 наиболее «непокойных» польских радикалов были высланы из Авиньона и Безансона в Бержерак возле

Бордо, туда же вскоре прибыли более ста бывших военных из Буржа — пункта влияния партии Чарторьских, что провоцировало конфликты и скандалы. Радикалы под руководством подполковника Росляковского и Марцелия Помаского создали объединение (400 чел.) под лозунгом «всевластия люда» и дали клятву работать для родины и человечества. Они протестовали против репрессий правительства в воззвании, обращенном к французскому народу, а также на страницах газеты «La Tribune». Попытка выслать Росляковского из Франции в мае 1833 г. привела к стычке эмигрантов с властями, вследствие чего 200 поляков перевели в департамент Ланды. Там возник Огул с резиденцией его центральной комиссии в Мон-де-Марсане, где стал выходить орган комиссии «Czas» («Время»), издававшийся ее секретарем Помаским. Огул не признавал «аристократическо-дармоедского» Комитета Дверницкого. В Париже представителями Огула и его корреспондентами стали Кремповецкий и Пулаский. Оставшиеся в Бержераке 200 сторонников Росляковского и те, кто прибыл из Буржа, поддерживали с Огулом постоянный контакт, а их руководитель майор Шелеховский являлся доверенным лицом Кремповецкого, который отправлял из Парижа послания, где наряду с осуждением французского правительства звучал и «призыв к царубийству». Попытка французских властей назначить комендантом в Бержераке консерватора полковника Подчаского вновь вызвала конфликт, приведший к переводу в Манс, Анжер и Ньор 120 поляков — офицеров и унтер-офицеров. Ответом стало воззвание Огула в департаменте Ланды 5 октября 1833 г., обвинявшее Подчаского, «недостойного имени поляка», в «нарушении прав человека, эмиграции, законов братства и родства». В результате власти ликвидировали центральную комиссию и закрыли ее газету «Czas», а 120 «крайних демократов» в очередной раз перевели в местечки Гренад и Сан-Север. Что касается Ворцелля и Пулаского, их подвергли высылке из страны, они выехали в Брюссель, как и Эустахий Янушкевич, Ян Чиньский, Юлиан Закшевский, Юлиан Гружевский. Кремповецкого, Кайсевича, Реттеля и других выслали в провинцию, Лелевель, высланный как «руководитель и инспиратор новых подстрекательств в Польше», а также вождь республиканской «беспокойной» партии, летом 1833 г. демонстративно пошел в Тур пешком, в рабочей одежде, с котомкой за плечами. По пути его приветствовали толпы республиканцев, а осенью, будучи уже в Аррасе, он опубликовал на французском языке протест против преследования поляков и описал, какие меры французские власти предпринимали в отношении его в течение двадцати месяцев. Когда Ходзько выслали из Тура, он 31 августа 1833 г. также выступил с протестом. Но репрессии против польских республиканцев и карбонариев не прекращались, им подверглись и немецкие эмигранты: вместе с Лелевелем шли в ссылку Шумахер и Вольфрум⁴⁵.

Немалое значение в активизации репрессий имела позиция правого лагеря в польской эмиграции — партии Чарторьских и Комитета Дверницкого. Генерал постоянно маневрировал: сначала он благословил Заливского на партизанское выступление, но затем выслал в Королевство Польское своих эмиссаров Доминика Булевского, Аполинария Нико, Людвика Ташеньского, Романа Чарномского

для агитации среди шляхты — ее пугали тем, что члены экспедиции Заливского поднимут крестьян на борьбу против помещиков. После неудачи экспедиции Дверницкий обратился к эмиграции с циркуляром, где, призывая ее к единству, предостерегал от подобных «заливщине» преждевременных выступлений, влекущих за собой репрессии и лишь мешающих делу Польши и Европы. Этот циркуляр вызвал протест даже у ряда членов Комитета Дверницкого, в том числе у Ворцелля, который был одним из организаторов экспедиции Заливского и считал ее «посевом свободы». С осуждением циркуляра в прессе выступил и Пулаский, так же, как и А. Плихта, он ушел из Комитета Дверницкого. И хотя А. Мицкевич был против вовлечения французской общественности во внутренние польские дела, Лелевель опубликовал протест в радикальной «La Tribune». В этой обстановке Дверницкий постарался оправдаться: в письме к Лелевелю он подтвердил мнение о преждевременности экспедиции, но отдал честь ее погибшим участникам. Впоследствии он стремился реабилитировать себя, хлопотал о помощи Святому отряду в Швейцарии, призвав польских эмигрантов во Франции отдавать десятую часть своего содержания в пользу «легионеров». Адьютант генерала Анастазий Дунин был одним из организаторов создания в Лондоне комитета помощи, которая в Англии также была весьма востребована поляками-эмигрантами. И не случайно находившаяся под эгидой Комитета Дверницкого Комиссия эмигрантских фондов действовала под девизом: «от тех братьев, у кого мало, тем, у кого нет ничего»⁴⁶. Возникали и другие благотворительные фонды, в том числе действовавшие в Бельгии и во Франции. Одним из них было уже упоминавшееся Общество благотворительности польских дам, основанное партией Чарторыхских. Однако не каждому эмигранту оно оказывало помощь, и эта «избирательная» позиция вызывала острую критику, особенно на фоне вопиющей нужды поляков за границей. Так, после голодной смерти эмигранта Феликса Краузе в 1860 г. появилось сатирическое стихотворение*, опубликованное газетой «Demokrata Polski»:

«Но как же с голоду он умереть сумел,
 Коль в дамском Обществе свершенья добрых дел,
 В салонах, на балах, в костёлах в час обедни —
 Везде сбор средств идет на кошт поляков бедных?
 Большие суммы и французы выдают,
 Но где же деньги те? Куда они идут,
 Коль гибнут от нужды заслуженные люди?
 Кто знает! Ведь никто дам проверять не будет,
 Никто не спросит, почему же пани
 Не ищут тех, кто жертвой стал страданий,
 А ждут, кто из нужды их умолять решится,
 Но и тогда они не станут торопиться:
 Покорно нужно ждать и повторять прошение,

---

* Все польские стихотворные тексты приводятся в переводе С. М. Фалькович.

Чтоб получить на пару дней обеспечение.
Щедрей тому дадут, кто выразит стремленье
Пойти на исповедь ради грехов прощенья»⁴⁷.

Сатира эта являлась частным подтверждением общего отношения к аристократической эмиграции, сохранявшегося на протяжении десятилетий. Так, отвечая на письмо Дверницкого об экспедиции Заливского, Лелевель, воздав должное молодым эмигрантам, которые верят во всеобщую революцию и идут на борьбу, вину за искажение событий «заливщины» и представление партизан в ложном свете возложил на сторонников Чарторыского. Уже в январе 1833 г. они создали зародыш консервативной партии — Союз национального единства. Это была тайная организация, куда, наряду с А. Чарторыским, входили члены ее Совета Станислав Бажиковский, Густав Малаховский, Людвик Плятер, Юзеф Свирский, генералы Юзеф Бем и Генрик Дембиньский, а также Князевич, Пац, Немцевич, Ельский, Хшановский, Быстшоновский, Бреаньский, Замойский и др. Руководство Союза не избиралось, а назначалось сверху, организация имела в своей структуре пять степеней доверия; предусматривалось принятие присяги, вводились псевдонимы. Предполагалось действовать «в святом и религиозном утаении», чтобы утвердить в Польше «жизненный дух». Подписавшие акт создания Союза заявляли, что их «окончательной целью является исходатайствование либо завоевание независимой Польши, такой, чтобы она и в собственной силе имела достаточную гарантию сохранения независимости». В инструкции Чарторыского одному из агентов, направленных в Польшу, говорилось: «Польша не может вернуться к жизни иначе, как только через восстание сильное, всеобщее, охватывающее всю страну и во время организованное. Вовремя — это значит организованное, когда сложатся обстоятельства, обещающие нашим усилиям благоприятный результат». Чарторыский понимал, что «без собственных сил и собственных способов (борьбы. — С. Ф.) народ никогда не поднимется. Чем сильнее он будет сам по себе, тем увереннее сумеет воспользоваться благоприятными обстоятельствами, какие могут случиться, тем вернее [...] он может рассчитывать на чужую помощь». Нужно готовиться, считал князь, формировать вооруженные силы эмиграции; сама же Польша создаст «национальную силу» на основе патриотизма, просвещения, сплочения воедино и гражданской подготовки крестьян, а также экономического развития. Он указывал, что необходимо «поддержание национальной жизни, национального чувства», всеобщей готовности к восстанию, так как к борьбе за воскрешение Польши могут подать знак независимые от поляков факторы — «серьезная война» Европы против России или Священного союза, либо «революции в Москве, в Австрии, в Пруссии или в Германии». «На эти два поворота европейского пути, на их более отдаленные или более близкие подобию, на все симптомы и подробные известия [...] — подчеркивал Чарторыский, — мы должны держать глаза открытыми, а внимание в постоянном напряжении». «Хочешь не хочешь, — заявлял он, — страна должна быть терпеливой. Всякие частичные действия, всякая война без полномочий может привести только к поражению». Польскому народу на родине

и эмигрантам на чужбине предписывалось пока блюсти родной язык и историческую память, отложив всякие споры и обсуждения будущей организации страны до ее освобождения. «Мы не входим в теоретические споры, — писал Чарторыйский в 1834 г. в инструкции агенту Л. Малаховскому, — мы признаем принципы Конституции 3 мая как последнее истинное выражение политической воли всей давней Польши, способное принять всякие усовершенствования, необходимость которых показал опыт». На основе этих принципов Союз формулировал свою программу восстановления независимой Польши как конституционной монархии, опирающейся на имущественный принцип. Она предполагала создание единого сильного и прочного правительства, установление равенства граждан перед законом, обеспечение свободы личности, свободы слова и вероисповедания, гарантии «святой и неприкосновенной» собственности, а также «предоставление крестьянам собственности при обеспечении приобретенных прав»: предусматривалось «обеспечить собственность тем крестьянам, которые свободны, а тем, кто еще в неволе, дать свободу и собственность». Для достижения поставленных в программе целей определялись задачи эмиграции: она должна была сплотиться, чтобы оказывать воздействие на общественное мнение европейских народов и убеждать правительства в необходимости оказать Польше дипломатическую поддержку. Кроме того, как указывал Чарторыйский, ее задачей было подготовить «скелет» польской военной организации и дать сигнал к бою в нужный момент. Поэтому князь заявлял: «Если где-нибудь сформируется какое-то ядро польской армии, лишь бы только сформировалось, будет сделан великий важнейший шаг». Но он подчеркивал, что роль самой Польши гораздо важнее роли эмиграции: сила нации — «в единстве духа, чувств, стремлений и единстве направления. Все, что объединяет, разлагает и разделяет, — считал Чарторыйский, — для нас смертельно»⁴⁸.

Союз национального единства пропагандировал эти положения в своей печати: в 1833 г. выходил «Feniks», в 1834–1839 гг. — «Kronika emigracji polskiej», которую редактировали Кароль Сенкевич и Кароль Боромеуш Гоффман. Выходил также постоянный орган консерваторов «Kraj i emigracja», издававшийся Янушем Вороничем и Людвиком Быстшоновским с 1835 по 1843 год. Одним из главных результатов развития консервативной мысли был вывод о том, что нужно заранее перед взрывом восстания признать будущую власть, чтобы сохранить главные ценности — свободу, «безопасную для всех под сильным постоянным правительством», равенство, моральные устои, веру. Вытекала отсюда и мысль о конституционной монархии как наилучшем строе, гарантирующем все эти ценности. Эту концепцию вполне разделяли ряд деятелей эмиграции, которые, как, например, Мохнацкий, видели в эмигрантах «солдат независимости» Польши и хотели их объединения вокруг Чарторыйского, считая эту фигуру наиболее подходящей для роли вождя будущей борьбы за независимость. На страницах близкого ему печатного органа «Ramiętnik emigracji» («Дневник эмиграции») Мохнацкий выражал стремление к скорейшему восстанию, но без социальных потрясений, так как считал: «Крестьянин и шляхтич это два главных элемента Польши. Оба составляют единое целое [...]. Народ, который восстает, не может делиться на части; противоречивые

интересы этих частей не могут сталкиваться между собой во время восстания, а потому в восстании нет партий». «У нас массам не требуется ничего ни у кого насильно отнимать, — заявлял он, — потому что все принадлежит им по праву, и по праву, не завоеванному силой, а добровольно, по-братски утвержденному меньшинством в пользу большинства». Как и князь Адам, Мохнацкий имел в виду Конституцию 3 мая 1791 г. и утверждал, что нужно будет лишь выполнить заветы Четырехлетнего сейма. По мнению Мохнацкого, все социальные конфликты необходимо было отложить на будущее, чтобы не мешать единству в восстании, успех которого во многом зависит от единого руководства, и назначение руководителем Чарторьского он считал оптимальным вариантом. «Для нации, — писал он Замойскому 20 октября 1834 г., — спасение в том, чтобы Польша увидела князя во главе этих повстанческих идей. Враги родины и эмиграции доказывают, что князь хочет только Конгрессовой Польши и амнистии. Мы же, напротив, доказываем, что князь намерен отправиться отсюда на защиту всей Польши». Мохнацкий допускал, что помочь восстанию может и европейская дипломатия, и всеобщая революция, но руководство Союза национального единства было решительно настроено против пути карбонарских революций. Его сторонники злобно комментировали провал карбонарских планов. Ю. Бем характеризовал Заливского как «царского провокатора», который лучших польских патриотов повел из Франции в Польшу на уничтожение. Генерал Князевич и Л. Плятер обвиняли его в «позорном намерении убивать монархов» и формировании «банд» в Польше. Обращаясь к Чарторьскому, они высказывали опасение, «чтобы это не навредило сильно нашему делу». С целью воспрепятствовать распространению карбонарского духа в Польше Союз старался засылать туда своих эмиссаров. Один из них, Юзеф Свирский, бывший во время восстания 1830–1831 гг. министром иностранных дел в правительстве Чарторьского, в январе 1833 г., сразу после создания Союза, прибыл в Галицию, но столкнулся там с крепкими позициями лелевелистов и не сумел наладить сотрудничество с галицийской аристократией: граф Ксаверий Красицкий и князь Леон Сапега не были склонны возглавить ячейку Союза, предпочитая путь создания местной независимой организации, и Свирский был вынужден уехать из Галиции. В 1839 г. Союз национального единства распался, став как бы прообразом будущего Отеля Ламбер — уже явного консервативного центра, но сложившийся в 1837 г. его тайный наследник Инсurreкционно-монархический союз действовал во Франции и Англии до 1843 г.⁴⁹

3. Польская демократическая эмиграция во Франции, Швейцарии, Бельгии и Англии. «Молодая Польша» и Союз детей Люда Польского

Сторонники Чарторьских хотели вернуть во Францию поляков, рассеянных по Европе вследствие гонений французских властей и большей частью собравшихся в Швейцарии, чтобы подчинить их своему влиянию, направив их энергию в других целях. В русле идеи Союза национального единства о подготовке

за границей польских военных сил возник план сформировать из членов швейцарского Легиона подразделение под началом Ю. Бема для оказания поддержки члену португальского королевского дома дону Педру д'Алькантарра, защищавшему права на престол малолетней королевы Марии. При посредстве Пальмерстона В. Замоиский вел переговоры о формировании легиона. И в сентябре 1832 г. соглашение, поддержанное также и Чарторыским, было достигнуто, а в мае 1833 г. Ю. Бем подписал договор о руководстве легионом, который должен был объединить 1700–3200 чел. Но дон Педру под давлением самих же поляков вынужден был отказаться от этого замысла, так как, хотя план португальской экспедиции рекламировался как поддержка борьбы против Священного союза, его отверг даже Дверницкий, а у демократической эмиграции он вызвал возмущение. 3 июля 1833 г. после торжественного молебна, состоявшегося у гроба Святого Казимежа в Сен-Жермен де Пре в Париже, был оглашен документ, принятый в «Таране» 30 радикалами из Польского национального комитета и Польского демократического общества по инициативе Кремповецкого, Чиньского и Ворцелля. Это был акт осуждения партии консерваторов за попытки использования польских вооруженных сил для помощи португальской реакции; воззвание, призывавшее эмигрантов в легион, сожгли. Возникли ссоры и дуэли, на Бема даже было организовано покушение, угрожали его агентам; Чарторыского же Ворцелль назвал «предателем польского дела». Сами швейцарские «легионеры» отвергли план консерваторов с негодованием, заявив, что возьмут в руки оружие только для того, чтобы вернуться в Польшу в момент европейской революции, в которой они рассчитывали сыграть важную роль. Их поддерживали демократические швейцарские организации — Гельвеция, Шютценферайн, Зофингенферайн, а также власти ряда кантонов. Но были кантоны, находившиеся под влиянием консервативно-клерикального руководства Сарненбунда, которое в Базельском кантоне попыталось взять под контроль его демократическую сельскую часть с городом Листаль. На помощь швейцарским либералам и демократам пришли поляки. Совет Легиона предложил военную поддержку парламенту Швейцарии и направил два вооруженных отряда в Листаль, где уже действовали польские эмигранты: капитан Кароль Кросс возглавил народную милицию города, командирами полицейских плутонов стали Вернезобрый и Пониньский, а подпоручик Новицкий занимался подготовкой орудий и обучением офицеров. 3 августа 1833 г. консерваторы были разбиты под Гуфтеншанцем, а их командир полковник Вишер взят в плен. Цюрихский парламент благодарил польских эмигрантов за помощь, но под давлением Священного союза и травли со стороны реакционных сил внутри страны швейцарские власти были вынуждены ужесточить меры против поляков. Было объявлено о прекращении материальной помощи эмигрантам с 1 января 1834 г. После того как французский посол в Берне добился для них права вернуться во Францию, 200 человек выехали в Орлеан, Тур, Шалон, Лаваль, где получили содержание, другие отправились в Бельгию, Англию, США. Но Совет Святого отряда хотел сохранить позиции в Швейцарии: 200 польских карбонариев остались в Бернском кантоне, готовые к грядущей войне за свободу⁵⁰.

В ноябре 1833 г. Общество прав человека и гражданина выступило с экспозе, где выдвинуло лозунг «равенства социальных условий». В руководстве Обществом в это время произошел раскол: «левое» крыло карбонариев, назвавшее себя «Обществом действия» и требовавшее скорейшего проведения революции, вышло из-под власти Руководящего комитета и Верховного всеобщего шатра. Глава Польского шатра Кремповецкий поддерживал «левых» и стремился, чтобы швейцарский Легион вступил в Общество прав человека и гражданина. В результате в декабре 1833 г. большой отряд «легионеров» в Бьене создал гмину Общества под названием «Молодая Польша», а затем возникли гмины «Благие намерения» в Сент-Имье, «Костюшко» в Солуре, «Сарматы» в Дельмонте, «Славянина» в Поррантре. Гмины делились на секции, каждая из которых объединяла несколько человек. Они принимали за основу главные постулаты программы Общества: уважение прав человека, «справедливо и морально обусловленная собственность», равенство и братство людей и народов. Выдвигалось даже требование изгнать религию из общественной и частной жизни как противоречащую прогрессу и просвещению, заменив ее моралью, основанной на рационализме. На основе проходивших в секциях дискуссий на тему будущего социально-политического строя в Польше польские карбонарии в Швейцарии формулировали цели и средства революционной борьбы: «Для уничтожения тирании и интриг народы обязаны воспользоваться своим всемогуществом, граждане должны объединиться и знать свои права. Объединение и пропаганда — вот две великие гарантии, которые надлежит задействовать, чтобы подготовить день освобождения. Уничтожить эксплуатацию человека человеком, ликвидировать возмутительные привилегии небольшого числа бездельников, которые кормятся избытком богатств, отнятых у многочисленного класса бедных работников, призвать всех людей к их достоинству, к равенству политических прав, а прежде всего, к справедливому разделению общественной выгоды и бремени — вот цель Общества»⁵¹.

Название «Молодая Польша» одна из гмин выбрала не случайно. В 1833 г. в Швейцарии оказалось много итальянцев, бежавших туда после раскрытия военного заговора в Пьемонте. Польские «легионеры» общались с швейцарской группой «Молодой Италии» и испытывали влияние идей создателя этой революционной организации Джузеппе Мадзини, который в то время находился в Женеве. Лозунги Мадзини отличались от лозунгов карбонариев, они основывались на идее национально-религиозной миссии каждого народа: «Бог наверху, народ у основ и идеи прогресса между ними». Поскольку врагом итальянского народа была Австрийская монархия, Мадзини хотел атаковать ее одновременно в Италии, Венгрии, Польше, в германских странах и на Балканах, а для этого рассчитывал на союз с народами этих стран. О планах общего выступления он писал Лелевелю, который поддерживал идею создания единого революционного фронта, так как стремился к борьбе против Священного союза, и в первую очередь, против России как главного врага поляков. В Швейцарии Мадзини установил контакт с Каролом Штольцманом, Феликсом Новосельским, Францишеком

Гордашевским, Константином Залеским, Леоном Пшецишевским и другими польскими карбонариями. Речь шла об организации экспедиции в Савойю, но у Верховного шатра были другие планы, и потому переговоры с ним длились около полугода. Часть поляков, желавших выехать из Швейцарии во Францию, разделяла позицию карбонарского руководства, но другие поддержали планы «Молодой Италии» и приняли участие в работе Специального исполнительного комитета, готовившего экспедицию. 27 ноября 1833 г. был подписан договор, определивший план атаки на столицу Савойи Шамбери со стороны Швейцарии и Франции. Было закуплено оружие, военные же силы, состоявшие из итальянцев, французов, немцев, швейцарцев, поляков, сконцентрировались над Женевским озером, в самой Женеве, в Веве, Ролле, Нионе. Оттуда они должны были двинуться на Каруж, Сен-Жюльен и далее. Когда в ночь на 1 февраля польские эмигранты стали собираться, чтобы выступить, их приветствовали местные жители, но власти попытались разоружить и интернировать поляков и других эмигрантов. Колонну под командой Грабского арестовали и пытались реквизировать оружие у второй колонны, но его удалось отбить при помощи населения. В результате 52 польских эмигранта под командой Малиша и Гордашевского составили ударную силу военного отряда. Однако возглавлявший экспедицию генерал Раморино счел, что сил недостаточно, а главное, выступление отряда не вызвало революционного порыва. Поэтому решено было вернуться в Бернский кантон, где эмигрантов арестовала милиция. Поляков выслали в Бернский кантон, высланы были и другие эмигранты. Швейцарское правительство предприняло такие меры под давлением Священного союза, хотя демократические власти Базельского и Бернского кантонов выступали против этого⁵².

В конце апреля 1834 г. находившиеся в Берне представители отделов Легиона приняли решение о его роспуске, большинство «легионеров» (150 чел.) уехали в Бельгию и Англию, кое-кто отправился во Францию. В Швейцарии остались те, кто был связан с Мадзини, в том числе К. Штольцман, Ф. Гордашевский, А. Дыбовский. Руководство Общества прав человека и гражданина не хотело, чтобы поляки покидали Швейцарию, старались противиться их высылке. К. Залеский наладил контакт с французскими карбонариями, вел тайные переговоры в Арбуазе, Безансоне и Дижоне. В обстановке назревавших во Франции революционных событий поляки активно сотрудничали с конспираторами на местах, тем более, что многие из польских эмигрантов оказались высланными во французскую провинцию. Так, Гавронский выполнял функции связного между заговорщической ячейкой в Нанси и польской военной секцией Общества прав человека и гражданина, находившейся в Люневиле; в Метце Л. Зенкович занимался повышением военной квалификации стажеров, Ю. Словацкий вел повстанческую агитацию в Страсбурге. Поляки участвовали во вспыхнувшем в апреле 1834 г. восстании лионских рабочих, в Лионе тогда находились В. Матушевич, А. Мальчевский, Э. Рачинский, Я. Шилинг, туда же из Швейцарии приехал Ф. Гордашевский. Революционные выступления имели место также в Париже и ряде провинциальных центров Франции, и всюду отмечалась активная роль

польских эмигрантов. 24 марта 1834 г. перед шеститысячной толпой парижских рабочих было зачитано воззвание Кремповецкого, где главным лозунгом являлось уничтожение тронов и капиталистических монополий. Французские власти отмечали, что призыв к восстанию звучал там, где было сосредоточение поляков, — в Лионе, Безансоне, Гренобле, Дижоне, Эпинале, Сент-Армане, Саене, Рошане и др. Они требовали от Польского демократического общества письменного обязательства не иметь дела с французскими конспиративными организациями, но ПДО в ответ заявило протест. Польская демократическая эмиграция во Франции протестовала против закона об объединениях. Она помещала свои протесты во французских изданиях, где сотрудничали поляки. Так, в «La Tribune» работал Л. Круликовский, в «La Caricature» — Ю. Ш. Куровский и З. Сарнецкий, в органе Кабе «Le Populaire» («Народ») — Т. Кремповецкий. Протесты публиковала и польская эмигрантская печать, в частности, «Nowa Polska» («Новая Польша»), которую с 1833 г. издавал Ю. Б. Островский⁵³.

Неудача революционных выступлений в Европе и экспедиций в Польшу, а также последовавшее ужесточение политики французского правительства ослабили позиции карбонарского Всеобщего шатра, Польского демократического общества и Польского национального комитета. Лидеры этих организаций оказались вне Парижа или даже за пределами Франции. Польский национальный комитет был заменен тайным комитетом в составе В. Зверковского, Б. Яньского, Я. К. Одыньца, Я. Н. Яновского и Т. Кремповецкого, но последний в феврале 1834 г. был выслан в провинцию, а затем выехал в Брюссель, где сразу связался с Пуласким и Ворцеллем. Вскоре в Брюсселе оказалось около 100 поляков, в том числе Ян Чиньский, Эустахий Янушкевич, Юлиан Гружевский, Леонард Реттель, а также связанные с экспедицией Заливского Винцентый Тышкевич, Шимон Конарский, Каликст Божевский. Польские эмигранты в Бельгии жили в Брюсселе, Ипре, Ньепорте, Остенде, Уи. Ряд из них служили в бельгийской армии, некоторые работали в качестве граверов, наборщиков, корректоров (наборщиком и корректором был, в частности, Ворцелль), а часть эмигрантов исполняла грязную и тяжелую физическую работу. Многие, не имевшие работы, жили на небольшое правительственное пособие, но его, однако, платили не всем. Поэтому в Брюсселе действовали комитеты помощи, созданные графом Мероде и Адольфом Бартельсом и поддерживавшиеся либеральной оппозицией, однако уже в 1833 г. у комитета Бартельса кончились средства.

Прибывшие в Бельгию польские демократы старались развернуть активную деятельность: в январе 1834 г. Пулаский добился создания Огула в Брюсселе. Совет Огула (Рада) в составе Ястшембского, Гружевского, Кошутского, Мрозовского, Стрыйковского, Розе и приехавшего позже Кремповецкого собирался два раза в неделю в масонской ложе «Друзья истины» и в ресторане «Рим». Рада стремилась к тому, чтобы представлять всех поляков в Бельгии, но ей противостояли сторонники Чарторьского. Аристократическая партия, которая до конца 1830-х годов весьма интересовалась бельгийским вопросом, старалась укрепить свои позиции в кругах, близких к королю Леопольду. Так, на службе короля

находился Крушевский, осуществлявший его секретную связь с князем Адамом. Это даже вызвало реакцию Николая I, раздраженного тем, что на королевскую службу берут «бунтовщиков». Польская демократическая эмиграция, борясь с консерваторами за влияние на эмигрантов, искала поддержки в иных кругах бельгийского общества. Рада провела национальную манифестацию в республиканско-демократическом духе: на похоронах Сильвестра Чекерского выступали Ворцелль и представители других народов. А 29 ноября 1833 г., в годовщину Ноябрьского восстания, польско-бельгийский комитет организовал торжественное празднование, на котором поддержку собравшихся получила речь Лелевеля. Когда Пулаский стал соредактором основанной в 1834 г. бельгийской газеты «La Voix du Peuple» («Голос народа»), Лелевель рассчитывал, что она «станет нашим органом нашего польского дела». Вскоре Жандебьен, лидер либеральной оппозиции в бельгийском парламенте, поддерживавшей поляков и оказывавшей им материальную помощь, передал Пуласкому свои акции в издательской компании, и поляки получили большинство в редакции. Ее члены Лелевель, Пулаский, Ворцелль, ксёндз Новицкий разработали новый проспект издания, направленный на превращение его в «ежедневную газету демократической пропаганды и польских интересов». Уже в декабре 1833 г. «La Voix du Peuple» опубликовала 16 статей о польских делах. Их авторами были, главным образом, Пулаский и Ворцелль, причем последний выступал не только как враг царизма, но и с позиций люда и демократии атаковал шляхту и феодальный аграрный строй, поскольку видел «спасение» польского дела «только в люде и радикальной революции». Лелевель пропагандировал газету среди своих приверженцев во Франции, но во время волнений, происходивших в Брюсселе весной 1834 г., клерикалы, пришедшие к власти в Бельгии, стали проводить жесткий курс и в ответ на опубликованную в газете острую антиправительственную статью закрыли издание, арестовали его редактора Жобера, выслали Ворцелля, Пулаского и Лелевеля. Перед отъездом из Бельгии Лелевель писал 3 мая 1834 г.: «Тут взялись уничтожить нашу эмиграцию, настроить против нас общественное мнение. Это идет более резко, чем во Франции». Немного позже он подробнее описывал обстановку: «[...] Бельгийские симпатии исчезли, вместо них везде распространяется клевета, будто поляки-эмигранты — бузотеры, беспокойные, опасные, лодыри, считающие работу бесчестьем, будто мы не хотим ничего делать: ни стену оштукатурить, ни быть плотниками [...]. Тут нечего делать, надо убежать»⁵⁴.

После отъезда в Англию главной «карбонарской тройки» польских демократов брюссельским Огулом руководил Кремповецкий, он помогал эмигрантам выехать из Бельгии, ведал сбором средств для помощи польским солдатам, вырвавшимся из прусских тюрем. Но в середине 1834 г. он также выехал в Лондон. В Англии в это время было до 500 польских эмигрантов, в том числе 100 в Лондоне и 212 в Портсмуте. Последние составляли группу интернированных в Пруссии солдат польской повстанческой армии крестьянского происхождения. В Англии находились также участники экспедиции Заливского, франкфуртской и савойских экспедиций. Была и немногочисленная, но влиятельная группа

сторонников Чарторыского; его агентами являлись Кристын Лех Ширма и Юлиан Урсын Немцевич. Аристократическая эмиграция пользовалась поддержкой в британском парламенте, в руках ее английских представителей находилось Литературное общество друзей Польши, которое распределяло материальную помощь полякам: на 488 эмигрантов в год выделялось 10 тыс. фунтов стерлингов. С приездом в Лондон «карбонарской тройки» началась борьба против сторонников консервативной эмиграции. Пулаский и Ворцелль вошли в Исполнительную комиссию лондонского Огула вместе с генералом Романом Солтыком, Вильчевским, Закшевским, Зелёновичем. Была установлена связь с Корреспондентской комиссией ПДО в Пуатье. Пулаский и Ворцелль основали Общество взаимного просвещения, а для контакта с английскими радикалами создали Клуб прогресса как ответвление масонских лож с карбонарским уклоном. Их усилия были направлены на завоевание влияния в лондонском Огуле, реорганизацию его в революционном духе. Но карбонарии не имели в Огуле большинства, и это сказалось на выборах его Исполнительной комиссии в августе 1834 г. Выборы проводились несколько раз, сопровождались скандалами и ссорами. В итоге карбонарии проиграли и вышли из Огула во главе с «тройкой». 6 сентября они объявили в воззвании о создании собственной гмины, подчеркнув, что «не цифровое, а мыслительное количество составляет большинство». Они заявили также, что не считают Комиссию представительством эмиграции, так как она выслуживается перед аристократией. В свою очередь, члены Исполнительной комиссии, сформированной в результате новых выборов, также обратились к эмиграции с воззванием, где заявили, что выступают с республиканских позиций за «неограниченное всевластие люда» и социальное равенство, «не знающее господина наряду с пролетарием»⁵⁵.

В Англии карбонариям из числа польских эмигрантов противостояли не только представители польского аристократического лагеря. Их соперниками, добившимися перевыборов Исполнительной комиссии, стали «младополяки» — члены организации, начало которой дала бьенская группа Общества прав человека и гражданина, получившая название «Молодой Польши». Ее активную часть составляли бывшие «легионеры», тесно общавшиеся с Мадзини и находившимися в Швейцарии членами «Молодой Италии». Контакт завершился организационным объединением: 15 апреля 1834 г. в Берне был подписан акт о создании «Молодой Европы» в составе «Молодой Италии», «Молодой Германии» и «Молодой Польши»; независимые и равные республиканские народы, получив «естественное право решать свою судьбу», «ныне и навеки» объединялись в братский союз под лозунгом прогресса человечества «на основе свободы и гармонии всех народов». В Акте основания этой первой международной революционной «наступательной и оборонительной» организации, в которую вскоре вступили также «Молодая Швейцария», «Молодая Франция» и «Молодая Испания», говорилось о принадлежащем каждому человеку и народу «всеобщем моральном праве на свободное и гармоничное развитие собственной власти и реализацию своего призвания ради всего мира». Идеология «Молодой Европы» опиралась

на постулаты Мадзини, утверждавшего, что «национальность — это святое, у каждого народа есть своя миссия, исполнение которой будет способствовать исполнению миссии всего человечества», данной Богом, достижению свободы и равенства каждого народа и человека. Тогда, говорилось в документе, начнется новая эра — эра Бога и Человечества, исчезнут привилегии, произвол и самодержавие. Члены новой организации утверждали: «Мы не хотим над нами ни короля-человека, ни короля-народа». В соответствии с таким принципом в ЦК «Молодой Европы» должны были на равных войти представители от каждой национальной части этого международного союза⁵⁶.

Идеи «Молодой Европы» получили развитие в воззвании, с которым 12 мая 1834 г. к эмиграции обратился ее Временный комитет. В состав Комитета от Польши вошли Кароль Штольцман, Юзеф Новосельский, Феликс Францишек Гордашевский, Константий Залеский, Юзеф Дыбовский; они возглавили группу, насчитывавшую около 200 человек — бывших участников савойской экспедиции. Воззвание Временного комитета не раскрывало программы социальных реформ, в нем провозглашался лозунг равенства народов, связанных братством, утверждалась вера в историческую миссию каждого народа, «обязанного стремиться к освобождению собственными силами». На месте «старой Европы королей» должна была возникнуть «молодая Европа народов (люда)» — многонациональная федеративная республика с автономией каждого народа. Предполагалось, что общие вопросы будет решать «европейское собрание», а рассмотрение национальных проблем окажется в компетенции «национальных собраний». В свете этих положений «Молодая Европа» выступила против французских карбонариев-республиканцев. В воззвании содержалась критика централизаторской тенденции и властных амбиций Верховного всеобщего шатра, осуждался тайный характер его деятельности, который не позволял национальным организациям «создать ясное и твердое представление о положении в Европе и обязанностях свободных людей», мешал контактам национальных организаций, подрывал их проекты, что привело к провалу революционных выступлений 1833–1834 гг. во Франкфурте, Лионе и Париже. Осуждалась и враждебность, проявленная руководством Шатра в отношении Легиона. Полякам предлагалось порвать с карбонаризмом и создавать гмины «Молодой Польши», которые затем должны были избрать Центральный комитет. Во главе ЦК хотели видеть Лелевеля, об этом с ним вели переговоры Валериан Петкевич и Валентый Зверковский, которых, так же, как Кароля Ружицкого и Богдана Залеского, завербовал Шимон Конарский, еще на переломе 1833 и 1834 годов высланный гминой «Молодая Польша» в Париж для установления контактов и агитации во Франции. Поскольку Кремповецкий, являвшийся лидером в Польском национальном шатре, был выслан из Франции, Зверковский в его отсутствие пытался склонить большинство членов Шатра к объединению с «Молодой Польшей». Он же стремился приобщить Ворцелля к строительству новой организации в Брюсселе. Одновременно делались попытки присоединить к «Молодой Польше» Польское демократическое общество, в котором фактическая власть перешла от ослабшей Центральной

секции в Париже к секции в Пуатье. План «Молодой Польши» предусматривал реорганизацию ПДО, при которой оно бы ведало эмиграцией, а вся внутривосточная деятельность была передана «младопольякам». О таком соглашении на основе раздела сфер влияния Зверковский вел переговоры с руководителем секции Пуатье В. Ципрысиньским, но тот, так же, как и В. Бреаньский, хотел, чтобы, наоборот, «Молодая Польша» присоединилась к ПДО. Этот вариант поддерживали К. Ружицкий и Б. Залеский, в связи с чем в руководстве «Молодой Польши» возникли трения⁵⁷.

В основе проекта объединения «Молодой Польши» с Польским демократическим обществом лежала программная близость двух организаций. К лозунгу «Молодой Европы» «свобода, равенство, человечность» «Молодая Польша» добавила слово «целостность», а затем и «независимость». Она видела будущую Польшу «единой, целой, независимой, основанной на принципе всевластия люда». Единственным источником прогресса объявлялось «свободное и гармоничное развитие всех физических, моральных и интеллектуальных сил целого народа»; утверждалось, что «там, где господствует неравенство, у народа нет свободы». В уставе «Молодой Польши» говорилось о выборной власти, ответственной перед избирателями, о том, что «единственным всемогущим властителем является народ, единственным руководителем народа — закон, а единственным законодателем — воля народа». «Всевластие народа» объявлялось «неприкосновенным и не зависящим ни от какого-либо срока давности», а ограничение личной свободы рассматривалось как «покушение на свободу, равенство и братство всего народа». Подчеркивалось, что каждый народ и каждый гражданин обязаны бороться против притеснений за свободу личную и религиозную, свободу печати, промышленности и торговли, свободу обучения и создания объединений. Все эти принципы касались и межнациональных отношений: утверждалось, что «нет свободы народов, если между ними существует неравенство». В ноябре 1834 г. соглашение о сотрудничестве Польского демократического общества с «младопольяками» было заключено, и ряд деятелей ПДО (Гельтман, Дараш, Бреаньский) вступили в ряды «Молодой Польши», но очень скоро это соглашение было разорвано. Тем не менее, «младопольяки» продолжали активные действия по осуществлению своих планов. В Туре они создали Корреспондентскую комиссию, вели успешную агитацию за присоединение местной гмины ПДО к «Молодой Польше». Комитет «Молодой Польши» заявлял, что организация «будет действовать только в интересах родины» и полностью самостоятельно: «от нас [...] зависит выбор руководства, исповедание веры, создание чего-либо национального». Для укрепления своего авторитета «младопольяки» были заинтересованы в привлечении Лелевеля, и тот в конце 1834 г. вступил в «Молодую Польшу», так как, в свою очередь, хотел использовать ее для организации революционных экспедиций в Польшу. Чтобы создать условия для переброски туда агентов Лелевеля и наладить корреспондентскую сеть, Зверковский старался договориться с «Молодой Германией». Мадзини поддержал Зверковского в сношениях с Лелевелем, потому что серьезно рассматривал роль, какую могли бы сыграть в европейских

революционных событиях славяне и, прежде всего, в борьбе против Австрийской монархии. Польшу он особо выделял, считая ее центром культурного и политического влияния в Северной Европе. После подписания акта о создании «Молодой Европы» он писал Лелевелю: «С этих пор ничто не сможет разрушить узы, завязанные нами между Польшей и Италией; та, которая первой поднимется, придет на помощь другой, и тогда из нашего союза объявленных вне закона родится союз Севера с Югом». Призывая Лелевеля к сотрудничеству с «Молодой Европой», он предлагал ему выступить в ее прессе, в частности, в газете «La Jeune Suisse» («Молодая Швейцария»), со статьями о славянах и Германии. Однако Лелевелю не нравился акцент Мадзини и «Молодой Польши» на союзе поляков с Италией и Германией, так как в качестве главного союзника Польши он видел Францию. Не нравился ему и социальный радикализм «Молодой Польши», он считал ее воззвания не подходящими для Польши и критиковал статьи газеты «Rótnos», которую с января 1834 г. издавали в Париже Чиньский и Конарский. Газета акцентировала необходимость союза Польши с народами, утверждая: «Освобождение Польши путем войны или революции, освобождение народов Северо-Востока, освобождение человечества является нашей целью [...]. Наш лозунг — Польша и человечество». Чиньский особо подчеркивал значение революционного союза с русским народом: «Наши братья стонут в рабстве, в темноте, в бедности [...]. Это состояние, противное природе, оскорбляющее человеческое достоинство, не может продолжаться», — считал он и видел выход либо во внутренней революции «рабов против ярма», либо в осознании Западом необходимости «обуздать северного великана». Поляки же должны были вести агитацию в России, разъясняя массам «идеи европейского просвещения и прогресса», «которые создают огромную силу народам, разрывающим цепи». Одновременно нужно было разъяснять Западу, какую угрозу представляет царизм, и побудить его к войне с Россией. В июне 1835 г. «Rótnos» писала: «В покоренных странах, стонущих под царским ярмом, где нет свободы печати и свободы слова, где нет и речи о каких-либо реформах, там существует обязанность создания тайной организации, там единственным шансом на освобождение является революция». Необходимость революционного взрыва для свободы Польши подчеркивал Конарский: «Польский народ, находящийся под игом, — писал он, — не сумеет одолеть врагов и добиться справедливости иначе, как только путем самой сокрушительной революции». Радикальные позиции он занимал и в вопросе проведения внутренних преобразований в польском обществе, предложив отбирать землю у помещиков, отказавшихся участвовать в будущем восстании, и, возможно, такой радикализм был Лелевелю не по душе. Учитывая критику со стороны Лелевеля, «младополяки» предложили ему самому выступить на страницах газеты «Rótnos». Как и Мадзини, они считали очень важным его участие в разработке социальной и политической мысли эмиграции⁵⁸.

Агитация «младополяков» принесла плоды: уже в 1835 г. в эмиграции насчитывалось 39 гмин «Молодой Польши» (142 члена), каждая из них ежегодно избирала организатора для связи с Центром. Гмины были тайными, назывались

по имени местностей Польши и Литвы: например, «Люблин» в Брюсселе, «Андрушов» в Англии, «Бжесь» в Безансоне. Члены организации узнавали друг друга по тайным знакам, которые ежегодно устанавливал ЦК «Молодой Польши» в согласии с ЦК «Молодой Европы», куда входили его представители. Каждый член имел свой номер и военный псевдоним: И. Лелевель — «Лешек из Люблина», Л. Мерославский — «Шуя», К. Штольцман — «Богумир», Ш. Конарский — «Рембек», В. Петкевич — «Энрик» и др. ЦК «Молодой Польши» был высшим органом, избиравшимся всеобщим голосованием, ему подчинялись Коллегиально-корреспондентский комитет, трехчленные департаментские комитеты и организаторы гмин. Гмины «Молодой Польши» были основаны и на польских землях, куда направились Шимон Конарский и Тадеуш Жабицкий. В каждой польской провинции создавались земские комитеты, во главе гмин стояли организаторы, которые ведали всем на местах и контактировали с соответствующим земским комитетом. Земские комитеты меняли тайные знаки каждые три месяца, организаторы гмин были не знакомы между собой, и каждый из них знал лишь одно лицо в земском комитете. На комитеты возлагались задачи революционной пропаганды и подготовки к выступлению — военное обучение и сбор оружия⁵⁹.

В декабре 1835 г. был избран постоянный ЦК «Молодой Польши». Его председателем стал Лелевель, членами — Валентый Зверковский, Валериан Петкевич, Винцентый Нешокоч, Кароль Штольцман, Анджей Гавроньский, Кароль Круликовский. Сторонники Лелевеля получили большинство в руководстве. К тому же Лелевель опирался на созданный им в Брюсселе 23 февраля 1835 г. Союз детей Люда Польского. Эта новая организация стала наследницей «Мести народа», организовавшей в 1832 г. экспедицию Заливского. Союз детей Люда Польского ставил перед собой ту же задачу: поднять восстание в Польше. Эта цель была сформулирована в Акте создания, Декларации и Уставе организации. Основатели Союза провозглашали лозунг объединения усилий эмиграции независимо от партийной принадлежности, но выделяли «тех, кто исповедует наши демократическо-национальные принципы». Главной первоочередной задачей объявлялось установление связи с Польшей, посылка туда эмиссаров. В документах Союза утверждалось, что Польша не умерла, что «эмиграция, унаследованная от неудач, спасла надежды и мысли народа, возвысила возрождающий Польшу дух и веру в собственные силы»; из этого делался вывод, что «Польша и дело народа победят». В трактовку понятия «дело народа» Союз детей Люда Польского вкладывал особый смысл. Подчеркивалось: «политическое существование и независимость Польши так связаны с интересами люда, что война за независимость и социальная реформа должны идти вместе, и чтобы их успешно осуществить, нельзя и невозможно их разделять»; их союз — это общая цель и одновременно средство ее достижения. Руководители Союза детей Люда Польского определяли три основных направления борьбы: за «освобождение всей Польши, гражданские и политические свободы и наделение Польского Люда землей в собственность». В политической сфере планировалось создание однопалатного парламента, избранного путем всеобщего голосования. В постановлении Союза

ставилась задача «в целях отмены всяких привилегий и осуществления [...] великой миссии человека, основанной на свободе, равенстве и братстве, организовать и подготовить национальное движение, готовя и используя все моральные и материальные средства, обеспечивающие как можно более скорое осуществление наших желаний». Установление «самовластного» Верховного правления обуславливалось необходимостью не допустить ослабления демократических принципов со стороны «каких-либо властей прежнего нашего восстания», «чтобы больше головы поднять не могли» оставшиеся с того времени представители сейма, деятели сеймовых фракций, функционеры и лица, занимавшие посты, а также аристократическая эмиграция со своими интригами и планами.

Внутренняя структура Союза детей Люда Польского отличалась четкостью. Пятеро членов Верховной власти были строго законспирированы и связаны коллективной ответственностью, их контакт с массами осуществлялся через Братьев стражи — посредников, которых назначала, определяя их численность, Верховная власть и которых знали в лицо лишь некоторые члены Союза. Группой членов Союза в несколько человек руководил «начальник», имевший доступ к Верховной власти через определенного посредника; решения принимались большинством голосов. Все члены Союза приносили присягу, каждый имел номер и псевдоним, в частности, Лелевель шел под номером 333 и назывался «Богун»⁶⁰.

Союз детей Люда Польского был заинтересован в укреплении связей в эмиграции. Через вступившего в Союз Кароля Ружицкого (№ 76, «Богдан»), который являлся председателем Братского общества граждан-солдат, был налажен контакт с радикальной военной молодежью. Он же занимался агитацией в секциях Батиньоль и Фонтенбло Польского демократического общества, рассчитывая присоединить их к Союзу, и в результате был исключен из ПДО. Через Винцентья Тышкевича (№ 43, «Ежи») старались склонить к сотрудничеству группу демократов, близких к партии Чарторьского, а через Валентья Зверковского (№ 88, «Лютый») — часть карбонариев. Что же касается «Молодой Польши», там, наряду с Зверковским и Петкевичем, прочные позиции занимали также Антоний Глушневич (№ 3, «Марек»), Константый Залеский (№ 22, «Павел»). Члены Союза Петр Копчинский (№ 7, «Копа»), Северин Пилиховский (№ 35, «Михал»), Винцентый Будзыньский (№ 111, «Вацлав»), Михал Будзыньский (№ 26, «Игнаций») вели работу в Галиции. Летом 1835 г. Лелевель направил в Польшу члена «Молодой Польши» Ш. Конарского с целью объединить тайные кружки по всей стране. Объединение поляков для национально-освободительной борьбы должно было стать примером для других славянских народов, так же, как и польская социально-политическая программа. Поднять народ на революцию рассчитывали при помощи духовенства и шляхты. Предполагалось, что во время борьбы помещики будут уплачивать специальные налоги, и потому требовалось провести учет всех имений и доходов их владельцев. Ставилась также задача подготовки оружия.

Основываясь на этих постулатах, Конарский, Жабицкий и братья Залеские договорились с Северином Гоциньским и Леславом Лукашевичем — руководи-

телями созданного еще в 1833 г. в Галиции Союза друзей народа — о формировании Содружества Люда Польского. «Через люд для люда» — таков был лозунг Содружества, а его целью провозглашалось завоевание единой независимой Польши, опирающейся на «всемогущество народа-нации». Ставилась задача охватить организацией всю территорию бывшей Речи Посполитой. В налаживании работы Содружества большую роль сыграл Конарский, он гасил конфликты членов организации, принадлежавших к разным идейным направлениям, вместе с Залеским помогал Гоциньскому в организационных вопросах. Он также активно участвовал в разработке Устава Содружества, положив в его основу Устав «Молодой Польши» и опираясь на опыт конспиративных организаций, существовавших в Польше в последние годы. Главный акцент в программе Содружества был сделан на перестройку социальных отношений и сближение всех частей Польши. Говорилось о специальной миссии народов, о всевластии люда, причем, как и у Лелевеля и «Молодой Польши», отождествлялись понятия «народ» («нация») и «люд» («крестьянство»). Содружество провозглашало целью «не только освобождение Польши из-под чужого ярма, но полное омоложение нации», в его документах акцентировались принципы свободы и гражданского равенства, всеобщего голосования на выборах в сейм, звучал социальный мотив — уничтожение барщины и передача крестьянам в собственность их наделов. Знаменательно, что в руководстве организацией были не только представители интересов крестьян, но и сами крестьяне. В Содружестве боролись два течения — либеральное, ставившее задачу пропаганды среди крестьян и выступление на повстанческую борьбу в будущем, и демократическое, стремившееся к непосредственной агитации в народе, созданию революционных кружков ремесленников, гуралей и пр. Эти идеи находили отклик, в частности, у галицийских радикалов. Северину Гоциньскому и Люциану Семеньскому удалось присоединить к Содружеству и львовских карбонариев, создав, наряду с Главным собранием в Кракове, Земское собрание в Львове. Галиция стала главным пунктом приложения сил революционеров, так как они ориентировались, в первую очередь, на борьбу против Австрии. Но Ш. Конарский отправился также в Литву и на Украину, Л. Жихлинский — в Познань, Ф. Венжик — в Королевство Польское (в Варшаву). Однако соединить все эти пункты эмиссарам не удалось⁶¹.

4. Борьба за объединение польской политической эмиграции. Конфедерация польского народа. Централизация Польского демократического общества и Великий манифест ПДО 1836 г.

В годы наибольшей активности «Молодой Польши» в союзе с лелевелистами не прекращались их попытки объединить под своим началом эмиграцию, распадавшуюся на 200 маленьких огулов, которые вели между собой борьбу. Лелевель планировал возродить сейм и пытался при помощи Я. Ледуховского и Ф. Тщиньского созвать бывших парламентариев в Брюсселе. В то же время так называемая Корреспондентская комиссия, взявшая на себя объединительные функции после

ропуска в мае 1834 г. Национального комитета польской эмиграции под руководством Дверницкого, разрабатывала новый устав в духе установок Польского демократического общества. В июле 1834 г. она выступила против партии консерваторов, приняв документ, «заклеймивший систему, которая убила Польшу». Документ стал актом осуждения бывшего главы повстанческого правительства А. Чарторьского, который к тому же усердно хлопотал в это время о посылке польских военных частей в разные страны Европы и Африки. Это было не первое выступление демократов: еще за два года до этого, в июле 1832 г., Я. Н. Яновский обращался в редакцию парижской газеты «Le Messager des Chambres» («Вестник Палаты»), протестуя против хвалебной статьи, представлявшей Чарторьского воплощением борьбы поляков; протест был опубликован в 1833 г. в брошюре «Последние моменты революции в Польше в 1831 г.». Теперь, в 1834 г., за восемь месяцев объединились 2840 эмигрантов, подписавших акт с осуждением князя Адама. При этом Огул в Пуатье заявил, что «не только не питает доверия» к князю, но и считает его «врагом польской эмиграции», а эмигранты в Невере назвали Чарторьского «не достойным имени поляка, изменником родины» и «предавали его общественному презрению и проклятию потомков». Однако консерваторы и их глава получили поддержку части эмиграции: в пользу князя Адама подписались 248 человек, а от имени группы военных в Оксере Мохнацкий обратился 17 октября к Дверницкому с открытым письмом, где оправдывал действия Чарторьского. В то же время он призывал эмигрантов не ожидать от Европы освобождения Польши, а действовать собственными силами: «Ничьей помощи мы не отвергаем, — писал он, — но ни в чью помощь не верим». Подчеркивая необходимость создания «центральной повстанческой власти», Мохнацкий утверждал: «Для нескольких десятков миллионов поляков, если они хотят одного и того же, нет ничего невозможного». Свою концепцию он развивал и в переписке с В. Замойским, указывая на необходимость «объединить под верховным руководством одного лица всю эмиграцию, чтобы затем поднять на восстание всю польскую нацию». За этой монархическо-инсurreкционной концепцией Мохнацкого просматривался все тот же его взгляд на А. Чарторьского как на вождя польской нации, главу всей страны, что объясняло и оправдание им действий князя как в восстании 1830 г., так и в эмиграции⁶².

Поскольку объединительная акция Корреспондентской комиссии не удалась, группа эмигрантов в Ажане создала новую Объединительную комиссию и провела выборы в Комитет, куда вошли К. Дверницкий (как председатель), В. Зверковский, Я. Ледуховский, К. Ружицкий, Л. Ходзько, Б. Залеский и издатель газеты «Nowa Polska» Ю. Б. Островский. Против участия последнего выступили члены Комитета-лелевелисты, и в сентябре 1835 г. Комитет распался. К этому времени обозначился успех другого объединительного центра: наиболее сильная секция Польского демократического общества в Пуатье при поддержке других секций взяла на себя функции осуществления программного и организационного объединения — создания четкой исполнительной власти эмиграции и опубликования манифеста, содержащего новые идеи. Секция выиграла

выборы в конце 1834 г. и в июне 1835 г. стала Центральной. Огул эмиграции принял разработанный ею новый устав. Сохранялась структура ПДО — деление на секции, по большей части пятичленные. Путем тайных выборов формировалась исполнительная власть — Централизация в составе девяти членов (позже их стало пять). Первые выборы состоялись 5 июля 1835 г., но работа Централизации началась позже, в начале 1836 г. Ее членами стали Ян Непомуцен Яновский, Томаш Малиновский, Александер Мольсдорф, Виктор Гельтман, Генрик Якубовский, Роберт Хмелевский, Люциан Зачиньский, Адольф Хрыстовский и Винцентый Ципрысиньский (последний вскоре умер). Большинство членов Централизации составляли «умеренные» демократы, выступавшие как против революционно-демократических, так и либеральных «крайностей». В. Гельтман, например, был против выдвижения лозунга общественной земельной собственности, критиковал программу ПДО, принятую в 1832 г., как чересчур либеральную и считал нужным ее изменить. Противниками «крайностей» были также Я. Н. Яновский, И. Р. Плужаньский и другие деятели Польского демократического общества. На этой платформе осуществлялась и «чистка» состава Общества⁶³.

Новый проект Манифеста, в подготовке которого участвовали Гельтман, Малиновский, Хмелевский, Якубовский, обсуждался в секциях в течение года; в декабре 1836 г. его подписали 1135 членов ПДО, и он был издан на польском, немецком, французском и английском языках. В это время соперники ПДО продолжали попытки объединить различные группы эмигрантов. В 1836 г. Дверницкий, Ледуховский, Стемповский и другие основали Конфедерацию польского народа. Новая организация выдвинула программу борьбы за освобождение Польши, которая должна была стать «первой гарантией европейского равновесия». Подчеркивалось, что это цель польской эмиграции, и она имеет право и обязанность ее добиваться. Конфедерация выступила с лозунгом безвозмездного наделения крестьян землей в собственность после победы восстания как проявления доброй воли помещиков, и этот закон предстояло принять сейму будущей свободной Польши. Проведение выборов в сейм брала на себя Рада Конфедерации, так же, как и осуществление власти во время восстания. Польское демократическое общество не поддержало этот акт. «Nowa Polska» выступила с критикой, а Петкевич назвал положения программы Конфедерации «глупостью и вздором». Но ряд членов «Молодой Польши» присоединились к Конфедерации: Зверковский и Чайковский стали редакторами ее печатного органа «Naród Polski» («Польский народ»), что способствовало ее популярности и помогло присоединить также лондонский Огул. Осенью 1836 г. организация уже насчитывала 300 членов, а затем соглашение с Дверницким подписал и Мадзини от имени «Молодой Европы». Предполагалось, что восстания в Польше и Италии должны произойти одновременно; предусматривались взаимопомощь в подготовке революций людьми, оружием, деньгами, отправка эмиссаров, пропаганда и агитация в войсках стран-угнетателей. Однако сотрудничества добиться не удалось. Так как Мадзини считал Дверницкого «нулем в политике»,

«Молодая Польша» рассчитывала на преимущественное влияние среди эмигрантов, к тому же у союзников существовали расхождения программного характера: Конфедерация выступала за немедленное «освобождение и наделение землей крестьян», и те, кто подписывали ее программу, обязывались передать крестьянам землю в своих имениях, «младополяки» же боялись утратить поддержку шляхты в Польше и откладывали этот акт на неопределенное время. В результате уже в августе 1836 г. Конфедерации пришлось приостановить работу, чему способствовали репрессии французских властей: по требованию союзных держав членов Конфедерации выслали из Франции, а ее руководство выехало в Англию, издав обращения к эмиграции и к французскому народу с протестом. Тем не менее, сторонники Дверницкого продолжали разрабатывать планы сплочения эмиграции, стараясь при поддержке части лондонского Огула создать новый комитет. В то же время «младополяки» пропагандировали в лондонском Огуле объединительные идеи Лелевеля: с начала 1837 г. А. Н. Дыбовский стал издавать в Лондоне журнал «*Republikanin*» («Республиканец»), с которым сотрудничали Штольцман, Гляйних, Калуссовский — «младополяки», тесно связанные с Лелевелем и Мадзини⁶⁴.

Польское демократическое общество отвергло возможность беспринципного объединения. Когда 4 декабря 1836 г. появился так называемый Великий (Пуатьерский) манифест, в нем содержалось категорическое заявление: «Людям другой веры мы не подадим руки, ради мнимого единства не пожертвуем политическими убеждениями и не будем покупать минутного согласия полумерами». Манифест определял цель борьбы за свободу Польши собственными силами во имя установления демократического республиканского строя. Его авторы утверждали, что поляки — единственная нация, сохранившая и развившая демократические идеи славянства, которые у других славян были задавлены, что Польша одна «заслоняла европейскую цивилизацию» против «толп» татар, турок и москалей. «Польша, — говорилось в Манифесте, — эта исконная выразительница демократических идей, передовая стража европейской цивилизации, верная своей миссии, первой сразилась в бою и в этой борьбе пала», а «с ее падением шестидесятимиллионная семья славян потеряла единственного представителя, народы же — вернейшего союзника». Как подчеркивалось в документе ПДО, Польша «пала не в силу чужого превосходства, а в результате пороков социального состояния»: на всех этапах борьбы, как в 1794 г., так и в 1830–1831 гг., препятствием была позиция шляхты, которая «предпочитала скорее погубить дело родины, чем расстаться со своими привилегиями». В Ноябрьском восстании 1830–1831 гг. Польшу убил «эгоизм привилегированных», так как, когда господствующие слои польского общества поняли грозящую им опасность, они, хитро перехватив руководство в восстании, «превратили революционное движение в простую военную кампанию» и вместо того, чтобы поднять народ, «бросились в объятия лживых кабинетов», стали искать помощь у «соучастников убийства» Польши, вступили в переговоры с врагом. Но «польская нация жива, [...] она уверена в своем будущем», — заявляли авторы Манифеста, утверждая:

«Польша ощущает в себе неугасшие силы, ее воскрешения требуют народы и боятся угнетатели». Они подчеркивали: «Только независимая и демократическая Польша способна исполнить свою великую миссию, разорвать абсолютистский союз, уничтожить его губительное влияние на цивилизацию Запада, распространить демократическую идею среди славян, ныне служащих орудием угнетения, объединить их вокруг этой идеи и даже своей добродетелью, чистотой и силой своего духа дать начало всеобщему освобождению европейских народов». В этой связи ПДО провозгласило лозунг: «Через Польшу для человечества!». На социальном облике «возрожденной независимой, демократической» Польши был сделан особый акцент. Одним из главных демократических постулатов Манифеста являлось «равенство» как «кардинальный, непрременный национальный принцип»: каждому должно было быть гарантировано «обеспечение физических, умственных и моральных потребностей», «публичное, единое и общедоступное образование», «полная, неограниченная свобода выражения своих мыслей», свобода совести; провозглашался также принцип выборности власти и предоставления всем равных политических прав. Утверждая, что «единственной причиной бед Родины и всего человечества» является «общественный порядок, опирающийся на присвоении», авторы Манифеста провозглашали «право на владение землей и каждой иной собственностью», причем подчеркивали связь этого постулата с борьбой за независимость Польши: «первым лозунгом, зовущим к бою, должно быть освобождение люда, возвращение отнятой у него земли в его безоговорочную собственность, возвращение прав, призыв пользоваться выгодами независимой жизни всех без различия вероисповедания и происхождения». Примечательно, что передача крестьянам в собственность их наделов в первый же день восстания предусматривалась независимо от позиции шляхты и даже вопреки ей, но при этом ничего не говорилось ни о правах безземельных крестьян и батраков, ни о судьбе помещичьих фольварков, так как сохранение собственности шляхты должно было, по мысли идеологов ПДО, обеспечить национальное единство в борьбе. Таким образом, оставшийся в новом Манифесте старый лозунг «Все для люда — все через люд» теперь подразумевал не крестьянство (люд), а весь польский народ (нацию) без социальных различий. Он отражал главный принцип демократии, ее цель и форму⁶⁵.

Члены Централизации считали, что в Польше имеются все условия для завоевания независимого демократического существования собственными силами и что «независимая, демократическая Польша» будет восстановлена. Они утверждали, что все ее граждане «без различия вероисповедания и происхождения обретут в ней интеллектуальную, политическую и социальную самостоятельность; новый, основанный на принципе равенства, порядок, охватывающий собственность, трудовую деятельность, промышленность, образование и все общественные отношения, займет место той анархии, которую присвоители до сегодняшнего дня именуют законами. Возрожденная Польша не может быть аристократической республикой. Вся власть будет возвращена народу, класс, который прежде господствовал, распадется окончательно, воляется в ряды народа,

станет народом, все будут равными, свободными детьми одной матери-родины». Руководство ПДО утверждало, что задачей Польского демократического общества является «свободное развитие главной мысли», а на них возложена обязанность перенести эту мысль на родную землю и тем ускорить ее победу над внешним врагом и внутренними противниками. Поэтому программа ПДО разъяснялась и уточнялась в циркулярах и воззваниях Централизации, на страницах печати. Так, в 1836 г. публиковались материалы обсуждения проекта Манифеста в секциях, свидетельствовавшие о существовании в среде демократической эмиграции достаточно радикальных позиций. В частности, высказывалось мнение, что «право обладания землей и всякой иной собственностью может быть признано только труду». На протяжении 1830-х годов обсуждался вопрос о роли шляхты: утверждалось, что Польское демократическое общество «не может сотрудничать со шляхетским сословием как с классом, как с поработителем крестьянства. Демократия по самому своему названию является антишляхетской». К шляхте обращались с предупреждением: «Не с мечом Архангела, не путем поджогов и убийств мы хотим восстановить Польшу [...]. Но [...] если те, кто до сих пор угнетал люд, вызовут его реакцию своим упорством в сохранении присвоенного, то пролитая братская кровь падет только на их преступные головы». Это было развитием тезиса Манифеста: его авторы провозглашали дозунг национально-освободительной революции без кровопролития, но предупреждали помещиков, что в случае «бурных потрясений» крестьянство станет судьей и мстителем. Они приходили к заключению, что «горстка привилегированных» не стоит «счастья 200 миллионов»⁶⁶.

Разъяснительная работа, которую Польское демократическое общество вело в этот период, шла по определенным направлениям: социальные и политические проблемы анализировались в его печатном органе «Pamiętnik TDP» («Дневник ПДО»), вопросы истории — в издании «Przegląd dziejów polskich» («Обзор польской истории»), за политико-литературное направление отвечал «Noworocznik» («Ежегодник»), военным вопросам посвящался «Kurs sztuki wojkowej» («Курс военного искусства»). Полемические материалы публиковал преимущественно «Demokrata Polski», кроме того, для сатирических выступлений использовался журнал «Pszonka» («Пшонка»). Авторами материалов и статей часто бывали идеологи ПДО и создатели его Манифеста Я. Н. Яновский и В. Гельтман. Последний не уставал напоминать: «Демократия — это наша родная идея, возникшая на родимой земле много веков назад, и в течение веков ее кормили и пестовали; ее мощи мы были обязаны всем блеском нашего народа, а ее нарушению — его упадком; в ней наше прошлое, а тем самым и наше будущее». «Возрожденная независимая Польша будет демократической», — утверждал он. Но, как отмечалось в одном из документов ПДО, «демократическая идея не является только национальной польской, это всеобщая идея современной эпохи», и именно ее воплощает Польское демократическое общество. В связи с этим 29 ноября 1838 г. на торжестве в Париже Гельтман заявил, что миссия Польши — «возглавить народы в их борьбе против рабства»: народы

сочувствуют Польше, и поляки готовы пролить за них кровь, осуществляя лозунг «Через человечество для Польши!». «Все наши надежды, — подчеркивал Гельтман, — мы связали с народами [...]. В освобождении чужих народов мы видели освобождение собственной родины». Он напомнил о событиях в Лионе, Савойе и Франкфурте и участии в них польских эмигрантов, но отмечал, что после того как революция в Европе пошла на спад, поляки поняли: симпатия к ним означает лишь умение плакать над несчастьем другого, а не умение «подать ему смелую руку». Поэтому, заключал Гельтман, силы для борьбы нужно искать не в чужих сердцах, а в собственной груди. «Борясь за свою родину, — утверждал он, — мы исполняем священную миссию, боремся за дело всего человечества». В соответствии с этим и провозглашался новый лозунг ПДО: «Через Польшу для человечества!»⁶⁷.

Новые условия требовали выработки новой стратегии и тактики, и ПДО разработало установки по важнейшим вопросам, в том числе о внутренних силах польского восстания в социальном и политическом отношении, о причинах прежних неудач в освободительной борьбе и средствах избежать этого на будущее; намечались и контуры будущего облика независимой Польши, разъяснялись принципы организации законодательной, исполнительной и судебной власти в демократическом обществе, а также принципы организации гмин — власти на местах. В 1838–1841 гг. появились статьи об организации в восстании центральной власти и подчиненных ей властей, о том, какие права нужно отменить на время восстания, о принципах создания и организации его вооруженных сил. Так, подчеркивая необходимость для свержения иноземного господства «слить воедино» «мысли и души», авторы статей разъясняли, что во имя этого в восстании должны быть ограничены политические «индивидуальные» права, то есть отменена выборность. Право на свободу слова как в печати, так и на публичных собраниях, признавалось для выражения приверженности отчизне и люду. Признание свободы личности сопровождалось предостережением: тот, кто будет действовать во вред делу народа, предстанет перед судом. Признавалась свобода религиозных убеждений, «если только они не содержат губительных антисоциальных догм и тем самым не являются вредными и противными всеобщему благу». Протест против религиозной нетерпимости прежде всего был направлен против католицизма, с которым «шляхта поженила свою золотую вольность». Как подчеркивалось, католицизм «не только оказался губительным и неблагодарным для Польши, но и сделался послушным орудием деспотизма», подтверждением чего явилось осуждение папой Григорием XVI польского восстания.

При разъяснении будущих прав и свобод встал вопрос о собственности. Признавалась ее неприкосновенность, но делалось исключение для привилегии земельной собственности: предполагалась ее ликвидация или модификация. Это было напрямую связано с важнейшей задачей формулирования тех положений программы восстания, которые были призваны заинтересовать крестьянство и обеспечить его участие в борьбе за национальное освобождение. В статьях идеологов ПДО одним из главных мотивов было представление

крестьянства в качестве «несомненно, величайшей силы» Польши как в политическом, так и в социальном отношении; отмечалось, что «его ненормальное, антиобщественное положение лишает его, правда, тех сил, которые могут развивать и воспитывать только свободные народы при законе равенства; но, с другой стороны, это же положение рождает в нем мощь, какой не знают другие народы». «Если рассматривать массы нашего народа в политическом аспекте, — писал в 1838 г. В. Гельтман, — в них заложена величайшая сила восстания; своей огромной массой, естественной жаждой выйти из состояния нищеты, подчинения и унижения, в котором они до сих пор находились, они победят внешних врагов, а внутренних заставят замолчать. В социальном отношении эти же силы, расширенные и подкрепленные во время восстания, являются для нас гарантией того, что освободившееся общество извергнет из своего лоно элемент привилегированности, сделает опорой своей организации принцип равенства». «Вера в люд» была верой деятелей ПДО. Они видели свой «величайший, важнейший долг» в усилиях по «извлечению тех сил, которые до сих пор дремлют в массах не разбуженные». Заявляя: «Когда люд будет наш, то и Польша будет нашей», они подчеркивали: «Только при искренним, братском, а не двусмысленном, как по большей части было раньше, отношении к люду мы можем надеяться на счастливый конец наших национальных усилий». Важной задачей являлось формулирование тех положений программы восстания, которые были призваны заинтересовать крестьянство и обеспечить его участие в борьбе. «Гарантиями для духовного освобождения люда» должны были служить «отмена крепостной зависимости, служебных работ, ликвидация всех привилегий рождения, шляхетства, титулов князей, графов и баронов; отмена законов, устанавливающих различия в возможности выполнять общественные функции, и тех, что дают преимущество одним вероисповеданиям перед другими». Но «для люда, — утверждали идеологи ПДО, — наряду с моральным элементом — свободой, нужен и элемент физический — земля, с которым неразрывно связаны и другие элементы, необходимые для жизни». Поэтому установление «гражданского, политического и религиозного равенства» предполагалось дополнить обеспечением и «материального освобождения». Оно выражалось в «отмене существующих прав на собственность, являющихся результатом присвоения, отмене барщины, чиншей, дармовых отработок, пожертвований и всяких других поземельных тягот, ликвидации всякого рода торговых и ремесленных монополий и привилегий, а вместо этого в превращении жителей, занимающихся земледелием, в собственников, в освобождении труда и даже, насколько будет возможно, в его организации». Все это предполагалось сделать «с первым кличем “К оружию!” и, возможно, путем оглашения торжественного акта, который обнародует и введет в действие правительство». Таким образом, утверждалось в прессе Польского демократического общества, «будущее восстание не может быть простой инсurreкцией; оно станет революцией, революцией социальной. В этом понятии заключена вся тайна будущего существования Польши»⁶⁸.

Говоря о принятии в первый момент восстания постановления о раздроблении помещичьих земель, идеологи ПДО подчеркивали, что не нужно «считать этот предварительный акт справедливости полным ее выражением»: окончательно справедливость наступит при проведении «дальнейших реформ после освобождения от чужого ярма». «Для крестьянства, — писал Гельтман, — [...] самой верной гарантией счастливого будущего является свобода, основанная на земельной собственности и как воздух необходимая для его политической жизни». Кроме того, указывал он, акт о наделении землей в собственность будет не только лозунгом к бою для зависимых от помещиков крестьян-земледельцев, но и примером для безземельных, гарантией того, что после победы восстания они получают землю. Гарантией для сельского люда должны были стать и выборные органы — сеймики, но их создание предполагалось отложить также до освобождения, поскольку они могли стать источником конфликтов, а во время восстания была необходима единая неограниченная власть. В статье Гельтмана затрагивался также вопрос о «национальном долге», то есть о падающей на всех выплате за передаваемую крестьянам земельную собственность. Заявляя о «безусловном наделении землей в собственность 7 миллионов крестьян» как о «жизненном условии всех гарантий и жизненном вопросе восстания», идеологи ПДО подчеркивали, что речь не идет о вознаграждении помещиков, о котором говорила либеральная шляхта, потому что «Польша возродится не через шляхту, а через люд, ибо только через люд она может восстать. В люде таится здоровый, чистый, не испорченный элемент». Поэтому, говорилось в статье Гельтмана в 1841 г., так важно ознакомить крестьян с политической и социальной программой будущего восстания: «таким образом, огромная масса, охватывающая 15 миллионов населения, та, что составляет сущность, опору, основу нашего общества, земледельческий класс получит сильную уверенность в духе и результатах революции». Что же касается шляхты, то она оценивалась как «бессильный элемент, как класс, как масса, представляющая Польшу, которая дала самые наглядные доказательства того, что не может встать во главе общества и вырвать его из пропасти несчастий». Тем не менее, Гельтман, отделяя шляхту от аристократии, признавал, что, в отличие от последней, названной им «антинациональным элементом», шляхта не обделена национальным чувством и также испытывает «жажду сбросить чужое ярмо», но выступает против социальной революции, опасаясь утратить свои привилегии. Он возлагал надежды на сознательность «здоровой» части шляхты, уповая на то, что она «больше не будет класть на одни весы собственный интерес и интересы страны и реабилитирует себя, искренне бросившись в объятия народной революции». Демократы твердо верили, что такие времена наступят: Польша, утверждали они, «восстанет либо одна, либо вместе с другими народами Европы, когда придет час восстания». При этом чужая помощь считалась за «самое второстепенное» условие, акцент делался на собственную готовность. «Если мы объединимся вокруг одной общей мысли, — писал Гельтман в 1841 г., — [...] будем все как один человек думать, говорить и действовать, станем единством, сделаемся силой

сначала моральной, потом политической; а когда наша мысль, все лучше понимаемая, охватит, наконец, все элементы движения и это движение вызовет, тогда мы достигнем цели нашего существования [...], вернемся к источнику, давшему нам начало, к народу»⁶⁹.

5. Идеи утопического социализма в польской эмиграции и создание громад Люда Польского (вторая половина 1830-х годов)

В течение 1830-х годов вопрос о связи социальных и национальных задач польского народа оставался в центре внимания эмиграции, и в ее среде зрели все более радикальные представления об их соотношении. Об этом, в частности, свидетельствовала уже речь Кремповецкого, произнесенная 29 ноября 1832 г. в Париже. В 1834 г., уезжая из Брюсселя в Лондон, Кремповецкий отдал в редакцию парижской газеты «Postep» («Прогресс») статью, озаглавленную «Национальность (Централизация)», где высказался за полную ликвидацию феодальной земельной собственности, за последовательную демократическую революцию, в которой решающую роль должны сыграть крестьянство, в том числе безземельное, и городской плебс. Он утверждал, что существующий социальный порядок, признанный «законным» и «святым», в действительности имеет причиной «темноту одних и хитрость других», подлинный же социальный порядок есть гармония между целым и его отдельными частями. «Народ, — писал Кремповецкий, — все части которого не связаны, не сцентрализованы общим интересом, всегда легко завоевать», а Польша являлась страной, где не было централизации, ее сердце перестало биться из-за «отравы», какой стали «шляхта, помещики, олигархи, эгоисты». Он подчеркивал различие в трактовке понятия «национальность»: по мнению панов, это установка, «не позволяющая не-шляхте владеть собственностью», это «право иметь в собственности людей». Именно такое понимание «национальности», утверждал Кремповецкий, убило Польшу, потому что оно означало «отрицание национальности». Автор статьи резко осуждал социальное устройство польского общества: «Привилегии, — писал он, — это преступление, совершенное в пользу отдельных людей и с ущербом для общества. Собственностью являются только наши силы. Собственность не проистекает из природы, а возникает из социальных договоров [...]. Собственность можно подвергнуть изменению и даже отнять, если она вредит обществу и если такова его воля». Возвращаясь к мыслям, высказанным им в речи 29 ноября 1832 г., Кремповецкий указывал на эгоизм шляхты, который «убил Польшу, ибо уничтожил ее силы, ибо сделал несколько десятков миллионов крестьян равнодушными, лишил их патриотического чувства, потому что не хотел, чтобы крестьянство это чувство имело»; в результате «крестьянин, доведенный до состояния скота, не мог осознать родину, так как ее не имел». Как и в ноябрьской речи 1832 г., Кремповецкий обосновывал неизбежность крестьянской революции: «Когда чаша страданий переполняется, когда крик о справедливости называют бунтом,

бунт становится для угнетенных обязанностью. Так произошло на Руси, где тирания дошла до высочайшей степени». Говоря о восстании на Руси, Кремповецкий имел в виду массовые крестьянские восстания XVII–XVIII вв. на украинских землях шляхетской Речи Посполитой, в частности, восстание под руководством Богдана Хмельницкого и Колиивщину. Напоминая о них, автор статьи предостерегал: «Крестьянству нужно благосостояние и просвещение», а поскольку оно этого лишено, то «измученное страданиями и темное, оно слепо ударит по всему тому, что им не является». Кремповецкий подчеркивал, что решение крестьянского вопроса необходимо для решения вопроса национального, и упрекал шляхту за то, что она нарушила «централизацию», то есть единение народа, что ее эгоизм и старые, реакционные понятия делают ее «союзником Николая». «Пав из-за отсутствия Централизации, — заявлял он, — Польша лишь через Централизацию может подняться. Эта Централизация наступит во имя интеллектуального, морального и материального освобождения польского крестьянства, во имя идеи всеобщего братства». Он указывал на основные нормы этого будущего состояния крестьян: «Человек не может быть собственностью», «не должен отдавать от своих трудов никому, кроме части на потребности общества», «законом является лишь сама воля крестьянства». Таким образом, в глазах Кремповецкого крестьянство выступало как решающая сила нации, и в этом его, видимо, убеждали также впечатления, вынесенные из наблюдения за жизнью европейских стран, где развивался капитализм. «Не в городском сословии, — утверждал он, — заключена сила народа [...], горе стране, где оно получит перевес [...]. Централизация у него находится в банке, родина — в доме, слава — в шкатулке. В нынешнем состоянии Европы городская каста отличается от шляхетской тем, что одна заставляет людей работать на себя на земле, другая — за станком». Обобщая все сказанное, автор статьи подводил итог: «Централизация польского люда заключена в одной идее — *всевластии народа*. Следствия этой идеи таковы: нет неволи, каждый имеет право на комфортное независимое существование, основанное на труде; каждый является частью носителя всевластия». Чтобы достичь «Централизации», заключал Кремповецкий, «Польше нужна диктатура мысли»⁷⁰.

Развивать свои идеи он продолжал в Англии, где развернулась острая борьба за руководство лондонским Огулом: ряд последовательных выборов сопровождался драками и дуэлями, в которых, в частности, принимали участие Кремповецкий и Ворцелль. После исключения из Огула Ворцелль, Кремповецкий и Пулаский создали в Лондоне свою гмину в составе 64 членов, но вскоре переехали на остров Джерси. Стянув туда около 30 своих сторонников, они вместе с находившимся там Зеноном Болеславом Свентославским создали в Сент-Элье в конце 1835 г. центр народно-революционной пропаганды и направили своих посланцев Северина Дзевицкого и Винцентья Вежбицкого в Портсмут. Там была организована школа, где солдат — польских крестьян обучали грамоте и внушали им социально-утопические идеи. Основой служил Акт основания Польского демократического общества от 17 марта 1832 г., содержавший призыв к братству народов (людов), лозунг общности земли и ее плодов. В ноябре

1834 г. в Портсмуте возникла самая большая секция ПДО (к маю 1835 г. она уже насчитывала 123 чел.), получившая имя «Грудзёнж» по названию местности, где польские солдаты — повстанцы сидели в прусской тюрьме. Она сотрудничала с секцией, руководимой С. Ворцеллем и А. Гронковским в Сент-Элье на Джерси. Во время дискуссии, развернувшейся в Польском демократическом обществе в ходе подготовки нового манифеста, портсмутская секция, крестьянская по своему социальному составу, выступила с критикой возникшей у руководства ПДО попытки пересмотреть основополагающие лозунги обобществления земли и интернациональной солидарности. Речь шла о письме, с которым руководители Общества обратились к министру внутренних дел Франции, когда в середине 1835 г. французское правительство предприняло полицейские акции против ПДО, подозревая его в связях с французскими карбонариями. Авторы письма, подчеркивая национальный характер действий польской эмиграции, отреклись от всяких сношений с европейским революционным движением, мотивируя это тем, что поляки убедились в химеричности, бесосновательности надежд на «чужую помощь». Что касается программы ПДО, утверждалось, что целью Общества является мирное осуществление социальных реформ — освобождение крестьян, которое откроет путь к восстановлению Польши в давних границах. Реакцией на это письмо стал принятый портсмутской секцией документ — «Акт обвинения так называемого Польского демократического общества». Национализм, говорилось в нем, не служит Польше, он отражает взгляды определенного класса, который «сосет народ»; руководство ПДО закрывает путь развития польского народа, отделяя его дело от «непрерывного похода всех европейских народов за равенство» и тем самым лишая Польшу «выгоды, какую может ей принести просвещение, опыт и оружие народов Европы». Как утверждалось в документе, причина этого состоит в том, что ПДО выступает «исключительно в защиту интересов шляхты — социального класса, по неумолимому приговору истории обреченного на уничтожение» и пытающегося сохранить существующее положение. Польское демократическое общество, писали авторы «Акта», «пренебрегает польскими крестьянскими массами, стремится отрицать их патриотизм», в то время как именно «польский люд всегда боролся за польское дело», «шляхта же беспрестанно его предавала»; «польский люд сражался, а шляхта складывала оружие». В «Акте» перечислялись все измены шляхты и содержалось извинение перед общественным мнением революционной Европы за «самовольное», не поддержанное низами выступление шляхты. В целом содержание документа призывало опереться в деле революции на крестьянские и плебейские массы Польши для завоевания социального и национального освобождения при опоре на международную солидарность революционных сил, стремящихся построить новый строй на обломках старого⁷¹.

«Акт обвинения так называемого Польского демократического общества» возник на фоне широкой дискуссии, развернувшейся в эмиграции вокруг проекта нового Манифеста ПДО, разработанного его лидерами В. Гельтманом и Я. Н. Яновским. Наряду с опубликованным «Актом» портсмутской секции,

25 мая 1835 г. появилось письмо 123-х ее членов, составленное Ворцеллем и Кремповецким. В нем были повторены основные мысли статьи Кремповецкого о том, что собственность не является «законом природы». Авторы формулировали программу по крестьянскому вопросу: «Индивидуальная собственность, — заявляли они, — является зародышем существующего общественного порядка», и пока ее не заменит «понятие общественной собственности [...], она будет вечной охранительницей рабства люда». «Право собственности, освященное вековым грабежом и убийством, — говорилось в письме, — противоречит праву на жизнь, вытекающему из самой природы. Оно убивает право на жизнь, поэтому мы должны его свергнуть, уничтожить, если не хотим идти против природы. Признавая равное право всех на жизнь, мы уже тем самым отвергаем чудовищное право частной собственности». «Как право на жизнь, так и право собственности, — провозглашалось в письме, — есть общее благо. Это неоспоримые, нерушимые истины, с которыми нельзя вступать ни в какие компромиссы»⁷².

Центральная секция ПДО осудила такую позицию портсмутцев и провела опрос среди других секций. Как свидетельствовало из ее циркуляра от 12 сентября 1835 г., 11 секций высказались против обобществления земельной собственности. В результате большинство членов портсмутской секции порвало с ПДО: 30 октября 1835 г. 138 эмигрантов (в значительной части с крестьянскими фамилиями) объявили о создании Громады Люда Польского «Грудзёнж». 6 ноября в Громаду вступили С. Ворцель, Т. Кремповецкий, С. Дзевицкий, А. Гронковский и другие революционные демократы. Каждый из членов подписывал декларацию, заявляя, что отрекается от социальных выгод, «не опирающихся на права, служащие всему польскому люду», будет стараться возратить эти права, пользование которыми означает «всевластие люда», и бороться против того, что мешает уравниванию социальных условий, против «существующего общества эксплуатации человека человеком»⁷³.

30 октября Громада обратилась к эмиграции с воззванием, которое подписал 141 человек, среди них 30 ремесленников и 15 крестьян. Воззвание, по существу, явилось манифестом Громады, ее члены объясняли создание своей организации на основе резкого отличия эмигрантов-крестьян от шляхетской эмигрантской массы: страдания народа и шляхты разные, заявляли они, разные и даже противоположные их интересы, по-разному борются они за Польшу, у них различный путь к ее освобождению. «Поэтому, — говорилось в воззвании, — не только положением, но и нашей мукой, интересом, чувством мы были оторваны от остальной польской эмиграции. Мы несли на себе посланническую миссию польского крестьянства и всеми своими поступками нынешними и будущими мы сумеем утвердить ту истину, что Польша поднимется не через шляхту, а через люд». Поскольку Польское демократическое общество отдало предпочтение шляхте, отказавшись от провозглашенного в Манифесте 1832 г. лозунга уравнивания социальных условий, авторы воззвания клеймили руководство ПДО за «вашигтонизм» и «лафайетизм», за то, что ПДО «закрепляет и санкционирует страдания крестьянства, обещая кинуть ему кусок земли, как кость голодному псу».

Они объявляли все будущие действия ПДО «недействительными и злонамеренными по отношению к польскому люду, так как они продиктованы реакционной доктриной»⁷⁴.

В воззвании Громады характеризовались три направления в польской эмиграции: сторонники сейма, виновного в гибели Польши; лелевелисты, стремящиеся воскресить Польшу силами крестьянства и шляхты; Польское демократическое общество, которое вместо шляхты видит союзника народа в буржуазии, в промышленных и торговых слоях общества и хочет сменить шляхетскую Польшу на купеческую. Авторы воззвания утверждали, что частная собственность на землю приведет к господству капитала: «Польская [...] земля может стать собственностью банкиров», это «переродит Польшу сельскохозяйственную в промышленную, создаст [...] жадную и грязную касту». Тем самым, утверждали члены Громады, меняется имя тиранов, но остается тирания, и народ идет на восстание против такой власти, убивающей Польшу. От его имени они заявляли, что выдвигают лозунг «восстания мысли», которая «вооружает руку», так как «там, где мысль уничтожена и раздавлена, там легко разбить и вооруженную силу». «Новые понятия заняли место старых, изношенных, — говорилось в воззвании. — Люд не хочет быть унижающимся нищим, ждять от истощенного червем меньшинства своих прав как жалкой подачки, люд все равняет по себе, не стараясь подтянуться, потому что является наивысшей, последней ступенью земной мощи». Отдавая дань христианским воззрениям, члены Громады обращались к либерально-шляхетским идеологам: «Сегодня над народом витает дух Божий, а идея всеобщего равенства, мысль о достижении всеобщего счастья не насытится частичным обещанием ваших милостей, которое вы с трудом и болью выдавили из себя [...]. Если вы сами добьетесь *вашей* родины, сами в нее и возвращайтесь, потому что мы представляем другую отчизну, противоположную вашей. *Наша* отчизна — то есть польского крестьянства — всегда была отделена от родины шляхты [...]. Море крови в целом мире разделяет шляхту и люд. Только будущее — исправление, жертвенное посвящение и любовь — могут преодолеть эту границу. Уже настало время покаяния и раскаяния. Когда же оно закончится, кровь, бурлящая мезтью и злодеяниями, падет на голову несправимых жестокосердных грешников, которые, как отдельная нация, как банда преступников, настаивает на своей исключительности. Уже пришло время [...] образовать единое целое. Люд является единым целым. И вам, помещики, приходит пора присоединиться к нам». Но установление братства людей Громада считала лишь первым этапом прогресса, следующим шагом должно было стать «уравнение социальных условий», иначе возникла бы тирания тех или других, и цель освобождения Польши не была бы достигнута. «Рабство или безусловное равенство; Николай или полное возвращение прав люду» — такой выбор Громада предлагала шляхте⁷⁵.

Таким образом, воззвание Громады от 30 октября 1835 г. провозгласило лозунг отделения Польши шляхетской от Польши народной, обозначило разграничение интересов крестьянских масс и шляхты, выдвинуло утопическое

требование всеобщего социального равенства. Программа утопического социализма была развернута в воззвании Громады «Грудзёнж», направленном 10 декабря 1835 г. членам секции ПДО в Вимонтьер. В нем получил дальнейшее развитие вопрос о собственности. Авторы воззвания заявляли, что признают «первой, самой святой, основанной на законе природы, а скорее на законе Божьем, и единственно неприкосновенной собственностью человека его собственные силы, право употребить их на избранный род занятий, а затем и на результат этого труда». Если заработанная собственность признавалась законной или незаконной, в зависимости от законности самого заработка, то наследственная собственность безусловно объявлялась «незаконной и требующей скорейшей ликвидации», в ней усматривались «черты анархичного, противного всякому единству, безнравственного индивидуализма», а ее источник видели в привилегии рождения, которая становилась «правом, более святым, чем само всевластие» народа, делала независимым от него отдельных людей, «создавала у них интересы, обособленные от интересов общества». Наследственная собственность, подчеркивалось в воззвании, предоставляя одним средства для жизни, а других ставя в зависимость от первых, устанавливала «настоящее неравенство, основанное на угнетении и господстве и все возрастающее в следующих поколениях». Члены Громады выступали против как помещичьей, так и крестьянской наследственной собственности, так как в целом были против индивидуального землевладения. Считая право на землю принадлежащим всему народу, они не желали «неограниченно множить число мелких земельных собственников», указывая на «естественные последствия» этого — «упадок индустрии, торговли, искусства и ремесел, а более всего просвещения и общественной силы». «Мы не хотим, — писали они, — распространения индивидуализма, вместо его уничтожения», и создания условий для роста числа собственников, обладающих «исключительной привилегией», что привело бы к «многократному увеличению силы господствующей касты, тирания которой над неимущими [...] была бы, таким образом, увековечена»⁷⁶.

Идеалом Громады стала общественная собственность «как социальная форма обращения внешнего мира на пользу человека, как гарантия его существования, данная обществом, как союз, связующий в единое сообщество его отдельных членов». Но для этого «собственность должна была принадлежать не им, а всему их сообществу», которое, исполняя соответствующие этому закону обязанности, предоставляло бы каждому человеку средства его существования, прежде всего, обеспечив его воспитание и обучение, а затем «снабжая орудиями труда, каковыми являются для одних земля, для других мастерские, конторы и т. п.». Вопрос о выделении средств производства во временное (пожизненное) пользование должны были решать исполнительная власть или собрания на местах; каждому выделялся бы «некоторый капитал, одинаковый для всех, ибо он должен был соответствовать работе, которую каждый себе выбирал»; тех, кто работать не мог, предлагалось содержать на общественный счет. Характерно, что Громада отдавала предпочтение коллективной форме труда как более прогрессивной.

«Мы хотим, — писали ее члены, — чтобы место нынешних монополистических частных банков, владельцев фабрик и т. д. заняли распространенные по всей стране правительственные (государственные. — *С. Ф.*) заведения под названием национальных банков, ссудных касс помощи и других, которые, исполняя свое настоящее предназначение, предоставляли бы средства тем, кто нуждался в них для осуществления крупных предприятий, непосильных для отдельных людей. Кроме того, мы хотим, чтобы свобода объединения производственных, торговых и прочих корпораций соединяла между собой людей во все более расширяющуюся общность, основанную на общности труда и его плодов». Программа Громады предусматривала, что «искусство, наука, производство, обращенные к своим социальным целям, должны приносить стране пользу в том же объеме, но более высокого качества», и нужно, чтобы все эти институты направили свои усилия на «социальное и умственное воспитание общественного организма под верховным влиянием контролируемой народом, но действенной, сильной и единой центральной администрации»⁷⁷.

В воззвании Громады выражалась уверенность, что предлагаемая программа обеспечит всем людям подлинную свободу, так как «никто не станет зависеть от другого под угрозой голода и никто не должен будет на 25–30 лет закабалить себя душой и телом на фабрике или на лакейской службе». Что же касается проведения программы в жизнь, то авторы документа подчеркивали, что делать это будут отнюдь не помещики, а сам народ-люди; выражалась уверенность, что «экспроприация собственников при выплате им дотации, полагающейся каждому представителю крестьянского сословия, вызовет меньше сопротивления, чем частичная экспроприация одних в пользу других», так как если заберут только часть собственности, «у одних останется достаточно для сопротивления и борьбы, а у других недостаточно для жизни»⁷⁸.

Идеи, выдвинутые Громадой Люда Польского «Грудзёнж», были по-разному поняты и восприняты польской эмиграцией. Против них выступила руководившая Польским демократическим обществом и разрабатывавшая его новый устав секция в Пуатье, но они нашли отклик в Сент-Элье на острове Джерси, где восемь революционных демократов во главе со Свентославским присоединились к организации Люда Польского и образовали Громаду «Умань». Название не было случайным: как и Кремповецкий в речи 29 ноября 1832 г., создатели Громады «Умань» напоминали о событиях на Украине со «вздохом покаяния за вины отцов». Смысл названия разъяснялся в письме, которое 14 марта 1836 г. члены «Умани» направили Громаде «Грудзёнж»: «Нам следовало взять имя “Умани”, — писали они, — чтобы заключить с народом Украины [...] союз возрождения, союз будущего, чтобы [...] стереть обоюдные страдания, чтобы за преследования народов Украины, за вызванную страшнейшую реакцию смыть этим названием обоюдную ненависть, стереть кровавые воспоминания». Авторы письма поддержали основные положения портсмутской программы. Они видели главную причину унижения народных масс в «господстве королей, шляхты и денежного класса». Народ, заявляли они, хочет быть свободным, но не ожидает освобождения

от «немогущей Централизации» Польского демократического общества, а добьется всего своими силами и сокрушит на пути все, что противостоит его благу. Подчеркивалось, что неумелое руководство, непонимание ситуации, отступление перед страхом пролития «грязной крови» — все это может лишь привести к провалу преждевременного выступления. И звучало предостережение: «Пусть же меч поможет обратить тех, кто глух, к чистому голосу пропаганды»⁷⁹.

Революционные демократы из Сент-Элье, присоединившиеся к организации Люда Польского и образовавшие «Умань», начали сотрудничать с Громадой «Грудзёнж». А позже в Лондоне возникла Громада «Прага», названная в память о другом историческом событии — о подавлении восстания Тадеуша Костюшко и штурме предместья Варшавы войсками Суворова в ноябре 1794 г. Лондонская Громада также вошла в организацию Люда Польского, Громада же «Грудзёнж» стала Центральной. Организация, называвшая себя «Людом Польским в эмиграции», стремилась вести социально-политическую пропаганду, разъяснять свою программу в воззваниях, письмах, на страницах печати. Так, в августе 1836 г. появилась статья Ворцелля «О собственности», где развивалась мысль о том, что собственность является категорией исторической и в будущем должна отмереть. Эта статья стала попыткой научного формулирования идей утопического социализма, аграрного коммунизма в ответ на новый Манифест Польского демократического общества. Члены Люда Польского подвергли его критике, в частности, в связи с появлением в английской прессе хвалебной статьи, посвященной этому документу ПДО. Как подчеркивали Дзевецкий и Кремповецкий, автор хвалебной статьи англичанин Оуэн не понял смысла Манифеста и приветствовал якобы имеющееся в его тексте «освящение принципа уничтожения частной собственности». Критическую статью Люда Польского не удалось поместить в органе чартистов «The London Mercury» («Лондонский Меркурий»), так как там также появился адресованный Польскому демократическому обществу приветственный адрес Объединения Восточного Лондона. Деятели организации Люда Польского считали важнейшей задачей разъяснять польской и европейской общественности подлинное положение дел в польской эмиграции и пропагандировать свои взгляды как в польской среде, так и в иностранной печати. Так, Громада «Грудзёнж» направляла обращение «К польскому народу на родной земле», ее воззвания от 29 ноября 1835 г. и 31 марта 1837 г. стали известны патриотическим организациям в Польше — Содружеству Люда Польского, Всеобщей конфедерации польской нации, познанскому Союзу плебеев. Обращалась она также к европейским народам (3 декабря 1835 г.) и к народным массам Англии (3 мая 1836 г.). 29 июня 1839 г. появилось воззвание Громады в связи с приездом в Англию наследника российского престола цесаревича Александра. 29 июня того же года она направила обращение «Народу Англии, Ирландии и Шотландии». Писал и редактировал эти материалы преимущественно Кремповецкий. Не случайно воззвания 1836–1837 гг. и обращение «К польскому народу на родной земле» несли на себе отпечаток той самой его речи 29 ноября 1832 г.: в них повторялись обвинения, направленные против шляхты. В том, что шляхта составляет подавляющее

большинство в составе ПДО, Кремповецкий видел причину национализма Централизации и руководства Центральной секции Общества, отказа их от революционного интернационализма. Деятели же Громад акцентировали мотив революционной интернациональной борьбы и в публичных выступлениях, и в печатных обращениях. Так, в воззвании Громады «Грудзёнж» «К народам!» от 3 декабря 1835 г. говорилось, что Польша «свободная, независимая, равная станет храмом равенства, братства и всеобщего счастья». А в послании «К Даниэлю О'Коннеллу» 24 марта 1836 г. выражалась надежда, что появятся русские эмигранты, которые вольются в интернациональное сообщество «угнетенных, умервщляемых и непризнанных народов»⁸⁰.

Для подготовки воззваний, писем и обращений Люда Польского и продвижения его статей в печать была создана Подготовительная комиссия, ее руководителем стал Кремповецкий, а секретарем Ворцелль. Революционные демократы печатали свои материалы в английской радикальной газете «The True Sun» («Истинное солнце»), нередко они вступали в полемику, разворачивавшуюся в прессе, которая в Лондоне была представлена рядом изданий разных направлений, в том числе эмигрантских. Наряду с печатными органами Литературного общества друзей Польши, проводившими в основном русофобскую пропаганду, этим занимались и другие издания, в частности, во второй половине 1830-х годов Д. Уркарт по поручению А. Чарторыского опубликовал в еженедельнике «The Portfolio» компрометирующий царскую Россию тайный документ, якобы обнаруженный в Бельведере. Нередко ожесточенные споры вызывала международная тематика, причем позиции разных политических и идеологических течений резко различались. Так, полемизируя с появившейся в 1836 г. русофильской брошюрой Кобдена, сторонники Чарторыских акцентировали внимание на принципах равенства всех классов в качестве лозунгов, провозглашенных в польской конституции, писали об исторических заслугах шляхты и патриотизме всех классов Польши в восстании 1830–1831 гг. Авторы полемической брошюры лондонского Огула также стояли на позиции шляхетско-хлопского солидаризма, хотя отделяли патриотов — шляхетских реформаторов от косной аристократии. Указывая на связь стремления к национальной независимости со стремлением сделать крестьян собственниками их наделов, они подчеркивали, что на пути этих стремлений стоит Россия. Что же касается выступления Подготовительной комиссии Громад Люда Польского, то оно отличалось более последовательным радикализмом: подтвердив, что Ноябрьское восстание 1830 г. было стремлением нации к прогрессу, Комиссия подчеркнула также, что, в отличие от народа, шляхта получает выгоду под властью царя, а потому и не борется против него⁸¹.

Подготовительная комиссия помогала также Хозяйственному совету Громад в расчетах; адвокат Вонтрубка оказывал юридическую поддержку в спорах Люда Польского с Литературным обществом друзей Польши по вопросам материальной помощи эмигрантам. Члены Громад жили в большой нужде, и под предлогом оказания им помощи идейные противники Люда Польского

пытались рассеять «громадян», в качестве ремесленников разослать их группами в Ирландию и Шотландию либо завербовать в легион, формировавшийся для борьбы за династические интересы в Португалии. Однако эти попытки не удались, члены Громады «Грудзёнж» остались в казармах, где они жили. В организованной для них школе неграмотных крестьян и солдат учили читать и писать, давали им уроки истории, проводили лекции на религиозные темы. Большие усилия Громада прилагала для налаживания связей с английской прогрессивной общественностью. Подготовительная комиссия организовывала манифестации и торжественные заседания в годовщину Ноябрьского восстания 1830 г. Так, 29 ноября 1835 г. в Портсмуте на торжестве председательствовал английский радикал Гарднер, еще трое англичан произнесли приветственные речи, затем с речами на французском языке выступили Ворцелль и Кремповецкий, а после ряд членов Громады выступали по-польски. Руководство Люда Польского старалось завоевать поддержку английских радикалов, в частности Э. Билса, а также установить контакт с чартистами Ф. О'Коннором, Д. Бронтерром О'Брайеном, Т. Винсентом. Последнего Громада благодарила за «сильные людские акценты» в его речи 29 ноября 1836 г. Одновременно она вела полемику с теми английскими деятелями, которые, как, например, Бомонт, благожелательно высказывались о политике царского правительства, считая, что оно ослабило гнет польского крестьянства. Деятели Громады разъясняли, что речь идет не об уступках и подачках, а о последовательных революционных изменениях в сфере земельной собственности: «земля — собственность всей нации, поэтому нация должна каждого из своих сыновей в достаточной мере наделить орудиями труда». Критика направлялась не только против феодальной земельной собственности, но и против всей системы европейского (в том числе и английского) буржуазного общества: «С помощью многовекового опыта истории и исторического прогресса, определившего, что права человека предшествуют обязанностям, которые общество накладывает на всех своих членов, — писали деятели Люда Польского, — мы добьемся социального блага, минуя те преобразования угнетения и эксплуатации, столь несчастный пример которых демонстрирует Запад. [...] Речь идет о том, чтобы раз и навсегда положить конец эксплуатации человека человеком»⁸².

В основе всех документов Люда Польского лежали идеи утопического социализма с христианским оттенком. Они отражали влияние теорий французских утопистов Бабёфа, Сен-Симона, Бюше. Громада «Грудзёнж» испытывала также влияние идей Мадзини, чьи сочинения Кремповецкий реферировал на эмигрантских собраниях. Книга Мадзини «Вера в будущее», появившаяся в 1835 г., вызвала у демократической эмиграции большой интерес, так как в ней был дан анализ польского национально-освободительного движения. Рассматривая события восстания 1830–1831 гг. в Королевстве Польском, Мадзини выступил с критикой повстанческого руководства, упрекал его за крен в сторону дипломатии, медлительность в военных действиях, опасение перед привлечением к борьбе народных масс. Все это совпадало с позицией членов Громады, интернационализм

Мадзини, его призыв к революционному союзу народов отвечал их собственным стремлениям. Поэтому было решено установить с ним связь, и по поручению Подготовительной корреспондентской комиссии Кремповецкий написал рекомендательное письмо, с которым Дзевицкий отправился в Лондон к Мадзини. В письме было подчеркнуто огромное значение сочинения Мадзини для членов Громады, которые надеялись, что итальянский революционер поддержит их, разделив их взгляды. Однако Дзевицкого и посланного ему на помощь Кремповецкого ждало разочарование: переговоры с Мадзини не дали результата. Но в Лондоне посланцы Громады имели и другую миссию: речь шла об объединении с лондонским Огулом, и нужно было уточнить его детали. Переговоры велись и с англичанином Д. Б. О'Брайеном, выезжавшим во Францию, так как через него Громада рассчитывала завязать контакт с французскими республиканцами. Правда, упрочить свои позиции во Франции ей не удалось, и лишь несколько эмигрантов, прибывших на юг Франции после 1836 г., вступили в родственную Громаде группу Людвига Милковского. Неизвестны также результаты попыток Громады связаться с Польшей, куда через Адольфа Залеского и Эразма Жмиховского были переправлены ее документы.

Что же касается переговоров с лондонским Огулом об объединении, то они стали для Люда Польского причиной внутренних конфликтов, а затем и раскола. Кремповецкий и Дзевицкий вместе с представителями Огула «младополяками» Юзефом Дыбовским, Каролем Штольцманом и другими выработали условия его объединения с Громадой, но они не удовлетворили руководство обеих организаций. В результате Дыбовский вышел из Огула, а Дзевицкого и Кремповецкого единогласно (112 голосами) исключили из Люда Польского, выдвинув против них список обвинений из 11 пунктов. В обвинениях говорилось, что они превысили полномочия в интересах «привилегированных», то есть шляхты, предали идею «исключительного действия через люд и в пользу люда», так как пошли на объединение со шляхетскими массами, не добиваясь от них никаких обязательств, и скрыли, что в новом объединении «все будет новое, и Громада, утратив свою независимость и имя, окажется в меньшинстве». Указывалось также на пренебрежение переговорщиков Громады одним из главных «принципов людовой веры», поскольку они «полностью отсеки религиозную позицию, являющуюся основой принципов Громады». Об исключении «предателей представительства люда» было объявлено в воззвании Люда Польского «К польской эмиграции!» 3 июля 1837 г. Кроме того, оповестили французов Бюше и Ру, что Кремповецкий больше не является уполномоченным в сношениях с ними. На этом, однако, внутренняя борьба в Громаде «Грудзёнж» не закончилась, так как сторонники Дзевицкого и Кремповецкого обвиняли Ворцелля во враждебности последнему и предпринимали попытки изгнать его из Портсмута. Представился случай предъявить ему те же претензии, что и исключенным из Люда Польского. Когда Ворцелль, Вонтрубка и Михал Гельтман поддерживали проект создания в Лондоне Административной комиссии моральных и материальных интересов польской эмиграции (организации, имевшей целью следить

за моральным обликом эмигрантов и помогать тем, кто не получал материальной поддержки от властей), против них было выдвинуто обвинение: их назвали «агентами» Огула, пытающимися объединить с ним Громаду. 30 августа 1837 г. на совместном заседании Подготовительной комиссии и Хозяйственного совета произошел скандал, едва не перешедший в драку, и спустя несколько дней «тройка» обвиняемых уехала на остров Джерси в Громаду «Умань», объявив в «Заявлении», что остается «на позиции люда» и продолжит работу «на благо Люда Польского и с Людом»⁸³.

Ворцелль активно включился в деятельность «Умани» и уже 4 октября, когда Громада вместе с французскими эмигрантами торжественно отмечала память недавно умершего Буонарроти, он произнес речь от имени Люда Польского. Поскольку противники «тройки» в Громаде «Грудзёнж» продолжали выступать с обвинениями против нее и в конце 1837 г. настаивали на явке ее членов в суд, Ворцелль и Вонтрубка потребовали беспристрастного рассмотрения своего дела в суде и оправдания. Но спустя месяц суд в Портсмуте состоялся заочно, и члены «тройки» были исключены из Громады «Грудзёнж» как «утратившие доверие». Одновременно объявили недействительным исключение Кремповецкого и Дзевецкого из Люда Польского и обо всех этих решениях суда оповестили эмиграцию. Поскольку за постановления суда проголосовало меньше половины членов Громады «Грудзёнж», 31 января 1838 г. 58 ее членов — сторонников Ворцелля заявили протест, который поддержала Громада «Умань». В результате в Громаде «Грудзёнж» обострилась внутренняя борьба, проводились сепаратные заседания, вспыхивали ссоры из-за архива. Все это вело к сворачиванию идеологической работы и 2 апреля 1838 г. завершилось расколом: в Громаде «Грудзёнж» осталось 70 человек, а 55 ее членов — сторонников Кремповецкого и Дзевецкого, к которым примкнул один член Громады «Умань», объявили о создании Общества приверженцев социальных обязательств. В их воззвании к эмиграции принцип «уравнивания социальных условий» ставился под сомнение, так же как и путь революции. Это был шаг вправо, ближе к позициям левелелистов — сторонников «умеренной» демократии, но популярности среди эмиграции и контакту с каким-либо течением или группой внутри нее он не способствовал. Общество приверженцев социальных обязательств оставалось малочисленным, его ряды до 1842 г. увеличились всего на 11 членов и составляли 70 чел. (40 в Портсмуте, 26 в Лондоне, 3 в США и 1 на острове Джерси). Со стороны Громады «Умань» воззвание Общества вызвало резкую критику, написанную Ворцеллем, но не опубликованную. В то же время активный деятель Общества и верный сторонник Кремповецкого Игнаций Велльман продолжал против Ворцелля враждебные действия, распространяя слух, будто тот был царским агентом. На защиту Ворцелля встала Громада «Умань», обратив к нему слова уважения и благодарности. В октябре 1838 г. он переехал в Лондон, где продолжал выступать как уполномоченный обеих Громод, но одновременно включился в общие проблемы жизни польской эмиграции, среди которых на первое место вновь выступил вопрос об объединении ее целей и усилий⁸⁴.

6. Попытки объединения польской политической эмиграции в конце 1830 — начале 1840-х годов. Борьба демократов против династических претензий Чарторыхских

29 августа 1837 г. часть лондонского Огула утвердила новый организационный устав и избрала эмигрантский Комитет под председательством Дверницкого, в него вошли Станислав Козьян, Адам Сперчиньский, Анастазий Дунин, Францишек Киркор, Юзеф Жаба, Ян Хацицкий. Поскольку обращение Комитета к эмиграции 19 сентября не нашло отклика, его переизбрали, но Дверницкий остался председателем. Однако новый Комитет и новый проект устава также успеха не имели даже среди лондонских членов Огула, окончились неудачей и последующие многочисленные попытки их утвердить. Вернувшийся в Париж Дверницкий и левелелисты видели причину такого положения в сектантстве Централизации Польского демократического общества, которая не поддержала неоднократные предложения об объединении с остальной эмиграцией, делавшиеся секцией «Пантеон» в 1836–1837 гг. Централизация считала подобные предложения попыткой диверсии со стороны врагов идейных и организационных принципов демократии. Членов секций «Пантеон», «Фонтенбло», «Тур», «Бордо», «Пуатье», «Гренель», выступавших за принятие этих предложений, она исключила из рядов ПДО и вела против них борьбу в прессе, анализируя социальные и политические проблемы и защищая принципы и политику демократии на страницах своих печатных органов — журнала «Pismo Towarzystwa» («Журнал Общества») и газеты «Demokrata Polski», ставшей с этого времени основным печатным органом ПДО: ее издание с перерывами осуществлялось в Пуатье, Париже, Брюсселе и Лондоне на протяжении 1837 — 1862 гг. Между тем попытки объединения эмиграции продолжались в различных центрах расселения эмигрантов. В Лионе с этой целью 7 июня 1837 г. была создана Корреспондентская комиссия, представившая на обсуждение проект устава Объединения польской эмиграции. В ее поддержку брюссельский Огул в июне — июле издал воззвания, где объявлял целью Объединения «национальное дело» и призывал эмигрантов «не отречься от имени поляка ради космополитизма». Подчеркивался принцип выборности власти в Объединении и необходимость ее присутствия именно во Франции — центре сосредоточения эмигрантов. Поскольку авторов воззвания вскоре обвинили в демагогии, прикрывающейся демократической фразеологией, лионская Комиссия распустилась, и делом объединения занялась гмина «Пуатье», большинство в которой составляли бывшие члены ПДО, исключенные Централизацией. Новая Корреспондентская комиссия в качестве временной власти разработала новый устав, который был принят 29 ноября 1838 г. За него проголосовал 1131 эмигрант из 1214 участников голосования. В уставе провозглашалась цель достижения независимости Польши в границах 1772 г. путем революции и «ликвидации привилегий»; «власть и весь социальный порядок» должны были «опираться на демократические принципы, то есть на Всевластие Люда, Братство, Равенство и Свободу», а проведение их в жизнь

конкретизировалось как «освобождение крестьян, безусловная передача им земельной собственности, религиозная свобода, введение всеобщего национального воспитания». Авторы устава признавали, что народ имеет силы для свершения революции, но важна и роль эмиграции, побуждающей к революции и ее олицетворяющей. «Пока польский народ не будет освобожден, — говорилось в уставе, — законным и единственным его представительством является эмиграция как свободная часть народа, продолжающая Ноябрьскую революцию». Подчеркивалась необходимость объединения эмиграции и избрания «учреждения, которое осуществляло бы высшую национальную власть до момента освобождения родины» и созыва сейма. Таким учреждением должен был стать Польский национальный комитет Объединения польской эмиграции, причем признавалась его власть и над Польшей, пока не окажутся свободными две трети ее территории. Комитету вручалась почти диктаторская власть: предусматривалось, что он назначит руководителя вооруженных сил восстания, организует управление, суд, армию, школу, будет весть финансами⁸⁵.

Новая эмигрантская организация объединила около 2,5 тысяч человек и стала в конце 1830-х — первой половине 1840-х годов третьим, наряду с ПДО и Отелем Ламбер, крупным политическим центром, однако внутри нее существовали различные течения. Самая большая гмина Объединения польской эмиграции возникла в Лондоне, с ней сблизился Ворцелль, вступивший в контакт с «младополяками» Дыбовским, Штольцманом, Гляйнихом и Калуссовским. «Младополяки» были в Англии активистами дела объединения эмиграции, во Франции и Бельгии его так же активно поддерживали левелелисты. В 1837 г. они надеялись на военный конфликт в связи с обострением ситуации в Бельгии и восточного вопроса и стремились выступить перед Западом как единственные представители всей эмиграции, отеснив Польское демократическое общество и партию консерваторов. Их поддержали Комитет эмиграции под руководством Дверницкого и эмигрантская пресса, которая в это время была представлена многочисленными журналами и газетами, как правило, имевшими краткий срок жизни и отличавшимися идейным разнообразием. Среди наиболее значительных выделялись выходивший в 1837–1839 гг. в Париже журнал «Polak», а также поддержавшие Объединение польской эмиграции парижская «Nowa Polska» («Новая Польша»), которую издавал Ю. Б. Островский, лондонский «Republikanin» («Республиканец»), с 1837 г. печатавшийся под редакцией А. Н. Дыбовского, и брюссельский журнал Ф. Гордашевского «Sprawy emigracji» («Проблемы эмиграции»), в 1838 г. переименованный в «Polacy na tułactwie» («Поляки на чужбине»). На его страницах в 1838 г. появился призыв Г. Калуссовского: «Не отдадим Россию Николаю, не покинем миллионы наших братьев-славян, не оставим их на произвол общего тирана!». В это время активизировалась и печатная пропаганда партии Чарторыхских. Ею занимался печатный орган партии «Kronika emigracji polskiej», выходивший под редакцией К. Гоффмана, К. Сенкевича и ксёндза Брониковского, а в 1839 г. появился «Trzeci Maj» (Третье Мая), название которого должно было напоминать о Конституции 3 мая 1791 г. Газету редактировали Л. Орпишевский

и секретарь партии консерваторов Я. Воронич. Последний, так же как Н. Олизар, В. Замоиский, Л. Бытшоновский и ксёндз Праневич, составляли группу «династиков», стремившихся заложить в эмиграции польскую королевскую династию и провозгласить Адама Чарторьского королем «де-факто». Публицисты консервативного лагеря утверждали, что «монархическая идея является польской», и «Польша пала потому, что была республикой и не имела энергичной и сильной власти»; ее нужно восстановить, создав путем национального восстания польскую католическую монархию. Еще раньше об этой цели и о выдвижении фигуры князя Адама ставил вопрос Мохнацкий. В феврале 1832 г. он писал Лелевелю: «Если когда снова восстанем, то для освобождения Польши от ярма нужно, чтобы честный человек [...] второй Костюшко с головой Кромвеля обуздал польских духов тугим намордником». Такого человека он видел в А. Чарторьском и осенью 1834 г. предложил В. Замоискому план одновременного восстания в трех частях Польши под руководством князя Адама. Мохнацкий подчеркивал, что нельзя медлить, так как дело идет к «уничтожению нации»; требуются средства, более быстрые и верные, чем надежды на помощь европейских правительств и народов, нужно учитывать все, но верить лишь в собственные силы. «Народ, который еще не перестал быть народом, — писал он, — [...] только сам себя может спасти». Мохнацкий утверждал, что для победы необходима «решимость» нескольких десятков миллионов человек; «у народа есть сила», но пока он ее не ощутил, нужна пропаганда, чтобы его «наэлектризовать». Этот план Мохнацкого казался слишком поспешным самому Чарторьскому, считавшему, что спешка может лишь повредить и «остудить» патриотов. Но группа «династиков» настаивала на активных действиях, и в 1837 г. на собрании Союза национального единства в Литературном обществе друзей Польши Воронич обнародовал идею наследственной власти династии Чарторьских, провозгласив: «Да здравствует король Адам II!». «Династии, — утверждал он, — являются провидением наций. Польша имеет династию „де-факто“, так должна ли она в опаснейший момент отвергать средство спасения?». Этот же вопрос поднимался в его брошюре «Вопрос о династии и монархии в Польше», опубликованной в Париже в июне 1839 г. Форма государственности, подчеркивал автор, обязана соответствовать «сущности нации», поэтому Польша «должна быть и будет независимым, свободным и распорядительным обществом». Воронич утверждал, что король необходим, чтобы был «счастлив солдат», а князь Адам, наследник Ягеллонской династии, «является живым представителем польской мысли» как в глазах народа, так и Европы, которая в нем одном видит «персонификацию дела Польши». Тогда же по инициативе Воронича и В. Замоиского стало формироваться Общество учредителей и друзей 3 мая, возглавленное графом Нарцизом Олизаром, руководителем тайного Инсurreкционно-монархического союза. Состав и внутренняя организация Общества также оставались тайными, цели же провозглашались явные. Предполагалось «разъяснить и распространять понятия о самостоятельном восстании со всеми обязательными требованиями такового, среди которых одним из первых является национальная династия князей Чарторьских». Пропагандируя

эти понятия «всеми средствами влияния», Общество должно было «защищать и поддерживать своим послушанием и деньгами национальную власть» как в настоящее время, так и тогда, когда она окажется в руках натурального наследника. Ставилась задача создать для опоры национальной власти «надежную силу» — «смелую и отвечающую нуждам инсurreкции». В связи с этой задачей организация консерваторов посылала в Польшу своих агентов. В 1833 г. в Галицию был направлен Свирский, в 1834 г. в Познань отправился Марцинковский, а Бытшоновский в 1835 г. прибыл в Краков. Воронич находился в Галиции в 1838 г., на следующий же год Бытшоновский, Феликс Бреаньский и Антоний Валевский в разное время посетили Познань⁸⁶.

О нуждах нации и необходимости жертвы во имя восстановления Польши «династии», в том числе В. Замойский, говорили Чарторыскому, и князь Адам под таким давлением неофициально принял королевский титул. Его речь 29 ноября 1841 г. по стилю была похожа на выступление главы государства: «Я призываю, — заявил он, — к признанию и поддержке единой власти, единого общего средства действия, благодаря чему нация, не имея достаточной материальной силы, приобрела бы и создала в себе моральную мощь, способную поднять свое дело и им руководить». Отсутствие такой власти, утверждал он, было причиной всех несчастий Польши в прошлом и привело ее к падению. Однако намеченное на 1839 г. официальное провозглашение Чарторыского королем не состоялось, так как не все даже в его лагере признавали право части эмиграции решать за всю страну такие вопросы, как распоряжение польским тронном. В. Плятер, например, заявлял, что титул «подлинного патриота» выше титула «мнимого короля». Некоторые приверженцы аристократического лагеря, в частности Кароль Сенкевич, опасались насмешек демократической общественности. Подобные противоречия привели в конце концов к распаду тайного Союза национального единства, да и заграничные политики не все приняли польскую династическую идею. Между тем «династиям» важна была поддержка европейского общественного мнения, и они нашли ее в лице французского журналиста Ф. Кольсона. В брошюре «О Польше и кабинетах Севера», опубликованной в Париже в марте 1841 г., он заявлял, что специфике Польши и ее интересам соответствует форма конституционной монархии, а наиболее подходящим из всех достойных ее возглавить является Адам Чарторыский. Перечисляя все заслуги князя за период с конца XVIII в. до настоящего времени, автор брошюры пришел к выводу, что Чарторыский персонифицирует Польшу и является королем для многих поляков, тем человеком, кого чтят и слушают в эмиграции так же, как монарха на троне. Указывая на то, что к князю обращаются и взывают несчастные люди, стонущие в Польше под царским игом, а сам царь его ненавидит, Кольсон подчеркивал, что Чарторыский предан родине без колебаний и без амбиций, но в последнем видел его ошибку: князь должен осознать свое место вождя и занять его. В брошюре шла речь о письме кого-то из «выдающихся» польских эмигрантов (видимо, из среды «династиков»), в котором на основании сообщений, «достойных доверия», утверждалось, что «идеи порядка, единства командования

и дисциплины управления укореняются среди поляков с каждым днем, становятся окончательным выражением патриотической преданности, которая их воодушевляет, и это можно лишь приветствовать». «Чтобы восстановить и сохранить нашу независимость, — заявлял корреспондент Кольсона, — нам нужна железная рука, по меньшей мере, в течение 10 лет». Отмечая, что этот вопрос активно обсуждается в эмигрантской прессе, так как он важнее всех других, Кольсон подчеркивал: проблема не в том, подходит ли монархическая форма правления для возрожденной Польши, а в том, привыкнет ли народ сразу видеть в князе Чарторыском будущего короля Польши. Он указывал, что «война, предпринятая под знаменем национального короля, — это обстоятельство, дающее наилучшие шансы на успех», поскольку обеспечит единство, отсутствие которого в прошлом стало причиной слабости. Если же нация поднимется по призыву единственного человека, добавлял Кольсон, тогда, даже прежде, чем она отвоюет свою независимость в вооруженной борьбе, «она станет учитываться в балансе крупных европейских интересов», «ее голос будет услышан в Европе и подготовит элементы и условия борьбы, в исходе которой не будет больше сомнений». Акцентируя фактор эвентуальной международной поддержки при наличии общего польского вождя, который дал бы польскому делу «новые благоприятные шансы», Кольсон обратил внимание и на настроения в эмигрантской среде. Вновь ссылаясь на газетные публикации, в которых князь Адам рассматривался не только как вождь, но и как будущий король или даже как король «де-факто», он отмечал, что такая точка зрения не опровергается никакой серьезной аргументацией, и похоже, что ход времени даже благоприятствует ее утверждению. Те сомнения, которые возникают в обществе, уверял Кольсон, проистекают скорее из тревоги, а не из враждебности: одни сомневающиеся опасаются непопулярности самого института монархии, другие боятся проявления в характере Чарторыского обычных человеческих амбиций. Подобные опасения Кольсон опровергал, утверждая, что монархия является «единственным спасением для Польши», а Чарторыский — это человек, в течение 40 лет служивший родине с безграничной преданностью, постоянством и бескорытием, и поскольку Европе в скором времени грозит война, все больше известных людей в эмиграции обсуждают вопрос о том, чтобы пригласить его стать «верховным и абсолютным правителем Польши». Кольсон видел в этом «семена, которые не замедлят принести плоды»⁸⁷.

Положения, содержащиеся в брошюрах Воронича и Кольсона, и цели, провозглашенные Обществом учредителей и друзей 3 мая, вызвали реакцию польской и европейской общественности. Идею провозглашения короля «де-факто» осудила даже французская монархическая газета «Le Siècle» («Век»). Что же касается демократической эмиграции, то она ответила политическим памфлетом «*Meum pomen sine re*, или король де-факто», где высмеивала «короля без силы, без права и без земли». Сатирические куплеты на эту тему опубликовала демократическая «*Pszonka*». Уничтожительную оценку затеи «династиков» дал Гельтман, назвавший ее «громко разнесшейся по Европе смехотворной шуткой». Утверждая, что «монархизм не является польской стихией», деятели Польского

демократического общества разоблачали позицию печати «династиков». Так, газета «Demokrata Polski» подвергла критике выступления газеты консерваторов «Kronika emigracji polskiej», которая «медлительна и труслива на своем монархическо-дипломатическом пути», но «молодецки смела и проворна, [...] когда ей нужно оскорбить благотворную стихию нашей независимости — республиканизм или радикализм». Анализируя материалы газеты консерваторов в статье, опубликованной 23 марта 1838 г., орган ПДО утверждал: это «позиция отступления перед революционной мыслью», «страх перед социальной реформой», «ненависть к людям прогресса». Отмечалось, что «аристократия начинает, наконец, прозревать, видеть, что ее хлопоты в передних министров, ее поклоны у подножия тронов ничего не дали, что все ее непосредственные и косвенные старания во имя интересов Польши как не имели серьезной базы, так и окончились ничем». Приводя заявление газеты «Trzeci Maj» от 24 августа 1840 г. о том, что если революционный пожар охватит Европу, то Польша не должна восставать, так как еще не готова, а без короля это грозит новыми несчастьями, газета «Demokrata Polski» язвительно писала: аристократия считает, что «уж скорее москали, чем революционное восстание», потому что с царизмом ее соединяет «идентичность политических принципов» — неприятие республики и «конституционной фикции»; ей нужна монархия и то, «самым блестящим представителем чего является Николай». Демократы подчеркивали, что «система польской аристократии, намеренно парализуя все средства развития национальных сил, была главной причиной падения последнего восстания». Относительно же самой кандидатуры на польский престол Чарторыского Гельтман, перечисляя «грехи» князя Адама за 60 лет, писал, что это не отдельный человек, а целая вековая система — «ржавчина, которая в течение столетия точила сталь национального характера». Демократы следили за действиями Общества учредителей и друзей 3 мая и их контактами с польскими эмигрантами во французской провинции. Общество имело 34 отделения во Франции, а также отделения в Англии, Бельгии, Алжире и США. По сведениям, полученным демократами из Орлеана, Ангулема, Шатору, Бордо, «династики» использовали все средства агитации: вербовали сторонников при помощи денег, путем предоставления работы и должностей, распространяя заверения в поддержке со стороны держав и финансировании ими будущего восстания за возрождение Польши. В результате к 1844 г., по сообщению газеты «Demokrata Polski», Обществу удалось привлечь 300 членов — «пены», «отбросов», по презрительному определению органа ПДО. Обращая внимание на циркуляр Олизара от 25 июня 1843 г., в котором граф звал всех поляков «с честным сердцем и здравым смыслом» объединиться, газета подчеркивала, что «Trzeci Maj» ищет союзников и потому льстит демократам, но демократия «сильна сама по себе и не подаст руки обману, а тем более тем, на ком тяготеет самая большая ответственность за старые и недавние несчастья Отчизны»⁸⁸.

Активность консервативного лагеря, его организаций и прессы была связана с международной обстановкой, сложившейся в 1838–1840 гг. Консерваторы стремились использовать шанс в случае международного конфликта из-за

Бельгии. Чарторыский вызвал генерала Скшинецкого и добивался, чтобы его назначили главнокомандующим бельгийской армией во время возможной войны, а агенты его партии распространяли слухи о готовящемся выступить на войну польском легионе. Затем, когда возник турецко-египетский конфликт, князь Адам также вел с французским правительством переговоры о польском легионе для участия в войне с Россией, поддерживавшей Турцию. Ответом на все эти инициативы консерваторов явился протест, подготовленный Островским и Гляйнихом от имени лондонской группы Объединения польской эмиграции, Громады «Грудзёнж», Общества приверженцев социальных обязательств и ряда членов «Молодой Польши». Резко выступив против генерала Скшинецкого, они заявили, что как раньше, так и теперь, польская эмиграция «отвергает намерение создать польский Легион, пусть даже под национальными символами»; «она в высшей степени дружески поддерживает целостность Бельгии, и если бы ее призвали в ее национальном (польском. — С. Ф.) характере, она бы не отказалась посвятить себя борьбе, когда война в Бельгии получит общеевропейское направление, а ее условия будут включать независимость Польши»⁸⁹.

Протест поддержали 770 эмигрантов, но ни «умеренные» демократы, ни Лелевель и Централизация к нему не присоединились, хотя и подозревали аристократическую партию в тайных кознях. Лондонские же «младополяки» продолжили борьбу и создали комиссию, куда вошли Дыбовский, Гляйних, Оборский, Новосельский, Островский и Ворцелль. Последний пытался привлечь к этой борьбе Громады, однако лидеры «Умани» Рупневский и Свентославский были против. В результате Ворцелль вышел из Громады «Умань» и вступил в Объединение польской эмиграции, так как видел там больше возможностей «для работы в пользу Польши и Человечества». На упреки в «измене» он публично отвечал в официальном печатном органе Объединения, подчеркнув, что хотя форма громад служила принципу «Для Люда через Люд», но со временем она «стала слишком тесной для собирания вокруг людowych принципов большинства эмиграции». Поэтому, писал он, «когда Объединение дало достаточно доказательств демократических стремлений, а мои усилия включить Громады в эмигрантское единство оказались напрасными, я оставил форму и пошел за мыслью, вступил в Объединение, не отрекшись ни от одного из моих убеждений, ни на минуту не перестав утверждать в качестве основы возрождения Польши социальные преобразования, опирающиеся на принцип всевластия Люда, подчиняющегося предписанным Богом обязанностям»⁹⁰.

Поддержав Объединение польской эмиграции, Ворцелль вступил в контакт не только с «младополяками», игравшими в формирующейся организации активную роль, но и с самим Лелевелем, который, опираясь на «Молодую Польшу» и Союз детей Люда Польского, стремился занять в Объединении лидирующие позиции. Он был также причастен к созданию в 1839 г. в Париже на основе республиканских принципов тайного Общества братьев поляков, которое предполагалось перевести в Брюссель и сделать эмигрантским центром, осуществляющим связь с Польшей. Членами Общества стали Лелевель, Зверковский, Тышкевич,

А. Глушневич, но Лелевель вскоре отказался от членства, так как не хотел связывать себя накануне выборов в Комитет Объединения польской эмиграции. Возможно, по той же причине он не принял предложения Мадзини о сотрудничестве в возрождении «Молодой Европы». К этому времени часть «младополяков» вошла в Объединение польской эмиграции, часть — в Конфедерацию польского народа, часть поддерживала Централизацию. В результате «Молодая Польша» заметно ослабела, так же, как и ее связи с Польшей. Мадзини, вступивший при посредстве Ворцелля и Штольца в переписку с Лелевелем, писал ему 22 января 1839 г. о разложении прежней организации «Молодой Европы» и необходимости возродить «Молодую Италию» и «Молодую Польшу». Возрождением последней должен был заняться Лелевель, используя свой авторитет. Поскольку, как писал Мадзини, в Европе наступает новое время, готовится великий социально-политический переворот, он считал нужным укрепить «священный союз народов против священного союза тиранов» и был уверен, что Лелевель сможет связать польское дело с революционной Европой. По его мнению, только возрождение «Молодой Польши» способно было вдохнуть в польскую эмиграцию новый дух, так как другим партиям недостает моральной и материальной силы: круг деятельности консерваторов ограничен в социальном отношении, его идеалы остались в прошлом, а сама партия Чарторьского «несет в себе зародыш смерти»; признаками разложения отмечено и ПДО, так как у него нет творческих идей, а Конфедерация польского народа под руководством Дверницкого вообще не имеет идейного знамени. Мадзини советовал Лелевелю создать Временный комитет «Молодой Польши», развить пропаганду в печати, а затем провести выборы Постоянного комитета. Главным, подчеркивал он, должна быть забота о чистоте идейных принципов и революционных лозунгов, среди которых важнейшим является лозунг союза народов и особенно польско-итальянского союза, направленного против общего врага — империи Габсбургов⁹¹.

Мадзини считал, что обновленная «Молодая Польша» «исполняла бы посланническую миссию в отношении заграницы в эмиграции и на родине». В качестве ее рупора он хотел использовать английский еженедельник «The European» («Европеец») и предлагал Лелевелю представить на его страницах свой взгляд на славянские проблемы, противопоставив его распространявшейся в Англии пропаганде партии Чарторьского. Он надеялся, что Комитет Объединения польской эмиграции также будет находиться в Лондоне и в него войдут Лелевель и Зверковский. Мадзини послал доверенных лиц в Брюссель для переговоров об этом с Лелевелем, и тот согласился на сотрудничество этих делегатов ЦК «Молодой Европы» с Объединением польской эмиграции. Мадзини ожидал формирования Комитета «Молодой Польши», чтобы она вместе с «Молодой Италией» обратилась к народам с общим манифестом. В проекте, предложенном им от имени «Молодой Европы», определялась цель объединения, говорилось об обязанностях его членов, излагались общие идейные принципы. Обосновывалась также необходимость объединения, организации демократических течений: нужно было подать знак на европейской сцене, заполнить идейную пустоту,

выдвинуть программу, которая отражала бы всеобщие стремления. Предполагалось, что будущая европейская союзная организация будет вести как явную пропагандистскую, так и тайную революционную деятельность. Первое брала на себя общеевропейская ассоциация, национальные же ассоциации были призваны решать конспиративные и повстанческие задачи⁹².

Поддерживая связь с Мадзини, помогая «Молодой Италии» в пересылке революционной литературы через польские земли, Лелевель в то же время не तोпился с решением вопроса о воссоздании «Молодой Польши». Он учитывал ослабление влияния Мадзини в Италии, а, возможно, играл роль его контакт с более близким ему по духу умеренным итальянским либералом Джоберти, противником Мадзини. К тому же он сосредоточился на подготовке к выборам Комитета Объединения польской эмиграции, которые проводила Корреспондентская комиссия, переизбиравшаяся каждые три месяца. Лелевель оказывал влияние на работу Корреспондентской комиссии в Пуатье, где действовали его люди (Станислав Малиновский, Юзеф Дыбовский, Антоний Островский и др.), и на пропаганду, которую вел печатный орган Объединения «Orzeł biały» («Белый орел»), выходивший в Брюсселе с 1839 по 1848 г. Это издание ранее было рупором лелевелевского Союза детей Люда Польского, и не случайно в его первом номере от 15 ноября 1839 г. почти дословно излагалась декларация этого Союза, провозглашенная в 1835 г.: причиной гибели восстания 1830–1831 гг. объявлялся эгоизм «привилегированной касты», которая не заинтересовала крестьян и не подняла их на защиту родины. Шляхта, говорилось во вступительной статье этого номера газеты, захватила в свои руки «нечаянно выкинутую на улицу революцию» и «так ее повернула, как того желали самые завзятые ее враги». Вместе с тем газета не была согласна с позицией деятелей ПДО в отношении шляхты, которые «обещали польскому народу диктатуру и пригрозили уничтожением всей шляхты, не учитывая, что она также имеет в своих рядах добрых сыновей отчизны». Редакция газеты писала: «Польша целая, свободная и независимая единственно только собственными силами может подняться [...], ее политическое существование связано с интересами люда [...], война за независимость и социальная реформа должны идти вместе, чтобы быть благоприятно завершены, они не должны и не могут быть разделены [...], только в этом направлении можно работать ради будущего чисто демократической Польской республики»⁹³.

Согласно уставу, выборы в Комитет Объединения польской эмиграции считались состоявшимися, если в голосовании участвовали две трети всей многотысячной армии польской эмиграции, а для избрания Комитета из пяти членов требовалось две трети голосов участников голосования. В 1838 г. эти условия не удалось соблюсти, а новые выборы 7 июня 1840 г. были проведены Корреспондентской комиссией вопреки протестам ряда гмин в Гавре, Париже и Лондоне, обвинявших Комиссию в том, что она подменила собою гмины, «лишила их жизненной силы». Они утверждали, что Акт создания Объединения польской эмиграции и его уставы «не проистекают ни из национального духа, ни из демократических принципов, они являются продуктом не общественным,

а индивидуальным, односторонним [...] и не могут служить основой Объединения». 1 июня 1840 г. парижские гмины, поддержанные гминой «Пуатье», потребовали отложить выборы, чтобы выяснить все о кандидатах, которых «котерия» хочет навязать эмиграции. В Лондоне же 200 эмигрантов заявили, что откажут в повиновении избранному Комитету, если не будут изменены Акт основания Объединения и его уставы. Выборы, в которых из 2331 членов Объединения участвовал только 1591 человек, все же были проведены, но оказались избранными лишь двое — Лелевель и Зверковский, поэтому временная власть осталась у Корреспондентской комиссии⁹⁴.

В такой обстановке вновь возродились планы созыва сейма. В известной степени это было связано с тайными инсинуациями французского правительства, продиктованными напряженностью отношений между Францией и Четверным союзом и возможностью возникновения войны. В этом случае Тьер хотел бы использовать польский легион, а его руководителем, назначенным сеймом, предпочитал видеть генерала Я. Скшинецкого либо генерала Ю. Дверницкого, прибывшего в Париж из Лондона. Развивать идею созыва сейма взялись А. Бернацкий и А. Островский. На «семейной» беседе их с группой бывших послов варшавского сейма 1830 г. было решено назначить его созыв в Париже на 10 ноября 1840 г. Рассчитывали на приезд 36 парламентариев, но некоторых из них, как, например, Ворцелля и Лелевеля, отказывались впустить выславшие их французские власти, не желавшие поддерживать идею созыва сейма открыто. Однако эта идея потерпела поражение не по внешним, а по внутренним причинам: из-за партийной борьбы «семейное» собрание послов не смогло конституироваться в качестве сейма. Значительная часть эмиграции в целом отрицательно отнеслась к идее созыва сейма в его прежнем составе и выдвинула проект созыва эмиграционного сейма, который был бы избран на местных сеймиках, объединяющих от 180 до 120 эмигрантов. Брюссельская гмина провела такой сеймик и избрала Лелевеля своим представителем в сейме. Лелевель и Зверковский как раз и поддерживали новый проект, так как рассчитывали овладеть будущим сеймом, влияя на голосование местных сеймиков через своих членов в Союзе детей Люда Польского, «Молодой Польше», Объединении польской эмиграции. Но этот проект также остался не осуществленным и вызвал лишь критику сторонников ПДО, вообще выступавших против идеи воссоздания сейма. Как и в 1832 г., они клеймили последний варшавский сейм — «представителя привилегий и погубителя Ноябрьской революции» и заявляли, что не будут сотрудничать с какими-то «побочными» предприятиями, не связанными с делом национального освобождения. Польское демократическое общество отрицательно относилось к самой идее беспринципного единства. Поскольку Лелевель, выступая на торжествах 29 ноября 1840 г., организованных Объединением польской эмиграции, говорил о новом проекте в плане единства и сплочения эмиграции, орган Централизации ПДО «Demokrata Polski» писал: «Лелевель хочет объединения всех — аристократии, шляхты и демократии и потому бросает мысль об эмигрантском сейме. Сейм должен дискутировать сначала о том, какой обязана быть политическая

вера эмиграции, а затем и Польши. Согласно Лелевелю, эта вера была бы демократической, по нашему мнению, это было бы мешаниной хорошего и плохого, нечто такое, что держалось бы середины между аристократией и демократией, чему нельзя дать никакого названия, но что в высшей степени сближалось бы с прежними и нынешними представлениями либеральной шляхты»⁹⁵.

Обращая внимание на тайные замыслы лелевелистов, связанные с идеей созыва эмигрантского сейма, Централизация в то же время разоблачала планы партии Чарторыхских, направленные на создание легионов для защиты династических интересов европейских монархов: «Наша кровь, — заявляли демократы, — принадлежит не тронам, мы не прольем ее за золото и славу». Говоря о том, что князь Адам в 1840 г. предлагал Франции польский легион для участия в разрешении турецко-египетского кризиса, Гельтман подчеркивал бесплодность подобных дипломатических усилий аристократического лагеря, который «десять лет подвизался в английском министерстве, предлагал английскому правительству документы, ноты, проекты, информацию». Демократическая польская эмиграция рассматривала международную обстановку в связи с возможностью революционных выступлений в Польше — в Познани, Королевстве Польском и Галиции, где наиболее активно развивалась конспирация, организованная при помощи эмигрантов. После оккупации Кракова австрийскими войсками в 1836 г. центральная власть в Содружестве Люда Польского перешла к Львову, где перевес получили либералы. В результате раскола в 1837 г. 12 членов Содружества под руководством эмиссаров братьев Залеских создали Всеобщую конфедерацию польского народа, в которую вступил и варшавский филиал Содружества Люда Польского, организованный Г. Эренбергом; волынским ответвлением Содружества руководил Ш. Конарский, установивший связи с революционными русскими офицерами-противниками самодержавия. Контакт поддерживался также с чешскими и словацкими демократами как союзниками в борьбе против Австрийской империи. Авторы Манифеста Всеобщей конфедерации польского народа звали к восстанию силами народных масс и грозили конфискацией имений тем помещикам, кто не вступит в организацию. Они вели агитацию среди крестьян, братались с ними, звучали революционные песни, в которых слышались антишляхетские ноты. Польское демократическое общество поддерживало связь с Польшей, контакты курировал Гельтман. В сентябре 1837 г. секретарь Централизации Роберт Хмелевский отправился в Краков и Галицию, вошел в сношения с Содружеством Люда Польского и Всеобщей конфедерацией польского народа, а затем и с «Молодой Сарматией». Он пытался создать в Галиции филиал ПДО — «Демократическую Польшу», но члены организации, в том числе Леслав Лукашевич и сам Хмелевский, подверглись арестам. Во второй половине 1830-х годов посланцы Польского демократического общества действовали также на Украине и в Молдавии, где вел работу Ф. Филянович, на Познанщине, где В. Бреаньский установил связь с К. Либельтом и тайным комитетом, и в Королевстве Польском, где В. Мазуркевич создал тайный варшавский кружок. В Литву был послан Ксаверий Олендзкий, в Плоцк и Восточную Пруссию Леон

Зенкович. Ориентиром связи для агентов ПДО стал с 1842 г. Северин Мелжинский. В 1838 г. организация в русской части Польши была раскрыта, ее члены подверглись репрессиям. В тюрьме и ссылке оказались и русские офицеры, пытавшиеся освободить арестованного Конарского, в 1839 г. его казнили в Вильно, а в начале 1840-х годов было разгромлено и варшавское Содружество Люда Польского под руководством Г. Эренберга и Г. Каменьского. Однако демократическая эмиграция продолжала строить планы, связанные с революционной деятельностью патриотов в Польше, в частности, с Союзом плебеев, действовавшим в Познани с 1842 г. под руководством В. Стефаньского, Ю. Эссмана и С. Липиньского⁹⁶.

Руководители Польского демократического общества на опыте революционных событий 1830-х годов в Европе убедились, что революционный пыл европейских народов «начал сменяться грустным равнодушием». В. Гельтман, отметивший эту тенденцию в речи на торжественном собрании 29 ноября 1838 г., заявил, что полякам надеяться нужно на себя: «Нас 20 миллионов, и кто нас победит, если все мы восстанем?». Польское демократическое общество видело необходимость проведения усиленной пропаганды и подготовки вооруженных сил для борьбы за независимость Польши. Было принято решение обучать эмигрантов во французских военных школах, кроме того, с 1841 г. готовили офицеров на специальных курсах. В 1842 г. «военное искусство» стал преподавать Ю. Высоцкий, а Л. Мерославский в 1843–1844 гг. выступал с разбором военной кампании повстанцев в 1830–1831 гг., был также опубликован его «Курс военного искусства». Ряд демократов (В. Хшановский, А. Еловицкий, Г. Дембиньский, Л. Быстшоновский) указывали на значение партизанской борьбы и необходимость готовиться к ней, но другие, как В. Нешокоч, рассматривали ее как дополнение к регулярным военным действиям. Чтобы лучше отслеживать политическую ситуацию, демократы перевели свой центр (в него вошли В. Гельтман, Т. Малиновский, В. Дараш, Ю. Словицкий, Я. Альциато) из Пуатье в Версаль, а трое членов Централизации были направлены непосредственно в Париж. В апреле 1841 г. в Париж из Пуатье переехала и редакция газеты «Demokrata Polski», причем ее прежний шеф К. Томкевич порвал с Централизацией и стал издавать в Пуатье газету «Demokrata», которая в согласии с Корреспондентской комиссией Объединения польской эмиграции пропагандировала объединительные идеи. Это был не единственный случай, когда члены Польского демократического общества его покидали и переходили в Объединение польской эмиграции. Пресса ПДО объясняла, что ушедшие были представителями аристократии или «двухцветными людьми», и указывала на положительный результат их ухода: «маски спали», «шляхта показала себя во всей наготе, такой, какой она была всегда, — неисправимой, анархичной, фальшивой», Польское же демократическое общество освободилось от «фальшивых демократов». В конце 1845 г. ПДО насчитывало 623 члена, 93 из них жили в Париже, 10 чел. — в Лондоне. Действовали секции в Страсбурге, Нанте, Гавре, Ле Пюи, Руане, Тулузе, Марселе, Бордо, Лилле; они оказывали помощь прибывающим из Польши новичкам, ежегодно

торжественно отмечали годовщину Ноябрьского восстания 1830 г. Общество верило в свои силы и готовилось отстаивать свои позиции в борьбе с Объединением польской эмиграции. Предстояла очередная попытка выборов Комитета Объединения, и Централизация стремилась подорвать авторитет этой организации, которую называла «круглым нулем», союзом, не имеющим ясной политической цели и созданным лишь для того, чтобы противостоять организации с подлинно демократическими принципами. «Это отрицание демократии», — заявляли деятели ПДО. «Объединение представляет не демократию, — утверждал их печатный орган «Demokrata Polski», — а самую губительную для Польши идею — идею шляхетскую, “пулсродковую”, немощную, которую так хорошо олицетворяет Лелевель». Демократы возмущались тем, что Комитет Объединения польской эмиграции претендует на осуществление власти не только в эмиграции, но и в Польше. Сами они видели в эмиграции лишь «моральную силу», задачу же осуществления национальной идеи отдавали Польше. «Главная задача эмиграции, — считали деятели ПДО, — распространять в Польше мысль, способную спасти страну и тем самым помогать национальным усилиям, чтобы ускорить момент решительного движения». «Эмиграция, — писал Гельтман, — должна не управлять, а помогать усилиям, предпринятым на родной земле, всеми способами, которые проистекают из ее положения». Прежде всего, имелись в виду проведение анализа ситуации и разработка планов на основе общественного обсуждения, а, кроме того, эмиграция должна была добиваться «помощи и поддержки других народов» как «подсобного средства», Деятели ПДО считали Объединение польской эмиграции силой, скрывающейся под маской и потому более опасной, чем открытая реакция. Они указывали на политику Объединения, «где наряду с верой в собственные силы нации лежит постоянная оглядка на чужую помощь и внешние события, наряду с верой в принципы — вера в личности, наряду с самоотверженностью — эгоизм, наряду с рвением — политика равнодушия к общественному благу». Для развенчания роли Объединения и его лидеров — Ружицкого, Дверницкого, Лелевеля, Зверковского и других — печатный орган ПДО «Demokrata Polski» представил, в частности, развернутый анализ деятельности Лелевеля. В статье утверждалось, что в 1830–1831 гг. Лелевель, занимая руководящие посты в повстанческом правительстве и Патриотическом обществе, имея широкие возможности для политической деятельности, не проявил «политического разума, душевной силы и постоянства в действиях», он «с самого начала не понял революции», не знал, «какими средствами можно спасти Польшу», хотя заранее был осведомлен о подготовке восстания и поддержал его планы от имени сейма. Газета обвиняла Лелевеля в том, что он отпустил великого князя Константина в Литву и «требовал, чтобы тот ходатайствовал перед Николаем о его милости». «Это был, — писал автор статьи, — первый губительный шаг, шаг контрреволюционный; последствием стали дальнейшие действия диктатуры, а позже проведение соглашений с врагом». По мнению органа ПДО, Лелевель нес ответственность за политику повстанческого правительства, которое приказало не нарушать социальных основ, не использовало внутренние силы

народа для защиты революции; он санкционировал «преступные акции» этого правительства. За Лелевелем, указывала газета, «были люд и вся молодежь, а при такой мощи можно всего добиться, можно было не раз и не десять раз спасти революцию [...]. Как член правительства Лелевель действовал во вред вместе с Чарторыским и компанией, как член Патриотического общества он не сумел выступить против этих действий [...]. Лелевель со всем соглашался, со всем считался, забывая только о революции, о национальном деле». Централизация ПДО видела в такой позиции результат зашоренности Лелевеля как историка, чьи взгляды застыли на прошлом: отсюда, утверждал ее печатный орган, «отсутствие смелости в действиях и силы духа» — черта, которая «знаменует характер Лелевеля». «Когда эмигранты начали анализировать прошлое, — писал автор статьи в газете «Demokrata Polski», — понимание Лелевеля не могло угнаться за эмиграцией. Вопрос о принципах порой сталкивался с его равнодушием, но чаще с сопротивлением, потому что это выходило за границы его воображения, за предел основных пунктов Конституции 3 мая, прогресс же у Лелевеля не простирался далее. Прошлое нашей истории Лелевель осмыслил лишь на основе Конституции 3 мая», поэтому в его «истории восстания» нет анализа ошибок и сделанных из этого опыта выводов, которые могли бы дать надежду⁹⁷.

Для характеристики Лелевеля орган Централизации использовал и информацию о нем из прессы другого лагеря. Так, газета «Demokrata Polski» была невысокого мнения о появившемся в 1839 г. печатном органе Объединения польской эмиграции «Orzeł biały», считая, что это «инструмент объединительной группировки, шляхетский орган, который по самой своей природе не может иметь под собой почвы [...] не способен выдержать серьезных размышлений». Тем не менее, она охотно приводила мнение этой газеты о Лелевеле: «Лелевель [...] не пойдет дальше [...] он не отвечает требованиям времени, не дает гарантии для тех, кто стремится к действию». Отмечая наличие у Лелевеля «ресурсов и разума», «Orzeł biały» утверждал, что он «не в состоянии умело воспользоваться этими ресурсами, по своему обыкновению ограничится общими фразами, самые спасительные советы облечет в сомнительные выражения [...], все приправит трудностями без конца, а часто и без всякого смысла и, наконец, надуется». При этом, как отмечал орган ПДО, «Orzeł biały» представлял Лелевеля как основу Объединения польской эмиграции, которое, поставив его во главе своего Комитета, якобы, «доказало, что понимает свою миссию, понимает интерес нации». Эти слова, резюмировала газета «Demokrata Polski», можно понимать лишь «как горькую иронию, безжалостную издёвку»⁹⁸.

Не менее острую критику демократы направляли в адрес «рenegата демократии» Зверковского, соратника Лелевеля во всех его начинаниях. Они признавали, что во время восстания 1830 г. он входил в круг оппозиции к его руководству, но ставили в укор этой оппозиции то, что она не «указала новую линию поведения, не нашла новых средств для просвещения общественного мнения, не умела при необходимости к нему обратиться и потребовать поддержки ради спасения дела». Зверковский и другие оппозиционеры, писала

газета «Demokrata Polski», боялись «ослабить веру в правительство, нарушить гармонию и согласие». Характеризуя поведение Зверковского в эмиграции, она отмечала, что тот «был всюду и со всеми [...], на минуту становился сторонником всех принципов, а в действительности не имел никаких», то есть представлял собой «флюгер». Подводя итог анализу личности и позиции Лелевеля и Зверковского, орган Централизации подчеркивал, что «ни тот, ни другой не является человеком дела, ни того, ни другого не отличают ум и энергия, ни тот, ни другой не имеют никаких заслуг, и избрание (в Комитет Объединения польской эмиграции. — С. Ф.) ни того, ни другого не оправдано ни их прошлым, ни потребностями сегодняшнего дня»⁹⁹.

Эти выступления прессы Польского демократического общества имели целью повлиять на очередную попытку избрать Комитет объединения польской эмиграции. Активность проявляли и другие органы печати, возникшие в это время. С 20 декабря 1840 г. стала выходить «Narodowość» («Национальность») под редакцией Анджея Словачиньского, 25 апреля 1841 г. появилось «Zjednoczenie» («Объединение») — «журнал, посвященный сплочению всех, всеми и для всех», склонявшийся к христианскому мистицизму. Его издавала в Париже гмина «Гавр» — противница Корреспондентской комиссии, редакторами были Скужевский и Прушинский. Идейные принципы гмины, проповедовавшиеся ее печатным органом, привлекли внимание Кремповецкого и Дзевецкого, руководивших Обществом приверженцев социальных обязательств. 14 мая 1841 г. члены Общества вошли в Объединение польской эмиграции, создав автономную гмину, и 6 июня выступили с объяснением своего шага. Они отмечали, что «в эмиграции проявились стремления исправить ложные представления о польской национальности, что уже печатные издания начинают препятствовать продвижению материализма, что активное влияние гаврской гмины на эмиграцию обещает возможность ныне встать на единственно центростремительную позицию». «Приверженцы социальных обязательств» обещали отдать свои силы «на достижение столь благословенной цели»¹⁰⁰.

Третьи по счету выборы в Комитет Объединения польской эмиграции были признаны состоявшимися по числу участников, но количества голосов, необходимых для избрания в Комитет, не получил ни один из 73 кандидатов в его члены. Следующее голосование длилось четыре месяца и сопровождалось скандалами: большая часть членов гмины «Пуатье» отказалась признавать Корреспондентскую комиссию и выбрала новый ее состав, однако большинство эмигрантов вернуло власть прежней Комиссии. В результате 10 октября 1841 г. в Комитет были избраны А. Одынецкий и Ю. Б. Островский, вместе с избранными ранее Лелевелем и Зверковским они составляли неполный комплект членов: нужен был пятый член, но ближайшему кандидату Ворцеллю не хватило 18 голосов. К тому же Лелевель, Зверковский и Одынецкий отказались сотрудничать с Островским, а еще раньше А. Одынецкий, К. Ружицкий, Ю. Дверницкий и Ф. Рогиньский в воззвании к эмиграции просили не голосовать за них, так как они не хотят находиться рядом с «пасквильантом». Речь шла о том, что

газета Островского «Nowa Polska» не имела определенного направления, служила разным партиям, пропагандировала разные, подчас прямо противоположные взгляды. В 1841 г. Ворцелль и «младополяки» Новосельский, Штольцман и Гляйних издали в Брюсселе «портрет двуликого Януса» — брошюру «Юзефат Болеслав Островский и его убеждения», где сопоставили сделанные издателем газеты в разное время суждения об одних и тех же предметах. Недовольство деятельностью Островского разделяла значительная часть эмигрантов, и его избрание в Комитет едва не привело к расколу Объединения польской эмиграции, так как часть Корреспондентской комиссии его поддерживала и через своих агентов Бялковского и Дембского вела соответствующую агитацию в гминах¹⁰¹.

В результате этих конфликтов выборы в Комитет затянулись. Недовольный этим Лелевель вместе с Зверковским пытался добиться, чтобы Огул эмиграции допустил возможность избрания Комитета в трехчленном составе. Однако Одынецкий не поддержал это предложение, и раздосадованный Лелевель в письме брату 22 марта 1842 г. весьма язвительно и неприязненно отозвался о своих коллегах по Комитету. Он писал о приезде «впавшего в детство Зверковского и болезненной мумии Одынецкого». Первый, по его словам, только болтал и был озабочен едой, а второй молча сосал таблетки. «Я, — жаловался Лелевель брату, — за них думал и писал, был одновременно их коллегой, советчиком, гидом, председателем, докладчиком, референдарием, конторщиком, канцеляристом, экспедитором, копиистом, и счастье, что не нужно было быть еще и кассиром»¹⁰².

Лелевель вновь подтвердил отказ «тройки» сотрудничать с Островским, что вызвало нападки на него части членов Объединения польской эмиграции, поддерживавших Островского. Последний также вступил в борьбу против Лелевеля, Зверковского, Ворцелля и других на страницах своей газеты, делались попытки поссорить Лелевеля с Ворцеллем и Кремповецким. Объектом атак были лондонские «младополяки» и те, кто их поддерживал, в том числе Мадзини, которого Островский обвинял в интригах, приведших к разброду в рядах польской эмиграции. В кампанию против «Молодой Польши» включились члены гмин Объединения польской эмиграции в Клермон-Ферране, Лилле и Монпелье, подозревавшие «младополяков» в заговоре, а направляли кампанию агенты Островского и ряд членов Корреспондентской комиссии. Ответом были выступления в прессе и на собраниях эмигрантов С. Ворцелля, Л. Оборского, Ю. Гляйниха, Ю. Дыбовского и других, отстаивавших доброе имя «Молодой Польши», подчеркивавших ее заслуги. Так, в статье, опубликованной в газете «Orzeł biały» 31 августа 1842 г., «младополяков» называли «апостолами, мучениками, достойными вечного восхищения», а о патриотическом вкладе «Молодой Польши» говорилось: «Зерно ее понятий, брошенное в эмиграцию, разрослось в полезную науку. Ее голос, отличающийся терпимостью и объединяющий, смягчал заносившиеся в Польшу претензии и недоразумения». Опровергая слух о «заговоре», газета подчеркивала, что идейное наследие «Молодой Польши», как и ее заслуги, присвоило себе Польское демократическое общество. В том же номере газеты в защиту «Молодой Польши» выступил и Мадзини. Он назвал «младополяков» активом Объединения

польской эмиграции, его «храбрыми и лояльными солдатами». «Не может развиться ни одна организация, — утверждал Мадзини, — программа которой не содержит двух слов — отчизна и человечество, потому что та организация, которая зачеркнула бы первое слово, поставила бы цель без средства, а та, что убрала бы второе слово, получила бы средство без цели». Мадзини указывал, что в программе польских, немецких и итальянских эмигрантов главной целью должны быть человек и человечество, а средством — национальная конспирация. В его словах звучал призыв к возобновлению союза поляков с «Молодой Европой». Так как формирование структуры Объединения польской эмиграции шло медленно и трудно, о возрождении «Молодой Польши» думал и Ворцелль. В апреле 1843 г. он поддержал проект манифеста «Молодой Польши», который Дыбовский послал Лелевелю, но последний, так же, как К. Залеский, В. Тышка и В. Зверковский, был против создания новой «Молодой Польши». Лелевель считал, что подобная организация уже есть в самой Польше (имея в виду Содружество Люда Польского), и Объединение польской эмиграции должно с ней связаться¹⁰³.

Новый манифест «Молодой Польши» не нашел поддержки в эмиграции. Что же касается Ворцелля, он, сблизившись в это время с Лелевелем и Мадзини, испытал влияние их идей и по-новому расставил приоритеты борьбы. Понятие собственности Ворцелль не считал «законом природы» и видел в нем преграду на пути прогресса человечества, но более важной, чем «преобразование форм собственности», он признал цель достижения национальной независимости. 31 мая 1842 г. на страницах газеты «Orzeł biały» он сформулировал свое кредо: «Польша живет своей миссией. Эмиграция представляет ее вовне. Мы живем эмиграцией, как эмиграция Польшей, как Польша человечеством, как человечество прогрессом — то есть своим развитием согласно закону Божию — то есть Богом. Преображение формы собственности является одним из шагов по пути прогресса человечества к исполнению поставленных целей, является средством к равенству и справедливости; но существуют более спешные средства, более высокие и святые цели, в том числе народ и его независимость, свободная деятельность, основанная на законе Божиим, на принципе равенства и всевластия». Разделял Ворцелль и скептический взгляд Лелевеля на Централизацию ПДО, о чем сообщал в адресованном ему письме 25 марта 1845 г.: «Твоей милости обязана моя польская демократия. Вот бы такой же стала и демократия (Польского демократического. — С. Ф.) Общества, которая, если останется тем, чем есть ныне, такой же чуждой приставкой, какой была наша аристократия, дай Бог, чтобы не привела к таким же результатам!»¹⁰⁴.

Однако Ворцелль и Лелевель расходились в оценке «Молодой Польши». Лелевель не признавал за ней особых заслуг, тогда как Ворцелль напоминал об организации «младополяками» савойской экспедиции, о мученической смерти эмиссара «Молодой Польши» Ш. Конарского, расстрелянного в 1839 г. Эту позицию разделял и Мадзини. 27 февраля 1843 г. в Лондоне состоялось торжественное заседание в память Конарского, подчеркнувшее революционную традицию, связанную с «Молодой Польшей». Кремповецкий (председатель собрания),

Б. Бенёвский, С. Ворцелль и Д. Мадзини выступили с речами на французском языке, а М. Козёлл, К. Штольцман, В. Амброзевич и Л. Оборский говорили по-польски. Были также выступления англичан, итальянцев, немца и гаитянина. Главная мысль Мадзини, как и прежде, заключалась в призыве к объединению. Итальянский революционер повторил его 27 июля 1843 г. в Лондоне на торжественном заседании, посвященном памяти декабристов, где он был председателем, а секретарями Оборский и Ворцелль. Собравшиеся приняли резолюцию, содержащую осуждение царского панславизма и призыв к славянским народам объединиться против деспотизма. Прозвучал лозунг восстания 1830–1831 гг. «За нашу и вашу свободу!», а Мадзини напомнил полякам, что, борясь против царизма, они не должны бороться с русским народом, и призывал их вести агитацию среди русского крестьянства. Знаменательно, что ровно через два года, когда в Лондоне вновь торжественно отмечали память декабристов, Кремовецкий повторил главные мысли Мадзини и призвал выступить с обращением к русскому народу¹⁰⁵.

Тема союза с русским народом обсуждалась в эмигрантской среде. Еще при появлении в 1839 г. накануне годовщины Ноябрьского восстания «Orzeł biały» украсил свой заголовок стилизованной надписью на русском и польском языках «За вашу и нашу свободу!». Уже в первых номерах он заявлял о верности поляков этому лозунгу и, исходя из «актуального положения двух великих ветвей славянского племени, а в будущем из тесной связи дела свободы в России с избавлением от рабства и освобождением Польши», делал вывод о «естественном средстве и необходимости соединения усилий и стремлений польских и русских патриотов». Газета обосновывала этот тезис: «Россия не может установить у себя свободу без содействия Польши и ее одновременного возрождения. Польша же, даже если бы благодаря самой себе восстала из упадка, в любом случае в результате принесет свободу России». Естественным продолжением этих заявлений стала речь Лелевеля, произнесенная через две недели на торжественном вечере 29 ноября, в которой он вспомнил о «мучениках свободы двух народов, бывших до сих пор противниками». Об этих героях он говорил и на праздновании Ноябрьской годовщины год спустя, назвав имена декабристов и Конарского как пример грядущего «согласия» поляков и русских в борьбе за свободу. С 1841 г. память декабристов стали отмечать ежегодно. Это была инициатива лондонской гмины Объединения польской эмиграции, ее поддержали Ворцелль, Штольцман, Гляйних и Антоний Рехович. Они стремились к принятию постановления о проведении постоянных торжеств, посвященных декабристам, наравне с проведением ежегодных торжественных собраний в память Ноябрьского восстания, а также в память Конарского и других «польских мучеников». Была установлена символика собраний: черную доску с именами пяти русских революционеров украшал плющ, знаком братства народов являлись два перекрещенных знамени — белое и национальных цветов Польши, призыв к братству сочетался на них с лозунгом «За нашу и вашу свободу!» на двух языках. Хотя эта инициатива не была «узаконена», но ежегодные торжественные собрания, посвященные памяти

декабристов, проводились по 1845 г. включительно. Активная роль в этом принадлежала гмине «Пуатье», а затем лондонской гмине, прежде всего эмигрантскому окружению Ворцелля. В лондонском кругу в 1845 г. стараниями Оборского, Кремповецкого, Крыньского, Штольцмана и Юлиана Хелховского было подготовлено и опубликовано очередное воззвание к русским. О новом обращении к русским думал и Лелевель еще в 1844 г. Такое обращение собирались издать, основываясь на составленном в 1832 г. Лелевелем «Воззвании к русским». Переводчиком текста на русский язык был тогда Бакунин, внесший в него и свои идеи. Эти «добавления» получили одобрение Лелевеля, но воззвание осталось неизданным из-за недостатка средств. Текст этого воззвания был основан на доктрине об эмансипаторской миссии поляков и русских: первые должны были нести идеи прогресса славянским народам Европы, вторые — направлять свет «европейской цивилизации и Божественного закона» на Восток и эмансипировать народы Азии. Однако существовали и другие варианты определения роли России и ее будущего. В появившейся в 1837–1838 гг. двухтомной публикации Я. Чиньского «Живописная Россия. История и картины» социальные идеи Фурье рассматривались применительно к России и предполагалось, что она должна стать первопроходцем и примером для всех народов. Чиньский, часто упоминавший не только о декабристах, но и о таких персонажах российской истории, как Разин и Пугачев, утверждал: «Ни в одной стране мира открытие Фурье не могло бы найти более счастливого применения [...]. Какая же это прекрасная задача для России [...]. Какая же это слава для нее обеспечить себе собственное спокойствие и в огромной степени развить свои богатства, заменить свою кровавую и варварскую систему захватов системой мира и гармонии. В один прекрасный день этот новый порядок вещей воцарится во всем мире, и тогда хвала России, если это она станет его инициатором»¹⁰⁶.

Тема России и российско-польских отношений постоянно присутствовала в эти годы на страницах польской эмигрантской печати. Специальное внимание уделялось фактам, свидетельствовавшим о наличии в российском обществе революционных элементов. Так, в конце мая 1843 г. сообщали о репрессиях царского правительства в связи с раскрытием люблинской и варшавской частей тайной организации Содружество Люда Польского. Около 200 человек, в том числе и русские военные, связанные с польскими конспираторами, были заключены в Варшавской цитадели, и эмигрантские органы печати много писали об издевательствах над ними, выражая сочувствие. Против политики царизма были направлены протестные акции. Так, когда в июне 1844 г. Николай I прибыл в Англию, он выразил неудовольствие ряду английских политиков по поводу приема Чарторьского в Лондоне. В свою очередь, польские демократы организовали митинги протеста против пребывания царя в Лондоне. А еще раньше, в 1843 г., получила общественный резонанс статья Мадзини в итальянской газете «L'Apostolato popolare» («Народное апостольство»), связывавшая политику царизма с деятельностью польской аристократической эмиграции. Мадзини проводил сравнение между политикой России в Королевстве Польском

и политикой Австрии в Италии: Россия пугает Габсбургов тем, что может поддержать претензии на итальянский престол князя Лейхтенберга, зятя царя, австрийским же пугалом для России является возможная поддержка Веной князя Адама Чарторыского как польского короля «де-факто». Реакцией Отеля Ламбер на эту статью стала анонимная статья в газете «Trzeci Maj», обвинявшая Мадзини в желании использовать польскую молодежь, организовав военную экспедицию в Италию, чтобы поддержать там попытку провозглашения Лейхтенберга итальянским королем. Это обвинение подхватили противники Лелевеля и других лидеров Объединения польской эмиграции: Островский в своей газете писал, что Лелевель и Зверковский вкупе с Мадзини готовы были попасться на удочку российской провокации. В ответ на это Мадзини направил протест, и его опубликовал «Orzeł biały» 24 сентября 1844 г. Со своей стороны, Польский национальный комитет протестовал против действий французской полиции, которая вскрывала письма Мадзини, а также корреспонденцию Ворцелля, Штольцмана и др.¹⁰⁷

После неудачи революционных выступлений поляков в 1830-е годы армия польских эмигрантов значительно выросла: в 1837 г. она насчитывала 7 тысяч человек, в 1839 г. составляла уже 8 тысяч (в том числе 5700 чел. во Франции, около 700 в Англии, более 100 в Бельгии, около 150 в Испании, 100 в Алжире, 400–500 в США), а к 1845 г. увеличилась до 8,5 тысяч. Поэтому Мадзини, который, действительно, готовил в 1844–1845 гг. революционное выступление в Италии, рассчитывал, что поляки одновременно выступят, прежде всего, в Галиции, против Австрии. Поскольку в австрийской армии было немало славян, он считал необходимым вести среди них, так же как и в Галиции, агитацию. Мадзини получал информацию от Польского национального комитета и, возможно, согласовывал с ним революционные планы, так как в это время Комитет выслал в Галицию эмиссаров — А. Залеского и Е. Пенёнжека. И хотя тайная организация в Галиции, Кракове и Познани была связана с Польским демократическим обществом, тем не менее, у Объединения польской эмиграции было известное влияние на конспирацию в Королевстве Польском¹⁰⁸.

В середине 1843 г. гмины Объединения дали, наконец, согласие на работу трехчленного Комитета, и 11 июля он конституировался в Брюсселе. Поскольку Одынецкий не слишком охотно контактировал с Лелевелем и Зверковским, последние в сущности осуществляли власть вдвоем при помощи секретаря Виктора Тышки, и это на первых порах вызывало недовольство эмигрантов. 31 июля без санкции Одынецкого вышло воззвание Польского национального комитета, где эмиграцию призывали к согласию и сплоченной работе на базе принципов, выдвинутых в Акте Объединения 27 ноября 1838 г.: провозглашалась цель «политического и морального преобразования польского общества» путем признания самостоятельности крестьян, передачи земельных наделов им в собственность без всяких условий, гарантировалась свобода вероисповедания и осуществление свободного всеобщего национального обучения и воспитания. В конце звучал оптимистический лозунг: «Будущее возрождение и победа на поле боя!»¹⁰⁹.

Исполнительным органом Польского национального комитета стала Вспомогательная комиссия, сменившая Корреспондентскую. Ее членами, действовавшими в Париже, были Наполеон Шуневич, Чеслав Пенёнжек и радикал Адольф Залеский, участник экспедиций Заливского и Конарского, член конспиративной организации в Польше Содружество Люда Польского. С октября 1843 г. Вспомогательная комиссия издавала официальный орган Объединения польской эмиграции «Wywód słowny Rozpraw i Akta Publiczne Emigracji Polskiej» («Резюме дискуссий и публичные акты польской эмиграции»), где публиковались официальные постановления Комитета, а также проекты различных документов, объявления, обращения и воззвания гмин, полемика с другими изданиями. В ведении Комиссии находился также печатный орган Комитета Объединения польской эмиграции «Zjednoczenie», переведенный из Гавра. Гмины, которые должны были регулярно проводить собрания, присылали Комиссии ежемесячные отчеты о работе. Они также были обязаны собирать членские взносы, за счет которых оплачивалась работа членов Комитета и Комиссии, а, кроме того, делать взносы в фонд материальной помощи эмигрантам. Поскольку Комитет заседал в Брюсселе, а деятельность Комиссии концентрировалась в Париже, возникла необходимость создания также центра для эмигрантов, находившихся в Англии. Весной 1844 г. там начала работу Делегация Польского национального комитета во главе с секретарем Ворцеллем. Делегация обладала «явными и тайными прерогативами особой важности»¹¹⁰.

Ставя задачу привлечь под свои знамена большинство эмигрантов, Вспомогательная комиссия в воззвании 31 июля 1843 г. обратилась к членам Польского демократического общества, прося их ради блага национального дела не отделяться от объединенной эмиграции во имя своей «монашеской дисциплины». 26 июня 1844 г. Польский национальный комитет в полном составе призвал Централизацию ПДО объединиться, чтобы лучше служить делу революции. Если Централизация откажется, заявляли члены Комитета, они обратятся непосредственно к Огулу ПДО. Централизация, действительно, отказалась от переговоров с «частичной властью, вносящей разброд в среду эмиграции». Она заявила, что «подлинная демократия», то есть Польское демократическое общество (в 1840 г. насчитывавшее 3033 члена) останется на посту: ПДО не может встать под знамена Объединения или даже, наоборот, включить его в свой состав на условиях союза, так как не может «вместе с личностями получить и его духовное наследие». Указывая на шестилетнюю эпопею с выборами Польского национального комитета, Централизация констатировала факт развала Объединения польской эмиграции. Она пришла к выводу, что целью его лидеров была не выработка программы, а обеспечение себе места в этом «хаосе». Такая цель достигнута, говорилось в письме Централизации, но руководить Комитету нечем и неким, так как эмигранты разочаровались в Объединении польской эмиграции, а Польша «самим своим молчанием осудила ваш нелепый вздор»¹¹¹.

Вспомогательная комиссия пыталась опровергнуть эти упреки и, чтобы доказать жизнедеятельность Объединения польской эмиграции, представила список

его членов, включив туда и уже умерших. Зверковский и его агенты действовали в гминах, заверяя их членов, будто Централизации пришли письменные указания из Польши провести акцию объединения. Газета «Demokrata Polski» разоблачала эти выдумки, так же как и фальсификацию с подсчетом численности Объединения польской эмиграции, которая на самом деле составляла в 1844 г. лишь 827 человек, то есть втрое меньше, чем в 1842 г., в голосовании же участвовало только 585 человек. Централизация призвала свои секции на совместных с членами Объединения собраниях разъяснять истинное положение дел. 4 августа 1844 г. такое собрание с участием 30 членов Объединения провела парижская секция Польского демократического общества, на нем ярко выступил Людвик Мерославский, преподававший военное дело в офицерской школе. До недавнего времени он был членом Объединения польской эмиграции, но в 1843 г. вступил в Польское демократическое общество, стал печататься в его органе «Demokrata Polski». Выступая 4 августа 1844 г., Мерославский опрокинул все попытки достичь договоренности с «гостями», так как, по его словам, они хотят называться демократами, не исполняя обязанности демократов. Он потребовал ликвидации Объединения польской эмиграции, которое лишь «компрометирует достоинство демократической идеи». Это Объединение Мерославский назвал «общим прудом, из которого все партии имеют право брать что им нужно», оно устраняется от принципиального вопроса — социального, замазывает классовые противоречия и в результате замедляет процесс демократизации польского народа, ослабляет его революционные силы. Национальный интерес, заявил Мерославский, требует от эмиграции привести в движение максимум общественных сил, придать им повстанческий дух, а для этого нужны пропаганда и объединенные усилия, но Объединение польской эмиграции на это не способно. Оратор призвал «всех, кто искренне хочет работать для народа», вступать в ПДО. Разоблачая фальшивый список членов, предьявленный Объединением, он еще раз подчеркнул аморфность и бессмысленность этой организации: «Это хаос без границ, без меры, без цвета и запаха, без языка, без чувства, без образа, который заполняет пространство между Демократией и Аристократией, между будущим и прошлым Польши лишь затем, чтобы задержать развитие национальной истории, и который, сам будучи ничем, пытается помешать другим стать чем-то». Мерославский взывал к членам Объединения польской эмиграции: «В эту бочку Данаид вы напрасно бросаете ваши голоса, ваши надежды, ваше терпение [...]. Не оскорбляйте долее демократической теории, прилагая ее к ничему [...]. Не связывайте труп с живым человеком; первого отдайте могиле, а второго — солнцу». Заявив, что «не существует договора с хаосом, потому что хаос ни на что не годится», Мерославский предложил провести размежевание между демократической и аристократической частями Объединения польской эмиграции, с тем, чтобы первая вступила в Польское демократическое общество, «через которое лежит путь на родину»¹¹².

Для рассмотрения кандидатур на принятие в Польское демократическое общество Централизация создала комиссию в составе Эдмунда Корাবেвича,

Войцеха Дараша и Людвика Мерославского. Вспомогательная комиссия Объединения польской эмиграции пыталась с ними договориться об объединении эмигрантов на основе главных принципов — «независимости Польши и демократическо-республиканской формы правления». Однако это предложение было отвергнуто, членам Объединения предложили отзывать свои имена из списка Польского национального комитета. Не способствовали объединению и совместные заседания секций ПДО и гмин Объединения: в частности, безуспешно окончилась подобная встреча в Лондоне 25 августа 1844 г., причем руководители лондонской Делегации не приняли в ней участия. Тем не менее, Централизация продолжала вести наступательную политику, а ее пресса развернула широкую кампанию по дискредитации Объединения польской эмиграции. Газета «Demokrata Polski» опровергала утверждение, будто Объединение помогает нивелировать влияние Отеля Ламбер. Она утверждала, что, напротив, оно мешает изоляции аристократической партии, так как разбивает демократическую часть эмигрантов. Проводя линию размежевания между Польским демократическим обществом и Объединением польской эмиграции, газета писала: «Общество признало необходимость социальной революции, предвещающей восстание, и занялось развитием своей мысли [...]; оно сочло миссией эмиграции в отношении родины помочь ей создать действительное единство, сплочение вокруг национальной идеи. В понятии Объединения социальная революция не занимала места, позиция эмиграции понималась только как некое представительство, напоминающее о ней и поддерживающее к ней симпатии [...]. Если дать окончательное определение Обществу и Объединению, нельзя назвать их иначе, как только первое — действующей демократией, а второе — партией, стоящей в оппозиции к демократии»¹¹³.

Печать ПДО занималась критикой не только Объединения польской эмиграции в целом, но и специально его руководства. Благоприятные условия для этого создавали новые выборы в Польский национальный комитет, проходившие с 17 ноября 1844 г. по 17 июня 1845 г. Лелевель хотел отойти от работы в Комитете, ссылаясь на возраст, и заявил об этом еще в 1843 г., когда отмечали очередную годовщину Ноябрьского восстания. Но орган Централизации «Demokrata Polski» подчеркивал, что Лелевель «одряхлел не физически, а политически», что он «не старый, а усталый, пресыщенный, разочарованный». Писали о его политической смерти и припоминали грехи, связанные с «Молодой Польшей». Считали, что именно его влияние обусловило появление в Акте основания Объединения польской эмиграции свойственной «младополякам» формулировки, определявшей решение о наделении крестьян землей в собственность как дело второстепенное, требующее оглядки на позицию шляхты. Эти обвинения произвели впечатление, и гмина Объединения в Лилле осудила Лелевеля, а С. Малиновский, бывший член Корреспондентской комиссии, сделал по этому поводу специальное заявление и перешел в Польское демократическое общество. Процесс разложения в Объединении польской эмиграции усиливался, и после ряда собраний секций ПДО с участием гмин Объединения оказалось, что перешли

в ПДО многие из 31 гмины, существовавших во Франции. Переходили также к монархистам и к приверженцам религиозной секты А. Товяньского, а часто просто выходили из Объединения без объяснения причин. В отчете Польского национального комитета от 10 сентября 1845 г. говорилось, что из 2450 членов Объединения польской эмиграции осталось только 1893, причем лишь 705 человек принимали участие в выборах и платили взносы, а остальные «прикрылись бездействием». Из-за неуплаты членских взносов в течение 10 месяцев между доходами и расходами Объединения образовался большой дефицит, который пришлось покрыть Зверковскому и Лелевелю. Последний констатировал, что в Объединении польской эмиграции наступили «тишина и удивительное молчание». Не нашлось желающих работать во Вспомогательной комиссии. Деятельность Польского национального комитета в 1844 г. сводилась единственно к изданию воззваний в адрес эмиграции и Мадзини, в новых же выборах Комитета участвовали всего 713 человек, то есть одна седьмая часть всех членов Объединения. Поэтому из пятерых новоизбранных членов Комитета (ими стали Ворцель, Лелевель, Зверковский, Штольцман и Тышкевич) в Брюсселе заседали только четверо: Тышкевич отказался участвовать в работе, так как счел выборы несостоявшимися¹¹⁴.

ГЛАВА II

ПОЛЬСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭМИГРАЦИЯ И РЕВОЛЮЦИОННЫЕ СОБЫТИЯ В ЕВРОПЕ (40-е годы XIX века)

1. Рост революционных настроений в Европе и повстанческие планы Польского демократического общества. Польская эмиграция и Краковское восстание 1846 г.

Сначала 1840-х годов в европейских странах вновь стало набирать силу революционное движение. Приближение революционной волны ощущала и польская эмиграция, надеясь, что европейская революция могла бы послужить делу Польши. Еще в 1840 г. Чарторыйский в торжественной речи 29 ноября, в годовщину восстания 1830 г., говорил о возможности нового восстания поляков при «благоприятных обстоятельствах». Он разъяснял, что хотя ряд европейских государств понимают пользу, какую принесло бы «воскрешение Польши», но ни одно из них «не займется нашей судьбой и не будет также уважать народ, который, как бессильный нищий, умел лишь просить и ждать». Князь утверждал: чтобы Польша могла «действительно войти в расчет Европы», нужно, чтобы сами поляки «усилили свою национальную жизнь», подготовились к борьбе, доказали, что являются «серьезной и готовой силой»; «необходима уверенность в восстании, которое бы объединяло и выдвигало единые цели, а Польша, восстающая и борющаяся за свою независимость, должна стать не чем иным, как готовым к бою лагерем»; поэтому нужно собирать каждое зернышко, каждую ниточку и все соединить воедино, чтобы «создать силу Польши, настроить умы на внутренний порядок, а сердца на смелые действия, когда будут подготовлены и наступят благоприятное время и помощь от внешних союзов». В инструкции для Польши в 1844 г. князь писал о «принципе будущего восстания»: нужно «так его устроить, чтобы помещики выступили в нем как руководители крестьянского движения». Говоря о том, что «нужно привести в движение все силы народа и вовлечь в него всю массу населения», Чарторыйский делал особый акцент на привлечении крестьян: «Там, где они являются свободными, — указывал он, — надо обеспечить их собственность, а там, где они еще находятся в неволе, дать свободу и собственность». Это, подчеркивал Чарторыйский, — «не только долг совести, но даже дело простого расчета», так как «часть нашей собственности, добровольно отданная крестьянам, все обеспечит и вернет стабильную жизнь стране». В речи 29 ноября 1844 г. он говорил, имея в виду шляхту, о «людях с горячим сердцем, холодной головой, с нерушимым постоянством и неотъемлемой энергией», которые «чувствуют себя призванными руководить своими братьями в святом деле Родины»; эти люди организуют конспирацию, готовятся

к восстанию, ведут работу во всех слоях общества, чтобы по знаку от «власти» «вся Польша восстала в один момент». Князь был уверен, что если «двор и хата» выступят плечом к плечу, большая часть Польши будет освобождена, Европа же, увидев собственную силу народа, поспешит с дипломатической, а, возможно, и военной поддержкой. Державы поймут, что «среди независимых народов [...] поляки являются народом самовластным», тем более, что затем последуют либеральные реформы и расцвет экономики: Польша станет преимущественно «военной и сельскохозяйственной страной». Характерно, что в этой речи Чарторыйский вновь напомнил о выкупе крестьянских повинностей, а на ноябрьском торжестве в 1845 г. уделил особое внимание крестьянскому вопросу, выступив за проведение постепенных аграрных реформ в Польше. Наделение крестьян землей в собственность, заявил он, это «главное и самое действенное средство, если мы хотим, чтобы в момент, решающий нашу судьбу, весь народ, то есть миллионы крестьян, зажглись одним и тем же всеобщим энтузиазмом». Чарторыйский подчеркивал, что реформа собственности уничтожит опасность «социальных потрясений» и «кровавой домашней реакции», ее проведения требуют и любовь к родине, и христианская любовь, и справедливость, а также необходимость и «хорошо понятый собственный интерес». Он выразил надежду, что это поймет вся шляхта — «глава и украшение страны, которой Польша обязана сохранением своей национальности, обязана прошлым существованием и нынешней жизнеспособностью», и даже если она не успеет осуществить реформу, она должна будет пойти с народом, чтобы избежать гражданской войны, независимо от того, есть ли надежда на победу или ее нет. В речи князя говорилось и о «надежде свободы в согласии и братстве» с литвинами и русинами, о том, что нужно уважать их религию, обряды, обычаи, язык¹¹⁵.

Демократическая эмиграция также готовилась к участию в грядущих европейских событиях, и, видимо, слух о ее общих с Мадзини планах борьбы не был беспочвенен. Это, в частности, подтвердило воззвание Польского национального комитета от 1 октября 1845 г., в котором его члены, заявляя, что не претендуют на представительство всего народа, подчеркивали задачу эмиграции — свидетельствовать о том, что польский народ жив, и подтвердили решимость заключить революционный союз с народами, защищать славян от царизма. Авторы возвания предупреждали: «Назревает взрыв! Мы чувствуем приближение минуты боя и победы, ибо ничто не подвигнет Польшу, ничто не добудет ей победы, как только оружие и бой. Народ и люд польский осознали свою силу и самостоятельность и подали к этому сигнал [...]. День и час покрыты тайной, они совсем неожиданно блеснут омертвелому миру. Наблюдайте, прислушивайтесь, вставайте на свои сторожевые посты, беритесь за руки, чтобы быть вместе». Подобные возвания были направлены Огулу эмиграции и Польскому демократическому обществу. Обвиняя Централизацию в идейном догматизме и организационном сектантстве, осуществлении диктатуры в отношении членов ПДО и очернении политических противников, Комитет звал эмигрантов к объединению¹¹⁶.

Приближение революционного взрыва ощущала и Централизация. В феврале 1845 г., оценивая обстановку, газета «Demokrata Polski» писала: «Для нас, для поляков, [...] возникает тот вывод, что поскольку дело наше не может быть отложено на неопределенное время, Польша не должна ни на кого рассчитывать, кроме себя самой». Празднование демократами годовщины Ноябрьского восстания 29 ноября 1845 г. проходило в Париже в особо приподнятой обстановке. Мерославский выступил с речью, основные положения которой были отредактированы Централизацией. «Для того, чтобы быть, недостаточно этого хотеть, но нужно знать, как быть», — провозгласил генерал. Он изложил программу Польского демократического общества, подчеркнув, что оно «не отделяет социальной революции», то есть не отделяет «восстания за независимость от восстания за равенство классов». Наделение крестьян землей в собственность он назвал «революционным средством» — «одним из самых непосредственных, самых практических и действенных способов вывести массы из состояния омертвения». «Нашим идеалом, — заявил Мерославский, — является Польша нераздельная географически, единая в отношении социальных прав и политически всемогущая [...] Польша в границах 1772 г., ибо столько нужно этому государству пространства и воздуха, чтобы его существование, закрепленное и гарантированное, осталось нерушимым при всех опасностях и случайностях, ибо только такая Польша сможет при превратностях будущего отвечать на интернациональные призывы, к чему ее обязывает само ее возрождение в европейском союзе. Польша равная и единая в политическом, социальном и экономическом отношении, то есть Польша, населенная самыми настоящими гражданами, [...] Польша, одинаково доступная и благорасположенная ко всем вероисповеданиям». Наряду с Мерославским, от имени Польского демократического общества выступали Винцентый Мазуркевич, Леон Зенкович. Менее масштабный характер имели празднование, организованное также в Париже Объединением польской эмиграции под председательством французского парламентария Вавена, и подобное торжество в Брюсселе, на котором председательствовал Ворцелль и в котором участвовали многие бельгийцы и эмигранты разной национальности. В Лондоне празднование проходило под председательством Генри Росса и было наиболее многолюдным: присутствовали как члены Объединения польской эмиграции и английские радикалы, так и французские, немецкие, датские, венгерские, турецкие эмигранты. Была принята резолюция с осуждением политики Николая I¹¹⁷.

Готовясь к восстанию, Централизация планировала действовать в трех частях Польши, хотя главный удар собиралась направить против России, так как рассчитывала на нейтралитет Австрии и Пруссии. Еще в 1842 г. Гельтман предложил в течение трех-четырёх лет вести на польских землях как усиленную пропаганду, так и военную подготовку. Тогда же в Познань был направлен Т. Малиновский. Оценив обстановку, он подчеркнул, что нужно продолжать пропагандистскую деятельность еще в течение не одного года, и это мнение разделяли Генрик Якубовский и Ян Альциато, но ряд деятелей ПДО (Штольцман, Висьнёвский, Мерославский, Высоцкий, Зенкович) ориентировались на скорое революционное

выступление польского народа. В 1845 г., когда в результате новых выборов членами Централизации стали Якубовский, Альциато, Мерославский, Высоцкий, Висьнёвский, последний выехал в Галицию, где к нему присоединились Францишек Веселовский в Тарнове и Людвик Гожковский в Кракове. Альциато же, а затем и Штольцман отправились в Познань. Приехавший в Познань в декабре 1845 г. Мерославский вез с собой назначения для Юзефа Высоцкого и Францишека Бобиньского: им предстояло возглавить будущее восстание на территории Галиции. 8 января 1846 г. Польское демократическое общество организовало в Кракове съезд делегатов от всех частей Польши, которые избрали Национальное правительство. К. Либельт должен был представлять его в Познани, Владислав Дзвонковский в Королевстве Польском, Людвик Гожковский в Кракове, Ян Тыссовский в Галиции. Ян Альциато стал представителем эмиграции, а конкретно — Польского демократического общества; ПДО представляли также Гельтман (секретарь) и Мерославский, выдвинутый на роль главного военного руководителя восстания. На 21–22 февраля 1846 г. было назначено вооруженное выступление. О намеченном плане действий давала представление «Повстанческая инструкция», которую огласил Мерославский, один из разработчиков плана. Если К. Штольцман или Г. Каменьский видели в восстании народную стихию, выливающуюся в партизанскую войну (такую тактику пропагандировал Мадзини), то Мерославский имел в виду военные действия регулярной повстанческой армии, сформированной на основе повстанческих отрядов и находящейся под единым руководством. Руководящим органом должно было стать сильное правительство с диктаторскими полномочиями, что обеспечило бы восстанию защиту как от угрозы контрреволюции, так и от опасности стихийного выступления масс. Силы народа предполагалось подчинить шляхетскому командованию на основе общих указаний эмиграции, которая разослала на места своих инструкторов. Мерославский еще в 1843 г. писал, что «повстанческая диктатура и демократическое законодательство, следующее за ней, взаимно и неразрывно дополняют единое историческое целое», а 29 ноября 1846 г. он говорил о необходимости единоличной власти или коллективного правительства, состоящего из 3–7 выдающихся личностей, которое осуществляло бы верховное командование и назначало всех гражданских служащих, при этом свобода печати, так же, как «личная свобода и свобода объединения», допускались бы «исключительно в границах господствующей идеи». После захвата власти на местах планировалось провозгласить акт наделения крестьян землей в собственность и объявить призыв в повстанческую армию. Перед первыми сформированными полками стояла задача выступить против России, а затем формирования в Галиции и Познани должны были направить удар против австрийских и прусских войск. Что касается Галиции, там действовала связанная с Польским демократическим обществом тайная организация, она вела устную и письменную пропаганду с целью поднять национальный дух, указать путь к свободе, выработать силы и средства их полезного применения для подготовки выступления, ведения успешной борьбы и организации власти после победы. Рассчитывали, что восстание в Галиции

будет поддержано революционными выступлениями в Молдавии. Там еще раньше обосновалось много польских карбонариев, польские центры возникли в Ботошанах, Михайленах, Яссах, Ромене, Бакове, Галаце, а также в Подкарпатье и в Карпатских горах; сложился и филиал Содружества Люда Польского. Эмиссары Централизации Фаустын Филянович-Брудзиньский и сменивший его в 1844 г. Теофиль Висьнёвский поддерживали контакт с румынской либеральной организацией — Национальным обществом. Предполагались совместные действия, и с 1845 г. в имениях прогрессивных румынских бояр стали формироваться подотряды для польского легиона. Центр формирования и обучения польских военных сил находился в имении Д. Кантакузина Грозешти. Руководителем легиона являлся Ян Лога-Совиньский, а его заместителем по делам политического воспитания был Кароль Кашиньский (Шмит) — идеолог польских демократических эмигрантов в Молдавии. Планы сотрудничества Молдавии и Валахии с готовящейся революцией на польских землях обсуждались как в самой Молдавии, так и в Париже. В конце 1845 г. представитель валашских демократов Константин Росетти участвовал в проходивших там заседаниях Централизации ПДО¹¹⁸.

План общепольского восстания был едва ли осуществим, поскольку в разных частях Польши повстанческая организация находилась в различной степени готовности к выступлению; практика агитации среди крестьян со стороны шляхты не получила распространения, а там, где она и имела место, помещики вели ее с немалой осторожностью из-за опасения социального взрыва, более того, этот страх толкал часть землевладельцев на предательство национальных интересов: они выдавали властям планы повстанцев. В результате в феврале 1846 г. Меро-славский был арестован в Познани вместе с 70 местными конспираторами и посажен в крепость. Позже, во время происходившего в Берлине суда над Меро-славским, по требованию прокурора были зачитаны Великий манифест 1836 г. и «Протест против трактатов 1772–1815 гг., разорвавших Польшу», и на основании этих «преступных» документов Польского демократического общества суд вынес обвиняемым смертный приговор, который, однако, не был приведен в исполнение. Аресты прошли также во Львове, а в вольном городе Кракове среди организаторов восстания имели место разброд и несогласованные действия. Австрийские власти вели умелую пропаганду среди крестьян Галиции, и в результате они воспрепятствовали планам шляхетских конспираторов, а затем разгорелась направленная против помещиков крестьянская война под руководством Якуба Шели. Наряду с антифеодальным выступлением крестьян, получившим в кругах шляхты название «галицийской резни», 20–21 февраля вспыхнуло восстание в Кракове, основную силу которого составили городская беднота, горняки и рабочие соляных копей, а также крестьяне окрестных сел. Туда потянулись остатки конспиративной повстанческой сети из Познани и Королевства Польского. Душой Краковского восстания стал Эдвард Дембовский, который после разгрома властями Королевства Польского организации Содружества Люда Польского вместе с Г. Каменьским перебрался в Познань и был там связан с Союзом плебеев¹¹⁹.

Дембовский, как и ряд европейских революционеров — его современников, рассматривал диалектический метод Гегеля в качестве основания концепции исторического развития человечества на пути к «социальной революции» и классовому равенству. Его социалистические убеждения сочетались с горячим патриотизмом и интернационализмом революционеров-демократов. «Народ, нации, человечество, — считал Дембовский, — имеют один общий интерес, одну общую жизнь». По его мнению, «только там может быть свобода, где нет собственности». «Придет время, — утверждал он, — когда народ не будет страдать и не будет ни панов, ни крестьян, а только люди, и все будут любить друг друга». Эти убеждения Дембовского отразились в Манифесте к польскому народу, с которым 22 февраля 1846 г. выступило созданное в Кракове Национальное правительство Польской республики. Манифест провозглашал свободу, «какой доселе не было на земле»: уничтожались все привилегии и классовые различия, было обещано пользование благами земли «в соответствии с заслугами и способностями» и оказание социальной помощи беднякам; крестьяне получали в собственность свои наделы, отменялась барщина и другие повинности, а безземельным участникам восстания после его победы предоставлялась земельная собственность за счет государственных земель. В своих постулатах Краковский манифест шел дальше, чем Пуатьерский манифест Польского демократического общества. Еще больше углубить его социальные тенденции стремился Дембовский, ставший секретарем Яна Тыссовского, диктатора Краковского восстания. В подготовленных им воззваниях и декретах повстанческого правительства провозглашались равноправие евреев, немедленная отмена барщины, снижение податей и бесплатная раздача соли, а на будущее было обещано создание народных мастерских для ремесленников и увеличение вдвое их заработной платы. Говорилось также о немедленной отмене титулов «пан» и «вельможный», звучал призыв к каждому гражданину Польши: «Помни, что ты обязан защищать свои права, как их будет защищать каждый поляк, и против императорской Австрии, пруссаков и москалей, и против всякого, кто хотел бы эти права отнять у нас — у народа, у нас — у крестьян, у нас — у поляков». Дембовский боролся против тех, кто пытался повести народ по иному пути, но вскоре он попал в засаду австрийских войск и был застрелен. После его гибели восстание, продлившееся всего девять дней, было подавлено. Оно не соединилось с антифеодальной борьбой галицийского крестьянства, и та, в свою очередь, потерпела поражение: австрийские войска «пацифицировали» Галицию и аннексировали Краков — «вольный город» перестал существовать. Неудача Краковского восстания отразилась и на революционных планах Молдавии, намеченных Содружеством Люда Польского в начале 1846 г. В мае 1846 г. Филянович прибыл в Молдавию, чтобы немедленно поднять восстание там и за Днестром, но уже в июне тайная организация была раскрыта и уничтожена¹²⁰.

Весть о восстании в Кракове 4 марта пришла в Париж, а на следующий день в Брюссель. Первая реакция была восторженной, эмиграция всецело поддержала создание Национального правительства в Кракове. На основе Краковского

манифеста эмигрантские группы присоединялись к Польскому демократическому обществу. «Польша — это революция», — заявляла газета «Demokrata Polski», обсуждая вопрос организации власти во время восстания. «Польша делом доказала, что является демократической», — писал на ее страницах В. Гельтман, указывая, что эмиграция должна подтверждать это и в будущем. 7 марта Национальный польский комитет Объединения польской эмиграции издал воззвание, где от имени эмиграции отдавал себя под власть революционного правительства в Кракове и призывал к этому всех эмигрантов. Он звал к единству действий «под национальным знаменем, в согласии с направлением революционного правительства», а 11 июля объявил о роспуске Объединения. Власть повстанческого правительства признала также Громада Люда Польского в Портсмуте, организация была распущена, а ее члены решили пробираться в Краков. Краковский манифест получил поддержку и у эмигрантской группы «Союз польской демократии XIX века», руководимой Ю. Орденгой и Т. Янушкевичем, которые находились под влиянием христианского социализма Бюше и в программе Краковской революции увидели выражение своих социально-политических взглядов. Союз объявил о самороспуске так же, как и Общество приверженцев социальных обязательств. В Лондоне в поддержку повстанцев устраивались митинги, этим занимались С. Ворцелль и К. Штольцман; они же при участии Мадзини и француза Гинара руководили сбором средств для Кракова. Собирались создать специальный комитет помощи, но осуществлению этого плана помешала контракция Литературного общества друзей Польши, связанного с Отелем Ламбер¹²¹.

Аристократическая эмиграция на первых порах влилась в общий поток патриотического энтузиазма. «Dziennik narodowy» («Ежедневная национальная газета»), отражавший умеренно-консервативные взгляды, 31 марта 1846 г. писал о дружной позиции эмиграции: «Прочитав Манифест, мы все без исключения говорим не о том, что его признали, а о том, что немедленно отдались под его приказы и распоряжения, не обращая внимания ни на его форму, ни на происхождение, ни на принципы; на каждую Польшу — монархическую, республиканскую, даже коммунистическую [...] все соглашались, лишь бы только на Польшу свободную и независимую! Таков был всеобщий голос, по крайней мере, такая общая публичная манифестация». Это мнение газеты правдиво отражало ситуацию, возникшую в эмиграции при первом известии о восстании в Польше. 6 марта, то есть тогда, когда восстание уже потерпело поражение, Общество 3 Мая, организация партии Чарторьского, по его призыву объявило о своем подчинении уже не существовавшему Краковскому правительству. Сам князь Адам 7 марта отказался от статуса короля «де-факто», отдал себя в распоряжение Национального правительства и стал именоваться «начальником эмиграции». Печатный орган консерваторов «Trzeci Maj» писал о повстанцах: «Слава им! [...] Дай Боже им удачи!». Зато спустя месяц, узнав о поражении восстания, та же газета называла повстанцев «недоумками и подозрительными фигурами». Отель Ламбер увидел в Краковском манифесте дело коммунистов. Он возлагал на Польское демократическое общество ответственность за «галицийскую резню» и вместе с тем

одобрял действия австрийских властей в Галиции, подавивших революционные выступления крестьян. В. Замоийский, племянник А. Чарторьского, на торжественном обеде в Лондоне 16 мая 1846 г. оправдывал правительство Меттерниха в глазах английской общественности, разъясняя, что подавление Веней крестьянского движения в Галиции было необходимым шагом для защиты родовых имений польской шляхты от «резни»¹²².

Именно эта концепция Отеля Ламбер — Манифест Национального правительства является выражением крайнего коммунизма, восстание есть дело горстки крайних радикалов, не поддержанных народом, а «резня» организована местной властью — стала основой для обсуждения галицийских событий в Палате общин английского парламента, а также для проведения митингов и других акций протеста, для развертывания кампании в прессе. Окружение Чарторьских осуждало крестьянское движение, заявляя, что оно «показывает польский народ самым отвратительным образом». Так утверждал Б. Трентовский, называвший крестьянского руководителя Я. Шелю «пресловутым главарем шайки разбойников», а пошедший за ним народ считал продажным. Если шляхту вырежут, подчеркивал он, погибнет вся польская нация, и «в стране останется огромное стадо польских скотов, хозяином и пастухом которых будет враг». Другой приверженец Чарторьских Ф. Моравский был более оптимистичен в прогнозах: он надеялся, что крестьяне сумеют разглядеть в австрийском правительстве врага, а со шляхтой сблизятся в результате перевода их с барщины на чинш. В. Калинка же высказался наиболее решительно: «От этой галицийской резни всякая мысль о польском восстании становится безумием, почти преступлением». Ответственность за «галицийскую резню» аристократическая эмиграция единодушно возлагала на Польское демократическое общество. Поэт Зыгмунт Красиньский, также принадлежавший к аристократическому лагерю, в письме к Дельфине Потоцкой 3 ноября 1846 г. утверждал, что во всем виноваты демократы, которые «вместо того, чтобы давать шляхте демократические советы, начали демократизировать крестьянство, вместо того, чтобы поднимать люд при посредстве шляхты, стали толкать его к убийству шляхты». Спустя год он же писал С. Малаховскому: «Что касается 1846 года, то я глубоко убежден, что Меттерних пожал посеянное эмиссарами; а с другой стороны, в том, что раньше посеяли австрийские бюрократы, эмиссары не раз находили опору». И те, и другие, считал он, — «враги человечества», «один из которых лжет, когда орет “порядок”, а другой, когда вопит “свобода”, но оба стремятся лишь к тирании и удовлетворению звериной похоти»¹²³.

Некоторое время спустя, в 1847 г., один из видных публицистов аристократического лагеря Юлиан Клячко попытался дать анализ галицийской трагедии. В статьях, опубликованных в немецкой печати, он утверждал, что «из поспешной пропаганды родился поспешный заговор, и он стал причиной преждевременной революции». Клячко видел положительный момент в том, что демократы «поняли необходимость отделения испорченной эгоистической аристократии» от здоровой патриотической мелкой шляхты, но критиковал их «догматизм»: «нельзя безнаказанно разбрасываться радикальными идеями там, где нет исторической

основы», — писал он, подчеркивая, что «демократическая шляхта начала восстание, не продумав обстоятельств, не просчитав средств и без шансов на успех», она ошибочно думала, что в «разнородном польском обществе» социальные идеи могут быть восприняты «единодушно». Повстанческим порывам Клячко противопоставлял путь «органической работы», имея в виду усилия по социально-экономическому развитию Польши. Он хвалил Кароля Марцинковского и Мацея Мелжиньского, которые вели такую работу в Познани, заботясь о создании польского «среднего класса». Указывая, что третье сословие, мещанство является «необходимым и важным элементом нашей цивилизации», он утверждал: для польской нации это «не столь вулканическая, зато более урожайная почва». Но при этом Клячко подчеркивал, что на данном этапе «моральный подъем польских масс может быть инспирирован только шляхтой, так как до сих пор только она составляла нацию, была представителем ее истории и образования [...], в ее руках находился ключ к святыне национальности»¹²⁴.

Соображения, высказанные как Клячко, так и Калинкой, не вполне совпадали с позицией руководства Отеля Ламбер, о чем свидетельствовало воззвание Чарторьского, в 1847 г. обратившегося к эмиграции с оценкой прошедших событий и планом будущих действий. Князь не разделял мнения, что борьбу за независимость нужно отложить до тех пор, пока не поправится внутренняя ситуация в Польше — разовьется экономика, будут проведены необходимые реформы, изменится национальное и политическое общественное сознание. Он выступал за единство задач: «Освобождение не может обойтись без изменений к лучшему, так как без этого нация не имела бы единства, согласия, единения своих частей и стремлений, не имела бы веры в себя и в собственные силы. Но эти изменения, желательные по стольким причинам, не могут обойтись без идеи освобождения, без замысла возрождения». Допустить, чтобы задача восстания надолго отпала, заявлял Чарторьский, значит «сломать пружину национальности и отучить поляков от желания спешной сердечной работы всеми силами над изменением к лучшему», кроме того, будет потеряно доверие, то есть политическая помощь извне. Князь понимал, что мысль о восстании придется пока отложить из-за морального состояния и сознания шляхты после «галицийской резни», но настаивал на том, что ее первейшая задача — «уничтожение губительного реликта давних установлений, которые не могут оставаться, полная и немедленная ликвидация барщины»¹²⁵.

«Галицийская резня», действительно, напугала польских помещиков, и не все из них верили, как Замойский, в защиту со стороны власти Габсбургов. Часть шляхты искала более сильного покровителя и защитника. Летом 1846 г. маркиз Александер Велёпольский в анонимном «Письме польского шляхтича князю Меттерниху о галицийской резне» обвинял Меттерниха в подстрекательстве крестьян к нападению на помещиков, в пролитии польской крови и одновременно как бы предупреждал австрийского канцлера о возможной внешней переориентации польской имущей верхушки. Он обращался к Николаю I, заявляя, что поляки готовы отдаться под его власть, но «с одной просьбой»: «Не оставь

преступления без кары [...]. Не забудь о славянской крови, вопиющей о мщениии». Это письмо было встречено с возмущением даже в кругах аристократической эмиграции. Ф. Моравский писал, что маркиз «отдает весь свой народ царю, словно какое-то стадо, без малейшей оговорки, без условий», если не считать просьбы «о мести за пролитую кровь». Странники Чарторыских не доверяли российскому императору и с подозрением отнеслись к царскому указу 7 мая 1846 г., запрещавшему в Королевстве Польском сгонять крестьян с земли и переводить их наделы в состав земель фольварка. Газета «*Trzeci Maj*» увидела в указе намерение царского правительства «посеять рознь между шляхтичем и крестьянином». Трентовский утверждал: «Так же и царь, а именно Паскевич, являются подстрекателями нашего крестьянства к резне». Гораздо большие надежды руководство Отеля Ламбер возлагало в то время на нового прусского короля, считая его врагом Николая I¹²⁶.

Возмущение и протесты «Письмо польского шляхтича» вызвало и у демократов. Они не верили в возможность соглашения с монархиями, угнетавшими Польшу, и готовились к новой повстанческой борьбе, а для этого нужно было объединить эмиграцию на демократической и республиканской основе. Такую задачу ставили перед собой лондонские эмигранты — Ворцель, Лелевель, Штольцман, Зверковский. Последнего, вместе с В. Тышкевичем и Ю. Дыбовским, Польский национальный комитет (ПНК) направил на переговоры с Центризацией, а также и с аристократическим Обществом 3 Мая, намекавшим на желание сотрудничества. ПНК призвал поляков за границей подписывать «Заявление польской эмиграции». Оно было издано на пяти языках, и его экземпляры с многочисленными подписями предназначались для рассылки в парламенты Англии, Франции, Бельгии, а также влиятельным политикам и журналистам. В «Заявлении» выражалась солидарность с краковскими повстанцами, им отдавалась честь и провозглашалась хвала. Документ напоминал о правах польского народа, выражал веру в его победу и освобождение из-под ярма Священного союза. Авторы «Заявления» предостерегали Запад от опасности, грозившей всему человечеству со стороны деспотических государств, в случае если бы они продолжали угнетать Польшу. «Горе ему, — говорилось в документе, — если бы от бессилия и сомнения оно проявило бы склонность побрататься с одним из деспотов: возникшее в результате этого использование славянского племени как слуги стало бы ярмом для Старого света». Газета «*Demokrata Polski*», подтверждая эти слова, конкретно указывала от кого из «деспотов» грозит опасность: «Без восстановления Польши нашествие северного варварства на Европу может быть более или менее отдаленным, но является неизбежным. Свободная, независимая и целостная Польша — вот единственная преграда, способная сдержать этот поток». Это предупреждение, направленное европейской общественности, основывалось на убеждении эмиграции в действительно решающем значении Польши и ее дела для судеб Европы. «Польский вопрос, — писал в марте 1846 г. «*Dziennik Polski*» («Польская ежедневная газета»), — несет в себе нечто таинственное, чего никто не умеет понять в полной мере; словно волшебная дудочка, он может в мгновение

ока привести в движение столько стран и народов; он вошел в совесть Европы и беспокоит ее из поколения в поколение, пока не будет восстановлена справедливость»¹²⁷.

Продолжая попытки объединения эмиграции, Польский национальный комитет 22 марта 1846 г. вновь обратился к ней с призывом отбросить разногласия и создать общий лагерь на основе программы Краковского манифеста. Повторялись главные его идеи: создание общества социального равенства, где не будет привилегий и каждый сможет пользоваться землей «в соответствии с заслугами и способностями», обеспечив себя и свою семью, а недееспособные получают помощь общества. «Земля, которой крестьяне ныне владеют лишь условно, — говорилось в воззвании, — станет их безусловной собственностью, будут бесплатно ликвидированы чинши, барщины и всякие подобные обязательства, а за защиту национального дела с оружием в руках вознаградят землей из национального фонда». Однако не все эмигранты принимали такую программу. Объединение польской эмиграции раскололось на демократическо-республиканский и монархическо-аристократический лагеря. Активными деятелями последнего были Тышкевич, Дыбовский и редактор газеты «Orzeł biały» Млодецкий, они настаивали на объединении с Обществом 3 Мая и вели переговоры с Замоиским. А лондонский Огул по инициативе К.Л. Ширмы и Л. Яблоньского провозгласил акт признания А. Чарторыского «начальником нации и эмиграции». В свою очередь, Централизация активизировала контакты с Зверковским, который, так же как Ворцель, Лелевель и Штольцман, являлся сторонником объединения с Польским демократическим обществом на основе принципов Краковского манифеста. Было предложено облегчить вступление членов Объединения польской эмиграции в Польское демократическое общество, а затем провести в объединенном ПДО выборы новой Централизации. 4 марта 1846 г. в Париж из Лондона прибыл Ворцель, и соглашение было подписано¹²⁸.

Достичь соглашения помогло осознание необходимости воспрепятствовать интригам Тышкевича и его соратников, которые попытались совершить переворот в Объединении польской эмиграции: 23 апреля 1846 г. на собрании брюссельской гмины они объявили о роспуске Польского национального комитета как недееспособного и избрании нового состава его членов. При этом Тышкевич провозгласил себя уполномоченным Объединенной эмиграции, а Тышку секретарем этого нового Объединения. В ответ на это 26 апреля Польский национальный комитет издал воззвание «К объединенной эмиграции», где объявил, что Объединение польской эмиграции вступает в Польское демократическое общество на идейной платформе Краковского манифеста. Соглашение, условия которого были опубликованы в газете «Demokrata Polski» 10 мая, обсуждалось в секциях и гминах в течение полутора месяцев и было одобрено большинством голосов. Члены Объединения должны были вступать в Польское демократическое общество, декларируя свое согласие с его принципами, основанными на программе Краковского манифеста. Такие заявления сделали гмины в Туре, Ангулеме, Ажане, Пуатье, а члены ряда других гмин вступали в ПДО индивидуально. В него

вошли члены распущенной лондонской гмины Объединения, а из гмины Общества приверженцев социальных обязательств — Кремповецкий. Попытки Тышкевича и Млодецкого помешать этому процессу оказались тщетными, и 11 июля 1846 г. Объединение польской эмиграции было объявлено распущенным. Польша и Европа узнали о создании единой эмигрантской организации, аккумулирующей социальные и национальные цели¹²⁹.

Позицию эмигрантов в вопросе объединения определяли осмысление и оценка как Краковского манифеста, так и факта «галицийской резни». Так, Францишек Ксаверий Завадзкий, утверждавший: «Мы никогда не перестанем служить принципу всевластия люда», ранее вышел из Польского демократического общества, но теперь решил вернуться, вдохновленный Краковским манифестом. 5 июля 1846 г. он заявил: «Мы начнем новую эру польской демократии, [...] воздвигнем прекрасное здание судеб люда». Утверждение прежнего лозунга громад «Для люда и через люд!» видел в объединенном Польском демократическом обществе Ворцель, сказавший об этом полгода спустя на похоронах Кремповецкого. Эти взгляды разделяли и руководители вступившего в ПДО «Союза польской демократии XIX века», последователи христианского социализма Бюше. Но другое христианское течение — круг приверженцев Анджея Товяньского Краковское восстание раскололо. Главной идеей его адептов был мессианизм, и эта «белая горячка», как писал Герцен, «вскружила голову [...] самому Мицкевичу». Однако если поэт, например, поддерживал идею борьбы за национальное освобождение, то сам основатель движения был против всяких патриотических действий, считая, что поляки могут получить свою родину «не какой бы то ни было земной силой, но только лишь одной силой христианской», для чего нужны не патриотизм, основанный на ненависти к врагу и потому противный «истинному христианству», и не революционная борьба, а подчинение и уважение власти захватчиков, посланной за грехи народа, — уважение, которое «подобает оказывать мысли Божией, почиющей на всякой власти»¹³⁰.

Такие взгляды приверженцев Товяньского сближали их с другим религиозным течением, действовавшим в эти годы в среде польской эмиграции, — с «воскресенцами» («змартвыхвстаньцами»). Обществом воскресения Господня, возникшим в 1842 г. в Париже на основе существовавшего в 1830-е годы Кружка монастырской жизни, руководили ксёндзы Кайсевиц, Еловицкий, Семеновко и др. Казалось бы, оно кардинально отличалось от группы последователей Товяньского, так как являлось католическим орденом с жестким уставом, слугой и солдатом Ватикана, чуждым каким бы то ни было интересам, кроме папских. Польский вопрос и задачи возрождения Польши не заботили «воскресенцев»: Кайсевиц, в частности, признавал только «Божий патриотизм» — любовь к отчизне в Боге. «Змартвыхвстаньцы» утверждали, что не нужно ничего ожидать от чужих социальных революций, а тем более от своих; всякая же национальная революция может вызвать социальную. Поэтому они были противниками всякой революционной борьбы и революционной идеологии. Последнее объединяло с ними Отель Ламбер и, прежде всего, его крайне клерикальное

ультрамонтанское крыло, представленное Владиславом Замойским, Павлом Попелем, Леоном и Розалией Жевускими и др. По существу, как «воскресенцы», так и «товяньчики» были одинаково чужды национальным и социальным проблемам Польши, и разница между ними заключалась лишь в том, что первые хотели всю Польшу подчинить власти папы, а вторые — власти новой церкви¹³¹.

Если клерикальные круги эмиграции и связанная с ними партия Чарторыского отвергали Краковский манифест, то большая часть эмигрантов готова была взять его за основу. Так, например, уже в апреле 1846 г. на базе Манифеста пытался создать свою организацию либерально-демократически настроенный сторонник полумер Дверницкий. Что касается демократов, то факты неприятия Краковского манифеста кем-то из членов Польского демократического общества (как, например, в случае с Альциато) были редкими; отношение к этому документу способствовало внутреннему разграничению и укреплению демократического большинства, которое должно было «одинаково чувствовать и думать». «Кто сегодня не демократ, — утверждал печатный орган ПДО, — тот не хочет быть поляком». Факт «галицийской резни» демократическая эмиграция переживала болезненно. Видные деятели ПДО (Я. Подолецкий, Ф. Шнайде, М. Дембинский), характеризую крестьянское движение, говорили в своих речах о «неслыханном преступлении, убийствах и поджогах», но подчеркивали, что крестьян провоцировали посланные австрийской властью «банды преступников». Таким образом, осуждение крестьянского движения сопровождалось оправдательным комментарием в отношении крестьян и обвинением в адрес Вены. Как писала газета «Demokrata Polski», часть крестьян «стала игрушкой, несчастной жертвой их (австрийских угнетателей. — С. Ф.) адской политики». Подчеркивалось, что крестьяне не мстили, «не убивали, исходя из собственных взглядов, их поджигали и направляли преступники, которых правительство для этого выпустило на свободу». В то же время демократы понимали, что все зависит «от собственника», то есть от панов. Об этом писала пресса, это, в частности, подчеркнул Мазуркевич, выступая 29 ноября 1847 г. на праздновании годовщины восстания 1830 г. Демократы связывали причины «галицийской резни» с недостатками в работе самих конспираторов. В. Дараш писал Я. Н. Яновскому: «Шляхта в целом, а тайная организация в особенности, недостаточно сблизилась с людом, недостаточно убедила его в своей искренности, не постаралась уничтожить недоверие и ненависть». И не случайно в ходе дискуссий, происходивших в секциях, шляхту обвиняли в злоупотреблениях. Члены Польского демократического общества опасались, что шляхта, уstraшенная «галицийской резней», может пойти навстречу власти в случае крестьянской революции. Поэтому Централизация так определяла тактику польской демократии: она «смягчает ненависть крестьян к шляхте, [...] связывает детей одной матери доверием и братской любовью». Осуществить эту задачу предполагалось на базе постулатов Краковского манифеста. Но вместе с тем возникала мысль о том, что крестьянство захочет большего, чем только отмена барщины, и будет бороться против шляхты, пока не добьется своих прав. Подолецкий подчеркивал, что «крестьянин считает общественное пространство

единым целым, а себя — его совладельцем». Он приходил к выводу о необходимости создания системы «солидарного сельского хозяйства». В этой связи звучали, в частности, голоса, настаивавшие на удовлетворении нужд безземельных: на заседании парижской секции ПДО потребовали отразить эту задачу в программе Объединенной эмиграции. Учитывая все эти соображения, вновь избранная Централизация расширенного Польского демократического общества (в составе Ворцелля, Мазуркевича, Гельтмана, Дараша и Шнайде) издала в 1847 г. прокламацию «Божье слово к польскому люду». Ее авторы Гельтман и Зенкович критиковали социальное устройство, обрекающее крестьян на нужду и голод, и звали их к участию в будущей борьбе за общество «без панов и графов» — такое, где «всевластие [...] опирается на весь народ». Ссылаясь на Краковский манифест, они обещали ликвидацию феодальных повинностей, передачу земли крестьянам в собственность, наделение землей парубков и коморников. В прокламации осуждалась «резня» помещиков — «невиданная на Божьем свете» и указывалось на обман крестьян австрийской властью, которая обещала им землю, а на самом деле организовала их усмирение¹³².

2. Участие польских демократических эмигрантов в революционных событиях 1848–1849 годов в Польше и в Европе. Вопрос о революционном сотрудничестве со славянством и с русским народом

Реорганизация Польского демократического общества и возникновение новой Централизации совпало с кануном революционных потрясений в Европе. Революционное движение 1848 г. выдвинуло на одно из первых мест национальный вопрос, дало начало так называемой Весне народов, которые выступили на борьбу за свои национальные права, в том числе за право создания своих национальных государств. Польские эмигранты с энтузиазмом приняли начавшуюся во Франции в феврале 1848 г. революцию. 26 февраля в Париже 400 человек вышли на массовую манифестацию под польскими знаменами и лозунгом независимости Польши. Поляки поддержали республиканское Временное правительство, которое издало декрет о восстановлении Польши в границах 1772 г. и решило направить войска для оказания помощи освободительному движению польского народа. Возглавивший Временное правительство Ламартин принял депутацию эмигрантов во главе с Дверницким, который предложил создать польский легион. Он получил согласие, так как Ламартин стремился не допустить дальнейшего развития революции и поэтому хотел избавиться от присутствия польского революционного элемента во Франции. В дальнейшем Дверницкий добивался от французских властей получения оружия, а Мицкевич требовал также отмены особого режима пребывания эмигрантов в стране. В Париже возник Польский клуб, вновь ожила идея созыва сейма за границей, ее выдвигал Трентовский. Словацкий же выступил с проектом объединения всех лагерей

эмиграции в конфедерацию, во главе которой встали бы три популярных политика. Предлагались кандидатуры Мицкевича, Ружицкого, Чарторыского. Мицкевич отказался, заявив, что конфедерация «была бы слепком разнородных элементов» без какой бы то ни было руководящей идеи, без всякого «органичного принципа», и она рассыпалась бы при первой тряске. Что же касается Чарторыского, то он дал согласие, так как несмотря на отказ в 1846 г. от титула короля «де-факто» не оставлял мысли возглавить Польшу. 27 февраля 1848 г. он писал В. Замойскому, что для него «главным желанием и целью» является «возрождение Родины в какой бы то ни было форме и возвращение ей независимости. Польша сама придаст себе эту форму, но сейчас нужен начальник и без этого нельзя обойтись». Вместе с тем он признавался, что не оставил мечты о монархии: «скорее разумом, чем сердцем, — заявлял он, — я разделял монархические принципы, рожденные во время республики. Я убедился в ее иллюзиях и мне не трудно к ним вернуться, лишь бы они могли осуществиться»¹³³.

Готовясь к борьбе за независимую Польшу, демократическая эмиграция думала об одновременном выступлении на всех польских землях. Еще в начале 1847 г. Польское демократическое общество предприняло попытку организационного объединения существовавших в Польше патриотических сил, выслал эмиссара А. Бабиньского в Познань, но он был казнен прусскими властями. Другим эмиссаром ПДО стал генерал Ю. Высоцкий, которому удалось восстановить контакты между конспиративными организациями в Польше. Позже демократы связались с находившимся в Варшаве Э. Домашевским, бывшим участником конспиративной организации, «известным, — говорилось в письме Польского демократического общества, — по своему патриотизму и самопожертвованию». Домашевского просили помочь в создании тайной организации в Королевстве Польском, и он привлек к этой работе Г. Краевского и Р. Свежбеньского. К началу развернувшихся в Европе событий идейные и организационные принципы тайного общества, возникшего в Королевстве и получившего в истории название «Организации 1848 года», были разработаны. Впоследствии Л. Мерославский требовал от этой организации активных действий, но слабая и малочисленная, она не могла поднять массы на борьбу; по мере спада европейского революционного движения ее деятельность заглохла, а аресты окончательно ее разгромили¹³⁴.

Королевство Польское находилось в центре внимания польской эмиграции, потому что она видела главного врага Польши в лице царской России. Но планы одновременного повстанческого выступления на всех польских землях включали также подготовку к борьбе Познанщины и Галиции, через территорию которых предполагалось перебросить силы повстанцев в Королевство. Именно туда отправились по призыву Польского демократического общества 26 марта 1848 г. тысячи эмигрантов, в том числе члены Централизации Польского демократического общества Гельтман, Дараш, Мазуркевич, Шнайде с целью придать борьбе демократическо-республиканское направление. Эмиграция очень рассчитывала на начавшуюся в Германии революцию, одним из первых актов которой

было освобождение Л. Мерославского и К. Либельта из берлинской тюрьмы «Моабит». Еще ранее, 5 августа 1847 г., на судебном процессе в Берлине Мерославский выступил с речью, которая, по словам Я. Н. Яновского, была инспирирована Централизацией через Мазуркевича. В ней подчеркивалось, что, готовя восстание, Централизация ставила не социальные, а национальные задачи, и борьба поляков была направлена не против немецкого народа, а имела прямо противоположную цель: «Поляки, — утверждал Мерославский, — защищают будущее Германии и Европы от нашествия Москвы». Это утверждение вполне соответствовало убеждениям генерала, которые он выразил в брошюре «Дебаты между революцией и контрреволюцией в Польше», написанной в прусской тюрьме. Мерославский ненавидел Россию и презирал русский народ, считая, что он является «глубоко азиатским, не имеет никакой идеи, никакого общего с Европой чувства». «Россия, — писал он, — всегда питала тайное презрение, полное равнодушия и издёвки, ко всему, чего не могла понять. Легитимизм, революция, монархия, республика, аристократия, демократия — в сущности, все эти понятия интересуют ее столько же, сколько тонкости споров внутри христианства интересовали Аттилу». Поэтому он отвергал мысль о каком-либо союзе поляков с русскими, утверждая: «Сегодня никто в России не мог бы позволить себе благосклонно отнестись к идее польской независимости, не возбудив против себя возмущения и презрения всей своей нации». На митинге, стихийно возникшем после освобождения заключенных из моабитской тюрьмы, Мерославский и Либельт говорили о польско-немецком союзе, направленном против России, о конституционных свободах и гражданских правах, о братании народов. Они содействовали созданию в Берлине революционного комитета и организации польского легиона, который направился в Великое княжество Познанское. Туда же, а также в Гданьское Поморье Мерославский высылал эмиссаров. На волне энтузиазма и провозглашения лозунгов братания в совместной борьбе против России в Познани возник польский Центральный национальный комитет (ЦНК), объявивший призыв во всеобщее ополчение и наладивший контакт с другими польскими землями, в частности, установивший связь с «Организацией 1848 года» в Королевстве Польском. В воззвании ЦНК 25 марта 1848 г. говорилось о ликвидации сословий, равенстве и свободе всех «сыновей Матери-Польши», о том, что после завоевания независимости крестьянство всей Польши получит в собственность землю, а всем, вступившим в борьбу за родину, были обещаны льготы. От лица Комитета Либельт пытался установить связь с правительствами Англии и Франции, заручиться их поддержкой. Однако в дальнейшем ЦНК принял прусский план «национальной реорганизации» Великого княжества Познанского, предусматривавший включение его в состав будущей объединенной Германии, и сосредоточился на подготовке к войне с Россией. Мерославский во главе военного отдела Комитета пытался сформировать национальную регулярную армию, были созданы военные лагеря, где обучали легионеров и формировали отряды. Такой лагерь, в частности, был организован в Милославе посланцем Централизации М. Г. Домагальским. Поляки рассчитывали также, что наличие

военной силы сможет произвести впечатление на прусские власти и подтолкнет их к действительному установлению национальной администрации в Великом княжестве Познанском. Однако под давлением этих властей и в результате соглашательской позиции «правых» в ЦНК, подписавших с ними в Ярославце конвенцию, произошло обратное — а именно, сокращение численности польских военных частей.

Когда все надежды на сохранение национального характера польских земель в Пруссии не оправдались, а прусские власти предприняли их «пацификацию», в ЦНК произошел раскол: из него вышел Либельт, выступивший с публичным покаянием за участие в Ярославецком соглашении, которое «вместо обещанных и гарантированных там свобод навлекло на польское население позорное рабство». Деятели «левого» крыла Комитета сформировали в Познани Временное революционное правительство, назначившее Мерославского главнокомандующим польскими военными частями, и решили «скорее перейти к борьбе». Но сокращенных военных сил поляков было недостаточно, чтобы сопротивляться прусской армии. Они потерпели поражение в сражениях при Милославе и Соколове, 9 мая 1848 г. был подписан акт их капитуляции. Это событие, а также разгром партизанского движения обозначили поражение Познанского восстания и патриотических выступлений на других польских землях под властью Пруссии. Польским демократам оставалось надеяться на демократические силы Германии, их внимание было приковано к работе Национального собрания во Франкфурте, туда направились представители польских эмигрантов. Однако Франкфуртское собрание приняло решение, подтвердившее включение Великого княжества Познанского в состав Германии и разделение его на немецкую (большую) и польскую (меньшую) части, что вызвало многочисленные протесты, в том числе и со стороны польской эмиграции. Централизация заявила протест от имени 2400 членов Польского демократического общества, Либельт, являвшийся депутатом Франкфуртского парламента, демонстративно вышел из его состава, так как там «не только для польского демократа, но ни для какого поляка не должно было быть места»¹³⁵.

Такой итог был во многом результатом наличия «элементов утопизма» в сознании польских революционеров при оценке ими позиции прусских властей и германской общественности. Он вызвал разочарование в немецкой революции, что способствовало смене революционной ориентации и обращению взора польских демократов в сторону славянских народов. Славянский вопрос и раньше привлекал их внимание: еще в августе 1846 г. Польское демократическое общество заявило, что славянские народы готовятся к борьбе во главе с Польшей, которая «во всем славянстве является наиболее славянской». Задачу единения со славянами выдвигал, в частности, К. Либельт, а Я. К. Подолецкий в мае 1848 г. писал о роли поляков как «щите христианства, Европы, Славянины и Цивилизации», как «защитной плотины прогресса» и подчеркивал их миссию: «сгруппировать славянские народы в мощную массу под знаменем отечественных принципов гминовладства, победить с помощью христианства

старые центробежные тенденции, отгородить Европу от Азии». Он заявлял, что «москвитизм» (так он называл царизм. — С. Ф.) «является высочайшим выражением монархизма и реакции. Поэтому нация, поставленная на страже против него [...], естественно должна исповедовать принципы, которые обязана охранять и защищать, быть антитезой Москвы, то есть демократией». Из этих постулатов последовательно делались выводы относительно роли русского народа и возможности его участия в союзе славян. Я. Альциато еще в 1843–1844 гг. отрицал возможность для России и Польши «складывать единое тело», указывая на разницу «в их цивилизации, культуре мысли, состоянии общества, политическом образовании, [...] в духе и форме национальности», и задавал вопрос: «Так могут ли поляки, стонущие под гнетом, жестокостью и тиранией царя, воспринимать толпы рабов, которым он предводительствует, воспринимать иначе, чем враждебно?». «Собрание диких орд» видел в русском народе и Т. Висьнёвский: «В нынешнем положении там нет источников для социальной революции, а лишь для беспорядков, резни и убийств», — писал он о российском обществе, подчеркивая, что «Польша должна сначала в борьбе с царизмом замкнуть его в соответствующих границах», и тогда русские, «крещенные польскими косами и пиками», приобретя «чувство собственного достоинства», освободившись от «царского деспотизма», «будут иметь право, как братья, занять место в единой великой семье славян». В революционной обстановке «Весны народов» вопрос о союзе славян и о роли в нем русских становился весьма актуальным. В феврале 1848 г. в Брюсселе на вечере, посвященном памяти декабристов и Конарского, М. А. Бакунин, присутствовавший там в качестве единственного иностранного гостя, призвав поляков и русских к совместной борьбе с общим врагом — царизмом, заявил о великой миссии славян — обновить Запад, отбросив гнилую цивилизацию. И. Лелевель, приветствовавший Бакунина как человека, «выражавшего благородные чувства своих земляков», в своей речи говорил о значении славянской федерации как «самой сильной опоры демократии» и защиты славян «от всякой внешней опасности». При этом он осудил тех польских политиков, которые «никогда не хотели дотронуться до дрожащего нутра русского люда, узнать его чувства, послушать биение его сердца, пронзенного болью, вздыхающего о лучшем будущем». Понять страдания русских под царским ярмом Лелевель призывал также западных и южных славян. Вместе с тем он не замыкался на идее славянского единства, веря, что «искреннее братство» соединит поляков также с немцами, венграми и румынами, «так как эти народы имеют одного и того же врага» — «деспотические монархии». «Равенство, братство и свободу» видел в славянской федерации и С. Ворцелль, когда в 1848 г. писал брошюру «О союзах», разрабатывая вопрос о формах объединения. Но предпочтение он отдавал плану более широкого европейского объединения народов, прежде всего объединения основных групп — романской (Франция, Италия, Испания), германской (объединенные немецкие государства) и юго-восточной, которая опиралась бы на Польшу и «сторожила московскую стену», обеспечивая безопасность всей Европы¹³⁶.

Славянский вопрос обсуждался в мае 1848 г. на общепольском съезде во Вроцлаве в Силезии, входившей в состав прусских владений. На съезде присутствовали и польские эмигранты, занимавшиеся переправкой агитационной литературы и оружия в Королевство Польское. Поскольку 1 мая 1848 г. появилось воззвание о созыве в Праге славянского съезда, подписанное представителями разных славянских территорий, участники Вроцлавского съезда приняли 9 мая «Воззвание к славянскому съезду». Его подписали автор текста «Воззвания» Либельт и другие поляки, поддержавшие инициативу созыва такого форума. Эту идею приветствовали также находившиеся в Париже бывшие депутаты варшавского сейма, большинство которых принадлежало к окружению Чарторьского. Для наблюдения за работой Славянского съезда Отель Ламбер направил некоторых своих агентов, в том числе С. Потоцкого, В. ЗамоЙского. Комитет польской эмиграции, руководимый Дверницким, к открытию съезда подготовил адрес, но он не был отправлен по назначению, тем не менее, ряд связанных с Комитетом эмигрантов, находившихся в Женеве, приняли участие в Пражском съезде. Отказалась от участия в съезде Централизация: руководство Польского демократического общества с недоверием относилось к славянской идее, опасаясь, что она может обернуться царским панславизмом или австрославизмом. Последнее казалось даже более вероятным, поскольку идея созыва съезда исходила от чехов и других австрийских славян. Поэтому в воззвании Централизации к членам ПДО 20 декабря 1848 г., подписанном Ворцеллем, Дарашем, Орденгой и Мерославским, говорилось, что славянская идея восходит к «временам варварства, когда единственным узлом связи между людьми была не мысль, а кровь», а на примере использования австрийским правительством славянской идеи для пробуждения в украинцах «этого варварского племенного эгоизма» было показано, «куда бы славянизм завел Польшу». Об опасности искажения славянской идеи говорил и тесно связанный с демократической эмиграцией Либельт, игравший на Пражском съезде активную роль: он выступил против программы австрославизма, противопоставив ей лозунг создания славянской республиканской конфедерации (без участия в ней России), которая возникнет в результате победы революции в Европе. В Манифесте съезда, обращенном к Европе и славянам и разработанном при непосредственном участии Либельта, утверждались принципы национальной суверенности, политической и национальной свободы, социального равенства, братства народов; говорилось о «всевластии народа», провозглашалась отмена смертной казни и конфискации имущества. Что касается Польши, Либельт заявил, что она «хочет стать частью вольной славянины, объединившейся на федеративных началах». Мысль об объединении славян поддержал и Лелевель, приславший 30 мая 1848 г. в адрес съезда письмо из Брюсселя, где также делал главный акцент на опасности фальсификации идеи славянской общности врагами Польши. В свете такой позиции демократической эмиграции было не удивительно, что на Пражском съезде не оказалось русской секции, и присутствовавшие на нем русские эмигранты М. А. Бакунин и А. Милорадов подали заявление о вступлении в польскую секцию, указав при

этом, что «только через освобождение Польши русские могут получить национальную и политическую свободу». Бакунин занял на съезде активную позицию: наряду с Либельтом, с которым он сотрудничал еще раньше, он явился автором оглашенного 12 июня 1848 г. «Манифеста к славянским народам». Выдвинутая им идея свободного союза, «признающего независимость всех народов, составляющих славянское племя», основывалась на «принципах абсолютной свободы, отмены сословий, привилегий аристократов и дворян, отсутствия каких-либо преимуществ одного славянского народа над другим и славянских народов над неславянскими»¹³⁷.

Эмигрантская общественность не ослабляла внимания к славянскому вопросу. Интерес к нему возник еще в начале 1830-х годов. Эту тему развивало польское Историческое общество в Париже, а в 1835 г. там возникло Славянское общество. Оно объединяло, главным образом, сторонников аристократической партии и просуществовало недолго. В начале 1840-х гг. в Париже появился польско-сербо-болгарский комитет, тогда же (в 1841–1843 гг.) выходил научный журнал «Sławianin», издававшийся А. А. Стажиньским, а Г. Н. Боньковский издавал «La Revue Slave» («Славянское обозрение»). В конце мая 1848 г. Циприан Робер, редактор журнала «La Pologne» сплотил вокруг себя многих польских эмигрантов и создал в Париже Славянское общество. Журнал призывал объединиться в «нерушимом союзе» все славянские народы, живущие между Россией и Германией. Впрочем, возможность включения России в славянскую федерацию не отвергалась категорически, но подразумевалось, что это будет Россия в чисто славянской форме, преобразованная, избавленная от царизма и петербургской «котерии германизма». Поэтому «La Pologne» интересовалась российскими новостями и ловила отголоски революционных настроений и событий в империи, в частности, отметила раскрытие группы «петрашевцев». Одной из главных целей она считала «поддержку российских патриотов в их благородных усилиях свержения автократии». В программе издания говорилось: «Поляки всей своей историей и благодаря героическому посвящению себя делу свободы получили право составить авангард и резервную силу в священном восстании всех угнетенных славян против своих угнетателей». О миссии Польши среди славян писал и орган Чарторьских «Trzeci Maj» в ряде статей, опубликованных в 1838–1840 гг., а с 1849 года в руки консерваторов перешло и издание «La Pologne». К консервативному лагерю принадлежало большинство из 160 членов Славянского общества. «В этом парижском славянском обществе встретились все активные сторонники Чарторьского и Рыбиньского», — писал впоследствии Я. Н. Яновский, вышедший из его состава, так же как и Станислав Братковский. С партией Чарторьского и с Ф. Духиньским были связаны также славянские общества в Венеции и Турине. Характерно, что они назывались обществами «эмансипации славянских народов» и являлись центрами пропаганды. Не удивительно, что князь Адам весьма заинтересовался организацией еще одного центра влияния и в 1840 г. принял, наряду с Гиеронимом Наполеоном Боньковским и Кристином Островским, активное участие в создании при парижском институте

Коллеж де Франс кафедры славянских языков и литературы, которая «должна была явиться угрозой для России и отрадой для Польши». Первым профессором кафедры стал Адам Мицкевич, позже его сменил Циприан Робер. Лекции читались на французском языке, но они привлекали внимание как французской общественности, так и ряда российских слушателей. Со стороны же польской эмиграции они вызвали острую реакцию: Мицкевича упрекали за провозглашение им мессианистских идей Товяньского, за то, что он стремился проанализировать не только исторические причины и истоки «розни» русских и поляков, но и выяснить, «какова может быть основа будущего единства» двух славянских народов. Критики поэта указывали, что «все неумолимое прошлое, потоки крови и страдания уже трех поколений» поляков «разделяют» их с русскими и «навсегда разобщают». Раздражение вызывало и представление Мицкевичем богатой истории и культуры русского народа, поскольку поляки считали себя намного эмансипированнее других славянских народов и претендовали на первенство в славянском мире. На этой позиции стояли не только политики консервативной партии, выдвигавшие решение польского вопроса на первое место, прежде решения всех других проблем славянского мира, но и представители демократической эмиграции. Так, Я. Н. Яновский и С. Братковский протестовали против провозглашенных парижским Славянским обществом основ славянского союза, при которых «Польша должна была бы утратить свой независимый быт и свою самостоятельность». Они утверждали, что хотя союз должен опираться на принципы равенства, но «ни одна славянская нация не может сравниться с польской национальностью», которая «имеет право требовать» от других славянских народов «восхождения к вершине ее политического и национального устройства, разрыва с фальшивым конституционализмом и династическими интересами». Аналогичные аргументы приводил Г. Каменьский, также заявлявший о невозможности равенства народов в славянской федерации: «Ни одна [...] славянская народность не может идти в сравнение с польской национальностью, — считал он. — [...] Поэтому даже если бы свободный союз славянских народов осуществился, Польша не могла бы играть в нем роль одного из швейцарских кантонов или одного из объединенных американских штатов». Подтверждение такой позиции впоследствии дал Виктор Гельтман. Он писал: «Когда панславизм заморозил головы славянам, влачившим австрийское и турецкое ярмо, они, как каждый угнетенный долгим рабством народ, испортили свой характер хитростью, незнакомой Польше, которая, веками ведя независимую жизнь, сумела сохранить свой первоначальный дух во всей чистоте». Гельтман подчеркивал, что славянские народы освободились от своих заблуждений, от надежд на царскую Россию и «начали думать о самостоятельном движении, об освобождении от всякого чужого насилия объединенными силами всех славян». Пресса Польского демократического общества акцентировала противопоставление демократического славянского единства царскому панславизму. Как считала газета «Demokrata Polski», именно в «подчеркивании общечеловеческой демократической и прогрессивной идеологии польская политическая мысль занимает свои достойные внимания

позиции, в том числе и на фоне 1848 года». На этом фоне славяне, так же, как венгры, румыны и итальянцы, были естественными союзниками поляков, поскольку все они находились под игом Габсбургов. Поэтому Польское демократическое общество в воззвании к славянам 29 декабря 1848 г. звало их к совместной со всеми угнетенными народами борьбе против идей легализма и австрославизма и предупреждало, что «их свободы падут под косою, которой победивший абсолютизм пройдет по живую всеобщей вольности»¹³⁸.

Разгон Пражского съезда и подавление в июне 1848 г. Пражского восстания, в котором поляки также участвовали, оказались ударом по расчетам на объединенный фронт славянской революции. Эти события знаменовали наступление реакционных сил, что отразилось на ходе борьбы в целом в Австрийской империи, и в частности, на территории ее польских владений. В начале революции в Галиции, в марте 1848 г., возникли Национальный комитет в Кракове и Национальная рада (совет) во Львове. Большую роль на этом этапе движения играли демократы, в том числе многочисленные представители демократической польской эмиграции, прибывшие в Галицию. Так, в Краков прибыла группа деятелей Польского демократического общества во главе с В. Гельтманом, Л. Зенковичем, Ю. Высоцким. В. Гельтман и Я. К. Подолецкий издавали в Станиславове ежедневную газету, а в Кракове выходил «Przegląd» под редакцией Л. Зенковича. Они вели пропагандистскую работу, призывали к борьбе вместе с другими революционными народами. Агитацией и пропагандой занимались также Национальный комитет и Национальная рада в своих воззваниях, в частности, Гельтман был автором воззвания «К жителям Галиции и Краковской земли!», разосланного по галицийским циркулям (округам) 8 апреля 1848 г., а спустя 10 дней львовская Рада повторно опубликовала это воззвание. Помещиков призывали к Пасхе 23 апреля осуществить «передачу земли в собственность крестьянам», отменить «барщину, чинши и всякого рода тяготы». Подчеркивалось, что это — «осуществление справедливости» и «вопрос первостепенной важности» особенно для помещиков: имея в виду «ужасные сцены 1846 г.», они должны понимать, что дело идет об их собственных интересах и безопасности. Авторы воззвания требовали от панов решить вопрос «немедленно, в едином согласии, одновременно и по собственной инициативе». Они заверяли, что Родина не забудет их поступка и вознаградит стократно. Обращалось внимание и на то, что Европа ожидает от них «нового жертвенного акта, тем более что сама она уже рассталась с привилегиями». Уговоры помещиков не тянуть с «великим днем» продолжались до осени 1848 г.: 30 сентября орган демократов «Dziennik Stanisławowski» опубликовал статью, где уточнял, что ликвидация барщины должна стать актом восстания за национальную независимость, а «социальная организация, обустройство собственности будет задачей уже независимой Польши». Но правительство Габсбургов опередило панов, огласив отмену барщины с вознаграждением помещиков с 15 мая 1848 г., а затем оно расправилось с восставшим Краковом. Спешившие в Краков эмигранты были задержаны на границе. Национальный комитет, где влияние демократических эмигрантов было более значительным,

перестал существовать. В. Гельтману, Т. Янушевичу, Я. К. Подолецкому и ряду других демократов удалось перенести свою деятельность во Львов. На страницах галицийской печати Гельтман обличал австрийские власти, называя выкуп крестьянских наделов «грабежом». «Dziennik Stanisławowski» не уставал призывать к вооруженной борьбе, провозглашал социальные лозунги, требуя от помещиков отказаться от компенсации за отмену барщины, выдвигая идею создания «социальных мастерских» для рабочих. Но контакта с массами демократы установить не сумели, в львовской Раде перевес получила либеральная шляхта. Она была настроена на компромисс с Веной, которая на первых порах допускала национальные проявления в Галиции. Хотя в адресе, представленном поляками австрийскому императору, выдвигался лозунг независимости Польши, он сочетался с просьбой о поддержке Веной «национальной реорганизации Галиции». Правда, Центральная национальная рада во Львове (она стала так называться в связи с появлением ряда рад на местах) протестовала против игнорирования австрийскими властями своих пожеланий и требований, но на радикальные действия не решалась.

В значительной мере это объяснялось опасением социальных потрясений, повторения «резни», что и определило конечный результат дальнейших событий. В первой половине октября 1848 г. Польское демократическое общество приняло решение объединить все силы, вооружить горожан и создать во Львове отряды стрельцов, шляхту в провинции превратить в конную национальную гвардию, а в Венгрии сформировать корпус в несколько десятков тысяч человек, чтобы они вступили в Галицию по призыву к восстанию. Такой легион в 3 тыс. чел. был сформирован в Венгрии. Рассчитывали также на польских военных в Молдавии и Валахии, которые сосредоточились там после поражения восстания 1846 г. и готовились к совместной с румынами борьбе за освобождение Польши и воссоединение Валахии и Молдавии. Поддерживалась постоянная связь с Филяновичем, который, когда в июне 1848 г. в Валахии произошла революция и возникло Временное правительство, стал представителем львовской Центральной рады в Молдавии и Валахии. Тогда же Людвик Гурский был направлен Радой в Бухарест, где несколько десятков польских эмигрантов участвовали в манифестациях. После вступления царских войск в Молдавию в начале июля 1848 г. поляки помогали молдаванам в подготовке к восстанию и планировали связаться с польскими военными в царской армии, призвав их дезертировать, чтобы таким образом увеличить военные силы и разбить царский корпус. Всем этим планам не суждено было осуществиться: войска России и Турции сломили румынскую революцию, с октября 1848 г. начались массовые аресты, в том числе и польских эмигрантов. В Галиции осень 1848 г. также стала решающей. Когда в октябре революционные элементы галицийского общества выступили против австрийских войск и во Львове произошли вооруженные столкновения и баррикадные бои, власти прибегли к артиллерийскому обстрелу, вынудив восставших 1 ноября сложить оружие. После капитуляции повстанцев во всей Галиции наступила реакция: были распущены Национальная гвардия и все общественные

организации, закрыты газеты, а находившиеся в австрийских владениях польские эмигранты оказались высланными из Австрийской империи¹³⁹.

Последнее было не случайным: власти задерживали эмигрантов на границе и высылали их, потому что понимали их активную революционизирующую роль. Направлением эмигрантов в польские земли для поддержки революции, организацией ее военной силы занималась Исполнительная комиссия Польского демократического общества, временно заменявшая Централизацию, большинство членов которой (Гельтман, Дараш, Мазуркевич) отправились в Польшу, чтобы непосредственно участвовать в борьбе и руководить ею. Исполнительная комиссия поддерживала постоянную связь с европейским общественным мнением, прежде всего с демократической общественностью Франции, которая приветствовала борьбу поляков. После поражения Познанского восстания парижские массы устроили антиправительственную демонстрацию, требуя помощи Польше. 15 мая 1848 г. под лозунгом «Да здравствует Польша!» перед зданием Национального собрания митинговала стотысячная толпа, а Бланки провозгласил лозунг свержения правительства. Но польские демократы, хотя и восприняли с энтузиазмом свержение Бурбонов и создание республиканского Временного правительства во главе с Ламартином, не хотели вмешиваться во внутренние дела Франции. Централизация была уверена, что вскоре начнется война «старой Европы» с революционной Францией, которая приведет к восстановлению независимости Польши. Поэтому своей задачей они считали информировать французское правительство и общественность о том, что происходит в Польше, и разъяснять, какое значение борьба польского народа имеет для Европы. На торжественном собрании в Париже 29 ноября 1848 г. Мерославский, обращаясь к французской и ко всей европейской общественности, задал риторический вопрос: «Хотите ли вы Польши от Балтики до Черного моря, что могло бы затопить и поглотить вьюгу царского панславизма, [...] или Польши, чьи мертвые останки падут на вас вместе с вьюгой?». С той же целью — нести в Европу идеи общей борьбы за свободу Польши, Германии, Франции, Италии, Венгрии в ноябре 1848 г. в Париже по инициативе Ворцелля было создано Общество друзей демократической Польши. Создавая общество, его инициаторы стремились подчеркнуть единство революционных устремлений народов разных стран: Франции, где главные задачи революции лежали в сфере противоречий между трудом и капиталом; Германии и Италии, где актуальной целью являлось демократическое объединение раздробленных государств; Венгрии и Польши, где основным вопросом революционной борьбы было освобождение от иностранного владычества. Непосредственное участие польских эмигрантов в вооруженной борьбе за свободу и независимость других народов становилось, таким образом, не только вкладом в идейное и организационное сплочение революционеров разных стран, но и лучшим разъяснением и доказательством смысла и значения революционного движения поляков¹⁴⁰.

Первостепенное внимание поляков привлекала к себе Италия, где с 1847 г. наступил подъем освободительного движения. Отель Ламбер еще в 1838 г.

договорился с папой Григорием XVI о создании в Риме политического агентства, которое затем последовательно курировали Цезарий Плятер, Станислав Малаховский, Михал Чайковский, Владислав Замойский. В 1844 г. руководителем римского агентства стал Людвик Орпишевский, он и предпринял переговоры с новоизбранным папой Пием IX об участии польского легиона в итальянской вооруженной борьбе. В начале 1848 г. решили поручить командование генералу Хшановскому, и от имени Чарторьского Орпишевский подписал с папским правительством соглашение, но его не удалось реализовать. Тогда взоры консерваторов обратились к Турину, и Замойский договорился с королем Сардинии о назначении Хшановского начальником главного штаба и создании польского формирования, которое должно было влиться в сардинскую армию и не носить польского имени. Активность Отеля Ламбер в значительной степени была обусловлена соперничеством с демократической эмиграцией. Так, А. Мицкевич заявлял: «Между Польшей и правительствами нет и не может быть союза [...]. Нашими единственными союзниками являются враги этого старого порядка в Европе». В марте 1848 г. он принял участие в римских переговорах о создании легиона, потребовав назначения его командира всеобщим голосованием. Мицкевич отверг кандидатуру Замойского как сторонника Чарторьских, однако против него выступили Орпишевский и Лубеньский. Но к Мицкевичу обратились добровольцы, и 29 марта 1848 г. был подписан акт о создании польского легиона и выступлении его в Ломбардию. Это стало ответом на призыв Временного миланского правительства, обращенный к «благородным полякам, братьям по борьбе и надеждам», поспешить на помощь, чтобы «сразить общего врага». Формирование легиона происходило на базе политической платформы Мицкевича, именованной «Собранием принципов». Это была программа, утверждавшая христианский дух: слово Божие объявлялось законом народов, а церковь — его стражем. В «Собрании принципов» подчеркивалось: «Родина — это поле жизни для Божьего слова на земле»; «Польша встает в свободном и независимом облике и подает руку Славянщине». Программными принципами будущей Польши провозглашались свобода вероисповедания, свобода слова, равенство граждан, свободный выбор власти, равенство и права евреев; говорилось о предоставлении гражданских прав женщинам и всем славянам, живущим в Польше. Собственность объявлялась неприкосновенной и охраняемой национальной властью. Выдвигался лозунг: «Каждой семье — своя обрабатываемая земля под опекой гмины; каждой гмине — общинная земля под опекой нации». Была обещана «политическая и родственная помощь» «брату Чеху и побратимским чешским народам, брату Русу и руским (то есть украинцам на польских землях и малоросам в Российской империи. — С. Ф.) народам», а христианская помощь — всем народам. Польский легион получил благословение папы, он выступал под красно-белым знаменем с крестами, под польским орлом с надписью «Первый польский отряд» и под лозунгом «Славянство». Провозгласив «братание» с «Русом», Мицкевич включил в семью славян также и русских. Поэт надеялся, что «близок день, когда московская армия, бросив винтовки, начнет обниматься с польским

людом». Чтобы приблизить этот день, демократы обратились с «Воззванием к русским», опубликовав его в познанском издании «Gazeta Polska» 5 апреля 1848 г. В адрес русских солдат направлялись листовки, призывавшие к совместной революционной борьбе. Одна из них, написанная по-польски Якубом Фельштыньским, носила заголовок «Северная заря»:

«Герои русские! О стыд вам и позор!
Могли б принести народам вы освобожденье,
Но к миссии святой вы отнеслись с пренебреженьем,
Ведете с братьями кровавый спор.
Должны ли вы потратить ваше мужество
На наше общее уничтоженье?
Не лучше ль нам сплотить ряды содружества
Для счастья общего, народов избавленья? ...
Навечно, братья, мир мы заключим,
И вместе мы народы защитим!».

Как бы откликаясь на этот призыв, перед выступлением легиона из Рима к Мицкевичу обратились русские эмигранты, они заверяли в симпатии русского народа к полякам и готовности русских солдат поддержать польское восстание. Отвечая им, Мицкевич указал на то, что царизм опирается на духовное рабство русского народа, и первостепенная задача — работать над освобождением от этого рабства. Он видел в этом важный шаг к достижению общей цели освобождения и возрождения народов. Напутствуя легион, Мицкевич подчеркнул: сам факт его создания стал свидетельством того, что две нации, польская и итальянская, «вычеркнутые тиранией из книги жизни, взялись за руки и поклялись в возрождении народов». Призывая поляков «самоотверженно отстаивать итальянскую независимость», он разъяснял, что тем самым они станут «действительно полезными [...] будущим интересам Польши»¹⁴¹.

Проход легиона по итальянским городам был встречен овациями, стихийно возникали митинги и манифестации. Так было в Болонье, Модене, Парме, Лоди и других городах, а также в Милане, куда легион вступил уже 1 мая 1848 г. Мицкевич не устал напоминать, что «служба Италии, поляки содействуют приближению освобождения Польши; способствуя распаду Австрийской империи, они помогают освободить пять миллионов поляков — ее подданных. Они предоставляют также возможность примыкающим к Италии славянским провинциям [...] проявить на деле свои устремления». Рассчитывая на это, Мицкевич стремился к созданию славянского корпуса, он призывал славян к совместной борьбе на митинге во Флоренции, и первыми откликнулись славянские моряки, присоединившиеся к легиону, когда тот вступил в Ливорно. В Милане Мицкевич пытался убедить ломбардские власти в необходимости обращения к далматинским славянам с призывом восстать против австрийского гнета. Он рассчитывал, что не только будет создан славянский легион, но к восстанию присоединятся также

дислоцировавшиеся в Далмации славянские полки армии Габсбургов. Чтобы способствовать восстанию славян, он предлагал Франции ввести в Далмацию войска и послать флот на Адриатику. Когда нерешительность короля Карла Альберта привела к поражению его армии и он заключил перемирие с Австрией, польский легион перешел в Пьемонт, но там он столкнулся с конкуренцией сторонников Чарторыского. Тогда «легионеры» двинулись в Тоскану, герцог которой поддержал легион денежными средствами. Между тем Мицкевич был озабочен задачей увеличения численности польских военных сил в Италии и с этой целью в июне 1848 г. выехал в Париж. Были собраны четыре новых отряда под командой М. Ходзько и Ю. Гауке, и хотя в это время существовало перемирие с австрийцами, Мицкевич подчеркивал, что «старые эмигранты и вообще желающие нести военную службу до сих пор имеют поле для деятельности только в Италии»¹⁴².

В Париже Мицкевич возглавил депутацию к Луи Наполеону Бонапарту, когда тот был избран президентом Французской республики. Новый глава Франции занял уклончивую позицию в польском вопросе, но демократической польской эмиграции было важно привлечь к борьбе поляков внимание европейской, в первую очередь, французской общественности. Весной 1849 г. в Париже начала выходить газета «La Tribune des Peuples» («Трибуна народов»), редактором которой стал Адам Мицкевич, а секретарем редакции Эдмунд Хоецкий. Издание осуществлялось поляками вместе с французскими революционерами и представителями демократии революционных народов: среди 20 иностранцев — немцев, итальянцев, испанцев было и двое русских — Иван Головин и Николай Сазонов. В своих статьях они напоминали о революционной традиции декабристов, писали о представителях свободной русской мысли Пушкине, Лермонтове, Грибоедове, Белинском, Полевом и заверяли, что нужно «еще одно усилие, и русский народ сбросит ярмо фальшивой старой системы, чтобы явиться перед Европой молодым, сильным и свободным». Эту надежду поддерживали выступавшие в газете поляки, например, Л. Савашкевич; основанием для нее служили, в частности, сообщения о раскрытом в Петербурге заговоре, об аресте военных и штатских, замешанных в деле «петрашевцев». На страницах газеты выступали также венгры, чехи, румыны, югославы. Так, Мицкевич сотрудничал с югославом Пугичем, чехом Мензингером, итальянцем Томмазо. Выдвигавшиеся газетой лозунги сочетали призыв к «восстановлению свободной и независимой Польши» с призывом к «солидарности народов». Она звала к единению под знаменем свободы, равенства, братства для борьбы против Австрийской монархии и создания на пространстве между Адриатикой, Балтикой и Черным морем «федерации свободных обществ, живущих по принципам подлинной демократии». В статье «Мадзини и мадзинисты» «La Tribune des Peuples» приветствовала возобновление издания в Риме газеты «L'Italia del Popolo» («Народная Италия»). Это был орган Мадзини, который старался оказывать поддержку польскому легиону в Милане, а в качестве триумвира возникшей в 1849 г. Римской республики одобрил соглашение о создании польского легиона на ее службе. В документе говорилось,

что Польша — сестра Италии, а эмигранты-«легионеры» являются представителями будущей независимой Польши. Легион получал от Республики жалованье и право на национальную атрибутику; специально оговаривалось, что его члены освобождаются от службы в Италии в случае, если начнется вооруженная борьба в Польше. Польские эмигранты с честью выполнили свои обязательства перед итальянским народом: 200 польских «легионеров» вместе с Гарибальди обороняли Рим от атаки французского корпуса в течение нескольких недель до конца июня 1849 г. и заслужили похвалу вождя итальянской революции. Мицкевич же в письме к Мадзини с гордостью назвал легион «республиканской и социальной армией». На страницах газеты «La Tribune des Peuples» он протестовал против интервенции Франции в Римскую республику, за что французские власти приостановили издание. В знак протеста поляки вышли из состава редакции, заявив о политическом преследовании: «Польская часть „Трибуны народов“ подверглась политическому преследованию. Правительство вынуждает ее прекратить свое сотрудничество в газете, и она уступает высшей силе и отстраняется». Это заявление опубликовала французская либеральная пресса, а через некоторое время газета «La Tribune des Peuples» была окончательно закрыта. Но польские эмигранты, сражавшиеся во всех итальянских провинциях — Пьемонте, Ломбардии, Тоскане, Венеции, Генуе, продолжали борьбу. В 1849 г. они участвовали в войне против неаполитанского короля на Сицилии, где во главе сицилийских войск встал Мерославский. Тогда же на помощь Карлу Альберту, готовившемуся к новой войне с Австрией, Отель Ламбер выслал генерала Войцеха Хшановского в качестве командующего армией, но он потерпел поражение под Новарой. Поскольку Пьемонт отказался продолжать войну, в 1849 г. польский легион был распущен, однако в Италии осталась память о героизме поляков, как, например, о полковнике Миколае Каменьском и его отряде, отличившемся в битве под Лонато в Тироле¹⁴³.

Поляки-эмигранты активно участвовали также в революционных событиях, происходивших в 1849 г. в Австрии и Венгрии. Генерал Юзеф Бем, отошедший в это время от Отеля Ламбер и выражавший демократические убеждения, сыграл активную роль в Венском восстании, главными силами которого были рабочие, студенты и другие демократические слои населения. В течение двух недель он руководил обороной осажденного города, наряду с другими поляками до последнего сражался на баррикаде, а затем возглавил революционную борьбу венгерского народа. Сначала польские эмигранты сражались в качестве добровольцев в венгерской революционной армии, а затем в сформированном польском легионе. Принадлежавший к аристократической партии генерал Генрик Дембинский командовал венгерскими войсками и сумел организовать успешное контрнаступление, заставив австрийскую армию отступить. В этих боевых действиях принял участие польский легион численностью в 3000 человек, сформированный по инициативе Польского демократического общества. Его возглавил представитель демократического лагеря генерал Юзеф Высоцкий. Юзеф Бем стоял во главе обороны Семиграда, и ожидалось, что оттуда поляки вступят

в Молдавию, куда весной 1849 г. прибыл из Лондона новый эмиссар Централизации Якуб Тышлер (Тешлер). Поскольку в Венгрии особенно остро стоял славянский вопрос, Бем пытался проводить в стране «политику примирения враждующих национальностей». Назначенный главнокомандующим венгерской армией, он руководил ею в сражениях с австрийцами и заслужил глубокое уважение венгерских патриотов. Но в августе 1849 г. силы Венгерской революции потерпели поражение в битве при Темешваре, что стало ее концом. После гибели революции было организовано отступление польских «легионеров» за Дунай, и Замойский вместе с Бытшоновским при поддержке Франции добился их свободного прохода через Сербию в Болгарию и Турцию. В общей сложности около 1000 поляков создали лагерь в Видине, а затем в Шумле. Прибыли и генералы Бем, Дембинский, Высоцкий. Дальнейший путь многих вел в Турцию, но при этом возникал вопрос о принятии ислама. В этой связи Высоцкий с негодованием заявлял: «Не посрамим честь польского имени!». Отрицательную позицию занимали и агенты Отеля Ламбер, который имел в этих землях значительное влияние. Однако, чтобы избежать депортации, ряд польских эмигрантов, как в частности Ю. Бем, были вынуждены принять ислам. Поскольку среди бывших «легионеров» оказалось немало демократически настроенных эмигрантов, уже в конце ноября 1849 г. в Шумле была создана секция Польского демократического общества под руководством Францишека Сокульского и Антония Жабицкого. Там же под редакцией Францишека Малиновского, Фортуната Стровского и Людвика Ястшембского выходил рукописный журнал ПДО¹⁴⁴.

Участие поляков в Венгерской революции было столь масштабным и в такой степени воспринималось ими как борьба за будущее своей родины, что получило название «польской войны». И не случайно, когда в мае 1849 г. на подавление борьбы венгерского народа выступили российские войска, Николай I заявил о намерении подавить и польских «бунтовщиков». Он не переставал предупреждать о «польской угрозе». Тревога царя была обоснована: «польская война» происходила не только в Венгрии, но и во всех болевых точках Европы, и туда, где народы поднимались на борьбу за свободу, устремлялись польские патриоты. Многие польские эмигранты шли по следам революционных событий, переходя из страны в страну. Так, Мерославский после сражений на Сицилии возглавил 13-тысячную армию повстанцев в Бадене, где также действовал польский легион (около 300 чел.), направленный Централизацией ПДО. В Бадене и соседнем Палатинате у руководства восстанием находились члены Централизации Виктор Гельтман и Францишек Шнайде, вошедшие в комиссию при революционном правительстве. В боях под Гейдельбергом отличился командир дивизии Оборский, действовавший, как вспоминал очевидец, «с небывалой отвагой», а в битве при Роштадте «поляки показывали примеры мужества»; многие из них героически встречали смерть, как, например, полковник Тобиан, руководивший военными действиями в Бадене, Мелевский, сражавшийся на баррикадах в Дюссельдорфе. Эти действия, и, в первую очередь, борьба в Бадене, были направлены на защиту заседавшего в то время во Франкфурте революционного

Национального собрания. Поэтому горькая ирония звучала в словах Я. Н. Яновского, отмечавшего тот факт, что именно Франкфуртское собрание вскоре предало Польшу. После поражения Баденского восстания, которое газета «Demokrata Polski» назвала «полезным» и «облегчающим [...] общее дело народов», поляки перешли в Палатинат, а оттуда в Швейцарию. Они участвовали также в Дрезденской революции 1849 г.: посланцы Централизации Виктор Гельтман и Александер Кшижановский, занимавшиеся в Дрездене подготовкой восстания в Чехии, принимали участие в заседаниях Временного революционного правительства и в обороне города. Централизация поддерживала тесный контакт с немецкими радикалами. В марте 1849 г. в Париже был создан Всеобщий демократический союз, ставивший цель объединения немцев и славян в единую революционную организацию карбонарского типа. Централизация в своих воззваниях заверяла «храбрых и великодушных немцев» в поддержке польского народа, который, в свою очередь, рассчитывал на помощь Германии. Восстановить Польшу в границах шляхетской Речи Посполитой 1772 г. призывало и обращение парижского Польского национального комитета, которое его эмиссар Ю. Рейзенхайм представил Франкфуртскому национальному собранию. Правда, в среде эмиграции были сомнения насчет отношения к революции в Германии: мицкевичевская «La Tribune des Peuples», хотя и симпатизировала Баденской революции, но критиковала непоследовательность немецких республиканцев и считала вредным участие поляков во внутригерманских разборках. Сам Мицкевич видел возможность объединения Германии в качестве «народной империи», то есть на демократическо-республиканской основе и революционным путем, с такой Германией он связывал надежды на восстановление независимой Польши. Однако решения Франкфуртского парламента по вопросу Познанщины знаменовали крах этих надежд и вызвали протест польской эмиграции: с горьким сарказмом отмечалось, что «раньше только прусский король был то тестем, то зятем царя, а Меттерних царским прихвостнем», теперь же «весь немецкий народ и царь» стали «одной душой». 9 августа 1848 г. Ф. Шнайде, С. Ворцелль и В. Дараш от имени Централизации ПДО направили обращение к немецкому народу, где осуждался «новый отвратительный раздел Польши». Напоминая об обещаниях, данных полякам революционной Германией, и выражая признательность тем немецким демократам, кто остался им верен, члены Централизации призывали немецкий народ их выполнить. Воззвание напоминало также о миллионах славян, готовых на голос, зовущий их к независимости, выступить против немцев, и указывало на Польшу как на единственно способную отвести такой удар и направить народы «под знаменем свободы на штурм царской деспотии», стать «связующим звеном в цепи братства, которое должно объединить Восток и Запад Европы в общем прогрессе». Авторы воззвания подчеркивали, что они не угрожают, а лишь предупреждают немцев, напоминая, что «после войны государств идет война национальных племен. С чела людей исчезает святая печать человечности, ее стирают враждебные имена тевтонов и славян», и последние могут послушаться «своего племенного инстинкта». Заканчивая свое послание словами «Привет

и братство!», польские демократы еще надеялись на союз с революционной Германией и победу в ней демократических сил. Летом 1849 г. газета «Demokrata Polski» в статье «Единство Германии» писала, что это «единство [...] является делом всеобщей революции, [...] а значит, делом Польши». В статье говорилось: «Германия монархическая, Германия федеративная, Германия в когтях у Пруссии — это огромное и удобное орудие царизма, это меч палача на нашу шею [...]. Освобожденная же Германия, Германия единая в политическом и социальном плане, Германия республиканская — это естественный враг царского москвитизма [...], это народ, мирно и честно соседствующий с нами»¹⁴⁵.

3. Отель Ламбер и «Весна народов»

Антирусский акцент трактовки союза с Германией вполне отвечал взглядам Отеля Ламбер. Его позицию укрепило выступление российского императора в марте 1848 г. с манифестом, объявлявшим поход против «анархии» в Европе, что вся польская эмиграция восприняла как надежду на столкновение России с Германией. Собственно, и в целом лозунг союза Польши с народами аристократический лагерь трактовал как призыв к выступлению европейских держав против России и восстановлению Польского государства. Сам отказ Чарторьского от титула короля «де-факто» рассматривался скорее как реверанс в сторону республиканской Франции в надежде на ее поддержку. В начале французской революции князь Адам участвовал в переговорах с новым республиканским правительством о создании польского легиона, который прошел бы в Польшу через территорию восстановленной Германии. Получив от Бытшоновского сведения о якобы неминуемой войне Пруссии с Россией, он в составе делегации (в нее входили, в частности, Владислав Замойский и Войцех Хшановский) отправился в Берлин для переговоров с министром иностранных дел А. Арнимом. Еще в 1847 г. в связи с готовившейся в Пруссии конституционной реформой Чарторьский разработал план реорганизации Великого княжества Познанского на основе заключения им персональной и таможенной унии с Пруссией и теперь надеялся договориться об этом и о создании польского войска для участия в грядущей прусско-русской войне. В воззваниях Отеля Ламбер выражались надежды не только на «старую союзницу Польши» Францию, но и на «немецкие народы, освобожденные от оков». От поляков требовали быть достойными «братской дружбы» «благородной германской нации», «искренний нерушимый союз» с которой на пользу национальному делу Польши¹⁴⁶.

Иной была позиция консерваторов в отношении Австрийской империи: несмотря на революционные события, происходившие в Вене, князь Адам не помышлял об антиавстрийском восстании в Галиции, памятуя «галицийскую резню». 24 марта 1848 г. он писал Л. Сапеге: «Еще не нужно ни восстания, ни польского знамени, но во имя отдельной национальности нужно добиваться отдельной провинции, так же как и других уступок, а скорее взять их самим». При этом он требовал от галицийской шляхты «немедленно и полностью уничтожить барщину». На первых порах Чарторьский рассчитывал на скорый распад Австрийской империи, что

подогревало интерес Отеля Ламбер к борьбе угнетенных ею народов. Именно при его посредничестве был заключен союз между Венгрией и Сардинским королевством, а Быстшоновский и Замойский разработали проект подобного соглашения, которое итальянцы должны были заключить с хорватами и словенцами. Консерваторы подготовили почву и для заключения федеративного союза народов Венгрии, который предоставлял бы национальную автономию хорватам, сербам, румынам и языковые уступки словакам, но вынуждены были признать безнадежность попыток примирить их с мадьярами. Отель Ламбер одобрял те уступки итальянцам, на которые Вена готова была пойти, но опасался, что это опрокинет расчеты на желательную для польских интересов европейскую войну. Его агент Л. Зверковский (Ленуар) внимательно следил за перипетиями борьбы итальянского народа и регулярно сообщал информацию в Париж.

Агентура Чарторыхских представляла собой широкую сеть, созданную в 1830–1840-е годы. Она охватывала европейский Восток, так как партия консервативной эмиграции весьма интересовалась возможностями, которые открывались для «польского дела» в этой части Европы. Еще в феврале 1833 г. князь Адам вел переговоры с турецким послом в Париже, предлагая направить польских офицеров для участия в реорганизации турецкой армии. Рассчитывали также договориться с Египтом о включении поляков в его войска. Постоянной областью интересов Отеля Ламбер являлись Балканы, куда в 1830-е годы были направлены политические агенты Марьян Бжозовский и Александер Верешиньский. В 1837 г. партия Чарторыхских заключила соглашение о сотрудничестве с румынской эмиграцией, целью являлась борьба за объединение Румынии и независимость Польши. В 1838 г. в Дунайских княжествах активно действовал Януш Воронич, а в 1839 г. Чарторыхский подписал новый договор, гарантировавший помощь румын в будущем польском восстании против России. Своим союзникам — румынским оппозиционерам князь Адам пытался оказывать поддержку в правительственных кругах Франции и Англии. Обострение «восточного кризиса» в 1839–1840 гг. дало новый импульс надеждам польской аристократической эмиграции. Чарторыхский делал ставку на Францию и в мемориале, направленном французскому королю и министрам, писал: «Польша должна сыграть значительную роль в надвигающейся войне». Летом 1840 г. он размышлял о том, «какой план операции должна принять благосклонная к нам и нуждающаяся в нас держава (то есть Франция. — С. Ф.), чтобы скорее дойти до нас и скорее подать нам руку». Со своей стороны князь предлагал создать польский легион при французской армии. В это время укрепились связи консервативной партии с Балканами, где находилось около 700 польских эмигрантов. В 1841 г. Чарторыхский через Д. Уркарта и В. Хшановского договорился с Гизо и Решид-пашой о создании в Стамбуле Главного агентства на Востоке — полуофициального дипломатического представительства Отеля Ламбер. Главным агентом стал Михал Чайковский, впоследствии принявший ислам под именем Садык-паши. Стамбульскому центру подчинялись все политические агенты Отеля Ламбер на Балканах. Первым дипломатическим агентом в Сербии являлся Адам Зициньский, а с 1843 г. эти обязанности выполнял

мораванин Франтишек Зах. Он был негласным советником сербского князя Александра Карагеоргиевича и автором сербской внешнеполитической программы — «Плана славянской политики» и «Начертания», предусматривавших сербохорватское сотрудничество в целях объединения Сербии, Хорватии, Далмации, Боснии и Герцеговины, Черногории и Северной Албании. Тогда же в Париже возник польско-сербско-болгарский комитет и состоялась миссия Замойского в Лондон для поддержки сербов. Сербия виделась консерваторам в качестве гаранта внутренней безопасности и сохранения Турции, которая, в свою очередь, представлялась опорой для будущей акции освобождения Польши. Вместе с тем укрепление Сербии должно было сделать ее центром балканских народов и возжечь их эвентуального освобождения. Отель Ламбер, в частности, старался уговорить турецкие власти дать национальные и политические уступки Болгарии и Боснии. Славяне являлись объектом внимания партии Чарторьских, прежде всего, из опасения влияния на них идей панславизма и России. В 1844 г. в Тырново было создано агентство. Опекавший болгар М. Чайковский писал: «Со славяниной мы можем иметь большие выгоды, [...] на этом поле мы играем с Москвой». В то же время, поскольку большинство славянских народов находилось в составе Австрийской империи — «другого врага и поработителя поляков», Отель Ламбер заявлял, что «Польша всегда будет вместе со своими братьями-славянами там, где речь идет о славизме свободном и независимом от всех иностранных влияний». Сама же консервативная эмиграция старалась воздействовать на политику славянских государств и народов. Еще в январе 1843 г. князь Адам послал в Белград «Советы относительно того, как действовать Сербии»: нужно, утверждал он, постепенно освобождаться от влияния России, осторожно действовать в отношении Австрии, укреплять как связи с Парижем и Лондоном, так и внутренние силы, стараться оказывать влияние на славян, опираясь при этом на помощь Польши. Для распространения своей пропаганды среди балканских и придунайских славян партия Чарторьских стремилась использовать и газету Мицкевича «*La Tribune des Peuples*». Был разработан план мирной постепенной эмансипации балканских народов в связке с Турцией, но под влиянием Польши и Запада. Так, в инструкции Ф. Заху Чарторьский определял курс сербской политики в духе умеренности, без разрыва с Турцией. В 1847 г. князь Адам официально представлял Сербию во Франции и Англии, он являлся авторитетом для сербского руководства — Ильи Гарашанина и князя Александра. Первый из них был обязан Чарторьскому связями с французскими политиками, а второй — поддержкой во время избрания его главой Сербии. При сербском княжеском дворе было организовано постоянное польское представительство, и действовавшие в Белграде Зах, а после него Ленуар (Л. Зверковский) и Ю. Корсак пытались примирить и объединить славян с венграми в борьбе против Австрии, а затем убеждали их выступить против российской интервенции в Венгрию. Против России были направлены старания отвратить от нее болгар, а также попытки сблизить славянский и румынский интересы, причем в этих проектах важная роль отводилась Турции как противнице России. Хотя партия Чарторьских готова была согласиться с установлением

верховой власти Порты над объединенным славянством, но наряду с этим она не отрицала возможности отдать славян и под власть Габсбургов, только бы отвлечь от «московского панславизма». Об этом свидетельствовали как планы создания «федерации наддунайских народов», так и австрославистские проекты. В письме Чайковскому из Парижа 17 ноября 1848 г. говорилось как о несомненном: «Австрийское государство должно рано или поздно преобразоваться в славянскую федерацию». При этом Отель Ламбер имел в виду «главенство» Польши среди славян. Чайковский доказывал европейским политикам, что «славянщина без Польши, имеющей в ее лоне большинство, является прирожденным врагом Запада». Самих же славян он поручал Корсаку убедить «в том, что их существование и будущность лишь тогда утвердятся, когда наша Родина добьется своей независимости». Исходя из этой гегемонистской позиции, Чайковский ставил задачу «полонизировать» славянское движение: «если не охватим и не ополчим Славянщину, — писал он, — нам будет плохо». Осуществление «полонизации» предполагало не только пропаганду, но и конкретные действия, в частности, вступление польских военных в славянские формирования¹⁴⁷.

Однако главным направлением деятельности аристократической эмиграции в отношении славянских земель и Востока оставались агитационные и дипломатические усилия. Агенты Отеля Ламбер действовали в Бухаресте, в Добрудже, на Кавказе, эмиссары направлялись и на Украину. Чарторьский был весьма заинтересован украинским вопросом, так как считал украинцев ветвью польского народа и стремился пробудить их национальный дух. Для этого, поучал он польскую шляхту, нужно решение крестьянского вопроса на украинских землях «с чистым сердцем и мыслью, не затуманенной слепым эгоизмом». Иначе, подчеркивал князь, возникнет «новая Колиивщина», в то время как целью является общая борьба за независимость от России. В плане агитации за борьбу против России внимание аристократической эмиграции привлекало и Причерноморье. Отсюда осуществлялся контакт с черкесами, связь с которыми партия Чарторьских установила еще в 1837 г. Намечалось формирование на Кавказе отряда из поляков-дезертиров русской армии, планировались вооруженные экспедиции. В 1841–1844 гг. восставших черкесов инструктировали агенты Вершиньский, Ленуар и Казимеж Гордон, а в 1847 г. к ним была направлена миссия Витольда Чарторьского. Отель Ламбер стремился установить контакты с Шамилем. Была организована посылка оружия черкесам на Кавказ на английском судне «Виксен», но судно перехватили в Черном море русские моряки, а результатом стал конфликт России и Англии. В связи с Причерноморьем рассматривались также планы Отеля Ламбер настроить украинских козаков, проживавших в низовьях Днепра, против России: «Только с Низовья можно растревожить Московское царство», — заявлял Чарторьский в 1845 г. Путь его агентов шел через Добруджу при посредстве осевших там казаков-некрасовцев*, в среде которых

---

* Казаки-некрасовцы — потомки бежавших из России донских казаков — участников восстания Кондратия Булавина в 1707–1708 гг.

вел агитацию Михал Будзыньский. Наряду с посылкой эмиссаров для осуществления диверсий на Кавказе, в Молдавии, Валахии, на Украине, для инспирирования антирусских движений среди чеченцев, дунайских и донских казаков, малорусской «козацкой вольницы» предполагалось также распространять там печатные издания и другие агитационные материалы. Но, как и прежде, основной расчет Отеля Ламбер делался на дипломатические и военные действия европейских держав, на сотрудничество с легальной властью, а не с революционными силами. Представители «правого» крыла консервативной партии, в частности З. Красиньский, выступали против сотрудничества с революционной Венгрией, с опаской относились к «левым» элементам в познанском Национальном комитете. Б. Ф. Трентовский критиковал эмигрантов-демократов за их «отвратительное обезьянничанье», бездумное копирование французов, Красиньский же подверг критике уже само руководство аристократической партии, утверждая, что Отель Ламбер стал «больным, одеревяневшим, безмолвным», и чтобы покончить с его «бессилием», необходима реорганизация. Руководство аристократической эмиграции критиковали и консервативные круги в самой Польше. Их испугала революция, они опасались ее воздействия на польское общество, страшились революционизации крестьянства. На проходившем в 1849 г. во Вроцлаве польском съезде прозвучало требование устранить эмиграцию от всякого влияния на Польшу. Такая резолюция была принята по предложению А. Велёпольского, и в известном смысле она знаменовала поражение политики Отеля Ламбер. Не случайно в сентябре 1849 г. Чарторьский, как бы оправдываясь, писал о себе в третьем лице: «Никогда в его взглядах не содержалось стремления к перевороту общественного устройства, совсем наоборот, он говорил своим соотечественникам о порядке, дисциплине, необходимости уважать власть, религию, все общественные обязательства как единственное средство сохранения национальности. Никогда он не возбуждал революционных движений ни в своей стране, ни где-то еще, всегда от них отговаривал, но если уж они возникали, старался придать им лучшее направление и насколько возможно использовать их для блага родины». Отелю Ламбер было очень важно успокоить польское общество, хорошо выглядеть в его глазах, в частности, используя свой имидж партии, приближенной к европейским политическим верхам. С другой стороны, аристократическая эмиграция стремилась играть перед Европой роль единственной достойной представительницы Польши за границей. А. Чарторьский выступил перед французским правительством с просьбой официально признать бывших послов польского сейма, находившихся во Франции, законным правительством Польши. Он также испрашивал разрешения на формирование польского легиона на территории Франции, что создало бы прецедент для признания французским правительством факта существования Польши. Однако все эти шаги, рассчитанные на внешний эффект, в глазах польской общественности не имели того обаяния, какое имела самоотверженная борьба польских патриотов в огне революции. «Весна народов» способствовала тому, что эти характерные особенности двух разных лагерей польской эмиграции закрепились и получили развитие в будущем¹⁴⁸.

ГЛАВА III

ПОЛЬСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭМИГРАЦИЯ В 50-е — НАЧАЛЕ 60-х ГОДОВ XIX в.

1. Польская эмиграция об уроках революции 1848–1849 годов и ее позиция во время Крымской войны

Поражение революции во Франции, кровавая расправа над восставшими в Париже и установление военной диктатуры повлекли за собой репрессии и в отношении польской демократической эмиграции: уже в июне 1849 г. прошли обыски у членов Централизации, спустя месяц Ворцелль и Дараш были высланы из страны, прекратилось издание газеты «Demokrata Polski». Была окончательно запрещена также «La Tribune des Peuples», так как она критиковала правительство Луи Наполеона Бонапарта и его самого, а затем поддержала антиправительственные манифестации парижских рабочих, мелкой буржуазии и революционных групп учащейся молодежи. Поскольку Централизация оказалась обескровленной, Ворцелль и Ян Кантый Подолецкий создали в Лондоне временный руководящий орган Польского демократического общества — «Малую Централизацию» из трех членов. З. Милковский писал, что в этой «тройке» Дараш олицетворял «немногословную, суровую и несгибаемую» власть», Подолецкий представлял ее «привлекательную сторону, окрашенную поэзией», а Ворцелль «выступал представителем ее разума». Новая Централизация столкнулась с организационными трудностями, не было средств на создание своей прессы. Правда, в начале 1851 г. благодаря усилиям Ворцелля в Брюсселе стала опять выходить газета «Demokrata Polski» под редакцией Дараша, но через год она вновь закрылась из-за гонений, и Централизации пришлось ограничиться выпуском небольших брошюр. В них, так же, как и на страницах газеты «Demokrata Polski», издание которой возобновилось в Лондоне в конце 1852 г., анализировался ход революции и осмысливались ее итоги¹⁴⁹.

Уже в 1849 г. появилась анонимная брошюра «Что такое революция и какова ее позиция». Ее настоящий автор Подолецкий писал: «Революция [...] опрокинула все, что представляет собой мировой порядок». Он резко осуждал компромиссы «революционных иезуитов» и указывал на необходимость «беспощадного, безусловного слома всякого существующего в мире бесправия». Подолецкий подчеркивал, что нельзя утвердить «новой веры», не свергнув «старых идиолов», и потому всякое «творческое строительство» предполагает сочетание с «необходимым уничтожением». Однако такой подход он считал возможным применить к революциям на Западе, но не в Польше. Характерно, что подобный взгляд

в отношении революции разделял Мерославский, занимавший гораздо более «правые» позиции. Он гордился тем, что в 1848 г. «спас» Познанщину от революции, приложил все силы, чтобы «остеречь познанскую шляхту от нависшей над ней галициады», и «в зародыше придушил шелизм, который уже сверкал в хищных взорах многих». «Нужно было, — писал он в 1852 г., — сразу и смело сделать выбор между бешеной, безжалостной гражданской войной и упорным отказом», «не допускать к себе богини мести Немезиды». Мерославский считал, что крестьяне еще не готовы осознавать нужды революции, она должна опираться на средние слои, и ей нельзя придавать антипомещичий характер. Он писал о своих усилиях повернуть на этот путь Познанское восстание: «Но какого же упорного и осмотрительного спора потребовалось, чтобы без галициады (ибо такова была задача) выстроить эту новую стихию в восстании рядом со шляхетизмом, не желающим уступить ей место». Согласно мнению Мерославского, высказанному им позже, в 1859 г., на торжестве, посвященном памяти Ноябрьского восстания, крестьянство должно было идти за шляхтой, а их противопоставление являлось «аномалией» и могло привести лишь к «общему бессилию народов»¹⁵⁰.

Однако позиции руководства Польского демократического общества и Мерославского не были полностью идентичны. В брошюре «Революция и Польша», изданной Централизацией в 1850 г., анализ революции во Франции также приводил автора к констатации того факта, что всех удовлетворить революция не может, но дальнейшее рассуждение вело к вопросу: «чи нужды нужно удовлетворить — люда или богатых [...] кто должен пойти на жертвы — зажиточные или люд?». Ответ на это был недвусмысленным: «прежде всего, стараться об удовлетворении масс, а не сильных мира сего». О том же писала газета «Demokrata Polski» в статье «Польское демократическое общество и социальные вопросы»: «Всякая революция, которая не ставила бы цель улучшения судьбы масс, была бы лишь преступлением, заменившим иное преступление». Будущая революция, считал автор статьи, должна уничтожить социальную несправедливость и обеспечить счастье народа, то есть всех и каждого, причем произойдет это не путем «насилия, скандала, разорения, конфискации и тиранства». Цель, определенная в статье, раскрывалась в брошюре «Революция и Польша» в виде вопроса и ответа на него: «Какие же препятствия должен преодолеть каждый народ? Это собственное правительство и реакция»¹⁵¹.

В 1850-е годы в Польском демократическом обществе происходил процесс идейного размежевания. Уже в 1850 г. появилась брошюра Ворцелля «О социализме», где автор доказывал, что социализм является «не фантазией, не проявлением жадности, не детальной системой той или иной организации, не отрицанием всего, что было и есть, но несомненным результатом нужд человечества, плодом прогресса, необходимым завтрашним днем, имеющим свои Вчера и Послезавтра, общим стремлением, прогрессивным, а тем самым нравственным, [...] является отчетливо выраженным ныне стремлением, бросающейся в глаза приметой нашего времени». «Приметы времени» требовали внесения изменений в программу Польского демократического общества, уточнения ее социальных лозунгов.

Если еще в 1851 г. орган ПДО «Demokrata Polski» утверждал, что передача крестьянам в собственность их земельных наделов разрешит главный вопрос и «почти ликвидирует пролетариат», то в 1852 г. с его страниц звучали иные мысли: «Передача крестьянам земли в собственность рассматривалась как средство политическое, революционное, преходящее, а не как органичное, окончательное [...]. Это должно было стать лишь залогом той справедливости, какую будущая Польша обязана проявить в отношении всех своих детей, а не самой справедливостью, завершением социальной реформы, организацией сельского люда». Подчеркивалось, что дело не в том, чтобы дать собственность части сельского населения и создать новую касту крестьян-собственников: нужно «радикальное изменение всех социальных отношений». В том числе Централизация ПДО призывала не забывать о справедливости для «очень значительной части населения» — коморников, загородников, промысловиков и др. И все же эмигранты-демократы до конца не осознавали остроты социальных противоречий в Польше, существовавших между крестьянством и помещиками. Свидетельством было постоянно повторявшееся в публикациях Польского демократического общества утверждение о том, что социальные противоречия в польской деревне разжигают правительства держав, разделивших Польшу. Так, в воззвании Централизации к польскому народу 29 сентября 1852 г., опубликованном в печатном органе ПДО, об этих правительствах — «поджигателях» говорилось: «Они подбивают крестьян против шляхты, даже проливают ее братскую кровь руками своих подкупленных палачей и прислужников под прикрытием имени крестьян». Этот тезис неизменно присутствовал и в документах демократической эмиграции, призванных разъяснить Западу польские события. В меморандуме по польскому вопросу, направленном президенту США в 1854 г., автором «галицийской резни», отдавшим приказ, назывался Меттерних, а непосредственным его исполнителем крестьянский вождь Я. Шеля. Ворцелль на митинге в Бирмингеме 18 мая 1854 г. также говорил об «убийстве в 1846 г. шляхты Галиции по приказу»¹⁵².

Проблема взаимоотношений шляхты и крестьянства обсуждалась в связи с вопросом о восстании за национальную независимость. Любопытные мысли были высказаны в большой статье «Характер польского восстания», опубликованной в августе 1851 г. газетой «Demokrata Polski». «Наше восстание, — говорилось в статье, — должно быть осуществлено не шляхтой, не крестьянами, освобожденными и наделенными землей в собственность, и не искусственной комбинацией шляхты и крестьянства, но [...] путем слияния, сплава, соединения шляхетского элемента с крестьянским, иначе говоря, через братство. Поскольку же шляхта представляет собой разум, поэтому инициатива принадлежит ей». Если же, предупреждал автор статьи, шляхта не захочет взять на себя инициативу или окажется неумелой, инициативу могут взять крестьяне, и тогда «люди [...] сметет все, что будет препятствовать его движению, и может посчитать врагами этих братьев, которые, отказавшись от братства, скрывали от него правду, которые обманывали его, жирели на его труде». «Страшная, кровавая картина предстает перед нашими глазами, — восклицал автор статьи. — Мы охотно бы

набросили на нее завесу, если бы интерес самой шляхты не требовал поведать чистую, голую правду». Размышляя о дальнейшем ходе событий, он писал: «В конце концов, люд нашел бы в себе моральную силу, но после скольких тяжелых испытаний [...], сколько бы Хмельницких, сколько Гонт, сколько Шелей не использовали бы его на службе своих собственных извращенных страстей. А той новой силой была бы ты сама, шляхта, но обновленная, выкупанная в кровавой купели». В статье выражалась уверенность, что до этого не дойдет, что шляхта сможет стать инициатором подготовки восстания и его силой. Со страниц газеты звучал призыв: «Польская шляхта, твое дело действовать и предотвращать зло. Ты долго была народом, нацией и ныне еще можешь быть главным отрядом национальной интеллигенции (то есть национального разума. — С. Ф.)». В воззвании Централизации к польскому народу 29 сентября 1852 г. шляхту убеждали: «Ты очистишься от нелепых страшилок социализма, от ужасных упырей коммунизма, которыми враги и обманщики давят на твою совесть и тревожат твой сон [...]. И не думай о том, что этот новый мир тебя оттолкнет, что не ответит взаимностью на твою любовь и братские чувства»¹⁵³.

В это время члены Централизации, находившиеся в Лондоне, тесно сотрудничали с Мадзини и созданным им 12 июля 1850 г. Центральным комитетом Европейской демократии. Газета «Demokrata Polski» перепечатывала обращения и другие документы Центрального комитета, она сравнивала Мадзини с польскими героями и выступила в его поддержку, когда после неудачного восстания в Милане в кругах польской демократической эмиграции возникли сомнения в целесообразности сотрудничества с мадзинистами. Орган Польского демократического общества опубликовал статью «Советы Мадзини людям действия» и в комментариях от редакции воздал ее автору честь и хвалу за его вклад в революционную борьбу, за твердость и самоотверженность, за тот пример, какой он подавал всем патриотам, за провозглашенные им идеи. Ворцелль подчеркивал, что мысли Мадзини, обращенные к итальянцам, могут понять именно поляки. Сам же Мадзини на страницах газеты «L'Homme» («Человек») выражал горячую симпатию к Польше, а на праздновании годовщины Ноябрьского восстания в 1850 г., говоря об идее «Бога, долга, свободы, жертвенности и бессмертного прогрессивного человечества», завершил выступление словами: «Польша и Италия — сестры теперь и всегда, сестры в страданиях, в цели и в борьбе». Поляки активно участвовали в работе ЦК Европейской демократии: первым представителем Польши в нем был Дараш, а после его смерти членом ЦК стал Ворцелль и затем Людвик Булевский. Ворцелль выступал в печатном органе ЦК «La Voix du Proscrit» («Голос изгнанника»), он же возглавил новый состав Централизации, куда вошли также Л. Зенкович и А. Жабицкий. Последний интересовался идеями научного коммунизма, поддерживал связь с К. Марксом и Ф. Энгельсом. Централизация все более проявляла свои радикальные устремления и симпатии к социализму. В ее циркуляре от 28 августа 1852 г. утверждалось, что в Польском демократическом обществе нет ни одного человека, кто бы «не ощущал себя демократично и социально [...], кто бы не знал и не понимал, что если демократия

дает человеку право на существование и жизнь, то социализм это право развивает и дополняет, иначе говоря, накладывает на общество обязательство, чтобы каждый его член имел не только право на существование и жизнь и не только право на труд и просвещение, но имел бы предоставленные ему работу и просвещение и использовал бы их счастливо, честно, разумно на пользу себе и обществу»¹⁵⁴.

В действительности вовсе не все члены Польского демократического общества, в том числе и в Лондоне, разделяли подобные взгляды. На страницах газеты «Demokrata Polski» социалистов обвиняли в космополитизме, в стремлении «растворить» Польшу в человечестве, предав ее национальные интересы. Авторы статей доказывали, что не человек и не класс, а народ (нация) является единицей человечества. В ответ на упреки в том, что Централизация пытается национальную и демократическую программу ПДО подменить социалистической, Ворцель, ссылаясь на Краковский манифест, заявлял, что социальные, а не только политические цели выдвигались демократами всегда. Это заявление не учитывало, что в действительности Пуатьерский манифест 1836 г. затушевывал социальные цели во имя «классового мира и единения» в национальной борьбе. Но именно этот документ Польского демократического общества отвечал взглядам его «умеренного» крыла, сторонники которого составляли значительную группу во главе с авторитетными фигурами, такими, как Л. Мерославский, Ю. Высоцкий, С. Эльжановский, Ю. Орденга и др. В то время как Централизация в Лондоне была отрезана от основной массы эмигрантов, они развивали активную деятельность во Франции, прежде всего, среди парижских поляков. Им еще раньше не нравилась позиция руководства ПДО по отношению к новому французскому правительству и самому Луи Наполеону Бонапарту, в 1852 г. объявившему себя императором Франции Наполеоном III; они критиковали сектантскую политику Централизации, обособленность ее от европейской общественности¹⁵⁵.

Эти противоречия особенно обострились во время Крымской войны 1853–1856 гг., оживившей надежды на решение польского вопроса: ожидалось, что воюющие против России союзные державы поставят его перед царизмом на международном уровне. Активизировалась деятельность Отеля Ламбер, агенты которого пользовались влиянием в Турции. Партия Чарторьских добилась того, что союзники признали князя Адама представителем интересов польского народа. На торжественном собрании 3 мая 1854 г. Чарторьский выступил с речью, которую Я. Н. Яновский в открытом письме к князю в июне 1854 г. назвал «новым манифестом». Оратор высказал пожелание «соединить всех в одну явную, а тогда и подлинно важную и сильную команду». Призывая эмиграцию к единству, согласию и доверию, он требовал доверия к себе, утверждая, что «лучше знает стремления и желания правительств». Чарторьский заявил: «Доверие, которое мне оказывают союзные правительства, и память о каких бы то ни было услугах, оказанных в течение долгой жизни, поставили меня на пост, исполнение власти на котором может быть полезно и эмиграции, и будущей судьбе Польши [...]. Мое положение, приобретенное усердной, верной сорокалетней работой,

есть достояние Польши, которым не стоит пренебрегать и наносить ему вред. Кто не хочет ни маразма и летаргии, ни конвульсий, а хочет здоровой национальной жизни, пусть тот поддерживает меня и объединяется со мной». Судьба родины, говорил Чарторьский, будет сопряжена с трудностями до тех пор, «пока под конец при помощи предвиденных обстоятельств будут определены будущее и независимость Польши»; тогда «Королевство Польское станет предметом переговоров европейских государств, освободивших Польшу, они решат между собой, кто должен ею править, как это случилось с Бельгией и Грецией, и эти переговоры могут быть порой средством более скорого достижения мира и более легкого разрешения спорных интересов». Чарторьский заявлял, что если «вдохновение союзников» найдет какого-либо принца из царствующих династий, кто захотел бы «встать на польскую основу» и принести полякам «обаяние своего имени и помощь военных сил», тогда князь был бы очень рад «обеспечить ему свои услуги и поддержку»¹⁵⁶.

В то время, когда великие державы и практически вся Европа оказались в ситуации международного политического кризиса, средоточием которого стала Крымская война, Отель Ламбер тратил большие средства на пропаганду идеи освобождения Польши от власти царизма. Красинский и Жаба выпускали брошюры на деньги, полученные от Литературного общества друзей Польши. Составлялись петиции с требованием распространить военные действия на северо-западные границы России. 4 марта 1855 г. Чарторьский писал лорду Хэроуби: «Ясно, что не нужно было объявлять России войну, но хорошо, если уж она объявлена, ее можно вести только вместе с Польшей и за Польшу, а всякая иная система это лишь попусту пролитая кровь и потраченные деньги». Для участия в войне с Россией Отель Ламбер стремился сформировать польский легион под английским командованием. Этим занимался В. Замойский, но ему пришлось соперничать с Чайковским (Садык-пашой), который формировал отряд «султанских козаков» из поляков и других славян. Участие польского легиона в войне должно было, по мысли консерваторов, послужить заменой восстания на польских землях, вызывавшего страх панов. Этот замысел раскрыли демократы, когда писали, что в польском легионе «правительства, враждебные революции, видели одно из самых простых и практичных средств ее избежать, то есть избежать восстания Польши, а с ней Венгрии, Италии [...], всех угнетенных народов». Такая позиция аристократической эмиграции вполне совпадала с позицией всего европейского консервативного лагеря. Так, граф Харрингтон, выступая в Литературном обществе друзей Польши на торжествах, посвященных польской Конституции 3 мая, заявил: «Если бы поляки как народ восстали, тогда их примеру последовали бы итальянцы, венгры, а, возможно, и красные республиканцы с противоположной стороны канала (то есть во Франции. — С. Ф.), благодаря чему существующее согласие было бы уничтожено, а мир ввергнут в хаос». «Наилучший путь для поляков, — подчеркнул лорд, — завербоваться под знамена союзных держав». Опасение перед революцией в Польше лежало в основе позиции всех консерваторов, как польских, так и европейских. Это вскоре

нашло подтверждение в отношении Отеля Ламбер к новой ситуации, возникшей после смерти Николая I. 4 марта 1855 г., обсуждая в письме к лорду Хэруби вопрос об эвентуальных уступках, которые мог бы дать полякам новый царь Александр II, Чарторьский утверждал, что такие уступки способны расколоть польское общество и лишь осложняют ситуацию. Запад же, по его словам, потеряет время и «единственное эффективное оружие» против России. Он считал, что нужно, не теряя времени, со всей энергией использовать ситуацию, так как это предreshит и скорое заключение мира, если он возможен. Об этом князь писал также Дзялыньскому 9 августа 1855 г., заявляя: если царь пойдет на уступки полякам, «это может внести раздор между ними и парализовать их действия», а также вызовет подозрения союзников и утрату их «наилучшего расположения» к полякам и как бы реабилитирует в глазах Парижа и Лондона «грехи» России. Исходя из прошлого, считал Чарторьский, нельзя доверять России, имеется гораздо больше причин доверять союзникам, которые «питают по отношению к Польше благие намерения», и то, что они не могут пока осуществить свои самые лучшие искренние желания, объясняется большими трудностями¹⁵⁷.

Вопрос об уступках, которые можно было бы получить от России при заключении мира, вскоре стал предметом обсуждения в связи с объявленной Александром II амнистией, предоставлявшей польским эмигрантам возможность вернуться на родину. Демократическая эмиграция отвергла амнистию, выступив 6 августа 1856 г. с протестом: «перед лицом Отчизны и цивилизованного мира» она заявила, что «не нуждается в амнистировании», так как «покаялась упорствовать в роли, которую приняла, обрекши сама себя на изгнание». Демократы подчеркивали, что «вернутся на родную землю только тогда, когда смогут изгнать из нее чужеземцев, когда Польша будет свободной и независимой. Они [...] непреклонно верят в воскресение своей отчизны, и, даже если им придется умереть на чужбине, будут ожидать высшего часа как жертвы, на прахе которых вырастет целое поколение мстителей». Три дня спустя протест заявила и аристократическая эмиграция. Подчеркнув, что «Польша надеется на Бога, на свои собственные интересы и на совесть беспристрастных людей всех народов», она объясняла общественному мнению, что эмигранты предпочитают «оставаться терпеливыми и покорными воле Божественного провидения», поскольку не могут удовлетвориться условиями амнистии и требуют «справедливости» для Польши, а именно, гарантий прав языка, религии, образования, а также проведения реформ и создания национальной администрации. Чарторьский одобрил слова, сказанные В. Калинкой: «Мы не могли бы возвратиться на родину, не топчя наше прошлое». Он считал, что многие польские эмигранты, возможно, примут «персональные уступки», но они «не приведут ни к какому действию со стороны всей эмиграции как таковой, потому что эмиграция обречена на изгнание [...], чтобы в результате своего продолжающегося протеста в один прекрасный день получить свою родину — эмансипированную и счастливую». Хотя эмиграцию составляют выходцы из разных частей Польши, отмечали консерваторы, намекая на «забранные земли», «но так же, как каждый из их соотечественников, оставшихся у своих очагов,

они поднимают свой голос за то же право на общую национальность, которая освящена веками». При этом делалась ссылка на императора Александра I, «который это понимал: он обещал объединить провинции (белорусские, украинские и литовские земли. — С. Ф.) с малым Королевством, созданным на Венском конгрессе с клаузулой возможного его расширения, и вплоть до своей смерти император помнил об этом обязательстве, он хотел выполнить свое обещание». Касаясь же «заявления императора Николая о том, что обещание его брата никогда не будет выполнено, и его стремления денационализировать польские провинции», консерваторы подчеркивали, что это «противоречит Венскому трактату и является главной причиной революции 1830 г.». Из всего этого вытекало, что Отель Ламбер продолжал отстаивать концепцию сорокалетней давности: он готов был согласиться с тем, чтобы Польша оставалась под властью царя, лишь бы была восстановлена национальная автономия и к Королевству Польскому были присоединены украинские, белорусские и литовские территории. Если русское правительство, заявлял Чарторыский, будет вести в «забранных провинциях» иную политику и присоединит их к Королевству, «это будет самым эффективным средством завоевать доверие всей Польши», «мощнейшей приманкой для поляков», которые «меньше тяготеют к слишком либеральным формам и парламентам и согласны иметь поветовые (district) и окружные (palatinat) институты»¹⁵⁸.

Добиться таких «уступок» Отель Ламбер надеялся при помощи союзников, противостоявших России в Крымской войне, причем главные надежды возлагались на Францию и ее императора. «25 лет пребывания во Франции под гостеприимством властей, — льстиво заявляли консерваторы от имени всей эмиграции, — старинная память об общих сражениях и усилиях, наконец, вступление на трон императора Наполеона III и его постоянная благожелательность и искреннее расположение к Польше рождают в массах чувства, накладывают на людей обязательства, которые не позволяют чересчур легко разорвать весьма легитимные узы, тем более, что судьба и благо Родины еще не ясно определяются решающими обстоятельствами и поведением России». Надежды на Францию разделяла и часть демократической эмиграции. Во время войны ее представители, как, например, А. Мицкевич, пытались сформировать польский легион, который участвовал бы в боевых действиях под национальными знаменами. Мицкевич представил также Наполеону III план так называемой Рижской операции — осады Пскова для блокирования царских войск во время восстания в Литве. Что же касается формирования легиона, он получил от французского правительства направление в Константинополь, где общался с «султанскими козаками» Садык-паши (Чайковского). Цель создания легиона ставил перед собой и Парижский кружок демократов, оформившийся в годы войны в самостоятельную организацию — Демократическое польское коло. Для сбора людей в отряды Коло послало в Турцию Кароля Бжозовского и Юзефа Высоцкого, которого прочли в командиры легиона. Коло не верило в возможность восстания в Польше и целиком рассчитывало на союзников, особенно на Наполеона III. Высоцкий

даже был не против того, чтобы отдать под его начало возрожденную Польшу. Такой «практицизм» не являлся чем-то исключительным в среде демократов: ряд итальянских, венгерских и французских патриотов, как, например, А. Барбес, А. Галланци, Д. Манин и даже Л. Кошут, готовы были ради национального дела пойти на сотрудничество с антидемократическими силами. Такой позиции не разделяла Централизация, она не доверяла державам, прежде всего, бонапартистской Франции, и считала, что решить польский вопрос может лишь собственная борьба польского народа за независимость. Еще накануне войны Централизация указывала, что нужно воспользоваться ситуацией «на родной земле, призывая народ к восстанию, которое украинский люд, если бы кто встал во главе его, мог бы тогда первый начать». Выступая против плана создания легиона, 15 июня 1853 г. газета «Demokrata Polski» заявляла: «Отчизну — Польшу нужно искать там, где она есть, — в Польше! А если речь идет о легионах, разве польская земля слишком мала для размещения на ней тысячи легионов?». В статье говорилось, что в случае участия польского легиона в рядах армии союзников «знамя, которое ему было бы позволено вывесить, служило бы для патриотов в стране соблазном покинуть Родину в самый необходимый для нее момент, чтобы гибнуть на чужой земле, за чужое дело, к выгоде тех, кто готовится положить новый груз на гробовой камень Польши; это знамя было бы для родины манящим призраком, который внушил бы ей, что она должна надеяться на спасение руками врагов». По утверждению автора статьи, «несмотря на легион, а частично в результате впечатления, которое легион окажет на Польшу, война пошла бы своим путем, по которому увлекла бы за собой и легион, путь же этот привел бы его аж на Прут, показал бы издали истосковавшимся эмигрантам родную землю, а там перед ними встала бы дипломатическая рогатка “Стой!”, и распущенный легион, бросив свое оружие, был бы должен снова отправиться в скитания без конца и без цели»¹⁵⁹.

Скептицизм Централизации Польского демократического общества в отношении европейских союзников и перспектив исхода войны для поляков оказался вполне обоснованным. Подтверждением стала история тех польских эмигрантов, которые отправились из балканских стран в Турцию, чтобы сформировать польский легион. 31 октября 1855 г. газета «Demokrata Polski» опубликовала мемориал, который 11 поляков направили 23 сентября 1855 г. из Стамбула в адрес Чарторьского. От имени тех, кто отозвался на патриотический призыв, они заявляли, что их обманули, что для них речь идет о «ежедневном пропитании», «физическом предупреждении нищеты». Писали они о необученных офицерских кадрах и отсутствии единой системы муштры, а также о том, что польских солдат, дезертировавших из царской армии, начальство подвергает «страшным телесным наказаниям», и многие уже «поумирали от батогов». Авторы мемориала констатировали, что, вступая в польский легион, они оказались в легионе турецком и получили приказ отправиться в Азию вместо обещанного похода к берегам Дуная и польским границам. Все это, подчеркивали они, является «моральными обоснованиями и истоками всеобщего недовольства, справедливых нареканий

и проклятий». Польские эмигранты утверждали, что «все испытания нуждой», «марши в осенней слякоти и грязи без одежды, почти голыми и босыми, без достаточного пропитания были способны самых стойких привести в отчаяние». Переход из-под Шумлы в Варну, говорилось в мемориале, — «это целая картина беды и нужды», так как шли без конской амуниции, а результатом стали сотни больных солдат и более ста выведенных из строя лошадей. «Судьба больных, — писали эмигранты, — страшная! Без аптеки, без ухода»; в Шумле «умерших хоронили без гробов, без рубах». В мемориале отмечалось, что люди не имеют хлеба по нескольку дней, получают «жалкое подобие каши» с «отвратительным жиром» и того очень мало; порции же ячменя для лошадей так малы, а сами они так худы, что амуниция им слишком велика, и «столь жалкий вид» заставляет солдат отдавать им свой последний кусок хлеба. «Солдат ропщет и громко говорит, что его обкрадывают», — подчеркивали авторы документа и заявляли: «он прав, ибо его обкрадывают на всем». «Печальные и горькие подробности столь многочисленны, что заняли бы многие тома», — писали они в заключение. Указывая на «неслыханное дезертирство», они предостерегали польских добровольцев от дальнейшего притока в «губительные для них шеренги»¹⁶⁰.

Правоту Централизации подтвердили и итоги Крымской войны, опровергшие расчеты как Отеля Ламбер, так и Парижского кружка (Польского коло). На мирной конференции в Париже вопрос о Польше даже не был поставлен победившими союзниками, Наполеон III ограничился лишь конфиденциальными переговорами с русскими дипломатами о смягчении режима в Королевстве Польском. Все это обострило расхождения внутри Польского демократического общества. Мерославский и Высоцкий еще перед войной утверждали, что Польское демократическое общество «было хорошо до 1848 г., но не теперь». Руководители же Централизации во время войны неодобрительно высказывались о Высоцком и Мерославском: «Не каждый, кто пользуется славой, ее заслуживает», — заявлял Я. Н. Яновский, называвший Мерославского «дезертиром из демократии». 9 ноября 1856 г. он обратился с открытым письмом к лионской секции ПДО, где подчеркивалось, что создание в Париже Польского коло является не результатом реорганизации Польского демократического общества, как это преподносилось деятелями Парижского кружка, а представляет собой раскол, образование «котерии». Он протестовал против статьи В. Мазуркевича, опубликованной в газете «Demokrata Polski», где Мерославский и Высоцкий оценивались как выдающиеся личности. В результате 10 декабря 1857 г. газета выступила со статьей «Здравый совет для Мерославского», после чего генерал лишился поддержки лионской секции. Руководители ПДО указывали на непонимание Мерославским демократических идей. Как писал В. Гельтман, генерал, хотя и был согласен с главной мыслью демократии, но лишь со временем мог «согласиться со всеми ее последствиями». Яновский же усматривал у него склонность к «коммунистическим теориям», которыми он «начал мутить чистую демократическую пропаганду», и «своими речами и поступками вредил себе и Обществу, за видимого главу которого его принимали в Польше с 1847 г.», то есть

со времени его активного участия в революционных событиях. Яновский подчеркивал, что созданию такого образа способствовал сам Мерославский, так как «был готов лить воду только на свою мельницу», на самом же деле он не получал от Централизации полномочий диктатора и «верховного вождя» в Познанском восстании. Подобная публичная полемика способствовала тому, что после войны раскол в ПДО и его ослабление, начавшиеся еще в 1840-е годы, уже явно обозначились: Парижское коло полностью обособилось и вышло из-под контроля Централизации, создав собственный Комитет в составе Л. Мерославского, Ю. Высоцкого, С. Эльжановского и Ю. Орденги. Его поддерживали К. Браницкий, С. Галензовский, К. Ружицкий и другие заметные фигуры как в эмиграции, так и в Польше. Попытки восстановить единство в Польском демократическом обществе закончились неудачей. З. Милковский, став членом Централизации, вел переговоры в Париже с Л. Мерославским, С. Эльжановским, Ю. Орденгой, В. Мазуркевичем, К. Борковским, Я. Ледуховским, С. Станевичем, Л. Зенковичем, а в Лондоне с А. Жабицким и Л. Булевским и даже выяснял позицию гмин ПДО в английской провинции, но в итоге был вынужден покинуть Лондон ни с чем: Централизация отвергла требование передать функции связи с Польшей Комитету «умеренной» демократии, как стали называть Коло. Называли его также и «дипломатической демократией», в частности, Милковский, вышедший из Централизации после неудачи переговоров, впоследствии писал: «Действия кружка приобрели дипломатическую окраску, и их опорой стали особы, с которыми демократия не должна соприкасаться»¹⁶¹.

2. Развитие в польской эмиграции теорий социального радикализма на рубеже 1850–1860-х годов. «Збур Братний» Ф. Завадзкого и «Люд польский». Революционная громада „Лондон”»

Централизация Польского демократического общества расходилась с Польским коло, в частности, и потому, что не принимала его социальных взглядов. Между тем внутри Общества возникали группы, приближавшиеся к социальным позициям громад Люда Польского. «Левое», радикальное крыло ПДО было представлено организацией «Збур братний» («Братское объединение»). Она возникла в Париже на базе батиньольской секции ПДО, созданной в 1856 г. Якубом Блажовским и Францишеком Завадзким. Последний в сентябре 1852 г. анонимно опубликовал брошюру «Что теперь делать?», где обосновал главную идею исторического процесса — линию борьбы равенства против привилегий, прогресса против реакции, революции против консерватизма и реакции. Завадзкий отвергал компромиссы, попытки объединить революцию и консерватизм путем «полумер, соглашательства и согласительства». Он считал, что народ готов начать и осуществить революцию как наиболее в ней заинтересованный. В революции он видел два последовательных этапа: «искоренение существующего зла» путем вооруженного восстания народных масс, а затем «создание добра»,

то есть нового социального строя. «Польский люд, — писал Завадзкий, — возьмется за осуществление только такой и никакой другой революции и либо не помыслит о восстании, либо восстанет ради завоевания своей независимости, таким образом определенной и обоснованной! Иного восстания, как только через люд и для люда, представить невозможно». «Римско-языческой» цивилизации, «плодами которой являются эгоизм, роскошь, разврат, рабство, невежество и нищета», а последствиями постоянные потрясения и войны, он противопоставлял цивилизацию «христианско-славянскую» — «гминовладность на основе братского кооперирования, равенства [...] или соотносительности потребностей и обязанностей с силами и способностями». Он требовал гарантировать каждому «право жить своим трудом», а для этого передать гминам недвижимую собственность «на условиях соответственного, полюбовного соглашения с прежними владельцами и отеческого попечения об удовлетворении потребностей своих членов». Программа создания независимой Польши предусматривала также отмену привилегий, обеспечение свободы вероисповедания, печати, собраний, осуществление всеобщего бесплатного и обязательного образования, выборность общественных должностей, всенародное утверждение законов, создание народной милиции. Всего этого, по мнению Завадзкого, можно было добиться лишь революционным путем — путем свержения существующего строя в результате восстания народных масс. Он считал необходимым «использование и направление всех сил народа на сокрушение врага — сильное и в руках немногих сосредоточенное правительство, энергичную власть, военную организацию до момента победы и неограниченную взаимную ответственность всех руководителей». Важнейшую цель Завадзкий видел в интернациональном объединении революционных народов в борьбе и в этой связи особое значение придавал революционному союзу с русскими, призывая их встать на «путь, указанный Пестелем и его достойными вечной памяти сподвижниками», так как мечтал о создании Славянских соединенных штатов на основе принципа равенства и братства славянских народов. Он утверждал, что объединение «славянских племен» в конфедерацию «соответствует законам природы, логико-этнографическому развитию и прогрессу человечества». Этот христианский социализм со славянским оттенком был утопией, тем более что в программе Завадзкого таилось внутреннее противоречие: делая акцент на крестьянские массы, отвергая компромиссы, признавая непримиримость реакции и революции, ее автор, тем не менее, не исключал шляхты из патриотического движения. Он хотел проведения революционной земельной реформы мирно и полюбовно, надеясь на ослабление классовых антагонизмов и сближение крестьянства и шляхты в общей национальной борьбе за независимость. Выступал он и против партийной борьбы в эмиграции и в этой связи обрушивался на Коло «умеренных» демократов как на «бледную, бесцветную, шляхетскую, национально-католическую Демократию». В отличие от них, он отказывался опираться на положения Манифеста ПДО 1836 г., считая их устаревшими, нуждающимися в пересмотре. Требуя перехода на «истинно революционные позиции», призывая «поднять чистое и незапятнанное знамя

правильно понятой и сформулированной Социальной Демократии», Завадский подчеркивал, что только такая реформа программы Польского демократического общества обеспечит ему сохранение роли «главного фактора польского крестьянского вопроса»¹⁶².

Разные группы эмиграции, в том числе Централизация, осуждали «Збур братний» Завадского за крайне радикальные позиции. Организация прекратила существование после смерти Завадского в феврале 1859 г., но ее социальная программа, как буржуазно-демократические постулаты, так и элементы уравнительного социализма, находили отклик в Польском демократическом обществе и за его пределами. Л. Савашкевич, Я. Крыньский и ряд других членов лондонской секции ПДО призывали руководство к возрождению организации Люда Польского. Их поддерживали бывшие участники распущенных Громад «Умань» и «Грудзёнж». По инициативе Крыньского возникло Общество польской эмиграции гминовладно-социальных принципов, избиравшее свой Верховный совет. На митинге 29 ноября 1855 г. сторонники этих принципов выступили с призывом изменить характер Крымской войны путем осуществления социальной революции в России, на польских землях и на других славянских территориях. Они создали в 1856 г. организацию «Люд Польский. Революционная громада „Лондон“», которая, возможно, имела и другие территориальные ячейки, так как находилась под руководством высшего исполнительного органа — Главного правления (Революционного комитета в составе ежегодно сменяемых семи членов). В разное время в Комитет входили Зенон Свентославский, Людвик Оборский, Ян Крыньский, Бартоломей Бенёвский, Ксаверий Фиевский, Генрик Абихт, Адам Барашкевич, Аполинарий Буховский, Миколай Козёлл. Многие из них были известны своими радикальными убеждениями и последовательной демократической позицией, связями с европейскими революционерами. Так, в частности, Оборский поддерживал контакт с немецкими демократами — К. Марксом, Ф. Энгельсом, К. Шаппером, майор Бенёвский был близок с английскими радикалами. Уважение эмигрантской массы вызывала жизненная позиция руководителей Комитета: они зарабатывали себе на хлеб собственным трудом, работая как врачами, переводчиками, так и сапожниками, плотниками, наборщиками, печатниками и т. п. В свою очередь, это способствовало укреплению их демократических убеждений и революционному настрою. Недаром ряд из них, как Абихт, заявляли о своей ненависти к шляхте или выступали с «грозными речами» против Отеля Ламбер, как, например, Крыньский, которого консерваторы называли «крайним демократом» и «ужасным извергом». В целом же деятели аристократической эмиграции презрительно отзывались о членах Громады как о «черни»¹⁶³.

27 февраля 1855 г. в открытом письме «Ко всей польской политической эмиграции», зачитанном на международном собрании в Лондоне от лица Яна Крыньского, Максимилиана Зелиньского, Конрада Домбровского, Валентья Черепиньского, Людвика Кордецкого, были провозглашены социалистические идеалы. «Люди, предпочитающие полумеры, и политические иезуиты, — говорилось

в этом воззвании, — стараются убедить нас, что социализм противен польскому духу, что он не отвечает времени, что он слишком туманен и неопределен [...]. Социализм в понимании Общества, представителями которого мы здесь являемся, это общность труда и его продуктов, а также разделение труда согласно физической силе и умственным способностям. Индивидуальный капитализм, по нашему мнению, влечет за собой алчность, эксплуатацию и обман, так как делит общество на рабов и господ, допускает грабеж и нищету. В обществе, организованном таким образом, будет существовать раболепство и братоубийство, бунт и неуверенность, палачи и жертвы, несмотря на демократическую форму правления и начертанные повсюду слова: “Свобода!”, “Равенство!”, “Братство!”. Мы осуждаем праздность как источник коррупции и безнравственности, эксплуатации и прислужничества, как снижение общечеловеческой и национальной бдительности. Только труду мы признаем право участвовать в общественных институтах [...]. Правом, обязательным для всех, мы считаем общественное просвещение, которое даст стране честных граждан, откроет широкое поле для научных исследований и явится для будущего сильной гарантией против подлости и угнетения. За основу нашего здания и за образец будущей социальной реформы мы принимаем Громаду как возвращение патриархальной жизни славян и предмет, отвечающий желаниям народа. [...] Доказательства этого мы находим на каждом шагу не только в обычаях народа, но и в [...] традиционной книге славянской истории. Да здравствует Польская демократическая и социальная республика! Да здравствуют Соединенные Штаты Европы, опирающиеся на демократические и социальные институты!»¹⁶⁴.

Одним из главных идеологов формировавшейся социалистической организации — Революционной громады был бывший основатель Громады «Умань» Зенон Свентославский, поддерживавший отношения с Завадским и его группой. Еще в 1854 г. на острове Джерси он издал книгу «Люд Польский в эмиграции», где наметил для Польши единственный путь — путь революции, призванной установить власть народа, на защиту которой встанет армия. Свентославский подчеркивал разницу между буржуазно-демократическими идеологами — «людьми полумер» и сторонниками гминовладства, выступавшими за социальное равенство. 24 июня 1856 г. он выступил с воззванием, где выдвинул проект создания тайных революционных громад для пропаганды «людовой идеологии» среди эмигрантов. Эта идеология, воспринятая консервативной эмиграцией как «литературное чудовище», нашла отражение и развитие в документах Громады, адресованных как эмиграции, так и «польскому люду на родной земле». Свентославского можно считать одним из основных авторов этих документов, в том числе недатированного воззвания, ставшего, по существу, учредительным манифестом новой организации, хотя ее полное официальное название «Люд Польский. Революционная громада „Лондон”» еще не было обозначено. Активное участие Свентославского в разработке программы Громады подтверждалось и тем, что в ней содержались положения, сближавшие ее с программой социалистов 1830–1840-х годов. Осуществление программы должно было произойти в недалеком будущем:

в воззваниях Громады от 25 сентября 1856 г. и 23 мая 1858 г. говорилось о скором народном восстании, которое уничтожит угнетение на всей земле¹⁶⁵.

Лозунги, касавшиеся общеевропейских и общечеловеческих ценностей, естественно вели Громаду «Лондон» к широкому объединению представителей народов. Таким объединением стало Международное общество, создание которого было провозглашено в феврале 1855 г. на интернациональном митинге в Лондоне и которое в известном смысле явилось конкурентом ЦК Европейской демократии, сотрудничавшего с Централизацией ПДО: мадзиниевским идеям буржуазного республиканизма здесь противопоставлялись социалистические идеалы и лозунги. Представители Громады «Лондон» вошли в Международное общество и заняли в нем руководящие позиции: Оборский, Свентославский, Крыньский, Абихт были членами его Центрального комитета, а Барашкевич казначеем. В типографии Свентославского, помещавшейся вместе с канцелярией Международного общества и редакцией его бюллетеня, печатались все документы Общества, в том числе и его «Статуты», подписанные польскими членами ЦК, а также А. Буховским и М. Козёллом. «Статуты» содержали требование «установления всеобщей демократической и социальной республики», «равенства как единственной истинной основы справедливости и счастья». Достичь этого предполагалось путем «всеобщей революции», объединения национальностей и провозглашения «истинного права собственности». Авторы «Статутов» заявляли о поддержке всех революционных движений, направленных на свержение существующих правительств, но подчеркивали, что Международное общество «не может и не хочет вступать ни в какие сношения с антисоциалистами». Международные связи Громады оказали большое влияние на развитие и укрепление ее социалистических взглядов. Поляки активно выступали против анархистов, которые развязали внутри Международного общества борьбу, что и привело в 1859 г. к его распаду. Однако налаженные Революционной громадой «Лондон» тесные контакты с международным революционным и социалистическим движением сохранились. Его представители присутствовали на собраниях и торжественных заседаниях Громады, ежегодно проводившихся 29 ноября, выступления там звучали на шести языках — польском, русском, немецком, французском, итальянском и английском. Громада поддерживала чартистское движение и установила дружеские отношения с другими демократическими объединениями в Англии. В собраниях Громады и в сборе средств для польских революционеров, по свидетельству В. И. Кельсиева, участвовали простые англичане и ирландцы из «низшего» класса, в том числе «прачки и кухарки»¹⁶⁶.

Главное направление своих усилий руководители Громады «Лондон» видели в работе среди поляков — эмигрантов и жителей польских земель. Основные положения, выдвинутые в открытом письме 27 февраля 1855 г., они развили в Манифесте, где призывали «коренным образом и до основания изменить существующий порядок вещей, основанный на лжи, несправедливости, угнетении и рабстве народа, и вместо него установить господство высшей правды и справедливости, полного равенства и искреннейшего братства между людьми

и народами». Чтобы освободить народ «от политического, религиозного и социального рабства», нужно было «уничтожить частную собственность и ввести общую», что обязывало «каждого трудиться в меру всех его сил и способностей с гарантией получить за этот труд удовлетворение всех его потребностей в соответствии с общественными возможностями». В Манифесте содержались требования уравнивания женщин в правах с мужчинами, общественного воспитания и обучения детей, обеспечения свободы слова, печати, собраний, а также отмены смертной казни (при этом оговаривалась необходимость ее сохранения в целях уничтожения врагов в период революции). Авторы документа призывали к борьбе за осуществление социалистических идеалов на всей земле, «пока весь род людской не станет единой семьей, организованной на основе [...] братства». «Для достижения этого, — заявляли они, — мы объединяемся в *Революционную* громаду, то есть в громаду *Действия*, в громаду *Восстания*». Что же касается конкретно Польши, то там, по мысли руководителей Громады, народная революция была призвана уничтожить как социальное, так и национальное угнетение. Поскольку это предполагало активное участие в борьбе «простого народа», Громада «Лондон» требовала в воззвании привлечь крестьян, передав им земли помещиков, что, по версии прусской полиции, давшей свое толкование Манифеста, означало: «дворяне будут уничтожены, а земли их разделены между местными жителями». Для осуществления этих целей предполагалось создание тайной революционной сети на всем пространстве бывшей Речи Посполитой, в том числе в Вильно и Киеве, так как украинские, белорусские и литовские земли руководство Громады считало неотъемлемой частью Польши. Будущую освобожденную страну оно видело в образе «широкой федерации» с «местной автономией каждой провинции». Вместе с тем соединение социальных и национальных целей в программе Громады обусловило известную непоследовательность и внутреннюю противоречивость ее позиции: обличая эгоизм шляхты и ее непатриотичное поведение, равнодушие к страданиям народа, «сон в гробовой тишине», авторы Манифеста в то же время стремились сделать ее одним из главных факторов борьбы за независимость Польши. Поэтому, укоряя в апатии помещиков, «по происхождению, по традиции, по положению, по необходимости обязанных стать лозунгом высочайшего общественного совершенства, знаменем всеобщего освобождения», Громада в воззвании 23 мая 1858 г. призывала их, как «дорогих братьев», «поддерживать славу» своего имени, не дать царизму опередить себя «в деле прогресса», имея в виду передачу земли крестьянам в собственность. «Не будьте позором своей отчизны, — заклинали авторы воззвания, — не срамите купленной дорогой ценой славы вашего имени!»¹⁶⁷.

В воззвании 23 мая 1858 г. была подчеркнута напряженность обстановки: «Наступит решительная, быть может, последняя для нашей родины минута. В любой день, час мы снова будем призваны к оружию. Общественный горизонт нахмурился вокруг нас, а из этих туч гремит гром, который объявит миру, является ли человек свободным или обречен на вечное рабство, должен ли он быть игрушкой интересов развращенного сердца царя, мертвым орудием

всеобщего угнетения и страдания или же виновником всеобщего освобождения, творцом всеобщей свободы». Громада требовала от жителей Польши ответа, готовы ли они выступить для осуществления своей славной миссии и поддержать честь предков. Чтобы не дать опередить себя царю, который «самой необходимостью вещей принужден помимо воли и сознания фатально идти по пути прогресса и свободы», Громада призывала объединить все силы в будущей борьбе и требовала от эмиграции, «распавшейся на борющиеся между собой группки, не имеющие ни единства, ни взаимного согласия, ни связи с краем, ни денег, ни силы», сплотить свои ряды, чтобы встретить революцию во всеоружии. Возлагая на эмиграцию задачу осуществлять внешние сношения, авторы воззвания, стремившиеся «опрокинуть все троны мира», предостерегали от надежд на помощь западной дипломатии, в том числе от веры в поддержку Франции, указывая, что поляки могут стать «орудием в руках союзника царя или какого-нибудь нового Ламартина», «жертвой двуличных предателей», которые привлекут польских патриотов «лживыми обещаниями и продадут королям или султанам на гайдуцкую службу». Это обращение Революционной громады «Лондон» с призывом к сплочению было услышано в эмиграции, его одобрил орган ПДО «Demokrata Polski»¹⁶⁸.

Голос Громады доходил и до Польши: прокламация от 23 апреля 1859 г. распространялась в Белостокском уезде Королевства Польского, а воззвание 23 мая 1858 г. получило распространение на Познанщине не без помощи полиции, которая с провокационными целями рассылала его представителям польской общественности. Великое княжество Познанское стало основным адресом агитации Громады. Через Оборского с Познанью была установлена постоянная связь, Громада направила письма ряду влиятельных познанских деятелей, предлагая принять участие в съезде для переговоров о тайной революционной деятельности. Такой съезд состоялся в начале августа 1858 г. в Быдгоще, на нем присутствовали Аполинарий Куровский, Константин Садовский, Александер Гуттри, Ведельштедт и один из сыновей Оборского. С рукописью, излагавшей «кредо» Громады, ознакомились Либельт и Гуттри. Последний отрицательно отнесся к революционным идеям программы, предлагавшей осуществить восстание «одновременно во всех пунктах страны по единодушному соглашению с жителями Галиции, Кракова, Украины, а также с русинами». Руководители Громады полагали, что польское восстание «послужит знаком к всеобщему восстанию всех угнетенных народов» и будет создан «теснейший союз» прежде всего с итальянцами, а также с русскими и немцами. Последнее было не случайным, так как они считали народные массы государств-захватчиков Польши одним из ее главных союзников. Поэтому, видя в итальянцах, венграх, чехах и других народах, находившихся под игом Габсбургов, безусловных союзников, они также рассчитывали на революционное сотрудничество с братским русским народом, угнетенным царизмом. В то же время, выступая за объединение славян, руководители Революционной громады подчеркивали, что эти стремления не направлены против германских народов, а, напротив, ведут к их освобождению. Задача польских

повстанцев, говорилось в прокламациях Громады, состоит в том, чтобы «опрокинуть троны», замышляющие заговор против Польши, а «после изгнания врага из своей страны» «отправиться на край света, чтобы сбросить всех монархов [...] и утвердить свободу на месте прежнего рабства». Подчеркивая значение союза Польши с другими народами для успеха восстания, руководители Громады предостерегали от ошибок 1848 г., когда поляки «действовали только под влиянием исключительно национального чувства, презирая другие народы»¹⁶⁹.

Такова была программа, развернутая перед патриотами в Познани. Но первая прокламация, посланная туда, не имела антишляхетской направленности, ограничивалась критикой шляхты и адресованным ей требованием «не быть позором своей страны», «не срамить» славы своего имени и исполнить свой долг, добровольно пойдя на уступки крестьянам: «дворянство должно соединиться с людом и отказаться от своих привилегий». Крестьян же убеждали забыть старые обиды, воспользоваться опытом шляхты и действовать в согласии с ней: «порвем все наши прежние счета и начнем их заново честно и по-братски». Апрельская программа 1859 г. содержала уже социальные акценты, в частности, требование отмены частной собственности, в том числе на землю: «Городской и сельский люд, — говорилось в этом документе, — восстав, берет власть в свои руки, уничтожает господство человека над человеком, провозглашает города, села, хозяйства, землю, дома, промышленные предприятия, мастерские, магазины (склады. — *С. Ф.*), инвентарь и всякую движимую и недвижимую собственность, находящуюся сейчас в руках отдельных людей, общей собственностью всего народа, а в дальнейшем [...] общечеловеческой собственностью». С началом восстания должны были быть отменены все повинности, «унижающие человеческое достоинство», предполагалось, что каждый «станет слугой народа, будет выполнять работу, к которой народ признает его способным, и будет получать равное со всеми вознаграждение». Предусматривалось осуществление революционной диктатуры, создание революционного правительства, наподобие французского Конвента, применение смертной казни за предательство и сопротивление революции. Намечался и план действий в восстании: всех граждан призывали по сигналу руководителей заговора подняться на борьбу за установление Польской республики. Ее основой должны были стать местные органы власти, избираемые в гминах, округах, воеводствах. Предполагалось, что округ объединил бы 10–20 деревень, а крупные воеводские центры управляли бы 20–50 округами. Всеми делами государства должна была весть столица — самый большой и удобно расположенный национальный центр. Каждая гмина сама бы избирала Управительный совет, который назначал бы каждому гражданину работу по специальности и по его способностям. Выборными должны были стать и другие местные советы — окружные и воеводские. Они имели бы совещательные функции, и из них члены Центрального национального правительства формировали бы местную власть, чья деятельность подлежала обсуждению на общих собраниях гмин, округов, воеводств. Право формирования Центрального национального правительства из семи членов предоставлялось руководству восстания. Объявлялось

о смещении всех «бывших» — чиновников, священников, судей, адвокатов, нотариусов и т. п., эти должности становились выборными, либо назначение на них осуществлялось местными органами власти. Руководство Революционной громады «Лондон» рассчитывало реализовать этот план в Польше, которая стала бы первопроходцем, так как в дальнейшем предполагалось создание «Славянской республики, составленной из воеводств литовских, польских, русских (то есть украинских. — С. Ф.), московских (то есть русских. — С. Ф.), чешских, богемских, краковских и так далее». Конечной же целью должно было стать «освобождение всего человечества» и образование всеобщей республики с выборным правительством из людей разной национальности и польским языком в качестве языка общения¹⁷⁰.

Хотя эта программа носила утопический характер, ее радикализм, прежде всего социальный, не способствовал развитию контактов Громады с влиятельными политическими деятелями Великого княжества Познанского. А. Гуттри вспоминал впоследствии, что «был возмущен претензиями людей, настолько незрелых политически, так безгранично легкомысленных и, несмотря на это, рвущихся руководить делом и судьбами наций». В «чудовищной» программе Громады он увидел «непонятный хаос понятий и рассуждений», «творение, наскоро слепленное из разнороднейших социальных и политических теорий». Его возмутило, что вместо «ясного представления о нуждах нации и о том, что должно составлять ее главную силу, — о необходимости единства социальных слоев нации», авторы программы поставили «единственную задачу обострять и расширять ненависть одних против других», «вызвать раздвоение, которое непосредственно повлекло бы за собою ослабление нации, чего так желали наши враги». Эта оценка показывала, что «недоношенный плод незрелых голов» способен был лишь испугать польские имущие классы и не мог найти поддержку в кругах познанских политиков, которые к тому же считали планы Громады нереальными. В результате связь с Лондоном перехватил президент познанской полиции Э. Береншпрунг, и в дальнейшем вся переписка Громады шла уже с мифическим «Познанским комитетом» под полным контролем полицейских властей. За период с 13 августа 1858 г. по 23 апреля 1860 г. Береншпрунг организовал посылку Громаде 24 писем и денег, якобы собранных польскими патриотами. Он сообщал о будто бы существующих повстанческих настроениях и планах познанских «заговорщиков», о легкости взятия познанской цитадели, о благоприятных условиях для восстания и, в свою очередь, просил о доставке оружия и рецептов для изготовления бомб, интересовался планами и деятельностью как самой Громады, так и всей польской эмиграции, ее связями с европейскими правительствами, настроениями европейской общественности. Отвечая на расспросы Береншпрунга, руководство Громады предупреждало «Познанский комитет» о враждебности держав польскому делу, призывало рассчитывать на свои силы и союз с угнетенными народами, которые сбросят ярмо, «взявшись за руки». Вдохновительницей этого союза должна была стать Польша, получившая от Бога «силу преобразовать мир, чтобы земля была раем, а не адом». Сообщался и конкретный план

восстания в Польше, вероятно, разработанный полковником Л. Оборским: одновременный взрыв борьбы в Варшаве, Познани, Кракове, Львове, Киеве, Вильно, захват arsenалов, разоружение гарнизонов, а затем ведение изматывающей врага партизанской войны. Планировалось вооружить 100–200 тыс. человек, создав регулярную армию из польских солдат армий государств, разделивших Польшу, и обученных военному делу участников подпольных организаций. Оружие собирались отбить у врага, а также подготовить пики и косы, так как считалось, что существенную роль в предстоящих боях должна будет сыграть конница. Намечался также созыв «посполитого рушения», что означало участие в борьбе крестьянства. О необходимости привлечения последнего на сторону восстания лондонские социалисты напоминали «Познанскому комитету» в каждом письме¹⁷¹.

В переписке с Береншпрунгом Громада развивала и свои идеи о собственности, но задача привлечения шляхты и осознание необходимости классового согласия для борьбы заставляли ее руководителей приглушать социальные моменты в своей пропаганде. К тому же сказывалось влияние Мадзини, с которым Громада поддерживала контакт и который предупреждал: «Никакой войны класса против класса, [...] взаимные уступки, чтобы движение не раскололось». Поэтому мысль о том, что шляхта должна отказаться от своих «устаревших» привилегий и «соединиться с народом», звучала в документах постоянно. В воззвании 1 октября 1858 г. говорилось о том, чтобы «склонить» помещиков Познани и Галиции «к уступке известной части их земель тем из поляков, служащих в прусской и австрийской армиях, которые примут участие в борьбе за свободу». Панам предлагалось даже подписывать специальную форму обязательства передать в собственность солдатам по 10 моргов и унтер-офицерам по 15 моргов земли. Правда, в документе была оговорка о том, что подпись может не понадобиться и «в свое время» землю можно будет получить и «без просьбы». И хотя в целом руководители Громады старались не обострять социальный вопрос, в их воззваниях он, тем не менее, возникал. В Манифесте, датированном маем 1859 г., поляков призывали готовиться к решающему моменту, рассчитывая лишь на собственные силы, не доверять изменникам-аристократам, стремящимся обмануть бдительность народа, не надеяться на помощь Наполеона III — «убийцы, лжеца и преступника», на руках которого еще «не обсохла кровь Римской республики», не «прельщаться лживыми обещаниями» царского правительства. «Добрый царь, — говорилось в Манифесте, — похитив все твои земли, погубив отцов и предков твоих, наложив иго на тебя, несчастное творение, обещает теперь тебе [...] подарить кусок твоей же собственной земли, как будто она и так вся не принадлежит тебе [...]. Польша принадлежит ей самой, и Бог никому не давал земли в исключительное владение, а предоставил ее для общей пользы рода человеческого. Вся деревня тебе принадлежит, и ты, кроме обязанности в отношении отечества, никому не должен ничего за нее: все плоды и богатства составляют твою принадлежность [...]. Отвергни же с презрением обещанный дар, а возьми то, что тебе принадлежит, и так устройся, так раздели свою работу, чтобы ты приобрел ее как можно более богатств, чтобы никто не был обижен и чтобы ты никогда

не видал бедного без куска хлеба». Здесь проводилась все та же мысль о социалистической собственности, хотя открыто этот лозунг не провозглашался. Более того, руководство Громады опасалось классовой борьбы и предостерегало против нее, против междоусобицы внутри нации, которую могли бы использовать враги Польши, как это случилось в Умани и Тарнове. Однако в другом документе, касавшемся «Познанского комитета», о необходимости установления социалистической собственности говорилось четко. Это было письмо Оборского от 3 июня 1859 г. кому-то из эмигрантов (возможно, Мерославскому), где он сообщал о рекомендациях, посланных в Познань. Относительно частной собственности на землю, воды, фабрики, мастерские Оборский выражал уверенность, что «все это не будет, как сегодня, в руках Замоиских». «Наше мнение таково: — писал он, — собственность на несколько арпанов земли, данной крестьянину, будет совершенно бесполезна для страны, такой раздел только разорит ее; напротив, когда будут обрабатывать и засеивать коммунальную землю, разделенную на 3 или 4 поля, продукция будет более обильной, казна богаче, и каждый индивидуум получит больше за ту же работу. Подобное соображение относится и к мануфактурам и мастерским»¹⁷².

В переписке с Береншпрунгом затрагивался вопрос и о революционном сотрудничестве народов в борьбе против европейской реакции. В одном из циркуляров Громады, посланных в Познань в 1859 г., подчеркивалась необходимость союза всех угнетенных народов и намечались конкретные формы сотрудничества. «Концентрированная мощь врага, — говорилось там, — требует, чтобы мы также сформировали сильную и опытную в военном отношении армию, которая, опираясь на всеобщее восстание, могла бы сокрушить врага в нашей собственной стране и опрокинуть троны, замышляющие заговор против нас. Но священная любовь к отчизне, к человечеству и справедливости должна быть условием, под которым мы только сможем призвать добровольцев и под которым мы дадим им священный сан рыцарей и героев свободы. Кто бы ни пожелал вступить в армию независимости, должен принести следующую присягу: 1) что он никогда не сложит оружие, не покинет поле битвы; 2) что после изгнания врага из своей страны он готов отправиться на край света, чтобы сбросить всех монархов, которые ему будут указаны, не принимая во внимание никакие трудности и никакие препятствия, и утвердить свободу на месте прежнего рабства; 3) что он ничему и никому не позволит заставить себя употребить против народа то оружие, которое дано ему для защиты народа». Выдвигая лозунг свержения европейской тирании, руководители Громады прежде всего рассчитывали на революцию во Франции и Италии. Поддерживая связи с революционными деятелями этих стран, они пытались также установить контакт с Чехией и Моравией, так как мечтали о революционном союзе славянства. И хотя их замыслы не имели шансов на практическое осуществление и ограничивались лишь поддержанием сношений с европейскими революционерами, важно было само провозглашение идей революционного сотрудничества, международного братства и солидарности народов, имевшее большое агитационное значение¹⁷³.

Таким образом, при всей противоречивости и непоследовательности своей программы Революционная громада «Лондон» выступала с позиций, наиболее далеко продвинутых в плане социальном и революционном. Но эта крайне «левая» эмигрантская организация являлась немногочисленной и слабой, не имела прочной поддержки в эмиграции, была оторвана от Польши, не ориентировалась в сложившейся там ситуации. Такая сектантская позиция обусловила как наивность ее планов, так и сам факт превращения ее в жертву полицейской провокации. Береншпрунг стремился заманить эмигрантов в Познань, обещая переправить их в Венгрию в качестве офицеров, он неоднократно предлагал прислать паспорта для эмиссаров Громады. В результате в Познань был направлен Якуб Маевский. Под именем Альгемона Ревита он вел переговоры с рядом лиц в Познани, рекомендованных ему парижским эмигрантом Марцинкевичем в качестве бывших участников революционного движения. В беседах он резко критиковал тунеядство и эгоизм шляхты и духовенства, обличал социальные язвы, клеймил богачей-эксплуататоров и стремился выяснить настроения крестьянства. Он не нашел поддержки у собеседников, которые боялись провокации и оказались правы. Полиция следила за каждым шагом Маевского, и через шесть дней он был арестован. Его арест ознаменовал и конец полицейской интриги, и крах Революционной громады «Лондон». Познанский политик Владислав Неголевский, ранее заподозривший провокацию, трижды писал об этом Громаде в Лондон, но ее руководители не хотели верить в свою ошибку и лишь после долгой переписки передали посланцу Неголевского Хойнацкому письма, полученные ими от «Познанского комитета». На основании этих документов Неголевский в 1860 г. выступил в прусском ландтаге с интерpellацией, разоблачив интригу Береншпрунга. Оглашение ее подробностей вызвало шум негодования против Громады как среди поляков в Познани, так и в среде эмиграции, причем против нее выступила не только консервативная пресса, писавшая о «легкомысленной легковерности» этой «черни». Гуттри также упрекал в «кичливости, высокомерии и легкомысленной легковерности» организацию лондонских социалистов, ставшую «игрушкой подлой интриги полицейских чиновников Познани» и «так безрассудно и ненужно» подвергшую познанских патриотов «преследованиям прусского правительства». Ему вторил орган Польского коло «Przegląd rzeczy polskich»: «Мы меньше удивляемся мерзкому поведению прусского правительства, чем преступному легковерию тех нескольких эмигрантов, которые, принимая название революционного союза, поступают так, как будто нарочно хотят скомпрометировать святые имена, которыми украшают свои претензии». Централизация Польского демократического общества поспешила отмежеваться от Громады, заявив, что «не имела и не имеет ничего общего с так называемым “Правлением революционной гмины” в Лондоне». Орган ПДО «Demokrata Polski» отмечал «позорную и унижительную роль» Громады в полицейской провокации и подчеркивал, что виной всему ее незрелые социалистические доктрины. Газета обвиняла Громаду в том, что она «хвталась за чужие социалистические идеи» и «в своем фанатизме предпочла скорее дать себя обмануть прусской полицией, чем объединиться

с Польским демократическим обществом». «Мы [...] предъявляем иск гмине перед судом общественного мнения эмиграции, — заявляла газета. — [...] Перед вынесением приговора мы ждем защиты. Пусть гмина не оставляет в секрете своих сношений. Что не было тайной для прусской полиции, то не может быть скрыто от эмиграции. Пусть гмина не думает больше о будущем, ибо ее миссия окончена, а старается оправдаться в своем прошлом, чтобы история не сочла изменой то, что, возможно, было предпринято в горячке действия на свой страх и риск, задумано в ослеплении узкого и ограниченного высокомерия и проводилось с непростительным, но не преступным легкомыслием». Однако Громада и не пыталась оправдаться. Ее положение стало очень тяжелым, члены ее не смели появляться в эмигрантском обществе. В 1861 г. Свентославский, вынужденный после разорения закрыть типографию, уехал на остров Джерси, тогда же выехал на континент и Абихт. Громада, хотя и не прекратила формально своего существования, но лишилась тем самым наиболее энергичных и деятельных членов. Оказавшись в таком положении накануне революционных событий в Польше, организация не смогла сыграть роли в будущей повстанческой борьбе. Не оказали влияния на революционное движение 1860-х годов и те идеи, которые несла Революционная громада «Лондон»¹⁷⁴.

3. Польское демократическое общество: постановка социальных и национальных задач; отношение к русско-польскому революционному союзу. «Умеренное» Польское коло и позиция Л. Мерославского

В конце 50-х — начале 60-х годов XIX в. общее состояние польской эмиграции было не самым лучшим: сказывались как жизненные невзгоды и лишения, так и разочарования, вызванные неудачей попыток освободить Польшу из-под чужой власти. Все это способствовало упадку духа у части эмигрантов, отходу их от активной политической жизни, «от всякого участия [...] в польских стремлениях»; эмиграция, хотя все еще многочисленная, «таяла с каждым днем». Такое состояние было отмечено современниками: об этом писал, в частности, Я. Кужина в 1859 г., а позже зафиксировали В. Мицкевич в «Воспоминаниях» и другие свидетели. Отметил это и М. А. Бакунин в письме Ю. Цверцякевичу 18 октября 1862 г.: «Эмиграция бедна, устала от лишений и бедности, и потому многие в ней, сами того не замечая, стали склонными к *compromis de conscience*»¹⁷⁵.

Не в лучшей форме находилось и Польское демократическое общество: с конца 1840-х годов его ряды покидали эмигранты. Исход Крымской войны и неудача попыток вызвать восстание на польских землях значительно ослабили Централизацию. Ее контакты с Польшей были ограничены, она потеряла ряд своих связей, в частности, в 1856 г. потерпела провал революционная агитация Ю. Госляра в Галиции. В результате падения авторитета Польского демократического общества в эмиграции в его рядах возник разброд, вызванный разочарованием. После смерти С. Ворцелля в 1857 г. усилился процесс внутреннего размежевания

в ПДО, оно оказалось разделено на множество группок, и Централизация имела с ними связь постольку, поскольку пыталась собирать с них отчеты и взносы. Снижалась численность Общества: по данным царской агентуры, в 1856 г. насчитывалось всего 143 активных члена ПДО, на которых могла рассчитывать Централизация. И не случайно в 1858 г. Нантская секция ПДО выступила с проектом очистить Общество от «мертвых душ». В итоге, если в 1858 г. число его членов составляло тысячу человек, то к началу 1860 г. оно не превышало трехсот. Об «отчаянном положении» эмигрантов-демократов в Англии и Франции (в последней секции ПДО были запрещены) сообщали и царские агенты. Чтобы скрыть отсутствие внутреннего единства в Обществе, его руководство избегало дискуссий по острым вопросам польской действительности, и, по словам З. Милковского, в этом отношении «царила тишина». О том, что деятельность Централизации «была направлена больше во вне, чем на польские проблемы», свидетельствовал и А. Гиллер, писавший о «демократическом консерватизме» ПДО. Действительно, Централизация больше внимания уделяла внешним международным контактам, в частности, поддерживала связь с Д. Мадзини, а также с А. И. Герценом и его «Колоколом». Контакт Централизации с Герценом установился еще в 1853 г., когда польские демократы активно помогали в публикации русских революционных изданий, а затем и в организации русской типографии. Но к концу 1850-х годов в деятельности ПДО, по словам З. Милковского, все больше давало себя чувствовать «что-то вроде неповоротливости и усталости»; Общество держалось и функционировало, «но скорее по привычке, нежели из убеждения в собственной полезности». Это отражалось и на его печатном органе — газете «Demokrata Polski», издание которой теперь стало центральным пунктом деятельности ПДО. Но распространение газеты было крайне ограниченным, она расходилась плохо, и одну из причин этого Герцен видел как раз в том, что «публикации больше занимают *общими*, нежели настоящими вопросами своего края». Это мнение находило поддержку и в высказываниях Милковского о «чертах теоретической оторванности, профессорского назидания» в статьях газеты. А В. Мицкевич прямо говорил о ее «сектантском доктринерстве». Эти черты, во многом объяснявшиеся отрывом Централизации от родины и незнанием произошедших там перемен, обусловили ее выступление с неизменными лозунгами. «Путь наш определен, — говорилось в ее циркуляре 15 октября 1858 г., — целью его является независимость Польши, путеводной звездой — демократические принципы, средством — добрая воля [...] нужно укрепить наши силы и расширить деятельность, проводя ее всеми средствами: словом, пером, делом — в стране и за границей и доводя ее сдвоенным боевым шагом до решительного вооруженного разговора о Польше». Единственную «гарантию национального освобождения» авторы циркуляра видели в восстании: «Восстать, — писали они, — непременно восстать, восставать постоянно, пока восстание не увенчается успехом»¹⁷⁶.

Путь восстания руководство Польского демократического общества противопоставляло надеждам на восстановление Польши при помощи западных

держав. Видя в таких надеждах причину прежних неудач поляков в освободительной борьбе, газета «Demokrata Polski» едко высмеивала политиков Отеля Ламбер, игравших во время Крымской войны жалкую роль по отношению к державам Запада. Изгнанные из Франции Наполеоном III, демократы на страницах своей печати сурово осуждали факт обращения генерала Рыбиньского в 1859 г. с адресом к французскому императору, а Людвик Булевский в речи 29 ноября 1859 г. призвал поляков надеяться не на троны Европы, а только на себя. Централизация заявила о решимости «собрать, сконцентрировать и нацелить свои силы, чтобы помочь народу уверовать в возможность самостоятельного участия в развитии европейских событий». Себя она считала единственной партией, способной противостоять «сомнению и панике», единственно возможной руководительницей народа на пути к восстанию: «Одно лишь Демократическое общество, — говорилось в циркуляре Централизации от 28 июня 1858 г., — веря, что Бог только тому помогает, кто сам себе помогает, и что исторические события всегда были и будут плодом человеческих усилий и никогда не рождались сами, видит необходимость и обязанность заполнения исторической пустоты развитием собственных сил и жертв». Ставилась задача согреть пульс польской жизни «теплом своей непоколебимой веры в будущее народов и пробудить к ощущению мощи национальных сил». Демократическое общество должно было «заранее так организовать, чтобы при наступлении исторической минуты его голос, указывающий самое правильное направление [...], не остался бы гласом вопиющего в пустыне, но был слышен на всех народных собраниях, и умы, разгоряченные революционным толчком, подхватил и направил бы на единственно спасительный путь вооруженного восстания». Для этого Централизация призывала всех «единоверцев» «сплотиться», «действовать совместно», «простив друг другу взаимные обиды», «в едином демократическом центре сосредоточить все достоинства и таланты, обращая их на пользу польскому делу». Этот призыв исполнять свои демократические обязанности, повторенный и в циркуляре 15 октября 1859 г., был обращен как к эмигрантам, признающим демократические принципы, так и к тем, кто разделял эти взгляды в Польше¹⁷⁷.

Однако Польское демократическое общество не имело связей с родиной, и Централизация не могла опереться на революционные силы в Польше, поэтому ее призывы зачастую были обращены в пустоту. Собственно, единственно возможной для нее оставалась агитационная и пропагандистская роль, практической же работой эта агитация не подкреплялась. Уклон в рассмотрение теоретических проблем повстанческой борьбы обнаруживали публикации в газете «Demokrata Polski». Так, В. Гельтман выступил со специальной статьей, посвященной значению конспиративной организации. Ссылаясь на факты польской истории, он утверждал, что заговоры и тайные союзы составляют ее характерный и органичный элемент. По мнению Гельтмана, «там, где только есть угнетение и нет общественной трибуны», нет гражданских свобод, «там тайные заговоры также необходимы, хотя бы нация и не была еще готова к вооруженному восстанию»; «святой обязанностью людей, пользующихся каким-либо влиянием

на массы, является взять на себя организацию революционных элементов и дать им соответствующее направление». Нужно, подчеркивал Гельтман, готовить их к действию, «укреплять дух, усиливать веру, устранять препятствия, предостерегать от опасности, [...] а когда все созреет, когда вся нация почувствует в себе силу или появятся какие-либо благоприятные обстоятельства, внезапно распространить заговор, предназначенный теперь уже не для подготовки, а для того, чтобы вызвать само движение». Полемизируя с органом Чарторыхских, обсуждавшим сравнительное значение агитации и конспиративной деятельности, газета «Demokrata Polski» писала 25 ноября 1859 г., что необходимы оба пути борьбы: агитация должна подготовить организацию для борьбы, сформировать общественное мнение, пробудить в обществе национальные чувства, сблизить различные его слои, а значит, подготовить условия для конспиративной работы, так как открыто подготовить вооруженное восстание невозможно. Автор статьи делал вывод: «Каждый, кто любит Польшу, заговорщик. Кто не заговорщик, тот плохой поляк». В этой связи газета обрушивалась на партию Чарторыхских — «котерию, которая имеет в виду исключительно процветание своей фамилии» и которая потому так ненавидит эпоху конспирации, что отметила ее своими предательскими деяниями. Газета клеймила позором тех эмигрантов, кто принял царскую амнистию, заявляя, что «полякам надлежит говорить с царем лишь на поле боя». Протест демократов против амнистии был опубликован еще 6 июня 1856 г.: они заявляли, что «непреклонно верят в воскресение своей родины», а потому «перед лицом Отчизны и цивилизованного мира» отвергают амнистию и «возвратятся на родную землю только тогда, когда Польша будет свободной и независимой». Те же мысли высказал в речи на торжестве 29 ноября 1859 г. Л. Булевский. Призвав поляков ежеминутно быть готовыми к восстанию, он подчеркнул, что уступки царизма нужно использовать лишь для того, чтобы быстрее подготовить силы народа к борьбе и вырвать свободу¹⁷⁸.

Вопрос о восстании и возрождении Польши был связан со многими другими проблемами и, в первую очередь, с вопросом о будущем облике этого возрожденного государства. Газета «Demokrata Polski» считала, что возрождение Польши не должно стать механическим оживлением умершего организма, оно не «может быть ничем иным, как только изменением, возрождением, преобразованием», согласно общим законам прогрессивного развития. Централизация видела будущую Польшу идеальным государством демократии, считая, что выдвижение демократических идеалов станет для поляков стимулом к борьбе. «Нашей целью, — заявлял ее орган «Demokrata Polski», — не является и не может быть ни господство горстки шляхты над огромным большинством нации, ни господство меньшинства католиков над большинством иноверцев [...], Все будут равны в политическом, гражданском и религиозном отношении». Такое утверждение принципов всеобщего равенства, отмены всяких привилегий и ограничений означало признание республиканской формы правления единственно возможной и подчеркивало необходимость борьбы против монархической идеи, против роялизма. Руководители Польского демократического общества доказывали,

что форма временной, выборной и ответственной власти всегда была характерна для Польши в прошлом. Апеллируя к истории, они указывали и на то, что вмешательство католической церкви в дела государства, политика иезуитов стали «одной из главных причин упадка Польши». Поэтому, считая «всякую религию, оживленную духом любви и справедливости, [...] не только согласной со своими принципами, но и весьма полезной для их осуществления», они в то же время выступали против привилегированного положения одной религии, против религиозной нетерпимости и фанатизма, против светской власти папы, лишаящей религию ее духовного характера, и призывали к борьбе против ультрамонтанства, идеи которого активно распространяла группа сторонников Отеля Ламбер. Газета «Demokrata Polski» возмущенно писала: «Разве папа, пока он по-николаевски угнетает три миллиона итальянцев и тем самым нарушает святые предписания Евангелия, первым апостолом которого он должен быть, может заслужить почет и сочувствие со стороны поляков?». Газета призывала дать отпор ультрамонтанской агитации и попыткам организовать сбор подписей под адресом в поддержку папы¹⁷⁹.

Одну из главных причин неудачи борьбы за независимость Польши демократы видели в неразрешенности крестьянского вопроса. Об этом писал Гельтман, анализируя опыт восстания 1848 г. в Галиции: он считал, что спасти галицийское восстание могла только «немедленная, добровольная, безусловная ликвидация барщины» — акт, который «нейтрализовал бы враждебность крестьянства», сделал бы его участником борьбы и обеспечил его участие в революционном правительстве. Поэтому именно с разрешением крестьянского вопроса как «одной из наиболее жизненных проблем» Польское демократическое общество связывало «основную надежду на восстановление Польши из упадка», как об этом было заявлено в циркуляре Централизации 29 июня 1858 г. и подчеркнуто на страницах ее печатного органа: «Независимость нации и свобода народа — одно и то же». Провозглашался лозунг: «Через равенство, свободу и братство польского народа — независимость всей отчизны!». Одним из аргументов демократической эмиграции при утверждении принципов «равенства и братства» было обращение к прошлому, но, анализируя польскую историю, она ее идеализировала: Гельтман вслед за Лелевелем доказывал, что феодализм в Польше представлял собой «наносное явление», привнесенное с Запада. «Еще века назад, — говорил он в речи на похоронах Лелевеля в 1861 г., — мнимая христианская цивилизация Западной Европы отравила ядом эгоизма наше общество [...], дети одной матери порвали соединявшие их узы гражданского братства, разделились на классы». По его утверждению, «этот несчастный разрыв, вызванный чуждым духом, перенесенный из края, где рабство существовало вечно, в страну, где его никогда не было, явился главным источником слабости» Польского государства и привел его к гибели. Газета «Demokrata Polski» отмечала, что «зависимость крестьян составляет [...] основу раздвоения [...] польского общества», и требовала ее уничтожения. Как и прежде, Польское демократическое общество выдвигало программу освобождения крестьян и наделения их землей в собственность, однако

праволиберальное крыло ПДО намечало осуществить это не революционным путем, в момент национального восстания, а после его победы, в виде акта «благоденствия» со стороны помещиков. Лелевель рассчитывал, что помещики используют те возможности, которые открывали перед ними реформы, проводившиеся в это время царским правительством, и решат крестьянский вопрос, выступив в роли «благодетелей». При этом он предусматривал передачу земли крестьянам не обязательно безвозмездно, а в форме выкупа или очиншевания, сам же процесс регулирования отношений между крестьянской гминой и панами отдавал в руки избираемой на сеймике шляхетской комиссии. Что касается Гельтмана, то он выступал за бесплатную отмену барщины, но также надеялся на «сознательность» шляхты, которая должна «пробудить в себе глубокое убеждение, что [...] нет никакого различия между ней и крестьянином [...], что всем жителям страны [...] принадлежат в равной мере все блага общественной жизни, что угнетение народа представляет собой смертный грех ее предков», повлекший за собой кару — «политическое рабство». Демократы опасались, что царское правительство может провести в Королевстве Польском крестьянскую реформу, опередив шляхту, и это создаст еще более глубокий разрыв между классами польского общества, станет «костью раздора», брошенной для их разъединения. «Если адский замысел разъединения нас на две части будет приведен в исполнение, если наш народ будет видеть в царе своего благодетеля, а в шляхте врага, — писал Гельтман, — то никакое восстание, даже поддержанное иностранной помощью, не вернет нам родины». Обострение отношений могло вызвать революционное выступление крестьян против панов, и это страшило Централизацию. Поэтому она приветствовала шаги помещичьего Земледельческого общества в Королевстве Польском, направленные на сближение с крестьянством. Газета «Demokrata Polski» растроганно описывала сельские праздники, которые проводило Земледельческое общество, организованные помещиками и ксёндзами сцены «братания» с народом. «Это были, действительно, сцены единения шляхты с крестьянством, — писала газета. — Рассматривая согласие деревни с фольварком как якорь спасения родины, помещика и ксёндза как естественных посредников между Польшей и сельским людом, мы могли только утешаться, когда [...] видели польскую шляхту проникнутой потребностью привлечь к себе польское крестьянство, признающей за ним право, думающей о наделении его землей в собственности, ставящей целью своих трудов подъем условий его существования, просвещения и обычаев; польских ксёндзов — выступающими с пальмовой ветвью мира между враждующими классами и горячо заклинающими их побрататься, а сельский люд — великодушно прощающим прошлые несправедливости и верящим в искренность нынешних стараний о его будущем благе». В соответствии с этими словами газета одобряла также поведение украинских крестьян, которые во время бунта 1855 г. якобы «протягивали шляхте братскую руку»¹⁸⁰.

На себя Польское демократическое общество возлагало миссию «посредника и арбитра», которому могут поверить и крестьяне, и шляхта; оно объявляло свое знамя «знаком сбора всех отрядов». Централизация увещевала помещиков,

убеждая их не медлить с разрешением крестьянского вопроса. Она боялась, что шляхта, «лишенная света свободной политической дискуссии», принизит крестьянский вопрос, который является «великой национальной проблемой», «закрывающей в себе возрождение польского общества», до уровня рядового вопроса о фольварке, решаемого в рамках повета или губернии. «Шляхта слепа, недобросовестна, пренебрегает национальным делом и губит себя», — с тревогой писал 30 апреля 1858 г. Лелевель, в конце 1850-х годов сблизившийся с Централизацией и поддерживавший батиньольскую секцию ПДО. «Образумить» шляхту пыталась газета «Demokrata Polski», упрекавшая помещиков за «глупые» и унижительные петиции, направленные царским властям в целях отклонения крестьянской реформы. Предпринимаемые панамы полумеры, продиктованные равнодушием, заявляла газета, «могут надолго оставить в царских объятиях народные массы, на многие годы отсрочить решение судьбы родины и отнять у Польши возможность осуществления прекраснейшей миссии человечества». Но особенно сильным аргументом газеты было напоминание об угрозе крестьянской революции: она подчеркивала, что шляхте предоставляется «последняя историческая возможность» спасти родину и себя, отрекшись в повстанческом манифесте от своих привилегий в пользу крестьянства, а если она «останется глухой к настоящему призыву родины», то может «утратить собственную жизнь под ножом гайдамака». Пытаясь завоевать доверие шляхты, руководители Польского демократического общества утверждали, что оно давно отбросило социалистические «доктрины» и такие «социалистические нелепости», как коммунизм. Хотя каждая революция направлена на улучшение жизни народа, то есть преследует социальные цели, заявляла газета «Demokrata Polski», но поляки не должны «поспешно хвататься за чужие социалистические теории», и социализм в Польше «должен быть польским, соответствующим нуждам нации и требованиям духа времени». Иными словами, соотношение социального и национального вопросов в программе партии было таково: первостепенными считались задачи национального освобождения, а демократическое реформирование в политической и социальной сфере признавалось лишь «возможным и необходимым для достижения главной цели», выступало как побочный продукт завоевания независимости¹⁸¹.

Господство реакции в Европе после поражения революции 1848–1849 г. совпало и в известной мере обусловило также смещение стратегических установок в среде польской эмиграции от революционного демократизма к либерализму. Это отметили и русские революционные эмигранты, которые с начала 1850-х годов тесно сотрудничали с Централизацией в Лондоне. Возобновление издания газеты «Demokrata Polski» в 1853 г. в Авиньоне было осуществлено на средства, собранные демократической общественностью, в том числе деньги предоставил А. И. Герцен, основавший тогда в Лондоне Вольную русскую типографию. С 1853 г. печатный орган Польского демократического общества публиковал воззвания и статьи Герцена, а тот помещал выражения благодарности на страницах польской газеты. По издательским делам с Герценом сотрудничали

Л. Чарнецкий и С. Тхужевский, а также с ним непосредственно общался активный член Революционной громады «Лондон» Г. Абихт, работавший наборщиком и переводчиком как в Вольной русской типографии, так и в созданной З. Свентославским Всеобщей типографии, которая печатала тексты на польском, русском, английском, французском и итальянском языках. В типографии Свентославского были, в частности, напечатаны брошюры Герцена и предпринято издание собрания его сочинений. Близкие отношения с Герценом поддерживал С. Ворцелль, которого русский революционный демократ высоко ценил и характеризовал как «натуру цельную, чистую, фанатическую, святую». Ворцелль не мог сдерживать волнения, когда появилась первая русская корректура; он заявил: «Мы должны идти вместе [...], наша дорога и наше дело одни и те же». О большом значении союза поляков с русской революцией писал Герцену в 1855 г. и И. Лелевель: он напоминал, что «поляки неоднократно призывали русских к свободе и братскому единению», и, несмотря на «непреодолимые преграды с обеих сторон, [...] чувство братства привилось в сердцах обоих народов». Лелевель подчеркивал, что «Польша не может подняться только благодаря себе самой [...]. Только одни революции могут создать удобный момент для этого. Тогда вашей обязанностью, братья русские, будет объединиться с нами в общем деле, так же, как нашей обязанностью — восстать вместе с вами, когда вы поднимете знамя свободы». Эту идею полностью разделял Герцен: выступая на торжестве 29 ноября 1852 г. в Ганновере, он призвал к революционному союзу польского и русского народов и завершил речь возгласом: «Да здравствует независимая Польша и свободная Россия!». Те же мысли он высказал год спустя на митинге в Лондоне¹⁸².

Горячим сторонником русско-польского революционного союза в лагере польской демократической эмиграции был также Генрик Каменьский. Еще в первых публикациях 1844–1845 гг., где он выдвинул идею восстания польского народа и социальной революции, содержался призыв к союзу с народными массами России, которым поляки должны были принести «жизненную правду». «Разве не можем мы, — писал он, — защититься от царского деспотизма форпостом, состоящим из революционизированного московского народа? Разве не можем ожидать, что когда он со всей яростью долго приглушенной жажды возьмется за осуществление справедливости, уничтожение своих и наших врагов, каковыми являются все московские привилегированные слои, [...] тогда во всей стране возникнет народное брожение и истребление наших подлинных врагов?». В книге «Россия и Европа. Польша», опубликованной в 1857 г., Каменьский позитивно оценивал борьбу народных масс в России, в частности, подчеркивал большое значение восстания Пугачева. Он отмечал различие между явлениями, сопровождающими революцию, — такими, как «возмущения, конвульсии, местные конфликты», и самой революцией, представляющей собой «полное преобразование, которое в каждом случае находит выражение в совершенно новых отношениях, новой жизни, а иногда и в уничтожении внешних общественных форм с целью замены их новыми». Задачу демократии Каменьский видел в том, чтобы удерживать накал страстей, не разжигать внутренней борьбы, и потому позже, когда

в начале 1861 г. в Королевстве Польском возникло широкое манифестационное движение, он одобрил тот факт, что манифестации не переросли в восстание. В связи с манифестационным движением он постарался дать анализ нужд народа и сформулировал новые задачи нации. В течение 1861 г. в Женеве, а затем в Берлине вышли шесть номеров газеты Каменьского «Prawda». На ее страницах отмечалось большое значение манифестаций как «величественного и торжественного» «религиозного явления», которое снимает вопрос о восстании. «Польша должна совершить великие вещи, которые она никогда не совершила бы путем вооруженного восстания», — утверждала газета. Если раньше Каменьский видел в восстании «единственный способ выйти из рабства», то теперь он считал, что «польский народ [...] смог бы прийти к независимости и невооруженным путем, каковой во всяком случае заслуживает первенства». Необходим «всеобщий стговор», подчеркивал он, а для этого нужна «зрелость» всей нации, достигнутая в процессе «духовного развития»; до его завершения восстание окажется «преждевременным» или, «по меньшей мере, сомнительным», а после достижения зрелости «сделается излишним». «Нам согласятся отдать свободу, — заявляла «Prawda», — если невозможно будет держать нас в рабстве». Важный шаг в процессе развития нации Каменьский видел во «всеобщем стремлении» к равенству без различия происхождения и вероисповедания и особое значение придавал разрешению крестьянского вопроса. Поэтому он называл «доброй, прекрасной и благородной» мысль Земледельческого общества о необходимости наделения крестьян землей, но требовал скорейшей ликвидации барщинных отношений и фактической безвозмездной передачи в собственность крестьян их наделов. «Prawda» обращала к шляхте призыв добровольно осуществить «бесплатное дарование сельскому люду земельной собственности» прежде, чем это сделает царизм. Отмечая прогресс в решении крестьянского вопроса в России при новом царствовании, Каменьский считал это «огромной революцией, совершенной у кормила власти», и призывал поддерживать царское правительство в том, что оно делает полезного и справедливого. Тем не менее, он подчеркивал, что будущее России может гарантировать только революция в духе идей Герцена¹⁸³.

Знаменательно, что Герцен, как и Каменьский, поддавшись либеральным иллюзиям, поверил в возможность проведения социальных реформ сверху, по воле царя. За это он подвергся критике со стороны Л. Булевского, получившей отражение в опубликованной газетой «Demokrata Polski» статье «Взгляд русских на крестьянский вопрос». Автор статьи утверждал: «Для введения прогресса в России в какой-либо форме, хотя бы в форме освобождения крестьян, необходимо свергнуть царизм и избавиться от Польши», «без свержения царизма нет спасения для России». Орган ПДО следил за положением в России, публиковал информацию о крестьянских бунтах, печатал стихи русских революционных поэтов в защиту свободы Польши, приветствовал русских революционеров, в частности, М. А. Бакунина в связи с его побегом из сибирской ссылки. Но «снисходительность» Герцена к Александру II, который «запретил даже думать о Польше», неприятно поразила польских демократов, чей печатный орган еще в 1844 г.

писал об «антагонизме» между «польской идеей» «свободы, равенства, братства» и «русской идеей» «царизма, насилия, угнетения». В конце 1850-х годов они выступили с критикой «слишком умеренной» позиции Герцена и Огарева. Подчеркивая, что стремление к «освобождению Польши впитано с молоком матери каждым поляком», они отмечали, что поляки «пролили крови больше, чем все русские журналы, не исключая “Колокола”, пролили чернил», и заявляли, что политическое кредо «Колокола» делает русско-польский революционный союз невозможным: «Наши пути теперь разны», — констатировала газета «Demokrata Polski». Этот резкий вывод, несомненно, имел под собой основание, так как был спровоцирован либеральными колебаниями Герцена в вопросе об отношении к царским реформам — колебаниями, от которых он вскоре излечился. Но были и другие основания для заявления органа Централизации о расхождении путей русских и польских революционеров. Они заключались в различном отношении как к крестьянскому вопросу в частности, так и к соотношению социальных и национальных проблем в целом. Если русские революционные демократы прежде всего стремились к разрешению социальных проблем в российской деревне, то для польских революционеров на первом месте стояла реализация национальных целей, а социальные проблемы отходили на второй план, их решение имело лишь вспомогательное значение. На пути русско-польского революционного союза стояло также расхождение во взглядах на будущую участь «забранных земель», то есть украинских, белорусских и литовских территорий, которые Польское демократическое общество, ссылаясь на историю, считало неотъемлемой частью Польши. Подолецкий в 1848 г. писал в газете «Dziennik Stanisławowski» о «единой нераздельной Литовско-Русско-Польской (то есть Литовско-Украинско-Польской. — С. Ф.) Речи Посполитой под общим названием Польша». Поскольку «Колокол» не признавал исторические права Польши на «забранные земли» безусловными, газета «Demokrata Polski» укоряла русских революционеров: «Неужели в царском государстве не осталось уже ни одного достойного наследника Пестеля, который бы, как он, признавал Польшу в тех размерах, какие она имела много веков назад?». Это указание на «многовековую» историю подразумевало восстановление Польши в границах шляхетской Речи Посполитой 1772 г., но, как оказывалось, могло означать претензии не только на «забранные земли». Я. Н. Яновский, в частности, в 1848 г. в письме редактору французской газеты «Le National» разъяснял, что исторические границы Польши времен Ягеллонов включали также Курляндию и Малороссию с Киевом. Правда, не все демократы ставили вопрос в такой плоскости: Я. Чиньский, например, вообще не акцентировал вопроса о будущих границах свободных народов России и Польши. Более того, ввиду назревавших в начале 1860-х годов повстанческих настроений он осуждал споры о границах как проявление «политической близорукости» и даже «слепоты». В целом, несмотря на все разногласия, польские демократы в эмиграции приходили к выводу о том, что «Польша может пойти своим путем, а Россия своим и развиваться рядом друг с другом, как подруги и сестры». Более того, они заявляли о готовности к революционному сотрудничеству с русскими:

«Наследникам Пестеля, — утверждала газета «Demokrata Polski» 14 февраля 1859 г., — мы всегда готовы подать братскую руку и заключить с ними союз у алтаря общей свободы». Такая позиция находила поддержку у рядовых членов Польского демократического общества: в частности, в письмах Я. Н. Яновскому они выражали уверенность в победе революции в России и Польше и выступали за революционное сотрудничество двух народов¹⁸⁴.

Однако на «правом» фланге польской демократической эмиграции существовал несколько иной взгляд на польско-русский революционный союз, и его активно пропагандировал печатный орган Польского коло «Przegląd rzeczy polskich», завоевавший в эмиграции популярность и широко распространявшийся. Позиция «умеренной» демократии в этом вопросе также основывалась на ее взглядах относительно «забранных земель». Ее орган считал их единство с Польшей необходимым для существования независимого Польского государства, а отказ от них «самоубийством»; признание же польской молодежи в Киеве национальной самобытности украинцев и их права на самостоятельность называлось «государственной изменой». Ссылаясь на историю, «Przegląd rzeczy polskich» утверждал, что Украина ранее была «интегральной частью» Польши и, так же, как Польша и Белоруссия, не имеет с Россией ничего общего. З. Милковский в ряде статей пытался доказать, что условия жизни украинцев в Королевстве Польском лучше, чем в малороссийских губерниях, так как в Королевстве их охраняет «более чистая традиция польских помещиков», и лишь единичные злоупотребления отдельных панов были причиной казацких выступлений в прошлом. Он видел польскую шляхту в качестве руководительницы «темного», «деморализованного», «лишенного гражданских добродетелей» «украинского люда», предостерегал его от «союза с Москвой» и от самостоятельных выступлений, грозящих «анархией». Постановка национального вопроса, таким образом, связывалась с вопросом социальным, с опасением перед революционной борьбой крестьян на Украине. Поэтому, помня о «галицийской резне», «Przegląd rzeczy polskich» осуждал также выступления безземельных в Познани, считая, что борьба за землю там шла в русле интересов прусского правительства. Что же касается оценки крестьянского движения на Украине в 1855 г., то хотя «правые» демократы и отмечали с удовлетворением тот факт, что крестьяне уже «не против польской шляхты», как это было прежде в восстаниях на Украине и в Галиции, тем не менее, они не забывали об опасности, грозящей «распадом польского общества на два враждебных лагеря» и «страшной мезтью» крестьян «за давнее угнетение». Однако это, по мнению органа Польского коло, не оправдывало обращения польских помещиков Украины к царю за защитой, тем более что журнал продолжал считать шляхту главным проводником своей политики, утверждая: «Демократия только в лице шляхты и через шляхту работала на пользу люда». Во избежание повторения галицийских событий Милковский звал украинское крестьянство к совместной борьбе за независимую Польшу, которая даст ему все блага. При этом имелось в виду «ополячивание» украинцев, что подтверждали следующие слова Милковского: «Польша, когда она была живой и сильной,

абсорбировала народы [...], объединялась с ними [...] во имя братства и свободы». Подтверждением могла служить и постановка еврейского вопроса на страницах журнала. Не считая разницу вероисповеданий преградой «для равенства и гражданства» евреев в будущей свободной Польше, он выдвигал условием этого их «ополячивание», отказ от родного языка, от своей одежды, обычаев и т. п. По существу это было стремление к ассимиляции национальных меньшинств; «умеренные» демократы подчеркивали, что языковые и прочие различия «не создают различных народов», и потому не упоминали о гарантиях национальных прав¹⁸⁵.

Но вопрос о «забранных землях» являлся не единственной причиной настороженной позиции «правого» крыла польской демократической эмиграции в отношении русско-польского революционного союза. Его печатный орган указывал, что такой союз был бы «политическим обманом», так как считал революционное движение в России незрелым, самих же русских не славянами, а «дикими азиатами», «темным» народом. Возлагать на Россию «более значительные надежды и веру, — писал журнал, — было бы признаком лакейской неопытности; соединять же [...] каким-либо образом свои судьбы с ее судьбами — это или отказ от собственной жизни, или прямое безрассудство». «Умеренные» считали русских не способными бороться за идеалы свободы, доказывали, что восстание декабристов не имело «зародыша в национальных недрах» и осталось «прекрасным гимном без эха». В этой связи они подчеркивали, что нужно «перестать оглядываться на Россию», ожидая там революции, тем более, что она грозила «ломкой социальных отношений», а значит, «хаосом», разгулом «пугачевской черни». Поэтому для сторонников «умеренной» демократии русская революция могла быть лишь «облегчающим» обстоятельством в борьбе поляков против царизма, но не союзником¹⁸⁶.

Характерной была акцентировка «правыми» разницы между ними и русскими революционерами в постановке социального вопроса: революционному движению русского крестьянства они приписывали «полудикие желания свободы». Очень ярко это проявилось во взглядах Польского коло на пути разрешения аграрной проблемы в Польше. Будучи сторонниками восстания, «умеренные» были заинтересованы в привлечении крестьянства как главной силы борьбы и с этой точки зрения рассматривали аграрную реформу, но осуществить ее хотели наиболее безопасным для шляхты путем. Поэтому «Przegląd rzeczy polskich» выступал против «коллективного устройства гминной земельной собственности», таящего в себе революционную угрозу «убийств и поджогов», «позора и убытков», и утверждал, будто разрешение социальных противоречий уже не стоит в повестке дня: «Любя этот честный и со всех сторон сбиваемый с толку люд, мы работаем над его воспитанием, просвещением и обеспечением земельной собственностью, — заявляли идеологи «умеренных» демократов. — Борьба со злоупотреблениями, которую начинают русские революционеры, у нас уже закончена, процесс проведен, дело выиграно. Ныне у нас нет никого, кто бы сопротивлялся наделению крестьян землей. Освободите нас только от губернаторов, генералов, жандармов, и завтра крестьяне у нас станут полными

собственниками». Таким образом, Польское коло переносило акцент на национальный вопрос и борьбу за национальную независимость, представляя социальный вопрос уже решенным. К тому же для «умеренных» демократов он являлся второстепенным: «Политический вопрос как вопрос жизни, — писал «Przegląd rzeczy polskich», — подчиняет себе все другие вопросы у поработанной нации. Даже социальная организация занимает лишь вспомогательное место, так как освобожденный народ сумеет дополнить ее согласно основным принципам своего существования и понятиям о справедливости»¹⁸⁷.

Иначе думало «левое» крыло «умеренной» демократии, заявляя о необходимости развития «движения в Польше [...] в демократическом духе и направлении, на основе социальной справедливости» и подчеркивая, что «национальная революционность *опирается* на социальную справедливость». Милковский писал об обязанности Польши как нации привлекать к национальной жизни народ, освободив его «от всяких оков, социальных и политических, мешающих ему идти дорогой прогресса». Прежде всего, имелось в виду разрешение крестьянского вопроса, что отражало позицию «левого» крыла демократов. «Przegląd rzeczy polskich» сочувственно описывал положение польского крестьянина, который «смотрит на своего пана, как на пиявку, высасывающую из него кровь [...], а пан считает только число рабочих душ [...], придумывая средства к извлечению из них как можно большего дохода». «Разрыв» между шляхтой и крестьянством «умеренные» считали «аномалией» и стремились к изменениям в обществе, которые бы обеспечили «братство» пана с крестьянином «и устранили бы между ними всякий повод к ненависти, зависти и даже вражде». «Przegląd rzeczy polskich» призывал шляхту, опередив царизм, как можно скорее разрешить крестьянский вопрос, обращая ее внимание на то, что народ «может пойти за голосом своей долго подавлявшейся боли [...]. Он может по-своему истолковать царские указы и мудрые отговорки шляхетского эгоизма». Предупреждая шляхту, которая «менее всего понимает и свой собственный интерес, и интерес своей страны», об ожидающем ее в этой связи «страшном горе», «Przegląd rzeczy polskich» напоминал, что целью крестьян «является собственность, которая им полагается и которую, однажды пробудившись, они добудут себе каким-угодно образом, с добровольного согласия шляхты или без него, через царя или даже помимо царя». Призывая шляхту «за очень малую и временную жертву выкупить отчизну, то есть завоевать сердце ее народа», «умеренные» демократы обращали внимание помещиков на «смутные вести о возбуждении умов, об угрозах и даже о вооруженных выступлениях, ширящихся от диких пределов бояр к польским провинциям». В связи с этой угрозой, шедшей от «дикой» России, «умеренные» оценивали социальную программу русских революционеров как таящую «революционную заразу», а в «бунтах великорусских мужиков» усматривали «первый проблеск развития русского общества — проблеск, немногим отличающийся от ночи и далекий от полудня западного просвещения». Поэтому отказ польских студентов российских университетов от совместных с русскими коллегами политических выступлений печать Польского коло одобрила

как отказ от «погружения в эту предрассветную тьму», добавив, что «Польша не должна опускать своего национального знамени до временных требований и нужд восточных соседей». На данном этапе развития революционного движения в России она не видела возможности союза с ним, не допускала мысли, что «Польша, вместо того, чтобы укреплять в себе дух и сбросить ярмо, должна ждать, пока все русское царство превратится в сеть заговорщиков». Обращаясь к русским революционным демократам, «Przegląd rzeczy polskich» заявлял: «В отношении вашей сегодняшней России мы всегда встанем как враги [...]. Укажите день взрыва и силы, которыми вы располагаете! И тогда будьте уверены, что не испытаете недостатка в нашей помощи в общем деле разрушения. Но сегодня ничто нас не связывает. Даже цепи, которые мы влачим, разные. У нас скована национальность, у вас — человечность»¹⁸⁸.

На самом деле «умеренных» пугала именно русская революционность, в первую очередь, ее социальный характер. «Przegląd rzeczy polskich» писал: «Русские революционеры хотели бы сражаться с нами на экономическом поле и на это поле они переводят вопросы независимости и свободы. Такая исходная точка замазывает национальные, исторические, стратегические и экономические границы, а сельскому люду приводит на память только одно из воспоминаний истории — вековое рабство, тянущееся и по сегодняшний день. Революционная Россия дарует ему свободу и собственность, рай без панов и землевладельцев, разве может он противиться притягательной силе?». Именно из опасения перед этой «притягательной силой» русской социальной программы партия «умеренной» демократии, стоявшая на платформе включения в состав будущей Польши «забранных земель», отвергала и программу русских революционеров, выдвигавших идею федерации вольных славянских народов. «Мы никогда не выступим как звенья одной федеративной цепи, составленной из Польши, Литвы, Украины, Москвы, а выступим как Польша 1772 года, и это наш ультиматум, — заявлял «Przegląd rzeczy polskich», подчеркнув, что «поляки, думающие иначе», дают «доказательство слабого или невежественного патриотизма». Это была реакция на выступление Н. П. Огарева, опубликованное на страницах «Колокола» 1 октября 1861 г. под заголовком «Ответ на „Ответ Великороссу“», где русский революционер заявил: «Уже поляки соглашаются, что присоединения прилежащих областей к Польше, или к России, или их самобытная независимость должны зависеть от свободного решения самих населений». Еще раньше, в первый день Нового 1861 года, «Колокол» опубликовал статью Огарева, в которой подчеркивалось значение экономического фактора и выдвигался «идеал сильного развития производительных сил и общего бессословного самоуправления». Огарев призывал «трудиться о свободном соединении людей в области на основании свободного самоуправления общин и областей» и заявлял, что «устроив областные самоуправления, все увидят необходимость подать друг другу руку на общие интересы и соединиться в федерацию, в общий союз славяно-русских областей». «Мы можем, — писал он, — свободно и бесспорно, братски разграничиться после», имея в виду общую победу над самодержавием. Однако орган «умеренных»

демократов был не согласен на такое решение вопроса о границах. «Освободимся от цепей, а потом побратаемся. — заявлял «Przegląd rzeczy polskich». — Но освободимся от цепей полностью, не входя ни в какие провинциальные федерации, которые вызвали бы у нас только разложение и упадок». Автор статьи считал, что если бы «забранные провинции» «под влиянием сбивающих с толку теорий русских захотели оторваться от Польши», это стало бы «печальной изменой и отказом от солидарности со всей страной». Стремление к «единой и неделимой Польше от Днепра до Одры, от Балтики до Черного моря» подтвердил Г. Невенгловский в речи 29 ноября 1861 г. «Правые» демократы хотели бы добиться признания своих претензий на украинские, белорусские и литовские земли от русских революционеров, прежде всего, от М. А. Бакунина, которого они считали «симпатизирующим Польше в духе идей Запада, а следовательно, и общей цивилизации». В газете Мицкевича «La Tribune des Peuples» его называли даже «лидером республиканского течения под названием полонорусской партии». Бакунин, приехавший в Лондон в 1862 г. после сибирской ссылки, весьма интересовался «польско-славянским вопросом», который, по его собственному признанию, с 1846 г. был его «идеей-фикс», а в 1848–1849 гг. — «практической специальностью». Действительно, еще в 1840-е годы он тесно общался с польской эмиграцией, сблизился с Лелевелем в Брюсселе, сотрудничал с Гельтманом во время Дрезденского восстания, встречался с Ворцеллем, Зверковским, Дарашем, Мазуркевичем и другими эмигрантами, переписывался с Л. Ходзько и М. Лемпицким. Он даже был причастен к переговорам Польского демократического общества с Объединением польской эмиграции весной 1846 г. Его сочинения были известны как в эмиграции, так и в Польше: в частности, они распространялись среди конспираторов «Организации 1848 года» в Королевстве Польском. Известным его имя сделали и выступления на польских митингах 29 ноября 1847 г. и 14 февраля 1848 г., а также на Славянском съезде в Праге. Бакунин не уставал утверждать, что дело русской и польской свободы тесно связано, что для России и Польши «нет другого спасения, кроме демократии». «Я русский и люблю свою страну, — писал он в начале 1846 г., — вот почему, подобно очень многим другим русским, горячо желаю торжества польскому восстанию. Угнетение Польши — позор для моей страны. Свобода Польши послужит, быть может, началом нашего освобождения». Эту мысль он развил и в речи, произнесенной 29 ноября 1847 г. в Париже на торжественном праздновании годовщины польского восстания 1830–1831 г., заявив, что в этом восстании «поляки боролись не только за свою свободу, но и за свободу России». Речь Бакунина назвали «прекрасной» и «замечательной» даже консервативный «Trzeci Maj» и сторонники Отеля Ламбер, в частности, В. Замойский, хотя некоторые из консерваторов, как, например, З. Красиньский, со страхом ощутили «мрачную энергию» слов русского эмигранта, предчувствуя в провозглашенном им лозунге русско-польского революционного союза обещание «будущей “резни шляхты” общими силами двух народов». Католическо-либеральный «Dziennik narodowy» обратил внимание на то, что различные фрагменты речи Бакунина встречали разное отношение

собранных — от бурных аплодисментов до холодного молчания. «Одни, — писала газета, — приняли ее с безусловным удовлетворением, на других она произвела дурное впечатление, учитывая точку зрения безусловного патриотизма, [...] были и те, кто в состоянии недоверия и патриотической подозрительности повторяли известный стих Вергилия о греках: “Timeo Danaos et dona ferentes”^{*}». С долей скептицизма отнеслась к словам Бакунина и газета «Demokrata Polski», высказавшая пожелание, чтобы его речь «явилась действительным выражением мыслей тех его соотечественников, от имени которых он говорил, чтобы его голос нашел слушателей там, где до сих пор мы видим, с одной стороны, угнетение и варварство, а с другой, рабское терпение и гробовое молчание». Но в целом пресса демократической польской эмиграции писала о Бакунине с уважением, отмечала значительные моменты его биографии, в частности, факт его ареста в Саксонии и выдачи России в 1851 г. Однако после выхода его брошюры «К русским, польским и всем славянским друзьям» «Przegląd rzeczy polskich» был разочарован: хотя он признавал пользу русско-польского революционного союза для борьбы против общего врага и за общую цель свержения царизма, но выступал против всяких «покушений» на польскую нацию и ее прав на «забранные земли», называя отказ от них «самоубийством». Орган «умеренных» демократов обвинял русских революционеров, выдвинувших лозунг славянской федерации, в том, что они требуют «не России свободной и народной, не Польши свободной и независимой, а какой-то славяницы, хорошо откормленной и содержащейся в достатке под опекой России». В этой связи он сравнивал Бакунина с Николаем I и, подчеркивая «совпадение двух крайностей», звал к «осторожности» и «недоверию» русской революции, у которой, возможно, на заднем плане таится, так же, как у царя, «уничтожение Польши». В результате автор статьи в журнале приходил к выводу, что для Польши «русский революционизм» подобен царскому «деспотизму». Высмеивая как «будущий рай земной» огаревскую идею польско-русского федеративного союза, «Przegląd rzeczy polskich» писал: «Подобная доктрина является опасной для польской национальности, и нужно усиленно трудиться, чтобы она не смутила ни одного честного сердца»¹⁸⁹.

На этой основе строились отношения Польского коло с русской революционной эмиграцией. В статье «Александр Герцен и вольная русская типография в Лондоне», напечатанной в органе «умеренных» демократов в 1858 г., анонимный автор характеризовал Герцена как «демократа с известной долей социальных, а скорее коммунистических понятий об общинной жизни русского крестьянства». Он высоко оценивал деятельность Герцена в деле пробуждения русского общества, но критиковал за доверие к реформам Александра II, а главное, за «излишний» патриотизм, за позицию в вопросе «забранных земель», за веру в возможность русско-польской славянской федерации. Лозунг объединения славян на демократической основе, выдвинутый «Колоколом», «Przegląd rzeczy polskich» отождествлял с реакционным царским панславизмом и обвинял

^{*} Бойся данайцев, дары приносящих (лат.).

издателей журнала в «территориальной жадности», в проповеди «планов нового раздела» Польши и адресованном полякам призыве «отречься от своей национальности». Орган Польского коло с издёвкой писал о «русской прогрессивной мысли», которая «награбленное царизмом добро [...] считает своей собственностью», и утверждал, что ни один из русских революционеров «не сумел совершенно освободиться от захватнических идей». В. Мицкевич же прямо называл их «ловкими фокусниками», стремившимися «половить рыбку в мутной воде», используя союз с Польшей. Он писал об «убожестве мысли» в политических концепциях Герцена, но на самом деле больше всего «правых» деятелей Польского коло беспокоили социальные концепции русских революционных эмигрантов, «видевших единственное спасение в разрешении экономических проблем», их «бессмысленно разрушительная» программа, предполагавшая «подавление интеллигенции в пользу крестьян». Все это вело «правых» к утверждению о природных различиях между русскими и поляками, к отказу от русско-польского революционного союза. «Мы готовы идти, опираясь только на собственные силы, — заявлял «Przegląd rzeczy polskich», — потому что не видим возможности ради осуществления общечеловеческих целей объединить наши пути и движение. Так, противопоставленные друг другу в колыбели и раннем детстве истории, мы разнимся также и как строители своего будущего». Редакция издания ожидала от русских революционных демократов «не столько поддержки, сколько нейтрального поведения в борьбе поляков с царизмом», и призывала соотечественников не оглядываться на Россию, «не отрекаться от собственной инициативы в пользу вековых врагов»¹⁹⁰.

Отказываясь от русско-польского революционного союза, партия «умеренной» демократии акцентировала задачу союза с революционной Европой. В 1859 г. в обстановке австро-итальянской войны Польское коло рассчитывало на революционное сотрудничество с народами империи Габсбургов и в этой связи разоблачало «смешные» и «возмутительные» надежды Отеля Ламбер на поддержку польского дела венским правительством. В среде «умеренной» демократии существовали более смелые, решительные элементы, боровшиеся против компромиссов в постановке основных, важнейших для Польши проблем. Этой причиной был обусловлен тот факт, что Польское коло старалось не демонстрировать острой конфронтации с Централизацией, а его члены в ряде вопросов разделяли ее позицию. Последнее как раз касалось отношения к Отелю Ламбер и его расчетам на державы, в том числе на государства, разделившие Польшу. Высмеивая надежды Чарторыхских на «великодушие» Габсбургов, «Przegląd rzeczy polskich» писал: «Расчет на Австрию был бы смешон, если бы не вызывал возмущения». Автор статьи задавался вопросом: «Почему бы это Австрия была более, чем Москва, достойна любви и уважения», «почему бы это польский народ должен был возлагать на нее разумные надежды в большей степени, чем на всякого другого врага своей свободы?». Против расчетов на Австрию выступал З. Милковский, «республиканско-демократические убеждения» которого не позволяли ему верить также и в поддержку Наполеона III. Он считал «империю во Франции

аномалией, от которой Франция рано или поздно должна будет отказаться и вернуться к республиканской форме, единственно выгодной для нее, для Европы», а следовательно, и для Польши. З. Милковский ставил Наполеону III в вину то, «что, имея возможность стать для Европы Вашингтоном, он предпочел стать для себя императором [...], он не понял, что в 1848 г. Европа могла перейти тот порог, к которому ее привело ее историческое развитие, — он помешал, испортил, замарал дело человечества». Видя в императоре «человека малого сердца и ограниченного ума», Милковский не верил ни его «политической мудрости», ни «благородству чувств». Не слишком доверял императору и В. Мицкевич, тем не менее, в направленной Наполеону III 16 декабря 1861 г. «Ноте о положении в Польше» он выражал надежду на помощь Франции и утверждал, что одного слова ее главы достаточно для того, чтобы в Польше возникла новая Барская конфедерация, хотя и угрожал при этом восстанием поляков в случае колебаний императора. В свете этих законных сомнений демократов относительно помощи держав единственно надежным представлялось сотрудничество с революционными народами. Милковский в статьях «О польском восстании» и «Необходимость восстания» напоминал о традициях солидарности угнетенных народов и требовал союза с ними. Эти призывы находили отклик как в среде демократической польской эмиграции, так и у представителей революционных народов. На праздновании в Париже тридцатой годовщины Ноябрьского восстания 1830 г. речь чешского радикала Йозефа Фрича, заявившего о солидарности в борьбе против общего врага, вызвала у поляков энтузиазм. Тогда же разрабатывались планы польско-венгерско-итальянского союза, и В. Мицкевич от имени Ю. Высоцкого вел переговоры с Д. Клапкой и Л. Телеки, с Д. Гарибальди и его представителями Л. Кароли и А. Мордини. Рассчитывали также на волнения в Далмации, Хорватии, румынском Семиградье, и Милковский занимался подготовкой Галиции к этим событиям. Борьба итальянского народа вызывала у поляков огромные симпатии. В этой связи «Przegląd rzeczy polskich» писал: «Польские эмигранты жаждут бороться за независимость и освобождение народов. Пусть только забрезжит день, когда мы смогли бы снова объединиться в боевой отряд, мы будем сражаться и умирать с честью под общим знаменем». Многие революционно настроенные польские эмигранты принимали непосредственное участие в освободительной борьбе, вступив в ряды итальянской армии. Помочь итальянцам старались также сбором средств и просто моральной поддержкой и сочувствием. Одновременно «левое» крыло «умеренных» демократов выступало против призыва польских добровольцев в папское войско, клеймило ультрамонтанство консервативной эмиграции как противоречащее интересам поляков, их демократическим принципам и национальным чувствам. Оно активно сотрудничало с редакцией газеты «L'Espérance» («Надежда»), освещавшей революционное движение во всех европейских странах и призывавшей «неустанно добиваться прав всех народов»¹⁹¹.

Главной целью сторонников «умеренной» демократии была подготовка к вооруженной борьбе за Польшу как необходимости, неотвратимо вытекающей

из факта ее порабощения. Они подчеркивали, что ни помощь держав, ни поддержка европейской общественности и революционных союзников «не снизойдет на Польшу ни с того, ни с сего [...] нужно ее привести, вызвать. Нам помогут, — заявляли они, — но если будет кому помогать, если разовьем такие силы, с которыми будет стоить считаться [...] если мы выработаем у себя состояние постоянной борьбы, непрерывного восстания». «Przegląd rzeczy polskich» доказывал существование неразрывной связи между революцией, национальностью и свободой. Отмечая нецелесообразность и бесполезность «органической работы», он подчеркивал, что «заговоры и революции» — «менее дорогостоящие, менее опасные для нации, чем бесконечное продолжение мертвящего [...] рабства»; они являются «необходимым, неизбежным средством, поскольку нет другого средства для проведения мысли, живущей в массах». Орган Польского коло видел в заговоре «неизбежное средство свержения ярма рабства», а в «вооруженном действии» «путь к освобождению» и заявлял: «Независимость Польши это единственная цель истинного патриотизма, [...] восстание — единственное средство ее осуществления», «единственный способ прийти к независимости», причем «восстание постоянное, непрерывное, не складывающее оружия, не вступающее ни в какие переговоры с захватчиком, падающее для того, чтобы снова подняться». Выдвигая идею восстания силами польского общества, демократы подчеркивали при этом значение и роль эмиграции как «важного органа национального механизма, составляющего нераздельное целое со страной», без помощи которого Польша не может обойтись и который несет на себе важные обязанности и великую ответственность за их выполнение. «Przegląd rzeczy polskich» называл эмиграцию «стражем знамени, на котором кровью и мученичеством целой нации написан лозунг независимости Польши», и потому объявлял преступлением перед родиной возвращение эмигрантов в Польшу по амнистии царя. Он призывал эмигрантов сплотиться и «исполнять патриотические обязанности», «делая все то, что недоступно стране»: осуществлять «живое и непосредственное свидетельствование перед миром, что Польша хочет быть целой и независимой», выяснять «пути, по которым нация должна стремиться к возрождению», пропагандировать «принципы и условия», необходимые для завоевания независимости, подчеркивать солидарность «дела Польши с общим движением европейских народов». Важной задачей эмиграции «умеренные» демократы считали посредничество в координации усилий трех частей Польши. Они связались с Королевством Польским и сумели сблизиться как с теми, кто осторожно относился к идее восстания, так и с молодыми патриотами, стремившимися к вооруженному выступлению. «Умеренные» поддерживали также связь с Галицией и Познанщиной, и осенью 1860 г. по их инициативе в Познани был созван съезд представителей от трех частей Польши и «забранных провинций», где обсуждался вопрос о восстании и создании тайной организации для его подготовки. В связи с планом подготовки восстания внимание Польского коло привлекала и Молдавия как плацдарм для удара, направленного на территории Украины и Галиции. Князь Куза, возглавивший после Крымской войны объединенные

Дунайские княжества, симпатизировал полякам, поддерживавшим его избрание, в результате там создалась благоприятная атмосфера для деятельности польских эмигрантов. Посланный в Княжества в 1859 г. Милковский налаждал контакт с украинскими землями, выезжал в Галицию, собирая средства на формирование вооруженного отряда. Эта задача была возложена на Ф. Сокульского, который в Стамбуле с «усердием» «занимался польским делом, несмотря на отсутствие официального назначения». Он осуществлял закупку оружия и амуниции и набирал добровольцев — эмигрантов, которые стягивались из Европы, и молодежь, пробиравшуюся из Польши¹⁹².

Одним из наиболее активных деятелей Польского коло был Людвик Мерославский. Он являлся членом парижского Эмигрантского комитета — неофициального руководящего органа «умеренных» и благодаря участию в революционных событиях 1848–1849 гг. завоевал популярность как в среде эмиграции и европейской общественности, так и в Польше. В национальном плане «красный генерал» провозглашал лозунг «единой и неделимой демократической Польши», а в социальном — видел идеал в гминовладстве — строе общинного землепользования, существовавшего в Польше на раннем этапе ее истории. Крупную земельную собственность он называл «достоянием грабителей и иностранных оккупантов», формой же власти, присущей польскому национальному характеру, считал «коммунальную демократию» в условиях мира и военную диктатуру в моменты кризиса, отрицая все формы монархии. Мерославский мечтал о свободной конфедерации «славянских наций с Польшей в качестве народа-Архимеда», как вождь славянства она должна была стать мостом между «восточным варварством» и западной цивилизацией. Стоя на позициях национализма, он не считал украинцев, белорусов и литовцев самостоятельными национальностями, безоговорочно выступая за включение их национальных территорий в состав будущей Польши и охват их «общинной демократией». Что касается русского народа, то генерал отождествлял его с царизмом, заявляя от лица поляков: «Угнетенный народ вырывается из пут благодаря фанатичной ненависти к врагам [...]. Он не допускает в свое сердце никаких исключительных симпатий — даже для вражеских реформаторов, либералов, филантропов. Он слеп и должен быть таким. Правительство, которое угнетает его, он не отделяет от народа [...] и в этом его спасительная мудрость, естественный государственный ум; если он утратит его, обманутый преждевременными иллюзиями о братстве народов, то он немедленно начнет растворяться во враждебном племени, теряя свою родовую индивидуальность, пока не найдет смерть в братских объятьях». Поэтому Мерославский пренебрежительно отзывался о русских революционерах, считая всех русских «массой рабов». Он писал о «моральном и интеллектуальном расстоянии» между ними и поляками, о том, что в будущем Россия должна морально и культурно «ополячиться», и лишь тогда с Польшей и благодаря Польше она сможет войти в «органический бином Славянщины», возглавив восточных славян. Вместе с тем в отношениях генерала с русскими революционными эмигрантами сказывался прагматизм. Несмотря на неприязнь к русскому народу и отказ

от русско-польского революционного союза, он был заинтересован в использовании борьбы русских революционеров против самодержавия как вспомогательного средства, которое может облегчить полякам достижение их национальных целей. Впрочем, Мерославский не верил в революционность России, которая, по его мнению, «срослась с царизмом и без царизма не может существовать». Поэтому ожидание русской революции как сигнала для начала польского восстания он называл «непростительным легкомыслием и смертным грехом на совести нации»¹⁹³.

Отказ Мерославского от революционного союза с русскими свидетельствовал об отсутствии подлинного интернационализма во взглядах этого человека, прославившегося участием в европейских революционных событиях. В сущности, и революционный союз с европейскими народами он считал нужным лишь для использования его в целях освобождения Польши. Не учитывая собственные интересы этих народов, он, в свою очередь, опасался попыток иностранных революционеров использовать польское революционное движение, и потому патриотизм Гарибальди казался ему «темным» и «подозрительным». Заявляя, что никто не имеет права вмешиваться в дела поляков, Мерославский не считал нужным учитывать чужие планы. Его главной задачей была организация восстания как единственного пути к возрождению независимой Польши. Он призывал превратить всю страну «в единый военный лагерь [...] постоянно готовый при первом удобном случае приступить к работе по освобождению», и выдвинул лозунг: «Вся Польша путем социальной революции и восстания!». Для того, чтобы «восстать на всем пространстве великой Речи Посполитой двадцатидвухмиллионной массой и [...] сражаться неустанно, вести истребительную национальную борьбу», нация должна была «пробудиться и собрать в себе все повстанческие элементы, объединить их всеобщим заговором». Одновременно генерал указывал на необходимость «двойной войны народа против захватчика и контрреволюции», имея в виду «привилегированные сословия, [...] которые, давя на низшие слои общества, помимо своей воли и сознания вступают в союз [...] с захватчиком». Взывая к патриотизму «привилегированных сословий», призывая шляхту к борьбе, Мерославский и другие «умеренные» не отдавали ей руководства, утверждая, что на него не имеют права «ни графы, что мыслят выиграть в лотерее конгрессов» (то есть сторонники Чарторьских), ни организации помещиков в Польше, такие, как Кредитное общество или сельскохозяйственные комитеты. В речах на праздновании годовщин Ноябрьского восстания в 1858 и 1859 годах Мерославский критиковал помещичьи проекты проведения крестьянской реформы в согласии с царским правительством «без нарушения панских доходов» и панского права пропинации. Шляхта, считал он, несмотря на роль, которую она должна сыграть в восстании, не сможет руководить им из-за своей привязанности к барщине и надежд на помощь Запада, а главное, из-за боязни революции. В то же время сторонники Мерославского разделяли позицию помещиков, считавших крестьянские волнения результатом происков иноземной власти, а их руководителей ее пособниками. Генерал утверждал, что

«колиивщины и галициады» дискредитировали революционное движение, они были не «ультрареволюцией, а ультраварварством, уничтожением всякого революционизма и созданием страховки против него во мраке царизма». «Больше, чем польскую шляхту, — писал он, — спаси, Боже, польский революционизм от таких революционеров». Обрушиваясь на «геростратов», которые «на братском жнивье молотят урожай для чужой саранчи», «Przegląd rzeczy polskich» заверял шляхту, что среди сторонников генерала «нет бешеных демагогов, кровавых якобинцев». Обращаясь к анализу событий польских восстаний, Мерославский «из исторического и философского размышления о бесплодном обмене крестьянского терроризма в таком обществе, как польское», делал вывод, что «якобинские или шелевские фантазии» представляли собой «самоубийственное намерение искоренения [...] собственного рода». Этот вывод подсказывал необходимость сочетания восстания с социальными преобразованиями, в первую очередь, с разрешением крестьянского вопроса, тем более, что в крестьянах Мерославский видел «фундамент» восстания. Он указывал, что вовлечь их в борьбу можно только при условии «честного расчета» панов с ними, то есть бесплатного наделения их землей в собственность, причем проведение аграрной реформы должно было произойти в момент восстания. Заинтересованный в сочетании крестьянской реформы с восстанием, генерал гневно обрушивался на деятелей помещичьего Земледельческого общества в Королевстве Польском, желавших избежать восстания и разрешить аграрный вопрос, отделившись мелкими подачками крестьянству¹⁹⁴.

Это был узко практический подход к крестьянской проблеме, которая одновременно использовалась для давления на шляхту. Требуя от нее выплаты «до гроша всего бюджета» и «всего людского контингента», необходимых восстанию, Мерославский требовал и «всего приданого», которое «следует всему польскому крестьянству». Напоминая о «галицийской резне» 1846 г., он грозил помещикам, что крестьянство «с голодной и озорной тоски» опять «возьмет их на вилы», и это станет «окончательной смертью Польши». Генерал учил шляхту, «каким манером обратить эти вилы на внешнего врага», избежав «гиен колиивщины и змей галициады», и одновременно советовал заручиться поддержкой безземельного сельского пролетариата, противопоставив его крестьянской массе и используя в качестве военной силы восстания. Стремясь направить революционные силы крестьянства в русло чисто национальной борьбы за независимость Польши, избежать появления «гибельных геростратических или даже гайдамацких элементов», которые Мерославский именовал «польским герценизмом», он был не прочь использовать русскую революцию и украинское национальное движение. Генерал предлагал перенести за Днепр «пожар, уже зажженный во внутренности Москвы», добавляя: «Пусть он издали помогает польскому освобождению, терзая сокровенную внутренность царизма». Перенесение же русского «радикализма» в пределы Польши, заявлял он, «будет считаться изменой родине и будет караться смертью как государственная измена»¹⁹⁵.

Революционная демагогия Мерославского была направлена, прежде всего, на привлечение крестьянства и давление на шляхту, а также на завоевание поддержки польских патриотов и симпатий европейской прогрессивной общественности. Но в то же время Мерославский рассчитывал на поддержку дела Польши и европейскими монархиями, в первую очередь, Францией. Он был близок с принцем Наполеоном Бонапартом, выполнял его поручения и даже не отвергал его кандидатуры на престол будущей Польши, а в книге «О польской национальности в европейском равновесии» восторженно писал о «европейской империи Наполеона». Расчет его на помощь держав вел к мысли о том, что момент начала восстания в Польше должен определяться не столько готовностью ее внутренних сил, сколько благоприятной внешней конъюнктурой — «самым сильным рычагом» польского дела, а само восстание становилось средством давления на европейские правительства. Таким образом, отвергая идею «дипломатического королевства в Польше» как претензию Отеля Ламбер, Мерославский, по словам К. Маркса, выступал за осуществление там «дипломатической революции [...] под покровительством Луи Бонапарта и Пальмерстона». При таком развитии событий Польше надлежало следовать указаниям эмиграции, так как Мерославский не допускал наличия общественного мнения в стране, находящейся под чужим игом. Эмиграция же определялась им как представительница «польской национальной демократии», давшая родине «веру в национальные силы, во всеобщее освобождение и братство» и единственно способная «повести массы в глубокой тьме». При этом подразумевалось, что руководящая роль в самой эмиграции должна принадлежать Мерославскому как «наиболее подходящему вождю будущего восстания», способному руководить польской нацией и сыграть историческую роль исполнителя «воли многих завещателей»¹⁹⁶.

Выступая с такими утверждениями, Мерославский и партия его сторонников в конце 1850-х — начале 1860-х годов все более обособлялись от Польского коло, а сам генерал завоевывал все большую популярность. Она росла, несмотря на критическое отношение к нему как консерваторов, так и части «умеренных» и Централизации. Мерославский предстал в виде центральной фигуры на всех важных эмигрантских мероприятиях, его выступления становились событием и вызвали энтузиазм, особенно среди молодежи, которая поднесла ему почетную саблю и устроила обед в его честь. Огромный резонанс имела речь генерала «К молодому поколению!» 29 ноября 1858 г. на торжественном праздновании годовщины Ноябрьского восстания: он громил «предателей, аристократов, сторонников полумер» и звал молодых «орлят» «воскресить Родину-мать». Возмущенный Отель Ламбер устами журналиста Ю. Клячко назвал эту речь «демагогической», «не-рыцарским», «гайдамацким, разбойничьим, богохульным катехизисом», призывом к «резне шляхты». Мерославский ответил на это статьей на страницах печатного органа Коло, завязалась полемика, которая взбудоражила не только всю эмиграцию, но и Польшу. Это нашло, в частности, отражение в распространявшемся среди поляков сатирическом четверостишии А. Гурецкого:

«В аду не жарят уж, к нам вести поступают,
Изобрели для душ там новое мученье:
С утра до вечера читать их заставляют
Речь Мерославского и Клячки возраженья».

В течение долгого времени эта словесная война не прекращалась. Против партии консерваторов было направлено выступление Мерославского на торжествах 29 ноября 1859 г.: в речи, начинавшейся призывом «Пробудись, народ!», генерал высмеивал теорию «постепенности» освобождения Польши, которую обосновывала аристократическая эмиграция. Спустя год генерал, остававшийся «человеком молодежи», вновь обрушился на «миллинёров»*, откладывающих освобождение отчизны на неопределенное время¹⁹⁷.

Призывая к восстанию, Мерославский занимался и конкретной деятельностью по его подготовке. По его инициативе и при участии Ю. Высоцкого в конце 1860 г. в Париже открылась Школа инструкторов, готовившая офицерские кадры. В ней обучались молодые люди, бежавшие из Польши, в том числе с территории, находившейся под властью России. В школе генерал читал лекции молодежи. Одновременно он вел переговоры с европейскими революционерами о совместных выступлениях против Австрии, встречался с венграми Л. Кошутом, Д. Клапкой, Ф. А. Пульским. Он поддерживал контакт с Д. Гарибальди, в центре переговоров с которым стоял вопрос о создании в Италии польского легиона как «зародыша национальной военной силы»; предполагалось, что его командующим станет Мерославский. Письмо Гарибальди, где говорилось о его «неограниченном доверии» генералу, широко распространялось среди эмигрантов в целях поднятия престижа и авторитета Мерославского. Этому способствовали и публикации в органе Польского коло «Przegląd rzeczy polskich», писавшем о «святом долге нации» «обеспечить легионы людьми и средствами». С призывом собирать средства на легион Мерославский обратился к польскому народу 10 января 1861 г., а 23 февраля появилось совместное воззвание его и Высоцкого, а также были опубликованы «Выводы из соглашений между Мерославским и Гарибальди, утвержденных 26 января 1861 г.», где речь шла о революционном союзе Польши и Италии, направленном против монархии Габсбургов. Австрия должна была стать «воротами», через которые польский легион сможет «пробиться штыком [...] к мертвой Польше». На подготовку военной силы за границей как необходимого для восстания условия авторы воззвания требовали обратить особое внимание, подчеркивали, что это «патриотический долг», призывали добровольцев из Польши передать пожертвования на создание легиона и ждать сигнала к восстанию, каким должно было стать начало борьбы за Венецию. Вопрос

* Миллинёры — группа патриотически настроенных представителей польской интеллигенции в Королевстве Польском. Участвуя в освободительном движении и будучи сторонниками национального восстания, они, однако, полагали, что условия для такого восстания созреют лишь в отдаленном будущем, возможно, через тысячелетие. Последнее послужило основанием для закрепившегося за ними ироничного прозвища.

о сборе средств акцентировался также в программе восстания от 1 марта 1861 г. и в воззвании 10 мая того же года: деньги нужны были на закупку оружия, и в воззвании звучала просьба о помощи в деле доставки его в Польшу. На первых порах вопрос подготовки восстания согласовывался с Польским колом, о чем свидетельствовали совместные обращения Мерославского и Высоцкого с воззваниями. Но по ходу дела отношения генерала с Колом и Эмигрантским комитетом становились все более напряженными, происходили столкновения на почве «безграничной амбициозности и властолюбия» Мерославского, возникали и трения по финансовым вопросам. Активно собирая средства на формирование легиона, генерал развил с этой целью широкомасштабную агитационную деятельность, хотя на словах именовал агитацию «пустой тратой времени». Он распространял экземпляры своих речей, воззвания, проникнутые энергией, пафосом. Одно из воззваний в августе 1860 г. завершалось словами: «Да здравствует Польша — победа или смерть!»¹⁹⁸.

Свои воззвания Мерославский направлял в Галицию и Познанщину. Во Львове в 1859–1860 гг. сложился кружок его сторонников во главе с Яном Чарнецким. Эмиссары Мерославского Трощинский и Лёвенгардт действовали также в Познани, Вроцлаве, Катовице, Иновроцлаве, Тшемешне, агитируя за создание тайных комитетов, но, по-видимому, не добились там особых результатов. Что касается Королевства Польского, то оно являлось объектом первоочередного интереса генерала. К 1859 г. относились его первые попытки установить контакт с Королевством. Члены кружка Нарциза Янковского, видевшие в Мерославском «очень деятельного» вождя будущего восстания, получали от него книги, брошюры, собирали для него деньги, занимались военным делом, готовясь к восстанию согласно присланным инструкциям. Такую же работу вел в Варшаве кружок под руководством Яна Кужины, ставшего затем правой рукой Мерославского за границей. Кужина наладил регулярную связь Парижа с Варшавой, где в 1859 г. произошло объединение обоих кружков в Капитулу. Во главе ее встал Кароль Маевский, который тяготел к партии «белых», представлявшей имущие слои общества и боявшейся восстания. Маевский старался оградить организацию от повстанческих идей Мерославского, он добивался, чтобы эмиграция ограничилась вспомогательной ролью и предоставила стране самой выбрать свой путь. Тем не менее, он сумел завоевать доверие Мерославского, стремившегося создать в Польше партию своих сторонников и обеспечить поддержку своим повстанческим планам¹⁹⁹.

4. Консервативная польская эмиграция и ее антиреволюционная программа разрешения «польского вопроса»

Анализ позиций различных течений в демократической польской эмиграции свидетельствовал о том, что, несмотря на расхождения в постановке ряда существенных вопросов — о социальной программе, об отношении к помощи Запада, к русско-польскому революционному сотрудничеству и др. — в ее среде

существовало единство взглядов по важнейшему вопросу о пути освобождения Польши. Как та его часть, что шла за Централизацией, так и сторонники «умеренной» демократии, по-прежнему стремились добиться независимости родины посредством вооруженного восстания. В этом плане демократический лагерь резко противостоял лагерю консервативной эмиграции, занимавшей позицию отказа от революционного пути освобождения Польши. Причины этого вскрывала демократическая печать: «Революция для них это как бы какая-то смертельная мера, — писала газета «Demokrata Polski» о консерваторах в 1851 г. — Может, они и согласились бы на восстание, которым могли бы руководить, но революция, низвергающая монархизм, но освобождение люда, но республика — скорее уж чрезвычайное положение, скорее уж ярмо захватчиков, скорее уж вечная смерть отчизны». Газета констатировала, что «польский консерватизм это продолжение мучений, это консерватизм национальной смерти, это то же самое, что измена родине»²⁰⁰.

Для подтверждения этой характеристики консерваторы давали все больше доказательств. Во время Крымской войны внутри партии Отеля Ламбер оформился тайный орган, получивший в 1860 г. название — Бюро польских дел. Его 11 комиссий (корреспондентская, финансовая и др.) развернули активную деятельность. Филиалы Бюро возникли в разных центрах Европы и Польши, всюду действовали его корреспонденты и агенты, налаживавшие контакты, собиравшие информацию, осуществлявшие сбор средств. Мощную и умелую пропаганду вел еженедельник «Wiadomości Polskie» под редакцией и при участии Ю. Клячко, В. Калинки, Л. Каплиньского и др. Этот печатный орган, основанный во время Крымской войны, был сначала предназначен для поддержания духа польских солдат, воевавших на стороне англо-французской коалиции. «Общепольское» значение он, по свидетельству современников, приобрел в конце 1850-х — начале 1860-х гг., в период, ставший знаковым временем для Европы, где развернулась борьба за объединение Италии, и для России, вступившей на путь реформ. Обозначая свою позицию в этой чреватой революцией ситуации, «Wiadomości Polskie» писали: «Мы не думаем о революции, мы всегда думаем о Польше». Газета высмеивала Герцена, видевшего путь освобождения Польши именно в революции: «Разрушение существующего социального порядка, потоки крови и всеобщее замешательство — вот заря, которая, по мнению автора, светит в будущем, вот день освобождения Польши». Так же и Клячко, полемизируя с Мерославским в опубликованной 19 февраля 1859 г. статье «Нерыцарский катехизис», писал: «Нет, свободу не добыть на конце гайдамацкого ножа, и за таким Красным морем не найти своей земли обетованной»²⁰¹.

Эти слова подтверждали, что основную угрозу революционного пути освобождения Польши консерваторы видели в социальной революции. Они вспоминали «буйный взрыв слепой ненависти и мести» галицийских крестьян в 1846 г., когда руководители восстания, бывшие, по их мнению, в сговоре с австрийскими властями, вывели на политическую арену путем «убийства и воровства» одуроченное крестьянство, которое «угнетатели коварно обманули

и побудили» к бунту. В таком крестьянском движении, считал Клячко, первыми должны погибнуть сами революционеры, а овладеть им сможет только «второй Шеля, который, так же, как и его предшественник, отменив от имени императора на три дня десять заповедей, представит, наконец, взбесившуюся толпу под кнут и указы». Показав, каков в Польше «окончательный результат принципов революции и социализма», автор «Нерыцарского катехизиса» подчеркивал, что из этого образа вытекает «политическое и моральное предостережение»: «Резня шляхты — таковы альфа и омега этого новейшего завета, и упырь, восставший из неостывшего еще гроба Жешова и Тарнова, в конце каждого куплета своей песни требует крови»²⁰².

Отказ от революционного пути завоевания независимости обозначился уже в 1856 г., когда консерваторы выступили с протестом против царской амнистии. Объясняя общественности мотивы, которые побуждают их «оставаться терпеливыми и покорными воле божественного провидения», они указывали, что амнистия, оговоренная различными условиями и ограничениями, их не устраивает. Отель Ламбер считал своей политической миссией добиваться «справедливости» для Польши, требуя проведения царизмом реформ — предоставления полякам национальных гарантий в области языка, религии, образования, создания национальной администрации. Иными словами, аристократическая эмиграция рассчитывала на компромисс с царизмом, ожидая, что новый император возьмет за образец Александра I и его позицию в польском вопросе. Заявляя, что «Польша надеется на Бога, на свои собственные интересы и на совесть беспристрастных людей всех народов», консерваторы избегали ставить вопрос о полной независимости, то есть отказывались от революционной борьбы. Это означало отказ и от всякой конспиративной деятельности. На страницах газеты «Wiadomości Polskie» Калинка писал об общей ошибке революционных партий, принимающих за основу свою цель, а не реальные обстоятельства; нужно, считал он, исходя из данных условий и по мере их развития, постепенно их улучшать, используя все возможности. «Никто не может строить широко и прочно, — утверждал он, — кто не строит явно». Ссылаясь на провал деятельности Революционной громады «Лондон», консерваторы доказывали, что конспирация — плод провокации правительства, она «стала теперь оружием врагов Польши против Польши», а потому «конспиративная деятельность не входит в сферу надежд нации». Консерваторы анализировали также подобную деятельность итальянских революционеров и доказывали «губительность» тенденций Мадзини и Гарибальди, ведущих «в адскую пучину безумия, грязи и крови». Они утверждали, что заговорщическая тактика не обеспечивает массовости и прочности, организуя «не силы, а только иллюзии», создавая «возможность одной минуте уничтожить труды многих поколений». «Wiadomości Polskie» утверждали, что «призывы к заговорам и революции ныне уже не являются свидетельством ни знания дела, ни даже патриотизма». Чаргорыский говорил об «абсурдных принципах раскола, беспорядка и резни», а пресса Отеля Ламбер писала о «страшном кровопролитии и еще более страшном нравственном и социальном расстройстве», которые

революционные заговоры приносили в прежние польские восстания. Консерваторы приходили к выводу, что заговор — «это опасное оружие, оно стреляет в руке раньше, чем его направят на врага: это граната, разрывающаяся в собственных руках». Поэтому Калинка указывал, что существуют лишь три условия завоевания независимости — моральная борьба под именем Бога и связь высших классов с людом, образующая народ, нацию, должны сочетаться с лозунгом: «не думаем о революции, а всегда думаем о Польше»²⁰³.

Конспиративной деятельности и революции консервативная эмиграция противопоставляла мирный, легальный «органический труд» и надежды на помощь Европы. В речи 29 ноября 1860 г. Чарторьский заявил: «Всюду прочно держась легальной почвы, можно и нужно совокупно заниматься моральными и экономическими проблемами провинции». Клячко в полемике с Мерославским также подчеркивал, что главная цель подготовки к освобождению родины заключается «во внутренней работе страны над собой, в ее продвижении во всех отношениях», после чего нужно ожидать «осознания Западом своих подлинных интересов и опасностей». Среди западных держав, прежде всего, рассчитывали на Англию и Францию. С последней, и лично с Наполеоном III, Отель Ламбер связывал самые большие надежды. Благодаря браку одного из сыновей князя Адама с представительницей испанской королевской семьи Чарторьские оказались в близком родстве с французской императрицей. Отель Ламбер и Тюильри обменивались знаками внимания, а пресса консервативной эмиграции, доказывая «верность поляков Франции и Наполеону», прославляла «эру справедливости» французского монарха, его «благороднейшую» политику поддержки «принципа национальности». Она выражала уверенность, что этот принцип будет распространен и на Польшу, и «солнце Аустерлица в своем неуклонном движении поднимется и над польскими полями». Чтобы заслужить доверие и поддержку европейских монархий и прослыть «представителями консервативных принципов общественного порядка», деятели Отеля Ламбер старались избегать контактов с либеральной и даже консервативной европейской оппозицией. Характерный образ взаимоотношений представителей аристократической партии с европейскими общественными кругами рисовала одна из английских газет, и эту язвительную характеристику воспроизвел на своих страницах орган ПДО «Demokrata Polski». 2 декабря 1858 г. автор заметки в газете «The Daily Telegraph» («Ежедневный телеграф») писал, что в лондонском Литературном обществе друзей Польши «под аристократический аромат фамилий проходят заседания, на которых патриотизм выражается в шелковых словечках»; «графы, генералы и полковники приходят получить благосклонный взгляд английских лордов, которые [...] без усталости сидят тихо»²⁰⁴.

Подчеркивая, таким образом, свою приверженность консервативным принципам, польская аристократическая эмиграция старалась одновременно подтвердить преданность и «принципу национальности». В этой связи большие затруднения для Отеля Ламбер создавали происходившая в эти годы борьба итальянского народа за воссоединение и связанный с ней вопрос о церковном

государстве Римского папы. В феврале 1860 г. в связи с трудным положением Ватикана А. Чарторыйский от имени поляков послал папе заверения в преданности. В речи 29 ноября 1860 г. по случаю годовщины Ноябрьского восстания, приветствуя успехи итальянцев, он одновременно говорил о «глубокой грусти и боли» из-за «трудностей и страданий, которые выпали на долю высшему священнику христианства» и выразил тревогу за судьбу Папского государства. Активную позицию заняли «Wiadomości Polskie», указывавшие, что «перворазрядные европейские интересы неуклонно требуют сохранить» Папское государство, так как лишь «атрибуты светского владения» могут позволить папе осуществлять свою власть. Идее «искусственного единства» Италии, основанной на «аннексии», газета противопоставляла предложенную Наполеоном III «более легкую, так как более естественную и органичную» концепцию итальянской конфедерации, допускавшую существование внутри нее государства Ватикана. Но «правое», ультрамонтанское, крыло консервативной партии, группировавшееся вокруг В. Замойского и В. Калинки, стояло на жестких ультимативных позициях, считая борьбу итальянцев за свое единое государство «свержением основ закона и справедливости, основ политической нравственности». Его представители утверждали, что, встав на революционный путь, итальянцы сняли с повестки дня вопросы национальности и независимости, и поэтому отрицали близость национальных задач итальянского и польского народа. В частной переписке они высказывали ненависть к «революции», к «красным», возмущались «поведением Пьемонта», «подлостью» Виктора Эммануила и Кавура, а А. Козьян, проводивший параллель между разделом Польши и разделом Папского государства, в 1862 г. выражал надежду, что «Франция не пожертвует Римом, ударит картечью по всему этому восставшему народу, и весь народ этот разбежится в беспорядке». Польские сторонники папства не только пересылали в Ватикан крупные денежные суммы, но и вербовали поляков Галиции в папское войско. Калинка же занимался вербовкой добровольцев в отряды свергнутого неаполитанской революцией Франциска II, которые, по свидетельству В. Мицкевича, «убивали и грабили жителей Италии». Отел Ламбер старался затушевывать эти факты открытой поддержки папства, избегать публикации острых ультрамонтанских заявлений, и потому редакции газеты «Wiadomości Polskie» приходилось нелегко: из-за происходивших внутри нее разногласий еженедельник на время даже приостанавливал свою деятельность, а в 1861 г. издание было прекращено²⁰⁵.

Католические симпатии Отеля Ламбер и, прежде всего, его ультрамонтанского крыла были направлены не только на Ватикан, но и на оплот католицизма — монархию Габсбургов. Это не было случайностью, так как надежды консерваторов распространялись и на державы, разделившие Польшу. «В Польше не думают ни о каком восстании, ни о революционном движении, — писал А. Козьян, — но нам недостаточно хорошо ни под одним из трех чужих правительств, чтобы мы не желали себе лучшего и не надеялись, что будет лучше». До конца 1850-х годов политика Вены в отношении Польши и непосредственно Галиции не давала Отелю Ламбер никаких надежд, и это нашло отражение

в вышедшей в 1851 г. работе В. Калинки «Галиция и Краков под австрийским господством». Но в конце 1850-х годов у консервативной эмиграции появилась надежда, что Австрия втянется в войну с Россией из-за украинских земель и при этом поднимет польский вопрос. Печатный орган консерваторов в 1858 г. отмечал более благоприятные условия для поляков в Галиции, объясняя это многонациональным характером империи Габсбургов, вынужденной идти на известные уступки населяющим ее народам. Когда Вена предоставила галицийским полякам некоторые возможности для развития национальной жизни, Отель Ламбер приветствовал эти частичные уступки и «провинциальные привилегии» как выход этой части Польши «на поле легальной манифестации и европейской деятельности», Чарторыйский же советовал воспользоваться перспективами, какие «льготы» австрийского правительства открывали для легальной работы поляков. Приехав в Галицию в 1858 г., он общался с местными деятелями, а также имел аудиенцию у Франца Иосифа, предложив ему «надежды Галиции». Расчеты Чарторыйских были связаны также с австро-итальянской войной 1859 г.: после поражения Австрии они хотели организовать дипломатическую интервенцию держав в пользу национальных свобод Галиции, имея в виду, прежде всего, предоставление права использования польского языка в школе, суде и администрации. Консерваторы были готовы ждать, когда Вена поймет всю выгоду от уступок полякам: В. Замойский писал А. Чарторыйскому 14 июля 1859 г., что Австрия «может из Галиции и Кракова создать себе щит и оружие для самых достойных целей [...], хоть бы нам и пришлось ждать полного разрешения судьбы Польши, уже столь большая Галиция в самой себе может развить мощь и сумеет быть терпеливой и верной государству, которое вернет ей столько жизни». Те же мысли высказал в речи 29 ноября 1860 г. князь Адам, считавший, что Австрия тяготится навязанной ей Галицией. Он заявил, что одно из государств-захватчиков вроде бы поняло свой интерес и хочет очистить себя; хотя пока оно встало на путь предоставления национальной автономии, действуя так из-за угрозы распада, но если пойдет по этому пути «искренно и до конца», это станет для него спасением. Чарторыйский выразил уверенность, что жизнь одной провинции, то есть Галиции, «согреет» и остальные. В этом направлении консервативная эмиграция ориентировала и галицийских политиков. В 1860 г. Отель Ламбер одобрил адрес галицийского сейма к Государственному совету, а князь Адам приветствовал укрепление автономии Галиции. В Львове распространялся циркуляр аристократической партии, призывавший шляхту временно воздержаться от политических выступлений. Летом 1860 г. в Вену и Краков ездил В. Чарторыйский, чтобы создать сеть корреспондентов для Бюро Отеля Ламбер и телеграфный центр для посылки информации в Париж. Парижские консерваторы были связаны также с редакцией львовской газеты «Głos». Поддерживалась постоянная связь и с Польским колом в венском рейхсрате, а через него был установлен контакт Отеля Ламбер с политическими деятелями славянских народов Австрии и Венгрии. В начале 1861 г. З. Йордан был послан в Чехию и Хорватию, эмиссары Чарторыйского направились также в Венгрию и Черногорию. Отель Ламбер

был заинтересован в налаживании отношений австрийских славян с венграми, так как Венгрию они рассматривали как ценного союзника Польши. В 1860 г. «Wiadomości Polskie» писали: «Соседство венгров, дышащих более свободно и связанных с нами столькими воспоминаниями, убережет Галицию не от одного беззакония и поможет ее развитию во многих отношениях». Ориентируясь на Венгрию, консервативная эмиграция стремилась к развитию автономии Галиции, мечтала сделать ее «польским Пьемонтом», подняв при поддержке Австрии польский вопрос. Отель Ламбер старался убедить Вену, что поляки способны усилить Габсбургскую монархию, поддержать ее равновесие, а в случае создания независимой Польши Галиция стала бы связующим звеном двух соседних государств. В этом духе был составлен переданный австрийской власти мемориал с предложением о предоставлении Галиции широкой автономии²⁰⁶.

Надежду на то, что «будет лучше», консервативная эмиграция связывала и с Россией. Позитивные ожидания были вызваны либеральными заявлениями нового российского императора. Еще в 1856 г. Отель Ламбер делал попытки договориться об объединении под властью царя большей части Польши, и князь Адам представил ему соответствующий мемориал. Он сожалел о нежелании Александра II «принять» под свое крыло Галицию и Познанщину, но главным для него была судьба «забранных земель». Сторонники Чарторьских не мыслили Польши иначе, чем в границах 1772 г., считая возможным говорить о «забытой русинской национальности» лишь по отношению к левобережью Днепра. О Приднепровской же Украине «Wiadomości Polskie» писали, что она, «завоеванная и обороняемая польским оружием, населенная тем же самым народом, который породил шляхту из своего лона, есть и, Бог даст, не перестанет быть польской провинцией», и «покушающиеся на нее малорусские патриоты» «всегда встретят, вместо братской руки помощи, еще одного врага». Так же относились консерваторы к мысли о «какой-то отдельной литовской национальности», видя в ней «болезнь, коснувшуюся слабых голов», идею, «родившуюся в преступных или больных умах». Чтобы раз и навсегда «покончить» с вопросом о правах литовского народа, пресса аристократической эмиграции призывала шляхту и духовенство общими усилиями полностью ополячить литовское крестьянство. Точно так же аристократическая партия, рассматривая вопрос о предоставлении гражданских прав евреям в Королевстве Польском и провозглашая их «поляками Моисеева исповедания», стремилась не к установлению равноправия еврейского национального меньшинства, а к ассимиляции евреев, их полному ополячиванию. Позиция Отеля Ламбер в национальном вопросе была тесно связана с вопросом социальным. Он хотел объединить все силы польского общества и, в первую очередь, имел в виду крестьянство, надеясь «полюбовно» разрешить его противостояние со шляхтой. Постановка крестьянского вопроса в России «не в духе терроризма», а «на пути компромисса» встретила его одобрение, и в начале 1858 г. в Лондоне на заседании Литературного общества друзей Польши его председатель К. Шульчевский прославлял царя. В мае 1859 г. Чарторьский вновь выразил надежду на «добрые чувства» Александра II к полякам. Расчет

был на смягчение режима в Королевстве Польском, расширение сферы применения польского языка, а главное, на распространение уступок «на все польские провинции», то есть на украинские, белорусские и литовские земли. Как писал впоследствии В. Чарторыйский, выполнение этого условия могло бы предотвратить восстание 1863 г.²⁰⁷

Знаменательно, что А. Чарторыйский призвал шляхту Королевства Польского сотрудничать с царским правительством в осуществлении крестьянской реформы. «Цель шляхты теперь, — писала консервативная пресса, — совершить эту социальную перемену с как можно бóльшим облагораживанием национального характера и выйти из нее с как можно более сильным нравственным влиянием на сельский люд». Для консерваторов было важно, чтобы шляхта поскорее разрешила крестьянский вопрос как «жизненно важный» для всей Польши. Уступки, «добровольно» сделанные помещиками, могли бы обеспечить шляхте поддержку масс в борьбе за национальные права поляков; к тому же отмена старых феодальных отношений в сельском хозяйстве Королевства Польского ощущалась как необходимость не только крестьянскими, но и помещичьими хозяйствами, вставшими на путь капиталистического развития. Нужно было лишь, чтобы перемены совершились наиболее мирным путем, с наименьшим ущербом для материальных интересов шляхты и наибольшей выгодой для ее политических планов. Поэтому и «Wiadomości Polskie», и князь Адам в своих речах напоминали шляхте о необходимости жертв, об опасности промедления, подчеркивая, что «не только христианская и патриотическая совесть, не только взгляд на доброе имя и будущее нации, но и собственный интерес каждого, безопасность собственная и безопасность своих семей велит полякам активно благоприятствовать задуманной и неотвратимой реформе». Оттягивание же ее, предупреждал Чарторыйский в речи 3 мая 1859 г., «будет приписано крестьянством, обманувшимся в своих ожиданиях, усилиям алчности и злонамеренности шляхты». Он хотел, чтобы шляхта убедила в своих добрых намерениях не только крестьян, но и «господствующие власти», которые, как он рассчитывал, не захотят «потерять в глазах Европы» и позволят польским помещикам осуществить реформу. Ее главным условием должно было стать «незыблемое» сохранение помещичьей собственности; на этой основе предполагалось заключение между паном и «равным» ему «свободным» крестьянином «добровольных соглашений [...] различной формы и содержания согласно местным условиям и нуждам». Предусматривалось как очиншевание крестьян, так и «постепенное допущение» их к «приобретению собственности» и даже предоставление им за плату земельных участков, «крайне необходимых» «для покрытия неотложных нужд». Осуществить эту программу Отель Ламбер советовал как всем помещикам Королевства Польского, так и особенно польской шляхте «забранных провинций», подчеркивая, что «дело идет здесь о существовании, о жизни», и чтобы избежать «пожара братоубийственной войны» и «кровавой ненависти», нужно продать крестьянам землю в рассрочку и по умеренной цене²⁰⁸.

Избавившись от угрозы крестьянской революции, рассчитывали консерваторы, можно было бы проводить мирную «органическую работу», не «пренебрегая

частичным благом народа». Идеологи Отеля Ламбер утверждали, что легальная деятельность во всех областях является «главнейшей [...] задачей настоящего времени, первейшим условием будущего освобождения», «ближайшей и безошибочной подготовкой к будущему восстанию». «Wiadomości Polskie» доказывали, что Польша воскреснет постепенно, так же, как постепенно она умирала, и нужно ждать назначенного судьбой часа свободы «в кровавом зное ежедневной работы, под гнетом ежедневного самоотречения, в огне раскаяния». «Бессильная нетерпеливость, — писала газета, — лишь увеличит слабость, продлит рабство, уготовит следующему поколению новые горести и опасности! Ибо хоть сейчас и плохо, может быть еще хуже». И хотя конечной целью называлась война с Россией за свободу Польши, но подчеркивалось, что такая война должна стать венцом всех усилий польского народа. В этой связи консерваторы — «патриоты завтрашнего дня» — указывали на необходимость решать вопросы дня сегодняшнего, накапливать моральные и материальные ресурсы нации, развивать «польский дух», чтобы «сразиться сначала на духовной арене», то есть заняться самоусовершенствованием. В день 30-летия Ноябрьского восстания, в речи 29 ноября 1860 г. Чарторыйский потребовал от польской нации «оживления и утверждения в себе принципов порядка, чести, религии, морали» на пути легальной «органической» деятельности, а еще ранее, в речи 3 мая 1857 г., он говорил о необходимости внутреннего воспитания, обогащения нации в моральной, интеллектуальной, научной, хозяйственной и промышленной сферах. Он указывал на эти сферы, призывая следить за потребностями каждого нового дня: «Богоугодные и благотворительные заведения; школы — надежда будущего, городские и сельские училища, торговые, промышленные, сельскохозяйственные предприятия; поддержка научных, литературных изданий и трудов; распространение спасительного просвещения среди всех слоев общества; в высших же слоях — поощрение, при помощи примера, хозяйствования, экономии на нужды страны, отвлечение от бесплодных излишних и разорительных расходов; направление молодежи на путь долга, веры, нравственности, труда и порядочной жизни — сколько же прекрасных занятий, важных трудов, похвальных стремлений»²⁰⁹.

Пропагандируя путь легальной «органической» работы как путь, ведущий к свободе, сторонники Чарторыйского невольно проговаривались: в частности, «Wiadomości Polskie» утверждали, что «народы, желающие остаться цивилизованными, должны ценить справедливость, порядок и нравственность больше, чем свободу, больше даже, чем независимость». Таким образом, становилось ясно, что «органическая» работа должна была не только и не столько способствовать экономическому прогрессу в Польше, сколько отвлечь народ с революционного пути, а также сблизить между собой классы польского общества, нивелировать социальные противоречия, создать «единство нации». Эти мысли аристократическая эмиграция несла в польские земли, активизировав контакты с ними через расширенную сеть агентов и корреспондентов. В Познани, как и в Галиции, распространялись документы Отеля Ламбер, в частности, упомянутый выше циркуляр 1860 г., призывавший шляхту временно воздержаться от политических

выступлений. Особое внимание уделялось Королевству Польскому, где назревали реформы. Поэтому самые активные сношения Отеля Ламбер были установлены с помещичьим Земледельческим обществом и его главой графом Анджеем Замойским. Тот факт, что в России в это время появились признаки назревания революционной ситуации, не мог не отразиться на позиции аристократической эмиграции. Отрицая революционный путь борьбы, она не видела в русском революционном народе потенциального союзника Польши. «Wiadomości Polskie» противопоставляли «чувство справедливости» поляка «обману и коварству», характерным для «москаля», который «не способен понять голос свободы». Газета утверждала, что русская революционная демократия не выражает «ни мысли нации, ни нужд страны», что Россия дозреет до свободы и союза с Польшей лишь спустя несколько поколений, а пока русских «непреодолимо» разделяют с поляками «политические, общественные и религиозные представления», и это исключает «взаимопонимание и соглашение». Особенно яростно консервативная эмиграция выступала против социальных и социалистических моментов в программе русских революционных демократов, так как боялась влияния на польские массы революционной постановки крестьянского вопроса в России. «Социалистическое признание права на землю» «Wiadomości Polskie» называли «совершенным уничтожением прав собственности» и противопоставляли ему «освящающее эти права благоразумное согласие на выкуп земли»²¹⁰.

Отмежевываясь от революционного пути освобождения Польши и от революционных союзов, Отель Ламбер в то же время проявлял большое внимание к положению, складывавшемуся в Европе, которое, по его мнению, «давало столько поводов для надежды, основывающейся и на собственном усилении, и на слабости врагов». Стремясь укрепить контакт с Западом как «золотую нить, связующую Польшу с бессмертием и спасающую от гибельных объятий восточного варварства», польский аристократический лагерь видел необходимость завоевать «симпатии Европы», ее «участие и признание». Выступление под лозунгом «органического труда» должно было объявить Западу о продвижении Польши по пути мирного развития в направлении прогресса и свободы, продемонстрировать как признаки национальной жизни, так и «резвость», умеренность взглядов поляков. К такой демонстрации приглашали «Wiadomości Polskie», а К. Шульчевский, призывая на страницах газеты к энергичному «развитию в стране духа предпринимательства и кооперации», обещал информировать об этом Европу. В распространении информации, как и в разъяснении своих взглядов, партии Чарторыхских помогало наличие собственной печатной трибуны. Использовалась и иностранная, прежде всего, французская пресса. Брошюры с речами Чарторыхского рассылались в Лондон, Геную, Милан, Турин и другие европейские центры. В выдвижении польского вопроса на обсуждение европейской общечеловеческой ответственности помогал также специально созданный французский комитет²¹¹.

Активную работу Отель Ламбер развернул и на Востоке, где с 1858 г. сетью агентов руководил Владислав Йордан. Существовали постоянные связи с турецким двором, при его тайной помощи была организована экспедиция

Т. Лапиньского на Кавказ, где поляки заключили с абхазами договор о совместной борьбе против России и в дальнейшем посылали туда оружие. Активные действия они пытались также вести в Дунайских княжествах: агенты Отеля Ламбер занимались там трудоустройством молодых эмигрантов и их военным обучением. Стремясь направить энергию молодежи на борьбу за освобождение славянских народов от Османского ига, они пытались в этом отношении выступить в качестве соперников России. Эту же цель они преследовали, стараясь играть роль посредников между турками и балканскими славянами. На уменьшение российского влияния на Балканах была направлена и деятельность Отеля Ламбер в Болгарии, имевшая целью внести раскол в болгарскую православную церковь путем создания параллельной болгарской униатской церкви. При Бюро Отеля Ламбер был создан Комитет по вопросу болгарской церковной унии, а сам Чарторьский состоял в переписке с главой болгарского униатства епископом Иосифом Сокольским. Интерес его к этому вопросу был связан с тем, что князь Адам, как и весь консервативный лагерь в целом, отводил Польше роль вождя славянства, а потому он требовал, чтобы католическая церковь взяла болгарский народ под свое попечение²¹².

ГЛАВА IV

ОБЩЕСТВЕННЫЙ ПОДЪЕМ В КОРОЛЕВСТВЕ ПОЛЬСКОМ В НАЧАЛЕ 1860-х ГОДОВ. МАНИФЕСТАЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ И ПОЛЬСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭМИГРАЦИЯ

1. Манифестации в Королевстве Польском и Отель Ламбер: попытки партии Чарторьских подчинить эмиграцию своему руководству

В 1860–1861 гг. в Королевстве Польском развернулось широкое манифестационное движение. Центром патриотического энтузиазма стала Варшава, однако оппозиционные настроения распространялись и в провинции, где так же, как и в столице, создавались подпольные революционные организации. Политическую обстановку в стране осложняло и ширившееся крестьянское движение, связанное с отменой крепостного права в России.

На почве патриотического подъема возродились надежды шляхты. Помещичье Земледельческое общество, созданное по инициативе наместника Королевства Польского М. Д. Горчакова с целью побудить польское дворянство согласиться с проведением крестьянской реформы в Королевстве и принять участие в ее подготовке, направило царю адрес с просьбой о предоставлении Королевству более широких прав. Власти, пытаясь маневрировать, колебались между политикой несущественных уступок и подавлением общественного движения вооруженной силой. В итоге в феврале 1861 г. царские войска открыли в столице огонь по демонстрантам. Похороны пяти погибших стали в Варшаве очередной, еще более грозной манифестацией, что свидетельствовало о неуклонном нарастании кризиса в стране. Страны Запада выражали сочувствие жертвам и возмущение политикой царизма. Стремясь подчеркнуть свою солидарность с выступлениями в Королевстве Польском, поляки-эмигранты служили торжественные молебны в память о жертвах расстрела. Такие богослужения в 1861–1862 гг. прошли в Париже, Лондоне, Брюсселе, Стамбуле, на них присутствовали также англичане, французы, немцы, русские. Герцен выступил со статьей «Vivat Polonia!», а затем в «Колоколе» была напечатана статья «Mater Dolorosa», полная сочувствия к Польше. Откликнувшись на это, «Przegląd rzeczy polskich», поблагодарив Герцена, выразил надежду на «полную солидарность» и общность пути с «Колоколом». В одном из номеров польского издания была помещена заметка, где деятельности Герцена давалась высокая оценка, и эту оценку подтвердил факт вручения ему в Париже 4 июля 1861 г. адреса, подписанного 436 польскими эмигрантами. О благодарственных адресах и письмах, направленных Герцену, писал «Колокол», опубликовавший полученные из Королевства Польского сообщения

и статьи, посвященные польской теме. И напротив, материалы по «польскому вопросу», опубликованные в русском революционном журнале, становились известны в России и Польше. Так, статья Герцена «Vivat Polonia!» распространялась в виде листовки в российской армии. Тогда же в Польше и в эмиграции появилась масса брошюр, где воздавалось должное патриотическому духу манифестантов, но по-разному оценивался сам факт национально-освободительных проявлений: в частности, звучали предупреждения об опасности перерастания движения в революционную борьбу. Авторы таких публикаций, сочувственно принимая уступки царизма, склонялись к компромиссу с ним и хвалили в этой связи главу Земледельческого общества А. Замойского за удержание поляков на пути легальности и мира. Жесткую позицию заняли «воскресенцы», выступавшие против любых проявлений революционного характера: они осуждали даже пение патриотических гимнов во время манифестаций. В отличие от них, сторонники А. Товяньского призывали поляков вернуться на «высоты» духовного сопротивления. Их проповедь в чем-то перекликалась с теми советами, какие в это время направляла в Польшу «Prawda» Генрика Каменьского. Хотя демократические и революционные убеждения издателя газеты в корне отличались от взглядов «товьянчиков», но сходными были призыв к «духовной зрелости» и благосклонное отношение к царским реформам. Товяньский одобрил реакцию Александра II на адрес Земледельческого общества и заявил: «Если бы соотечественники, получив такой умеренный ответ царя, искренне поблагодарили бы его и сказали “мы верим тебе и будем терпеливо ждать”; если бы даже сложились и послали ему какой-либо подарок, то, может быть, такое чувство тронуло бы его душу, по природе своей способную к благородным движениям». Он советовал польскому народу, опираясь на моральную силу, направить острие борьбы против внутреннего зла, против собственных грехов и пороков²¹³.

Аристократическая эмиграция на первых порах не решалась открыто осудить политический характер манифестаций, как это сделали приверженцы Товяньского или «воскресенцы». Тем не менее, в своем кругу сторонники Чарторьских называли манифестации «безумием, студенческой выходкой», несвоевременной, компрометирующей и чреватой жертвами. «Это уроки и веяние Мерославского, — писал А. Козьян 28 февраля 1861 г. — Глупая Варшава думает, что Гарибальди уже тут и с ним Мерославский, что оба они спасители». Но когда Земледельческое общество постаралось взять движение под свой контроль и придать ему форму морального протеста и проявления национально-религиозного чувства, тогда Отель Ламбер заговорил о «чуде», «деле Провидения», о дарованной Богом благодати, о «прекраснейшей моральной революции, самой могучей духом при полном материальном бессилии». Его восхищали «это единомыслие, это согласие, эта умеренность, эта покорность властям, вызывающим доверие». Желая «помочь стремлениям, мужеству, самоотверженности, разуму тех, кто там в Варшаве взял в свои руки руководство делом», консерваторы призывали поляков «не сходить с избранного пути» манифестаций, тем более что и французское правительство сочло его «наилучшим». О «духовной высоте», «моральной

мощи» нации говорил 3 мая 1861 г. Владислав Чарторьский, умолявший поляков не опускаться до «гневных вспышек», до «низменной» вооруженной борьбы. «Самая великая сила на земле состоит в том, чтобы не дорожить жизнью, — заявил он. — Иметь эту силу и одновременно быть кротким и великодушным, чуждым всякой идее мщения, всякому стремлению вредить даже своему врагу — это преимущественное достоинство и истинный политический разум». В связи с этим «подстрекательство нетерпеливых к беспорядкам» осуждалось как «тяжкий грех», вредный для Польши, борьба же, осуществлявшаяся «целиком на основе законности», приветствовалась, так как создавала благоприятный имидж поляков и давала основания для дипломатического вмешательства Запада. Добиться такой «помощи соответствующего характера» от Франции и Англии пытались В. Чарторьский и В. Замоийский, а К. Чарторьский обращался также в Ватикан за поддержкой против «партии насилия», стремящейся «ввергнуть Польшу в опасности кровавой революции»²¹⁴.

Подчеркивая, что для «медленного, постепенного» подъема нации «нужны только разум, умеренность, а более всего терпение», аристократическая партия организовала в Париже в марте 1861 г. сбор подписей под адресом, представленным царю Земледельческим обществом, а уступки царского правительства были восприняты как «прекрасное преддверие к святыне». Но когда с осени 1861 г. царизм усилил репрессии, восторг исчез, однако это не привело Отеля Ламбер к изменению позиции: решено было лишь временно приостановить «мирное» патриотическое движение. Оставался расчет на осуществлявшего властные функции в администрации Королевства Польского маркиза А. Велёпольского, с которым аристократическая эмиграция вела переговоры и который, хотя и шел дальше деятелей Отеля Ламбер в вопросе о полной лояльности царизму, но так же, как и они, был противником революции. Для предотвращения революционного взрыва Отель Ламбер считал необходимым, чтобы Земледельческое общество, в котором он видел «двигатель и гордость всей провинции», «доказательство немалой зрелости» общественного мнения, как можно скорее сделало крестьян собственниками земли, и требовал придерживаться мирного курса. С руководством Общества велась регулярная переписка, обсуждались проекты документов, которые шляхта Королевства Польского намеревалась представить властям. Но в 1861 г. буржуазно-помещичьи круги Королевства оформили создание партии «белых» во главе с тайной Дирекцией, и консервативная эмиграция была отодвинута на вторые позиции: ей пришлось удовольствоваться тем, что в ее руках оставалась внешняя политика, внутренние же дела Польши, а также в значительной степени финансовые ресурсы передавались созданному «белыми» в феврале 1862 г. Центральному фондовому комитету и Расчетной делегации, о чем с Бюро Отеля Ламбер был заключен договор²¹⁵.

Включение в Комитет и Делегацию отдельных представителей «умеренной» демократической эмиграции стало результатом определенного влияния либеральных элементов. Боровшиеся против революционных тенденций «белые» звали к «широкому» объединению сил. К такому же единству они призывали

эмиграцию. Еще в конце 1860 г. они потребовали «примирения» заграничных партий, пригрозив отказом в финансовой помощи, и 31 марта 1861 г. на празднике Пасхи в Батиньольской школе сторонники Отеля Ламбер в присутствии посланцев Королевства Польского сделали попытку объединения эмиграции. Призыв к единству звучал и в речи В. Чарторьского 3 мая 1861 г. И хотя тогда «примирение» было отвергнуто демократически настроенными эмигрантами, выступившими против претензий Чарторьских на «руководство делами страны», поиски согласия продолжались. Повод для этого дали торжественные похороны князя Адама в июле 1861 г. Они проходили с королевскими почестями, и консерваторы развернули широкую кампанию по увековечению памяти покойного: собирались деньги на сооружение костела в Париже, было решено выбить памятные медали и гравюры, воздвигнуть памятники как за границей, так и в Польше после ее освобождения. «Над столь великой могилой, — утверждалось в польской эмигрантской прессе, — противники должны подать друг другу руки». Оглашенное вскоре политическое «завещание» князя Адама напоминало о претензиях рода Чарторьских («фамилии») на польский престол, на руководящую роль в эмиграции. В завещании излагалась концепция внешней политики: «объяснять действия в стране, защищать национальные права перед общественным мнением и правительствами Европы [...] завязывать и развивать те отношения с иностранными правительствами, которые могут помочь Польше и в освобождении ее от рабства, и в ее будущей независимой жизни и деятельности». Все эти обязанности взял на себя «наследник» князя Адама, его младший сын Владислав. В Манифесте к польскому народу и эмиграции, оглашенном 15 сентября 1861 г., он заявил о готовности «нести бремя польской службы за границей», пока его не заменит тот, кого назначит «законное и явное» правительство Польши. В. Чарторьский указывал на «милость Провидения», которое в лице его партии дало порабощенной Польше «собственную заграничную службу, способную отстаивать и защищать ее внешние интересы и нужды нации». На этом основании он требовал от поляков признания и поддержки и, прежде всего, рассчитывал на объединение под началом Отеля Ламбер эмиграции, необходимое для завоевания европейского общественного мнения. Эти претензии Чарторьского были поддержаны «Голосом с родины» — документом, появившимся за границей в начале сентября и, скорее всего, фальсифицированным. «Голос с родины» «призывал и умолял» эмигрантов установить согласие по примеру Польши и создать «единый национальный эмигрантский комитет объединенных стремлений», который утверждал бы все политические документы эмиграции и распорядился ее материальными средствами. Подчеркивалось, что комитет будет «заниматься чисто национальными интересами, отбрасывая все чуждое, как панславизм, утопическая демагогия, социализм, диктатура», и не делая различия между аристократической и демократической эмиграцией. «Единственным нашим цветом» «Голос с родины» объявлял «цвет польской национальности». Такое решение проблемы эмиграции, утверждали авторы документа, дало бы Польше «истинную гарантию согласия, единства и порядка» и стало «незыблемым

фундаментом освобождения нации из оков рабства». Они старались доказать, что Польша «глубоко проникнута отвращением ко всякому анархизму» и столь же глубоко «ощущает необходимость порядка», ради которого польский народ, якобы, был готов всем «пожертвовать»²¹⁶.

Твердыми сторонниками «порядка» были князья Чарторьские, и потому «Голос» прочил князя Владислава в руководители будущего «комитета объединенных стремлений». Напоминая о «влиянии, которое оказывал при жизни» Адам Чарторьский, авторы «Голоса» предлагали «назначить его сыну [...] соответственное его трудам и заслугам место в коллективе [...] объединения». Приводились, в частности, доводы о значении имени Чарторьского в глазах Запада, о важности личных связей князя. На этом основании делался вывод, что князь Владислав имеет больше прав стать вождем эмиграции, чем любой другой даже более заслуженный политик. Сторонники Отеля Ламбер составляли большинство среди кандидатов, рекомендованных «Голосом» в члены комитета. Но в числе 30 предложенных имен были также имена сторонников демократии и повстанческого курса Ю. Высоцкого и Я. Ледуховского, что должно было подтвердить «единство» эмиграции. Такое «подтверждение» содержалось и в речи агента Отеля Ламбер Н. Ф. Жабы, выступившего 21 октября 1861 г. на собрании эмигрантов в Лондоне. Призвав к «тесному согласию», которого «требуется Родина», и отказу от «всякого поклонения какой бы то ни было политической теории» ради исполнения «святого долга поляка», он провозгласил: «Братья, последуем прекрасному примеру Отчизны! Ныне нет ни аристократов, ни демократов — все мы поляки!». О «распаде» прежних партий говорил и сам В. Чарторьский в речи 29 ноября 1861 г. Он повторил утверждения о задачах эмиграции «просвещать правительства и общественное мнение Запада» и еще раз напомнил о необходимости ее объединения по примеру Польши: «Возвышенное состояние умов, так счастливо побуждающее к согласию и рассудительности в стране, переносится также и в наш изгнаннический круг, распались партии, рассеялись так ясно выраженные прежде лагеря; сложились лишь группы, которые выражают какую-либо потребность страны или эмиграции либо стараются выполнить какую-нибудь общественную функцию [...]. Я не сомневаюсь, что когда нас призовет интерес родины, то мы все последуем примеру Варшавы, и что эти группы, а с ними и весь эмигрантский коллектив сумеет в данную минуту объединиться и начать более широкую и подсказанную событиями деятельность»²¹⁷.

Хотя Чарторьский подтвердил отказ от руководства внутренними делами Польши, но демократическая эмиграция в целом не поверила этим обещаниям, не откликнулась на призыв консерваторов. С протестом выступил генерал М. Рыбинский, обвинивший Адама Чарторьского в измене делу польской независимости. Возмущение эмиграции вызвало «завещание» князя Адама: газета «Demokrata Polski» увидела в нем «непонятное безумие», «мираж гордости», а Я. Ледуховский на торжественном собрании 29 ноября 1861 г. заклеил позором «людей, позволяющих себе считать польскую эмиграцию как бы собственностью известной фамилии [...], которая может быть завещана наследникам».

Манифест В. Чарторьского от 15 сентября 1861 г. орган ПДО назвал «смехотворным», выступив против подобных попыток «без общественного полномочия и контроля брать на себя руководство национальным делом и распоряжение общественными средствами». Он разоблачил «Голос с родины» как состряпанное за границей «политическое шарлатанство», как «жалкую жульническую халтуру». О фальсификации этого документа, на самом деле созданного в Париже, писал и «Przegląd rzeczy polskich», в его аутентичность не поверила основная масса демократической эмиграции. Горстка эмигрантов, собравшихся 17 сентября 1861 г. по призыву Владислава Чарторьского, не смогла прийти к соглашению, а 21 октября на собрании в Лондоне был единогласно принят Манифест польской объединяющейся эмиграции, отмежеввавшейся от «претендентов на корону, диктаторов, верховных и прочих вождей», хотя собравшиеся подтвердили необходимость для эмиграции, следуя примеру Польши, объединиться, чтобы лучше служить родине. Попытку создания «аристократическо-демократического комитета под облупленной княжеской фирмой», толкующего о «национальной дипломатии как о единственной своевременной работе», высмеял и орган польской молодежи в Париже «Głos». А сторонники Мерославского на страницах своего печатного органа «Ważność» заявили, что хотя «эмиграция не имеет претензии быть вождем и руководителем нации, но она никогда не унижится, не станет [...] нищим, вымаливающим стране дипломатическую помощь. Пресмыкаться в парадных министрах — эта роль уж слишком опошлена ясновельможными эмигрантами»²¹⁸.

Столкнувшись с отпором эмиграции, Отель Ламбер направил усилия все в то же русло «просвещения» Европы «относительно важности польского вопроса и необходимого и быстрого воскрешения родины». Поскольку «Wiadomości Polskie» прекратили свое существование, консерваторы пытались создать новый печатный орган, но не получили от властей разрешения на издание. В связи с этим Бюро Отеля Ламбер установило более широкие контакты с английской и французской прессой и рядом журналистов, чьи услуги щедро оплачивались; использовались также европейские телеграфные агентства. Масштабную печатную пропаганду консерваторов дополняла организация всякого рода национальных манифестаций — митингов, молебнов, торжественных богослужений, петиционных кампаний и т. п. Они проходили как в Париже, так и во французской провинции, а также в Англии и других странах Европы. В Швеции, в частности, 8 июля 1861 г. состоялась контрманифестация в память Полтавской битвы. Продолжались и стали еще более активными действия Отеля Ламбер на Востоке: делались попытки организовать на Кавказе военный отряд, велись переговоры с Дагестаном, Бухарой, Персией. Агенты Чарторьских действовали на Балканах, в Дунайских провинциях, они установили контакт с венграми, чехами, хорватами, сербами и черногорцами, манили их обещаниями денежной помощи. В Турции они пытались провести реорганизацию корпуса «султанских козаков» Садыкпаши, рассматривая его как преданный Франции военный резерв на будущее. Были также предприняты усилия для формирования польского легиона в Италии под командованием генерала Ф. Бреаньского: по данным царской агентуры,

закупались оружие и амуниция для экипировки 6 тыс. человек, заготавливались артиллерийские орудия. Интерес Отеля Ламбер к подготовке военной силы нашел выражение и в попытках поставить генерала Бреаньского во главе военной школы, созданной в Генуе в 1861 г. для обучения польской молодежи²¹⁹.

Все эти «военные приготовления» имели в виду подготовку на случай будущего вооруженного вмешательства держав при постановке польского вопроса. В качестве фактора, который можно было бы использовать в интересах решения этого вопроса, Отель Ламбер рассматривал и русское революционное движение как ослабляющее царскую Россию. До 1860-х годов непосредственных связей между ним и русскими революционными эмигрантами не существовало. Последние подчеркивали «разномыслие» с «олигархами партии Чарторыского», от которых, по словам Герцена, «Колокол» «был всего дальше». В свою очередь, аристократическая эмиграция на страницах своей печати, в речах своих деятелей, в «научных» лекциях Ф. Духиньского не переставала выступать против революционной партии «Колокола». Но огромная популярность русского революционного журнала не могла не обратить на себя внимания лидеров аристократической партии. И хотя, как признавался З. Йордан, всякие революционные формы борьбы, а особенно сотрудничество с русскими, вызывали у консерваторов «отвращение к союзникам такого рода», но из сношений с «монгольскими демократами» они надеялись извлечь хотя бы косвенную выгоду для борьбы «против общего врага» — царизма. Решив действовать по отношению к русским революционерам «с простотой голубя и мудростью змеи» и использовать их авторитет в общественных кругах за границей, Бюро Отеля Ламбер в 1861 г. обратилось к Герцену с приглашением выступить на митинге в Лондоне. Тогда согласие не было достигнуто, но Герцен, отметив различия поляков и русских во взглядах, подчеркнул общность их борьбы против самодержавия и призвал Отеля Ламбер доказать осознание им этой общности, выступив в защиту угнетенного царизмом русского крестьянства. Видимо, подобные мысли содержались в его письме Чарторыскому, переданном через Йордана, который счел, что этот документ «можно похоронить среди других ненужных бумаг», заявив в письме В. Калинке: «Я никогда не считал, что нам нужно свидетельство какого-то мужика, чтобы показать его Европе как знак нашего существования». Тем не менее, в начале 1862 г. Йордан вновь вступил в переговоры с редакцией «Колокола». Речь шла о взаимной помощи в пересылке революционной литературы в Россию и Польшу, и после долгих колебаний партия Чарторыских решила «заключить сделку», «приблизившись к разрушительному процессу и к ускорению взрыва». В Бюро Отеля Ламбер была создана специальная «русская комиссия» в составе В. Калинки, К. Рупрехта и Г. Вызиньского. Однако по вопросам, затрагивавшимся русскими революционными демократами при переговорах, о сближении двух славянских народов, о будущих их отношениях Йордан занял жесткую позицию: «отказываясь на будущее от славянского сообщества», консерваторы предлагали после свержения самодержавия «сказать друг другу “прощай” и идти каждому в свою сторону». Будущий строй России, заявил Йордан Герцену, «это ваше внутреннее дело, которое нас мало касается»²²⁰.

Но то, что происходило в российской части Польши, привлекало первостепенное внимание аристократической эмиграции. Хотя, согласно договору с Дирекцией «белых», Отель Ламбер был должен курировать лишь внешнюю политику, его деятели не прерывали попыток давать указания Польше. Чарторыйский установил также связь с галицийской шляхтой, которая регулярно финансировала группировку Чарторыйских. От своих сторонников в Галиции Отель Ламбер систематически получал политическую информацию через Краковское бюро в лице его членов Людвика Водзицкого, Станислава Козьмяна, Яна и Станислава Тарновских, а также через агента Станислава Плятера. Князь инструктировал помещиков, предостерегал от необдуманных действий, призывал к осторожной и «умеренной» политике. Постоянный контакт Отель Ламбер поддерживал и с «белым» Комитетом в Познани, также получая оттуда деньги и информацию и направляя туда эмиссаров и агитационную литературу. Но в Королевстве Польском, в сношениях с которым консервативная эмиграция была особенно заинтересована, ее ждали трудности. Февральское соглашение 1862 г., заключенное с Дирекцией, оказалось непрочным. Отель Ламбер был недоволен своей второстепенной ролью и ощущал «неуверенность», подозревая существование в среде «белых» «раскола мнений», отсутствие «полного и искреннего объединения». Действительно, в Дирекции возобладало мнение тех, кто хотел ловко «прибрать к рукам» демократические элементы польского общества. Они требовали «гибкости» и от Отеля Ламбер, настаивая на объединении эмиграции путем создания Межпартийного комитета. Однако прибывшая в Париж делегация «белых» с трудом вела переговоры с демократически настроенными эмигрантами, среди которых были Я. Ледуховский, Я. Н. Яновский, Э. Корабевич, Э. Хоецкий, Л. Зенкович. Предложение делегации о выдвижении кандидатов в Межпартийный комитет и проведении голосования встретило протест объединившихся вокруг Мерославского молодых эмигрантов, которые отрицали право «белых» делегатов диктовать эмиграции свою волю. Но представители Отеля Ламбер заявили, что делегация является «выразительницей воли всей Польши», а «не только каких-то течений в общественном мнении». Чарторыйский в беседе с Высоцким потребовал «не толкать страну в бездну», отвергнув всякую мысль о восстании²²¹.

2. Централизация Польского демократического общества и «умеренные» демократы в борьбе за объединение польской политической эмиграции. Споры вокруг вопроса о русско-польском революционном союзе

Вопрос о путях борьбы, о восстании был тем вопросом, который в условиях подъема национального движения в Польше в начале 1860-х годов становился особо актуальным и кардинально противопоставлял аристократическую партию демократическому лагерю в польской эмиграции. Все демократы отозвались на манифестации в Королевстве Польском, заявив о стремлении к активной борьбе. Однако в среде «левых» отсутствовало организационное единство,

различные группы действовали обособленно друг от друга, и в этом заключалась их слабость. Крайне «левое», социалистическое, крыло эмиграции было скомпрометировано в результате провокации Береншпрунга против Революционной громады «Лондон» и сильно ослабело. Незрелость социалистических теорий лондонских эмигрантов, их сектантская замкнутость способствовали тому, что бурное развитие событий, опрокидывавшее утопии и обнаружившее политическую изоляцию социалистов, вызвало разочарование и толкало их к другой крайности — в сферу «умеренного» демократизма, более популярного в обществе. Громада в ряде воззваний с одобрением откликнулась на подъем национально-освободительного движения в Королевстве Польском, она призывала англичан «заявить [...] святую веру в то, что на стороне Польши справедливость, и она имеет право ввести ее в действие». Члены Громады Л. Оборский, Я. Крыньский, Г. Абихт по-прежнему рассчитывали на собственные силы польской нации и на поддержку революционных народов, но каких-то практических действий с их стороны трудно было ожидать, хотя агентурные данные свидетельствовали об их планах, рассчитанных на развитие революционной борьбы на нижнем Дунае. Активную позицию занял Абихт: он выехал в Королевство Польское, переслав туда оружие, сумел связаться там с революционерами, готовившими вооруженное выступление, и впоследствии встал на службу образованного в Варшаве Центрального Национального комитета (ЦНК). Абихт непосредственно участвовал в подготовке восстания 1863 г., распространяя в стране приказы ЦНК, его листовки, брошюры, газеты, создавая революционные кружки в провинции, собирая средства для борьбы, решая вопросы вооружения на местах. Придавая большое значение работе с крестьянством, он вел агитацию в деревне Королевства Польского и Литвы, вовлекал в эту работу студенческую молодежь. Деятельность его оборвалась трагически: в ноябре 1862 г. он был схвачен царскими властями и 12 июня 1863 г. повешен²²².

К началу 1860-х годов ослабело и Польское демократическое общество. Централизация не имела прочных связей с родиной, за границей за ней шла лишь часть демократической эмиграции. Однако, воодушевленная событиями в Королевстве Польском, она активизировалась. К членам ПДО обратилась представительная Лондонская секция Централизации. В воззвании 18 августа 1861 г., подписанном Ю. Даничем и Я. Толькемитом, подчеркивалось: все, происходящее в Польше, является утверждением демократического принципа и подтверждает, что только демократия может освободить родину. Членов ПДО призывали установить связь с Лондоном. Ответом явилась декларация парижских членов ПДО от 4 сентября 1861 г., переданная на подпись польской демократической эмиграции во Франции: в ней отмечалось значение национального движения в Королевстве Польском и давалось обещание поддержать усилия Централизации. Многие секции во Франции и Англии также откликнулись на призыв и обещали поддержку. Для осуществления таких обещаний имелись серьезные основания. Польские демократы за границей проявляли активность с самого начала варшавских событий, их реакцией стали организация митингов и манифестаций,

выступления с воззваниями. В одном из воззваний, датированном 2 января 1861 г. и исходившим от Комитета польских эмигрантов в Шеффилде, приветствовалось проявление национальной жизни и духа в Польше и выдвигалась цель борьбы за восстановление ее независимости. Отмечая сложившуюся в Европе благоприятную ситуацию, авторы воззвания в то же время подчеркивали необходимость рассчитывать лишь на собственные силы. Это обращение, звавшее эмиграцию к объединению, было поддержано общим собранием эмигрантов в Шеффилде, их призыв долетел и до Королевства Польского и Галиции. Он вполне соответствовал той позиции, которую занимали Централизация и ее печатный орган «Demokrata Polski»: как и прежде, они считали восстание единственным путем к освобождению Польши, а «легальные» формы сопротивления добровольным признанием ее покорности захватчикам. 2 ноября 1861 г. газета выдвинула лозунг восстания, напечатав воззвание «Народ! Будь бдителен!». В воззвании говорилось: «Иди, народ, туда, куда увлекает тебя вихрь Божий! Иди, пока на часах вечности не пробьет час, когда ты поднимешься как великан, оглядишься вокруг, схватишь железо, камень, палку и одним ударом, памятным во веки веков, раздавишь саранчу, которая объедает твою землю»²²³.

В новой обстановке Централизация особенно настойчиво требовала выполнения «первого догмата национальной веры» — немедленного разрешения крестьянского вопроса, предоставления «земельной собственности крестьянам, уравнивая их со всеми жителями Польши». По мнению ее руководителей, это создало бы основу для сглаживания классовых противоречий, помогло бы избежать революционных проявлений со стороны крестьянства и обеспечило единство нации в борьбе за свободу Польши. «Только в решительном и искреннем объединении помещиков с сельским людом, — заявляла газета «Demokrata Polski», — лежит единственная надежда на спасение родины». Она приветствовала все факты «сближения» шляхты с народом в манифестациях, считая «эти собрания вместе с крестьянством в церквях, на кладбищах, на исповеди, эти совместные процессии к святым, чудесным или прославленным национальными воспоминаниями местам» «средством, прямо ведущим к цели». Хвалил шляхту и Гельтман, выступая 7 июня 1861 г. на собрании, посвященном памяти скончавшегося И. Лелевеля; он утверждал, что шляхта осознала необходимость искупления старых «грехов» и готова разрешить крестьянский вопрос, несмотря на препятствия со стороны царских властей. Но действительность опровергала этот оптимизм, и орган ПДО очень тревожился за «единство нации», констатируя 9 ноября 1861 г., что «крестьянский вопрос [...] оказался едва затронутым». Поэтому газета не уставала агитировать шляхту, вновь и вновь призывая ее к «жертвам» во имя спасения Польши. Все это свидетельствовало о сохранении идеологами Польского демократического общества либеральных иллюзий, что мешало им выработать реальный политический курс²²⁴.

Это сказалось на их попытках объединить все демократические силы эмиграции в поддержку движения, развернувшегося на родине. В начале ноября 1861 г. Централизация обратилась к Корреспондентской комиссии с воззванием, где

предлагала создать Объединение эмиграции, признающей демократические основы. Такими основами должны были стать принципы, провозглашенные Краковским манифестом 1846 г. и манифестационным движением в Королевстве Польском. Каждый член Объединения был обязан признавать эти принципы и быть готовым к жертве за родину. Идея создания Объединения встретила широкую поддержку, и в результате в конце 1861 г. возник Временный комитет польской эмиграции, признающей демократические основы, под председательством Яна Ледуховского, активного противника консерваторов. В Комитет вошли также Л. Зенкович, Э. Хоецкий, Я. Чиньский, А. Хрыстовский, Я. Н. Яновский, Э. Корабевич. Большинство из них, как и их окружение, являлись представителями той части демократической эмиграции, которая стремилась продолжить традиции Польского демократического общества. Но и для них было характерно наличие иллюзий насчет перспективы «национального единения». Пример такого «единения» они видели в Королевстве Польском: «От каст и исповеданий, разделявших старую Польшу, ныне остался мертвый след, — говорилось в Манифесте Временного комитета 12 января 1862 г. — Нет двух отчизн, двух лагерей, двойных знамен — есть только одна отчизна, один лагерь, одно знамя». Эти утверждения воспринимались польскими эмигрантами как призыв к объединению, провозглашенный самой Польшей «не словами, а делами и жертвами», как «лозунг, которому каждый поляк обязан послушанием». В Манифесте подчеркивалось, что «страна объединяется на основе демократического развития» и «на той же самой основе должна объединяться и эмиграция». Авторы документа напоминали, что «польская демократия есть не что иное, как только плод развития элементов, издавна тлеющих в истории нашей родины, [...] это призыв всех членов нации к заботе о всеобщем благе; наделение каждого поляка равными правомочиями, равными привилегиями на получение полного продукта своего труда, на действительную награду за оказанные родине услуги; равная мера защиты против насилия, против беззакония, против злоупотреблений [...]. Демократия бесконечно облагораживает, [...] прославляет стремление к самоотвержению и любит жертву, сердечно открывает объятия ближним». Манифест объявил о подготовке к выборам Постоянного комитета Объединения польской эмиграции, признающей демократические основы, и предстоявшему в связи с этим роспуску Централизации. В марте 1862 г. было проведено голосование, результаты которого засвидетельствовали, что идею объединения на демократической основе поддерживают более 700 человек, осознавших, что только такой союз мог бы обеспечить демократическое направление развития борьбы в Польше²²⁵.

Сообщение о результатах голосования Временный комитет польской эмиграции, признающей демократические основы, смог опубликовать лишь в мае 1862 г. Причиной была развернувшаяся среди эмигрантов борьба взглядов на то, каким должно быть единство эмиграции. Так, Мерославский выступал против «беспринципного», «выдуманного» единства, ведущего, с одной стороны, к искусственному сглаживанию противоречий, а с другой, дающего «вольный простор для всяких споров и претензий». Перед лицом близящегося восстания он

требовал организации эмиграции в «особое политическое тело», отказа от «хаоса» и четкого «разделения этого хаоса на лагери». Эта позиция, хотя и продиктованная претензиями генерала, желавшего самому возглавить эмиграцию, принципиально не противоречила позиции Временного комитета польской эмиграции, признающей демократические основы. Иную точку зрения разделяла та часть эмиграции, которая шла за «умеренной» демократией, возглавленной парижским Польским колом. «Умеренные», видевшие в варшавских манифестациях «прекрасное единодушие» и «братское согласие», писали на страницах своего органа 20 ноября 1861 г. о состоянии польского общества: «Стерлись различия вероисповеданий и классов, усилия оказать справедливость сельскому люду стали повсеместными; никто не допускает, чтобы рождение было привилегией, дающей право руководить национальным делом, действительные заслуги перед общественным мнением заняли подобающее место». Это было почти дословное повторение того, о чем писала газета «Demokrata Polski», но далее «Przegląd rzeczy polskich» заявлял: «Когда братство и равенство становятся истиной для всех вероисповеданий и классов, тогда нечего думать о перевесе магнатов, привилегиях шляхты или триумфе иезуитизма [...]. В таком положении вещей [...] борьба за принципы становится излишней». Иными словами, «излишними» становились «демократические основы» объединения, провозглашенные Временным комитетом эмиграции²²⁶.

Отразившееся в позиции «умеренных» демократов стремление затушевать и сгладить остроту социальных противоречий в Польше сближало их со сторонниками аристократической партии: не случайно и те, и другие выступали за «широкое», «беспартийное» объединение эмиграции. Часть «умеренных» участвовала в кампании «объединения», развернутой Отелем Ламбер с подачи Дирекции «белых», а затем те же лозунги «единства» выдвинула Комиссия объединяющейся эмиграции, возникшая в Париже почти одновременно с Временным комитетом польской эмиграции, признающей демократические основы. Организатором Комиссии была батинольская группа демократов; в нее вошли Л. Чеховский (председатель), Л. Мазуркевич (секретарь), Р. Пётровский (кассир), Ю. Михаловский, А. Валигурский, И. Богданович, В. Левандовский. 6 октября 1861 г. они призвали эмиграцию «следовать за родиной, побрататься, как она, и, как она, слить все силы воедино к общей цели». Комиссия звала на выборы Комитета, который бы занимался всеми делами и финансами эмиграции, издавал ее орган и сносился с Польшей. Авторы воззвания доказывали, что «идейные различия не должны быть препятствием для объединения», и призывали «под чисто национальное знамя», выдвигая лишь общий лозунг «единой, целой, великой, независимой и счастливой родины». Туманно упоминалось о «христианской любви и справедливости», конкретные же лозунги принципиально отбрасывались: «Какие же могут возникать между нами различия? О чем же еще нужно спорить? О формах правительства, о будущем общественном устройстве? Ведь все это не наше дело, ибо мы не должны предрешать за всевластие нации». Эмиграции предлагалось встать «на вспомогательную позицию», не вмешиваться

во внутренние дела Польши, вести работу по «приобретению симпатий европейского общественного мнения», набираться знаний и опыта для «будущего развития национальной жизни и институтов» в свободной стране. В следующем воззвании 10 января 1862 г. Комиссия заявила, что «отныне страна способна сама о себе позаботиться и быть инициатором в деле завоевания своей независимости в границах 1772 г.». С удовлетворением отмечалось, что в Польше были апробированы лозунги «личной свободы, наделения крестьян землей в собственность, уравнивания прав вероисповеданий и гражданского равенства для всех жителей Польши». Что касается еще не выработанных родиной принципов будущего государственного устройства, Комиссия требовала от эмиграции не навязывать их нации и лишь идти за ней, являясь для нее только «поддержкой». Говорилось и о тех, кто «под видом защиты демократических принципов» пытается свести эмигрантов «с пути полезного и практичного служения национальному делу». Это был прямой выпад в адрес Временного комитета польской эмиграции, признающей демократические основы, с которым Комиссия объединяющейся эмиграции вступила в конкурентную борьбу²²⁷.

В этой борьбе Комиссия имела союзника — консервативную эмиграцию, что было закономерным: ведь призыв «слепо» подчиниться любому политическому курсу в Польше означал согласие Комиссии на консервативный и даже реакционный облик страны. Ряд «умеренных», ставших ее членами, настаивали на соглашении с консерваторами еще во время распространения «Голоса из Польши», поэтому уже в декабре 1861 г. Комиссия объединяющейся эмиграции пошла на сотрудничество с агентом Отеля Ламбер Н. Ф. Жабой. Он создал в Лондоне комитет, ставший как бы филиалом Комиссии, и 5 января 1862 г. издал воззвание к эмиграции, предлагая избрать общее представительство. Комитет Жобы вместе с Комиссией боролся против Временного комитета польской эмиграции, признающей демократические основы, который выступал с резкой критикой «бесцветности» воззваний Комиссии, «не выражающих общественных принципов». Комиссия, в свою очередь, обвиняла Комитет в пропаганде вражды и раскола среди эмиграции. Попытки примирить Временный комитет и Комиссию объединяющейся эмиграции разбивались о неприятие последней термина «демократия» в трактовке Комитета: в этой трактовке он, якобы, становился равен понятию «коммунизм» и потому был неприемлем для Польши, а также и для наполеоновской Франции²²⁸.

Батиньольская Комиссия развернула активную деятельность: в Париже и других центрах Франции создавались организации ее сторонников, в Лондоне действовали два комитета, связь была установлена с Генуей и даже с Востоком. Поскольку с конца 1850-х годов партия «умеренной» демократии неизменно стояла на позициях борьбы собственными силами и вооруженного выступления, она привлекла к себе значительную часть эмиграции, что способствовало популярности созданной ею Комиссии. Кроме того, стремясь завоевать симпатии эмигрантов, Комиссия создавала институты, направленные на оказание им помощи. Ее усилия приносили плоды, число ее сторонников росло и в апреле

1862 г. уже приближалось к тысяче. В апреле — мае проходило объявленное Комиссией голосование по выборам Комитета объединения, оно было открытым, список кандидатов состоял из 134 лиц от различных партий. 14 июня были подведены итоги: в выборах приняли участие 818 эмигрантов, абсолютное большинство голосов получили 6 человек, но за счет кандидатов, получивших относительное большинство, состав Комитета объединения был увеличен до 14 членов. Однако часть избранных отказалась войти в Комитет, а некоторые оговорили свое членство определенными условиями²²⁹.

Комитет объединения заявил о своих задачах: «поддерживать идею объединения, осуществлять связь с эмиграцией, а если обстоятельства позволят, то и со страной; заниматься делами эмиграции как в общественном, так и в частном отношении», «издавать орган эмиграции; поддерживать все честные труды и стремления, связанные с национальным делом, и остерегаться вредных; собирать средства на общественные нужды, ведать их расходованием и оборотом». Таким образом, эта программа не ставила задачу непосредственного конкретного участия эмигрантов в борьбе Польши за свободу. Правда, поддерживая связь с Варшавой, партия «умеренной» демократии, в отличие от партии Чарторыских, с надеждой хватавшейся за царские уступки, выступала за продолжение манифестаций и отказ от соглашения с властями Королевства Польского. «Przegląd rzeczy polskich» продолжал пропаганду идеи восстания, а эмиссары Комитета объединения готовили его военные силы в Молдавии, но их использование предполагалось лишь тогда, когда в Королевстве возникнет обстановка, не грозящая перерастанием восстания в крестьянскую революцию. Это в очередной раз свидетельствовало о социальной позиции и ограниченном характере революционности «умеренных» демократов. Подтверждением были и связи их с тайным сторонником варшавских «белых» К. Маевским, который финансово поддерживал Коло. Возможно, именно он подал Дирекции «белых» мысль вступить в переговоры с «умеренными», и осенью 1861 г. в Париж был направлен представитель варшавского Земледельческого общества С. Карский с просьбой помочь предотвратить «гибельное» восстание. Правда, Высоцкий, к которому обратились, считал невозможным избежать взрыва, заверив при этом варшавскую Дирекцию в поддержке восстания Францией, но сам факт обращения организации помещиков к партии «умеренной» демократии говорил об определенной близости их взглядов и взаимопонимании²³⁰.

В составе избранного ранее Постоянного комитета польской эмиграции, признающей демократические основы, также были члены, недостаточно последовательно придерживавшиеся этих основ и склонные к компромиссу с «умеренными». С другой стороны, Ю. Высоцкий, А. Жабицкий и Т. Малиновский, получившие большинство на выборах Комитета объединения, согласились войти в его состав лишь при условии слияния его с Постоянным комитетом. 28 июля 1862 г. было объявлено о таком слиянии и создании Главного комитета польской эмиграции из 9 членов (Я. Ледуховский, Я.Н. Яновский, С. Эльжановский, Э. Корабевич, А. Жабицкий, Л. Мазуркевич, С. Бобровский, Ю. Высоцкий,

А. Хрыстовский). Создание нового органа, представлявшего 1400 эмигрантов, означало роспуск Польского демократического общества, замену его печатного органа «Demokrata Polski» новым изданием под названием «Głos wolny». Этот «независимый орган общественного мнения Польши и эмиграции», имеющий «исключительный характер служения делу освобождения Польши из-под иностранной агрессии и угнетения», начал выходить с 1 января 1863 г. В обращении к эмигрантам 8 сентября 1862 г. Главный комитет призвал их установить с ним связь через постоянных корреспондентов, избранных на местах, ежемесячно сообщать о членском составе и пересылать членские взносы²³¹.

Главный комитет польской эмиграции являлся «довольно эклектичным» и «весьма компромиссным» организмом, став «как бы соединением всяких оттенков крайней и демократической эмиграции». Он выдвигал идею «вооруженного восстания всего народа» — выступления по собственной инициативе и борьбы собственными силами. При этом пожар восстания должен был охватить «все польские земли бывшей Речи Посполитой», то есть заечье и «забранные провинции». «Мы не можем делить любовь, и родину нашу мы любим в тех границах, какие определил ей Бог и заветали исторические традиции», — говорилось в воззвании Комитета 20 ноября 1862 г. Авторы воззвания утверждали, что «чувство цельности глубоко укоренилось в совести нации», и об этом свидетельствовали происходившие в Польше манифестации. Видя в восстании «пробный камень и вместе с тем исходный пункт новой жизни», «святейший и настоятельнейший долг» поляков, Комитет выступал против «фальшивых» и «антинародных» попыток отложить восстание на неопределенный срок, пока в Польше не произойдут органические изменения. «Głos wolny» не отрицал значения «органической деятельности», но рассматривал ее как «подсобную» работу в процессе выработки внутренних сил восстания. Поэтому он осуждал стремление консерваторов к частичным уступкам и их «автономичные фантазии», дав им отпор в рецензии на брошюру К. Рупрехта «Требование настоящей минуты». По мысли радикальных демократов, чтобы «восстание развернулось батальонами и эскадронами и вылилось в великую и решительную борьбу за независимость Польши», нужны были серьезные приготовления — охват всей страны военной организацией, подготовка вооружения и кадров будущей национальной армии, превращение административных единиц в единицы боевые. Эмиграция также должна была готовить оружие и военные кадры, формировать отряды и вести повстанческую пропаганду. Как писал «Głos wolny», она была призвана «занять соответствующее положение вовне и заполнить пустоту, дающую себя чувствовать в связи с отсутствием независимого польского органа». Важнейшей ее задачей объявлялось установление «духовной связи с теми, кто работает и жертвует собой на родной земле, а также распространение путем письменной пропаганды принципов, являющихся основой и необходимым условием эффективности столь великого предприятия». В результате эмиграция становилась «явным истолкователем общественных и политических нужд» Польши²³².

Основополагающими в программе Главного комитета польской эмиграции были лозунги свободы и демократии. Ее авторы доказывали необходимость демократических преобразований как «вернейшей гарантии» «возрождения и будущей мощи» Польши. Заявляя, что идеи свободы и гражданского равенства являлись «коренными понятиями исторического существования» Польши, Комитет призывал поляков «сплачиваться и работать под знаменем демократии», «перенести на все общество свободу и гражданское равенство, распространить ее блага на всех жителей польской земли безотносительно к различию общественного признания, религиозного исповедания или происхождения». Но, выдвигая, таким образом, программу буржуазно-демократических реформ, в которой на первом месте стояла крестьянская реформа, Комитет тут же утверждал, будто «демократические принципы во всей полноте» уже нашли в Польше осуществление. В воззвании 12 августа 1862 г. говорилось о «развитии внутренних сил с целью завоевания политической независимости, об осознании этой обязанности всеми членами разорванной отчизны», об «уровнении в гражданских правах всех классов и религий» и «наделении крестьян земельной собственностью» как о свершившихся фактах. А в воззвании 20 октября 1862 г. руководство Комитета вновь утверждало, что социальные проблемы в Польше решены: «Крестьянский вопрос, являющийся краеугольным камнем национального возрождения, приобрел соответствующее значение. Помещики в русском захвате поняли, наконец, необходимость наделения крестьян землей в собственность и наверняка не будут щадить жертв, чтобы вознаградить его за многовековую недолю, чтобы вырвать его из-под влияния вражеского правительства и обеспечить в его лице миллионы защитников национального дела. Пусть только это патриотическое стремление найдет осуществление и пусть этому осуществлению сопутствует истинно братское чувство»²³³.

О тщетности столь благих пожеланий и надежд заявило «левое» крыло вновь созданного органа: Я. Н. Яновский доказывал, что «касты и проникнутые их духом индивиды [...] никогда легко и быстро не отрекаются от своих стремлений», а потому «согласие и единство, якобы царящие в стране, являются лишь видимостью». Но «умеренное» большинство в Комитете выдвигало на первый план вопрос о «согласии» и «единстве» только потому, что стремилось «склонить» шляхту «к энергичным мерам для удовлетворения требований крестьян». В этом они видели лишь средство привлечения крестьянства к участию в восстании. Кроме того, достижение «национального согласия», так же, как утверждение демократических преобразований, должно было повысить престиж Польши в глазах «братского союза народов» Европы. «Очищенные от средневековой плесени национальные учреждения, — говорилось в воззвании Комитета 12 августа 1862 г., — поставят нас на уровень нынешнего развития человечества и сделают способными вновь занять то положение цивилизатора на Востоке, которое мы некогда занимали с такой явной пользой для Европы». Главный комитет польской эмиграции высоко оценивал европейское революционное и демократическое движение, выступая за «чистое и безотносительное понятие международной

справедливости». «Głos wolny» призывал поляков завоевывать «симпатию и активную помощь» народов Европы, давать всем угнетенным национальностям «постоянные доказательства непоколебимой веры в международную солидарность». Что касается отношения к европейским правительствам, газета, отражая мнение радикальной части Главного комитета, направляла критику в адрес наполеоновской Франции, утверждая, что во Второй империи французский народ утратил внутреннюю свободу. В то же время на ее страницах высказывались надежды на поддержку со стороны западных правительств, подчеркивалась необходимость завоевать их расположение. Это был результат влияния «умеренных», имевших в Комитете перевес, оно дало основание В. Гельтману писать о «склонности Комитета, окутанной антиреволюционной дипломатией». «Левые» боролись против этой «склонности»: в воззвании 12 декабря 1862 г., напоминая о предстоявших 15 января 1863 г. выборах нового состава Главного комитета, они призывали эмигрантов голосовать только за демократов — подлинных патриотов. «Страна требует от эмиграции не контингента дипломатов, — писал «Głos wolny», — а людей действия и самопожертвования»²³⁴.

Существование в Главном комитете польской эмиграции «умеренного» и радикального крыла обусловили непоследовательность его программы и политики, внутренняя борьба его ослабляла. Все это сказалось на его отношениях с конспиративным движением в Польше. В августе 1862 г. выехавший в Королевство Польское Стефан Бобровский установил связь с варшавским Центральным Национальным комитетом, но под влиянием «умеренных» Высоцкого и Эльжановского, опасавшихся революционного влияния повстанческого руководства, Главный комитет польской эмиграции не решился признать ЦНК властью будущего восстания и встать к нему на службу, несмотря на стремление к этому ряда членов Комитета. В свою очередь, и ЦНК не признал Главный комитет официальным представительством эмиграции. Несомненно, это лишило Главный комитет возможности активного участия в подготовке восстания и не могло не нанести удар по его авторитету. Тем не менее, он оставался «единственным представительным органом Польши за границей, уполномоченным сноситься с друзьями и союзниками страны для представления вовне польских нужд и стремлений», в конце 1862 г. за ним шли 2000 эмигрантов во Франции, Англии, Италии, Турции. Поэтому группа радикально настроенных эмигрантов, связанных корнями с Польским демократическим обществом и продолжавших придерживаться его «левой» ориентации, 23 ноября приняла решение о признании ЦНК единственной законной властью и постаралась добиться, чтобы Главный комитет признал власть ЦНК и встал к нему на службу. Это требование радикалы предъявили на торжественном собрании 29 ноября 1862 г. в Лондоне, в результате развернулась горячая дискуссия, и страсти разгорелись настолько, что дело дошло до драки. С подачи радикалов были приняты резолюция и адрес к английскому народу, где утверждалось, что «единственной национальной партией Польши может быть партия действия, единственным вождем восстающего народа — такой человек, как Гарибальди, единственной законной

властью — комитеты, организующие движение, а единственным представителем Польши вовне — ее эмиграция и избранный ею Комитет польской эмиграции». Заявляя, что часть эмиграции, «следуя примеру родины и признавая необходимость сплочения и объединения своих действий, считает избранный ею Комитет польской эмиграции в Париже своим единственным представительством, уполномоченным для сношений с комитетами в стране и [...] с друзьями Польши за границей», собравшиеся постановили «поддерживать его всеми силами» «против всяких претензий, создания партиек, кружков» и сопротивляться «всем разделениям и обособленным действиям, рассматривая их как вредные для национального дела»²³⁵.

Позже в поддержку Главного комитета были созданы Делегация польской эмиграции в Англии и Центральный польский комитет в США, воспринимавшиеся как его филиалы. Но эти внешние успехи не могли компенсировать внутреннюю слабость Главного комитета польской эмиграции, обусловленную его противоречивой позицией. Борьба внутри него продолжалась, и верх одерживали «умеренные». Хотя на новых выборах в январе 1863 г. реакционеры не смогли пробиться в Комитет, но в связи с уменьшением его численности до 7 человек в его состав не вошли активные сторонники восстания и демократии А. Жабицкий и С. Бобровский, что усилило влияние «умеренных» и обострило внутреннюю борьбу. Это определило дальнейшую судьбу Главного комитета польской эмиграции. Уже во время восстания под давлением реакции он, а за ним и Делегация польской эмиграции в Англии, были вынуждены объявить о своем роспуске, и представлять эмиграцию стал «белый» комитет во главе с Браницким. Как писал «*Głos wolny*», этим шагом Главный комитет дал «новое доказательство слабости паллиативных действий»²³⁶.

Нерешительность и непоследовательность действий Главного комитета в отношении революционной повстанческой организации в Польше вызывали недовольство и возмущение радикального крыла демократов. Это нашло отражение в выступлении Л. Булевского, критиковавшего социальную «умеренность» Комитета, национализм, недоверие к русским революционерам. В январе 1863 г. он вновь призвал к немедленному признанию Центрального Национального комитета и к подчинению ему эмиграции, к активному участию ее в подготовке и проведении восстания, к провозглашению аграрного манифеста и к заключению русско-польского революционного союза — действий, необходимых для успеха борьбы. В знак протеста Булевский отказался признать существующее объединение эмиграции и провозгласил, что Польское демократическое общество и его печатный орган «продолжают жить». 20 января 1863 г. в русской вольной типографии Герцена был напечатан последний номер газеты «*Demokrata Polski*», где содержалось сообщение о признании ЦНК «левицей» и была сформулирована программа близящегося восстания. В статье «Восстание и наделение землей — вопрос, жизненно важный в настоящее время» Булевский напоминал о необходимости для успеха восстания «всеобщего содействия крестьянского люда»: «Если восстание должно вспыхнуть, то нельзя обойтись

без участия крестьянства [...]. Если крестьянство двинется, победа будет несомненной. Если оно останется вне движения, гибель неминуема. Элементом, осуществляющим все святые дела, элементом, освобождающим отчизну, является самоотверженность крестьянства». Но, указывая на, «одними обещаниями крестьянства не завоевать», и при «нынешним охлаждении отношений было бы горькой иллюзией рассчитывать на участие крестьянства» в восстании. «Если бы завтра было водружено знамя восстания, — заявлял Булевский, — польский люд не присоединился бы к нему [...]. Освобождение какой родины должно завоевывать с оружием в руках польское крестьянство? Оно никакой родины не потеряло, оно никогда не имело родины». Он подчеркивал, что «восстание ударит, как гром», а «наделение крестьян землей в собственность не является делом одной минуты», и если взрыв произойдет раньше этого акта, он вновь «повлечет за собой [...] использование щедрой ссуды крестьянской силы и крови взамен за позднейшую выплату тех прав, которые с давних пор ему причитаются. Правда всемерно взывает об обратном порядке [...]. Дело наделения землей в собственность должно предшествовать минуте взрыва». «Если сигнал к восстанию прозвучит без предварительного наделения крестьян землей, — предупреждал Булевский, — то крестьянство услышит этот сигнал так, как если бы вообще его не слыхало», тогда наступит «разочарование, поражение и тяжкая ответственность перед родиной»²³⁷.

Возможно, что положения статьи Булевского нашли отражение в повстанческом аграрном декрете 22 января 1863 г. В виде мемориала статья еще 5 января 1863 г. была направлена Центральному Национальному комитету, чтобы «предостеречь его от указанных несчастий». Такие предостережения лондонские демократы, стоявшие на старых «прокрестьянских» позициях Польского демократического общества и обвинявшие его «правое» крыло в отступлении с этих позиций, в «запродании себя шляхте», делали и раньше. Так, А. Жабицкий летом 1862 г., настаивая на необходимости добиться доверия и поддержки крестьянства, предлагал использовать и те возможности, которые открывались в связи с частичными уступками российского правительства, чтобы «мало помалу завоевать крестьян для польского дела»; «пока эта цель не будет достигнута, — подчеркивал он, — освобождение не будет успешным». Обращаясь к повстанческому руководству, признавая его авторитет, демократическая «левица» сама вставала на службу готовящемуся восстанию, стремилась помочь ему практической работой. Одним из направлений их усилий были попытки обеспечить поддержку революционеров Запада, так как мечтой польских радикалов являлся всеобщий и одновременный взрыв революции в Европе. В адресе демократической эмиграции к английскому народу, принятому на собрании 29 ноября 1862 г. под председательством А. Жабицкого, говорилось о готовности Польши к борьбе собственными силами и необходимости, прежде всего, моральной поддержки народов Европы, но подчеркивалось также, что «польское дело тесно связано с делом Италии, Венгрии и немецкого единства». Согласно агентурному донесению из Парижа 22 декабря 1862 г., Булевский в одном из писем настаивал

на необходимости «войти в сношения с недовольными французских партий и работать над достижением общего восстания». Работая в этом направлении, он поддерживал тесные связи с Ледрю-Ролленом и Мадзини и сыграл важную роль в установлении контакта между ними и Центральным Национальным комитетом, став посредником в переговорах в январе 1862 г. Еще раньше, летом 1861 г. он помог эмиссарам ЦНК Олендзкому и Домбровскому связаться с Мадзини. Впоследствии эту связь поддерживали Цверцякевич и Годлевский, о чем сам Мадзини писал 27 ноября 1862 г. из Лондона в Турин Пульскому: «Я нахожусь в контакте с людьми, которые руководят движением». Но основные усилия «левицы» были направлены на то, чтобы объединить вокруг ЦНК силы всей демократической эмиграции. В этом ее поддерживали русские революционные демократы. 18 октября 1862 г. М. А. Бакунин убеждал Ю. Цверцякевича в «необходимости для Центрального комитета обратиться с манифестом к эмиграции с требованием, чтобы она подчинилась национальному правительству». Это, считал он, «более, чем когда-либо, необходимо», так как «соберет в одно сильное тело самую лучшую часть эмиграции польской, которая возвысит и усилит действия Центрального комитета». Позже в письме М. Соколовскому Бакунин писал: «Ввиду подготавливаемых событий, которые должны решить судьбу Вашего отечества, все ваши внутренние разногласия должны прекратиться и [...] все, что только есть благородного, преданного и истинно патриотического, должно сплотиться вокруг знамени Польского Центрального Комитета, единственно способного спасти Польшу»²³⁸.

Русские революционные демократы готовы были встать под это знамя вместе с польскими союзниками. В конце ноября 1862 г. в Лондоне было создано Революционное общество. Его секретарем стал Бакунин, а редактором бюллетеня Общества — Булевский. Под председательством Бакунина с 20 по 23 ноября на лондонской квартире Зенковича проходили заседания Революционного общества, была утверждена программа его действий. Общество обратилось к «братьям по эмиграции» с воззванием, в котором говорилось: «Усмотрев, что во Франции развитие революционных идей затруднительно, видя сильный союз Наполеона с царем России на могиле Польши, мы решились образовать в Лондоне чисто революционное общество, которое, будучи независимо от происков французской полиции, могло бы управлять парижской эмиграцией и действовать заодно во время революции. Признавая варшавский Центральный Комитет, возникший 1 сентября, за единую власть в Польше и всякую другую власть за противную нашим уложениям, секретные агенты наши должны войти в сношения с французскими партиями недовольных и готовить восстание общества с итальянскими и другими друзьями [...]. Деньги, как для вооружения, так и для развития пропаганды, должны пересылаться в Англию». Поскольку наряду с именами Булевского и Зенковича воззвание упоминало также о «членах варшавского ЦК», есть основания считать, что Центральный Национальный комитет одобрил создание под своим руководством эмигрантской организации, направлявшей усилия на поддержку его планов²³⁹.

Успех этих планов во многом зависел от союзника, каким могло стать русское революционное движение. И как раз в этом Революционное общество, созданное «левыми» демократами вместе с русскими эмигрантами, было способно оказать помощь Центральному Национальному комитету. Именно «левое», радикальное крыло Польского демократического общества неизменно выступало за русско-польский революционный союз, хотя Централизация ПДО и расходилась с «Колоколом» по ряду вопросов. Это обнаружилось уже в период манифестаций, когда более широкие слои польской демократической эмиграции осознали значение русско-польского революционного сотрудничества. В письме группы поляков из Алжира подчеркивалось, что «освобожденная Россия и независимая Польша это не только истинный союз между народами, но также и единственная гарантия свободы в Европе». А на торжественном собрании 29 ноября 1861 г. демократы дали отпор попытке осудить стремление к сотрудничеству с русскими революционерами, предпринятую Г. Невенгловским, который утверждал, что от русских нечего ждать, кроме рабства, так как они иначе понимают свободу, исповедуют «коммунизм, восточные понятия», в отличие от поляков, разделяющих западные идеи, в частности, идею частной собственности как «признак цивилизации и высочайшее уважение свободы человека». Отвечая Невенгловскому и всем противникам русско-польского революционного союза, Я. Чиньский заявил: «В России, которая до сих пор состояла из царя и рабов, в России проявляются благородные чувства, высокие стремления. С берегов Вислы искра свободы перелетела на берега Невы [...] Мы считаем величайшей заслугой национальных усилий то чудесное движение, которое московских рабов, наших заклятых врагов, превратит в свободных людей, наших союзников, наших братьев». Чиньский говорил о «надежде будущей России» — молодежи русских университетов, которая «начинает мыслить и чувствовать», о русских революционных эмигрантах — «добровольных изгнанниках», не желавших быть свидетелями жестокостей самодержавия, о «смелых, светлых и благородных» усилиях Герцена, затронувшего «своим сердцем и пером» «множество благородных чувств» в России, и приходил к выводу: «Система русского абсолютизма — это наш враг! Свободные русские — это наши сотрудники, наши братья, наши союзники!». Он призывал к верности традициям революционного сотрудничества и старому девизу «За вашу и нашу свободу!»: «Примем братскую руку, которую подают нам свободные русские! Удержим их симпатии! Научимся отличать свободу от деспотизма! Воздадим ненавистью за ненависть, но любовью за любовь!». Призыв Чиньского был встречен аплодисментами, и эта реакция подтверждала, что такое, с точки зрения царского агента, «вредное явление», как стремление к польско-русскому революционному сотрудничеству, стало «проникать в массы эмигрантов». Демократы же не уставали пропагандировать идею революционного союза. 8 июня 1862 г. в воззвании к шведам они подчеркнули, что в русском народе «любовь к свободе растет с каждым днем, и множится число ее апостолов. Прогрессивные идеи и благородные чувства находят отклик на берегах Невы, и никакая земная сила не сможет помешать их победе». А незадолго

перед восстанием, когда переговоры Центрального Национального комитета с русскими революционерами завершились подписанием договора о русско-польском революционном сотрудничестве, А. Жабицкий, говоря о заключении союза, утверждал: «Самого серьезного союзника мы нашли в лагере нашего общего врага. Связанные с русским народом узами общего происхождения и говоря на близком ему языке, мы сумели передать ему наши чувства и убеждения [...]. Союз Польши с революционной Россией [...] не угрожает никому расовой войной». Он «заключен с единственной целью разбить общие оковы и предусматривает после завоевания независимости полную свободу развития каждого из этих двух народов»²⁴⁰.

Пропаганде идеи союза способствовала деятельность печати демократической эмиграции: газета «Demokrata Polski» публиковала материалы о России и русском революционном движении, перепечатывала статьи из «Колокола». Признавая «неоценимые заслуги» Герцена перед «делом русской свободы» и «всего человечества», она с удовлетворением отмечала последствия его «первых призывов» — распространение «по всей России среди военных, светских и духовных лиц» сочинений, призывавших страну «освободиться от позорного угнетения». Воплощение лучших черт русского народа газета видела в молодежи и к ней обращала призыв к совместной борьбе:

«Великая радость, какой не бывало,
Поляков сердца веселит!
Свобода в московских стенах засияла,
Убийца на троне дрожит.
Очнулись молодые питомцы полночи,
Высокое чувство в душе их живет,
Орудьем насилья никто быть не хочет,
Разврат и убийство клянет.
То пламя, что гневно пылает в их жилах,
Лишь Польши страданья могли запалить,
Снега, ледники растопить они в силах
И братский народ воскресить.
Вперед же, о русские, смело вздымайте
Знамена свободы над вольной Невой!
Господство царей растопчите, сломайте,
Оставьте корону любви лишь одной!
Зачем о границах нам спорить? Коль скоро
Две вольных великих страны захотят,
Избавят весь мир от цепей и позора,
Победу свободы навек утвердят.
Хвала вам, России сыны молодые!
Слагаются гимны, чтоб вас прославлять,
И девушки вяжут венки полевые,

Чтоб ими героев Невы увенчать.
 Потомки, достойные Пестеля! Дайте
 Сигнал! Пусть пробьет час последний Кремля!
 Вы кузницу замыслов адских сравняйте
 С землей, и ее пусть поглотит земля!
 Славяне избавят от мрака могилы
 И жизнь, и сияющий свет,
 Чтоб в мире всеобщее братство царило –
 Свободы прекрасный завет.
 Хвала вам, России сыны молодые!
 Слагаются гимны, чтоб вас прославлять,
 И девушки вяжут венки полевые,
 Чтоб ими героев Невы увенчать»²⁴¹.

Примечательно, что автор стихотворения призывал русских и польских революционеров не «спорить о границах», имея в виду вопрос о «забранных землях». Но, как показывали выступления польских эмигрантов, эта проблема продолжала волновать польский демократический лагерь, и он связывал ее решение с вопросом о союзе с русскими революционерами. Развивая идею русско-польского революционного сотрудничества, газета «Demokrata Polski» в марте — апреле 1862 г. напечатала отклики на брошюру М. А. Бакунина «К русским, польским и всем славянским друзьям». В ней, как и в брошюре «Народное дело», вышедшей также в 1862 г., Бакунин писал о праве Литвы, Белоруссии и Украины на автономию в рамках будущей славянской федерации, и эта тема громко прозвучала в опубликованных прессой демократической эмиграции польских откликах. Автор одного из них, отвечая на вопрос Бакунина, поставленный им в брошюре, подадут ли поляки русским братскую руку в совместной борьбе, писал: «Если Кремль напомнит Бельведер, если из освобожденного Кремля к полякам донесется призыв “За вашу и нашу свободу!”», то поляки, верно, не пойдут ни возвращать свергнутого царя в Москве, ни поддерживать господство Габсбургов в Праге». Автор требовал от русских конкретных «дел» и доказательств своего благородства. Одним из таких доказательств должно было стать безоговорочное признание «всей бывшей Польши» в границах 1772 г. Газета «Demokrata Polski» отвергала как мысль о проведении референдума в «забранных провинциях», так и идею славянской федерации, и упрекала Бакунина в непонимании польского вопроса и незнании польской истории. Для доказательства прав Польши на «забранные земли» Ян из Праги в корреспонденции, опубликованной 5 апреля 1862 г., ссылался на авторитет «русских мучеников» — декабристов, которые не отбирали у поляков «ни одной провинции, ни одного села, ни одной полоски земли», и советовал Герцену и Бакунину помнить об этом. Выражая уверенность, что «освобожденная Россия и освобожденная Польша не будут бороться друг против друга», автор корреспонденции в то же время разъяснял, почему русские должны быть более уступчивыми в территориальном вопросе:

«Русским, — считал он, — потребуется полвека, чтобы превратить рабов в людей, степи и пустыни в урожайные поля и сады. Возможно, на нас падет обязанность защиты освобожденных, задержания немецких орд. Пусть они это хорошо запомнят и пусть несвоевременными, ненужными спорами не отвлекают умов от главной цели — уничтожения тирании»²⁴².

Подобные мысли высказывали и некоторые известные демократы. Так, Л. Оборский, в прошлом один из руководителей Революционной громады «Лондон», в речи на собрании 29 ноября 1862 г., отступив с революционно-демократических позиций, ограничился обычным осуждением происков реакции, призывом к всеобщему единению в борьбе, постановкой перед эмиграцией задачи просвещения общественного мнения на Западе и завоевания для Польши моральной поддержки. Он выдвигал в качестве программы требования «личной свободы, свободы вероисповедания, уравниения всех классов и наделения крестьян гражданскими правами», то есть обычные демократические требования, которые стояли в программе даже консервативных группировок. Утверждая, что в стране созрело понимание крестьянской проблемы, якобы обусловившее возможность единства всех классов в национальной борьбе, Оборский призывал шляхту по-братски относиться к крестьянам, просвещать их, вовлекать в национальные ряды. Те же мысли содержала и предложенная им на собрании резолюция, провозгласившая «наделение крестьян землей в собственность и уравниение прав вероисповедания необходимыми условиями объединения всех жителей земли польской в единое целое и создания великой национальной армии». Эти призывы, нацеленные на единение классов, весьма далекие от прежних революционных теорий Громады, свидетельствовали о том, что социальные моменты отошли здесь далеко на задний план, а главный акцент был сделан на вопросе национальной борьбы и лишь в связи с этим на вопросе демократизации внутренней жизни Польши. При этом национальный вопрос был поставлен Оборским в духе непримиримости и национальных претензий. Призывая бороться за «единую великую Польшу от моря до моря», он утверждал, что страна «заявила энергичный протест против панславистских грез и фантазий». В идее «разрекламированной славянской федерации» он видел «вечную мечту Москвы» — «панславизм, который лишь время от времени, согласно необходимости и расчетам, одевается в новые одежды и называет себя новым именем». С этих позиций Оборский клеймил сторонников предоставления малым народам права на самоопределение и тех, кто, «кокетничая с поклонниками славянской федерации, поет под их дудку» и, «отказывая литвинам, белорусам, вольнянам и украинцам в праве называться поляками и считая их особым народом, дает, таким образом, санкцию на раздел Польши». Этот был намек на русских революционеров, союз с которыми Оборский обуславливал их готовностью к восстановлению исторических границ Речи Посполитой. «Нация, так долго обманываемая, больше не даст себя морочить», — заявлял он и выдвигал ультиматум: «Польша хочет идти и пойдет вместе рука об руку с Москвой, но [...] только с Москвой, ограниченной своими собственными историческими пределами, а не с какой-то

либеральной и раздувшейся от грабежа Россией, с Москвой революционной, искренне, без хитрости стремящейся к той же, что и она, цели свержения общего врага, то есть петербургского правительства»²⁴³.

Поднятая Оборским тема нашла выражение и в адресе к английской общественности, оглашенном А. Жабицким в Лондоне 29 ноября 1862 г., но получила там иное звучание. Жабицкий, сотрудничавший с «Колоколом», напоминал о декабристах и лозунгах русско-польского революционного союза в восстании 1830–1831 гг., указывал на братскую близость русских и поляков, на осознание русскими важности союза двух народов для общего освобождения. В адресе говорилось о вкладе А. И. Герцена и «Колокола» в дело утверждения идеи союза, о том, что союз этот «не имеет ничего общего с утопией славянской федерации» и нацелен лишь на достижение свободы обоих народов. Вместе с тем Жабицкий подчеркивал, что «требование целостности Польши в предраздельных границах превратилось в фанатизм и является первым пунктом национального кредо поляков», которые будут бороться «за восстановление Польши от Карпат до Днепра, от Балтики до Черного моря». Он истолковывал позицию русских революционеров как согласие признать «старые дораздельные границы» Речи Посполитой и призывал к сотрудничеству с ними²⁴⁴.

Лозунг русско-польского революционного союза поддерживали и другие представители демократической эмиграции, как, например, Э. Желиговский, защищавший его от нападок консерваторов. К сотрудничеству с русскими революционными демократами призывал в мае 1862 г. Я. Чиньский, а М. Акелевич был, по свидетельству царского агента Ю. Балашевича-Потоцкого, автором цикла статей «О необходимости союза между Польшей и революционной Россией», опубликованных в газете «Demokrata Polski» в мае — июне 1862 г. В них подчеркивалось как значение русско-польского революционного союза для будущего успешного развития России и Польши, так и влияние его на развитие Европы. Указывая на роль Герцена и других представителей русской революционной эмиграции в деле пробуждения общественного сознания в России, Акелевич писал: «Мы верим, что та польская рука, которую мы сегодня протягиваем вам, почувствует пожатие братской русской руки, как почувствовала его во времена Бестужевых и Пестелей»²⁴⁵.

3. Л. Мерославский и парижское Общество польской молодежи. Польская военная школа в Италии

Выступление Акелевича в поддержку русско-польского революционного союза было очень важным, так как он представлял активную часть польской эмиграции — молодежь. К концу 1861 г. новая молодая эмиграция насчитывала до 1,5 тыс. чел., а в 1862 г. ее численность достигла уже 3 тыс., наряду с 5 тыс. эмигрантов прежних лет. Молодежь из разных польских земель приезжала на учебу в заграничные университеты, пользуясь облегчением паспортного режима в конце 1850-х годов, а также и нелегально переходила границу, откликнувшись,

в частности, на призыв Мерославского, который заявил о формировании легиона для участия в грядущем восстании. Наиболее радикальные элементы создали в Париже Общество польской молодежи, опиравшееся на молодежные кружки в ряде европейских городов. В июле 1862 г. общее число членов Общества в Париже, Льеже, Женеве, Кунео, по данным печатного органа Польского коло, составило 200 человек. Активную роль среди них играли эмигранты, находившиеся преимущественно во Франции и Италии, в том числе В. Милович, Б. Кольшко, А. Асник, З. Падлевский, М. Акелевич, Я. Амборский, С. Бобровский, В. Никорович, Р. Рогицкий, Ю. Оксиньский, В. Яблоновский, А. Зейфрид, В. Бехоньский и многие другие, чьи имена вскоре стали известны в связи с участием в восстании 1863–1864 гг. Члены Общества польской молодежи избирались путем всеобщего голосования, платили взносы и давали клятву подчиняться выборному Комитету из трех человек. Общество регулярно проводило заседания, имело свою печать с девизом «Кровь и железо — путь к свободе», издавало журнал «Głos z Paryża i Genui». Оно ставило своей целью направить эмиграцию в поддержку тайной организации «красных» в Королевстве Польском, помочь ей в подготовке восстания, информируя ее членов о положении в Европе, осуществляя посредничество в их переговорах с европейскими политическими кругами, пропагандируя дело Польши среди общественности Запада. Особыми задачами были воспитание у польских эмигрантов революционного духа, подготовка их к участию в вооруженной борьбе, а также помощь в формировании военной силы восстания — закупка и доставка в Польшу оружия, снарядов, амуниции. Таким образом, Общество польской молодежи становилось, по определению царских агентов, «политической агентурой польского заговора за границей», главной целью которой было «взаимное вспомоществование делом и денежными взносами для достижения общего желаня поляков — восстания на родине»²⁴⁶.

На первых порах работу Общества контролировал Мерославский через своего агента Я. Кужину. Молодежь находилась под обаянием личности генерала и его патриотических призывов. Мерославский особенно активно действовал в 1861–1862 гг., что даже привлекло особое внимание царского правительства. Ему приписывали инициативу во всех революционных выступлениях, в том числе и в манифестациях, происходивших в Королевстве Польском. Этому способствовали выступления самого генерала и печатная пропаганда на страницах его журнала «Wacność», который, в частности, утверждал, что февральские манифестации в Варшаве устроила молодежь «с общего согласия с эмиграцией», то есть с Мерославским. В действительности существовал план генерала перевести манифестацию 25 февраля 1861 г. в вооруженное восстание, захватить варшавский замок и цитадель, разоружить и удалить из города русский гарнизон, взять в заложники представителей российских властей, но этот план нельзя расценить иначе, как авантюру и провокацию. Однако Кароль Маевский, которому якобы было поручено его осуществление в Варшаве, будучи тайным противником восстания, добился, чтобы молодежь в манифестации ограничилась мирными действиями в соответствии с концепцией Земледельческого общества. Тем не менее,

Мерославский придавал этой манифестации большое значение, подчеркивая, что мировая общественность «уже больше не отвергнет польский голос в концерте европейских государств» и поймет, что «меч-мститель», вынутый из ножен польским народом, «не будет вложен в них до тех пор, пока не будут уничтожены все притеснения и все сатанинство». Требуя, чтобы Польша свела все вопросы, касающиеся европейского равновесия, «к единственному, краеугольному, универсальному [...] польскому вопросу», Мерославский рассчитывал, что ему все же удастся возглавить движение в Королевстве Польском и добиться его перерастания в вооруженную борьбу. Когда же эти расчеты не оправдались, он стал выступать против «злоупотребления поверхностными манифестациями», которые «без восстания всего народа» останутся, по его словам, пустой тратой времени. Вслед за Мерославским «Wacžność» позже также осудила тактику ненасильственных действий как бесперспективный «мученическо-дипломатическо-легальный» путь борьбы²⁴⁷.

Чтобы разъяснить неизбежность восстания, генерал развернул широкую повстанческую агитацию: в воззвании 10 мая 1861 г. он подчеркивал, что момент взрыва уже близок, и требовал встретить его «бдительностью и единением». План восстания, разработанный во всех деталях, он изложил в воззвании 1 марта 1861 г., а позже в специальном руководстве «Косинёрская муштра». Его название указывало на расчеты привлечь к восстанию крестьянство, поскольку из крестьян и рекрутировались вооруженные косами повстанцы (косинёры). Очередным планом Мерославского предусматривалось одновременное выступление на всей территории Королевства Польского; все русские гарнизоны должны были быть разоружены или разбиты. В каждом уездном городе шляхта во главе крестьянских отрядов должна была захватить власть и сформировать повстанческий отряд, затем отряды из соседних уездов предполагалось объединить в воеводский лагерь — базу для атаки на губернский центр. Освобожденная территория становилась плацдармом для формирования регулярной повстанческой армии. Сроки начала восстания Мерославский обуславливал «счастливым моментом стечения благоприятных обстоятельств внутри и вне страны». К таким внешним факторам он относил войну в Европе или революцию в России. Польше же предстояло подготовиться духовно и подготовить материально-техническую базу восстания. Это означало проведение повстанческой агитации, особенно в «забранных провинциях», и организацию закупки и пересылки оружия. Генерал планировал производить оружие и на местах, готовить там лошадей и упряжь. Для подготовки военной силы он наметал провести всенародную пословную перепись населения, чтобы в случае взрыва восстания распределить различные категории народа по роду оружия. Предполагалось, что шляхта будет служить в кавалерии, горожане в стрелковых, техническая интеллигенция в артиллерийских и саперных частях, а еврейское население возможно использовать на интендантской службе. Крестьяне же вооружались пиками и косами и, лишённые инициативы, становились ударной силой под командой шляхетских офицеров. Таким образом, страх Мерославского перед «геростратизмом» обуславливал отстранение

«полудикой», «серой» массы крестьянства от подготовки восстания и руководства борьбой. К руководству допускалась только шляхта, но лишь «при условии рыцарского подчинения ее правилам воинствующей демократии», разработанным генералом. Это стремление сохранить и в восстании существующий аппарат шляхетской администрации свидетельствовало о том, что распространявшиеся в эмиграции и в самой Польше слухи о ненависти генерала к шляхте были не основаны, и сам он усердно их опровергал²⁴⁸.

Поначалу Мерославский приветствовал постановление Земледельческого общества от 25 февраля 1861 г. о возможности наделения крестьян землей на основе добровольного соглашения держателей наделов со своими помещиками. Генерал расценил его как проявление осознания шляхтой своего патриотического долга, но критиковал документ за расплывчатость, за стремление отделаться мелкими подачками крестьянству. Он старался убедить помещиков, что их кровные интересы требуют присоединения к борьбе за свободу Польши. В воззвании 10 мая 1861 г. он заявил: «Напрасно [...] привилегированные до сих пор ряды общества пытались бы отделить свою судьбу от случайностей народной жертвы и застраховать от них хотя бы остаток своего имени и крова. Всем имуществом своим и кровью, предназначенными отечеству, они не откупятся более от гонителей, которые намерены все это забрать бесплатно, если только этому намерению не помешает повстанческая помощь». Пугая шляхту, Мерославский возлагал на нее задачу «широко и глубоко распространить органический заговор всего народа во всех слоях общества», «ликвидировать пропасть, которая еще отделяет ее от крестьянства, искренне протянув ему руку и подняв из бездны рабства так, чтобы на призыв восстания [...] восстала вся Польша как единый двадцатимиллионный народ». Впоследствии, сожалея о роспуске Земледельческого общества, он указывал его бывшим членам на необходимость выполнить поодиночке этот долг, подчеркивая особое значение такого шага для крестьянства «забранных провинций». В воззвании 10 мая 1861 г. отмечалось, что осторожность, внушившая Александру II «мысль отсрочить полное освобождение крестьян от крепостного ига», «подала тем оружие польской шляхте». Обращаясь к этой последней как к «остатку избранного народа», генерал патетически вопрошал: «Неужели ты задумаешься перед этой Божьей милостью, неужели пропустишь и этот последний вечер, предназначенный тебе для победы?». Позже уже печатный орган сторонников Мерославского «*Wacność*» не уставал призывать шляхту опередить царизм и тем ускорить начало вооруженной борьбы, после успешного завершения которой помещикам было обещано вознаграждение понесенного ущерба. Мерославский оговаривал только одно условие — установить такой размер выкупа крестьянских повинностей, чтобы «учиненное помещиками благодеяние во всяком случае подавляло собою все возможные петербургские указы в таком духе». Само «благодеяние» он стремился выдать за «факт, совершившийся бесповоротно», и как можно шире оповестить о нем крестьянство, особенно на Украине. «Вообще, — писал он откровенно, — пускай при этих первоначальных действиях агитации простой народ, преимущественно

малороссияне и Литва, привыкнув думать, что все хорошее исходит из Варшавы, а все дурное — из Петербурга»²⁴⁹.

Мерославский заявлял, будто уже осуществленные отмена зависимости крестьян и уравнивание в правах евреев создали основу единства нации, необходимо для победоносного восстания. В связи с этим выдвигалась задача привлечения обученных военных кадров как ядра будущей регулярной армии. Генерал обратился с воззванием к полякам, состоявшим в рядах русской, австрийской и прусской армий. Оно содержало проект кодекса будущей национальной армии освобожденной Польши. Предусматривались введение обязательной срочной военной службы и военного образования как части общего обучения, организация специальных военных школ на демократических началах. Демократический принцип находил выражение в таких тезисах кодекса, как выборность офицеров, продвижение по службе в соответствии с заслугами, уравнивание разных чинов в жаловании, установление равного наказания для офицеров и солдат. Последним гарантировалось свободное осуществление политических прав. Мерославский предлагал отменить смертную казнь, пытки и наказания, унижающие человеческое достоинство, создать дисциплинарный суд, а тех военных, кто будет изобличен в преступлениях против народа, изгонять из армии и из страны с конфискацией имущества. Проект намечал общую численность национальной армии в 250 тыс. чел. в мирное время и в 500 тыс. чел. во время войны²⁵⁰.

Обученные военные кадры Мерославский рассчитывал подготовить также и за границей. Указывая на то, что в Европу из Польши прибывают «беспорядочные необученные толпы», он вновь выдвигал лозунг формирования польского легиона, который, «будучи в одно и то же время школой, кадром и резервом», является «единственной гарантией успеха». Воззвания генерала о легионах от 23 февраля и 10 мая 1861 г. распространялись в Королевстве Польском и «забранных провинциях». Царским чиновникам казалось, что вся Польша наводнена агентами Мерославского, и они были весьма обеспокоены его планами. Так, 2 (14) января 1861 г. А. М. Горчаков писал В. А. Долгорукову, начальнику III Отделения Собственной его императорского величества канцелярии, ведавшего борьбой с революционным движением: «То, что нас сейчас главным образом занимает, это ход дел в Галиции, только что происшедшее создание Мерославским “комитетов действия”, то есть повстанческих комитетов, и формирование польского легиона».

Воззвания генерала, действительно, восторженно принимались молодежью, в Варшаве создавались «клубы» его сторонников. А осенью 1861 г. во время муниципальных выборов варшавяне вписывали в избирательные бюллетени имя Мерославского рядом с именами Гарибальди и Клапки. Для сбора средств на формирование легиона была организована тайная лотерея. Сбором средств и распространением воззваний Мерославского занимался К. Маевский, которого генерал и его помощник Я. Кужина именовали «единственной осью Польши и полномочным представителем забранных земель», хотя на самом деле он тяготел к партии «белых»²⁵¹.

Последние также снабжали Мерославского деньгами, так как желали «приручить» его и «удержать от опасных шагов». Посланцы Земледельческого общества Л. Гурский, А. Потоцкий, А. Браницкий и Рыщевский в феврале — марте 1861 г. встречались с генералом в Париже и просили его направить в Королевство Польское призывы к спокойствию. Мерославский воспринял это обращение как выражение страха перед социальной революцией, но он также не хотел «шеллизма», а, кроме того, был заинтересован в материальной поддержке со стороны богатой шляхты. Поэтому он заверил представителей «белых» в своей благонадежности, сославшись на связь с принцем Наполеоном. Хотя генерал не послал в Польшу «успокоительное» воззвание, но, выступая в Париже перед молодежью с речью, он убеждал молодых патриотов «ждать спокойно» и «быть терпеливыми». Он ожидал, что после манифестаций «начнется торг с правительством насчет уступок», и утверждал, что «на пути переговоров самый глупый шляхтич добьется больше, чем самый умный революционер». Молодежь, настаивал Мерославский, не должна пока заниматься «агитацией или конспирацией», так как «ныне все должно совершаться явным и на какое-то время мирным путем»²⁵².

Подобные выступления генерала должны были успокоить помещиков. В распространявшемся на Украине осенью 1861 г. воззвании подчеркивалось, что «эмиграция не трогает никаких общественных вопросов и ничем не угрожает в этом предмете», она только хочет «с оружием в руках» «сесть на плечи неприятеля [...] и возвратиться в родные усадьбы». Эти слова были призваны подтвердить исключительное стремление Мерославского к национальному освобождению Польши — стремление, заслуживающее поддержки и помощи шляхты. На основе сотрудничества он хотел выстроить свои отношения с созданной на базе распущенного Земледельческого общества Сельской организацией «белых». Маевский представил ее как развивающуюся на одной платформе с Городской организацией, то есть с «красными» сторонниками восстания, и предложил их объединить. Мерославский, получивший обещание постоянной финансовой поддержки, в августе 1861 г. согласился на это предложение и через направленного в Варшаву Марчевского передал своим сторонникам приказ во всем подчиняться Маевскому. В воззвании 1 октября 1861 г. он с одобрением отозвался о «сельской шляхте», которая «главным образом составляет связь между разумом и телом нации, ибо она по традиции и обычаю опекает братски крестьянские громады; ей ближе всего склониться к ним и взять их на свои рыцарские плечи». Одновременно он одобрял деятельность в крестьянской среде патриотов из низшего духовенства и чиновничества: «их опытности, их патриотической бдительности, их мужественной умеренности молодежь обязана тем, что в этом рискованном хождении в народ среди сельских громад она ни на мгновение не окунулась в пропасть геростратизма, в которую ее вместе с обезумевшей толпой пытались увлечь русские провокаторы»²⁵³.

Однако план сотрудничества Мерославского с организацией «белых» не получил осуществления, и это обнаружилось уже в сентябре 1861 г. на съезде в Гомбурге, где представлявший Мерославского Кужина встретился

с представителями Сельской организации, которые воспринимали соглашение как договоренность о полной капитуляции тех, кто в Польше и в эмиграции стремился к восстанию. Выступая против подготовки восстания, они потребовали, чтобы эмиграция отказалась от руководства политикой Польши и подчинилась их верховному руководству. Это требование было неприемлемым для честолюбивого генерала, ни с кем не желавшего делить власть, тем не менее, полного разрыва в Гомбурге не произошло, и было условлено об отправке Кужине денег из Королевства Польского. Но отношения партнеров стали холодными, Кужина упрекал Маевского в маскировке своих планов, требовал от него ясности в вопросе о направлении и сущности Сельской организации, о ее взаимоотношениях со сторонниками восстания. На первых порах Маевский старался его успокоить, но по мере оформления организации «белых» и после избрания ее Дирекции он все меньше ощущал необходимость связи с Мерославским и к лету 1862 г. перенес свое внимание в эмиграции на партию «умеренных» демократов во главе с Высоцким. Мерославский же еще некоторое время старался поддерживать отношения с Маевским, так как был заинтересован в получении средств, а главное, в руках Маевского оказались основные связи генерала с Королевством Польским. Однако вскоре Мерославскому удалось наладить контакт со своими сторонниками в Варшаве через Марчевского, направленного туда с поручением собрать не менее 400 тыс. франков и обеспечить пересылку в Королевство 10 тысяч ружей. Марчевский должен был также укрепить связи генерала с варшавскими «красными», и в результате с конца 1861 г. Городская организация стала уходить из-под влияния Маевского. Создавались новые кружки молодежи, симпатизировавшей Мерославскому, как, например, кружок учеников Варшавской художественной школы и реальной гимназии, члены которой числились в III Отделении «красными мерославчиками», или кружок под руководством Коженёвского, устраивавший в костёлах денежные сборы в пользу генерала. В конце 1861 г. члены этого кружка, следуя инструкции Мерославского, повели борьбу против участия жителей городов Королевства Польского в муниципальных выборах, выступали с воззваниями, подстрекали к протесту ремесленников²⁵⁴.

Симпатизировали Мерославскому и патриоты в Литве: в ноябре 1861 г. с ним установило связь существовавшее в Вильно тайное общество «пятерок». От имени кружков, действовавших в Гродненской и Августовской губерниях, к нему обращался Бронислав Шварце, заявляя: «Мы присоединяемся к общему движению [...], взирая на тебя, генерал, веря твоим словам». Он просил Мерославского «ободрить» литвинов и «объяснить путь, какой нужно принять» для осуществления «общего плана освобождения [...] Польши», указать, как нужно организовать патриотические «элементы» местного общества, чтобы «как можно эффективнее служить Родине». Шварце заверял Мерославского: «Когда ударит час и ты, генерал, придешь к нам, чтобы нас возглавить, то найдешь нас готовыми, как, дай Бог, и всю страну». В это время Мерославский вызывал доверие и симпатию и у будущего руководителя восстания в Литве и Белоруссии Зыгмунта Сераковского. Они познакомились в Париже, но в середине 1862 г. их отношения охладели,

так как Сераковского не могли не оттолкнуть национализм генерала и его пустое фанфаронство²⁵⁵.

Королевство Польское и другие области прежней Речи Посполитой, находившиеся под властью России, интересовали Мерославского в первую очередь. Но его эмиссары постоянно ездили также в Познань, поддерживалась связь и с львовским изданием «Gazeta Narodowa» («Национальная газета»), редактор которого Ян Добжаньский создал в 1861 г. так называемое Национальное правительство. Основное сотрудничество во Львове осуществлялось с членами кружка Чарнецкого: они собирали средства на восстание, через них Мерославскому удалось связаться с краковской Главной галицийской радой под руководством А. Щепаньского, которого генерал стал рассматривать как своего агента, назначил организатором для Галиции и посылал к нему эмиссаров из Генуи. Но наряду со сторонниками, главным образом представлявшими молодежь из кругов учащихся, ремесленников, мелкой буржуазии, Мерославский имел в Галиции и серьезных противников: «белая» Львовская лава, опиравшаяся на шляхту, выступала против революции и восстания, она противилась повстанческой агитации «мерославчиков», препятствовала в сборе денежных средств для генерала²⁵⁶.

Вопрос о денежных ресурсах был особенно чувствителен для Мерославского: подготовка к осуществлению его масштабных планов требовала немалых денег. По данным царских агентов, его эмиссары в расчете на субсидии еженедельно ездили в Варшаву, Вильно, Познань. Сбором средств на Украине занимались Виктор Никорович и Август Ивановский. По некоторым сведениям, к сентябрю 1861 г. генерал якобы имел 183 тыс. франков. В январе 1862 г. Кужина, являвшийся его специальным казначеем, получил из Польши еще 150 тыс. злотых, а спустя два месяца — 60 тыс. франков из Познани и 120 тыс. франков из Варшавы и Вильно. К этому добавились крупные суммы, собранные Браницким и А. Леви, а также полученные Мерославским непосредственно от Сераковского и принца Наполеона. Согласно подсчетам III Отделения, в феврале 1862 г. генерал располагал уже 1 200 тыс. франков. Однако эта сумма, возможно, объединяла финансы Мерославского и партии «умеренной» демократии, с которой генерал еще поддерживал контакт, учитывая как финансовый интерес, так и связи Парижского коло с Польшей. Среди членов Коло самым «умеренным» и «благонамеренным» был Северин Эльжановский, с ним у Мерославского сложились наиболее напряженные отношения, так что А. Гуттри даже пришлось их мирить. В результате до конца 1861 г. сотрудничество генерала с Коло продолжалось. Мерославский и Высоцкий совместно издавали военные правила, выпускали воззвания, в частности, воззвания о легионах 23 февраля и 10 мая 1861 г. В одном из писем Высоцкого, относящемся к этому периоду, говорилось о близости восстания и необходимости подготовить для него кадры и средства, о том, что «за короткое время в Польше собраны довольно значительные суммы [...] и еще более значительные [...] должны поступить». «Притом, — подчеркивал Высоцкий, — вся молодежь, приезжающая теперь в Париж сотнями, [...] группируется вокруг нас, с полной самоотверженностью отдаваясь под наше руководство». Заслугу во всем этом,

а также в успехе налаживания интернациональных революционных связей он отдавал «исключительно» Мерославскому и заявлял: «В подобных обстоятельствах соперничать с ним или ставить ему преграды было бы нелепостью и даже преступлением перед национальным делом. Поэтому я вместе со многими старыми эмигрантами признаю его начальником и отдаюсь под его команду. Поэтому я являюсь лишь его заместителем, или, как он выражается, его alter ego», готовым «к абсолютному повиновению и немедленному исполнению приказов»²⁵⁷.

Упоминание о роли Мерославского в международных связях было не случайным. Генерал, рассчитывая, прежде всего, на помощь Франции, старался заручиться поддержкой и других держав. Пытаясь привлечь внимание общественного мнения и влиятельных кругов Англии, он подготовил «Записку к английскому народу в пользу Польши» и планировал при помощи полковника Форбса создать англо-польский комитет. Его внимание привлекала также Турция как потенциальный союзник в борьбе против России. Утверждая, что падение Османской империи может быть выгодно лишь врагам Турции — России и Австрии, он призывал поляков поддержать Порту, рассчитывая на ее помощь во время будущего польского восстания. Эта идея была изложена в воззвании 2 октября 1861 г., посланном в Турцию и Сербию, и доведена до сведения турецкого премьер-министра, которого Мерославский призывал к поддержке Польши. Обращался Мерославский и непосредственно к польской эмиграции на Востоке, требуя от нее следовать указаниям его агентов в Стамбуле. В воззвании 2 июня 1861 г. он, ссылаясь на свою дружбу с Гарибальди и Клапкой, заявлял о союзе Польши также с Италией и Венгрией. Об этом союзе напоминал в письме Высоцкий, говоря о «польском легионе, который должен сформироваться в Италии, как только вновь вспыхнет война с Австрией»²⁵⁸.

Задача формирования легионов выдвигалась на первый план. О ней говорилось как в совместных воззваниях Мерославского и Высоцкого, так и на страницах печатного органа Польского коло, который писал о «святом долге нации» «обеспечить легионы людьми и средствами». Отсюда вытекала необходимость обучения военных кадров и концентрации денежных ресурсов, направленных на конкретную реализацию этой цели. 15 сентября 1861 г. Мерославский и Высоцкий совместно обратились с призывом собирать деньги для устройства в Италии военной школы. Проект создания военной школы получил поддержку Общества польской молодежи и был с энтузиазмом принят самой молодежью, рвавшейся к борьбе. Польская военная школа (школа инструкторов) уже существовала в Париже, но необходимо было организовать и обучить тех молодых поляков, которые в надежде на скорое восстание отправились в Дунайские княжества и Молдавию. Часть из них сосредоточилась в Яссах и Галаце, часть переехала оттуда через Турцию в Италию. В 1861 г. в Ноли образовалась коммуна, ее участники, живя в огромной нужде, ожидали создания польского легиона. Возник весьма наивный план экспедиции в Литву, его поддержал старый эмигрант Ю. Крамер и молодые активисты Г. Реутт, Ф. Выслоух, С. Буховецкий и Г. Ольшевский. Последний даже ездил в Польшу для совещания с варшавскими

конспираторами, но те заявили о невозможности поддержать экспедицию. Однако патриотические настроения не покидали молодых поляков в Италии, и они сблизились с партией Гарибальди. В результате итальянцами был создан Комитет под председательством И. Оккипинти с филиалами в Лондоне и Париже, распространявший воззвания о сборе средств для помощи польским эмигрантам. Было собрано 17 тыс. лир, в распределении которых участвовала Ассоциация молодых польских эмигрантов; Комитет перевез молодежь в Геную, предоставил одежду и оружие, а также помещения для военной школы — казармы и плац для занятий. Под влиянием Гарибальди итальянское правительство назначило школе ежемесячную субсидию в три тысячи франков, утвердило выдвинутые молодежью кандидатуры школьных инструкторов и представителей²⁵⁹.

В школе, открывшейся в Генуе в октябре 1861 г., было 49 учеников, но уже в ноябре их стало 70, причем 40 из них обучались на средства властей Пьемонта. В дальнейшем число учеников школы колебалось от 100 до 150–160 чел., а в общей сложности обучение в школе прошло более 300 человек, большинство из которых являлись членами Общества польской молодежи. Молодые эмигранты, клявшиеся «во что бы то ни стало не позже, чем через год, встретиться с оружием в руках на родной земле», с энтузиазмом относились к учебе. В школе преподавали генерал Л. Мерославский, капитан К. Бразевич, майор В. Энглерт, полковник Ю. Н. Чапский, поручик А. Рогалинский, капитан Л. Цивиньский, полковник А. Валигурский, поручик П. Сузин, поручик М. Лянгевич, поручик З. Хмельнский, капитан В. Коссовский и др. Капитан итальянской королевской гвардии барон А. Дюльфус ведал материальными вопросами, а позже начальником интендантской части стал З. Курчевский, полковник же А. Фиялковский занял должность коменданта²⁶⁰.

Ученики и преподаватели школы приняли устав, составленный ее директором Мерославским, который считал себя «естественным и необходимым начальником», утверждая, будто пожертвовал на устройство школы свою пенсию, получаемую от итальянского правительства. Но мечтавший о создании военных школ также в Неаполе, на Сицилии, в Сербии и Швейцарии генерал не осуществлял постоянного руководства генуэзской школой, так как занимался в это время подготовкой материальных ресурсов для совместного с Венгрией и Италией выступления против Габсбургов. Согласно агентурным данным, он постоянно встречался с Д. Клапкой, заключил соглашение с ним, а также с Д. Никотера и греческими революционерами, высылал эмиссаров в земли Османской империи. На 9 мая 1862 г. в Генуе намечался съезд польских, итальянских, венгерских и немецких революционеров для утверждения общего плана действий, согласно которому предполагалось вести подготовку в Румынии с опорой на базу в Генуе. Одновременно Мерославский высылал эмиссаров в Польшу, распространял там собственные портреты и прокламации, а за границей пытался даже создать типографию и издавать свою газету²⁶¹.

Лелея масштабные планы, генерал рассчитывал опереться на поддержку молодежи, и на первых порах ученики генуэзской школы относились к нему

восторженно. Но очень скоро его авторитет пошатнулся, так как в школе и вокруг нее возникли конфликты. Мерославский видел в Комитете Оккипинти соперника, боролся с ним за денежные ресурсы; он захватил фонд парижского филиала Комитета, добившись его роспуска, а затем от польских дел был отстранен и сам Оккипинти. Генерал стал единственным обладателем денежного фонда школы, но его поведение шокировало итальянскую общественность. Неприятно поразило оно и учеников школы, столкнувшихся к тому же с авторитарным стилем руководства, когда генеральская «амбиция шла рядом с духом разлада». Мерославский требовал беспрекословного подчинения, пресекал все попытки самостоятельности молодежи. Когда часть учеников отказалась подписать полномочия, от имени Польши признававшие за генералом исключительное право представлять нацию и руководить ею, он стал их преследовать. Уже в конце октября 1861 г. Мерославский добился исключения 6 учеников (А. Кичиньского, Ф. Стоковского, Э. Велёпольского, А. Скульского, П. Душиньского, Я. Носалевица), обвинив их в покушении на него; для защиты от потенциальных убийц он просил у генуэзских властей разрешения на почетный эскорт. В результате действий Мерославского в школе создалась обстановка сплетен, споров, ссор и дуэлей. Он установил цензуру писем учеников, ввел систему политических дискуссий, чтобы выявить своих сторонников и противников, а для расправы с негодными организовывал так называемые суды чести. Одно из решений подобного «суда», 29 октября 1861 г., о котором ученики школы информировали эмигрантскую и европейскую общественность, вызвало взрыв возмущения и отклики в прессе. Газета «Demokrata Polski», указывая на царящую в школе атмосферу, благоприятствующую склокам, осуждала «преследования и ненависть», а «Przegląd rzeczy polskich» обвинял Мерославского в нарушении демократических принципов и превращении школы в «школу личной доктрины». С протестом выступил и опекавший школу Комитет, а победа над ним генерала в результате судебного приговора усилила возмущение общественности, осудившей интриги Мерославского против Оккипинти²⁶².

Еще больше настроил общественность против Мерославского уход из школы в Генуе большой группы учеников (среди них были З. Хмельнский, Г. Реутт, З. Минейко, Ф. Нарбут, И. Курневич, Ф. Штох, А. Крыловский, В. Стемпковский, Л. Новацкий, Ч. Шпырко-Харский, Т. Триплин, Ф. Лабудзиньский и другие), после чего в ней осталось 30 человек. Хотя Мерославский пытался сделать расставание «братским» и снабдил молодежь, отъезжавшую в Молдавию, рекомендательными письмами, сам факт ухода учеников был сильным ударом по его авторитету. «Голос из Польши» отозвался на него горькими словами по поводу молодежи, «исторгнутой из лона отчизны», «Dziennik Poznański» («Познанская ежедневная газета») заклеил Мерославского и Кужину как «шарлатанов», а В. Дзвонковский, стоявший на позиции внутреннего христианского преображения, осуждал саму идею создания военных кадров восстания. Что же касается демократической эмиграции, она видела в затеях Мерославского пустую трату сил и средств народа, осуждала его «необузданную кичливость и легкомыслие»

и сожалела об обманутой молодежи, столь необходимой на родине. Печатались листовки и брошюры, где генерала критиковали за выдвигание фантастических планов, за стремление всегда и всюду первенствовать, не считаясь ни с чьим мнением, отмечалась его неспособность к руководству²⁶³.

Особенно острым было открытое письмо генерала М. Рыбинского, от имени Польши обратившегося к Гарибальди в октябре 1861 г. В нем утверждалось, что Мерославский не выражает мнения нации, не пользуется авторитетом ни в Польше, ни в эмиграции. Рыбинский призывал Гарибальди отстранить генерала от руководства школой и порвать с ним. Хотя у Мерославского нашлись защитники, публично протестовавшие против письма Рыбинского, но многие эмигранты поддержали последнего и также обратились с письмами к Гарибальди. К концу 1861 г. уже 400 человек подписали адрес, направленный против Мерославского. Его передали Гарибальди, который и сам, еще с момента конфликта генерала с Оккипинти, изменил мнение о Мерославском и поэтому сочувственно отнесся к обращениям его противников. Он обещал назначить директором школы того, кого выберут сами поляки, и одновременно указал на необходимость для польской эмиграции избрать вождя путем всеобщего голосования и «дать ему все полномочия». То же, подчеркивал Гарибальди, «должно относиться и к польской национальности, когда она явно или тайно сможет избрать человека, который поведет ее к эмансипации»²⁶⁴.

Мерославский пытался опровергнуть выдвинутые против него обвинения, направив письмо к Гарибальди, а также издав тиражом в 5 тыс. экземпляров брошюру, в которой, обрушиваясь на Рыбинского и демократическую прессу, звал к суду Польши. Его положение усугублялось обвинениями в растрате денег, предназначенных на нужды эмиграции и военной школы, и становилось «критическим», что признавал сам генерал: «Сидим на огромной горе пустоты», — писал он Кужине 14 декабря 1861 г. Разрыв с Гарибальди ударил по его планам польско-итало-венгерского выступления. Делая вид, что он «освободился от гарибальдийского ига», Мерославский теперь больше рассчитывал на союз с Венгрией. В основу новых планов лег проект восстания в Венгрии при участии Сербии, Черногории и Дунайских княжеств. Он предусматривал приглашение на венгерский престол французского или английского принца и, возможно, получил одобрение принца Наполеона, а также Г. Пальмерстона, с которым генерал вел переговоры в середине 1862 г. В начале же этого года прозвучал его призыв к дезертирству польских и венгерских эмигрантов из турецкой армии и вступлению их в польско-венгерский легион для участия в готовящемся венгерском восстании. Стараясь укрепить внешние связи, Мерославский стремился заполнить «пустоту», образовавшуюся вокруг него в польской эмиграции. Еще летом и осенью 1861 г. он сам отмежевался от бывших союзников по Польскому коло. Уже в октябре 1861 г. воззвание, обращенное к Польше, оказалось подписанным лишь одним Мерославским, тогда как два предыдущих имели также подпись Высоцкого. Мерославский не доверял ему и, уезжая в Италию, приставил Кужину следить в Париже за действиями Высоцкого, которого считал виновным в настраивании

против него учеников школы и замешанным в скандал с Комитетом Оккипинти. Польское коло Мерославский обвинял в интригах и клевете против него, в попытках лишить его связи с Польшей. В начале 1862 г. Коло решило устранить генерала от распоряжения денежными фондами, в результате разгорелась борьба, прозвучали взаимные обвинения в растрате. Эта борьба была лишена принципиальных оснований, так как мерославщина и «умеренная» демократия имели общую шляхетскую базу. Однако Мерославский пытался объяснить свой разрыв с парижским Коло принципиальными мотивами, представить его как борьбу «революционной демократии» против «либерально-шляхетского демократизма». Он считал свое направление школой «распорядительного диктаториального демократизма», выражающего принципы Польского демократического общества и желающего объединения со шляхтой лишь на условиях принятия таких принципов; направление же парижских демократов из Польского коло являлось, по его мнению, либерально-шляхетским, так как они отказывались от всяких принципов во имя обеспечения поддержки со стороны других партий, в первую очередь, влиятельной и богатой партии «можновладцев»²⁶⁵.

Против Мерославского выступило и Общество польской молодежи, прежде его поддерживавшее. Борьбу возглавил З. Падлевский, избранный председателем Общества и отстранивший Я. Кужину — постоянного представителя Мерославского. Вместе с Ожеховским и Миловичем он вошел в Комиссию, созданную для проверки финансовой деятельности генерала. С финансовыми проблемами, а также с причинами тяжелого положения школы и происходивших там конфликтов разбирался в Генуе секретарь Общества З. Варылкевич. Встал вопрос о замене Мерославского на посту директора школы Ю. Высоцким, и Падлевский в Генуе обсуждал эту кандидатуру с молодежью. Кандидатура Высоцкого возникла не случайно. Будучи, по словам В. Мицкевича, «полной противоположностью Мерославскому», обладая скромностью, безупречной честностью и прямотой, он пользовался уважением и симпатией в эмиграции. Современники, как, например, Г. Каменьский, сравнивая Высоцкого с Мерославским, ценили в нем не только «более основательные достоинства, проявленные на поле битвы», но и готовность «совершенно отказаться от собственного “я” и отречение от желания блистать собственной персоной». После скандалов, связанных с военной школой, популярность Высоцкого возросла и в среде молодежи. Генерал получил множество писем от учеников школы с просьбой принять управление над ней. Такая же просьба содержалась в направленном ему адресе с 60 подписями, а в марте 1862 г. в Турин были посланы Курчевский, Турцевич и Роголинский, чтобы от имени 65 учеников школы ходатайствовать перед итальянским правительством о назначении Высоцкого. Мерославский старался всеми средствами этому воспрепятствовать, пытался запретить ученикам сноситься с Обществом и иметь в школе секцию этого «трактира молокососов», проявляющих «безрассудные», «удивительнейшие», «весьма печальные претензии». Против Общества польской молодежи были направлены интриги Кужины, что привело к его исключению и вынудило его участвовать в ряде дуэлей. Стремясь изолировать от влияния Общества

молодежь, приезжавшую из Польши для поступления в школу, Мерославский советовал ей ехать прямо в Геную, минуя Францию, Германию и «всякие излишние этапы, где [...] она может погрязнуть в личных делах и бездействии с явным ущербом для общего дела». Те же цели изоляции молодых эмигрантов от Общества польской молодежи и его союзников — парижских демократов преследовало требование Мерославского, чтобы каждый ученик школы «безусловно подчинялся ее уставу», воздерживаясь во время пребывания в ней от принадлежности к какой-либо партии, существующей вне школы, и от переписки с таковой. Тех же молодых, кто нарушал его указания, генерал упрекал в «бесконтрольном и безответственном авантюризме», в готовности «поджечь Польшу ради минутной славы». «Страшнейшим бичом нынешней молодежи» он называл «геростратизм» и, намекая на влияние Польского кола и его идеологии, говорил о «союзе между крайней реакцией и крайней демагогией», о «реакционно-анархической конфедерации», о «реакционно-демагогической» «коалиции шляхетчины и геростратизма, связанных общей [...] ненавистью к революционной дисциплине». «Геростратизм» означал для Мерославского неприемлемое для него стремление к социальной революции, и здесь коренилось принципиальное расхождение его с Обществом польской молодежи²⁶⁶.

Позиция Общества была представлена на страницах его печатного органа «Głos z Paryża i Genui» (журнал выходил отдельными выпусками, и один из них, датированный 3 мая 1862 г., носил название «Głos»). Молодые эмигранты называли себя возлюбленными детьми Польши, они выступали как сторонники освобождения ее путем восстания, заявляя: «Народ! Спасение твое в оружии!». Они клеймили предательство «старого дремлющего консерватизма» — польской реакции внутри страны и за границей. Они отвергали идею монархической Польши и ее старые социальные устои, требуя восстановления родины «на ее исторической республиканской основе, дающей перевес справедливости и всем положительным элементам» как гарантии ее свободы и счастья в будущем. Но на страницах журнала звучали и нотки классового солидаризма — лозунг «единства нации», выражение опасения перед «гайдамацкими ножами» и призыв предотвратить их появление, обещав крестьянам обеспечить справедливый раздел земли после победы восстания. В известном смысле здесь сказывалось влияние идей Мерославского, так же как и в постановке национального вопроса: «Głos z Paryża i Genui» требовал включения в возрожденную Польшу «забранных провинций». Некоторое сходство с программой генерала проявлялось и в определении момента выступления на борьбу. Журнал считал, что «перед лицом продолжающегося сверх всякого предусмотренного срока нынешнего положения, [...] перед лицом такого состояния постоянного напряжения [...] абсурдом является хладнокровнейший и осторожнейший расчет, а дальнейшее преклонение перед ним равно добровольному отречению от происходившего до сих пор движения — это сложение оружия еще до начала боя!». «Głos» призывал не ожидать пассивно назначенного часа, а активно приближать восстание, чтобы не утратить завоеваний общественного сознания, достигнутых в период манифестаций. В патриотическом

настроении народных масс, утверждал автор одной из статей, «мы дошли до максимума напряжения. Продержаться в нем мы еще можем, можем бесконечно его усилить, но лишь при условии, что дадим ему новый и более сильный стимул. Оставшись далее в нынешнем положении, мы [...] начнем движение вспять». «Фабиевское выжидание» объявлялось, таким образом, «приговором смерти [...] на целое поколение»²⁶⁷.

Публицистические выступления польской эмигрантской молодежи свидетельствовали о ее горячем стремлении к действию. Но при этом имело место преклонение перед стихией восстания, противопоставленное «хладнокровнейшему и осторожнейшему расчету»: «[...] бывают в жизни нации минуты, — утверждал «Głos», — когда наивысшая политическая мудрость заключается в фанатичнейшем и бессознательном настроении масс». Путь к созданию такого настроения автор статьи в журнале видел не в продолжении пропагандистских усилий, а в «языке действия, для каждого доступного и искреннего», — в самом свершении акта восстания, тем более, что его «четкую организацию» в существующих условиях считал невозможной. «Głos» не понимал значения серьезной подготовки восстания, утверждая, что в данных обстоятельствах она невозможна. «Четкая организация является мечтой [...], единственным организатором, которого признает страна, является штык», — заявлял журнал, уверяя, что народ готов к восстанию, и нужен лишь «сильный толчок». Как и Мерославский, он сожалел, что такой «толчок», данный февральскими манифестациями 1861 г., не был использован, и требовал выступления весной 1862 г.: «Весна должна заставить нас повстанцами или же застанет нас еще сильнее [...] прикованными к царскому трону [...]. Быть весной или не быть вовсе». Такая постановка вопроса, хотя и не была реалистичной, била по противникам восстания, доказывавшим его невозможность. «Głos» разоблачал «реакционные слои», дрожащие «перед мыслью о вооруженном восстании», стремящиеся оттянуть выступление, исходя из личных или партийных интересов. «Они хотят не целой и независимой Польши, добытой оружием, — писал он, — а обрывка конституции для еще меньшего кусочка страны, выключенного через посредство Венских конгрессов». Требуя использовать внутренние силы революции, журнал называл курс «кунктаторства» и «дипломатизирования» «чистой фикцией», «обманчивым миражом», а его проповедников клеймил как «миллинеров, отступников народного дела, биржевых спекулянтов и космополитических графов», напоминая, что они погубили восстание 1830–1831 гг. Он писал о «враждебных Польше группах или кастах»: «Паны наши, наши дипломаты это какое-то эгоистическое растение, выращенное под стеклом на нашей земле [...]. Это нарыв на теле отчизны, богатый лишь ядом и гноем!». «Głos» вскрывал и имевшие место в это время происки реакции: разоблачая стремление консерваторов объединить эмиграцию под своим руководством, он осуждал их попытки удалить молодежь из Польши за границу и завербовать ее в кавказско-хивинскую экспедицию. Журнал указывал, что предстоит борьба как с внешним противником, так и со «страшнейшим внутренним врагом — консерватизмом и коалицией самых противоречивых интересов», для

которых «равно страшна народная справедливость» и «одинаково выгодно московское ярмо». Указывая, что «измена таится в собственном стане», он призывал народ к бдительности и борьбе на два фронта, связывая тем самым национальные и социальные цели восстания²⁶⁸.

Члены Общества польской молодежи представляли новое поколение эмигрантов, недавно покинувших родину. Связи их с Польшей не прекращались до последних месяцев 1862 г.: Общество поддерживало контакт с молодежью в провинциях Королевства Польского, его представители ездили в Краков и Берлин. Хотя накануне Январского восстания 1863 г. численность Общества не превышала 200 человек, фактически оно охватывало своим влиянием более широкие слои молодежи. В результате молодая «левица» лучше знала состояние Польши, более трезво его оценивала, яснее видела направление и цели предстоявшей борьбы. «В Польше, а не за границей находится гордиев узел, от которого зависит наша жизнь или смерть», — писал «Głos» 3 мая 1862 г. Поэтому он выступал за полную самостоятельность страны во внутренней деятельности, против всякого вмешательства, а тем более руководства со стороны эмиграции: «Под страхом преступления против самого дорогого для нас дела эмиграция должна остерегаться всякой политической инициативы, [...] всякого вмешательства во внутренние работы, всяких, хотя бы и благороднейших, попыток, предпринятых на свой страх и риск». По мнению журнала, эмигранты могли служить лишь кадрами восстания и готовить эти кадры. В связи с этим организованная Обществом польской молодежи Комиссия помощи опекала и поддерживала материально молодых людей, приехавших из Польши, видя в них будущих борцов за свободу родины. В то же время на страницах своего журнала руководители Общества подчеркивали, что эмиграция является «непоправимым несчастьем для всей страны», истощающим силы народа и лишаящим его самых энергичных борцов, а потому «Głos» призывал молодежь покидать родину лишь в крайнем случае. Такой взгляд был новым для эмиграции, всегда претендовавшей на роль духовного руководителя и наставника страны, и особенно чуждым для Мерославского, уверенного в своем неоспоримом праве выступать в качестве военного руководителя и диктатора²⁶⁹.

«Głos z Paryża i Genui» публиковал мнения представителей разных течений внутри молодой эмиграции, и их анализ в целом свидетельствовал о более революционном характере позиции Общества польской молодежи. Недаром консервативные и «умеренные» круги в Польше и за границей видели в членах Общества «необузданных энтузиастов», а царская агентура доносила, что «старая эмиграция гораздо более спокойна и менее враждебна, чем эти молодые приезжие». Но в Обществе польской молодежи существовало и «левое» крыло, представленное, в частности, З. Падлевским, З. Варылкевичем, С. Бобровским, З. Хмельнским, М. Акелевичем, Я. Амборским. Последний, по сообщению агентов III Отделения, возглавил в Париже демократический фаланстер, где 9 представителей молодой эмиграции совместно жили и питались. Фаланстер имел тот же девиз, что и девиз Общества польской молодежи: «Кровь и железо — путь

к свободе»; его филиалы существовали и в других центрах Франции. Видимо, революционно-демократическая направленность молодых эмигрантов возбудила подозрения французских властей, и в результате фаланстер был распущен как запрещенная организация с подрывными целями, а его члены оказались высланными из страны. Беспокорство французской полиции было оправданным. «Левое» крыло молодой польской эмиграции стремилось к сочетанию национально-го восстания с крестьянской революцией: «Идем к крестьянину, вернем ему его собственность и призовем к борьбе с агрессором», — говорил Падлевский. Он и его сторонники видели необходимость предоставления национальной автономии Литве и Украине, на этой почве, в частности, Бобровский и Хмельнский вступили в конфликт с Мерославским. Борясь против национализма, «левые» выступали за революционный союз с русскими. Им пришлось противостоять влиянию Мерославского, отвергавшего идею союза. Отголоски этого влияния нашли отражение в первых выпусках печатного органа Общества. «Głos z Paryża i Genui» осуждал выступление органа Централизации с лозунгом совместной с русскими борьбы против царизма: «Мы не должны ни просить кого-либо о помощи, ни также помогать кому-либо; мы предпочитаем сами извлечь пользу из московской анархии [...], а если бы уж нам необходимо пришлось начинать, то ни в коем случае в согласии, ни тем более по совету или поощрению москалей». Но постепенно в среде молодежи стали звучать другие голоса. В воззвании, направленном польской молодежью студентам скандинавских университетов летом 1862 г., говорилось: «Врагом нашим [...] является не бедный угнетенный русский народ, а царь и его палачи». Еще до публикации серии статей М. Акелевича на тему русско-польского революционного союза те же мысли были высказаны на встрече русских и польских эмигрантов в Гейдельберге 3 января 1862 г. Оратор, член кружка польской молодежи, поддерживавшего связь с парижским Обществом, подчеркнул необходимость совместной борьбы поляков и русских против царизма и призвал к сближению с русскими революционными демократами. Он указал на заслуги Герцена, пробудившего в «великом русском народе» «благородные желания свободы», и отметил осознание частью польской эмиграции общности целей поляков и русских. «Мы умеем отличать русский народ от русского правительства и его приверженцев», — заявил оратор. Выразив доверие к русским революционерам как к «братьям и союзникам», он высказал пожелание, «чтобы как можно скорее свободная Польша могла протянуть дружескую руку свободной России»²⁷⁰.

Радикальные элементы Общества польской молодежи распространяли эти идеи печатно и устно и стремились их реализовать. Общество вступило в непосредственные переговоры с А. И. Герценом, Н. П. Огаревым, М. А. Бакуниным. Летом 1862 г. Я. Амборский активно переписывался с ними и встречался в Париже и Лондоне. Молодые поляки стремились также и к союзу с европейским революционным движением: по агентурным данным, в мае 1862 г. в Бельгии при деятельном участии М. Акелевича якобы была создана революционная организация — Общество возрождения народов. «Левое» руководство Общества

польской молодежи совместно с Польским колом продолжило борьбу против Мерославского, оно поддержало кандидатуру генерала Ю. Высоцкого на пост директора военной школы в Италии. Мерославский старался отразить атаки, организовав в свою поддержку адрес от лица 30 верных ему учеников. Авторы адреса, направленного Высоцкому в январе 1862 г., упрекали его в «невыполнении обязательства», в потакании «произволу злонамеренных и обладающих реакционными убеждениями людей», которые «сеют зло для всего дела», а по отношению к Мерославскому «клеветуют самым отвратительным образом», потому что он твердо стоит на том, чего от него «требуют благо дела, собственное убеждение и обязательство». Адрес явился попыткой примирения Мерославского с Высоцким, но так как она не удалась, в марте 1862 г. Мерославский инспирировал выступление ряда учеников и преподавателей военной школы с протестом против вмешательства Общества польской молодежи в школьные дела. Лица, подписавшие протест, заявляли, что считают Мерославского «единственным вождем», признают его «главенство во всех отношениях» над школой в Генуе, в том числе право решать вопросы исключения учеников, и готовы «охотно и добровольно подчиниться правилам школы». Мерославский также пытался создать в Париже из своих сторонников комиссию содействия школе. В циркуляре, призывавшем в Геную новых учеников, генерал подчеркивал, что через него школа связана «с всеобщим национальным заговором, который не признает и не терпит никакого другого за границей». Циркуляр Мерославскому пришлось публиковать уже с припиской о своем отречении от директорства, но он решил действовать через своего друга князя М. Любомирского. Этот старый эмигрант пользовался популярностью в Италии, и итальянские власти, опасавшиеся выступления России и Пруссии с требованием закрыть школу, передали управление ею Любомирскому, обещав финансовую поддержку. Реорганизацией школы и переводом ее в Кунео должен был заняться возглавленный Любомирским Комитет польской эмиграции в Турине. Мерославский заявил о поддержке Комитета, но подчеркнул при этом, что «не отрекается полностью от родительских обязанностей и будет помогать Комитету советами»²⁷¹.

Происки Мерославского возмутили эмиграцию, настаивавшую на назначении директором школы Высоцкого, которого поддерживал и принц Наполеон. В марте 1862 г. Высоцкий после долгих колебаний принял руководство, создав в Париже в целях опеки над школой комитет для сбора средств и контроля за их расходованием. Контролировать расходы должен был также Комитет Любомирского, что создавало сложную ситуацию. Мерославский продолжал отчаянные попытки изменить положение: ругая Высоцкого и поддерживавших его «интриганов и подлецов», он утверждал, что руководство Любомирского могло бы обеспечить школе сохранение и процветание, защитить ее в случае дипломатической интервенции России и Пруссии, для которых фигура Высоцкого является неприемлемой. Однако большинство молодежи приняло Высоцкого с энтузиазмом. В школу возвращались прежние ученики и прибывали новые, к середине июня 1862 г. их насчитывалось 109. Но желающих учиться было много больше:

так, согласно агентурному донесению из Парижа 9 апреля 1862 г., там находились около 300 молодых эмигрантов, которые ежедневно партиями в несколько человек отправлялись в Геную. Однако в школе нехватало мест, и потому пресса Общества польской молодежи и Польского кола убеждала молодежь по возможности оставаться в Польше и «служить национальному делу на родной почве»²⁷².

Перевод школы в Кунео был торжественно, с цветами и музыкой, отмечен итальянцами 1 мая 1862 г. Школа получила помещения и плац для занятий, учебное оружие подарил Гарибальди, а итальянское правительство выдавало на нужды школы ежемесячно 3 тыс. франков. Был укомплектован новый преподавательский состав, в том числе в Кунео прибыли З. Падлевский, В. Коссовский, А. Фиялковский, А. Валигурский. Расходами ведал административно-хозяйственный совет школы, другие дела разбирал школьный совет из преподавателей и учеников под председательством майора А. Фиялковского, которому помогал фельдфебель из учеников В. Яблоновский. Фиялковский являлся также заместителем Высоцкого, вынужденного жить на заработок в Париже и не имевшего возможности постоянно находиться в Кунео. Генерал издал новый устав, ограничивший компетенцию опекунского Комитета Любомирского. Согласно уставу, коллектив решал вопросы приема новых учеников, в случае отсутствия единого мнения решение принимал «суд чести» из преподавателей и представителей различных воинских подразделений. Он же вместе со школьным советом решал вопрос об исключении за нарушение дисциплины, плохую учебу, аморальное поведение. Ученики школы делились на отряды по роду оружия, руководить ими преподавателям помогали унтер-офицеры из учеников. Учебной частью заведовал «директор науки» А. Валигурский: ежедневные учебные теоретические занятия сопровождалось занятиями практическими, в том числе службой у артиллерийских орудий. Экзамены проводились ежемесячно и ежеквартально, и в соответствии с успеваемостью ученикам выдавались свидетельства о ранге. Для получения свидетельства нужно было проручиться три месяца, а чин офицера присваивался за полугодичную учебу²⁷³.

На первых порах дела в Кунео шли неплохо. Школа не утратила своего политического характера и выступала как представительница польского народа и польской эмиграции в Италии. Большая заслуга в этом принадлежала Падлевскому, который чаще всего представлял школу во время торжественных случаев: так было, например, на банкете в связи с годовщиной итальянской конституции, где он от имени школы благодарил итальянский народ за гостеприимство. Ученики школы активизировали также сношения с итальянским революционным движением, и в июле 1862 г. М. Лянгович встречался на Капри с Гарибальди по поручению Высоцкого. Школа установила постоянный контакт с родиной, в частности, с варшавской «красной» организацией, поддерживала связи с польской молодежью в российских университетах, в том числе с тайным студенческим обществом поляков в Московском университете. Сам факт существования школы, как отмечал «Głos», имел «огромное моральное влияние на всю страну»: «Школа, — писал журнал, — представляет собой неизмеримую помощь для всех

дел партии движения, и дальнейшее ее поддержание [...] является одной из самых больших услуг, какие в нынешние минуты перед восстанием может оказать делу революции молодая эмиграция. [...] Существование школы и ее военная организация [...] имеет также неизмеримое значение как воплощение нашего стремления к вооруженному действию». Однако существование школы оказалось недолгим. В школьной среде продолжались политические споры, часть учеников была несогласна со строгим уставом, оставшиеся же в школе сторонники Мерославского во главе с Б. Кольшко подогревали недовольство. Происходили ссоры и дуэли, так что комендант был вынужден прибегать к арестам, а часть учеников, выразив недовольство, ушла из школы. В такой ситуации итальянское правительство, испытывавшее сильное давление со стороны России и Пруссии, решило в интересах дипломатии пожертвовать школой: ее закрытие должно было стать платой за признание этими державами объединенной Италии. Об этом итальянский премьер-министр Ратацци сообщил вызванному в Турин Высоцкому, и 24 июня 1862 г. школа была закрыта, но итальянское правительство заключило с польской молодежью тайное соглашение о помощи в переводе школы в другую страну и выплате ей крупной суммы денег. Посоветовавшись с учениками, Высоцкий выбрал Англию как новое место для школы, и вскоре Падлевский и Сузин были направлены в Лондон. Узнавший обо всем этом Мерославский выступил с «Нотой по поводу роспуска польской военной школы в Италии», где, подчеркнув свои заслуги в ее создании, доказывал, что школа является его «сугубо личным делом», что по отношению к ней он «приобрел справедливейшие права и неоспоримое отцовство», и его добровольное устранение от руководства было вынужденным и временным. Он обвинял Высоцкого, который, подвигнутый «неразумной завистью польской реакционной партии относительно патриотических успехов Мерославского», завладел его детищем — школой, «не чувствуя никаких обязанностей по отношению к ней», сорвав тем самым планы утверждения ее правового статуса. Соглашение Высоцкого с Ратацци он называл «спекуляцией», продажей не только школы, но и самого права поляков на убежище в Италии. «Политическое гостеприимство не покупается и не продается, — утверждал Мерославский. — Генерал Высоцкий не имел и не мог иметь полномочия торговать [...] правом убежища своих соотечественников». От своего имени и от имени Любомирского он заявил решительный протест. Но молодые патриоты встали на сторону Высоцкого: от их имени Общество польской молодежи обратилось к нему с благодарственным письмом. Большинство польских эмигрантов также осудили «Ноту» генерала, так как ее опубликование вынудило скомпрометированное итальянское правительство аннулировать соглашение с поляками. В связи с этим «Przegląd rzeczy polskich» назвал «Ноту» «пренебрежением личной честью и национальным достоинством», а В. Мицкевич заклеил ее как «предательство», как «самый грязный из поступков» Мерославского, нанесший школе непоправимый удар. Тем не менее, удалось договориться о возможности для молодых эмигрантов остаться в Кунео в качестве учебного коллектива, им было назначено пособие. Финансовая поддержка предоставлялась и тем, кто покидал

Италию, однако большинство учеников школы остались, ожидая намечавшегося перевода в Англию. Когда эти планы рухнули, возникла надежда на участие польской молодежи в походе Гарибальди на Рим, о чем вел переговоры З. Падлевский. Часть учеников выехала в Париж, рассчитывая, что будет организована экспедиция в Литву, часть отправилась в Турцию и Молдавию, надеясь оттуда проникнуть в Польшу, чтобы участвовать в назревавшем восстании. Как сообщалось в агентурном донесении, уже в первой половине сентября 1862 г. в Варшаве тайно проживали около 30 бывших учеников военной школы²⁷⁴.

Польская военная школа в Италии просуществовала всего 9 месяцев, но за столь короткий срок она обучила военному делу 300–400 человек, выпустила 150 инструкторов. Все ученики школы вскоре приняли участие в восстании 1863–1864 гг. в Королевстве Польском, а многие (в частности, Ю. Пётровский, Г. Василевский, В. Яблоновский, Ю. Оксиньский, Р. Рогиньский) еще накануне восстания активно помогали в Польше его подготовке. Б. Кольшко, Ф. Выслоух, Р. Сквороньский, В. Мрочковский, З. Хмельнский, Ю. Оксиньский, П. Сузин, Т. Юрковский, Ф. Грылиньский, Соледзкий, А. В. Моссаковский во время восстания командовали военными отрядами, другие же бывшие ученики служили солдатами и в случае поражения отряда переходили в иные действующие формирования, как, например, Т. Нешокоч, К. Шубартовский, В. Вага, В. Богуславский и др. Многие выпускники школы работали на различных постах в повстанческой организации: так, комиссарами повстанческого Национального правительства были Г. Василевский, Ю. Пётровский, В. Бехоньский, С. Шаховский, К. Сикорский и др. О самоотверженности этих молодых людей свидетельствовало прежде всего то, что лишь несколько десятков из них осталось в живых. Погибли в боях П. Сузин, Г. Василевский, З. Квятковский, С. Семеньский, К. Ставярский, К. Шубартовский, Я. Витковский, А. Вольман, Ю. Бялобжеский, А. Микулич, К. Харковский, М. Рачиньский, К. Никольский, Соледзкий, Л. Лютынський и многие другие. Попавшие в плен были расстреляны, как Т. Нешокоч, или повешены, как Б. Кольшко и Ю. Пётровский; многие из молодых повстанцев были отправлены на каторгу в сибирские рудники. Пример самоотверженной борьбы молодых патриотов — воспитанников польской военной школы в Италии имел огромное моральное значение. Не менее важны были и те революционные идеи, которые они несли на родину и стремились осуществить в восстании; в частности, большую роль играл факт их особого внимания к решению социального вопроса и активной агитации среди крестьянства. Они представляли наиболее радикальное крыло повстанческой партии «красных», противостояли всем проискам реакции и способствовали созданию в сентябре 1863 г. революционного повстанческого правительства²⁷⁵.

ГЛАВА V

ПОЛЬСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭМИГРАЦИЯ НАКАНУНЕ ВОССТАНИЯ 1863–1864 гг. В КОРОЛЕВСТВЕ ПОЛЬСКОМ

1. Участие демократической польской эмиграции в подготовке восстания и проблема русско-польского революционного союза

Первостепенная заслуга в создании польской военной школы и патриотическом воспитании ее учеников принадлежала Обществу польской молодежи. Это был его важный вклад в дело подготовки восстания в Польше. Общество стремилось встать на службу родине и тем революционным силам, которые готовили страну к вооруженной борьбе за независимость. В марте 1862 г. В. Милович и Г. Василевский были направлены в Варшаву, чтобы заявить организации «красных» о готовности Общества польской молодежи подчиниться ее руководству, и уже в апреле полномочный агент Центрального Национального комитета Юзеф Нажимский прибыл для ознакомления с деятельностью Общества в Париже и Италии. Во время переговоров с ним комиссия Общества в составе Миловича, Падлевского и Василевского заявила о признании ЦНК, о чем Нажимский сообщил в Варшаву. Публично об этом было заявлено 12 августа 1862 г. в воззвании Общества польской молодежи «К братьям полякам, находящимся в австрийских рядах», распространявшемся в Галиции. По поручению Центрального Национального комитета и от его имени Общество призывало поляков на австрийской военной службе к восстанию. Между Обществом и ЦНК установились постоянные отношения: Падлевский и Бобровский вошли в его состав, а В. Милович, Я. Амборский и С. Шаховский стали агентами связи между ним и эмиграцией. В подпольной варшавской газете «Ruch» («Движение») ЦНК так определил свою руководящую роль в этих отношениях: «Организация, охватывая всю нацию, заведует и польской эмиграцией и будет стараться доставить ей возможность в данное время служить делу независимости в самой стране». Перед Обществом польской молодежи была поставлена задача снабжения повстанческой организации оружием и амуницией, и В. Милович и Ю. Цверцкевич стали, наряду с Ю. Высоцким, членами созданной ЦНК в октябре 1862 г. Заграничной комиссии вооружения. Оружие, снаряды и амуниция пересылались морем из Гулля, Ньюкасла, Лондона в направлении балтийских портов Данцига, Кёнигсберга, Риги, Либавы, Ревеля, а также по железной дороге из Бордо и Парижа непосредственно в Варшаву. Закупалось военное снаряжение и в Италии, для его приобретения Милович ездил также в Лондон, Льеж, Брюссель и в Пруссию, этим же занимались агенты Комиссии Ф. Годлевский, И. Хмельнский, а также

связанные с Обществом польской молодежи В. Вольский и Ю. Крамер. Комиссия активно действовала до конца декабря 1862 г., пока не иссякли ее фонды и пока не были арестованы французской полицией ее агенты, что поставило под удар всю работу, так как с бумагами агентов Комиссии было ознакомлено российское посольство. Члены Общества польской молодежи выполняли и трудную задачу доставки закупленного оружия в Польшу, используя также созданную Ю. Лукашевым сеть явок, главным образом в Пруссии, Галиции и Молдавии. Через границу переправлялась корреспонденция и агитационная литература, этим занимался в Яссах бывший ученик военной школы Остоя-Загурский. Было создано специальное бюро на бессарабской границе, и члены молодой эмиграции братья З. и И. Хмельские, Г. Ольшевский, Я. Вольский и другие действовали там столь активно, что по требованию России румынским властям пришлось многих поляков выслать из Молдавии²⁷⁶.

Действия Общества польской молодежи в Дунайских княжествах были связаны также с задачей вербовки в эмиграции офицеров и планом формирования за границей военных отрядов для участия в будущем восстании. План опирался, в частности, на факт сосредоточения большого числа польских эмигрантов из Италии, Турции, Франции, а также из Королевства Польского и Галиции в Яссах, Ботошанах, Галаце, Браилове, Тульче, Силистрии, Кюстендже и других населенных пунктах Дунайских княжеств. Летом 1862 г. их численность в Молдавии достигала 500–600 чел. Среди них были братья Хмельские, З. Минейко, Г. Реутт, А. Вольман, Г. Ольшевский, М. Джевновский, А. Крыловский, А. Моссаковский, Э. Желешкевич, Р. Роевский, А. Хамец и другие, а под конец 1862 г. прибыли Нарбут, Боярский, Жулинский, Лейка, Шток (Михневич), Кшижановский. Эмигранты поддерживали между собой тесные связи, имели свои комитеты и читальни, сносились с поляками в Турции, с сербскими и черногорскими эмигрантами. В Галаце была создана специальная экспедиционная контора, занимавшаяся пересылкой корреспонденции из Стамбула и перевозкой оттуда в Молдавию групп молодых эмигрантов. Заняться организацией всей этой массы поляков выпало на долю З. Милковского, которого российское правительство считало «более опасным по своему сильному влиянию на прочих». Милковский выступал за восстановление всей Польши, особенно настаивая на воссоединении с Галицией, так как без нее, считал он, сильная Польша не сможет существовать. Он возмущался австрофильством консервативной эмиграции, ее надеждами на то, что Австрийская монархия восстановит Польское государство с Галицией в его составе. «Какую позицию занимает Австрия в отношении Польши, — заявлял он, — разве не такую же, как Россия?». Милковский выдвигал иной, «революционный» план возрождения единой и независимой Польши, связанный с расчетом на европейскую революцию и крушение империи Габсбургов. Он рассчитывал, что «разразившееся в Польше восстание [...] вызовет движение в Австрии, а именно в Венгрии, Чехии и Ломбардии [...], оно вызовет второе издание итальянской войны 1859 г. [...] эти движения освободят Галицию и создадут основу для регулярной войны против России». В Дунайских княжествах

Милковский видел плацдарм для атаки на Галицию и вторжения на Украину. Он происходил из подольской шляхты, в духе польского украинофильства идеализировал казацкое прошлое, мечтал воскресить его романтику в будущем восстании, стремился, чтобы оно подтвердило незыблемость прав Польши на Русь (то есть на украинские земли в границах бывшей Речи Посполитой). Для этого, по его мнению, необходим был одновременный повстанческий взрыв во всех частях бывшего Польского государства и одинаковый характер и направление борьбы. Тогда, считал он, даже в случае поражения восстания «остался бы факт, свидетельствующий перед миром [...] о правах Польши на ее политическое единство, которое создала ей история». В январе 1862 г. Милковский встретился с С. Бобровским, посланным Центральным Национальным комитетом в Париж и Стамбул для выяснения состояния эмиграции на Востоке, а затем через Л. Франковского установил непосредственный контакт с ЦНК, который в августе 1862 г. назначил его своим агентом на Востоке и на Руси. В ноябре 1862 г. Милковский участвовал в съезде военных руководителей в Варшаве и представил ЦНК общий проект организации восстания, предусматривавший сосредоточение в ряде пунктов Королевства Польского, в том числе в Варшаве, оружия и амуниции и создания там крупных отрядов общим числом 10 тыс. чел. как основы национальной армии. Назначенный «начальником вооруженных сил на Руси и на Востоке», Милковский советовал послать оружие на Украину, так как требовал ее выступления на борьбу одновременно с Королевством Польским. Согласно с заданием Центрального Национального комитета, он взялся за организацию и подготовку к восстанию Украины, Волыни и Подолии, за транспортировку туда оружия из Турции и планировал сформировать двухтысячный отряд из эмигрантов, находившихся в Молдавии. В декабре 1862 г. он установил отношения с Львовской лавой, договорился о присылке ею отчетов, донесений и денежных средств. Была налажена связь и с украинскими территориями России, откуда также поступали деньги. Средства приходили, в частности, от студентов Киевского университета, некоторые из них непосредственно приезжали в Молдавию, стремясь вступить в вооруженные отряды. Создание таких отрядов в Турции и Румынии и осуществление военной организации Украины, Волыни, Подолии и Восточной Галиции намечалось на весну 1863 г., так как Милковский требовал отсрочить выступление до мая, считая, что взрыв восстания в январе 1863 г., приуроченный к объявленному царскими властями рекрутскому набору, окажется преждевременным, станет несчастьем и приведет к поражению повстанцев уже через две недели. Рекруты, по его мнению, должны были бежать в лес, а также в Галицию и Молдавию для военной организации. В конце 1862 г. — начале 1863 г. деятельность Милковского оказалась затруднена из-за происходивших в Румынии преследований польских эмигрантов, вызванных дипломатическим давлением России. Волна облав и высылки коснулась и самого Милковского, тем не менее, ему удалось сформировать эмигрантский легион, но он был разоружен румынскими властями, когда готовился выступить на помощь уже начавшемуся в Королевстве Польском восстанию²⁷⁷.

Наряду с задачей военной подготовки, ЦНК ставил перед эмиграцией не менее важную задачу завоевания союзников для будущего польского восстания. Ее стремилось выполнить Общество польской молодежи в сотрудничестве с партией «умеренной» демократии. В ряде европейских стран Общество имело свои секции, 29 ноября 1862 г. его члены принимали участие в торжественном собрании в Турине наряду с итальянцами и венграми. Падлевский, Цверцякевич, Милович, так же как члены Польского коло Высоцкий, Орденга, В. Мицкевич, поддерживали связь с европейскими либеральными и революционными кругами, с руководителями революционных народов Европы — Мадзини, Гарибальди, Кошутом, Клапкой. Польская делегация участвовала во встрече европейских революционеров в Лондоне летом 1862 г. Развивая идею объединения революционных усилий Польши, Венгрии, Италии, Дунайской и Греко-Славянской федераций, польские эмиссары вели агитацию в этих землях, стремились добиться заключения союза греков и сербов, направленного против Турции. В октябре 1862 г. польские и венгерские эмигранты в Париже приветствовали греческую революцию; в случае перерастания ее во всеобщее восстание греков и балканских славян планировалось участие в нем польского легиона. Центральный Национальный комитет поддерживал эти планы и в ноябре 1862 г. поручил Ю. Цверцякевичу направить агента для переговоров с греками и сербами²⁷⁸.

Активную роль сыграла польская эмиграция и в приобретении для будущего польского восстания важнейшего союзника — революционной России. 6 мая 1862 г. «Колокол» опубликовал адрес, посвященный вопросу польско-русского революционного союза, среди авторов адреса находились видные деятели Польского коло Л. Ходзько, Э. Хоецкий, В. Мицкевич. Тогда же окрепли контакты польских «умеренных» демократов, и в частности, Ю. Высоцкого, с Герценом и Бакуниным. Но наиболее близкие отношения сложились между русской революционной эмиграцией и молодыми польскими радикалами, действовавшими вместе с «умеренными» сторонниками восстания и «левыми» деятелями Централизации. Падлевского, привезшего в Лондон письмо от Высоцкого, Бакунин рекомендовал Герцену как «умного», «симпатичного» и «думающего по-русски» поляка. Ему издатели «Колокола» поручили проведение конспиративной работы среди русских офицеров и снабдили рекомендательными письмами к военным в Варшаве, Вильно и Петербурге. В конце июля — начале августа 1862 г. Высоцкий, Падлевский и Бакунин составили инструкции для поляка Ожеховского — офицера русской армии, действовавшего в Киевской губернии. Их переговоры, происходившие в Париже, имели целью наладить связи между русскими и польскими революционными организациями на местах²⁷⁹.

Польская и русская революционная эмиграция объединяла усилия, изыскивая средства для вооружения бойцов будущей совместной борьбы. Эти и все другие вопросы подготовки восстания обсуждались в переписке Бакунина с агентом ЦНК Ю. Пшевлоцким. Большое значение придавалось агитации среди российских военных в Королевстве Польском, и в этой связи Центральный Национальный комитет в инструкциях Цверцякевичу требовал способствовать пересылке

туда русской агитационной литературы. Непосредственно этим занимались эмигрант А. Сахновский и член Общества польской молодежи Я. Длучевский. Последнему Бакунин обещал прислать брошюры и песни на русском языке, «прямо вызывающие солдат стоять заодно с поляками и с русским народом против начальства и царя-лиходея». Примером такого рода литературы может служить песня, помещенная в сборнике «Солдатские песни», который вышел в свет в Лондоне перед восстанием 1863 г.:

«Братцы, дружно песню грянем
Удалую в добрый час!
В поляков стрелять не станем,
Не враги они для нас! [...]
Брат ли встанет против брата?
А поляки — братья нам,
И для честного солдата
Убивать их — грех и срам!
И за что их бить? За то ли,
Что они стране своей
Ищут счастья, ищут воли
И терзаются об ней?»²⁸⁰.

Военное министерство России приказало в декабре 1862 г. принять меры против подобной агитации. Задачей же русских революционных демократов было использовать ее, чтобы добиться «потепления» отношений между русским и польским народом. В первую очередь, они стремились к сотрудничеству с «левыми» силами польского общества во имя победы над царизмом, хотели помочь в объединении «лучшей», «истинно патриотической» части польской эмиграции и сплочении ее вокруг Центрального Национального комитета. Позиция русских революционеров свидетельствовала о том, что они серьезно смотрели на значение союза с Польшей для дела борьбы против российского самодержавия. Именно поэтому издатели «Колокола», так же как «левица» польской эмиграции, способствовали переговорам ЦНК с российской революционной организацией «Земля и воля» о заключении такого союза. Но «умеренное» крыло демократической польской эмиграции иначе рассматривало русско-польский союз: оно надеялось лишь «извлечь пользу» из него для своего национального дела. «Przegląd rzeczy polskich», видевший в заключении союза сделку, был недоволен переговорами с русскими революционными демократами, так как по-прежнему не соглашался на ту постановку национального вопроса, которую представил «Колокол», выдвинувший лозунг права на самоопределение национальных меньшинств бывшей Речи Посполитой. Назвав воззвание Центрального Национального комитета к издателям «Колокола», явившееся результатом переговоров в Лондоне, «неловким политическим шагом», орган Польского коло потребовал от ЦНК «более решительного тона» в споре с русскими.

«В отношении единства Польши, — писал он, — мы вправе были ожидать более решительного исповедания веры от Комитета, который старается встать во главе движения. Русь, Литва и Польша так срослись в неразрывное целое, что их ожидает или воскресение в виде нации, объединенной старыми узами, или вечное рабство в цепях угнетателей». «Пока либеральная Россия [...] не пожелает воскресения всей Польши в дораздельных границах, — заявлял «Przegląd rzeczy polskich», — пока не воскресит идеи Пестеля и Муравьева, до тех пор мы, поляки, не можем идти с ней вместе рука об руку во всех вопросах, а можем лишь сообща работать над ослаблением царя». В интерпретации органа «правых» русско-польское революционное сотрудничество сводилось к «непротивлению со стороны русской армии национальному польскому движению», а более широкое его истолкование зависело от признания русскими революционерами границ 1772 г. Спор о «забранных провинциях» «Przegląd rzeczy polskich» связывал с борьбой за приоритет в славянском мире. «Россия обязательно хочет обладать Польшей и славянщиной, — утверждал он, — царская Россия — путем насилия, либеральная Россия — путем федерации, во главе которой стоял бы царь». Орган Польского коло предупреждал, что «захватнический национальный инстинкт [...] может, увы, пережить свержение царизма», и потому призывал к сугубой осторожности и бдительности в сношениях с русскими революционерами. Он напоминал о лозунге упомянутого воззвания ЦНК, утверждавшего, что на знамени совместной борьбы поляков и русских будет изображена «чаша с хлебом крестьянских полей, с хлебом искупления тел», и заявлял: «Столь материальный принцип, противный духовному развитию славянских народов, сросшихся с западной цивилизацией, наименее способен привести к взаимному соглашению. Он, однако, обладает той заслугой, что решительно разделяет и разграничивает политические позиции России и Польши». Подчеркивая момент этого разделения, «Przegląd rzeczy polskich» призывал поляков больше рассчитывать на европейский фактор, указывая на «слабость русского революционного элемента, основывающего свои надежды на крестьянах, верящих в царя». Именно надежда русских революционеров на крестьянские массы, выдвижение ими программы аграрной революции постоянно беспокоили партию «умеренной» демократии в силу классовой и национальной ограниченности ее позиции²⁸¹.

Это сказывалось на выступлениях печатного органа «умеренных». «Przegląd rzeczy polskich» настойчиво напоминал шляхте о необходимости полюбовно решить аграрный вопрос с крестьянством, упрекал ее за то, что она упустила удобный момент для сближения с народом и позволила царизму переманить крестьян. Утверждая, что еще есть возможность опередить правительство, провозгласив наделение крестьян землей, он подчеркивал мысль об опасности промедления: «У русских властей [...] останется возможность мутить крестьянство, а пугачевское уничтожение, правдоподобное в Великороссии, и у нас может найти грустный отзвук». «Это опасение, — считал «Przegląd rzeczy polskich, — должно находиться в сознании собственников до тех пор, пока они не убедят крестьян в своих добрых намерениях и в понимании своего долга восстановить справедливость»²⁸².

2. Подготовка восстания и польская аристократическая эмиграция, ее деятельность на Востоке и отношения с «Колоколом»

В 1861–1862 гг. в Королевстве Польском неуклонно обострялись противоречия между всеми классами и сословиями польского общества, с одной стороны, и царскими властями — с другой. В апреле 1861 г. было распущено Земледельческое общество и ликвидированы Делегация Варшавы и Гражданский отдел столичной магистратуры, что означало уничтожение легальных общественных объединений, представлявших землевладельцев (шляхту) и варшавскую буржуазию. На месте распущенного Земледельческого общества были образованы губернские Земледельческие собрания и объединявший их Гражданский комитет. Не снял напряжения и вступивший в силу 1 октября 1861 г. царский указ о выкупе крестьянами Королевства Польского своих повинностей у землевладельцев. Хотя условия «выкупа» отвечали интересам помещиков и были невыгодны для крестьян, но само проведение властями крестьянской реформы без согласования с польской шляхтой являлось для нее неприемлемым, так как она считала необходимым, чтобы все преобразования в положении крестьян проводились бы в силу индивидуальных и так называемых добровольных соглашений землевладельцев со своими крестьянами-держателями наделов. Введение военного положения в Королевстве 14 октября 1861 г. не снизило оппозиционной общественной активности. Подпольные организации в стране, как и польская эмиграция, готовились к надвигавшемуся восстанию. Одним из самых трудных вопросов в ходе этой подготовки оставался крестьянский вопрос.

«Осторожность» в крестьянском вопросе определяла сходство «умеренного» крыла демократической эмиграции, входившей в лагерь сторонников восстания, с консерваторами, страшившимися восстания и мечтавшими его избежать, а также объясняла симпатии «умеренных» к «правому» крылу тайной варшавской организации и контакты с Дирекцией «белых». Агенты Дирекции поддерживали связь с С. Эльжановским, снабжали деньгами Ю. Высоцкого, в частности, летом 1862 г. Э. Юргенс привез генералу 40 тыс. франков якобы «без всяких условий», а осенью ему были переданы еще 60 тыс. франков через А. Гуттри. Когда осенью 1862 г. А. Замойский и его сторонники, прежде возглавлявшие Земледельческое общество, вынашивали оставшийся так и не реализованным план подать императору адрес с обещанием лояльности при условии возвращения Королевству Польскому автономного статуса, «Przegląd rzeczy polskich» одобрил этот замысел «белых», подчеркнув, что вокруг заключенной в нем программы «должны встать даже самые горячие сторонники скорого восстания». Орган Коло считал, что в Королевстве «ни одна исключительная партия действия не имеет уже никакого повода для дальнейшего существования», и требовал «идти к общей цели при помощи общей работы, а не разрывать силы, которые нужно объединять в общем направлении». Близость позиций праводемократического и консервативного течений в эмиграции подчеркивалась их общим опасением перед угрозой

«преждевременного взрыва». Так, В. Мицкевич еще в 1861 г. с «отчаянием» думал о такой возможности, а Ю. Высоцкий постоянно требовал от Центрального Национального комитета отсрочки восстания до весны 1863 г., «умоляя, как отец собственных детей, чтобы они не убивали себя собственной рукой». Летом 1862 г. орган «умеренных» «Przegląd rzeczy polskich» с ужасом ожидал предстоящего рекрутского набора в Королевстве Польском, опасаясь немедленного начала восстания при его проведении. Орган «умеренных» до последнего надеялся, что вооруженная борьба не начнется раньше, чем будут осуществлены принципы, «необходимые для спасения». Те же страхи и надежды разделяли и деятели Отеля Ламбер. Чтобы избежать революционной борьбы, они рассчитывали даже использовать авторитет русских революционных эмигрантов, хотя предостережения последних против преждевременного, плохо подготовленного выступления проистекали совсем из иных мотивов, а именно, из стремления обеспечить максимально благоприятные условия для революционного выступления и победы восстания. Об этом свидетельствовали доводы, звучавшие в переписке Герцена с членами Центрального Национального комитета в октябре 1862 г., когда решался вопрос о сроках начала восстания. Русские революционные демократы подчеркивали, что преждевременное выступление «остановило бы русское движение еще на полвека», а Польша бы «в этом случае [...] безвозвратно погибла»²⁸³.

Летом 1862 г., когда стало ясно, что дело идет к восстанию, Я. Замойский писал В. Йордану: «Беспокоит горячее состояние и настроение самопожертвования, такое, что любая поспешная выходка может толкнуть нацию в бездну как раз в момент, обещающий безусловное спасение, при условии не разрушать дела, которое кажется ведомым к зрелости Божьей рукой [...]. Нетерпеливые, незрелые являются отныне для нас единственной опасностью. Они не хотят идти по лестнице, а советуют выскочить в окно, потому что это более прямая дорога». Против стремления «варшавских безумцев» «выскочить в окно» были направлены печатные и устные выступления консерваторов. В речи 29 ноября 1862 г. В. Чарторыйский заклеил идею «замены вооруженным восстанием той моральной борьбы, которую нация вела до сих пор с такой самоотверженностью, постоянством» и «единодушием». Он считал, что восстание неминуемо потерпит поражение, так как обстановка в Европе не позволяет рассчитывать на помощь Запада, а потому «всякое обращение к оружию может быть лишь криком легкомысленного отчаяния, призывом, которого искренне желает лишь враг, сигналом к борьбе без надежды и к смерти без славы»; оно «станет самым тяжелым поражением, какое только может грозить национальному делу». «Столь ужасное испытание» могло, по мнению Отеля Ламбер, «обречь на гибель уже не только материальные, но и все моральные завоевания нации». Говоря о «материальной» стороне дела, сторонники партии Чарторыйских имели в виду, что развертывание революционного движения представляет собой угрозу для польского помещичьего землевладения, особенно в «забранных провинциях». В октябре 1862 г. Я. Воронич писал В. Йордану об опасности возникновения крестьянского движения на украинских землях уже в марте 1863 г. «Сдержать это движение, — считал он, — не в

польских силах, так как оно не вызвано никакими польскими усилиями. Движение это, если оно вспыхнет, будет крестьянским, исходящим от крестьян, которые постановили с марта не исполнять никаких повинностей помещику». При мысли о возможности возникновения вскоре этой «страшной драмы» автора письма «пробирала дрожь», и он сетовал, что деятели польской помещицкой партии «до сих пор не обеспечили себе средств сообщения с этими провинциями, и там, возможно, нет никакого доброго польского влияния»²⁸⁴.

Страх перед крестьянской революцией определил путь консервативной эмиграции «по лестнице», «ступенькой» для которой стало назначение летом 1862 г. главой гражданского управления Королевства Польского поляка маркиза А. Велёпольского, имевшего среди деятелей Отеля Ламбер немало сторонников. Во многом разделял взгляды маркиза В. Замойский, инспирировавший благожелательные высказывания о нем в английском парламенте еще в разгар событий 1861 г. Однако в канун восстания Отель Ламбер все же не решался открыто поддерживать Велёпольского, хотя, втайне рассчитывая на него, молчаливо обеспечивал ему «дружеский» нейтралитет. «Прогресс становится повседневным [...] благодаря власти, данной Велёпольскому», — с удовлетворением писал В. Йордану Я. Замойский 7 августа 1862 г. Еще в июне маркиз связался с аристократической эмиграцией, и она была готова поддерживать его планы, нацеленные на предотвращение восстания в Королевстве Польском. По агентурным данным, 12 июня 1862 г. в Польской библиотеке в Париже обсуждался проект конституции, который хотели представить восстановленному по инициативе Велёпольского Государственному совету в Варшаве и в дальнейшем — Александру II. Смысл позиции, занятой Отелем Ламбер на этом обсуждении, царский агент характеризовал следующим образом: «дело не идет больше об абсолютном отказе царя от прав на Польшу, очень хотят принять его как законного государя и получить великого князя в наместники на условии в то же время, что будет признана автономия страны и что гарантией будет выборный сейм в Варшаве и национальная армия из 50000 человек, чтобы защитить новые учреждения Царства (Польского. — С. Ф.)». Таким образом, руководство аристократической эмиграции держалось все тех же позиций отстаивания постановлений Венского конгресса спустя 30 лет после их краха²⁸⁵.

Назначение брата царя великого князя Константина Николаевича наместником Королевства Польского как бы оправдывало надежды Отеля Ламбер. Тем большее негодование и «печаль» вызвали у него покушения на жизнь великого князя, а затем и на жизнь Велёпольского. А. Козмян заклеил как «подлость» и «позор» «эти повторяющиеся покушения, изменяющие характер национального движения», «несогласные с национальным характером» поляков, производящие «фатальное впечатление» на Европу. Но более всего беспокоила консерваторов опасность эскалации революционного движения навстречу восстанию, угрожавшая, по их мнению, желанному соглашению с царизмом. Чтобы «предостеречь» поляков от повстанческого взрыва, Бюро Отеля Ламбер предприняло в августе 1862 г. акцию, инициаторами которой являлись В. Замойский

и В. Калинка: Ю. Клячко составил текст протеста против террористических актов, и был организован сбор подписей под ним. Но эта затея аристократической эмиграции потерпела фиаско: ее не поддержала даже часть сторонников Чарторьских, и сам Замоийский сомневался, стоит ли документ публиковать. Подписи под протестом отказались поставить и руководящие деятели «умеренной» демократии, что же касается широкой демократической эмигрантской общественности, она была возмущена действиями консерваторов, тем более, что царские власти ответили на покушения смертными приговорами их участникам. Однако Отель Ламбер не прекратил борьбы за путь «мирных» завоеваний. Как писал царский агент в донесении о планах аристократической эмиграции, «борется за независимость она больше пропагандой, чем оружием», «используя все свое влияние для отсрочки восстания». Очередная программа Отеля Ламбер, принятая в Париже на собрании в Польской библиотеке 24 сентября 1862 г., имела в виду все ту же прежнюю цель добиться уступок от царизма, провозгласив лозунг: «Никакого перемирия с Россией, пока Польша не будет иметь своего сейма и своей армии!». Непременной частью программы консерваторов были также все те же заветные планы, касающиеся украинских, белорусских и литовских земель; они надеялись «впоследствии одну за другой отобрать у России все древние польские провинции»²⁸⁶.

Некоторые из этих требований Анджей Замоийский и его сторонники планировали изложить в уже упомянутом выше адресе. Однако тот так и не был подан. Содержавшиеся в нем даже весьма умеренные и половинчатые пожелания были восприняты властями как крайне неуместные, а самому Замоийскому было «рекомендовано» уехать за границу. Позже, уже в ходе Январского восстания 1863 г., последовал указ о его высылке из Королевства. Став в Париже членом Бюро Отеля Ламбер, пан Анджей советовал полякам «сохранять постоянство, терпение и умеренность». Стремясь «удержать страну на том же пути и предохранить ее от всех актов отчаяния», он подчеркивал, что «революционный взрыв не имел бы никаких шансов на успех и мог бы лишь скомпрометировать польское дело». Замоийский советовал бороться с Россией, отстаивая права Польши путем выступлений в прессе и завоевывая на ее сторону общественное мнение Запада. «Это, — заявлял он, — придаст патриотам больше бодрости, чем все возможные покушения». Такое мнение, по сообщению царской агентуры, разделяли многие «разумные люди» из рядов консервативной эмиграции.

Эмигранты-аристократы и их сторонники из лагеря Чарторьских, озабоченные тем, чтобы не допустить развития революционного движения в Польше, усилили давление на Дирекцию «белых». В июле 1862 г. на совещании с представителями «белых» в Аквисгране В. Чарторьский потребовал, чтобы Дирекция «ясно, открыто и смело» заявила, «что она ни в коем случае [...] не приложит рук к восстанию». Вместе с тем Отель Ламбер заботился о том, чтобы «белые» не потеряли влияния в общественных кругах Польши. Считая, что репрессии правительства, вызванные какой-либо акцией «белых», помогут «спасти от позора нескольких значительных людей высшего социального положения», деятели

консервативной эмиграции в августе 1862 г. советовали подать мемориал наместнику Королевства Польского, рассчитывая, что такой «смелый шаг», спровоцировав аресты, «сразу изменил бы настроения населения, отнял бы у него всякую социальную ненависть и зажег бы вновь честным и свободным патриотизмом, и хотя бы даже такой акт не воспрепятствовал взрыву, он, тем не менее, все же придал бы ему другой характер и спас нас в глазах света и в собственных глазах». Возможно, следствием этого плана как раз и явилась подача адреса Замоиским и его вынужденный отъезд из Польши²⁸⁷.

Действия противников восстания не добавляли им влияния в оппозиционной среде и привели к значительному ослаблению позиций «белых» в революционном лагере. Летом 1862 г. их посланцы Хорновский и Красинский просили у Отеля Ламбер политической поддержки, обещая финансовую помощь со стороны Дирекции. В Париже была создана тайная касса под началом Л. Воловского, С. Галензовского и В. Калинки; на содержание Бюро Отеля Ламбер Дирекция выделяла 120 тыс. франков, и до конца 1862 г. в Париж были переданы крупные суммы. Одновременно шли переговоры о политическом соглашении. Однако хлопотавшие об этом представители Дирекции Л. Гордыньский, А. Тшетшевинский и Э. Юргенс добились лишь согласия Чарторьского на создание в Париже редакционной комиссии для освещения в печати событий, происходивших в Королевстве Польском, в целях воздействия на европейское общественное мнение. Кроме того, было налажено регулярное сообщение между Бюро Отеля Ламбер и варшавской Дирекцией, что позволяло консерваторам лучше ориентироваться в ситуации: они ознакомились даже с подпольной варшавской прессой. Особенно интересовало Бюро положение в «забранных провинциях», и оно требовало усилить с ними связь. Поэтому в Париж часто приезжали представители «белых» из Литвы, Украины, Белоруссии, например, в августе 1862 г., накануне предстоявшего проведения дворянских съездов в Вильно и Гродно, в Париж за инструкциями прибыл губернский предводитель дворянства В. Стаженский. Из «забранных провинций» в штаб аристократической эмиграции поступали также и денежные средства²⁸⁸.

Последнее было очень важно для Отеля Ламбер, так как его деятелям не удалось собрать средства по подписке на создание в Париже собственного печатного органа, и это заставляло их платить большие деньги (свыше 100 тыс. франков) за публикацию статей о Польше в иностранной прессе. Польскую демократическую эмиграцию возмущала эта практика «давления [...] на парижскую прессу польскими деньгами», она считала, что это оскорбляет достоинство поляков и компрометирует дело Польши, тем более, что отношения консерваторов с французской журналистикой нередко приобретали унижительный характер. Так, например, А. Козмян заявил редактору одной из парижских консервативных газет бонапартистского направления Лагеронньеру, будто «каждый поляк является бонапартистом». «Каждый благоразумный поляк, — утверждал он, — консерватор, мы поляки и считаем себя благоразумными, мы предоставляем себя в ваше распоряжение и желаем служить вам». Не удивительна была оценка подобного

высказывания прессой демократической польской эмиграции: «Głos wolny» подчеркивал, что оно «не только оскорбляет святость дела (Польша. — С. Ф.), но не может даже способствовать представлению его в симпатичном свете»²⁸⁹.

Однако Отель Ламбер имел свои представления о том, в каком свете выгодно пропагандировать польское дело и как можно успешно «насолить» врагам Польши, в то же время отвлекая от идеи восстания. С этой целью был использован «черкесский вопрос», которым аристократическая эмиграция интересовалась и раньше. Английский политический деятель и противник России Д. Уркарт еще в 1861 г. советовал В. Замойскому будировать этот вопрос перед европейской общественностью, возбуждая ее интерес к войне России на Кавказе. «Все эти годы, как Польша пала, — писал он, — прошли без шанса на полезные усилия. Теперь этот шанс появился». Чтобы использовать этот шанс, агент Отеля Ламбер в Стамбуле В. Йордан направил прибывших туда черкесских и дагестанских предводителей в Париж. Оттуда их переправили в Лондон, где Замойский и Уркарт организовали в честь прибывшей делегации целую программу публичных собраний и частных приемов, носивших ярко выраженный политический антироссийский характер. Политическое значение этой кампании было подчеркнуто тем, что горцы, сопровождаемые Т. Лапиньским, бывшим агентом Отеля Ламбер на Кавказе, получили аудиенцию у лорда Пальмерстона²⁹⁰.

Акции, направленные на оживление «восточного вопроса», должны были отвлечь польское общество от повстанческих устремлений, создав впечатление, будто возможные неудачи России в кавказской войне и на Востоке в целом могут при поддержке Запада обернуться благоприятной ситуацией для обретения свободы Польшей иным путем, помимо восстания. В обострившейся обстановке эта старая тактика аристократической эмиграции становилась для нее особенно необходимой. Но на «восточном направлении» произошли изменения, препятствовавшие Отелю Ламбер осуществлять руководство политикой в этом регионе. Ему пришлось соперничать не только с активно действовавшей на «восточной территории» демократической эмиграцией, но и с новой эмигрантской организацией, настроенной лоялистски по отношению к царизму. Согласно агентурным данным, в январе 1862 г. на собрании польских эмигрантов в Стамбуле прозвучали требования умиротворения Польши и подчинения ее воле российского императора. Выступивший с речью некий Дембицкий на исторических примерах доказывал беспочвенность надежд на Европу и, в частности, на Францию, и осуждал национальное движение в Королевстве Польском как «дело рук Мерославского, католических священников и римской курии». Подобная позиция, утверждал оратор, вводит «в заблуждение мирных людей, которым в конце концов придется жестоко расплачиваться за то легковерие, с каким они прислушивались к лживым подстрекательствам». «Поляки, — заявлял он, — чувствуют себя обязанными держаться истины, потому что всякое заблуждение приходилось дорого оплачивать; не увеличивая число жертв мы докажем свой патриотизм, а как раз наоборот, если мы искренне любим свою родину, мы должны стараться установить там мир и дать нашим соотечественникам

пример умеренности, спокойствия и терпения». Собрание постановило связаться с Польшей и пропагандировать там идеи лоялизма, а также распространять их среди славян в Турции. Это решение поддержали 280 из 320 польских эмигрантов, находившихся в Стамбуле. Они избрали Совет из 12 членов под председательством Дембицкого и обратились к премьер-министру Турции Аали-паше с петицией, заявив о своей преданности Высокой Порте и прося ее о поддержке. В петиции излагались мотивы создания новой партии: «видя, с каким ожесточением отдельные личности хотят заставить поляков прослыть возмутителями и врагами общественного порядка, как они распространяют всякого рода оскорбительные слухи с целью не дать пробудиться симпатии, которую может вызвать польское дело», группа польских эмигрантов в Турции решила «воспрепятствовать такому положению вещей» и «объединиться в единый лагерь» не для того, чтобы представлять какую-либо новую доктрину, а для взаимопомощи, для опровержения всякой клеветы, направленной против Польши и польской эмиграции, для защиты польского имени. Избранный Совет обязывался представлять интересы эмигрантов и по мере сил содействовать турецкому правительству. Он ходатайствовал о предоставлении новой партии самоуправления, а Совету — права выдавать ее членам свидетельства на получение турецких паспортов, а также просил передавать ему на рассмотрение все дела, касающиеся польской эмиграции в Турции²⁹¹.

Новая партия направила в Париж одного из членов Совета Чарномского для переговоров с генералом Дембинским, который, как и генерал Рыбинский, считался лидером той части «умеренного» крыла эмиграции, что возлагала надежды на умиротворение Польши путем уступок со стороны российского правительства. По словам царского агента Ю. Балашевича-Потоцкого, они считали, что «Польша не должна рассчитывать на поддержку Европы и что предоставленная собственным силам, она никогда не сможет создать свое будущее», а потому у нее остается «лишь один шанс — это тесный союз с Россией или, скорее, с панславизмом под эгидой России». Такая позиция, по существу, была близка позиции сторонников Чарторыхских. Их объединяли общее неприятие революции и страх перед восстанием, общее стремление удержать Польшу на пути мирной «органической» работы, расчет на соглашение с царизмом, хотя были и различия — отношение к Западу, к панславизму и в целом к России. Казалось, что идейная близость могла бы привести к сближению и сотрудничеству партии Дембицкого с агентурой Отеля Ламбер на Востоке, но последняя не хотела отказаться от своих претензий единолично представлять находившихся там польских эмигрантов. В Йордан хлопотал перед турецким правительством о непризнании и запрещении Совета, на помощь ему был срочно направлен Витольд Чарторыхский, а затем и генерал Бреаньский. Предполагалось, что Йордан поедет в Дунайские княжества для оказания влияния на собравшуюся там молодежь. Он должен был позаботиться «о приискании занятий для этой новой эмиграции, обеспечить ее пребывание там на определенное время и отвратить ее от необдуманных экспедиций в Польшу, планы которых ей приписывали». Иными словами, речь шла

о том, чтобы помешать подготовке восстания, которую осуществляли деятели демократической эмиграции, формировавшие у румынской границы польские вооруженные силы. Поскольку Йордан ссылаясь на необходимость курировать в Стамбуле дела, связанные с черкесами, в Княжества отправился Бреаньский; на него же была возложена задача переговоров с сербами и распространения католической пропаганды среди болгар²⁹².

В августе 1862 г. Бреаньский и присоединившийся к нему С. Рамлов, а также старый агент Отеля Ламбер Я. Воронич развернули в Молдавии активную деятельность, опираясь на инструкции Чарторьского и используя присланные им денежные средства. Молодых польских эмигрантов в Яссах они стремились отвлечь от идеи восстания и от подготовки к нему. Бреаньский призывал молодежь уважать румынское гостеприимство, вести себя спокойно, подыскав какое-либо занятие. Чтобы не оттолкнуть ее открытой антиповстанческой агитацией, генерал говорил о будущем вооруженном выступлении, но старался перенести акцент на задачу освобождения христианских народов от турецкого ига. Выдвигался лозунг «создания регулярного польского легиона для борьбы рядом с сербами и болгарами против господства в Европе Оттоманской империи». Что же касалось идеи «общественного переворота», то к ней, по свидетельству царского агента, посланцы Отеля Ламбер относились «весьма враждебно», ограничиваясь требованием восстановления в Польше режима, существовавшего до восстания 1830–1831 гг., то есть автономного статуса, утвержденного Венскими трактатами 1815 г. Похожая программа, вероятно, содержалась и в брошюре, которую Бреаньский распространял в Яссах. Вокруг нее сгруппировались наиболее «солидные» слои польской эмиграции в Молдавии, проводившие заседания в Ботошанах. На этой основе в Яссах был создан Комитет в составе Пётровского, Шольцкого и Добжиньского. Бреаньский собрал по подписке деньги для создания в Яссах кассы взаимопомощи и наметил план военного обучения эмигрантов, поручив командование Пётровскому и снабдив его воинскими уставами. Позже он пытался организовать военную школу в Бухаресте, где в сентябре 1862 г. встретился с князем А. Кузой и вручил ему письмо от В. Чарторьского, а также передал рекомендательное письмо от У. Ратаци. Целью своего приезда Бреаньский назвал «очищение» польской эмиграции в Молдавии от «преступных» анархических и социалистических элементов и ее объединение. Представив списки эмигрантов, он предложил князю проект такой их организации, которая облегчила бы правительству контроль над ними. Согласно его предложению, созданный в Яссах Комитет должен был бы осуществлять связь между румынскими властями и эмиграцией, отвечать за поведение ее членов и определять степень их благонадежности. Хотя этот проект не был принят, но удалось достигнуть договоренности об обеспечении польских эмигрантов работой, а также состоялось соглашение о назначении постоянного агента Отеля Ламбер в Бухаресте, который бы частным образом представлял польскую эмиграцию. На этот пост был выдвинут Я. Л. Градович, но позже его занял доктор С. Т. Глюк, еще раньше рекомендованный польскими консерваторами²⁹³.

После отъезда Бреаньского в Париж созданный в Яссах Комитет продолжал работать, объединив вокруг себя 70 членов. Располагая собранными взносами, он приобрел недвижимость в городе и ожидал денежных поступлений из Парижа. Продолжалось и военное обучение эмигрантов под командой члена Комитета Шольцкого. Но деятельности консервативной группировки мешало сопротивление демократической эмиграции, она была многочисленнее и обладала большим влиянием на молодежь. Противоречия выплеснулись наружу на собрании яских эмигрантов в декабре 1862 г., и лишь с большим трудом Милковскому удалось добиться известного примирения. Демократически настроенные эмигранты оказались сильнее, и сторонники аристократической партии не смогли завоевать влияние в кругах польской молодежи, находившейся в Молдавии, и помешать сторонникам восстания в его подготовке. В целом деятельность консерваторов на Востоке ограничивалась в основном поддержанием связей с Кавказом и южными славянами. При этом агентура Отеля Ламбер вступила в контакт с русскими революционными эмигрантами. Это было связано с сотрудничеством в деле пересылки в Россию пропагандистской литературы, предусмотренным в заключенном в начале 1862 г. соглашении Отеля Ламбер с Герценом и Огаревым. З. Йордан просил брата Владислава о помощи его агентов в организации пересылки. Помогать ему с русской стороны должен был В. И. Кельсиев, которого в октябре 1862 г. направили в Стамбул М. А. Бакунин и связанный с Отелем Ламбер И. Коссиловский. Вместе с Владиславом Йорданом и Витольдом Чарторьским Кельсиев пытался наладить пересылку через черкесов номеров «Колокола», предназначенных для агитации среди русских офицеров на Кавказе, «дабы они, — как писал Бакунин Коссиловскому, — восстали вместе с польским восстанием и вместо того, чтобы душить черкесов, бессарабов, грузинов и украинцев, шли бы освобождающим сплочением прямо на Москву». Существовал также план Витольда Чарторьского при помощи Кельсиева создать в Стамбуле русское агентство, которое осуществляло бы связь с болгарами, персами и бухарцами. Однако этот план отпал, так как Бюро Отеля Ламбер ревниво оберегало свои связи и влияние в славянском мире и на Кавказе и тем более боялось «дурного» влияния русских, а именно побуждения балканских славян к борьбе против турецкого гнета и против католической пропаганды. Поэтому общий проект издания журнала для болгар «Цареградските книжитци» не был осуществлен, и русско-польское сотрудничество в издательской сфере ограничилось созданием в Стамбуле склада для пересылаемой литературы. Но агенты Отеля Ламбер Шумлянський и Шульчевский, которым было поручено заниматься отправкой русской революционной литературы из Лондона в Стамбул, плохо исполняли это задание, что вызывало упреки Бакунина. Не получило осуществления и то условие соглашения между аристократической эмиграцией и русскими революционными демократами, которое предусматривало взаимное предоставление средств печатной пропаганды. Герцен не поместил в «Колоколе» ни одной из статей сторонников Чарторьских ввиду их открыто реакционной тенденции. В свою очередь, революционный призыв, содержащийся в выступлениях

русской демократической эмиграции, шокировал польскую аристократию и связанную с ней французскую прессу; поэтому опубликовать статьи Герцена, Огарева, Бакунина в парижских изданиях не удалось²⁹⁴.

Таким образом, «сделка» оказалась мало результативной по причинам политического и идеологического характера: аристократическая партия не могла действовать совместно с таким партнером, как «Колокол». Весьма показательно, что, несмотря на соглашение, заключенное с его издателями, она гораздо охотнее сотрудничала с российскими либеральными кругами, представитель которых князь П. В. Долгорукий еще в 1861 г. поддерживал сношения с Чарторыским через А. Козьяна. Когда в 1862 г. стараниями В. Замойского в газете «Dziennik Poznański» было опубликовано письмо И. Г. Головина, где выражалось согласие признать Польшу в границах 1772 г., сторонники консервативной эмиграции приветствовали это заявление русских либералов. Чтобы удержать их симпатии, Бюро Отеля Ламбер в марте 1862 г. решило смягчить постановку русинского вопроса в своей пропаганде. Затем состоялась встреча Ю. Клячко с приехавшим в Париж К. Д. Кавелиным, и польские консерваторы были готовы организовать ему доступ во французскую прессу. Все это подтверждало истинную позицию польской аристократической эмиграции в вопросе русско-польского сотрудничества. Уже в августе 1862 г., когда в Центральном Национальном комитете созрел план заключения польско-русского революционного союза, Бюро Отеля Ламбер постановило опубликовать протест против сотрудничества «с русской прогрессивной партией». В Бюллетене Бюро содержалось предупреждение о национальной катастрофе, которую вызовет союз с русской революцией, его авторы обвиняли русских революционеров в поджогах, ограблениях и т. п. Общественное движение в России объявлялось «каннибализмом», а аграрная программа русско-польского революционного союза была названа «социально-коммунистической». Представители аристократического лагеря были не прочь использовать русскую революцию для подрыва сил царизма, но смертельно боялись, как бы в это «болото» не попала и Польша. Политические и социальные доктрины «школы Герцена» казались им весьма опасными для Европы в целом и для Польши в частности. Поэтому В. Йордан в конце 1862 г., в канун восстания, призывал поляков быть сильными, чтобы в момент революционного взрыва в России «использовать ее слабость», с одной стороны, а с другой, — «поставить достаточно прочную преграду ее распространению». Он подчеркивал, что это «особенно касается Руси (то есть Украины. — С. Ф.), так как там русские революционеры могли быть опасными не только с национальной, но и с социальной точки зрения». Из этого, по мнению Йордана, вытекала необходимость соглашения с ними, но вместе с тем требовалось «тесное» согласование действий. «Свободные от всяких симпатий и обязательств по отношению к нам, — утверждал Йордан, — они могли бы первыми выскочить с провозглашением независимого Малорусского государства и раз навсегда [...] создать решительный раскол между нами и Русью. Они могли бы перенести к нам социальную революцию, которую могут из симпатии к нам ограничить великорусскими пределами».

Предполагалось, что у русских революционеров чувство симпатии к полякам и связанные с ним уступки должны проистекать из желания «загладить вину перед Польшей». В расчете на это консерваторы не отказывались до конца от мысли установить с русскими революционерами «недолговременный альянс» и извлечь из него выгоду. Так, стремясь эксплуатировать влияние «Колокола», Отель Ламбер в конце 1862 г. обратился к Герцену с просьбой призвать польских офицеров русской армии в случае выступления поляков создавать на Украине отдельные отряды и направлять их к границе²⁹⁵.

Этот чисто конъюнктурный подход к сотрудничеству с русскими революционными эмигрантами аристократическая партия противопоставляла подлинному русско-польскому революционному союзу, к которому стремились польские патриоты в Королевстве Польском. Правда, в сношениях с издателями «Колокола» консерваторы не показывали своего истинного отношения к Центральному Национальному комитету и его переговорам о заключении союза, но, узнав о ратификации союзного договора членами ЦНК и «землевозьцами», они обрушили на варшавских «красных» поток проклятий. Тогда и возник план попытаться хотя бы отсрочить восстание, используя для этого влияние русских революционных демократов. Было известно, что последние твердо стояли на позиции, признающей необходимость восстания, но, стремясь к его успеху, советовали отложить выступление до марта 1863 г., когда будет закончена подготовка и возникнут более благоприятные условия для борьбы. О такой, как можно более длительной, «отсрочке» и мечтали консерваторы, надеясь договориться с партией «Колокола». Поскольку революционный взрыв в Королевстве Польском произошел раньше намеченного срока, план посылки Йордана к Герцену с просьбой о помощи рухнул в преддверии восстания. Тем не менее, польская аристократическая эмиграция продемонстрировала, что боролась до конца и против восстания, и против русско-польского революционного союза²⁹⁶.

3. Интриги и раскольническая деятельность Л. Мерославского в канун восстания

Происки партии консерваторов были направлены против усилий патриотического течения польской демократической эмиграции, стремившейся к подготовке вооруженного выступления за национальную свободу Польши. Эта часть эмиграции признала руководящую роль Центрального Национального комитета и активно ему помогала. Однако в этом вопросе в среде демократов не было единства, и одним из главных тому препятствий стала деятельность Мерославского. История с польской военной школой сильно подорвала его авторитет в демократических кругах: молодежь, принадлежавшая к Обществу польской молодежи, оказалась «прямо ему враждебна»; за ним шли немногие эмигранты из французской провинции (в частности, в Шартре), некоторые из бывших учеников военной школы, оставшиеся в Италии. Немногочисленные приверженцы генерала в Париже регулярно собирались у Кужины, но его публичные выступления, как,

например, в читальне «Passage du Commerce» («Торговый пассаж»), вызывали неодобрение и отпор. Говоря впоследствии о своих ресурсах в этот период, Мерославский упоминал нескольких рассеянных по разным точкам сторонников и 100 тыс. франков²⁹⁷.

Чтобы поднять свой престиж и восстановить влияние среди эмигрантов, генерал стремился укрепить свои международные связи. Опираясь на близость с принцем Наполеоном, он пытался обращаться к Гарибальди с планом совместной борьбы против Австрии, надеясь заинтересовать им и Пальмерстона, но вернуть доверие итальянского революционера ему не удалось. Мерославский общался также с Тюрром и Клапкой по вопросу создания общего печатного издания, но из-за отсутствия средств этот проект не был реализован, и с 1 июля 1862 г. генерал стал издавать собственный печатный орган «Wacžność». Хотя журнал выходил только до декабря 1862 г. и попадал в Польшу в очень незначительном количестве экземпляров, он, тем не менее, стал главным рупором идей Мерославского и важным оружием в его борьбе за влияние в эмиграции. На страницах журнала генерал выступал с привычной псевдореволюционной демагогией. Он утверждал, что «революция [...] не терпит полумер. Ее мощь — в слепой вере в святость своей мысли и в победу; ее разум — в том, чтобы не обращать внимания на преграды, не оглядываться назад, не видеть ничего, кроме [...] цели». В первом номере «Wacžność» заявила о стремлении к «народному» восстанию: «Солдат тогда лишь непобедим, когда его со всех сторон окружают массы и когда они окружают его по своей охоте». Ту же мысль о необходимости участия крестьянских масс в восстании высказывал В. Мазуркевич, зять Мерославского и ярый его сторонник: «Не на один класс, хотя бы даже самый заслуженный в прошлом, но на весь польский народ необходимо опереть новую работу освобождения». Путь для этого Мазуркевич видел в сочетании восстания с разрешением крестьянского вопроса: «уничтожение всяких привилегий [...], освобождение сельского люда от подчинения и от всяких позорящих человеческое достоинство присвоений, признание всех жителей Польши детьми одного Бога Отца на небе и одной матери-отчизны на земле, принятие и проведение в жизнь принципов любви, братства и гражданского равенства». В связи с крестьянским вопросом «Wacžność» анализировала действия Земледельческого общества, утверждая, что своим указом 25 февраля 1861 г. оно «ломало царский устав», выдвигало «знамя социальной революции», но затем отказалось от лозунга революции и разрешения крестьянского вопроса и упустило момент, когда акт о наделении крестьян землей мог бы поднять их на восстание. Позже Мерославский писал об «экономическом варварстве» Земледельческого общества, помешавшем ему «искупительным даром призвать к восстанию в помощь Варшаве 500 тыс. посполитого рушения против Москвы, еще почти безоружной. Была ли когда-либо в истории привислинской шляхты более счастливая минута для [...] братания русинского крестьянства с мазурским в коммунии польского наделения землей для отнятия у царя навечно не только жезла сатанинских интриг во всех частях Речи Посполитой, но и люциферского скипетра в собственном аду? [...] Но Земледельческое

общество предпочло дальше судиться и торговаться с взмокшим хлопом насчет замены малого пота на пот градом»²⁹⁸.

Эти адресованные шляхте упреки доказывали, что крестьянский вопрос интересовал Мерославского лишь с точки зрения вовлечения крестьянских масс в восстание, а также в связи с националистическими стремлениями к присоединению восточных провинций. Поэтому он требовал приберечь акт крестьянской реформы в качестве главного козыря в деле восстания и какое бы то ни было разрешение аграрной проблемы до восстания считал вредным. «Всеобщим лозунгом, — писал журнал «*Waczość*» 28 октября 1862 г., — стало соглашение крестьян с панами, соглашение абсурдное, невозможное, ибо против него встает, как упырь, все многовековое прошлое обид, притеснений и разочарований, соглашение, которое до тех пор не может осуществиться, пока крестьянин не окажется совершенно независимым от пана, а пан не сотрет прошлого, по-братски и по-соседски обращаясь с несколькими его поколениями. Все это под властью московского правительства неосуществимо, а потому ставить подобное соглашение условием восстания может только тот, кто его вовсе не желает [...]. Самые усердные революционеры убеждали крестьян, чтобы они договаривались с панами, будто паны горячо желают их счастья и дадут им Бог знает что, лишь бы крестьяне били москалей. А как только пропагандист ушел, шляхтич по-своему взялся за крестьянина, чтобы договариваться и договариваться с ним как можно дольше и таким образом бесконечно оттягивать восстание». Автор журнальной статьи считал, что провозглашение аграрной реформы должно быть отложено до момента восстания, чтобы придать ему заманчивость в глазах крестьянских масс, а пока он указывал путь разъяснения крестьянству характера будущей повстанческой борьбы и выгод, которые она ему принесет. Таким образом, выступление против лозунга «соглашения» помещиков и крестьян исходило из соображений практической выгоды, а не из позиции непримиримости классовых противоречий. Это подтверждал и тот факт, что редакция журнала «*Waczość*» полностью присоединилась к мнению К. Борковского, который в направленном журналу письме доказывал, что далеко не вся шляхта плоха и что в принципе соглашение между нею и крестьянством вполне возможно. Но такое соглашение, в соответствии с программой Мерославского, должно было последовать только в будущем, уже после освобождения Польши, для того чтобы предупредить возможность перерастания национальной борьбы в гражданскую войну²⁹⁹.

В 1862 г. осуществление такой программы казалось Мерославскому близким, как никогда. По его мнению, Европа была беременна революцией, а в самой Польше созрело правильное понимание вопроса об освобождении, закончился подготовительный, агитационный период и наступило время действовать. «Ныне, — писала «*Waczość*», — когда нация живет полной жизнью, когда она дает кровавые доказательства своей готовности к действию, можно было бы думать даже [...], что ей уже не газет, а в них побуждений, советов, замечаний нужно, а пора дать оружие, организовать ее в повстанческие ряды и вести на врага». «*Waczość*» частично перепечатала «Повстанческую инструкцию» Мерославского, кроме того,

большое количество экземпляров этой брошюры было послано в Польшу. Особое внимание в ней было уделено вопросу о правильном выборе момента восстания: он должен был характеризоваться наивысшим подъемом волны движения и наибольшим укреплением сил заговора, с одной стороны, а с другой, наисильнейшим кризисом и брожением внутри одной из трех угнетающих Польшу держав; при этом, по мысли Мерославского, толчком к восстанию могло стать любое значительное событие. Согласно «Инструкции», перед взрывом необходимо было провести разведку, разузнать все о противнике и его силах, разработать конкретный план восстания, дав задание каждому из подразделений заговора и обеспечив поддержку населения в городах и селах. Для отвлечения внимания противника предполагалось путем распространения листовок возбуждать ложные слухи, организовывать национальные и религиозные манифестации. Лишь приняв все эти меры, можно было давать сигнал к восстанию посредством набата или пожара либо непосредственно звать граждан к оружию. Изложенная в «Инструкции» тактика борьбы в городе повторяла уже известные ранее планы Мерославского, а при ее организации в деревне имелось в виду использование готовой системы гминного устройства. Таким образом, план «народного восстания» оказывался направленным на разрешение одного вопроса — каким образом использовать мощь и силу народных масс, чтобы добиться национального освобождения «без социальной революции, как бы реставрируя общество». Подчеркивалось, что принцип собственности останется священным и нерушимым³⁰⁰.

Генерал видел себя единоличным руководителем будущего восстания, наделенным диктаторской властью, и требовал, чтобы право на диктатуру было заранее закреплено за ним тайной организацией в Польше. Одновременно он добивался признания себя единственным представителем и руководителем польской нации в целом и эмиграции в частности. Ведя переговоры с Бакуниным, Мерославский заявил, что революционная Россия может вступить в союз только с ним, так как вне его партии нет ничего серьезного ни в эмиграции, ни в самой Польше. Он требовал объединения вокруг себя всего революционного лагеря на основе изложенного им кредо — манифеста, а всякую оппозицию своим претензиям расценивал как предательство и контрреволюцию. «Waczość» клеймила «реакцию», стремящуюся парализовать патриотическую работу Мерославского, имея в виду выступления газеты Отеля Ламбер «Wiadomości Polskie» и печатных органов «белых» в Кракове и Познани, таких, как «Czas» и «Dziennik Poznański». Журнал осуждал также как непатриотические протесты консерваторов против террористических актов в Королевстве Польском. Но «реакцией» для Мерославского были не только консерваторы: он не мог простить своим бывшим союзникам — «умеренным» демократам истории с военной школой, и «Waczość» постоянно напоминала о том, как путем подлых интриг истинный герой Мерославский был вытеснен «каким то изможденным рыцарем» Высоцким. Журнал обвинял «Przegląd rzeczy polskich» в контрреволюции и милитаризме, в беспринципности, называл его «контрреволюционным революционером», разоблачать которого должен каждый честный революционер и патриот.

Мерославский и его сторонники старались помешать «умеренным» и в практической деятельности: они пытались перехватить коммуникации соперников, разрушить сеть их агентов и т.п. Характерным примером были отношения Мерославского с Милковским. Когда тот в 1859 г. действовал в Молдавии по заданию парижского Коло, генерал для подрыва его работы послал туда своих эмиссаров, а также развил агитацию на Украине, призывая противиться «самозванным махинациям» этого «шарлатана». Но в 1862 г. Милковский получил предложение вести на Украине работу от имени Мерославского, регулярно присылать ему отчеты и ждать сигнала к началу борьбы. Пытаясь переманить, таким образом, Милковского на свою сторону, генерал в то же время дал задание Пшевлоцкому установить за ним наблюдение, а в случае неповиновения власти «диктатора» подвергнуть его суду тайного трибунала, состоящего из верных Мерославскому лиц, и привести приговор в исполнение³⁰¹.

Интриги Мерославского не приносили ему особой пользы, они еще больше восстанавливали против него общественное мнение как в эмиграции, так и в самой Польше. В частности, сторонник генерала из Грубешова в Люблинской губернии в феврале 1862 г. писал ему о неприятном впечатлении от ссоры Мерославского с Высоцким, о слухах, которые приходится опровергать. Стремясь преодолеть эти настроения в польском обществе, Мерославский предпринял новые попытки по распространению в Польше своих портретов, речей и прочих агитационных материалов, одновременно стараясь укрепить прежние связи. Он пытался посылать агентов в Варшаву и Познань, а в мае 1862 г. сам собирался ехать в Пруссию, чтобы наладить контакт с бывшими участниками восстания 1848 г., и направил жителям Великой Польши воззвание с обещанием прислать оружие. Поскольку Маевский, поняв, что «нет необходимости больше поддерживать Мерославского», порвал с генералом, тот потерял налаженную связь с Королевством Польским. Это заставило Мерославского искать новые возможности, и он обратил внимание на созданный в Варшаве орган партии «красных» — Центральный Национальный комитет. О существовании его и о его программе генерал узнал в феврале 1862 г. от своего грубешовского корреспондента, а несколько позже ЦНК направил в Париж для переговоров с эмиграцией об объединении усилий Юзефа Нажимского, который был приверженцем Мерославского. В партии «красных» и в самом Центральном Национальном комитете были и другие патриоты, сохранившие симпатию к генералу, и потому вслед за Нажимским переговоры с Мерославским от имени ЦНК продолжил Юзеф Цверцякевич. Однако претензии генерала, требовавшего подчинения ему всей организации «красных», были неприемлемы для Центрального Национального комитета. Соглашение не состоялось, но Мерославский вновь послал в Варшаву своего агента, который, опять не договорившись с ЦНК, связался с Владиславом Косковским, стоявшим к Комитету в оппозиции. Косковский призвал на помощь Кужину, убедив его в существовании в Варшаве сильной партии, настроенной в пользу генерала, и тот приехал в Варшаву в начале 1862 г. Опираясь на поддержку ряда молодых членов «красной» организации и таких членов

Центрального Национального комитета, как В. Даниловский и В. Марчевский, Кужина снова выдвинул перед ЦНК требования Мерославского принять название Революционного комитета, признать генерала председателем этого Комитета, провести перемены в его составе. Центральный Национальный комитет согласился принять эти требования при условии приезда Мерославского в Варшаву и осуществления им непосредственного руководства борьбой. В противном случае ЦНК был готов признать генерала своим единственным представителем за границей по военной подготовке и организации восстания. Кужина отверг эти условия и, поскольку переговоры зашли в тупик, он решил вместе с группой сторонников Мерославского создать в Варшаве новую тайную организацию под эгидой генерала. Так в августе 1862 г. возник Революционный комитет, противопоставивший себя Центральному Национальному комитету³⁰².

Главной фигурой Революционного комитета стал офицер В. Косковский, а членами — группа шляхетской, буржуазной и интеллигентской молодежи, в том числе в него вошли Зыгмунт Росцишевский, Станислав Качковский, Феликс Бауерфайнд, Феликс и Игнаций Мархвиньские. Студент Медицинской академии Владислав Даниловский, являвшийся членом ЦНК, был впоследствии исключен из него, так как также вступил в Революционный комитет; вступить в него уговаривали и других студентов-медиков. Комитет имел свою печать с изображением орла, погони и архангела. Из-за границы Мерославский прислал отпечатанные бланки, квитанции, а также инструкции и Устав Национального революционного союза. Целью создаваемой организации объявлялось «восстановление Польши на демократических основаниях в пределах, существовавших перед разделом ее», а «единственным средством к достижению этой конечной цели» признавалось «вооруженное восстание». «Подготовка всех возможных средств к открытию вооруженного восстания» было главной задачей Союза. Революционный комитет как высший законодательный и исполнительный орган Союза представлял Мерославского в Польше и руководил всей внутренней работой через своих полномочных комиссаров. Он создавал пятичленные революционные поветовые комитеты, дальнейшее же разветвление Союза происходило путем создания каждым членом поветового комитета нового пятичленного кружка. Низшие «пятерки» ничего не знали о составе высших, беспрекословно подчинялись их приказам и ежемесячно платили взносы в фонд Союза. Все члены Союза приносили присягу, обязуясь выполнять приказы и хранить тайну. В случае измены или неповиновения Национальный революционный комитет, являвшийся в своем полном составе революционным трибуналом, выносил решение о строгом наказании. Этот высший законодательный и исполнительный орган Союза имел право назначать и смещать всех служащих организации, но изменять свой состав мог лишь с согласия Мерославского и был обязан ежемесячно перед ним отчитываться. В Комитете имелось пять отделов — провинциальной администрации города Варшавы, полиции, финансов, коммуникации с союзами других польских провинций и с заграницей. Каждый отдел возглавлял один из пяти членов Комитета, связанных взаимной солидарностью и тайной

и дававших присягу на верность. Регулярно проводились заседания Комитета, решения принимались большинством голосов. Все эти принципы Мерославский считал «ясными и недвусмысленными», возрождающими принципы Централизации. Напечатанные по его распоряжению многочисленные экземпляры Устава распространялись в Королевстве Польском, так же как и специальные инструкции для поветовых комитетов. Они определяли круг обязанностей их начальников, которые должны были заниматься сбором податей, устройством сообщения, доставкой сведений о положении в крае, о составе населения и его настроениях и проч.³⁰³

По словам Мерославского, его Комитет сумел быстро восстановить все связи. Ему удалось даже создать собственное печатное издание «Słowo», первый и единственный номер которого вышел 8 января 1863 г. Активно действовала группа варшавских сторонников генерала во главе с Владиславом Еской и Войцехом Бехоньским. Большую поддержку Революционному комитету оказывали также братья Косковские, Францишек Орловский, Станислав Шаховский, а Эдвард Бонгард, представлявший «красных» в Грубешовском уезде, регулярно сообщал Мерославскому обо всем, что происходило в польском обществе, в том числе и о действиях Центрального Национального комитета. Укрепить связи Революционного комитета в провинции старался и Я. Кужина, на первых порах направлявший его работу. В августе — сентябре 1862 г. он выезжал из Варшавы в Плоцк, а также объехал Литву. Мерославский не только поддерживал непосредственный контакт с Революционным комитетом, но получал информацию и от «засланных» в Королевство Польское и «забранные провинции» своих агентов. Большинство эmissаров пробирались в Королевство из Галиции, где под руководством Чарнецкого действовал львовский кружок сторонников Мерославского, укрепить который помог Кужина и который в октябре 1862 г. стал называться Национальным комитетом Галиции. Кужина сыграл важную роль и в создании краковского кружка приверженцев генерала³⁰⁴.

Мерославский стремился связать галицийские комитеты и Революционный комитет в Варшаве, рассматривая их как звенья одной цепи, как зародыш будущей всепольской повстанческой организации, находящейся всецело под его диктатом. Перед варшавским Революционным комитетом он ставил задачу вырвать власть и влияние у Центрального Национального комитета, в котором видел соперника. Программу, политику и тактику ЦНК он впоследствии подверг бешеным нападкам на страницах мемуаров. В программе ЦНК генерал видел лишь общие места, прописные истины, но яростно атаковал тот ее пункт, где говорилось о самоопределении национальных меньшинств. Этот пункт, «разлагающий польскую национальность», он рассматривал как покушение на целостность Польши, как стремление «распустить нашу централизованно-демократическую Речь Посполитую, чтобы торжествующие черви могли свободно расползтись и хозяйничать на трех ее оставшихся кусках». Мерославский также обвинял Центральный Национальный комитет в предательстве и контрреволюции, утверждая, что тот «не желал вооруженного восстания и ненавидел его», сводя

все к показной стороне — манифестациям и демонстрациям. Он клеймил «полное отсутствие политической совести и личной ответственности» у членов ЦНК, которые якобы пользовались методом клеветы, мистификации и демагогии. Вопреки фактам, генерал заявлял, будто Центральный Национальный комитет возник из стремления к соперничеству с Революционным комитетом, что он является всего лишь «дерзким самозванцем», искусственно созданным эмиграцией. «То, что вы называете громким именем Центрального Национального комитета, просто-напросто пустая фикция», — писал он Бакунину 8 октября 1862 г.³⁰⁵

Эти аргументы широко использовались варшавскими «мерославчиками» в борьбе против Центрального Национального комитета. В ход шли демагогия, интриги, клевета: распространялись слухи, будто ЦНК «белеет» и обманывает массы, стремясь их успокоить, будто он не намерен противодействовать грозящему рекрутскому набору. В результате такой агитации сторонникам Мерославского удавалось переманивать молодых членов «красной» организации, а нередко ее первичные ячейки (десятки) целиком переходили на сторону генерала. Завербованными оказывались даже начальники поветов, как, например, Юзеф Миневский и Тышкевич. Опираясь на приобретенные влияние и связи в рядах повстанческой организации, Революционный комитет Мерославского в октябре 1862 г. предпринял попытку осуществить переворот в Центральном Национальном комитете, но его атака была отбита. ЦНК исключил из своего состава В. Даниловского и З. Янчевского, действовавших в интересах Мерославского и подстрекавших студенческую молодежь. Ультиматум, предъявленный Даниловским, о продолжении переговоров с Революционным комитетом и о передаче генералу всей власти был отвергнут³⁰⁶.

Многие в Польше и в эмиграции сознавали вред авантюристической раскольнической политики Мерославского и выражали возмущение, как, например, А. Гуттри, направивший генералу резкое письмо. Понимали это и многие комиссары в самой организации «красных», указывавшие руководству Центрального Национального комитета на опасность, грозящую в результате действий Революционного комитета. Однако обаяние имени Мерославского еще полностью не исчезло, и часть патриотов продолжала верить, что соглашение с ним придаст заговору новые силы. Они толкали ЦНК к заключению такого соглашения, и он был вынужден с этим считаться. Поэтому с самого начала возникновения Революционного комитета ЦНК не стал обострять с ним отношения и делал вид, будто ничего о нем не знает. Так, когда в октябре 1862 г. были опубликованы уставы Революционного комитета, орган Центрального Национального комитета «Ruch» заявил: «Организация такого рода не известна ни нам, ни стране, и мы сильно сомневаемся, чтобы генерал Мерославский, слишком хорошо зная о направлении и значительности работ местного заговора, захотел бы создать еще одну какую-то особую заговорщическую организацию под своим руководством или также солидаризовался бы с так называемыми работами, ни на чем не основанными и химерическими». Газета выражала уверенность, что опубликованные документы это «дело интригана, который в целях собственной амбиции

обманывает [...], с одной стороны, генерала Мерославского и, бессовестно злоупотребляя оказанным ему доверием, компрометирует [...] его уважаемое имя, а с другой стороны, орудя этим именем, обманывает и сбивает с толку [...] несколько десятков людей доброй воли, отвлекая их с правильного пути»³⁰⁷.

Хотя это выступление Центрального Национального комитета в очередной раз подтвердило его нежелание ссориться с Мерославским, сам генерал продолжал враждебные действия. В частности, он очень резко прореагировал на факт заключения Комитетом союза с русскими революционными демократами, заявив на страницах своего органа «Waczość» и французских изданий «La Presse», «Le Siècle», «L'Opinion Nationale» («Народное мнение») о своей непричастности к подобной «измене». В газете «Ruch» ЦНК резко ответил на это выступление, назвав его клеветой, имеющей целью вызвать раскол, но опять-таки считаясь с настроениями определенной части «красной» организации, он не отказался от переговоров о соглашении с генералом, начатых еще в конце зимы 1862 г. Сам же Мерославский пытался изобразить дело так, будто соглашение уже было достигнуто весной того же года, а затем Центральный Национальный комитет оказал ему неповиновение. «Еще два месяца тому назад, — писал он, — между нами [...] существовало [...] согласие и единство [...] Если между нами и возникали какие-то споры, то братские, честные и допустимые в вопросе форм революционной организации, прав руководящего Комитета и, наконец, отношения Комитета к своему председателю, [...] о принципах же и вопроса не могло быть [...] Но что касается положения председателя по отношению к Национальному союзу и его Главному комитету, все честные споры прекратились в августе [...] статья устава, предоставляющая председателю право контроля над людьми, принятыми в состав Главного комитета, [...] содержащая как бы недостижимый для вражеской полиции светоч, следящий за нравственностью, патриотизмом и добросовестностью властей, вызвала бунт среди тех, для которых эксплуатация власти становилась впредь невозможной»³⁰⁸.

На самом деле Центральный Национальный комитет не мог принять ультимативных условий Мерославского и стремился договориться о сотрудничестве на иных основаниях. В середине сентября 1862 г. Даниловский привез в Париж письмо ЦНК и был уполномочен заключить с генералом соглашение. В письме Центральный Национальный комитет признавал, что недооценивал возможности эмиграции в деле подготовки восстания, но осуждал стремление Мерославского игнорировать работу патриотов в Польше и их внутреннюю организацию. Он вновь предлагал генералу сотрудничество, утверждая, что «на одном и том же поле могут сойтись обе стороны, отдавая делу то, что каждая может дать. Польские союзы и комитеты все вместе — приобретенное влияние, людей и средства, а генерал Мерославский — техническое умение, свою особу и свое имя». При этом ЦНК предупреждал: «О военной диктатуре не может быть и речи до первой победы, а с другой стороны, напротив, всякие предварительные условия смешны и бессмысленны. В первый момент должно существовать какое-то правительство — коллективное и гражданское, хотя бы оно просуществовало несколько

дней или несколько часов, и должен существовать главнокомандующий, назначенный сверху этим правительством». Посылая генералу на консультацию план военной борьбы, Центральный Национальный комитет вновь предлагал ему военное руководство, заверяя, что его с радостью примут все комитеты и революционные союзы, как только он явится «с готовым планом восстания в стране». Даниловский убеждал Мерославского принять эти условия, но тот твердил о своей популярности и возлагал надежды на Революционный комитет, а затем потребовал изменить состав ЦНК и ввести в него своих сторонников. Охваченный самомнением, он заявлял: «Пусть не советуют мне зарывать свои таланты, когда я чувствую, что могу руководить польским народом [...], пусть примут мои планы и доверятся старому опытному революционеру, который никогда еще не обманывал оказанного ему доверия». Переговоры с Даниловским длились на протяжении месяца, но не привели к результату, однако Центральный Национальный комитет затем неоднократно делал новые попытки договориться и 30 ноября 1862 г. приказывал своему агенту Ю. Цверцякевичу представить генералу «пункт предложения, которое Комитет сделал относительно объединения, и сообщить ответ». Ответа не последовало, и уже в конце декабря 1862 г. ЦНК вновь направил к Мерославскому Ф. Годлевского, а также послал в Париж В. Еску и Г. Василевского. Генерал не отвечал на эти предложения руководителей повстанческой организации, так как надеялся осуществить свои планы с помощью Революционного комитета. Но он переоценивал его возможности и степень его влияния в патриотических кругах Королевства Польского. Прочной поддержки Революционный комитет не получил, и это привело к тому, что в конце декабря 1862 г. — начале января 1863 г. Росцишевский был вынужден его распустить и отослать Мерославскому его печать и документы³⁰⁹.

Таким образом, происки генерала окончились неудачей, но они нанесли немалый вред революционному движению в Королевстве Польском и делу подготовки вооруженного восстания. Эта попытка расколоть тайную революционную организацию затрудняла действия Центрального Национального комитета, вводила в заблуждение патриотов, ведя к опасной путанице, смешению действий двух комитетов — ЦНК и Революционного. Когда сторонники Мерославского опубликовали воззвание, содержавшее обещание уберечь членов повстанческой организации от предстоявшего рекрутского набора, оно было воспринято как гарантия со стороны Центрального Национального комитета, и тот, не желая обнаруживать «раздвоения», оказался вынужден приблизить срок начала восстания, хотя подготовка к нему была далеко не завершена. К тому же толкали ЦНК и постоянные подстрекательские призывы «мерославчиков» к немедленному взрыву и обвинения его в измене. На опасность действий Мерославского и его сторонников обращало внимание и само руководство Центрального Национального комитета. Но если А. Гиллера пугала демагогия Мерославского как чересчур революционная, то другой член ЦНК З. Падлевский видел в ней опасность для дела революции. Поэтому в январе 1863 г. в беседе с Ф. В. Пясецким он чрезвычайно резко выступил против генерала, заявив, что «узурпацию Мерославского нужно

решительно пресекать на каждом шагу». И Гиллер, и Падлевский последовательно выступали против соглашения ЦНК с Мерославским, но большинство его членов так и не освободилось от иллюзий относительно генерала, и это определило мягкотелую политику Центрального Национального комитета, которая в дальнейшем, уже в разгар повстанческой борьбы, привела к губительному для восстания 1863 г. решению о провозглашении диктатуры Мерославского³¹⁰.

Деятельность генерала накануне восстания наносила вред делу его подготовки еще и потому, что ставила цель подрыва союза польских патриотов с русским революционным движением. Против заключения союза были направлены выступления журнала «Wacžność», насквозь проникнутые национализмом. Что же касается попыток Мерославского установить сношения с русскими революционными эмигрантами, то они диктовались соображениями выгоды и являлись лишь тактическим маневром. Издатели «Колокола» понимали это и не доверяли «революционным» фразам генерала: «самого плохого мнения» о нем придерживался Кельсиев, а Огарев констатировал, что «вмешательство Мерославского везде было порукой за неуспех». Бакунин относился к генералу более снисходительно и потому в августе 1862 г. трижды встречался с ним в Париже, обсуждая перспективы русско-польского революционного союза, переговоры о заключении которого русские революционеры как раз в это время вели с варшавским Центральным Национальным комитетом. Именно это обстоятельство и побудило Мерославского постараться использовать контакт с руководителями «Колокола», чтобы укрепить свой авторитет в эмиграции, усилить собственные позиции в отношениях с ЦНК и перехватить его связи. Поэтому главной задачей генерала во время встреч с Бакуниным было убедить его в том, что помимо его собственной партии ни в эмиграции, ни в Польше «нет ничего серьезного», и «союз от имени революционной России» может быть заключен «только с ним одним», для чего «Варшавский Центральный Комитет [...] не преминет, без сомнения, немедленно выслать ему все необходимые полномочия». Одновременно Мерославский надеялся во время переговоров вырвать у русских уступки в вопросе о границах будущего Польского государства, так как потребовал от Бакунина гарантий восстановления Польши в границах 1772 г. После создания своего Революционного комитета генерал сообщил Бакунину о «полной и фундаментальной реорганизации, принятой объединением 5 провинций республики: Галиции, Познани, Варшавы, Литвы и Руси». Под «объединением» он имел в виду Национальный революционный союз и требовал, чтобы русские революционеры «пренебрегли бы всеми другими польскими связями» и имели дело только с верховным органом Союза — Национальным революционным комитетом, а конкретно лично с ним как «его единственным представителем и ответственным уполномоченным». Мерославский стремился изолировать русских революционных демократов от «геростратов» — от представителей молодой революционной польской эмиграции, так как еще надеялся помешать им и членам Центрального Национального комитета заключить русско-польский революционный союз. Но когда соглашение о союзе было подписано и Бакунин в письме

от 1 октября 1862 г. сообщил об этом, генерал не оставил своих попыток разрушить союз и в письме от 8 октября пошел на прямой обман, утверждая: «То, что Вы почтили именем Центрального Комитета, представляет чистейшую фикцию [...], и она оставила по себе единственный след лишь в виде досадного заявления, которое Г[иллер] позволил себе поместить в “Колоколе”». Однако, отрицая факты существования ЦНК и заключения им соглашения с русскими революционерами, Мерославский в то же время атаковал один из важных принципов соглашения, составлявших основу русско-польского революционного союза, — идею о праве наций на самоопределение. В том же письме Бакунину от 8 октября 1862 г. он подчеркивал: «Но то, что нашелся хотя бы один поляк, способный играть в расчленение своего отечества на фантастические национальности, вот что является позором для всей нашей революционной школы». Позже появилась брошюра «Ответ генерала Мерославского г. Бакунину», где русские революционеры обвинялись в «претензиях на дюжину воеводств польской республики» и в том, что они приняли «этот дар [...] из рук нескольких интриганов». Мерославский выражал надежду, что такая «щедрость» ЦНК получит историческое возмездие, и утверждал историческую неизбежность существования враждебных русско-польских отношений: «Между нами [...] или Польша 1772 года, Польша до разделов, или беспрестанная война». Генерал не видел разницы между «немецкими радикалами», «которые [...] требуют всю Польшу западную», и русскими революционными демократами, требующими «всю восточную Польшу во имя свободы, равенства и братства». Он отвергал мысль о возможности национального самоопределения путем голосования, считая, что волю народа можно узнать лишь во время восстания, когда он будет голосовать «пиками и косами». Такое «голосование» генерал пытался организовать «на полях Милослава и Вжесни» во время Познанского восстания 1848 г. и мечтал тем же способом «заставить народ голосовать [...] у ворот Киева и Смоленска», твердо рассчитывая, что это «голосование» подтвердит право поляков на «забранные земли», потому что ни один поляк не поддержит решения Центрального Национального комитета. Клеймя его членов как «плагиаторов Хмельницкого» и «поклонников панславизма», он повторил предупреждение русским революционным эмигрантам: «Не думайте, что вы ведете переговоры с Польшей [...] Если ваш Центральный Польский Комитет, который я упорно называю чистой фикцией, действительно существует, он только что покончил с собой своим адресом, принятым в вашем “Колоколе”»³¹¹.

Мерославский предупреждал, что на Центральный Национальный комитет набросится «вся патриотически революционная пресса Польши». Это предвидел Бакунин и уже 12 октября 1862 г. писал Лугинину, что инициаторам заключения русско-польского революционного союза «нужно остерегаться врагов, вроде Мерославского, готовых воспользоваться всеми средствами, чтобы возбудить против них польские национальные недоразумения и тем ослабить их влияние». Предупреждал он и непосредственно поляков, в частности, Я. Амборского, которому в письме от 15 октября указывал на намерение генерала «оклеветать

и по возможности ослабить наше влияние в Центральном Комитете в Варшаве». А 18 октября Бакунин убеждал Цверцякевича в необходимости для ЦНК издать манифест к эмиграции, чтобы противодействовать интригам Мерославского, «старрающегося захватить власть в свои руки». О «чудовищной оппозиции», которую сторонники генерала создадут работе Центрального Национального комитета, он писал и Коссиловскому 20 октября 1862 г. и не ошибся. Мерославский немедленно прервал переговоры в Париже с представителем ЦНК Даниловским, публично отмежевался от всякой связи с Комитетом и развернул кампанию в своем журнале «Wacžność» и на страницах французских газет, требуя не смешивать Центральный Национальный комитет с его собственным Революционным комитетом. Генерал называл воззвание ЦНК к «Колоколу» «бессмысленным» и «совершенно нелепым», сетовал на то, что «Przegląd rzeczy polskich» не дал ему надлежащего отпора, тогда как оно «оскорбило национальные чувства» поляков, «усомнившись в патриотизме двух земель, веками сросшихся с Речью Посполитой». Мерославского возмущало, что в воззвании говорилось о каких-то «нациях», «живших в границах Польши до разделов», и особенно то, что оно «позволяло каждому народу решать свою судьбу». Центральный Национальный комитет, утверждал генерал, тем самым «продал» издателям «Колокола» Русь и Литву, отдал их «в кабалу», в «ленное владение», то есть предоставил «будущей возрожденной Москве» две трети польской земли взамен за «гуманитарные элегии» «Колокола», за ничего не стоящие «обещания сочувствия и помощи». Мерославский считал этот шаг ЦНК «предательством, худшим, чем Тарговица», и усматривал его корни в политической незрелости членов ЦНК — этих «малолетних государственных мужей». Но особенную ответственность он возлагал на молодую революционную эмиграцию, представители которой вручили «Колоколу» «печальной памяти адрес», провозгласивший право наций на самоопределение. «Паломничество» этих «геростратов» в «Лондонскую Мекку панславизма» он расценивал как объявление «бесконечной гражданской войны между дисциплинированной и определенной революционностью, которая хочет монолитной, неделимой и демократической Польши, и всякими вредными революционными течениями». Генерал обрушился и на позицию, занятую в вопросе о русско-польском революционном союзе «несчастливым киевским студенчеством, которое, не сумев научиться истории собственной нации у своих профессоров, учится у москалей сказочным легендам о Рюриковичах и за несколько лондонских завтраков с Бакуниным уступает “Колоколу” все захваты Рюриков». Но особое раздражение вызвало у Мерославского участие в переговорах между ЦНК и «Колоколом» его старого недруга со времен гегуэзской военной школы З. Падлевского, которого он заклеил именем «отрепьевского недоноска». Другого участника лондонских переговоров А. Гиллера он назвал «панславистом» и «присяжным поверенным московских радикалов», обвинив его в сговоре с Бакуниным с целью «расчленения польской национальности». Доказательство его «измены» генерал видел в издании Гиллером после заключения русско-польского революционного союза воззвания, призывавшего поляков в случае рекрутского набора идти в русские войска для распространения там

пропаганды. По мнению Мерославского, воззвание имело контрреволюционный смысл, так как якобы призывало к отказу от польского восстания, предлагая ждать спасения лишь от революции в России³¹².

Это утверждение Мерославского показывало, что мишенью его нападок были не только «недостатки» в разрешении национального вопроса, допущенные Центральным Национальным комитетом при заключении русско-польского революционного союза, но и сама идея совместных и скоординированных революционных действий обоих народов. Утверждая, что Польша никогда не стремилась к таким действиям и не просила Россию протянуть ей дружескую руку, журнал «Waczość» заявлял в номере от 25 октября 1862 г.: «Русская революционность нам непонятна; участие в ней поляков — загадочно». Подчеркивалась беспочвенность надежд на русскую революцию, о которой «до сих пор мало кто слышал, а если и слышал, то недоброе». «Несколько личностей, вне России, в эмиграции бичующих царизм, — писал журнал о редакции «Колокола», — это не есть Россия [...]. Ее общественные слои сумеет расшевелить разве только какое-нибудь потрясение, вроде потопа, раз ни польская кровь, ни возмущение западных народов, ни насмешки европейского общественного мнения не произвели на них впечатления». От такой России, утверждал орган Мерославского, полякам бессмысленно ждать помощи, и мысль о сотрудничестве и союзе с ней «не выдерживает здравой критики», а потому «хотеть, чтобы наша нация, давно уже созревавшая в революционном отношении и в течение двух лет находящаяся в страшном повстанческом напряжении, ожидала, один Бог знает, как долго, пробуждения Москвы, еще дремлющей в хаотическом беспорядке, это значит разве что хотеть сознательно мучить ее до тех пор, пока она снова не впадет надолго в рабское оцепенение». Журнал указывал, что именно такую цель преследуют и представители реакции, выступающие против восстания, и призывал одинаково бдительно относиться как к ним, так и к тем, кто требует от поляков ждать революции в России для совместного с ней выступления. Тем самым Мерославский и его сторонники причисляли инициаторов заключения русско-польского революционного союза, «столь скользкого и подозрительного», к контрреволюционерам. Они заявляли, что «Колокол» «мистифицировал» «польское добродушие», обманул «иллюзорными выгодами» незадачливых польских революционеров и в сговоре с царским правительством выдумал басню о союзе с несуществующим Центральным Национальным комитетом³¹³.

Таким образом, заключение русско-польского революционного союза заставило Мерославского сбросить маску, обнаружило неискренность его заигрываний с русскими революционными демократами. В напряженное время кануна польского восстания генерал и его партия выступили как самые ярые враги сотрудничества с революционной Россией, ослабляя этим революционные силы самих поляков. Издателей «Колокола» это утвердило в «далеко не высоком» мнении о Мерославском: «Думаю, — писал Бакунин, — что несчастное, чудовищное тщеславие может довести его даже до дел преступных». Вначале русские революционные эмигранты решили не реагировать на бешеные наскоки генерала,

предоставив Центральному Национальному комитету отвечать на них. Однако не прекращавшиеся со стороны Мерославского оскорбления и особенно его заявление о сговоре «Колокола» с царизмом «вырвали из молчания» Бакунина, в середине декабря 1862 г. направившего в редакции французских газет статью «Варшавский Центральный комитет и русский военный Комитет». Она была опубликована в газете «Le Courrier de l'Europe» («Вестник Европы») в виде открытого письма ее редакторам и частично в газете «Le Siècle», а в начале января 1863 г. вышла в виде брошюры на русском, польском и французском языках. Бакунин надеялся, что польский текст статьи опубликует «Przegląd rzeczy polskich», а тысячу ее оттисков удастся распространить как «по всем углам польской эмиграции», так и в самой Польше — в Королевстве Польском, Галиции и Познани. Он мечтал даже о переводе статьи на все славянские языки, о чем писал, в частности, чешскому революционному эмигранту Йозефу Фричу. Все это свидетельствовало о том значении, которое он придавал ознакомлению общественного мнения в Польше и за границей с фактами, разоблачавшими демагогию Мерославского. Эту позицию разделяло и революционное крыло польской эмиграции, помогавшее Бакунину в деле перевода его статьи на польский язык и публикации ее в парижской прессе. Русско-польский революционный лагерь в целом считал чрезвычайно важным разоблачить Мерославского, разбив выстроенные им преграды на пути совместной революционной борьбы двух народов³¹⁴.

Брошюра Бакунина должна была внести существенный вклад в достижение этой цели. Изложив историю взаимоотношений Мерославского с «Колоколом», Бакунин вскрыл последовательные стремления генерала играть роль единственного представителя польской нации. Он опроверг «странное» антипатриотичное заявление Мерославского о том, будто Центрального Национального комитета вовсе не существует, подчеркнув, что вокруг ЦНК «группируются [...] все патриотические надежды Польши». «Генерал Мерославский, — говорилось в брошюре, — стараясь подорвать доверие своих соотечественников к этому Комитету польского спасения и умалить его значение в глазах общественного мнения Европы, действовал не как хороший гражданин». Бакунин обращал внимание на тот факт, что клевета Мерославского против ЦНК была тотчас подхвачена журналом «Le Nord» («Север»), издававшимся в Париже на средства российского правительства. Это был важный штрих к характеристике этого «польского патриота», который больше всего заботился о собственных престиже и власти даже в ущерб общему делу национальной борьбы. Правда, в заключение Бакунин выражал надежду, что как только восстание в Польше разразится, Мерославский «вовремя окажется в Варшаве», примет участие в «ужасной и неравной борьбе в качестве генерала или простого солдата» и при этом порадует, увидев русских солдат и офицеров «не в рядах угнетателей, а в рядах защитников польской свободы». Но эти слова не могли изменить впечатления от брошюры, воспринимавшейся как разгром позиции «железного Людвика» и его партии, как разоблачение вредной сущности мерославщины. Так рассматривал ее и сам генерал, опубликовавший «Последний ответ генерала Мерославского г. Бакунину»: он

обвинил Бакунина в фальсификации своих писем и в разглашении содержащихся в них секретных сведений. Брошюра Мерославского, датированная 20 января 1863 г., вышла в свет уже в разгар восстания в Королевстве Польском и отнюдь не способствовала примирению генерала с русскими революционерами. Ненависть Мерославского к ним, а особенно к Бакунину, которого он называл «заядлым и подчеркнутым врагом польской независимости» и обвинял в «двуличии родового завистника польской мощи», нашла проявление в клевете и интригах генерала против Бакунина и его «креатур», имевших место как во время восстания, так и после него, в 1860-х гг.³¹⁵

Все это являлось свидетельством того, что борьба русских революционных эмигрантов против Мерославского и его идеологии накануне восстания 1863 г., несмотря на то, что генерал вносил в нее элемент личной вражды, носила глубоко принципиальный характер как борьба подлинной революционности против революционной демагогии и авантюризма, подлинного интернационализма революционеров-демократов против шляхетского сословного национализма. Целью ее было укрепление польского революционного движения, поддержка польской повстанческой организации и ее руководства. И не случайно с таким интересом к выступлениям Бакунина против мерославщины относилась польская эмиграция, прежде всего ее «левое», демократическое крыло. Подтверждением этому служило, в частности, письмо А. Жабицкого Я. Н. Яновскому от 22 января 1863 г. с обещанием выслать брошюру Бакунина. По-видимому, с ней ознакомился и З. Падлевский, что вызвало уже упоминавшееся его резкое требование «пресекать узурпацию Мерославского на каждом шагу». Как клевету и раскольничество поведение генерала расценили патриоты и в самой Польше: подпольная газета «Ruch» выступила против него в защиту Центрального Национального комитета. Полемика между Бакуниным и Мерославским привлекла внимание и заграничной общественности: Ф. Энгельс писал о ней К. Марксу 17 февраля 1863 г., верно подметив, что одной из главных причин является национализм в вопросе о границах. Важнейшим подтверждением того значения, какое имела схватка Бакунина с генералом, стал также огромный интерес и внимание к ней царской агентуры, которая сделала из нее собственные выводы и постаралась использовать в своих целях. Считая Мерославского опасным революционером, российские власти боялись его связи с «Колоколом», грозившей укреплением русско-польского революционного сотрудничества, и были рады способствовать разрыву отношений между ними. Агент III Отделения Ю. Балашевич-Потоцкий даже постарался целиком приписать себе заслугу возбуждения ссоры между генералом и Бакуниным, так как в анонимных письмах к последнему в декабре 1862 г. сообщал об интригах Мерославского против русских революционеров, обвинял его в доносах и предательстве. И хотя свои выступления против генерала Бакунин предпринял еще до получения этих писем, тем не менее, сам факт активной деятельности царских агентов, направленной на подрыв отношений между польской и русской революционной эмиграцией, говорил о том, какое значение придавало им российское самодержавие, как оно боялось революционного союза двух народов³¹⁶.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Период 1830–1863 гг. в истории польского народа был насыщен важными событиями и имел особое значение. Подавление российскими властями Ноябрьского восстания 1830–1831 гг. в Королевстве Польском стало причиной того, что тысячи поляков были вынуждены покинуть родину и на долгие годы обречь себя на нелегкую жизнь на чужбине. Это сыграло огромную роль как в судьбе самих эмигрантов, так и в истории польского народа в целом. Вместе с тем «Великая польская эмиграция» оставила яркий след в истории Европы, внося заметный вклад в ее общественную жизнь.

Уже первое появление польских повстанцев 1830–1831 гг. на территории европейских стран всюду способствовало общественному подъему, росту революционных настроений. Дело польской свободы приобретало, таким образом, международный резонанс, а сама польская эмиграция, воспринимавшаяся как воплощение героизма поляков в борьбе за свободу народа, становилась примером для других народов, оказывала влияние на их политическое развитие. Она играла роль фермента, придававшего новый импульс жизни европейского общества.

Это значение польской эмиграции как важного фактора общественной жизни Европы подтверждала вся история 30–60-х годов XIX века. На протяжении тридцатилетия польские эмигранты, основная масса которых находилась в тяжелых материальных условиях, тем не менее, оставались активными участниками политической борьбы и революционного движения, происходивших во Франции, Бельгии, Швейцарии, Германии, Австрии, Италии, Румынии, в славянских странах и на Востоке. В то же время они не оставляли мысли о Польше: не прекращались попытки различных эмигрантских организаций установить отношения с родиной как для проведения на польских землях патриотической пропаганды, так и для создания там тайных центров, нацеленных на революционную борьбу за национальное освобождение, для осуществления конкретной работы по подготовке к повстанческому выступлению.

Тридцатилетие, прошедшее между восстаниями 1830–1831 гг. и 1863–1864 гг. в Королевстве Польском, стало для польской эмиграции временем формирования и эволюционных преобразований. Она пережила сложный процесс внутреннего

развития, в результате чего произошло идейное размежевание различных эмигрантских течений и оформление политических структур. Наиболее благоприятные условия сложились для оформления консервативного крыла эмиграции, которое имело большие материальные возможности и более разветвленные связи в высших сферах тех государств, где концентрировались поляки. Поэтому консерваторы под руководством «фамилии» Чарторыских, обосновавшейся в Париже в Отеле Ламбер, название которого дало имя всей консервативной партии, сумели одними из первых создать свою организацию, разветвленную и крепкую, опиравшуюся на значительную сплоченность и единство в идейно-политическом отношении. Отель Ламбер, тесно связанный с помещичьим классом Польши, был заинтересован в сохранении в стране крупного землевладения, боялся революционных преобразований в польской деревне, социальной активизации крестьянства и перерастания национального восстания в социальную революцию. Поэтому он отвергал революционный путь освобождения Польши в ходе всеобщего восстания против трех разделивших ее держав, противопоставляя ему «дипломатический» путь: добиться при помощи западных держав восстановления Польского государства или хотя бы возвращения Королевству Польскому того статуса, который существовал в 1815–1831 гг. По этому пути Отель Ламбер, претендуя на роль вождя, стремился повести за собой польскую эмиграцию. Ожидая подходящего момента для осуществления своих «дипломатических» надежд и планов, консерваторы внимательно следили за развитием политических событий в Европе, проявляя постоянный интерес к возникавшим там «горячим точкам», к острым моментам, способным осложнить международную ситуацию и создать благоприятные условия для дипломатического или даже для военного вмешательства Запада в «польский вопрос». В связи с этим агенты Отеля Ламбера активно действовали на европейском Востоке — в Дунайской федерации и Турции, на Кавказе и на Балканах, вели пропаганду как среди христиан — славян, румын, греков, так и среди мусульманских народов.

Наряду с сильным и организованным аристократическим отрядом польской эмиграции существовала большая эмигрантская армия, принадлежавшая по своему социальному составу преимущественно к демократическим кругам. Это были выходцы из мелкопоместной и безземельной шляхты, мещанства, интеллигенции, а также и из крестьян; они представляли собой неорганизованную массу, объединенную только общими патриотическими устремлениями. В 1830-х годах происходила их идейно-политическая и организационная дифференциация: постепенно вырабатывались принципы и формулировались программы, и на этой основе кристаллизовались структуры, складывались партии и организации. Польское демократическое общество, Польский национальный комитет, Молодая Польша, Союз детей Люда Польского и ряд других организаций выступали под лозунгом подготовки к революционной борьбе за национальную независимость. Все они исповедовали демократические принципы, но в их позиции в той или иной степени проявлялась склонность к классовому солидаризму во имя национального единства в борьбе за свободу Польши. Вместе с тем

в демократическом лагере эмиграции возникли организации социалистического направления — Революционные громады, выдвигавшие утопическую программу «всевластия люда», «уравнивания социальных условий», утверждения социалистической собственности. Все они выступали под лозунгом подготовки к революционной борьбе за национальную независимость.

Общим для всех демократических течений польской эмиграции было неуклонное стремление к восстанию за освобождение Польши и ставка на участие в нем крестьянства. Эти идеи эмигранты несли в Польшу, рассчитывая подготовить там организованные силы для повстанческой борьбы, которая мыслилась как часть общего революционного выступления европейских народов. Основанием для таких надежд и планов служили международная ситуация, сложившаяся в 1830-е годы в Европе, происходившие в европейских странах революционные выступления, в которых участвовали и поляки. Одновременно польские эмигранты направляли вооруженные экспедиции в польские земли, стремясь создать там очаги революционной борьбы. Но в широком масштабе революционная, в том числе интернациональная деятельность демократической польской эмиграции развернулась позже, в 40-е годы XIX века. Опыт ее участия в Краковской революции 1846 г. способствовал дальнейшему идейному размежеванию в ее среде и росту социального радикализма ее «левого» крыла. Выступления же поляков на всех фронтах «Весны народов» 1848–1849 гг. — во Франции, Германии, Австрии, Венгрии, Италии продемонстрировали их интернационалистическую позицию, принесли им славу, уважение и благодарность жителей этих стран. Несмотря на то, что, героически сражаясь за свободу других народов, они всегда имели в виду цель освобождения Польши и восстановления независимого Польского государства, тем не менее, их вклад в дело европейской свободы был очень значителен, свидетельствуя о роли польской политической эмиграции как яркого явления и важного фактора общественной жизни Европы XIX века.

Участие поляков в европейской революционной борьбе 1840-х годов имело большое значение и для самой польской эмиграции: оно способствовало дальнейшей идейно-политической эволюции ее основных течений. В то же время перед демократической частью эмиграции постоянно стоял вопрос об объединении усилий и организационном сплочении. Попытки объединения и создания единого руководства предпринимались демократическим крылом эмиграции на протяжении 1840–1860-х годов вплоть до начала восстания 1863 г., но они не привели к результату. Причиной были расхождения в определении соотношения между социальными и национальными задачами будущего восстания, в выработке его политической линии и тактики. Не было согласия и в вопросе о союзниках, способных оказать помощь борьбе поляков. Демократы твердо рассчитывали на поддержку революционных народов Европы, но что касается надежд на европейские правительства, в частности, на французского императора, их разделяли далеко не все, и итоги Крымской войны, не принесшие никаких результатов для разрешения «польского вопроса», подтвердили правоту скептиков. Спор в среде демократической польской эмиграции шел и по вопросу о революционном союзе

с русским народом в борьбе против царизма. Радикальное крыло демократов последовательно выступало за идею союза, но значительную часть демократической эмиграции, делавшую акцент на первоочередное решение национальных задач, отпугивало социальное наполнение программы русских революционеров, «непредсказуемость» и опасность российской революции. Немалую роль играл и вопрос о судьбе так называемых забранных провинций, основное население которых составляли литовцы, белорусы и украинцы. На основе националистической позиции и в силу социальной ограниченности большинство в среде демократической польской эмиграции выступало за безусловное включение этих территорий, до 1772 г. входивших в шляхетскую Речь Посполитую, в состав будущей Польской республики, отвергая право населявших их народов самим решать свою судьбу. Лишь немногие «левые» демократы поддерживали выдвинутую русскими революционными демократами программу национального самоопределения народов и их идеи о федеративном устройстве освобожденной Польши и создании в будущем славянской федерации. Эти представители демократической польской эмиграции сыграли активную роль в развитии идеи русско-польского революционного союза и осуществлении практических шагов по его заключению, выступив посредниками в установлении контакта между русскими революционерами и Центральным Национальным комитетом, осуществлявшим подготовку вооруженного восстания в Королевстве Польском.

Русско-польское революционное сотрудничество стало обретать реальные черты уже в начале 1860-х годов в обстановке приближавшегося повстанческого взрыва. К нему вела революционная ситуация, сложившаяся в Королевстве Польском с конца 1850-х годов в связи с развернувшимся широким манифестационным движением. К этому времени завершился процесс идейно-политического размежевания эмиграции, окончательно оформились партии, выступавшие за восстание, так же, как и его противники. Отель Ламбер хотел избежать повстанческого взрыва или хотя бы отсрочить его, так как боялся участия в восстании крестьянских масс. Пути восстания он противопоставлял путь «органической работы» и все те же надежды на поддержку европейских правительств. Такая программа соответствовала позиции помещичьих кругов в Королевстве Польском и подтверждала тот факт, что эмиграция отражала сложившуюся на родине расстановку социальных сил и происходившую там напряженную политическую борьбу консервативного и революционного течений. Это означало, что основные партии польской эмиграции, окончательно определив свое отношение к вопросу о вооруженном восстании и связанным с ним проблемам (прежде всего, к крестьянскому и национальному вопросу, к проблеме революционного сотрудничества с Россией и Западом), завершив выработку стратегии и тактики, установили более тесный контакт с Польшей, выступив заграничными представителями интересов ее общественных сил.

Острота и актуальность политических проблем, стоявших перед польским освободительным движением, определяли неизбежность усиления на этом этапе политической борьбы в эмиграции, причем в лучшем положении оказывались те

группировки, где существовало более прочное единство, как, например, в аристократической партии Чарторыских. Демократическая эмиграция, несмотря на общую проповстанческую позицию, оставалась более разобщенной. Польскому демократическому обществу недоставало идейной и организационной сплоченности, мешали сектантские ошибки его руководства, оторванность его от эмигрантской массы. В отколовшемся от Польского демократического общества «умеренно-демократическом» Польском коло также существовали «левое» и «правое» крыло, причем «правица» нередко смыкалась с консерваторами. Выделившаяся из Польского коло в 1850-е годы партия Мерославского к началу восстания прошла путь от огромной популярности, главным образом, в среде молодежи, до существенной потери ее вождем авторитета и поддержки в демократических кругах Польши и эмиграции. Причиной стало то, что социальные лозунги и демократические декларации генерала, сопровождавшие его повстанческие призывы и увлекавшие массы в эмиграции и Польше, на поверку оказались революционной демагогией, а его двурушнические действия, раскол, который они вносили в ряды демократической эмиграции и патриотического лагеря в Польше, причинили серьезный ущерб делу подготовки восстания, а затем отразились и на самом развитии вооруженной борьбы.

В ходе восстания проявились и недостатки революционного крыла польской эмиграции, обнаружилось его слабость и непоследовательность, готовность к компромиссу и отступлению с принципиальных позиций ради поддержания «единства». Тем не менее, заслуги польской демократической эмиграции, прежде всего, ее «левого», революционного крыла, перед делом восстания 1863–1864 гг. и в целом перед Польшей были очень весомы. Хотя русско-польский революционный союз остался неосуществленным в восстании, но провозглашение революционной «левицей» лозунга союза имело большое значение для будущей борьбы поляков за свободу и независимость. Не менее важны были усилия демократической эмиграции в установлении контакта Центрального Национального комитета с деятелями европейского революционного движения, помощь, оказанная ею ЦНК в переговорах, имевших целью координацию планов совместного вооруженного выступления. Встав на службу Центральному Национальному комитету, демократы выполняли его задания по обеспечению материальных и людских ресурсов для грядущего восстания, осуществляли закупку и переправку на польскую территорию оружия и амуниции, вели пропаганду в армиях государств — участников разделов Польши, занимались военной организацией молодых эмигрантов, массово сосредоточившихся на землях Молдавии и Турции. Большие усилия демократической польской эмиграции были направлены на решение задачи подготовки военных кадров восстания. Ее заслугой являлось создание в Италии польской военной школы, через которую в общей сложности прошли более 500 человек. Все преподаватели и выпускники школы приняли непосредственное участие в восстании 1863–1864 гг., нередко выполняя важные организаторские функции. Все они отличились храбростью и мужеством в сражениях, а многие из них погибли, как герои, на поле боя или были казнены царскими властями.

На этом последнем этапе нашли выражение все особенности пути, пройденного польской политической эмиграцией за тридцать лет. Они стали результатом борьбы прогресса и реакции и складывались, прежде всего, под влиянием событий, происходивших на родине. Другим важным фактором была международная обстановка и развивавшееся в Европе революционное движение. Участие поляков в революционной борьбе европейских народов усиливало внимание прогрессивной общественности Запада к польским проблемам, обеспечивало ее поддержку борьбе польских патриотов за свободу своей страны. Для польской же эмиграции это участие явилось ценным революционным опытом и способствовало ее идейно-политическому развитию, помогло сформулировать программу и план борьбы за восстановление независимого Польского государства. Многие идеи, которые выкристаллизовались на Западе, были адаптированы польской эмиграцией, и она стремилась адресовать их польской общественности. Наряду с проведением идеологической пропаганды, эмигранты старались вести на родине организационную работу, создавая конспиративные ячейки и революционные центры, а в моменты революционных выступлений, имевших место на польских землях, пытались непосредственно ими руководить. В результате, несмотря на недостатки, слабость и ошибки польской демократической эмиграции, вклад ее и, прежде всего, ее радикального революционного крыла, в дело воскрешения Польши, завоевания свободы и независимости польского народа был очень важным и ценным, так как ее идейное и духовное влияние на Польшу явилось залогом развития освободительного движения польского народа в будущем. Значительна была и ее роль в развитии общественного движения в Европе: на определенных этапах революционной борьбы европейских народов она выступала как их верный союзник и сражалась в первых рядах. Поляки показали себя значимой революционной силой, являли пример мужества и патриотизма. Все это дало основание воспринимать существующий в историографии термин «Великая эмиграция» не только как определение большой численности польских эмигрантов, находившихся в Европе в 1830-х — начале 1860-х гг. Термин этот справедливо отражает роль и значение польской политической эмиграции как яркого феномена на фоне европейской действительности середины XIX века и действенного фактора развития общественной жизни в Польше и странах Европы в этот период.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Внешняя политика России XIX и начала XX века. Т. 17. М., 2005. С. 388, 541–542; *Nowak A.* Między carem a rewolucją. Studium politycznej wyobraźni i postaw Wielkiej Emigracji wobec Rosji 1831–1849. Warszawa, 1994. S. 94–95.

² Внешняя политика России... С. 412, 442, 453, 462–463, 650–651.

³ Там же. С. 484, 505, 534–535, 586.

⁴ Там же. С. 289; *Zdrada J.* Wielka emigracja po powstaniu listopadowym. Warszawa, 1987. S. 3.

⁵ Внешняя политика России... С. 491, 630; *Zdrada J.* Op. cit. S. 4. См. также: *Фалькович С.М.* Польский вопрос во взаимоотношениях России, Австрии и Пруссии накануне и в период восстания 1830 г. в Королевстве Польском // Россия, Польша, Германия: история и современность европейского единства в идеологии, политике и культуре. М., 2009.

⁶ Внешняя политика России... С. 457.

⁷ *Гогина К.П.* Отклики на польское восстание 1830–1831 гг. в чешских землях и Словакии // Национальные движения в Центральной Европе: сотрудничество и контакты. М., 1991. С. 28–39.

⁸ Внешняя политика России... С. 594–595.

⁹ Ze wspólnych walk demokratów polskich i niemieckich. Warszawa, 1957. S. 27–28.

¹⁰ *Kalemka S.* Wielka emigracja a społeczeństwa i rządy europejskie. Uwagi wstępne // Wielka emigracja i sprawa polska a Europa (1832–1864). Toruń, 1980. S. 7; *Zdrada J.* Op. cit. S. 5–7; *Bartkowski J.* Wspomnienia z powstania 1831 roku i pierwszych lat emigracji. Kraków, 1964. S. 145.

¹¹ Ze wspólnych walk... S. 30–32, 50.

¹² *Lelewel J.* Listy emigracyjne. T. I. Kraków, 1948. S. 11–12; *Szokalski W.F.* Wspomnienia z przeszłości. T. II. Wilno, 1921. S. 88–89, 96–97, 100–101.

¹³ Внешняя политика России... С. 594–595.

¹⁴ *Kieniewicz S.* Historia Polski. 1795–1918. Warszawa, 1969. S. 133; *Łukaszewicz W.* Wpływ masonerii, karbonaryzmu i Józefa Mazziniego na polską myśl rewolucyjną w latach poprzedzających Wiosnę Ludów. Warszawa, 1951. S. 170; *Heltman W.* Demokracja polska na emigracji. Lipsk, 1866. S. 56; *Zdrada J.* Op. cit. S. 11.

¹⁵ *Lewak A.* Ideologia polskiego romantyzmu politycznego a Mazzini. Warszawa, 1934. S. 9; *Mickiewicz W.* Emigracja polska (1860–1890). Kraków, 1908. S. 15, 132.

¹⁶ *Kukiel M.* Książę Adam. Warszawa, 1993. S. 115–117; *Król M.* Konserwatyści a niepodległość. Warszawa, 1985. S. 68–69.

¹⁷ *Bieliński J.* Żywoć księcia Adama Czartoryskiego. T. II. Kraków, 1905. S. 104–107, 112; *Giller A.* Historia powstania narodu polskiego w 1861–1864 rr. T. III. Paryż, 1867. S. 410, 412, 415; *Mickiewicz W.* Op. cit. S. 112; Album Muzeum Narodowego w Rapperswyllu. T. I. Lwów, 1872. S. 133; *Niemcewicz J. U.* Pamiętniki. Dziennik pobytu za granicą 1832–1834. T. I. Poznań, 1876. S. 143–146; *Handelsman M.* Francja – Polska 1795–1845. Warszawa, 1926. S. 229; *Idem.* Adam Czartoryski. T. II. Warszawa, 1953. S. 60; *Zdrada J.* Op. cit. S. 50–53, 56, 74–75.

¹⁸ *Stummer W.* Rola Literackiego Towarzystwa Przyjaciół Polski w kształtowaniu brytyjskiej opinii publicznej w sprawie polskiej (1832–1856) // Wielka emigracja i sprawa polska... S. 43–47; *Handelsman M.* Nicolas I-er et Czartoryski. Paris, 1932. P. 244–245; *Rostocki W.* Z badań nad kontaktami polsko-belgijskimi XIX wieku // Wielka emigracja i sprawa polska... S. 162–163, 176.

¹⁹ *Kieniewicz S.* Op. cit. S. 135–136; Roczniki polskie z lat 1857–1861. T. I. Paryż, 1865. S. 5–6; *Koberdowa I.* Polityka czartoryszczyzny w czasie powstania styczniowego. Warszawa, 1957. S. 39; *Jordan [Julian Wieniawski].* Kartki z mego pamiętnika. T. II. Warszawa, 1911. S. 129.

²⁰ *Lukaszewicz W.* Op. cit. S. 209; *Idem.* Tadeusz Krępowiecki: żołnierz rewolucjonista. 1798–1847. Warszawa, 1954. S. 35–36; *Heltman W., Janowski J. N.* Demokracja polska na emigracji. Warszawa, 1965. S. 303–304; *Mochnacki M.* O charakterze polskiej emigracji // «Pamiętnik emigracji». Paryż. № 1. 1.VII 1832.

²¹ Postępową publicystyką emigracyjną. 1831–1846. Wybór źródeł. Wrocław, 1961. S. 484–485; *Gadon L.* Emigracja polska. T. I. Kraków, 1902. S. 139–140; *Lukaszewicz W.* Wpływ... S. 209.

²² Discours de M. J. Lelevel. Paris, 1832; «Premiers lundis 1833». Paris, 1874. P. 231, 234; «Pielgrzym Polski». Paryż. 31.I 1831. S. 1; Postępową publicystyką... S. 10–12, 17–18, 23–28, 32–34, 41–59; *Serejski M. H.* Joachim Lelevel. 1786–1861. Sa vie et son oeuvre. Wrocław, 1961. P. 52, 54, 57–58; *Stummer W.* Op. cit. S. 65; *Nowak A.* Op. cit. S. 108; *Zdrada J.* Op. cit. S. 20.

²³ *Lukaszewicz W.* Tadeusz Krępowiecki... S. 39; *Zdrada J.* Op. cit. S. 17.

²⁴ Postępową publicystyką... S. 197–202, 222–228; Towarzystwo Demokratyczne Polskie. Dokumenty i pisma. Warszawa, 1954. S. 48; *Lukaszewicz W.* Tadeusz Krępowiecki... S. 42–43; *Idem.* Stanisław Gabriel Worcell. Warszawa, 1951. S. 29; *Młynarski Z.* U źródeł polskiej demokracji. Kraków, 1950. S. 77–79; *Heltman W., Janowski J. N.* Op. cit. S. 314–315; *Kalembka S.* Wielka emigracja. Polskie wychodztwo polityczne w latach 1831–1862. Warszawa, 1971. S. 121.

²⁵ Towarzystwo Demokratyczne Polskie... S. 15–22; *Heltman W., Janowski J. N.* Op. cit. S. 331, 323–324; *Śliwiński A.* Mickiewicz jako polityk. Kraków, 1908. S. 153.

²⁶ *Lukaszewicz W.* Wpływ... S. 214; *Zdrada J.* Op. cit. S. 22–23.

²⁷ *Kukiel M.* Op. cit. S. 123–124; *Gadon L.* Op. cit. T. III. S. 302–304; *Nowak A.* Op. cit. S. 90–92; *Zdrada J.* Op. cit. S. 17–18.

²⁸ *Heltman W., Janowski J. N.* Op. cit. S. 316–320.

²⁹ *Ibid.* S. 327; *Lukaszewicz W.* Wpływ... S. 227–228; *Gadon L.* Op. cit. T. II. S. 214–215; *Kieniewicz S.* Op. cit. S. 135; *Śliwiński A.* Op. cit. S. 45–48; *Zdrada J.* Op. cit. S. 17.

³⁰ *Lukaszewicz W.* Wpływ... S. 212; [*Heltman W.*] Emigracja polska od 1831 do 1863. Lipsk, 1865. S. 41–42; *Śliwiński A.* Op. cit. S. 78, 83.

³¹ Postępową publicystyka... S. 197–202, 216–229; *Łukaszewicz W.* Tadeusz Krępowiecki... S. 58–59; *Heltman W.*, *Janowski J.N.* Op. cit. S. 327–328; *Nowak A.* Op. cit. S. 127; *Zdrada J.* Op. cit. S. 34.

³² Discours de Thadée Krępowiecki prononcé à Paris le 29 novembre 1832, anniversaire de la révolution polonaise. Paris, 1833.

³³ *Łukaszewicz W.* Tadeusz Krępowiecki... S. 37; *Idem.* Stanisław Gabriel Worcell. S. 31; «Demokrata Polski». Paryż. 27.II 1847.

³⁴ *Łukaszewicz W.* Tadeusz Krępowiecki... S. 60, 65–66, 148, 150–152; *Idem.* Stanisław Gabriel Worcell. S. 30–31.

³⁵ *Niemcewicz J.U.* Pamiętniki 1831–1841. T. I. Poznań, 1876. S. 561; *Łukaszewicz W.* Tadeusz Krępowiecki... S. 65–66.

³⁶ *Colson F.* De la Pologne et des Cabinets du Nord. Paris, 1841. P. 163–164; *Łukaszewicz W.* Tadeusz Krępowiecki... S. 66–68.

³⁷ Postępową publicystyka... S. 84–85; *Łukaszewicz W.* Tadeusz Krępowiecki... S. 49–50; *Idem.* Wpływ... S. 216–217; Całoroczne trudy Komitetu Narodowego Polskiego na dniu 8 grudnia 1831 r. zawiązanego. Paryż, 1831–1833. S. 183; Ze wspólnych walk... S. 36–42; *Heltman W.* Demokracja polska... S. 56; *Wawrykowa M.* Powstanie frankfurckie i udział w nim Polaków // Z dziejów wojny i polityki. Warszawa, 1964. S. 65–66.

³⁸ *Darasz W.* Pamiętnik emigranta. Wrocław, 1953. S. 74–75; *Łukaszewicz W.* Wpływ... S. 219–220; *Idem.* Tadeusz Krępowiecki... S. 52–53; *Kieniewicz S.* Op. cit. S. 149; *Zdrada J.* Op. cit. S. 21.

³⁹ *Lelewel J.* Polska, jej dzieje i rzeczy jej. T. XX. Poznań, 1864. S. 135–143; *Lewak A.* Od związków węglarskich do Młodej Polski: dzieje emigracji i Legionu Polskiego w Szwajcarii w 1833–1834. Warszawa, 1920. S. 125; *Łukaszewicz W.* Wpływ... S. 232; *Nowak A.* Op. cit. S. 102–103, 106, 154.

⁴⁰ «Północ». Paryż. № 15. 16.IX 1835. S. 57–59; *Łukaszewicz W.* Wpływ... S. 234–236; *Nowak A.* Op. cit. S. 111, 159, 182–184.

⁴¹ *Darasz W.* Op. cit. S. 75; *Łukaszewicz W.* Wpływ... S. 254–256; Ze wspólnych walk... S. 50–53; *Limanowski B.* Historia demokracji polskiej. Warszawa, 1946. S. 320–321; *Gadon L.* Op. cit. T. III. S. 270–272; *Zdrada J.* Op. cit. S. 25, 27.

⁴² *Łukaszewicz W.* Wpływ... S. 238–239; *Kieniewicz S.* Op. cit. S. 149–150.

⁴³ *Kieniewicz S.* Op. cit. S. 150–151; *Dach K.* Polski demokratyczny ośrodek emigracyjny w Mołdawii w latach trzydziestych-czterdziestych XIX wieku i jego stosunki z miejscowym społeczeństwem // Wielka emigracja i sprawa polska... S. 107–108; Освободительные движения народов Австрийской империи. Возникновение и развитие. Конец XVIII в. — 1849. М., 1980. С. 159.

⁴⁴ *Łukaszewicz W.* Stanisław Gabriel Worcell. S. 36; *Limanowski B.* Stanisław Worcell. Kraków, 1911. S. 95.

⁴⁵ *Łukaszewicz W.* Tadeusz Krępowiecki. S. 77–79.

⁴⁶ *Ibid.* S. 73; *Idem.* Wpływ... S. 300–301; *Lewak A.* Ideologia... S. 9.

⁴⁷ «Demokrata Polski». 9.VII 1861; *Heltman W.*, *Janowski J.N.* Op. cit. S. 444–445.

⁴⁸ *Łukaszewicz W.* Wpływ... S. 250; *Kieniewicz S.* Op. cit. S. 136; *Kukiel M.* Op. cit. S. 125–126; *Król M.* Op. cit. S. 70–71; *Handelsman M.* Adam Czartoryski. T. I. S. 267, 277–283.

⁴⁹ *Kieniewicz S.* Op. cit. S. 136; *Król M.* Op. cit. S. 71–72, 74; *Gadon L.* Op. cit. T. III. S. 264–270; *Borkowski K.* Pamiętnik historyczny o wyprawie partyzanckiej do Polski w roku

1833. Lipsk, 1862. S. 147–167; «Kronika emigracji polskiej». Paryż. 15.IV 1834; *Берз* *Н.В.* Записки о польских заговорах и восстаниях. Т. I. Познань, 1883. С. 24; *Мочнацкий* *М.* Powstanie narodu polskiego w roku 1830–1831. Т. 2. Warszawa, 1984. S. 251; *Nowak* *А.* Op. cit. S. 131; *Zdrada* *J.* Op. cit. S. 65.

⁵⁰ *Łukaszewicz* *W.* Wpływ... S. 247–248, 257–258; *Kukiel* *М.* Op. cit. S. 124; *Zdrada* *J.* Op. cit. S. 19, 54–55.

⁵¹ *Łukaszewicz* *W.* Wpływ... S. 259–260.

⁵² *Ibid.* S. 261.

⁵³ *Ibid.* S. 262–263, 266–267.

⁵⁴ *Łukaszewicz* *W.* Tadeusz Krępowiecki... S. 88–90; *Idem.* Stanisław Gabriel Worcell. S. 33, 37; *Handelsman* *M.* Nicolas I-er... P. 244–246.

⁵⁵ *Łukaszewicz* *W.* Stanisław Gabriel Worcell. S. 38; *Idem.* Tadeusz Krępowiecki... S. 93, 96, 110, 115.

⁵⁶ *Lewak* *А.* Ideologia... S. 4; *Łukaszewicz* *W.* Wpływ... S. 290.

⁵⁷ *Łukaszewicz* *W.* Tadeusz Krępowiecki... S. 94; *Idem.* Wpływ... S. 292–293.

⁵⁸ *Idem.* Wpływ... S. 294–295; *Lewak* *А.* Ideologia... S. 7, Postępowa publicystyka... S. 71–74, 82–85; *Sokołowski* *S.* Młoda Polska. Wrocław, 1972. S. 145; *Barszczewska-Krupa* *А.* Reforma czy rewolucja. Koncepcja przekształcenia społeczeństwa polskiego w myśli politycznej Wielkiej Emigracji 1832–1863. Łódź, 1979. S. 148.

⁵⁹ *Łukaszewicz* *W.* Wpływ... S. 296–297.

⁶⁰ *Ibid.* S. 302; *Lewak* *А.* Insurrekcje. Warszawa, s. a. S. 239–245; *Kieniewicz* *S.* Op. cit. S. 150.

⁶¹ *Łukaszewicz* *W.* Wpływ... S. 300–301, 305–310; *Kieniewicz* *S.* Op. cit. S. 150–151; *Zdrada* *J.* Op. cit. S. 32–33.

⁶² *Heltman* *W.*, *Janowski* *J.N.* Op. cit. S. 387–391, 446; *Gadon* *L.* Op. cit. T. III. S. 19–25; *Kukiel* *М.* Op. cit. S. 124, 127; *Mochnacki* *М.* Pisma rozmaite, oddział porewolucyjny. Paryż, 1836. S. 451, 462.

⁶³ *Kieniewicz* *S.* Op. cit. S. 139–140.

⁶⁴ Postępowa publicystyka... S. 268, 438–448; *Łukaszewicz* *W.* Wpływ... S. 310, 314–315; *Zdrada* *J.* Op. cit. S. 43–44.

⁶⁵ *Kieniewicz* *S.* Op. cit. S. 140; *Heltman* *W.*, *Janowski* *J.N.* Op. cit. S. 5–7, 9–12, 31, 95.

⁶⁶ Postępowa publicystyka... S. 438–448; *Heltman* *W.*, *Janowski* *J.N.* Op. cit. S. 11, 14, 25, 38, 141; *Zdrada* *J.* Op. cit. S. 45–46.

⁶⁷ *Heltman* *W.*, *Janowski* *J.N.* Op. cit. S. 16–17, 53–56, 70, 138–139, 141–143, 259; «Demokrata Polski». Т. VI. 1843. S. 1.

⁶⁸ *Heltman* *W.*, *Janowski* *J.N.* Op. cit. S. 90–91, 149, 151, 153–155, 327, 347–348, 350–355, 361–362.

⁶⁹ *Ibid.* S. 156–157, 125, 145, 111, 113, 137, 356, 362–365.

⁷⁰ «Postęp». Paryż. № 1. 29.VII 1834; *Łukaszewicz* *W.* Tadeusz Krępowiecki... S. 164–167, 170–172.

⁷¹ Lud Polski. Wybór dokumentów. Warszawa, 1957. S. 57, 85, 115–116; *Młynarski* *Z.* Op. cit. S. 100–102; *Zdrada* *J.* Op. cit. S. 40.

⁷² Lud Polski w emigracji. 1835–1846. Jersej, 1854. S. 3–6; *Łukaszewicz* *W.* Tadeusz Krępowiecki... S. 100; *Idem.* Wpływ... S. 278; *Kalembka* *S.* Towarzystwo Demokratyczne Polskie 1832–1846. Toruń, 1966. S. 83.

⁷³ *Młynarski* *Z.* Op. cit. S. 91–92.

⁷⁴ Ibid. S. 83–86; Lud Polski. Wybór dokumentów. S. 58; *Zdrada J.* Op. cit. S. 40.

⁷⁵ *Młynarski Z.* Op. cit. S. 86–89; *Łukaszewicz W.* Wpływ... S. 279–280; Lud Polski. Wybór dokumentów. S. 57–58, 85, 115–116.

⁷⁶ *Szpołański S.* Lud Polski (z dziejów polskiej myśli socjalistycznej). Lwów, 1907. S. 17–27; *Łukaszewicz W.* Wpływ... S. 280.

⁷⁷ *Szpołański S.* Op. cit. S. 17–23; *Łukaszewicz W.* Wpływ... S. 280–281.

⁷⁸ *Szpołański S.* Op. cit. S. 23–27; *Łukaszewicz W.* Wpływ... S. 281.

⁷⁹ *Młynarski Z.* Op. cit. S. 93–98; *Kieniewicz S.* Op. cit. S. 142.

⁸⁰ Lud Polski w emigracji... S. 49–51; *Łukaszewicz W.* Tadeusz Krępowiecki... S. 112, 116; *Kieniewicz S.* Op. cit. S. 142; *Nowak A.* Op. cit. S. 176–177, 253; *Zdrada J.* Op. cit. S. 41–42.

⁸¹ *Stummer W.* Op. cit. S. 55–56; *Kukiel M.* Op. cit. S. 121.

⁸² *Łukaszewicz W.* Tadeusz Krępowiecki... S. 110–112.

⁸³ Ibid. S. 113–118, 120.

⁸⁴ Ibid. S. 121, 123; Lud Polski w emigracji... S. 139–143; *Zdrada J.* Op. cit. S. 42.

⁸⁵ *Łukaszewicz W.* Wpływ... S. 318–319; *Heltman W., Janowski J.N.* Op. cit. S. 90; Postępowa publicystyka... S. 321; *Zdrada J.* Op. cit. S. 47.

⁸⁶ *Mochacki M.* Dzieła. T. I. Poznań, 1863. S. 369–374; *Szpołański S.* Maurycy Mochacki. Kraków, 1910. S. 234–235; *Łukaszewicz W.* Wpływ... S. 320; *Heltman W., Janowski J.N.* Op. cit. S. 89–91, 96–97; «Sprawy emigracji». Bruksela. VIII 1837 – I 1838. Zeszyt 20. S. 152–153; «Polacy na tułactwie». Bruksela. I–XI 1838; *Giller A.* Op. cit. T. III. S. 407–408; *Nowak A.* Op. cit. S. 186–187, 254–255; *Zdrada J.* Op. cit. S. 67.

⁸⁷ *Kukiel M.* Op. cit. S. 127–130; *Colson F.* Op. cit. P. 219–224; *Zdrada J.* Op. cit. S. 66.

⁸⁸ *Heltman W., Janowski J.N.* Op. cit. S. 95, 97, 101, 107, 111, 121, 392, 394, 399–410, 520; *Zdrada J.* Op. cit. S. 66.

⁸⁹ *Heltman W., Janowski J.N.* Op. cit. S. 91, 106, 122; *Rostocki W.* Op. cit. S. 177–178; *Łukaszewicz W.* Wpływ... S. 324–325.

⁹⁰ *Łukaszewicz W.* Wpływ... S. 324–326; Lud Polski w emigracji... S. 203. Komisja przygotowawcza Gromady Grudziąż do Gromady Umań z dnia 19 maja 1840.

⁹¹ *Budzyński M.* Wspomnienia z mojego życia. T. I. Poznań, 1880. S. 261–262; *Łukaszewicz W.* Wpływ... S. 326–327, 333.

⁹² *Łukaszewicz W.* Wpływ... S. 327–330.

⁹³ Ibid. S. 331–332; «Orzeł biały». Bruksela. 15.XI 1839; Postępowa publicystyka... S. 330–336.

⁹⁴ *Łukaszewicz W.* Wpływ... S. 334–335; *Zdrada J.* Op. cit. S. 47.

⁹⁵ *Łukaszewicz W.* Wpływ... S. 335–336; *Heltman W., Janowski J.N.* Op. cit. S. 13–14; «Demokrata Polski». 14.XI 1840. S. 180; 10.I 1841. S. 219–221.

⁹⁶ *Alcyato J.* Kilka słów o wypadkach w roku 1846 z notatkami od roku 1831. Strasburg, 1850. S. 23; *Heltman W., Janowski J.N.* Op. cit. S. 106–107, 122; *Heltman W.* Demokracja polska... S. 54–55; *Kieniewicz S.* Op. cit. S. 151–155; *Młynarski Z.* Op. cit. S. 110–111, 115–117, 156–157; *Zdrada J.* Op. cit. S. 49.

⁹⁷ *Łukaszewicz W.* Wpływ... S. 337–338; *Heltman W.* Demokracja polska... S. 56–57; *Heltman W., Janowski J.N.* Op. cit. S. 70, 138–139, 142–143; «Demokrata Polski». 21.I 1841. S. 233–237; Postępowa publicystyka... S. 447–448, 465; *Zdrada J.* Op. cit. S. 47–49, 68–69.

⁹⁸ *Łukaszewicz W.* Wpływ... S. 338–339; «Demokrata Polski». 20.II 1840. S. 9–10; 21.I 1841. S. 233–237.

- ⁹⁹ Heltman W., Janowski J.N. Op. cit. S. 144, 146; Łukaszewicz W. Wpływ... S. 338–339; «Demokrata Polski». 31.III 1841. S. 259.
- ¹⁰⁰ Łukaszewicz W. Wpływ... S. 340–341.
- ¹⁰¹ Ibid. S. 340–342; «Dziennik narodowy». Paryż. № 43. 22.I 1842. S. 172.
- ¹⁰² Listy Joachima Lelewela. Oddział Pierwszy — Listy do rodzicielstwa pisane. T. II. Poznań, 1879. S. 168–169; Łukaszewicz W. Wpływ... S. 343.
- ¹⁰³ Łukaszewicz W. Wpływ... S. 343–347; «Orzeł biały». 31.VIII 1842.
- ¹⁰⁴ Łukaszewicz W. Wpływ... S. 348.
- ¹⁰⁵ Ibid. S. 347, 349–350; «Orzeł biały». 31.III 1843. S. 42–44; 26. VIII 1843. S. 78–79; 18.VIII 1845. S. 52.
- ¹⁰⁶ Бакунин М.А. Собрание сочинений и писем. 1828–1876. Т. 4. М., 1935. С. 110, 112; Борисёнок Ю.А. Михаил Бакунин и «польская интрига». 1840-е годы. М., 2001. С. 153–154; Nowak A. Op. cit. S. 189–191, 193–197, 199, 243, 248, 257; «Orzeł biały». 15.II 1840. S. 28; 10.VII 1840. S. 82; Lelewel J. Polska, jej dzieje... Т. XX. S. 275–278, 301–303; Russie pittoresque. Histoire et tableau de la Russie. Vol. 2. Paris, 1838. P. 278.
- ¹⁰⁷ Łukaszewicz W. Wpływ... S. 252–253, 355–357; «Orzeł biały». 24.IX 1844. S. 357; Nowak A. Op. cit. S. 194–197.
- ¹⁰⁸ Łukaszewicz W. Wpływ... S. 356; Nowak A. Op. cit. S. 149; Zdrada J. Op. cit. S. 11.
- ¹⁰⁹ Łukaszewicz W. Wpływ... S. 351–352; Lelewel J. Polska, jej dzieje... Т. XX. S. 387–397; «Orzeł biały». 20.VII 1843. S. 72.
- ¹¹⁰ Łukaszewicz W. Wpływ... S. 352.
- ¹¹¹ Ibid. S. 351–352, 357–358; Heltman W., Janowski J.N. Op. cit. S. 328.
- ¹¹² Łukaszewicz W. Wpływ... S. 358–360; Postępowa publicystyka... S. 516–522; «Demokrata Polski». 13, 24, 31.VIII 1844; 14.IX 1844; Zdrada J. Op. cit. S. 71.
- ¹¹³ Łukaszewicz W. Wpływ... S. 359–361; «Demokrata Polski». 24, 31.VIII, 14.IX 1844.
- ¹¹⁴ «Demokrata Polski». 4.I 1845. S. 87; «Dziennik narodowy». 20.I 1844. S. 589–590; Łukaszewicz W. Wpływ... S. 361–362.
- ¹¹⁵ Handelsman M. Adam Czartoryski. T. I. S. 291; [Czartoryski A.] Mowy księcia Adama Czartoryskiego od roku 1838–1847. Paryż, 1847. S. 16; Gadon L. Wielka emigracja w pierwszych latach po powstaniu listopadowym. Paryż. [1957–1960]. S. 406; Hahn H.H. Obraz Wielkiej emigracji w niemieckiej publicystyce sprzed Wiosny Ludów (1841–1847) // Wielka emigracja i sprawa polska... S. 75; Heltman W., Janowski J.N. Op. cit. S. 100; Kukiel M. Op. cit. S. 131–132, 139; Król M. Op. cit. S. 78–79; Zdrada J. Op. cit. S. 67; Борисёнок Ю.А. Указ. соч. С. 69–70.
- ¹¹⁶ Łukaszewicz W. Wpływ... S. 362–363.
- ¹¹⁷ Ibid. S. 363–364; Nowak A. Op. cit. S. 212; «Demokrata Polski». 22.II 1845. S. 113–114; Postępowa publicystyka... S. 538–547.
- ¹¹⁸ Młynarski Z. Op. cit. S. 143–144; Kieniewicz S. Op. cit. S. 161; Dach K. Op. cit. S. 109–111, 114; «Demokrata Polski». 15.VI 1843. S. 22; 6.XII 1845; 17.I 1846. S. 82–83, 109–110; Zdrada J. Op. cit. S. 68, 70–71, 73.
- ¹¹⁹ Hahn H.H. Op. cit. S. 69; Kieniewicz S. Op. cit. S. 161–163; Młynarski Z. Op. cit. S. 115–117, 144–146, 158–159.
- ¹²⁰ Młynarski Z. Op. cit. S. 117–122, 126–127; Kieniewicz S. Op. cit. S. 164–165; Dach K. Op. cit. S. 114–117.
- ¹²¹ Łukaszewicz W. Wpływ... S. 365–367; Kieniewicz S. Op. cit. S. 165; Heltman W., Janowski J.N. Op. cit. S. 48, 85; Zdrada J. Op. cit. S. 73.

¹²² «Dziennik narodowy». 31.III 1846; *Lukaszewicz W.* Wpływ... S. 364–365; *Kukiel M.* Op. cit. S. 129; *Król M.* Op. cit. S. 98; *Heltman W.*, *Janowski J.N.* Op. cit. S. 92.

¹²³ *Stummer W.* Op. cit. S. 48; *Groniowski K.* Problem rewolucji agrarnej w ideologii obozów politycznych w latach 1846–1870. Warszawa, 1957. S. 31–33; [*Trentowski B.*] *Ojczyźniak.* Wizerunki duszy narodowej. Paryż, 1847. S. 35; *Morawski F.* Odpowiedź na list szlachcica polskiego do Metternicha. Paryż, 1847. S. 18; *Krański Z.* Listy do Delfiny Potockiej. Poznań, 1938. S. 148; Listy Z. Krańskiego do Stanisława Małachowskiego. Kraków, 1885. S. 154–156, 159–160.

¹²⁴ *Hahn H.H.* Op. cit. S. 78–79; «Die Deutsche Zeitung». 8.VIII, 17.IX, 1.X 1847. №№ 39, 78 (79), 124; 14, 15.I 1848. №№ 14, 15.

¹²⁵ *Król M.* Op. cit. S. 99–101.

¹²⁶ *Morawski F.* Op. cit. S. 18; [*Trentowski B.*] Op. cit. S. 35; *Groniowski K.* Op. cit. S. 30; *Kieniewicz S.* Op. cit. S. 173; *Kukiel M.* Op. cit. S. 142; «Trzeci Maj». Paryż. 12.IX 1846. S. 345–347; *Nowak A.* Op. cit. S. 308, 349.

¹²⁷ «Demokrata Polski». 16.I 1847. S. 123–124; *Lukaszewicz W.* Wpływ... S. 367; *Nowak A.* Op. cit. S. 312.

¹²⁸ *Lukaszewicz W.* Wpływ... S. 367–369.

¹²⁹ Ibid. S. 368–370; *Groniowski K.* Op. cit. S. 37.

¹³⁰ *Groniowski K.* Op. cit. S. 40; *Lukaszewicz W.* Wpływ... S. 368–369; *Towiański A.* Piśma. Turyn, 1882. T. 1. S. 295; T. 3. S. 65, 73; *Герцен А.И.* Собрание сочинений в 30-ти томах. Т. X. М., 1956. С. 41; *Малютин Г.А.* Польский вопрос в русской общественно-политической мысли в 1830-е — начале 1860-х гг. СПб, 2013. С. 144. Подробнее см.: *Фалькович С.М.* Религиозные течения в польской эмиграции на фоне подъема национально-освободительного движения в Польше в 50–60-е годы XIX в. // *Studia Polonica.* К 70-летию В. А. Хорева. М., 2002. С. 53–59.

¹³¹ *Фалькович С.М.* Религиозные течения... С. 49–53; *Król M.* Op. cit. S. 167–169.

¹³² *Groniowski K.* Op. cit. S. 36–39; *Darasz W.* Op. cit. S. 116–117; «Demokrata Polski». 28.V, 7.XI, 5.XII 1846; 3, 12.VI, 9.XII 1847; «Przegląd». Kraków. 14.IX 1848. S. 11–12; *Борисёнок Ю.А.* Указ. соч. С. 70.

¹³³ *Kieniewicz S.* Op. cit. S. 176; *Mickiewicz W.* Żywot Adama Mickiewicza. T. IV. Poznań, 1890. S. 124–125, 162–163; *Król M.* Op. cit. S. 102; *Борисёнок Ю.А.* Указ. соч. С. 212.

¹³⁴ *Kieniewicz S.* Op. cit. S. 174; Европейские революции 1848 года. «Принцип национальности» в политике и идеологии. М., 2001. С. 287.

¹³⁵ Европейские революции... С. 193, 198; *Lukaszewicz W.* Stanisław Gabriel Worcell. S. 43; *Kieniewicz S.* Op. cit. S. 174; *Heltman W.*, *Janowski J.N.* Op. cit. S. 372–373, 385; «Demokrata Polski». 18.X 1847. S. 98; 16.VIII, 28.X, 11.XI 1848; [*Mieroslawski L.*] Débat entre la révolution et la contre-révolution en Pologne par quelqu'un qui ne dit que ce qu'il pense, mais qui ne peut pas dire tout ce qu'il pense. Leipzig, 1848. P. 88–89, 107; *Nowak A.* Op. cit. S. 317, 319.

¹³⁶ «Demokrata Polski». T. IX. 2.I 1847. S. 113–114; T. XII. 28.VII 1849. S. 121; «Dziennik Stanisławowski». 20.IX 1848. S. 49–52; «Przegląd». 21.IX 1848. S. 17–19; «Pamiętnik Towarzystwa Demokratycznego». T. 3. Paryż. 1843–1844. S. 84, 88–89, 207–208; «Orzeł biały». 14.II 1848. S. 84; *Lelewel J.* Polska, jej dzieje... T. XX. S. 542–543, 545; *Nowak A.* Op. cit. S. 218, 261, 313–315, 334, 353–354; *Борисёнок Ю.А.* Указ. соч. С. 89, 100–101.

¹³⁷ Karol Libelt. 1807–1875. Poznań, 1976. S. 74–75, 81–83; *Lelewel J.* Listy emigracyjne. T. 5. Wrocław, 1956. S. 202–203; «Demokrata Polski». 13.I 1849; *Nowak A.* Op. cit.

S. 332; Европейские революции... С. 209–210, 256; *Борисёнок Ю.А.* Указ. соч. С. 101, 238, 242–243; *Kieniewicz S.* Op. cit. S. 199.

¹³⁸ «Trzeci Maj». 25, 30.IX 1838, 11.XI 1840; *Kuk L.* Towarzystwo Słowiańskie w Paryżu w dobie «Wiosny Ludów» jako ośrodek propagowania spraw polskich i słowiańskich we Francji // Wielka emigracja i sprawa polska... S. 156, 163–169, 171, 173; *Batowski H.* Stosunki wzajemne Polaków i innych Słowian w dobie «Wiosny Ludów» // Pamiętnik VII Powszechnego zjazdu historyków polskich we Wrocławiu 19–22 września 1948. Warszawa, 1948. T. I. S. 308–310, 317; «La Pologne». Paryż. 1.IV 1848. S. 2; 3.II 1850. S. 1; «Przegląd rzeczy polskich». Paryż. 23.II, 15.V, 15.VI 1860; «Demokrata Polski». 29.VII 1848. S. 97; «Dziennik Stanisławowski». 13.IX 1848. S. 29–31; «Przegląd». 7.IX 1848; *Heltman W., Janowski J.N.* Op. cit. S. 266; *Nowak A.* Op. cit. S. 286–300, 331–333.

¹³⁹ «Dziennik Stanisławowski». 30.IX 1848. S. 65–69; «Przegląd». 14.XII 1848. S. 116–118; *Heltman W., Janowski J.N.* Op. cit. S. 159–161, 164, 170; «Przegląd rzeczy polskich». 23.II, 25.III, 11.VI 1860; *Kieniewicz S.* Op. cit. S. 191; *Parvev G.* Polscy emigranci i społeczeństwo bułgarskie w latach 1849–1850 // Wielka emigracja i sprawa polska... S. 182; *Dach K.* Op. cit. S. 117–118, 120–128; Европейские революции... С. 262. См. также: *Фалькович С.М.* Галицийская интеллигенция и власть в 1848 г. // Интеллигенция и власть. М., 1999.

¹⁴⁰ «Demokrata Polski». 8.XII 1848. S. 174; *Kieniewicz S.* Op. cit. S. 176, 196; *Nowak A.* Op. cit. S. 332–333.

¹⁴¹ *Kukiel M.* Op. cit. S. 142–143; *Śliwiński A.* Op. cit. S. 74–75, 127–131; *Kieniewicz S.* Op. cit. S. 197; Освободительные движения... С. 498–499; Европейские революции... С. 262–263; *Nowak A.* Op. cit. S. 321–322; *Zdrada J.* Op. cit. S. 63.

¹⁴² *Śliwiński A.* Op. cit. S. 132–136, 138–139, 162; *Kieniewicz S.* Op. cit. S. 197; Освободительные движения... С. 499; Европейские революции... С. 263; *Nowak A.* Op. cit. S. 323–325, 352.

¹⁴³ «La Tribune des Peuples». Paris. 15.III 1849. P. 2; 27.III 1849. P. 3; 6.IV 1849. P. 1; 4.V 1849. P. 3; 17.V 1849. P. 3; 4.VI 1849. P. 4; 7.VI 1849. P. 1; 10.VI 1849. P. 2; *Śliwiński A.* Op. cit. S. 164–165, 209, 223–226; *Kieniewicz S.* Op. cit. S. 197–198, 201–202; *Lewak A.* Ideologia... S. 11; *Mazzini J.* Scritti. Milano, 1864. P. 52–53; Освободительные движения... С. 498–499; Европейские революции... С. 262–263; *Nowak A.* Op. cit. S. 323–325, 352.

¹⁴⁴ *Dach K.* Op. cit. S. 129; *Kieniewicz S.* Op. cit. S. 200, 202–203; *Kukiel M.* Op. cit. S. 145; *Parvev G.* Op. cit. S. 182, 184–185, 188, 195; Освободительные движения... С. 497–498; Европейские революции... С. 262; *Желицки Б.Й., Желицки Ч.Б.* Венгерские эмиграционные волны и эмигранты (середина XIX — конец 50-х годов XX века). М., 2012. С. 34–35.

¹⁴⁵ *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Изд. 2-е. Т. 14. М., 1959. С. 137; Европейские революции... С. 263–265; *Борисёнок Ю.А.* Указ. соч. С. 266, 268–269; *Trentowski V.F.* Przedburza polityczna. Frejburg, 1848. S. 109; *Handelsman M.* Nicolas I-er... P. 243–244; *Kieniewicz S.* Op. cit. S. 200–201, 203; *Heltman W., Janowski J.N.* Op. cit. S. 1–2, 85, 129–130, 132, 373; Die Polen «Debatte» in der Frankfurter Paulskirche. Frankfurt/Main. 1995. S. 32–34; «Demokrata Polski». 9.VI 1849; *Nowak A.* Op. cit. S. 329.

¹⁴⁶ *Kukiel M.* Op. cit. S. 142–143; *Kieniewicz S.* Op. cit. S. 196; *Młynarski Z.* Op. cit. S. 169; Европейские революции... С. 265–266; *Nowak A.* Op. cit. S. 328–329.

¹⁴⁷ Европейские революции... С. 268–270, 275–276, 371, 383–384; *Kieniewicz S.* Op. cit. S. 203; *Kukiel M.* Op. cit. S. 134, 144–145; *Handelsman M.* Francaja — Polska... S. 235;

Idem. Adam Czartoryski. T. II. S. 87–88; *Cetnarowicz A.* Obóz Czartoryskiego a sprawa serbska w latach 1842–1843 w dawnej i nowszej historiografii // Wielka emigracja i sprawa polska... S. 135, 139, 144; *Nowak A.* Op. cit. S. 328; *Zdrada J.* Op. cit. S. 56–62. См. также: Библиотека Czartoryskich w Krakowie. 5387 III. K. 7.

¹⁴⁸ *Handelsman M.* Ukraińska polityka księcia Adama Czartoryskiego. Warszawa, 1937. S. 98–128; *Kukiel M.* Op. cit. S. 136, 143; *Lukaszewicz W.* Stanisław Gabriel Worcell. S. 44; *Trentowski B.F.* Przedburza polityczna. S. 37; *Krasiński Z.* Listy do Delfiny Potockiej. S. 28–29; *Groniowski K.* Op. cit. S. 32; *Król M.* Op. cit. S. 104; Европейские революции... С. 266, 279. См. также: *Tyrowicz M.* Polski kongres polityczny we Wrocławiu. Wrocław, 1946.

¹⁴⁹ *Kieniewicz S.* Op. cit. S. 202; *Milkowski Z.* Sylwety emigracyjne. Lwów, 1904. S. 9.

¹⁵⁰ *Podolecki J.* Co to jest rewolucja i jakie jest jej stanowisko. Paryż, 1849. S. 7, 9–10; *Mierosławski L.* Powstanie Poznańskie w roku 1845. Paryż, 1852. S. 78, 82, 154–155; *Groniowski K.* Op. cit. S. 40, 59–60, 63–64.

¹⁵¹ Rewolucja i Polska. Paryż, 1850. S. 19, 25; «Demokrata Polski». 3.XI 1852; *Groniowski K.* Op. cit. S. 68–69.

¹⁵² *Lukaszewicz W.* Stanisław Gabriel Worcell. S. 44–45; *Groniowski K.* Op. cit. S. 66–67, 69; «Demokrata Polski». 13.X, 7.XII, 29.XII 1852; 15.V, 15.VI 1854; Okólnik Centralizacji TDP. 28.I 1853.

¹⁵³ «Demokrata Polski». 16.III, 11.V, 25.V, 24.VIII, 31.VIII 1851; 13.X 1852; *Groniowski K.* Op. cit. S. 67–68.

¹⁵⁴ *Lewak A.* Ideologia... S. 12; *Lukaszewicz W.* Stanisław Gabriel Worcell. S. 45–46; «Demokrata Polski». 16.III 1853; «L'Homme». Jersey. 6.VI 1855; *Фалькович С.М.* Антигабсбургские планы польских, итальянских и венгерских революционеров в контексте национальных движений народов Австрийской империи в 50 – 60-е годы XIX в. // Национальное движение в Центральной Европе: сотрудничество и контакты. М., 1991. С. 184–185.

¹⁵⁵ *Lukaszewicz W.* Stanisław Gabriel Worcell. S. 47; «Demokrata Polski». 29.VI 1851.

¹⁵⁶ *Kieniewicz S.* Op. cit. S. 205; *Heltman W., Janowski J.N.* Op. cit. S. 418–419.

¹⁵⁷ *Heltman W., Janowski J.N.* Op. cit. S. 91, 376–377; *Stummer W.* Op. cit. S. 62; *Handelsman M.* Nicolas 1-er... P. 255, 257; «Demokrata Polski». 15.VI 1854.

¹⁵⁸ *Huard A.* Le réveil de la Pologne. Histoire de l'insurrection polonaise. Paris, 1864. P. 206–213; *Król M.* Op. cit. S. 138; *Heltman W., Janowski J.N.* Op. cit. S. 257–258.

¹⁵⁹ *Kieniewicz S.* Op. cit. S. 205–206; *Heltman W., Janowski J.N.* Op. cit. S. 374–376; «Demokrata Polski». 15.VI 1853; *Giller A.* Op. cit. S. 396–407; *Śliwiński A.* Op. cit. S. 227–230; *Фалькович С.М.* Антигабсбургские планы... С. 185.

¹⁶⁰ «Demokrata Polski». 31.X 1855; *Heltman W., Janowski J.N.* Op. cit. S. 447–448.

¹⁶¹ *Kieniewicz S.* Op. cit. S. 206; *Heltman W., Janowski J.N.* Op. cit. S. 327, 366–367, 370–371, 374–375; *Фалькович С.М.* Идеино-политическая борьба в польском освободительном движении 50 – 60-х годов XIX века. М., 1966. С. 56–57.

¹⁶² [*Zawadzki F.*] Co teraz robić? Czyli przelotny pogląd na terażniejszość i przyszłość Polski przez jednego z nieśpiących braci. Londyn, [1856]. S. 4–5, 7–14; *Groniowski K.* Op. cit. S. 75–76; *Фалькович С.М.* Идеино-политическая борьба... С. 108–109.

¹⁶³ *Knapowska W.* Gromada rewolucyjna Londyn // «Kwartalnik Historyczny». Warszawa, 1955. №2. S. 68, 71–75, 90–91; *Brock P.* Z dziejów Wielkiej emigracji w Anglii. Warszawa, 1958. S. 100–102; *Miller I.S.* Dokoła genezy Gromady Rewolucyjnej Londyn // «Przegląd Historyczny». Warszawa, 1959. №4. S. 827; *Кельсцев В.И.* Эмигрант Абиخت //

«Русский вестник». М. 1869. Т. 69. С. 234. См. также: *Фалькович С.М.* Левые течения в польской эмиграции накануне восстания 1863 г. // Русско-польские революционные связи 60-х годов и восстание 1863 г. М., 1962. С. 77–80; ГА РФ. Ф. 109. I эксп. 1858 г. Д. 294. Л. 52.

¹⁶⁴ *Brock P.* Op. cit. S. 99–100; *Miller I.S.* Op. cit. S. 829–830; *Фалькович С.М.* Левые течения... С. 83–84.

¹⁶⁵ *Groniowski K.* Op. cit. S. 77–78; *Lud Polski w emigracji...* S. 396–398; *Brock P.* Op. cit. S. 100; «*Wiadomości Polskie*». Paryż. 8.VIII 1857; *Фалькович С.М.* Левые течения... С. 77–78, 83, 85–86.

¹⁶⁶ *Brock P.* Op. cit. S. 81–82, 97–98, 101–102, 105; *Кнаповска W.* Op. cit. S. 72–73; «*Demokrata Polski*». 31.XII 1860; *Кельсиев В.И.* Указ соч. С. 241; ГА РФ. Ф. 109. I эксп. 1860 г. Д. 24. Л. 46–47.

¹⁶⁷ *Miller I.S.* Op. cit. S. 829–830; *Wojtkowski A.* *Plany powstańcze komunistów polskich w roku 1859* // «*Przegląd narodowy*». Warszawa, 1921. № 5. S. 571–574; *Brock P.* Op. cit. S. 100; *Фалькович С.М.* Левые течения... С. 85–86; ГА РФ. Ф. 109. I эксп. 1859 г. Д. 87. Л. 6.

¹⁶⁸ *Фалькович С.М.* Левые течения... С. 86–87; *Она же.* Идеино-политическая борьба... С. 115–116; ГА РФ. Ф. 109. I эксп. 1858 г. Д. 294. Л. 4; *Wojtkowski A.* Op. cit. S. 571–572; «*Demokrata Polski*». 30.IX 1858.

¹⁶⁹ *Guttry A.* *Pamiętniki.* Т. II. Poznań, 1891. S. 18–19, 21–22; *Кнаповска W.* Op. cit. S. 83; *Фалькович С.М.* Левые течения... С. 87–88; *Она же.* Идеино-политическая борьба... С. 116, 122–123; *Кельсиев В.И.* Указ. соч. С. 241; ГА РФ. Ф. 109. I эксп. 1860 г. Д. 24. Л. 54–55.

¹⁷⁰ *Kieniewicz S.* *Sprawa włościańska w powstaniu styczniowym.* Wrocław, 1953. S. 120; *Wojtkowski A.* Op. cit. S. 573; *Фалькович С.М.* Левые течения... С. 88–90; *Она же.* Идеино-политическая борьба... С. 116–118; ГА РФ. Ф. 109. I эксп. 1858 г. Д. 294. Л. 69–71.

¹⁷¹ *Guttry A.* Op. cit. S. 16, 18–19, 21; *Кнаповска W.* Op. cit. S. 85–86, 88–89; *Wojtkowski A.* Op. cit. S. 573–577, 581; *Brock P.* Op. cit. S. 107; *Фалькович С.М.* Идеино-политическая борьба... С. 118–120; *Она же.* Левые течения... С. 91–94.

¹⁷² *Фалькович С.М.* Идеино-политическая борьба... С. 120–122; *Она же.* Левые течения... С. 95–98; *Она же.* О польском восстании // «Исторический архив». М., 1962. № 4. С. 208–213; ГА РФ. Ф. 109. I эксп. 1858 г. Д. 204. Л. 108–111; 1859 г. Д. 87. Л. 23, 104–105; АВП РИ. Ф. Канцелярии. 1859 г. Д. 140. Л. 593–594; «*Wiadomości Polskie*». 26.V 1860. S. 73–80; 23.VI 1860. S. 96; *Brock P.* Op. cit. S. 107; *Wojtkowski A.* Op. cit. S. 570–571, 586–587.

¹⁷³ ГА РФ. Ф. 109. I эксп. 1860 г. Д. 24. Л. 54–55; *Фалькович С.М.* Левые течения... С. 98; *Она же.* Идеино-политическая борьба... С. 122–123; *Кнаповска W.* Op. cit. S. 87; *Wojtkowski A.* Op. cit. S. 571–572.

¹⁷⁴ *Фалькович С.М.* Левые течения... С. 99–101; *Она же.* Идеино-политическая борьба... С. 123–124; *Кельсиев В.И.* Указ. соч. С. 245; *Guttry A.* Op. cit. S. 25–26; «*Wiadomości Polskie*». 26.V 1860. S. 73–80; 23.VI 1860. S. 95; «*Przegląd rzeczy polskich*». 15.VI 1860. S. 32; «*Demokrata Polski*». 24.V 1860. S. 245–246, 250–251; *Brock P.* Op. cit. S. 92–93, 107; *Кнаповска W.* Op. cit. S. 93–94.

¹⁷⁵ *Mickiewicz W.* *Pamiętniki.* Warszawa; Kraków, 1926–1927. Т. I. S. 253; *Baranowski J.* *Pamiętniki 1840–1862.* Poznań, 1923. S. 193–194; *Szelągowski A.* *Polska, jej dzieje i kultura.* Т. III. Warszawa, 1932. S. 33; «Летописи марксизма». Кн. IV. М.; Л., 1927. С. 80.

¹⁷⁶ [Heltman W.] Emigracja polska... S. 78; *Milkowski* Z. Od kolebki przez życie. Т. II. Kraków, 1936–1937. S. 243–245, 248; *Mickiewicz* W. Emigracja polska (1860–1890). Kraków, 1908. S. 146; *Giller* A. Op. cit. Т. III. S. 404–405; *Ратч В. Ф.* Польская эмиграция до и во время последнего мятежа. Вильна, 1866. С. 359; *Герцен А. И.* Полное собрание сочинений и писем. Т. 9. Пг., 1919. С. 454; АВП РИ. Ф. Канцелярии. 1858 г. Д. 96. Л. 525; Д. 97. Л. 569–570; 1860 г. Д. 107. Л. 379а–381; *Малютин Г. А.* Указ. соч. С. 146–147; *Борисёнок Ю. А.* Указ. соч. С. 124. См. также: *Фалькович С. М.* Левые течения... С. 50–53.

¹⁷⁷ «Demokrata Polski». 30.IX, 15.XII 1859; АВП РИ. Ф. Канцелярии. 1858 г. Д. 96. Л. 526–529; Д. 97. С. 569–570; *Фалькович С. М.* Левые течения... С. 54–55.

¹⁷⁸ [Heltman W.] Emigracja polska... S. 42; *Huard* A. Op. cit. P. 206–207; «Demokrata Polski». 10.I 1860. S. 229; 30.IX 1860. S. 14; 9.XI 1861. S. 50–51; 19.IV 1862. S. 117; ГА РФ. Ф. 109. I эксп. 1859 г. Д. 87. Л. 182–190; 1860 г. Д. 24. Л. 7; АВП РИ. Ф. Канцелярии. 1858 г. Д. 96. Л. 530; *Фалькович С. М.* Левые течения... С. 56–57.

¹⁷⁹ «Demokrata Polski». 29.II 1860. S. 223, 233–234; 31.III 1860. S. 238; 31.VIII 1860. S. 10; 12.X 1861. S. 38; [Heltman W.] Emigracja polska... S. 119, 187–196, 202, 207; *Фалькович С. М.* Левые течения... С. 57–59.

¹⁸⁰ [Heltman W.] Emigracja polska... S. 119, 206–207, 290, 303; Listy emigracyjne Joachima Lelewela. Т. IV. Wrocław, 1954. S. 329–331; «Demokrata Polski». 28.II, 31.V, 15.VII, 15.X 1858; 25.XI 1859; 10.I 1860. S. 229; 24.VI 1860. S. 249; 28.IX 1861; АВП РИ. Ф. Канцелярии. 1858 г. Д. 96. Л. 526–530; *Фалькович С. М.* Левые течения... С. 59–64.

¹⁸¹ «Demokrata Polski». 24.VI 1860. S. 250–251; Listy emigracyjne Joachima Lelewela. Т. IV. S. 370; *Kieniewicz* S. Sprawa... S. 115; АВП РИ. Ф. Канцелярии. 1858 г. Д. 96. Л. 526–530; *Фалькович С. М.* Левые течения... С. 64–66.

¹⁸² *Łukaszewicz* W. Stanisław Gabriel Worcell. S. 46–47; Listy emigracyjne Joachima Lelewela. Т. IV. S. 159; Т. V. Wrocław, 1956. S. 227; *Lelewel* J. Polska, jej dzieje... Т. VII. Poznań, 1859. S. 625–626; *Герцен А. И.* Собрание сочинений в 30-ти томах. Т. XII. М., 1958. С. 72, 126–132, 513; *Малютин Г. А.* Указ. соч. С. 146–151.

¹⁸³ [Kamieński H.] X. Y. Z. Rosja i Europa. Polska // Wybór pism. Warszawa, 1953. S. 350; *Idem.* O prawdach żywotnych narodu polskiego. Bruksela, 1844. S. 405–406; *Groniozowski* K. Op. cit. S. 73; «Prawda». Berlin; Poznań, 1861. № 2. S. 75, 94–95; № 3. S. 97, 129, 251–253, 263–264; № 4–5. S. 153, 155–156, 235–237; № 6. S. 252–253, 265, 270–276; *Nowak* A. Op. cit. S. 215. Подробнее см.: *Фалькович С. М.* Газета «Правда» Генрыка Каменьского // Связи революционеров России и Польши. XIX — начало XX в. М., 1968. С. 248–257.

¹⁸⁴ «Demokrata Polski». 16.VII 1844. S. 62; 15.II, 31.V, 31.VIII 1858; 14.II 1859; 31.X 1860. S. 18; «Dziennik Stanisławowski». 2.IX 1848. S. 1; *Герцен А. И.* Полное собрание сочинений и писем. Т. 9. С. 340, 515, 517; *Фалькович С. М.* Левые течения... С. 66–68; *Nowak* A. Op. cit. S. 265, 333, 354–355.

¹⁸⁵ «Przegląd rzeczy polskich». 3.I 1858. S. 27; 14.X 1858. S. 22; 15.II 1859. S. 7, 10, 12–13, 16–20; 19.III 1859. S. 20–22; 28.I 1860. S. 3, 10; 1.IX 1861; 24.III 1862. S. 20; 3.V 1862. S. 2–3.

¹⁸⁶ «Przegląd rzeczy polskich». 1857. № 1. S. 11–12; 1.XII 1857. S. 20; 22.III 1858. S. 39; 14.X 1858. S. 17–18; 18.VI 1859. S. 17–19, 24, 29–30; 15.XI 1862. S. 2–3.

¹⁸⁷ «Przegląd rzeczy polskich». 24.III 1861. S. 25; 21.II 1862. S. 32; *Фалькович С. М.* Идейно-политическая борьба... С. 167–168.

¹⁸⁸ «Przegląd rzeczy polskich». 3.I 1858. S. 2; 1.V 1858. S. 13; 14.X 1858. S. 2–3, 5; 18.V 1859. S. 4; 3.VII, 10.X 1861; *Ślisz* A. Współpraca polskich i rosyjskich sił postępowych w

polskiej prasie emigracyjnej i konspiracyjnej lat 1859–1864 // Z dziejów współpracy rewolucyjnej Polaków i Rosjan w drugiej połowie XIX wieku. Wrocław, 1956. S. 29–30; *Milkowski Z.* Od kolebki... T. II. S. 238–239; *Idem.* W Galicji i na Wschodzie. Poznań, 1880. S. 40; ГА РФ. Ф. 109. I эксп. 1861 г. Д. 322. Л. 45–46; Д. 80. Л. 72.

¹⁸⁹ «Demokrata Polski». 9.XII 1847. S. 190; 18.XII 1847. S. 2; 21.I 1848. S. 19; 21.XII 1861. S. 71; «Trzeci Maj». 18.II 1847. S. 622; «Dziennik narodowy». 4.XII 1847. S. 1390–1391; «Przegląd rzeczy polskich». 10.X, 20.XI 1861; 24.III 1862. S. 15–17, 19–20, 25; 31.V 1862. S. 5; *Krasński Z.* Listy do Delfiny Potockiej. T. 3. Warszawa, 1975. S. 501; *Nowak A.* Op. cit. S. 313, 316; *Ślisz A.* Op. cit. S. 46–47; «Колокол». Лондон. 1.I, 1.X 1861; *Герцен А.И.* Собрание сочинений в 30-ти томах. Т. XI. М., 1957. С. 353; *Борисёнок Ю.А.* Указ. соч. С. 28–29, 37, 39, 42, 45, 143–155, 162, 167–168, 186, 187; *Малютин Г.А.* Указ. соч. С. 175–176; *Фалькович С.М.* Идеино-политическая борьба... С. 171.

¹⁹⁰ «Przegląd rzeczy polskich». 1.XII 1857. S. 11; 22.III 1858. S. 39; 10.XI 1858. S. 1, 6, 10–13, 15, 17–18, 21, 32, 34; 14.XI 1859. S. 4; 4.XII 1859. S. 51; 14.XII 1859. S. 1–6, 10, 19, 22, 24; 26.I 1860. S. 18; 15.VI 1860. S. 14–15; 30.VI 1860. S. 11; 1.IX 1860. S. 30; 25.IX 1860. S. 11–12, 15; 20.X 1860. S. 5, 7, 10, 12–13; 30.X 1860. S. 4; 15.X 1862. S. 7; *Mickiewicz W.* Pamiętniki. T. II. S. 263, 265–269.

¹⁹¹ «Przegląd rzeczy polskich». 1857. № 1. S. 14; 1.VI 1858. S. 11; 18.V 1859. S. 32; 16.VII 1859; 23.II 1860. S. 1; 29.IV 1860. S. 46; 15.V 1860. S. 8; 30.X 1860. S. 1; 27.I, 30.IV 1862; *Limanowski B.* Pamiętniki. Warszawa, 1937. S. 219–221; *Mickiewicz L.* Note sur l'état des choses en Pologne. Paris, 1862. P. 31–32; *Idem.* Emigracja polska... S. 12; *Milkowski Z.* Od kolebki... T. II. S. 235–236, 276–281; Т. III. S. 125; *Фалькович С.М.* Идеино-политическая борьба... С. 58, 74–76.

¹⁹² «Przegląd rzeczy polskich». 1.XII 1857. S. 5–6, 8–9, 14–15, 17; 16.VII 1859. S. 15; 16.XI 1859. S. 20–21, 29; 14.XII 1859. S. 3; 30.X 1860. S. 1; 31.XII 1860. S. 15, 17; *Milkowski Z.* W Galicji... S. 1–2, 14–15, 52–53; *Idem.* Od kolebki... T. II. S. 270, 272–273; *Szełagowski A.* Polska, jej dzieje i kultura. T. III. Warszawa, 1932. S. 302–303; *Guttry A.* Op. cit. S. 31–33; *Sokulski F.* W kraju i nad Bosforem. Wrocław, 1951. S. XIII; ГА РФ. Ф. 109. I эксп. 1861 г. Д. 80. Л. 72; *Фалькович С.М.* Идеино-политическая борьба... С. 77–80.

¹⁹³ «Wacznosc». Paryż. Z. 4. 15.V 1862. S. 4, 8, 27; Z. 5. 15.IX 1862. S. 12–19; Z. 6. S. 85; *Mierosławski L.* De la nationalité polonaise dans l'équilibre européen. Paris, 1862. P. 21, 42, 47, 50–52, 56, 66, 405, 406, 408, 433, 436, 449, 455; *Idem.* Pamiętnik (1861–1863). Warszawa, 1924. S. 25–27, 30, 64–65; *Tarnowski S.* Julian Klaczko. T. I. Kraków, 1904. S. 191; *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Т. 29. М., 1962. С. 61.

¹⁹⁴ «Wacznosc». 1862. Z. 1. S. 4–9, 17; Z. 2. S. 4–5, 19, 33–34; Z. 5. S. 12–19; Z. 6. S. 85; [*Mierosławski L.*] Instrukcja powstańcza. Paryż, 1862. S. 3, 12–13, 15–16, 32, 34–35; *Idem.* Pamiętnik... S. 25–27, 30, 78, 101, 175; *Idem.* Powstanie Poznańskie. S. 123, 127–128, 130; Polemiczna odpowiedź Mierosławskiego napaściom wymierzonym na Towarzystwo Demokratyczne. Paryż, 1869. S. 5–6; «Przegląd rzeczy polskich». 1.XII 1857. S. 26–27; 9.III 1859. S. 58; 18.VI, 14.XII 1859; *Limanowski B.* Kwestia narodowa i społeczna // Socjalizm, Demokracja, Patriotyzm. Kraków, 1902. S. 184–186; *Koźmian S.* Rok 1863. T. II. Warszawa, 1903. S. 68; *Kieniewicz S.* Sprawa... S. 116, 225–226, 241; «Московские ведомости». 13.XI 1863.

¹⁹⁵ *Mierosławski L.* Pamiętnik... S. 77, 93–94, 112; *Moller A.* Situation de la Pologne au 1-er janvier 1865. Paris, 1865. P. 240; *Limanowski B.* Historia powstania narodu polskiego. T. III. Lwów, 1909. S. 20, 126, 128; *Kieniewicz S.* Sprawa... S. 117, 228; *Halicz E.* Kwestia

chłopska w Królestwie Polskim w dobie powstania styczniowego. Warszawa, 1955. S. 188; «Московские ведомости». 13.XI 1863. С. 2.

¹⁹⁶ *Mierosławski L.* Pamiętnik... S. 49, 51; *Idem.* De la nationalité... P. 389, 423–425; «Васцно́сць». 1862. Z. 1. S. 5–6; *Mazurkiewicz W.* Emigracja polska w 1862 roku. Paryż, 1862. S. 7, 35; *Daniłowski W.* Notatki do pamiętników. Kraków, 1908. S. 167; *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Т. 29. С. 63; «Московские ведомости». 13. XI 1863. С. 2; АВП РИ. Ф. Канцелярии. 1862 г. Д. 109. Л. 323.

¹⁹⁷ «Demokrata Polski». 10.I 1860. S. 229; «Wiadomości Polskie». 19.II 1859; *Milkowski Z.* Od kolebki... Т. II. S. 250–251; *Tarnowski S.* Op. cit. Т. I. S. 177, 180–181, 202; *Mazurkiewicz W.* Emigracja... S. 13; *Limanowski B.* Pamiętniki. S. 223, 231; *Daniłowski W.* Op. cit. S. 147–148, 164–165; *Żychoński M.* Ludwik Mierosławski. Warszawa, 1963. S. 472–473, 475; ГА РФ. Ф. 109. I эксп. 1859 г. Д. 87. Л. 131.

¹⁹⁸ «Przegląd rzeczy polskich». 25.XI 1860. S. 2–3; *Mierosławski L.* Pamiętnik... S. 4–5, 7–8; *Guttry A.* Op. cit. Т. II. S. 50, 56; *Milkowski Z.* Od kolebki... Т. II. S. 241–242, 318; *Mazurkiewicz W.* Emigracja... S. 65–68; *Mickiewicz W.* Emigracja polska... S. 15; *Limanowski B.* Historia demokracji polskiej w epoce porozbiorowej. Т. III. Warszawa; Kraków, 1923. S. 87; *Daniłowski W.* Op. cit. S. 147–148; *Żychoński M.* Op. cit. S. 475; *Kieniewicz S.* Sprawa... S. 118–119; «Московские ведомости». 13.XI 1863. С. 2; *Белецкий А.* Сборник документов музея графа М. Н. Муравьева. Т. I. Вильна, 1906. С. 124–129; *Фалькович С. М.* Идейно-политическая борьба... С. 98–103.

¹⁹⁹ ГА РФ. Ф. 109. I эксп. 1860 г. Д. 24. Л. 4, 6, 13–14; Д. 48. Ч. 1. Л. 1; Д. 202. Л. 7; 1861 г. Д. 21. Л. 26; Российская национальная библиотека (далее РНБ). Отдел рукописей. Материалы для истории польского восстания 1863–1864 гг. Т. 9. Л. 140–141, 146; *Janczewski Z., Majewski K., Awejde O., Daniłowski W.* Zeznania śledcze o powstaniu styczniowym. Wrocław, 1956. S. 130, 194–196; *Mierosławski L.* Pamiętnik... S. 8–11; *Limanowski B.* Historia powstania... Т. III. S. 174; *Idem.* Pamiętniki. S. 220; *Milkowski Z.* Od kolebki... Т. II. S. 290; *Żychoński M.* Op. cit. S. 476, 479. См. также: *Фалькович С. М.* Идейно-политическая борьба... С. 105–107.

²⁰⁰ «Demokrata Polski». 18.V, 25.V 1851.

²⁰¹ *Фалькович С. М.* Идейно-политическая борьба... С. 12–13, 36; «Wiadomości Polskie». 19.III, 20.XI 1859; 5.V 1860; *Klaczko J.* Katechyzm nierycerski. Paryż, 1859. S. 19; *Tyrowicz M.* Op. cit. S. 133.

²⁰² *Klaczko J.* Op. cit. S. 35, 39–40.

²⁰³ *Huard A.* Op. cit. P. 207–213; «Wiadomości Polskie». 20.XI 1858; 20, 22.X 1859; 16.VI, 1.XII 1860; *Roczniki polskie...* Т. II. S. 457–460; Т. III. S. 75–76, 119, 142–143, 453–454, 459; Т. IV. S. 361; *Tyrowicz M.* Op. cit. S. 137–139.

²⁰⁴ «Wiadomości Polskie». 1.XII 1860; *Klaczko J.* Op. cit. S. 19; *Roczniki polskie...* Т. III. S. 224, 282, 306, 447, 457; Т. IV. S. 4–12; *Wołowski C.* Études sur la Pologne. Paris, 1863. S. 206–207; «Demokrata Polski». 15.XII 1858; *Heltman W., Janowski J. N.* Op. cit. S. 377.

²⁰⁵ *Listy Andrzeja Edwarda Koźmiana (1829–1864).* Т. IV. Lwów, 1896. S. 17, 19, 139, 167, 178, 575; *Mickiewicz W.* Emigracja polska... S. 14; *Idem.* Pamiętniki. Т. II. S. 297–298; *Фалькович С. М.* Идейно-политическая борьба... С. 30–33.

²⁰⁶ *Listy A. E. Koźmiana...* Т. IV. S. 203; *Roczniki polskie...* Т. IV. S. 188, 192, 445; «Wiadomości Polskie». 27.XI 1858; 27.X 1860; 1.XII 1860. S. 188; *Jenerał Zamojski (1803–1868).* Т. VI. Poznań, 1930. S. 299, 301; *Фалькович С. М.* Идейно-политическая борьба... С. 23–24, 29–30, 41, 144–145.

²⁰⁷ Listy A. E. Koźmiana... T. II. S. 58; Jenerał Zamojski... T. VI. S. 293; «Wiadomości Polskie». 7.V 1858; 22.XI 1859. S. 186; Roczniki polskie... T. II. S. 24, 321; T. III. S. 195, 448; T. IV. S. 90–91, 120, 188, 402; Statement of Polish affairs in 1863–1864 based on official documents addressed to the membres of both Houses of Parliament by Prince Czartoryski. London, 1864. P. X; *Mickiewicz W.* Emigracja polska... S. 7; *Feldman W.* Geschichte der politischen Ideen in Polen seit dessen Teilungen (1795–1914). München und Berlin, 1917. S. 197; *Фалькович С.М.* Идейно-политическая борьба... С. 10, 22–23.

²⁰⁸ Roczniki polskie... T. II. S. 24, 197, 199, 200, 206; T. III. S. 63, 75; «Wiadomości Polskie». 8.V 1858. S. 88; 7.V 1859. S. 81; *Limanowski B.* Historia demokracji... T. III. S. 57–58; *Фалькович С.М.* Идейно-политическая борьба... С. 18, 22.

²⁰⁹ Roczniki polskie... T. I. S. 46–47, 190, 240–241; T. III. S. 139–140, 457, 588; T. IV. S. 398, 501; «Wiadomości Polskie». 9.V 1857. S. 85–86; 1.XII 1860; *Tyszkiewicz T.* Écrits sur la Pologne contemporaine (1862–1864). Bruxelles, 1865. P. 201.

²¹⁰ «Wiadomości Polskie». 4.IV 1857. S. 64, 66–67; 11.IV 1857. S. 70–71; 11.IX 1858. S. 163; 26.III 1859. S. 54–56; 29.X 1859; Roczniki polskie... T. I. S. 168; T. III. S. 378–379, 405, 588; T. IV. S. 151–155; *Фалькович С.М.* Идейно-политическая борьба... С. 33, 41.

²¹¹ *Mickiewicz W.* Emigracja polska... S. 7; «Wiadomości Polskie». 14.XI 1857. S. 211; Roczniki polskie... T. I. S. 48; T. II. S. 195; T. III. S. 135; Mowa księcia Władysława Czartoryskiego miana na posiedzeniu Towarzystwa literacko-historycznego w Paryżu dnia 29 listopada 1861 r. Paryż, 1861. S. 11; *Фалькович С.М.* Идейно-политическая борьба... С. 29, 37.

²¹² «Wiadomości Polskie». 28.III 1857. S. 59–60; 9.VI 1857. S. 86–87; 1.V 1858. S. 79–84; 1.XII 1860. S. 188; Roczniki polskie... T. IV. S. 375, 415–416; *Lewak A.* Dzieje polskiej emigracji w Turcji. Warszawa, 1935. S. 144–150, 153–155; *Handelsman M.* Adam Czartoryski. T. III. S. 650–651; *Тренин В.* Полковник Лапинский и его мемуары // «Литературное наследство». Т. 41–42. М., 1941. С. 556; *Фалькович С.М.* Идейно-политическая борьба... С. 38–40. См. также: *Фалькович С.М.* Из истории польской эмиграции в Османской империи в конце 50-х – начале 60-х гг. XIX в. // Краткие сообщения Института народов Азии. Т. XXX. М., 1961.

²¹³ ГА РФ. Ф. 109. I эксп. 1861 г. Д. 21. Л. 95; Д. 154. Л. 37; АВП РИ. Ф. Канцелярии. 1861 г. Д. 88. Л. 433; «Przegląd rzeczy polskich». 6.IV, 3.VII 1861; Listy A. E. Koźmiana... T. IV. S. 252–254; *Czapka M.* Ludwika Śniadecka. Warszawa, 1958. S. 269; Adresse à Sa Majesté Alexandre II par un Polonais. Paris, 1861. P. 5, 7, 14–15; Kilka słów z powodu listu z kraju pod tytułem «Sprawa polska w 1861 r.» Paryż, 1862. S. 12, 15, 28, 36–37, 39; *Cierpliwość czy rewolucja.* Paryż, 1862. S. 5, 8–9, 11, 13, 16; *Towiański A.* Op. cit. T. 1. S. 153, 332–333; T. 3. S. 48, 96–98, 102–103, 130–131; *Dzwonkowski W.* Uwagi w kwestii włościańskiej, ruskiej i żydowskiej z powodu obecnych wypadków. Paryż, 1862. S. 9; «Колокол». Вып. 4. 1861. М., 1961. С. 790; *Малютин Г.А.* Указ. соч. С. 162–164, 166. См. также: *Фалькович С.М.* Идейно-политическая борьба... С. 127–128, 136.

²¹⁴ Listy A. E. Koźmiana... T. IV. S. 244, 246, 248, 252; Mowa księcia W. Czartoryskiego... 29 listopada 1861. S. 6–8; *Sokołowski A.* Dzieje powstania styczniowego 1863–1864. Berlin; Wiedeń, 1908. S. 15–16; *Lisicki H.* Le marquis Alexandre Wielopolski, sa vie et son temps. Vol. II. Vienne, 1880. P. 196–197; *Wołowski C.* Op. cit. S. 251–252; *Mickiewicz W.* Emigracja polska... S. 8; *Koźmian S.* Op. cit. T. II. S. 123; *Wereszycki H.* Anglia a Polska w latach 1860–1865 // Archiwum Towarzystwa naukowego we Lwowie. Dział II. T. X. Z. 3.

Lwów, 1934. S. 10, 23; *Koberdowa I.* Op. cit. S. 46, 77; ГА РФ. Ф. 109. I эксп. 1861 г. Д. 26. Л. 19. См. также: *Фалькович С.М.* Идеино-политическая борьба... С. 129–132.

²¹⁵ *Roczniki polskie...* Т. IV. S. 480; *Listy A. E. Koźmiana...* Т. IV. S. 138, 247, 250–251, 253–254, 389; *Czartoryski W.* Pamiętnik. 1860–1864. Warszawa, 1960. S. 37, 39, 63, 84, 89–90, 217, 219, 236–240, 250–251; *Koberdowa I.* Op. cit. S. 35–36, 211–220; *Фалькович С.М.* Идеино-политическая борьба... С. 132–135, 150–151.

²¹⁶ *Listy A. E. Koźmiana...* Т. IV. S. 264, 286, 332–333, 342; *Koźmian S.* Op. cit. Т. III. S. 213–214, 217–218; *Tyszkiewicz T.* Op. cit. P. 236–239; *Janowski J.N.* Moja korespondencja z księciem Wł. Czartoryskim, głównym agentem dyplomatycznym tajnego Rządu Narodowego. Paryż, 1864. S. 36–37; «Przegląd rzeczy polskich». 12.V 1861; «Demokrata Polski». 12.X 1861. S. 40; 26.X 1861. S. 43–44; 16.XI 1861. S. 54–55; ГА РФ. Ф. 109. I эксп. 1861 г. Д. 154. Л. 35; 1862 г. Д. 35. Л. 150; Секретный архив. Оп. 2. Д. 351. Л. 30; Коллекция нелегальных изданий. №№ 29498, 29500; *Фалькович С.М.* Идеино-политическая борьба... С. 136, 138–140.

²¹⁷ *Mowa księcia W. Czartoryskiego...* 29 listopada 1861. S. 8–9; «Demokrata Polski». 26.X 1861. S. 43; ГА РФ. Ф. 109. I эксп. 1861 г. Д. 154. Л. 255.

²¹⁸ «Demokrata Polski». 28.IX 1861. S. 34; 26.X 1861. S. 43–44; 9.XI 1861. S. 50–51; 16.XI 1861. S. 55; 23.XI 1861. S. 58; 7.XII 1861. S. 61; 14. XII 1861. S. 67–68; «Głos». Paryż. 3.V 1862. S. 7; «Przegląd rzeczy polskich». 20.XI 1861; «Waczość». 1862. Z. 1. S. 33.

²¹⁹ *Czartoryski W.* Op. cit. S. 40, 42–43, 93–94, 221, 229, 231–234, 236, 241, 245, 275, 277, 311; *Lewak A.* Dzieje polskiej emigracji w Turcji. S. 149, 155–156; АВП РИ. Ф. Канцелярии. 1860 г. Д. 107. Л. 413; Д. 151. Л. 253, 256–257; *Фалькович С.М.* Идеино-политическая борьба... С. 142–145.

²²⁰ *Фалькович С.М.* Идеино-политическая борьба... С. 146–148; *Герцен А.И.* Полное собрание сочинений и писем. Т. 15. Пг., 1920. С. 197; *Кельсиев В.И.* Исповедь // «Литературное наследство». Т. 41–42. М, 1941. С. 348–350; *Czartoryski W.* Op. cit. S. 67, 92, 227–228, 253–254; *Koberdowa I.* Op. cit. S. 51–52; *Wereszycki H.* Stosunki Hotelu Lambert z Hercenem i Bakuninem w przededniu powstania styczniowego // Sprawozdania Wrocławskiego Towarzystwa Naukowego. Т. 8. Wrocław, 1956. S. 69–71. См. также: «Przegląd Historyczny». Warszawa, 1957. № 2. S. 238–239, 241, 245–246.

²²¹ *Czartoryski W.* Op. cit. S. 89–90, 211; *Handelsman M.* Adam Czartoryski. Т. III. S. 681; *Koźmian S.* Op. cit. Т. II. S. 138; *Mazurkiewicz W.* Emigracja... S. 26–27; *Guttry A.* Op. cit. S. 65–78; АВП РИ. Ф. Канцелярии. 1862 г. Д. 109. Л. 228–229; *Фалькович С.М.* Идеино-политическая борьба... С. 148–153.

²²² *Kolumna Z.* Pamiętka dla rodzin polskich 1861–1866. Cz. I. Kraków, 1868. S. 13–14; *Knarowska W.* Op. cit. S. 96; *Kieniewicz S.* Sprawa... S. 241; *Przyborowski W.* Dzieje 1863 roku. Т. IV. Kraków, 1905. S. 82; АВП РИ. Ф. Канцелярии. 1861 г. Д. 88. Л. 433; ГА РФ. Ф. 109. I эксп. 1861 г. Д. 497. Л. 25; *Фалькович С.М.* Левые течения... С. 102–103; *Она же.* Идеино-политическая борьба... С. 256–257.

²²³ «Demokrata Polski». 28.IX 1861. S. 34–35; 2.XI 1861. S. 45–46; ГА РФ. Ф. 109. I эксп. 1861 г. Д. 21. Л. 48–49, 54; Д. 185. Л. 12; 1862 г. Д. 35. Л. 99а; *Mickiewicz W.* Emigracja polska... S. 146–148; *Фалькович С.М.* Левые течения... С. 104–105.

²²⁴ «Demokrata Polski». 12.X 1861. S. 37; 9.XI 1861. S. 51; 4.I 1862. S. 80; *Tyszkiewicz T.* Op. cit. P. 38; *Фалькович С.М.* Левые течения... С. 105.

²²⁵ «Demokrata Polski». 8.II 1862. S. 90; 1.III 1862. S. 97; 26.IV 1862. S. 123; *Mazurkiewicz W.* Emigracja... S. 52–55; [*Heltman W.*] Emigracja polska... S. 79; АВП РИ. Ф. Канцелярии. 1862 г. Д. 109. Л. 335; *Фалькович С.М.* Левые течения... С. 106–108.

²²⁶ «Waczość». 1862. Z. 3. S. 5–6; *Mazurkiewicz W.* Emigracja... S. 6, 9, 38, 48; *Mierosławski L.* Pamiętnik... S. 63; «Przegląd rzeczy polskich». 20.XI 1861; *Mickiewicz L.* Note sur l'état des choses en Pologne. P. 6; *Фалькович С.М.* Идейно-политическая борьба... С. 262–263, 167.

²²⁷ «Przegląd rzeczy polskich». 27.I 1862. S. 3–6, 8; «Demokrata Polski». 20.X 1861. S. 42; *Mazurkiewicz W.* Emigracja... S. 51; ГА РФ. Ф. 109. I эксп. 1861 г. Д. 154. Л. 279, 374.

²²⁸ [*Heltman W.*] Emigracja polska... S. 79; *Mickiewicz W.* Emigracja polska... S. 126; «Demokrata Polski». 7.XII 1861. S. 61; «Przegląd rzeczy polskich». 27.I 1862. S. 5–6, 73; 8.III 1862. S. 2–5; 16.V 1862. S. 7–10; *Koberdowa I.* Op. cit. S. 118; ГА РФ. Ф. 109. I эксп. 1862 г. Д. 35. Л. 100–101; АВП РИ. Ф. Канцелярии. 1862 г. Д. 71. Л. 329; *Фалькович С.М.* Идейно-политическая борьба... С. 173–175.

²²⁹ «Przegląd rzeczy polskich». 27.I 1862. S. 5–7; 8.III 1862. S. 2–5; 16.V 1862. S. 7–10; *Listy A. E. Koźmiana...* T. IV. S. 500; *Фалькович С.М.* Идейно-политическая борьба... С. 171–173; ГА РФ. Ф. 109. I эксп. 1862 г. Д. 35. Л. 58–59, 100–101.

²³⁰ *Mazurkiewicz W.* Emigracja... S. 50; *Guttry A.* Op. cit. T. II. S. 47–49, 59; *Sokolowski A.* Op. cit. S. 131; *Фалькович С.М.* Идейно-политическая борьба... С. 177–179.

²³¹ ГА РФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 422. Л. 141; РНБ. Отдел рукописей. Материалы... Т. 13. С. 130–131; «Przegląd rzeczy polskich». 16, 31. VIII 1862; *Mazurkiewicz W.* Emigracja... S. 58–64; *Mickiewicz W.* Emigracja polska... S. 24; *Koźmian S.* Op. cit. T. II. S. 111; «Głos wolny». Łondyn. 1.I 1863. S. 2–4; 10.I, 10.II 1863; [*Heltman W.*] Emigracja polska... S. 78–81; *Limanowski B.* Historia powstania... S. 123–124; *Ślisz A.* Op. cit. S. 32–35. О Главном комитете подробнее см.: *Фалькович С.М.* Левые течения... С. 111–116.

²³² *Koźmian S.* Op. cit. T. II. S. 111; «Głos wolny». 1.I 1863. S. 2–4; 10.I, 10.II 1863; [*Heltman W.*] Emigracja polska... S. 78–81; *Limanowski B.* Historia powstania... S. 123–124; *Koberdowa I.* Op. cit. S. 118; ГА РФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 422. Л. 141; *Патч В. Ф.* Указ. соч. С. 371–372.

²³³ «Głos wolny». 1.I 1863. S. 2–4; 1.II 1863. S. 17; [*Heltman W.*] Emigracja polska... S. 79–81; *Koźmian S.* Op. cit. T. II. S. 111; *Limanowski B.* Historia powstania... S. 123–124.

²³⁴ [*Heltman W.*] Emigracja polska... S. 79–82; «Głos wolny». 1.I 1863. S. 2–3, 5–6; 10.I 1863. S. 7; 20.I 1863; *Koźmian S.* Op. cit. T. II. S. 111; *Limanowski B.* Historia powstania... S. 123–124; *Патч В. Ф.* Указ. соч. С. 371–372.

²³⁵ АВП РИ. Ф. Канцелярии. 1862 г. Д. 111. Л. 11–12; РНБ. Отдел рукописей. Материалы... Т. 13. Л. 130–131; «Wytrwałość». Bruksela. 29.I 1865. S. 2; 21.V 1865. Dodatek do № 37; «Przegląd rzeczy polskich». 7.I 1863. S. 11–12, 14; [*Heltman W.*] Emigracja polska... S. 81; *Koberdowa I.* Op. cit. S. 118–119.

²³⁶ «Głos wolny». 10.I 1863. S. 5; 30.IV 1863. S. 44; 10.VIII 1863. S. 72; [*Heltman W.*] Emigracja polska... S. 81; *Janowski J.N.* Moja korespondencja z księciem Adamem Czartoryskim... S. 4.

²³⁷ «Wytrwałość». № 20. 29.I 1865; № 21. 5.II 1865; «Demokrata Polski». 20.I 1863; *Ślisz A.* Op. cit. S. 32–35; *Kieniewicz S.* Sprawa... S. 246; *Groniozowski K.* Problem rewolucji agrarnej w ideologii obozów burżuazyjno-demokratycznego i rewolucyjno-demokratycznego w Polsce w latach 1850–1864 // Z epoki Mickiewicza. Zeszyt specjalny «Przeglądu Historycznego» w rocznicę śmierci Adama Mickiewicza 1855–1955. Wrocław, 1956. S. 188–189.

²³⁸ ГА РФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 422. Л. 21, 31; Д. 396. Л. 92; АВП РИ. Ф. Канцелярии. 1862 г. Д. 111. Л. 390–391, 355; «Летописи марксизма». Кн. IV. С. 80, 84; «Przegląd rzeczy polskich». 7.I 1863. S. 3–4, 13; *Bobińska C.* Marks i Engels a sprawy polskie. Warszawa, 1955. S. 158; *Lewak A.* Włoskie stronnictwo ruchu wobec powstania styczniowego // «Kwartalnik Historyczny». Т. XXXVII. Warszawa, 1923. S. 361; *Szelągowski A.* Op. cit. Т. III. S. 306.

²³⁹ *Герцен А.И.* Полное собрание сочинений и писем. Т. 15. М., 1958. С. 561–562; АВП РИ. Ф. Канцелярии. 1862 г. Д. 109. Л. 534–536.

²⁴⁰ «Demokrata Polski». 28.XII 1861. S. 75; «Przegląd rzeczy polskich». 15.VII 1862. S. 52–53; ГА РФ. Ф. 109. I эксп. 1861 г. Д. 154. Л. 298; «Литературное наследство». Т. 61. М., 1958. С. 328; *Baumgarten L.* «Za naszą i waszą wolność» // «Wojsko ludowe». Warszawa, 1955. № 11. S. 42.

²⁴¹ «Demokrata Polski». 25.I 1862. S. 87–88; 3.V 1862. S. 125; 14.VI 1862; *Белявская И.М.* Польское национально-освободительное движение и Герцен (1860–е годы) // «Литературное наследство». Т. 64. М., 1958. С. 759; *Фалькович С.М.* Левые течения... С. 153.

²⁴² «Demokrata Polski». 8.III 1862. S. 101; 15.III 1862. S. 105–106; 5.IV 1862. S. 115; *Ślisz A.* Op. cit. S. 29–30; *Бакунин М.А.* Философия, социология, политика. М., 1989. С. 93–96.

²⁴³ «Wacność». 1862. Z. 6. S. 9–19; «Przegląd rzeczy polskich». 7.I 1863. S. 14.

²⁴⁴ «Przegląd rzeczy polskich». 7.I 1863. S. 3–13.

²⁴⁵ ГА РФ. Ф. 109. I эксп. 1861 г. Д. 154. Л. 477–478; «Demokrata Polski». 3.V, 14.VI 1862.

²⁴⁶ ГА РФ. Ф. 109. I эксп. 1861 г. Д. 154. Л. 450; Д. 95. Оп. 1. 1863 г. Л. 108, 158–167; Ф. 722. Оп. 1. Д. 369. Л. 2, 5; АВП РИ. Ф. Канцелярии. 1862 г. Д. 110. Л. 193–194; РНБ. Отдел рукописей. Материалы... Т. 9. Л. 217–218; «Przegląd rzeczy polskich». 28.VII 1862. S. 11; *Łukaszewski J.* Zabór pruski w czasie powstania styczniowego 1863–1864. Jassy, 1870. S. 260; *Janowski J.K.* Pamiętniki o powstaniu styczniowym. Т. III. Warszawa, 1931. S. 359–360. Подробнее об Обществе польской молодежи и польской военной школе в Италии см.: *Фалькович С.М.* Идейно-политическая борьба... С. 195–200, 209–218; *Она же.* Левые течения... С. 117–138.

²⁴⁷ *Gejsztor J.* Pamiętniki. Т. I. Wilno, 1913. S. 13; *Kieniewicz S.* Sprawa... S. 180; «Wacność». 1862. Z. 1. S. 23–24; ГА РФ. Ф. 109. I эксп. 1861 г. Д. 154. Л. 286; *Белецкий А.* Указ. соч. Т. 1. С. 124.

²⁴⁸ ГА РФ. Ф. 109. I эксп. 1861 г. Д. 304. Ч. 1. Л. 22; *Белецкий А.* Указ. соч. С. 126, 129; *Берг Н.В.* Указ. соч. Т. IV. С. 105–108; «Московские ведомости». 13.XI 1863; *Kozolubski J.* O prowadzeniu wojny 1863 г. // «Przegląd Historyczny». Т. 14. 1937–1938. S. 480–482; *Grabiec J.* Rok 1863. Poznań, 1913. S. 240; *Stanisław Z...* [Wrotnowski A.] Porozbiorowe aspiracje polityczne narodu polskiego. Kraków, 1883. S. 327.

²⁴⁹ *Белецкий А.* Указ. соч. С. 123, 126, 129; *Берг Н.В.* Указ. соч. Т. IV. С. 102–103; «Wacność». 1862. Z. 1. S. 4–9, 17; Z. 2. S. 4–5, 19, 33–34; Z. 5. S. 12–19; Z. 6. S. 85; *Mazurkiewicz W.* Emigracja... S. 67–68.

²⁵⁰ *Белецкий А.* Указ. соч. С. 123, 126, 129; ГА РФ. Ф. 109. I эксп. 1861 г. Д. 21. Л. 158; *Mazurkiewicz W.* Emigracja... S. 67–68; *Mierosławski L.* Pamiętnik... S. 11–12.

²⁵¹ *Белецкий А.* Указ. соч. С. 7, 125, 128, 177; *Подвысоцкий А.* Записки очевидца о событиях в Варшаве в 1861 и 1862 гг. СПб., 1869. С. 71; ГА РФ. Ф. 109. Секретный

архив. Оп. 2. Д. 358. Л. 3; I эксп. 1861 г. Д. 293. Л. 1, 9; *Kieniewicz S.* Sprawa... S. 134; *Rudzka W.* Karol Majewski w latach 1859–1864 // *Rozprawy historyczne Towarzystwa naukowego warszawskiego.* Т. XVII. Z. 2. Warszawa, 1937. S. 65.

²⁵² *Janczewski Z., Majewski K., Awejde O., Daniłowski W.* Op. cit. S. 212–213; *Mierosławski L.* Pamiętnik... S. 13–14; *Koźmian S.* Op. cit. Т. II. S. 138–139; *Kieniewicz S.* Sprawa... S. 148.

²⁵³ ГА РФ. Ф. 109. I эксп. 1861 г. Д. 299. Л. 16; *Mierosławski L.* Pamiętnik... S. 8–11; *Janczewski Z., Majewski K., Awejde O., Daniłowski W.* Op. cit. S. 212–213; *Rudzka W.* Op. cit. S. 62, 65; *Kieniewicz S.* Sprawa... S. 177.

²⁵⁴ *Rudzka W.* Op. cit. S. 63, 66–67, 85, 87; *Grabiec J.* Op. cit. S. 137; *Sokołowski A.* Op. cit. S. 118; *Mierosławski L.* Pamiętnik... S. 15–18; *Janczewski Z., Majewski K., Awejde O., Daniłowski W.* Op. cit. S. 224; *Giller A.* Op. cit. Т. II. S. 112, 118; *Awejde O.* Записки о польском восстании 1863 г. Т. III. Варшава, 1866. С. 85; *Берг Н.В.* Указ. соч. С. 340–341; РНБ. Отдел рукописей. Материалы... Т. 9. С. 215; ГА РФ. Ф. 109. I эксп. 1862 г. Д. 212. Л. 18.

²⁵⁵ *Złotorzycka M.* List Bronisława Szwarcego // «Przegląd Historyczny». Т. XLV. Z. 4. S. 761–763; *Niemojowski J.N.* Wspomnienia. Warszawa, 1925. S. 565; *Mierosławski L.* Pamiętnik... S. 125; *Witkowski J.* Powstanie 1863 r. i rosyjski ruch rewolucyjny w początku 1860-tych lat. Mińsk, 1931. S. 64; ГА РФ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 108. Л. 158.

²⁵⁶ АВП РИ. Ф. Канцелярии. 1862 г. Д. 109. Л. 321; 1861 г. Д. 123. Л. 319; *Giller A.* Op. cit. Т. I. S. 107–108; *Kieniewicz S.* Sprawa... S. 346; *Rawita-Gawroński F.* Rok 1863 na Rusi. Lwów, 1902. S. 44; *Koźmian S.* Op. cit. Т. I. S. 161.

²⁵⁷ РНБ. Отдел рукописей. Материалы... Т. 9. Л. 147; АВП РИ. Ф. Канцелярии. 1861 г. Д. 123. Л. 319; 1862 г. Д. 109. Л. 320–321, 363, 375; ГА РФ. Ф. 109. I эксп. 1861 г. Д. 154. Л. 337; *Rocznik Towarzystwa Historyczno-Literackiego w Paryżu.* Т. II. 1873–1878. Poznań, 1879. S. 274; *Mierosławski L.* Pamiętnik... S. 15–16; *Guttry A.* Op. cit. Т. II. S. 50–56; *Idem.* Pan Ludwik Mierosławski, jego dzieła i działania. Liège; Drezno, 1870. S. 4–5; *Mazurkiewicz W.* Emigracja... S. 14, 69–70.

²⁵⁸ АВП РИ. Ф. Канцелярии. 1861 г. Д. 88. Л. 498; Д. 123. Л. 319; ГА РФ. Ф. 109. I эксп. 1861 г. Д. 154. Л. 234, 303–304; 1862 г. Д. 35. Л. 22; *Wereszycki H.* Anglia a Polska... S. 17; «Demokrata Polski». 23.XI 1861. S. 59; *Mazurkiewicz W.* Emigracja... S. 69–70.

²⁵⁹ «Przegląd rzeczy polskich». 25.XI 1860. S. 2–3; «Demokrata Polski». 26.X 1861. S. 42; АВП РИ. Ф. Канцелярии. 1861 г. Д. 123. Л. 378–379; ГА РФ. Ф. 109. I эксп. 1861 г. Д. 21. Л. 26, 56–57; Д. 54. Л. 2; Д. 79. Л. 1; Д. 445. Л. 1–2; РНБ. Отдел рукописей. Материалы... Т. 9. Л. 217–218; *Milkowski Z.* W Galicji... S. 3; *Idem.* Od kolebki... Т. II. S. 290; *Reutt G.* Do legionów (Z notatek rodzinnych) // W czterdziestą rocznicę powstania styczniowego. 1863–1903. Lwów, 1903. S. 357–362; *Morawski K.* Polacy i sprawa polska w dziejach Italii w latach 1830–1866. Warszawa, 1937. S. 154–155; *Żychowski M.* Op. cit. S. 496; *Rogiński R.* Szkoła wojskowa polska we Włoszech // «Tygodnik ilustrowany». Warszawa, 1907. № 27. S. 548; № 28. S. 569.

²⁶⁰ «Demokrata Polski». 16.XI 1861. S. 55–56; «La Pologne». Bruxelles. 20.X 1863; *Mickiewicz W.* Emigracja polska... S. 16; *Rogiński R.* Op. cit. S. 569; *Rocznik Towarzystwa Historyczno-Literackiego w Paryżu.* Т. II. Poznań, 1873–1878. S. 421; *Sokołowski A.* Op. cit. S. 130; *Wilska S.* Pamiętniki o Ignacym Chmieleńskim. Wrocław, 1952. S. 85; *Przyborowski W.* Dzieje 1863 roku. Т. II. Kraków, 1899. S. 19; *Dunin-Wąsowicz K.* Zygmunt Padlewski // Z dziejów współpracy... S. 81; *Berg M.* Zapiski o polskich spiskach i powstaniach.

Warszawa, 1906. Cz. VII. S. 22; ГА РФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 408. Л. 73–74; *Фалькович С. М.* Идейно-политическая борьба... С. 200–201.

²⁶¹ *Mierosławski L.* Pamiętnik... S. 6–7, 28–29, 35; ГА РФ. Ф. 109. I эксп. 1861 г. Д. 154. Л. 63–64, 163, 263, 265, 470; 1862 г. Д. 35. Л. 45; 1863 г. Д. 108. Л. 30; АВП РИ. Ф. Канцелярии. 1862 г. Д. 109. Л. 110–111, 330–331, 363–364, 372, 497.

²⁶² ГА РФ. Ф. 109. I эксп. 1861 г. Д. 21. Л. 142–143; Д. 154. Л. 233; *Żychowski M.* Op. cit. S. 496; *Mierosławski L.* Pamiętnik... S. 18–23, 26, 32–35; *Morawski K.* Op. cit. S. 156–159, 161; *Milkowski Z.* Od kolebki... Т. II. S. 356; *Mickiewicz W.* Pamiętniki. Т. II. S. 203–204; *Idem.* Emigracja polska... S. 16–19; *Rogiński R.* Op. cit. S. 570; *Przyborowski W.* Dwie dyktatury // «Biblioteka Warszawska». 1914. Т. 2. З. 3. S. 432–433; «Demokrata Polski». 16.XI 1861. S. 55; «Przegląd rzeczy polskich». 27.I 1862. S. 15–16.

²⁶³ ГА РФ. Коллекция нелегальных изданий. № 29498; «Dziennik Poznański». 11.I 1862; «Demokrata Polski». 28.IX 1861. S. 35; 12.X 1861. S. 40; 9.XI 1861. S. 50; 14.XII 1861. S. 68; 19.IV 1862. S. 118; «Przegląd rzeczy polskich». 16.V 1862. S. 5; 15.VI 1862. S. 2; «Prawda». 1861. № 3. S. 113–115, 117, 119, 134; Sprawa polska w roku 1861. List z kraju. Paryż, 1862. S. 21–23, 25–27; *Dzwonkowski W.* Op. cit. S. 9; *Czartoryski W.* Op. cit. S. 225.

²⁶⁴ ГА РФ. Ф. 109. I эксп. 1861 г. Д. 154. Л. 151–154, 158–159, 163, 246–247; «Demokrata Polski». 23.XI 1861. S. 59; 28.XI 1861. S. 73; *Morawski K.* Op. cit. S. 159; *Żychowski M.* Op. cit. S. 504–508.

²⁶⁵ ГА РФ. Ф. 109. I эксп. 1861 г. Д. 154. Л. 163; 1862 г. Д. 35. Л. 16; Ф. 722. Оп. 1. Д. 408. Л. 53; АВП РИ. Ф. Канцелярии. 1862 г. Д. 109. Л. 109, 111, 114, 155, 356–357, 371, 375–376; Д. 110. Л. 218; *Morawski K.* Op. cit. S. 159, 164; *Szwałkowski A.* Op. cit. Т. III. S. 305; *Mierosławski L.* Pamiętnik... S. 5, 19–23, 33–34, 39, 56, 66, 77, 89.

²⁶⁶ ГА РФ. Коллекция нелегальных изданий. № 29550; Ф. 95. Оп. 1. 1863 г. Д. 108. Л. 158–167; Ф. 109. I эксп. 1861 г. Д. 154. Л. 418, 425; 1862 г. Д. 137. Ч. 1. Л. 1; РНБ. Отдел рукописей. Материалы... Т. 9. Л. 217; *Mierosławski L.* Pamiętnik... S. 27, 31–32, 56, 59, 64, 66; *Mickiewicz W.* Pamiętniki. Т. II. S. 203–204; «Głos z Paryża i Genui». Paryż. XI 1861. S. 10; «Prawda». 1861. № 2. S. 78; «Przegląd rzeczy polskich». 24.III 1862. S. 26; 28.VII 1862. S. 10; *Guttry A.* Pan Ludwik Mierosławski... S. 9; *Mazurkiewicz W.* Emigracja... S. 12, 21, 62–63; *Kolumna Z.* Op. cit. Cz. 1. S. 117–120; *Dunin-Wąsowicz K.* Op. cit. S. 80–82; *Żychowski M.* Op. cit. S. 502–504.

²⁶⁷ «Głos z Paryża i Genui». XI 1861. S. 1–11, 16; «Głos». Paryż. 3.V 1862. S. 3–6, 8–10.

²⁶⁸ «Głos z Paryża i Genui». XI 1861. S. 4, 7, 10, 13; «Głos». 3.V 1862. S. 3–10.

²⁶⁹ «Głos». 3.V 1862. S. 4, 12–14; *Lukaszewski J.* Zabór pruski w czasie powstania styczniowego 1863–1864. Jassy, 1870. S. 250, 252; *Szwałkowski A.* Op. cit. Т. III. S. 365; ГА РФ. Ф. 109. Секретный архив. Оп. 2. Д. 408. Л. 27; *Павлуцев Н. И.* Седмицы польского мятежа // Сочинения. Т. 4. СПб, 1887. С. 140.

²⁷⁰ АВП РИ. Ф. Канцелярии. 1862 г. Д. 110. Л. 379–383; Д. 111. Л. 178–179; ГА РФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 422. Л. 93; *Giller A.* Op. cit. Т. II. S. 209; *Limanowski B.* Powstanie narodowe 1863 i 1864 г. Lwów, 1900. S. 60–61; «Głos z Paryża i Genui». 29.XI 1861; «Wacność». 1862. Z. 3. S. 52–55; *Ślisz A.* Op. cit. S. 51–52; *Werfel R.* Demokracja rosyjska a powstanie 1863 roku // «Nowe widnokregi». М., 1941. № 1. S. 202–203; Русско-польские революционные связи. Т. I. М., 1963. С. 44.

²⁷¹ ГА РФ. Ф. 109. I эксп. 1861 г. Д. 154. Л. 477–478; Д. 165. Л. 83; 1863 г. Д. 23. Ч. 1. Л. 158; Ф. 722. Оп. 1. Д. 369. Л. 3–4; «Летописи марксизма». Кн. IV. С. 85–86;

Русско-польские революционные связи... Т. I. С. 48–49; *Берг Н.В.* Указ. соч. С. 124; *Mickiewicz W.* Pamiętniki. Т. II. S. 204–220, 323; *Idem.* Emigracja polska... S. 18; *Mazurkiewicz W.* Emigracja... S. 22–23, 72–73, 75–77; Listy A. E. Koźmiana... Т. IV. S. 430.

²⁷² *Mierosławski L.* Pamiętnik... S. 19; Dokumenta urzędowe do dziejów organizacji jeneralnej powstania narodowego w latach 1863 i 1864. Paryż, 1864. S. 113; *Mazurkiewicz W.* Emigracja... S. 23, 25, 27, 77–79; *Morański K.* Op. cit. S. 160; *Mickiewicz W.* Pamiętniki. Т. II. S. 206; АВП РИ. Ф. Канцелярии. 1862 г. Д. 109. Л. 497, 499–501, 508–509; Д. 110. Л. 46; *Dunin-Wąsowicz K.* Op. cit. S. 82; ГА РФ. Ф. 109. I эксп. 1862 г. Д. 35. Л. 87; РНБ. Отдел рукописей. Материалы... Т. 9. Л. 217–218. См. также: *Фалькович С.М.* Идейно-политическая борьба... С. 220–223.

²⁷³ *Mickiewicz W.* Emigracja polska... S. 16–19; «Przegląd rzeczy polskich». 16.V 1862. S. 3–4, 15.XI 1862. S. 2–7, «Głos». 3.V 1862. S. 3, АВП РИ. Ф. Канцелярии. 1862 г. Д. 110. Л. 104–105; *Фалькович С.М.* Идейно-политическая борьба... С. 223–224.

²⁷⁴ «Głos». 3.V 1862. S. 13–14; *Dunin-Wąsowicz K.* Op. cit. S. 82–84; *Morański K.* Op. cit. S. 162; *Mickiewicz W.* Pamiętniki. Т. II. S. 220–223, 226–235, 380–381; *Idem.* Emigracja... S. 16–19; Listy A. E. Koźmiana... Т. IV. S. 569; «La Pologne». 20.XII 1863. S. 9; «Waczość». 1862. Z. 3. S. 59; Z. 5. S. 80–81, 83–87; «Przegląd rzeczy polskich». 15.VI 1862. S. 1; 30.VI 1862. S. 2–3; 28.VII 1862. S. 10, 12; 15.IX 1862. S. 26; ГА РФ. Ф. 109. I эксп. 1862 г. Д. 137. Ч. 5. Л. 1; Ф. 95. Оп. 1. Д. 438. Л. 123–124; 1863 г. Д. 108. Л. 158–167; Ф. 722. Оп. 1. Д. 369. Л. 3; Д. 395. Л. 106; Д. 408. Л. 71–72; Д. 422. Л. 249; АВП РИ. Ф. Канцелярии. 1862 г. Д. 111. Л. 393; Русско-польские революционные связи. Т. I. С. 128–130; РНБ. Отдел рукописей. Материалы... Т. 9. Л. 217–218; Российская государственная библиотека (далее — РГБ). Ф. 169. Д. 25. Л. 64–65; *Берг Н.В.* Указ. соч. Т. IV. С. 124–125. См. также: *Фалькович С.М.* Идейно-политическая борьба... С. 224–229.

²⁷⁵ *Фалькович С.М.* Идейно-политическая борьба... С. 230–232.

²⁷⁶ АВП РИ. Ф. Канцелярии. 1862 г. Д. 110. Л. 102, 105; Д. 111. Л. 58, 393; Д. 109. Л. 536; РНБ. Отдел рукописей. Материалы... Т. 9. Л. 218; Т. 14. Л. 18; ГА РФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 422. Л. 248–249, 274, 334; Д. 415. Л. 51, 79–80; Ф. 547. Д. 58. Л. 4–6; Секретный архив. Оп. 2. Д. 394. Л. 1; Ф. 109. I эксп. 1862 г. Д. 35. Л. 37; [*Przyborowski W.*] Historia sześciu miesięcy. Warszawa, 1904. S. 198–199, 319–320; *Lukaszewski J.* Op. cit. S. 251–252, 270–271; *Limanowski B.* Historia powstania... S. 159; *Rudzka W.* Op. cit. S. 87; *Janczewski Z., Majewski K., Awejde O., Daniłowski W.* Op. cit. S. 100; *Dunin-Wąsowicz K.* Op. cit. S. 85; *Langiewicz M.* Relacje o kampanii własnej w r.1863 // «Kwartalnik Historyczny». Lwów, 1905. Z. 2. S. 244–250; *Milkowski Z.* W Galicji... S. 12; *Awejde O.* Указ. соч. Т. III. С. 156. См. также: *Фалькович С.М.* Идейно-политическая борьба... С. 248–249.

²⁷⁷ *Lewak A.* Dzieje emigracji polskiej w Turcji. S. 159–160; *Milkowski Z.* W Galicji... S. 5–10, 12, 22–23; *Moliński J.* Przygotowania do wybuchu powstania styczniowego (w okresie luty 1861 – początek stycznia 1863) // Studia i materiały do historii wojskowości. Т. VIII. Cz. 2. Warszawa, 1962. S. 115–116; *Павлицев Н.И.* Указ. соч. Т. 5. С. 32; *Awejde O.* Показания и записки о польском восстании 1863 г. М., 1961. С. 486; *Он же.* Записки... Т. III. С. 176–177; ГА РФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 395. Л. 21, 38, 108–110, 124–129; Д. 415. Л. 16, 31–32, 42–43, 51; Д. 416. Л. 24; Д. 420. Л. 263; Д. 421. Л. 26–29; Ф. 109. I эксп. 1862 г. Д. 1. Ч. 13. Л. 4; Д. 1. Ч. 22. Л. 2–3; Д. 35. Л. 37; Д. 137. Ч. 2. Л. 3; Ч. 3. Л. 2; 1863 г. Д. 69. Л. 2.

²⁷⁸ АВП РИ. Ф. Канцелярии. 1862 г. Д. 110. Л. 57, 187–188, 448; Д. 111. Л. 394, 397; ГА РФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 422. Л. 209, 211.

²⁷⁹ АВП РИ. Ф. Канцелярии. 1862 г. Д. 110. Л. 98, 390; ГА РФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 422. Л. 64, 70, 74; *Герцен А. И.* Полное собрание сочинений и писем. Т. 15. С. 365, 367; Русско-польские революционные связи. Т. I. С. 524–525; *Berg M.* Op. cit. Cz. VI. S. 46. См. также: *Фалькович С. М.* Левые течения... С. 159–183.

²⁸⁰ Вольная русская поэзия второй половины XIX века. Л., 1959. С. 149–150; АВП РИ. Ф. Канцелярии. 1862 г. Д. 111. Л. 180–182, 397; Д. 118. Л. 700; *Герцен А. И.* Полное собрание сочинений и писем. Т. 15. С. 601; «Литературное наследство». Т. 41–42. М., 1941. С. 64; *Белявская И. М.* Указ. соч. С. 771–772; *Фалькович С. М.* Идеино-политическая борьба... С. 243–244.

²⁸¹ Русско-польские революционные связи. Т. I. С. 49–50, 540, 546, 549–550; АВП РИ. Ф. Канцелярии. 1862 г. Д. 110. Л. 494; «Przegląd rzeczy polskich». 30.IX 1862. S. 11; 15.X 1862. S. 4–6; 15.XI 1862. S. 1–5, 7–8; 7.I 1863. S. 51.

²⁸² «Przegląd rzeczy polskich». 16.VIII 1862. S. 5; *Kieniewicz S.* Sprawa... S. 227; ГА РФ. Ф. 109. Оп. 1. 1862 г. Д. 23. Ч. 7. Л. 29.

²⁸³ АВП РИ. Ф. Канцелярии. 1862 г. Д. 111. Л. 218–219, 352; 1863 г. Д. 118. Л. 33–34; ГА РФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 422. Л. 248; РНБ. Отдел рукописей. Материалы... Т. 9. С. 219; *Герцен А. И.* Собрание сочинений в 30-ти томах. Т. XXVII. М., 1963. С. 259; *Mickiewicz W.* Pamiętniki. Т. II. S. 171, 173; «Przegląd rzeczy polskich». 15.VI 1862; 15.VII 1862. S. 45; 16.VIII 1862; 31.VIII 1862; 30.IX 1862. S. 3, 11; 15.X 1862. S. 1–8; 17.I 1863. S. 34; *Czartoryski W.* Op. cit. S. 312, 316; *Wereszycki H.* Stosunki Hotelu Lambert... // Sprawozdania... Т. 8. S. 72–73; *Idem.* Stosunki Hotelu Lambert... // «Przegląd Historyczny». 1957. № 2. S. 252–253; *Berg M.* Op. cit. Cz. V. S. 83.

²⁸⁴ *Jenerał Zamojski...* Т. VI. S. 401; *Mickiewicz W.* Emigracja... S. 23–24, 37; *Lisicki H.* Op. cit. Vol. II. P. 346; *Wereszycki H.* Stosunki Hotelu Lambert... // «Przegląd Historyczny». 1957. № 2. S. 257.

²⁸⁵ *Jenerał Zamojski...* Т. VI. S. 401; *Lisicki H.* Op. cit. Vol. II. P. 312; *Idem.* Domowe sprawy. Kraków, 1880. S. 62; АВП РИ. Ф. Канцелярии. 1862 г. Д. 110. Л. 440.

²⁸⁶ *Listy A. E. Koźmiana...* Т. IV. S. 554, 577; *Koźmian S.* Op. cit. Т. II. S. 287; *Jenerał Zamojski...* Т. VI. S. 403–405; *Czartoryski W.* Op. cit. S. 106–108, 287, 289–291; ГА РФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 422. Л. 108, 142.

²⁸⁷ ГА РФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 422. Л. 157, 159, 209; «Przegląd rzeczy polskich». 30.IX 1862. S. 3; *Berg M.* Op. cit. Cz. V. S. 60; *Wołowski C.* Op. cit. P. 206–207; *Koberdowa I.* Op. cit. S. 38, 56; *Koźmian S.* Op. cit. Т. III. S. 215.

²⁸⁸ ГА РФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 222. Л. 73; АВП РИ. Ф. Канцелярии. 1862 г. Д. 111. Л. 347–348; *Koberdowa I.* Op. cit. S. 38–39.

²⁸⁹ «Głos wolny». 10.I 1863. S. 8; *Listy A. E. Koźmiana...* Т. IV. S. 546–547.

²⁹⁰ *Brock P.* Op. cit. S. 40, 142; «Литературное наследство». Т. 41–42. С. 461, 557.

²⁹¹ ГА РФ. Ф. 109. I эксп. 1862 г. Д. 35. Л. 17–19.

²⁹² Там же. Л. 16–19, 22; [*Breański F.*] *Jenerała Feliksa Breańskiego autobiografia.* Kraków, 1914. S. 86–87; *Czartoryski W.* Op. cit. S. 104, 262, 270–271, 279–280; *Czapska M.* Op. cit. S. 269; *Lewak A.* Dzieje... S. 161–162.

²⁹³ ГА РФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 395. Л. 105, 123, 129; Д. 415. Л. 39–40, 47–48; Д. 416. Л. 21, 27–28; [*Breański F.*] Op. cit. S. 87–88; *Lukasik S.* Pologne et Roumanie. Paris, 1938. P. 91.

²⁹⁴ ГА РФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 415. Л. 39–40; Д. 421. Л. 26; Д. 425. Л. 56; *Кельсцев В. И.* Исповедь. С. 364; «Литературное наследство». Т. 62. М., 1955. С. 170–188;

Русско-польские революционные связи. Т. I. С. 561–562; «Летописи марксизма». Кн. V. М.; Л., 1928. С. 59–64, 69; *Wereszycki H.* Stosunki Hotelu Lambert... // «Przegląd Historyczny». 1957. № 2. S. 253, 255–256, 258; *Idem.* Stosunki Hotelu Lambert... // «Sprawozdania...». Т. 8. S. 71–72; *Czartoryski W.* Op. cit. S. 109, 227–228, 311–312, 928.

²⁹⁵ ГА РФ. Ф. 109. I эксп. 1862 г. Д. 35. Л. 206–207; Listy A. E. Koźmiana... Т. IV. S. 251, 321; *Wereszycki H.* Stosunki Hotelu Lambert... // «Przegląd Historyczny». 1957. № 2. S. 249, 257–259; *Idem.* Stosunki Hotelu Lambert... // «Sprawozdania...». Т. 8. S. 74; *Koberdowa I.* Op. cit. S. 48–49.

²⁹⁶ «Летописи марксизма». Кн. IV. С. 88; Кн. V. С. 60, 65, 69; *Стеклов Ю.* Михаил Александрович Бакунин, его жизнь и деятельность. Т. 2. М.; Л., 1927. С. 207; *Wereszycki H.* Stosunki Hotelu Lambert... // «Przegląd Historyczny». 1957. № 2; S. 252–253; *Idem.* Stosunki Hotelu Lambert... // «Sprawozdania...». Т. 8. S. 72–73; *Czartoryski W.* Op. cit. S. 312–316.

²⁹⁷ *Janowski J. N.* Pamiętniki... Т. III. S. 374; *Koźmian S.* Op. cit. Т. I. S. 171; *Mierosławski L.* Pamiętnik... S. 59, 87; АВП РИ. Ф. Канцелярии. 1862 г. Д. 110. Л. 105; Д. 111. Л. 112; ГА РФ. Ф. 109. I эксп. 1861 г. Д. 154. Л. 418. См. также: *Фалькович С. М.* Идеино-политическая борьба... С. 274.

²⁹⁸ ГА РФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 422. Л. 47; РГБ. Ф. 129. К. 5. Ед. хр. 8. Л. 21; АВП РИ. Ф. Канцелярии. 1862 г. Д. 109. Л. 356, 362; «*Wacznosc*». 1862. Z. 1. S. 2; Z. 3. S. 11, 24–25, 30; Z. 5. S. 30–31; Z. 6. S. 53; *Morawski K.* Op. cit. S. 163, 166; *Mickiewicz W.* Emigracja... S. 148–150; *Limanowski B.* Historia powstania... S. 126; *Janczewski Z., Majewski K., Awejde O., Daniłowski W.* Op. cit. S. 129; [*Przyborowski W.*] Historia sześciu miesięcy. S. 193; *Koźmian S.* Op. cit. Т. II. S. 110–111; *Mazurkiewicz W.* Emigracja... S. 38; *Mierosławski L.* Pamiętnik... S. 101–102. См. также: *Фалькович С. М.* Идеино-политическая борьба... С. 274–276.

²⁹⁹ «*Wacznosc*». 1862. Z. 5. S. 33–34; Z. 6. S. 90–93; *Фалькович С. М.* Идеино-политическая борьба... С. 276–277.

³⁰⁰ *Фалькович С. М.* Идеино-политическая борьба... С. 277–279; «*Wacznosc*». 1862. Z. 1. S. 1; Z. 6. S. 4–9; [*Mierosławski L.*] Instrukcja powstańcza. S. 8–20, 36–41, 45, 47–48, 60–61; [*Idem*]. Pamiętnik... S. 12, 56.

³⁰¹ *Mierosławski L.* De la nationalité... P. 385; [*Idem*]. Instrukcja powstańcza. S. 13, 15; *Guttry A.* Pan Ludwik Mierosławski... S. 8; *Milkowski Z.* Od kolebki... Т. II. S. 290, 318, 375–376; «*Wacznosc*». 1862. Z. 2. S. 5–6; Z. 3. S. 32–34, 37; Z. 6. S. 4–9; *Рамч В. Ф.* Указ. соч. С. 374; ГА РФ. Ф. 109. Секретный архив. Оп. 2. Д. 252. Л. 100.

³⁰² *Rudzka W.* Op. cit. S. 87; *Daniłowski W.* Op. cit. S. 146–151, 163; [*Przyborowski W.*] Historia sześciu miesięcy. S. 194; *Giller A.* Op. cit. Т. I. S. 41; *Mierosławski L.* Pamiętnik... S. 55; *Limanowski B.* Historia powstania... S. 147–149; *Niemojowski J. N.* Op. cit. S. 499–500; *Устимович М.* Заговоры и покушения на жизнь наместника Е. И. В. в Царстве Польском. Варшава, 1870. С. 87; *Авейде О.* Записки... Т. 3. С. 85, 94; *Павлищев Н. И.* Указ. соч. Т. 4. С. 107; АВП РИ. Ф. Канцелярии. 1862 г. Д. 109. Л. 153–154; Д. 110. Л. 159; ГА РФ. Ф. 109. I эксп. 1862 г. Д. 351. Л. 122; Д. 165. Л. 83; Ф. 722. Оп. 1. Д. 422. Л. 70–73; *Фалькович С. М.* Идеино-политическая борьба... С. 280–282.

³⁰³ *Фалькович С. М.* Идеино-политическая борьба... С. 283–284; *Устимович М.* Указ. соч. С. 149; *Подвысоцкий А.* Указ. соч. С. 122–123; *Kieniewicz S.* Warszawa w powstaniu styczniowym. Warszawa, 1954. S. 144–145; *Limanowski B.* Historia powstania...

S. 147–149; *Grabiec J.* Op. cit. S. 219; *Janczewski Z., Majewski K., Awejde O., Daniłowski W.* Op. cit. S. 32, 101–102; *Berg M.* Op. cit. Cz. V. S. 82; [*Przyborowski W.*] Historia sześciu miesięcy. S. 196–197, 228; *Daniłowski W.* Op. cit. S. 149–151; *Mierosławski L.* Pamiętnik... S. 67.

³⁰⁴ *Mierosławski L.* Pamiętnik... S. 66–67, 184; *Przyborowski W.* Dzieje 1863 roku. T. II. S. 34, 433; *Koźmian S.* Op. cit. T. II. S. 305; *Szwarc B.* Założenie Komitetu Centralnego w r. 1862 // W czterdziątą rocznicę... S. 445; *Janczewski Z., Majewski K., Awejde O., Daniłowski W.* Op. cit. S. 25, 101–102; *Struś [Stella-Sawicki J.]* Ludzie i wypadki z 1861–1865. Cz. II. Lwów, 1894. S. 170; *Герцен А.И.* Полное собрание сочинений и писем. Т. 16. Пг., 1920. С. 19; *Павлищев Н.И.* Указ. соч. Т. 4. С. 140, 170; *Фалькович С.М.* Идеино-политическая борьба... С. 284–285; ГА РФ. Ф. 109. I эксп. 1862 г. Д. 579. Л. 1, 3; Секретный архив. Оп. 2. Д. 351. Л. 60; Ф. 722. Оп. 1. Д. 385. Л. 159–161; Д. 408. Л. 72; Д. 422. Л. 73, 274–275; РНБ. Отдел рукописей. Материалы... Т. 9. Л. 218; Архивные материалы Муравьевского музея. Т. I. Вильна, 1913. С. 185.

³⁰⁵ *Mierosławski L.* Pamiętnik... S. 64–65, 68, 87–88; *Устимович М.* Указ. соч. С. 87; «Летописи марксизма». Кн. IV. С. 78; *Фалькович С.М.* Идеино-политическая борьба... С. 286.

³⁰⁶ *Kieniewicz S.* Warszawa... S. 144–145; *Awejde O.* Записки... Т. III. С. 156–158.

³⁰⁷ *Guttry A.* Pan Ludwik Mieroslawski... S. 12; *Idem.* Pamiętniki. Т. II. S. 81; *Koźmian S.* Op. cit. T. II. S. 310; *Daniłowski W.* Op. cit. S. 148–149, 151; *Janczewski Z., Majewski K., Awejde O., Daniłowski W.* Op. cit. S. 32–33, 144; [*Przyborowski W.*] Historia sześciu miesięcy. S. 230–231; *Limanowski B.* Historia powstania... S. 152–153. См. также: *Фалькович С.М.* Идеино-политическая борьба... С. 287–288.

³⁰⁸ *Фалькович С.М.* Идеино-политическая борьба... С. 299; [*Przyborowski W.*] Historia sześciu miesięcy. S. 232; *Daniłowski W.* Op. cit. S. 151; *Limanowski B.* Historia powstania... S. 152–153; *Janczewski Z., Majewski K., Awejde O., Daniłowski W.* Op. cit. S. 34; *Szelągowski A.* Op. cit. T. III. S. 362.

³⁰⁹ *Фалькович С.М.* Идеино-политическая борьба... С. 299–301; РНБ. Отдел рукописей. Материалы... Т. 9. С. 161, 218; АВП РИ. Ф. Канцелярии. 1862 г. Д. 111. Л. 58, 287, 397; ГА РФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 422. Л. 248; *Устимович М.* Указ. соч. С. 87; *Szelągowski A.* Op. cit. T. III. S. 361; *Mierosławski L.* Pamiętnik... S. 66–67, 71–72; *Daniłowski W.* Op. cit. S. 152–153, 163–170, 172–176; *Janczewski Z., Majewski K., Awejde O., Daniłowski W.* Op. cit. S. XXVI, 144; *Kieniewicz S.* Warszawa... S. 144–145; *Giller A.* Op. cit. T. I. S. 41.

³¹⁰ *Limanowski B.* Historia powstania... S. 152–153; *Idem.* Powstanie... S. 65; Wydawnictwo materiałów... Т. IV. Z. 1. S. 179; [*Przyborowski W.*] Historia sześciu miesięcy. S. 318; *Kowalski J.* Rewolucyjna demokracja rosyjska a powstanie styczniowe. Warszawa, 1955. S. 281.

³¹¹ *Bakounine M.* Le Comité Centrale de Varsovie et le Comité Militaire Russe. Réponse au Général Mieroslawski. London, 1862. P. 5–8; *Mierosławski L.* Pamiętnik... S. 70–71; *Wereszycki H.* Stosunki... // «Przegląd Historyczny». 1957. № 2. S. 251; *Герцен А.И.* Полное собрание сочинений и писем. Т. 15. С. 601; *Нечкина М.В.* Н. П. Огарев в годы революционной ситуации // «Известия АН СССР. Серия истории и философии». 1947. № 2. С. 116; «Летописи марксизма». Кн. IV. С. 78–79; ГА РФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 422. Л. 64; АВП РИ. Ф. Канцелярии. 1863 г. К д. 120. Л. 6–7.

³¹² *Фалькович С.М.* Идеино-политическая борьба... С. 293–294; *Стеклов Ю.* Указ. соч. Т. 2. С. 188; «Летописи марксизма». Кн. IV. С. 80; Кн. V. С. 60; Кн. VII–VIII. М.;

Л., 1928. С. 122; АВП РИ. Ф. Канцелярии. 1863 г. К д. 120. Л. 6–7; «*Waczość*». 1862. Z. 5. S. 3, 8–10; *Mierosławski L.* Pamiętnik... S. 27–28, 78–79, 159, 173; *Daniłowski W.* Op. cit. S. 169; *Grabiec J.* Op. cit. S. 220; *Witkowski J.* Op. cit. S. 64–65; *Dunin-Wąsowicz K.* Op. cit. S. 94; *Ślisz A.* Op. cit. S. 52.

³¹³ «*Waczość*». 1862. Z. 5. S. 1–2, 11, 20, 43; *Mierosławski L.* Pamiętnik... S. 69–70, 78; *Bakounine M.* Le Comité... P. 5; *Фалькович С.М.* Идеино-политическая борьба... С. 295.

³¹⁴ *Стеклов Ю.* Указ. соч. Т. 2. С. 180, 188, 207; «Летописи марксизма». Кн. IV. С. 84; Кн. V. С. 64, 67–69, 73–74; АВП РИ. Ф. Канцелярии. 1863 г. К д. 120. Л. 6; *Герцен А.И.* Полное собрание сочинений и писем. Т. 15. С. 602–603; *Белявская И.М.* Указ. соч. С. 765; *Ślisz A.* Op. cit. S. 33–34.

³¹⁵ *Bakounine M.* Le Comité... P. 3–4, 24; *Mierosławski L.* Pamiętnik... S. 69; *Witkowski J.* Op. cit. S. 66; АВП РИ. Ф. Канцелярии. 1863 г. К д. 120. Л. 6; *Фалькович С.М.* Идеино-политическая борьба... С. 297–298.

³¹⁶ *Bobińska C.* Op. cit. S. 60; *Kowalski J.* Op. cit. S. 281; *Limanowski B.* Historia powstania... S. 152–153; *Маркс К. и Энгельс Ф.* Сочинения. Т. 30. М., 1963. С. 268; *Стеклов Ю.* Указ. соч. С. 186–189; *Фалькович С.М.* Идеино-политическая борьба... С. 298, 301.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Аали-паша, премьер-министр Турции 255
Абихт Генрик 153, 155, 163, 170, 206
Авейде Оскар 13
Акелевич Миколай 222, 223, 237, 238
Александр I, российский император 148, 189
Александр II, российский император 77, 147, 171, 178, 193, 199, 225, 251
Александр Карагеоргиевич 138
Александр, цесаревич см. Александр II
Али-паша, правитель Египта 38
Алопеус Давид Максимович 6
Альциато Ян 93, 108, 109, 118, 123
Амборский Ян Дарослав 223, 237, 238, 243, 270
Амброзевич Виктор (?) 99
Антонини Джакомо 26, 41
Арним Адольф Генрих фон 136
Архимед 182
Аснык Адам 223
Аттила 121
- Бабёф Франсуа Ноэль (Тракх) 24, 79
Бабиньский Антоний 120
Бажиковский Станислав 47
Бакунин Михаил Александрович 13, 100, 123–125, 163, 171, 177, 178, 217, 220, 238, 246, 247, 257, 258, 262, 266, 269, 270–274
Балашевич-Потоцкий Юлиан (Альберт) 222, 255, 274
Барашкевич Адам 153, 155
Барбес Арман 149
- Барро Одиллон 37
Бартельс Адольф 53
Батовский Генрик 11
Бауерфайнд Феликс 264
Бах Адольф 18
Бачко Бронислав 11
Белецкий Алексей Викторович 11
Белинский Виссарион Григорьевич 132
Белявская Ирина Михайловна 11
Белявский Фердинанд 44
Бем Юзеф Захариаш 7, 9, 21, 37, 47, 49, 50, 133, 134
Бенёвский Бартломей 99, 153
Берг Николай Васильевич 11
Береншпруг Эдмунд фон 159–162, 206
Бернацкий Алоизий 91
Бестужевы 222
Бехоньский Войцех 223, 242, 265
Бжозовский Кароль 148
Бжозовский Марьян 137
Билс Эдмонд 79
Блажовский Якуб 151
Бланки Луи Огюст 129
Бобиньская Целина 11
Бобиньский Францишек 42, 43, 109
Бобровский Стефан 211, 214, 215, 223, 237, 238, 243, 245
Богданович Ян Игнаций 209
Богуславский Вацлав 242
Божевский Каликст 53
Бомонт Томас 18, 79
Бонапарт Луи Наполеон см. Наполеон III, французский император

- Бонапарт Наполеон Жозеф Шарль (Жером), французский принц 141, 145, 185, 227, 229, 233, 239, 260
- Бонгард Эдвард 265
- Боньковский Гиероним Наполеон 125
- Борейша Ежи 11
- Борисёнок Юрий Аркадьевич 12
- Борковский (Берковский) Кароль 11, 13, 42–44, 151, 261
- Бортников Арсений Иванович 11
- Боярский, польский эмигрант, эмиссар в Молдавии 244
- Бразевич Кароль Леонард 231
- Браницкий Александер 227, 229
- Браницкий Ксаверий 151, 215
- Братковский Станислав 125, 126
- Браунер Францишек Августин 7
- Бреанский Валерий 57, 92
- Бреаньский Фаустын 41
- Бреаньский Феликс 13, 47, 85, 203, 204, 255–257
- Брокгауз Фридрих 9
- Брок Питер 11
- Брольи Виктор А. де 17
- Брониковский Ксаверий 83
- Бронтерр см. О'Брайен Джеймс 79
- Брянцев Павел Дмитриевич 11
- Будзыньский Винцентый 60
- Будзыньский Михал 60, 140
- Булавин Кондратий Афанасьевич 139
- Булгарин Ежи 42, 43
- Булевский Доминик 45
- Булевский Людвик 144, 151, 165, 166, 171, 215–217
- Буонарроти Филиппо Микеле 21, 24, 42, 81
- Бурбоны, французская династия 129
- Буховецкий Станислав 230
- Буховский Аполинарий 153, 155
- Быстшоновский Людвик Тадеуш Шафранец 47, 48, 84, 85, 93, 134, 136, 137
- Буше Филипп Жозеф Бенжамен 79, 80, 112, 117
- Бялковский Альфонс Клеменс 97
- Бялковский Леопольд 40, 44
- Бялобжеский Юлиуш 242
- Вавен Алексис 108
- Вавиловская Н.Н. 12
- Вага Владислав 242
- Валевский Антоний 85
- Валигурский Александер 209, 231, 240
- Варылкевич Зыгмунт 234, 237
- Василевский Густав 242, 243, 268
- Вашингтон Джордж 180
- Ведельштедт, познанский политик, участник съезда в Быдгощи 157
- Вежбицкий Винцентый 71
- Велёпольский Александер Игнаций 114, 140, 200, 251
- Велёпольский Эдвард 232
- Вельман Игнаций 81
- Венжик Францишек 61
- Верешиньский Александер 137, 139
- Верещицкий Генрик 11
- Вернезобрый (Вернезобре Эдвард?), польский эмигрант в Швейцарии 50
- Верфель Роман 11
- Веселовский Францишек 109
- Вещицкий Рудольф 21
- Виктор Эммануил II, король Пьемонта и Сардинии, с 14 марта 1861 г. король Италии 191
- Вильская Стефания 11
- Вильчевский Матеуш 55
- Винсент Генри 79
- Виргилий 178
- Вирт Г.А., немецкий журналист 36
- Вислоцкий Владислав Тадеуш 11
- Виста-Алегре (Муньос) Мария Ампаро 19
- Висьнёвский Гуго 40
- Висьнёвский Теофиль 40, 108–110, 123
- Витковский Якуб 242
- Вишер, швейцарский полковник 50
- Водзиньский Кароль Эдвард 20

- Водзицкий Генрик 26
Водзицкий Людвик 205
Войтковский Анджей 11
Воллович Михал 21, 34, 40
Воловский Людвик 18, 253
Воловский Францишек 19, 28, 30
Вольман Антоний 242, 244
Вольский Влодзимеж 244
Вольский Я. 244
Вольфрум Герман 21, 37, 44, 45
Вонтрубка Рецес 78, 80, 81
Воронич Константый 33
Воронич Януш 48, 84–86, 137, 250, 256
Ворцелль Станислав Габриэль 21, 28, 30, 32–35, 37, 38, 44–46, 50, 53–56, 71–73, 77–81, 83, 88, 89, 91, 96–102, 105, 108, 112, 115–117, 119, 123, 124, 129, 135, 141–145, 163, 170, 177
Вротновский Антоний 11
Вызиньский Генрик 204
Выслоух Феликс 230, 242
Выслоух Юлиуш 26
Высоцкий Юзеф 93, 108, 109, 120, 127, 133, 134, 145, 148, 150, 151, 180, 186, 187, 202, 205, 211, 214, 228–230, 233, 234, 239–241, 243, 246, 249, 250, 262, 263
Габсбурги, австрийская династия 7, 89, 101, 114, 127, 132, 139, 157, 179, 186, 191–193, 220, 231, 244
Гавроньский Анджей 52, 59
Гадон Любомир 10
Галензовский Северин 151, 253
Галич Эмануэль 11
Галланци А., итальянсий демократ 149
Гарашанин Илья 138
Гарднер, английский радикал 79
Гарибальди Джузеппе 133, 180, 183, 186, 189, 199, 214, 226, 230, 231, 233, 240, 242, 246, 260
Гауке Юзеф 132
Гегель Георг Вильгельм Фридрих 111
Гейне Генрих 8
Гейштор Якуб 13
Геколд Стефан 40
Гелгуд Антоний 8
Гельтман Виктор 10, 13, 24, 57, 63, 66–69, 72, 86, 87, 92–94, 108, 109, 112, 119, 120, 126–129, 134, 135, 150, 165–168, 177, 207, 214
Гельтман Михал 80
Герцен Александр Иванович 9, 13, 117, 164, 169–172, 178, 179, 188, 198, 199, 204, 215, 218–220, 222, 238, 246, 250, 257–259
Гескет Сергей Давыдович 11
Гжимала Францишек 36
Гизо Франсуа Пьер Гийом 137
Гиллер Агатон 11, 13, 164, 268–271
Гинар Огюст Жозеф 112
Глушневич Антоний 20, 22, 28, 33, 38, 60, 89
Глюк Самуэль Теофиль 256
Гляйних Юзеф 43, 64, 83, 88, 97, 99
Гогина Клавдия Петровна 12
Годлевский Францишек 217, 243, 268
Гожковский Людвик 109
Головин Иван Гаврилович 132, 258
Гонта Иван 32, 144
Гордашевский Феликс Францишек 26, 41, 52, 56, 83
Гордон Казимеж 139
Гордынський (Городеньський) Люциан 253
Городыньский Онуфрий 40
Горчаков Михаил Дмитриевич 198, 226
Госляр Юлиан 163
Гоффман Кароль Боромеуш 48, 83
Гощиньский Северин 40, 43, 60, 61
Грабский, участник Савойской экспедиции, командир отряда в Швейцарии 52
Градович Ян Людвик 256
Грибоедов Александр Сергеевич 132
Григорий XVI, Римский папа 67, 130

- Гронёвский Кшиштоф 11
 Гронковский Александр 72, 73
 Гротовский (Гротковский) Ян Кантый 43
 Гружевский Юлиан 45, 53
 Грылинский Фаустын 242
 Губе Михал 18, 30
 Гурецкий Антоний 185
 Гуровский Адам 20, 22, 23, 25, 26, 31, 35
 Гуровский Болеслав 37
 Гурский Людвик 128, 227
 Густович Константый (?), член Ложи Неделимой Троицы 21
 Гуттри Александр 11, 13, 157, 159, 162, 229, 249, 266
- Даниловский Владислав 13, 264, 266–268, 271
 Данич Ю., член лондонской секции Централизации ПДО 206
 Дараш Войцех 9, 36, 57, 93, 104, 118–120, 124, 129, 135, 141, 144, 177
 Дверницкий Юзеф 8, 27–34, 45–47, 50, 62–64, 82, 83, 89, 91, 94, 96, 118, 119, 124
 Дембинский Генрик 33, 34, 47, 93, 133, 134, 255
 Дембинский Михал 118
 Дембицкий С., польский эмигрант в Стамбуле 254, 255
 Дембовский Эдвард 110, 111
 Дембский Францишек Ксаверий 97
 Джевновский Марцин 244
 Джоберти Винченцо 90
 Дзвонковский Владислав 109, 232
 Дзевицкий Каспер 21, 40, 44
 Дзевицкий Северин 21, 71, 73, 77, 80, 81, 96
 Дзедушицкий Казимеж 40, 43
 Дзялынський Тытус Адам 147
 Диоген 22
 Длучевский Ян 247
 Дмоховский Генрик 42–44
 Добжаньский Ян 229
- Добжиньский, член эмигрантского комитета в Яссах 256
 Долгорукий (Долгоруков) Петр Владимирович 258
 Долгоруков Василий Андреевич 226
 Домагальский Михал Гиероним 121
 Домашевский Эдвард 120
 Домбковский Юзеф 40
 Домбровский Конрад 153
 Домбровский Теофиль (?), эмиссар ЦНК, поддерживал связь с Мадзини 217
 Домейко Игнаций 34
 Драницын Сергей Никанорович 11
 Дунин Анастазий 46, 82
 Дуньский Эдвард (Карский Марцелий) 40
 Духиньский Францишек 125, 204
 Дуцкий Альберт (?), эмиссар Содружества Люда Польского в Подолии в 1833 г. 43
 Душиньский Пётр 232
 Дыбовский Александр Наполеон 52, 64, 83
 Дыбовский Юзеф 56, 80, 83, 88, 90, 97, 98, 115, 116
 Дьяков Владимир Анатольевич 12
 Дюльфус Адольф 231
- Еловицкий Александр 28, 30, 93, 117
 Ельский Людвик 47
 Еска Владислав 265, 268
- Жаба Наполеон Францишек 146, 202, 210
 Жаба Юзеф 82
 Жабицкий Антоний 134, 144, 151, 211, 215, 216, 219, 222, 274
 Жабицкий Тадеуш 59, 60
 Жабоклицкий Винцентый 44
 Жандебьен Александр Жозеф Селестен 54
 Жевуская Розалия 118

- Жевуский Леон 118
Желешкевич Эустахий 244
Желиговский Эдвард 222
Жихлинский Л., эмиссар Содружества
Люда Польского в Познани 61
Жиховский Марьян 11
Жмиховский Эразм 80
Жобер А., редактор бельгийского демо-
кратического издания 54
Жулинский, польский эмигрант в Мол-
давии 244
- Завадзкий Францишек Ксаверий 12,
117, 151–154
Завиша Артур 21, 31, 35, 40
Зайцев Владимир Михайлович 12
Закшевский Юлиан 45, 55
Залеские братья 60, 92
Залеский Адольф 80, 101, 102
Залеский Богдан Юзеф 33, 56, 57, 62
Залеский Константый 42, 52, 56, 60, 61,
98
Залеский Леон 37, 39, 42, 43
Залеский Юзеф 42
Заливский Юзеф 37, 38, 40–47, 49, 53,
54, 59, 102
Замбжицкий Людвик Тадеуш 33
Замойские 161
Замойский Анджей Артур 196, 199, 249,
252, 253
Замойский Владислав 17, 18, 27, 47, 49,
50, 62, 84, 85, 113, 114, 116, 118, 120,
124, 130, 134, 136–138, 146, 177, 191,
192, 200, 251, 252, 254, 258
Замойский Марцин 40, 42
Замойский Ян 250, 251
Затварницкий Б., польский демократи-
ческий эмигрант 36
Зах Франтишек Александр 7, 138
Зачиньский Люциан 63
Зверковский Валентый 20, 26, 28, 30,
38, 53, 56, 57, 59, 60, 62, 63, 88, 89, 91,
94–98, 101, 103, 105, 115, 116, 177
Зверковский Людвик (Ленуар) 137–139
Здрада Ежи 11
Зейфрид Альфонс 223
Зелёнович Винцентый 55
Зелинский Людвик 37
Зелинский Максимилиан 153
Зенкович Леон 43, 52, 93, 108, 119, 127,
144, 151, 205, 208, 217
Зициньский Адам 137
Иваньский Август 229
Йордан Владислав 196, 250, 251, 254–259
Йордан Зыгмунт 192, 204, 257
Кабе Этьенн 53
Кавелин Константин Дмитриевич 258
Кавеньяк Годфруа 26, 37, 44
Кавур Камилло Бенцо ди 191
Кайсевич Гиероним 45, 117
Калембка Славомир 11
Калинка Валериан 113, 114, 147, 188–
192, 204, 252, 253
Калуссовский Генрик 64, 83
Каменьский Генрик 12, 13, 93, 109, 110,
126, 170, 171, 199, 234
Каменьский Миколай 133
Каминьский Юзеф 8
Кампелик Франтишек Цирил 7
Кантакузин Д., владелец имения в Мол-
давии 110
Каплиньский Леон 188
Карвовский Францишек 33
Карл Альберт, король Пьемонта и Сар-
динии 132, 133
Короли Луиджи 180
Карский Станислав 211
Кацнельсон Дора Борисовна 11
Качковский Кароль 42, 43
Качковский Станислав 264
Кашиньский Кароль (Шмит) 110
Каштанова Ольга Сергеевна 12, 14
Квятковский Здислав 242

- Кельсиев Василий Иванович 13, 155, 257, 269
 Кеневич Стефан 11
 Киркор Францишек 82
 Кичиньский Атаназий 232
 Клапка Дьёрдь 180, 186, 226, 230, 231, 246, 260
 Клячко Юлиан 12, 113, 114, 185, 186, 188–190, 252, 258
 Кнаповская Вислава 11
 Князевич Кароль 16, 21, 29, 47, 49
 Кобден Ричард 78
 Кобердова Ирена 11
 Ковальский Ежи 11
 Коженёвский Аполло 228
 Козёлл Миколай 99, 153, 155
 Козьмин Борис Павлович 11
 Козьмян Анджей 13, 191, 199, 251, 253, 258
 Козьмян Станислав 82, 205
 Коляшко Болеслав 223, 241, 242
 Кольсон Феликс 13, 85, 86
 Комарницкий Александер 44
 Конарский Шимон 39, 43, 53, 56, 58–61, 92, 93, 98, 99, 102, 123
 Константин Николаевич, великий князь 251
 Константин Павлович, великий князь 94
 Копчиньский Пётр 60
 Корабевич Эдмунд 26, 103, 205, 208, 211
 Кордецкий Людвик 153
 Корсак Юлиуш 138, 139
 Косковские 265
 Косковский Владислав 263, 264
 Коссиловский Ильдефонс 257, 271
 Коссовский Владислав 231, 240
 Костюшко Тадеуш 9, 51, 77, 84
 Кошут Лайош 149, 186, 246
 Кошутский Ян 53
 Краевский Генрик 120
 Крайтсир Кароль 20, 23
 Краковский Антоний 38
 Крамер Юзеф 230, 244
 Красиньский Винцентый 18, 146
 Красиньский Зыгмунт 13, 113, 140, 177
 Красиньский Людвик 253
 Красицкий Ксаверий 49
 Краузе Феликс 46
 Кремповецкий Тадеуш 20–24, 26, 30–36, 41, 42, 44, 45, 50, 51, 53, 54, 56, 70, 71, 73, 76–81, 96–100, 117
 Кромвель Оливер 84
 Кросс Кароль 50
 Круликовский Кароль 59
 Круликовский Людвик 21, 53
 Круль Марцин 11
 Крушевский Игнаций 18, 54
 Крыловский Александер 232, 244
 Крыньский Ян 100, 153, 155, 206
 Кужина Ян 163, 187, 223, 226–229, 232–234, 259, 263–265
 Куза Александру Ион 181, 256
 Кукель Марьян Влодзимеж 11
 Кулиговский Павел (?), ксёндз, член карбонарского союза в Галиции в 1832–1833 гг. 42
 Кульчиньский Игнаций 42, 43
 Курневич Игнаций 232
 Куровский Аполинарий 157
 Куровский Юзеф Шимон 53
 Курчевский Зыгмунт 231, 234
 Кшижановский Александер 135, 244
 Кэмпбелл Томас 18
 Лабудзиньский Францишек 232
 Лагеронньер Луи 253
 Лакомб, французский карбонарий, масон 44
 Ламарк Жан Максимильен де 37
 Ламартин Альфонс Мари Луи де Пра 119, 129, 157
 Лапиньский Теофиль 197, 254
 Лапоннере Альбер (?), французский бабувист 30
 Ластейри Шарль Филибер (?), граф, член Франко-польского комитета 31

- Лафайет Мари Жозеф Поль Ив Жильбер
Мотье де 5, 6, 19, 21, 22, 31, 33–35
- Левак Адам 11
- Левандовский Валентый 209
- Лёвенгардт Станислав 187
- Леви Арман 229
- Ледрю-Роллен Александр Огюст 217
- Ледуховский (Ледоховский) Ян 28, 30,
61–63, 151, 202, 205, 208, 211
- Лейка, польский эмигрант в Молдавии
244
- Лейхтенберг Максимилиан, герцог, зять
Николая I 101
- Лелевель Иоахим 9, 12, 13, 19–23, 26,
28–42, 45–47, 51, 54, 56–61, 64, 84,
88–92, 94–101, 104, 105, 115, 116, 123,
124, 167–170, 177, 207
- Лелевель Ян 41
- Лемпицкий Михал 177
- Ленуар см. Зверковский Людвик
- Леопольд I, король Бельгии 53
- Лермонтов Михаил Юрьевич 132
- Лесьневский Адам 11
- Либельт Кароль 13, 92, 109, 121, 122,
124, 125, 157
- Лимановский Болеслав 11
- Липиньский С., руководитель Союза
плебеев в Познани 93
- Лисицкий Генрик 11
- Лога-Совиньский Ян 110
- Лоневский Леонард 43
- Лубеньский Людвик (?), участник экспе-
диции Заливского 40, 130
- Лугинин Владимир Федорович 270
- Луи-Филипп, король Франции 44
- Лукасик Станислав 11
- Лукашевич Витольд 11
- Лукашевич Леслав 60, 92
- Лукашевский Юлиан 244
- Лучакувна Хелена 11
- Любомирский Марцелий 239–241
- Лютыньский Людвик 242
- Лянгевич Марьян 231, 240
- Мадзини Джузеппе 13, 15, 51, 52, 55–58,
63, 64, 79, 80, 89, 90, 97–101, 105, 107,
109, 112, 132, 133, 144, 160, 164, 189,
217, 246
- Маевский Кароль 13, 187, 211, 223, 226–
228, 263
- Маевский Якуб (Альгемон Ревит) 162
- Мазуркевич Винцентый Ян 12, 92, 108,
118–121, 129, 150, 151, 177, 260
- Мазуркевич Леон 209, 211
- Макарова Галина Васильевна 12
- Малаховский Густав 47
- Малаховский Л., агент Чарторьского 48
- Малаховский Станислав 27, 113, 130
- Малиновский Станислав 90, 104
- Малиновский Томаш 63, 93, 108, 211
- Малиновский Францишек 134
- Малиш К., участник Савойской экспеди-
ции 52
- Мальтиц Франц Петрович 7
- Мальчевский Адольф (?), польский эми-
грант, участник восстания лионских
рабочих 52
- Малютин Георгий Александрович 12
- Манин Даниэле 149
- Марахов Григорий Иванович 11
- Мария Ампаро см. Виста-Алегре (Мунь-
ос) Мария Ампаро
- Мария, наследница португальского пре-
стола 50
- Мария-Христина, королева Испании 19
- Маркс Карл 144, 153, 185, 274
- Мархвиньский Игнаций 264
- Мархвиньский Феликс 264
- Марцинкевич, польский эмигрант в Па-
риже 162
- Марцинковский Кароль 85, 114
- Марчевский Витольд 227, 228, 264
- Матушевич Винцентый 21, 52
- Маха Карел Гинек 7
- Мацевич Станислав 42, 43
- Мейзнер Ян (?), польский эмигрант,
демократ 23

- Мелевский, польский эмигрант, сражался в Дюссельдорфе 134
- Мелжиньский Мацей 114
- Мелжиньский Северин 93
- Мензингер Карел 132
- Мероде Филипп Феликс Бальтазар Отон Жислен де 19, 53
- Мерославский Людвик 12, 13, 59, 93, 103, 104, 108–110, 120–122, 124, 129, 133, 134, 142, 145, 150, 151, 161, 163, 182–188, 190, 199, 203, 205, 208, 222–239, 241, 254, 259–274, 279
- Меттерних Клеменс Венцель Лотар фон 16, 113, 114, 135, 143
- Мигурский Винцентый 43, 44
- Микулич Александер Антоний 242
- Микуловский, капитан, агент Лелевеля в Дрездене, помогал экспедиции Заливского 40
- Милковский Зыгмунт 13, 141, 151, 164, 173, 175, 179, 180, 182, 244, 245, 257, 263
- Милковский Людвик 80
- Миллер Илья Соломонович 12
- Милович Влодзимеж Бенедыкт 223, 234, 243, 246
- Милорадов Алимпий (Зверев Афанасий), иннок-старообрядец 124
- Миневский Юзеф 266
- Минейко Зыгмунт 232, 244
- Миско Михаил Васильевич 11
- Митина Нинель Петровна 12
- Михаловский Юзеф 41
- Михаловский Юлиан 209
- Мицкевич Адам 21, 28, 33, 34, 36, 38, 46, 117, 119, 120, 126, 130–133, 135, 138, 148, 177
- Мицкевич Владислав Юзеф 12, 13, 163, 164, 179, 180, 191, 234, 241, 246, 250
- Млодецкий Ян Непомуцен 116, 117
- Млынарский Зыгмунт 11
- Мольсдорф Александер 63
- Моравский Каликст 11
- Моравский Тадеуш 30, 34
- Моравский Теодор 19
- Моравский Францишек 13, 113, 115
- Мордини Антонио 180
- Морозова Ольга Павловна 12
- Моссаковский (Массаковский) Анастазий Владислав 242, 244
- Мохнацкий Мавриций 12, 19, 20, 27, 29, 30, 48, 49, 62, 84
- Мрозовский Юлиуш 53
- Мрочковский Валерий (Острога) 242
- Муравьев-Апостол Сергей Иванович 248
- Мюллер Эмануэль 7
- Нажимский Юзеф 243, 263
- Наливайко Северин 32
- Наполеон I, французский император 5, 28, 185
- Наполеон III, французский император 5, 132, 141, 145, 148, 150, 160, 165, 179, 180, 185, 190, 191, 217
- Наполеон, принц см. Бонапарт Наполеон Жозеф Шарль (Жером)
- Нарбут Францишек 232, 244
- Нарский Игорь Сергеевич 11
- Невенгловский Пётр Генрик 31, 177, 218
- Неголевский Владислав 162
- Нейман, участник подготовки экспедиции Заливского в Бадене и Баварии 37
- Немоёвский Бонаventura 19, 20, 29
- Немоёвский Ян Непомуцен 13
- Немцевич Юлиан Урсын 13, 16–18, 27, 33, 47, 55
- Нессельроде Карл Васильевич 5–7
- Неупокоев Валентин Иванович 11
- Нечкина Милица Васильевна 11
- Нешокоч Винцентый 59, 93
- Нешокоч Телесфор 242
- Нико Аполинарий 45
- Николай I, российский император 17, 27, 54, 71, 74, 83, 87, 94, 100, 108, 114, 115, 134, 147, 148, 178
- Никольский К. 242

- Никорович Виктор 223, 229
Никотера Джованни 231
Новак Адам 11
Новацкий Леон 232
Новицкий, ксёндз, член редакции бельгийской газеты «La Voix du Peuple» 54
Новицкий Наполеон 43
Новицкий Юзеф 50
Новосельский Феликс 26, 37, 51
Новосельский Юзеф 41, 56, 88, 97
Носалевич Ян 232
- Оборский Людвик 26, 39, 41, 88, 97, 99, 100, 153, 155, 157, 160, 161, 206, 221, 222
Оборский Максимилиан 134
Оборский, сын Людвика 157
О'Брайен Джеймс Бронтерр 79, 80
Обушенкова Лариса Акимовна 12
Огарев Николай Платонович 172, 176, 238, 257, 258, 269
Одынецкий Антоний 96, 97, 101
Одынец (Ордынец) Ян Казимеж 53
Ожеховский, польский офицер русской армии, агитировал в Киевской губернии 246
Ожеховский, член Общества польской молодежи 234
Окипинти Игнацио 231–234
О'Коннел Даниэль 28, 78
О'Коннор Фергюс Эдвард 79
Оксиньский Юзеф 223, 242
Олендзкий Ксаверий 92
Олендзкий, эмиссар ЦНК, вел переговоры с Мадзини 217
Олизар Нарциз 84, 87
Ольшанский Прохор Николаевич 12
Ольшевский Гилярий 230, 244
Орденга Юзеф 112, 124, 145, 151, 246
Орехов Александр Михайлович 12
Орловский Францишек 265
Орпишевский Людвик 83, 130
Остен-Сакен Карл Федорович 6
- Остоя-Загурский, ученик военной школы в Италии, вел в Яссах военную подготовку 244
Островский Антоний Ян 28–32, 90, 91
Островский Владислав 29
Островский Кристын 125
Островский Станислав (?), польский эмигрант в Париже в 1832 г. 32
Островский Юзефат Болеслав 37, 38, 53, 62, 83, 88, 96, 97, 101
Остророг Михал 43
Оуэн Роберт 77
- Павлищев Николай Иванович 11
Падлевский Зыгмунт 223, 234, 237, 238, 240–243, 246, 268, 269, 271, 274
Пальмерстон Генри Джон Темпл 17, 50, 185, 233, 254, 260
Паскевич Иван Федорович 115
Пац Людвик Михал 30, 33, 47
Пашаева Нина Михайловна 11
Пашкович Казимеж 41
Педру д'Алькантарра, португальский король в 1826–1828 гг. 50
Пенёнжек Е., эмиссар ПНК в Галиции 101
Пенёнжек Чеслав 102
Пестель Павел Иванович 152, 172, 173, 220, 222, 248
Петкевич Валериан 20, 26, 37, 40, 44, 56, 59, 60, 63
Пётровский Руфин 209
Пётровский, член эмигрантского комитета в Яссах 256
Пётровский Юзеф 242
Пий IX, Римский папа 130
Пилиховский Северин 60
Пищатовский Адам 23, 40
Плихта Анджей 30, 46
Плужаньский Игнаций Ромуальд 23, 31, 63
Плятер Владислав 85
Плятер Людвик 16, 18, 21, 32, 47, 49

- Плятер Станислав 205
Плятер Цезарий 34, 130
Подвысоцкий А. 11, 13
Подолецкий Ян Кантый 12, 118, 122,
127, 128, 141, 172
Подчаский Владислав 45
Полевой Николай Алексеевич 132
Помаский Марцелий 45
Пониньский Станислав 41, 50
Попель Павел 118
Попков Борис Семенович 11
Поплавский, ксёндз, член тайного союза
в Галиции 40
Потоцкая Дельфина 113
Потоцкая-Дзялыньская Клаудина 9
Потоцкий Август 227
Потоцкий Станислав 124
Поццо ди Борго Карл Осипович 5
Праневич, ксёндз, член группы «дина-
стиков» 84
Прушинский А., редактор журнала
«Zjednoczenie» 96
Прушинский Феликс 18
Пугачев Емельян Иванович 39, 100, 170
Пугич, югославский демократ, со-
трудник редакции «La Tribune des
Peuples» 132
Пулаский Александер Казимеж 23, 26,
31, 38, 44–46, 53–55, 71
Пулаский Шимон 21
Пульский Ференц Аурел 186, 217
Пушкин Александр Сергеевич 22, 132
Пшевлоцкий Юзеф 246, 263
Пшецишевский Антоний 20, 33
Пшецишевский Леон 52
Пшиборовский Валерий 11
Пясецкий Феликс Валезий 268
- Равита-Гавроньский Францишек 13
Разин Степан Тимофеевич 39, 100
Рамлов Саладин 256
Раморино Джироламо 8, 52
Распайль Франсуа Венсан 26
- Ратацци Урбано 241, 256
Ратч Василий Федорович 11
Рачиньский Мацей 242
Рачиньский Эдвард 52
Ревуненков Владимир Георгиевич 11
Рей Доминик 42
Рейзенхайм Юзеф 135
Реттель Леонард 23, 45, 53
Реутт Густав 13, 230, 232, 244
Рехович Антоний 99
Решид-паша 137
Робер Циприан 63, 92, 125, 126
Рогалиньский Александер 231, 234
Рогиньский Роман 13, 223, 242
Рогиньский Фердынанд 96
Роевский Роман 244
Роек, каменщик в Галиции 40
Розе, польский эмигрант, член рады
Брюссельского огула 53
Ролинский Адольф 44
Росетти Константин 110
Росляковский Антоний 45
Росс Генри 108
Росцишевский Зыгмунт 264, 268
Ру Шарль 80
Рудзкая (Нагурская-Рудзкая) Валенты-
на 11
Рудницкая Елена Львовна 11
Ружицкий Кароль 8, 56, 57, 60, 62, 94, 96,
120, 151
Рупневский Рох 21, 23, 88
Рупрехт Кароль 204, 212
Рыбиньский (Рыбинский) Мацей 8, 125,
165, 202, 233, 255
Рылеев Кондратий Федорович 32
Рыщевский, посланец Земледельческого
общества к Мерославскому 227
Рыщевский Э., польский эмигрант, член
первого состава ПНК 20
Рюриковичи, потомки князя Рюрика
271
Сабина Карел 7
Савашкевич Лев 132, 153

- Садовский Константы 157
Садык-паша см. Чайковский Михал
Сазонов Николай Иванович 132
Сапега Леон 49, 136
Сарнецкий Зыгмунт 53
Сахновский Александер 247
Свежбеньский Ромуальд 120
Свентославский Александер 23
Свентославский Зенон Болеслав 23, 71, 76, 88, 153–155, 163, 170
Свенцицкий Юзеф Габриэль Михал 39
Свирский Юзеф 47, 49, 85
Себастиани де ла Порта Орас Франсуа Бастьен 8, 17
Семенов Пётр 117
Семеньский Люциан 61
Семеньский Северин 242
Сен-Жюльен, французский масон 21, 52
Сенкевич Кароль 48, 83, 85
Сен-Симон Клод Анри де 30, 79
Сент-Бёв Шарль Огюстен 21
Серавский Юлиан 30, 37
Сераковский Зыгмунт 228, 229
Серейский Марьян Генрик 11
Сикорский Казимеж 242
Скавроньский (Сковроньский) Винцентый 23
Сковронек Ежи 11
Сковроньский Роберт 242
Скорытовский, эмиссар Содружества Люда Польского в Подолии 43
Скужевский Генрик 96
Скульский Александер 232
Скшинецкий Ян Зыгмунт 88, 91
Сливиньский Артур 11
Сливовская Виктория 11
Слиш Анджей 11
Словацкий Юлиуш 33, 52, 119
Словачиньский Анджей 96
Словицкий Юзеф 93
Слотвиньский Константы 44
Смирнов Анатолий Филиппович 11
Снытко Трифон Галактионович 12
Собаньский Изидор 17
Собеский Ян см. Ян III Собеский
Соколовский Август 11
Соколовский Марьян 217
Сокольский Иосиф 197
Сокульский Францишек 13, 134, 182
Солезкий (Солецкий), ученик военной школы в Италии, погиб в восстании 1863 г. 242
Солтык Роман 19, 20, 28, 29, 55
Сперчиньский Адам 40, 82
Ставярский Каэтан 242
Стаженьский В., предводитель дворянства Виленской и Гродненской губерний 253
Стажиньский Антоний Альфонс 125
Стажиньский, шляхтич в Подолии 43
Станевич Сильвестр 151
Станевич Эзекиель 30
Станевич Эмерик 42
Стеклов Юрий Михайлович 11
Стелла-Савицкий Ян 13
Стемпковский Виктор 232
Стемповский Леон (?), один из создателей Конфедерации польского народа 63
Стефаньский Валенты 93
Стефаньский, член польского Легиона в Швейцарии 41
Стоковский Францишек 232
Стровский Фортунат 134
Стрыйковский Ян (?), член рады Брюссельского огула 53
Суворов Александр Васильевич 77
Сузин Павел 231, 241, 242
Тальвирская Зента Яновна 12
Тарновский Станислав 11, 205
Тарновский Ян 205
Татищев Дмитрий Павлович 7
Ташеньский Людвик 45
Творницкий Анджей 43
Телеки Ласло 180

- Темкинова Ханна 11
Тобян, полковник, сражался в Бадене 134
Товяньский Анджей 13, 105, 117, 126, 199
Толькемит Ян Люциан 206
Томичек Ян Славомир 7
Томкевич Казимеж 93
Томмазео Никколо 132
Тренин В. 11
Трентовский Бронислав Фердинанд 13, 113, 115, 119, 140
Триплин Теодор Тевтольт 232
Трощинский Артур 187
Турцевич, ученик польской военной школы в Италии 234
Тхужевский Станислав 170
Тшетшевиньский Август 253
Тщиньский Францишек 61
Тымовский Канторберий 19
Тырович Марьян 11
Тыссовский Ян 109, 111
Тышка Виктор 98, 101, 116
Тышкевич Винцентый 40, 53, 60, 88, 105, 115–117
Тышкевич Ежи 40
Тышкевич Тадеуш 13
Тышкевич, член организации «красных» в Польше, сторонник Мерославского 266
Тышлер (Тешлер) Якуб 134
Тьер Луи Адольф 91
Тюрр Иштван 260
- Улятовская Текля 40
Улятовский Эугенюш 40
Уминьский Ян Непомуцен 27, 30, 37
Уркарт Дэвид 78, 137, 254
Устимович М.П. 11
- Фалькович Светлана Михайловна 12, 46
Федосова Тамара Федоровна 12
Фельштынський Якуб 131
Фергюссон Роберт Катлер 27
- Фиевский Ксаверий 153
Филянович-Брудзиньский Фаустын 92, 110, 111, 128
Фитц, немецкий демократ 36
Фиалковский Александер 231, 240
Форбс Арчибалд 230
Франковский Леон 245
Франц Иосиф, австрийский император 192
Франциск II, неаполитанский король 191
Фрич Йозеф Вацлав 180, 273
Фруменков Георгий Георгиевич 11
Фурье Шарль 100
- Хамец Антоний 244
Хандельсман Марцелий 11
Харковский К., ученик польской военной школы в Италии, погиб в восстании 1863 г. 242
Харрингтон, английский лорд, консерватор 146
Хащицкий Ян 82
Хелховский Юлиан 100
Хмелевский, каменщик в Галиции 40
Хмелевский Роберт 63, 92
Хмельеньский Зыгмунт 231, 232, 237, 238, 242, 244
Хмельеньский Игнаций 243, 244
Хмельницкий Богдан Зиновий 32, 71, 144, 270
Ходзько Леонард 20, 21, 35, 38, 62, 177, 246
Ходзько Михал 21, 42, 43, 45, 132
Хоецкий Кароль Эдмунд 132, 205, 208, 246
Хойнацкий, посланец Неголевского к Революционной громаде «Лондон» 162
Хорновский, посланец «белых» в Варшаве к Отелю Ламбер в Париже 253
Хрыстовский Адольф 63, 208, 212
Хшановский Леон Войцех Игнаций 47, 93, 130, 133, 136, 137
Хэроуби Дадли Ридер 146, 147
Цверцякевич Юзеф 163, 217, 243, 246,

- 263, 268, 271
Цивиньский Людвик 231
Ципрысиньский Винцентый 57, 63
Чайковский Михал (Садык-паша) 63, 130, 137–139, 146, 148, 203
Чапский Юзеф Наполеон 231
Чарнецкий Л., польский эмигрант в Лондоне, сотрудничал с «Колоколом» 170, 229
Чарнецкий Ян 187, 265
Чарномский, польский эмигрант в Стамбуле 255
Чарномский Роман 45
Чарторыская Анна 18
Чарторыские 13, 15, 17–19, 22, 27–30, 33, 34, 45, 46, 49, 78, 82–84, 92, 113, 115, 125, 130, 137–139, 145, 166, 179, 183, 190, 192, 196, 198, 199, 201–205, 211, 250, 252, 255, 257, 276, 279
Чарторыский Адам Ежи 15–19, 21, 27, 30, 34, 42, 47–50, 53–55, 60, 62, 78, 84–89, 92, 95, 100, 101, 106, 107, 112–116, 118, 120, 124, 125, 130, 132, 136–140, 145–149, 189–197, 201, 202, 204, 205, 258
Чарторыский Витольд 139, 255, 257
Чарторыский Владислав 12, 13, 19, 192, 194, 200–203, 205, 250, 252, 253, 256
Чарторыский Константый Марьян Адам 200
Чекерский Сильвестр 54
Челаковский Франтишек Ладислав 7
Ченцкий Сильвестр 40
Черепиньский Валентый 153
Чеховский Леон 209
Чеховский, слесарь 40
Чиньский Ян 20–23, 26, 31, 33, 36, 37, 39, 45, 50, 53, 58, 100, 172, 208, 218, 222
Шамиль 139
Шаппер Карл 153
Шафарик Павел Йозеф 7
Шаховский Станислав 242, 243, 265
Шварце Бронислав 13, 228
Шеленговский А. 11
Шелеховский Францишек 45
Шеля Якуб 110, 113, 143, 144, 189
Шемёт Францишек 34
Шилинг Ян 37, 52
Ширма Кристын Лех 55, 116
Шнайде Францишек 118–120, 134, 135
Шокальский Виктор Феликс 9
Шольцкий, член эмигрантского комитета в Яссах 256, 257
Шпек Эдвард 40
Шпотаньский Станислав 11
Шпырко-Харский Чеслав 232
Шрёдер Андрей Андреевич 8, 9
Штакельберг Юрий Иванович 11
Шток (Михневич), член эмигрантского комитета в Молдавии 244
Штольцман Кароль Богумир 26, 41, 51, 52, 56, 59, 64, 80, 83, 89, 97, 99–101, 105, 108, 109, 112, 115, 116
Штох Францишек 232
Шубартовский Ксаверий 242
Шульц Август 41
Шульчевский Кароль 193, 196, 257
Шумахер, немецкий масон 21, 45
Шумлянський Станислав 257
Шуневич Наполеон 102
Щепаньский Альфред 229
Эльжановский Северин 145, 151, 211, 214, 229, 249
Энгельс Фридрих 144, 153, 274
Энглерт Владислав 231
Эренберг Густав 44, 92, 93
Эссман Юзеф 93
Юргенс Эдвард 249, 253
Юрковский Теофиль 242
Яблоновский Владислав 223, 240, 242
Яблоньский Леон 41, 116
Ягеллоны, польская королевская

- династия 84, 172
- Якубовский Генрик 63, 108, 109
- Ян III Собеский, польский король 36
- Ян из Праги 220
- Янко Генрик 40
- Янковский Нарциз 187
- Яновский Юзеф Каэтан 13
- Яновский Ян Непомуцен 12, 21–24, 35,
53, 62, 63, 66, 72, 118, 121, 125, 126,
135, 145, 150, 151, 172, 173, 205, 208,
211, 213, 274
- Янушевич Теофиль 128
- Янушкевич Эустахий 34, 35, 45, 53, 112
- Янчевский Здислав 13, 266
- Яньский Богдан 53
- Ястшембский Людвик 53, 134

Научное издание

Светлана Михайловна Фалькович

**ПОЛЬСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭМИГРАЦИЯ
В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ ЕВРОПЫ
30–60-х ГОДОВ XIX ВЕКА**

Корректор *А. М. Никитина*
Оригинал-макет *Л. Е. Голод*
Дизайн обложки *И. А. Тимофеев*

Подписано в печать 01.09.2017. Формат 70×100¹/₁₆

Бумага офсетная. Печать офсетная

Усл.-печ. л. 26. Заказ № 1036

Тираж 500 экз.

Издательство «Нестор-История»
197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7
Тел. (812)235-15-86
e-mail: nestor_historia@list.ru
www.nestorbook.ru

Отпечатано в типографии издательства «Нестор-История»

Тел. (812)235-15-86